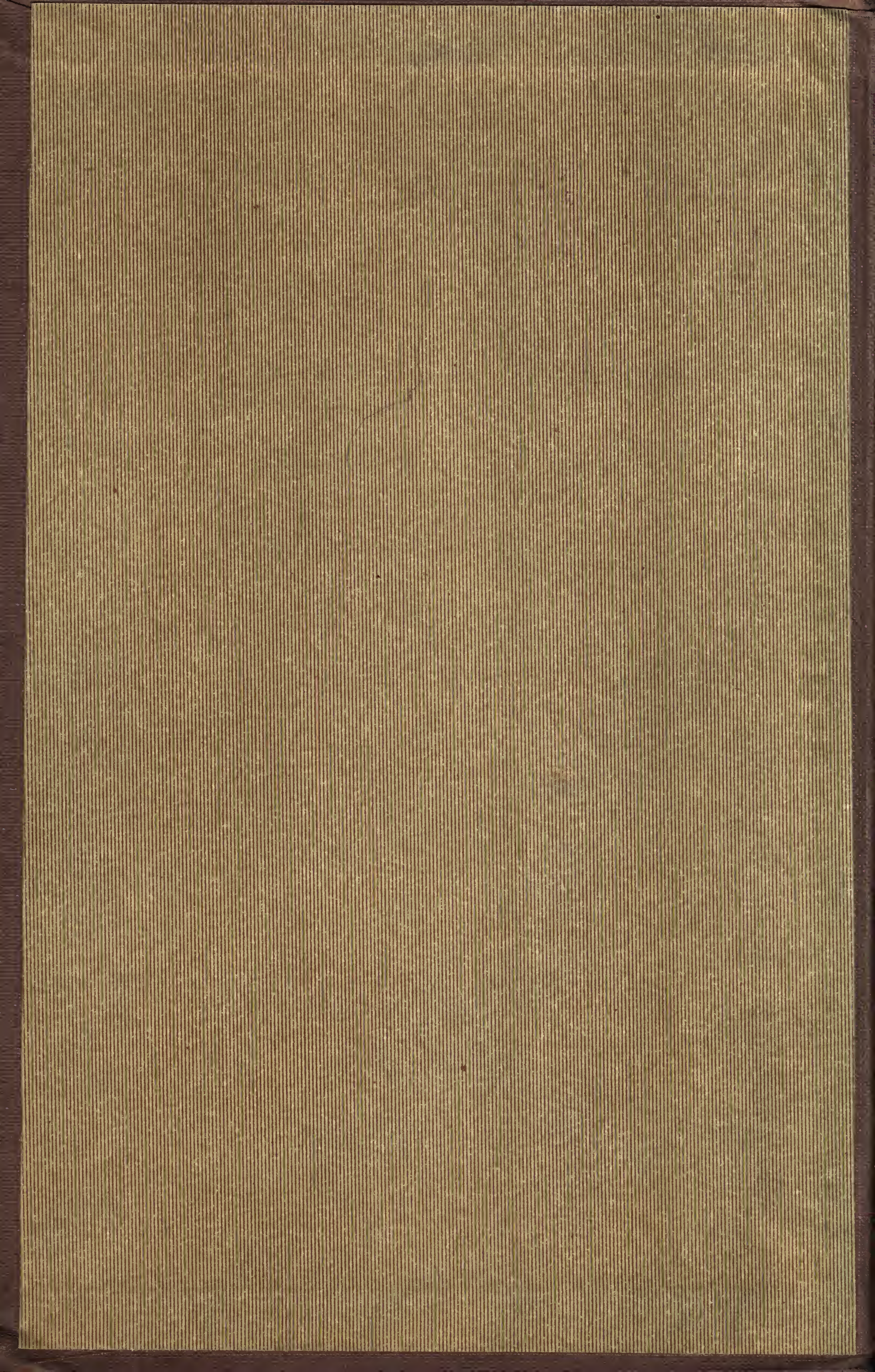
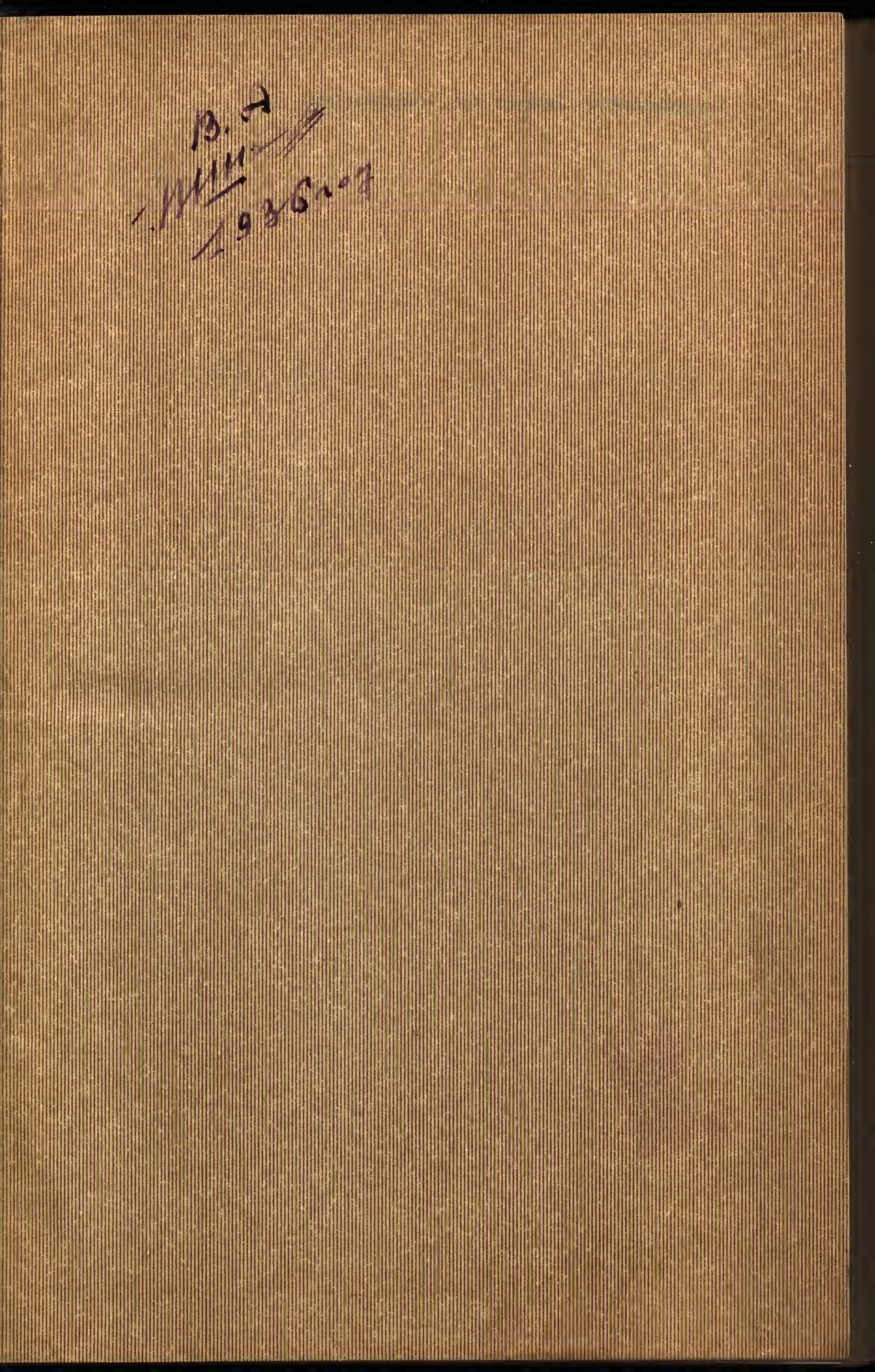
И. СТАЛИН

ВОПРОСЫ ЛЕНИНИЗМА

ИЗДАНИЕ ДЕСЯТОЕ

ПАРТИЗДАТ ЦК ВКП/б/ · 1935

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

И. СТАЛИН

ВОПРОСЫ ЛЕНИНИЗМА

ИЗДАНИЕ ДЕСЯТОЕ

ПАРТИЗДАТ ЦК ВКП(б) • 1935

Под наблюдением редактора *Д. А. Розанова*

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Настоящее, десятое, издание „Вопросов Ленинизма“ отличается от девятого издания тем, что в него не вошли некоторые статьи и речи, входящие в девятое издание, но не имеющие уже теперь актуального значения, и включены новые работы, имеющие более актуальное значение: 1) „Международный характер Октябрьской революции (к десятилетию Октября)“; 2) „Итоги первой пятилетки“ (доклад на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7 января 1933 г.); 3) „О работе в деревне“ (речь на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 11 января 1933 г.); 4) Речь на первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников (19 февраля 1933 г.); 5) Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) и 6) Беседа с английским писателем Г. Д. Уэллсом.

Эти изменения произведены по указанию автора.

Издание снабжено предметным и именным указателями.

ПАРТИЗДАТ ЦК ВКП(б)

ВОПРОСЫ ЛЕНИНИЗМА

ОБ ОСНОВАХ ЛЕНИНИЗМА

Лекции, читанные в Свердловском университете в начале апреля 1924 г.

ЛЕНИНСКОМУ ПРИЗЫВУ
ПОСВЯЩАЮ

И. СТАЛИН

Основы ленинизма — тема большая. Для того, чтобы ее исчерпать, необходима целая книга. Более того — необходим целый ряд книг. Естественно поэтому, что мои лекции не могут быть исчерпывающим изложением ленинизма. Они могут быть, в лучшем случае, лишь сжатым конспектом основ ленинизма. Тем не менее я считаю полезным изложить этот конспект для того, чтобы дать некоторые основные отправные пункты, необходимые для успешного изучения ленинизма.

Изложить основы ленинизма — это еще не значит изложить основы мировоззрения Ленина. Мировоззрение Ленина и основы ленинизма — не одно и то же по объему. Ленин — марксист, и основой его мировоззрения является, конечно, марксизм. Но из этого вовсе не следует, что изложение ленинизма должно быть начато с изложения основ марксизма. Изложить ленинизм — это значит изложить то особенное и новое в трудах Ленина, что внес Ленин в общую сокровищницу марксизма и что естественно связано с его именем. Только в этом смысле я буду говорить в своих лекциях об основах ленинизма.

Итак, что такое ленинизм?

Одни говорят, что ленинизм есть применение марксизма к своеобразным условиям российской обстановки. В этом определении есть доля правды, но оно далеко не исчерпывает всей правды. Ленин действительно применил марксизм к российской действительности и применил его мастерски. Но если бы ленинизм являлся только лишь применением марксизма к своеобразной обстановке России, то тогда ленинизм был бы чисто национальным и только национальным, чисто русским и только русским явлением. Между

тем мы знаем, что ленинизм есть явление интернациональное, имеющее корни во всем международном развитии, а не только русское. Вот почему я полагаю, что это определение страдает односторонностью.

Другие говорят, что ленинизм есть возрождение революционных элементов марксизма 40-х годов XIX века в отличие от марксизма последующих годов, когда он стал будто бы умеренным, нереволюционным. Если отвлечься от этого глупого и пошлого подразделения учения Маркса на две части, на революционную и умеренную, нужно признать, что даже в этом совершенно недостаточном и неудовлетворительном определении имеется доля правды. Состоит она, эта доля правды, в том, что Ленин действительно возродил революционное содержание марксизма, замуравленное оппортунистами II Интернационала. Но это только доля правды. Вся правда о ленинизме состоит в том, что ленинизм не только возродил марксизм, но он сделал еще шаг вперед, развив марксизм дальше в новых условиях капитализма и классовой борьбы пролетариата.

Что же такое в конце концов ленинизм?

Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Точнее: ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности. Маркс и Энгельс подвизались в период предреволюционный (мы имеем в виду пролетарскую революцию), когда не было еще развитого империализма, в период подготовки пролетариев к революции, в тот период, когда пролетарская революция не являлась еще прямой практической неизбежностью. Ленин же, ученик Маркса и Энгельса, подвизался в период развитого империализма, в период развертывающейся пролетарской революции, когда пролетарская революция уже победила в одной стране, разбила буржуазную демократию и открыла эру пролетарской демократии, эру советов.

Вот почему ленинизм является дальнейшим развитием марксизма.

Отмечают, обычно, исключительно боевой и исключительно революционный характер ленинизма. Это совершенно правильно. Но эта особенность ленинизма объясняется двумя причинами: во-первых, тем, что ленинизм вышел из пролетарской революции, отпечаток которой он не может не носить на себе; во-вторых, тем, что он вырос и окреп в схватках с оппортунизмом II Интернационала, борьба с которым являлась и является необходимым предварительным условием успешной борьбы с капитализмом. Не следует забывать, что между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и между Лениным — с другой, лежит целая полоса безраздельного господства оппортунизма II Интернационала, беспощадная борьба с которым не могла не составить одной из важнейших задач ленинизма.

I

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ЛЕНИНИЗМА

Ленинизм вырос и оформился в условиях империализма, когда противоречия капитализма дошли до крайней точки, когда пролетарская революция стала вопросом непосредственной практики, когда старый период подготовки рабочего класса к революции уперся и перерос в новый период прямого штурма капитализма.

Ленин называл империализм „умирающим капитализмом“. Почему? Потому, что империализм доводит противоречия капитализма до последней черты, до крайних пределов, за которыми начинается революция. Наиболее важными из этих противоречий нужно считать три противоречия.

Первое противоречие — это противоречие между трудом и капиталом. Империализм есть всесилие монополистических трестов и синдикатов, банков и финансовой олигархии в промышленных странах. В борьбе с этим всесилием обычные методы рабочего класса — профсоюзы и кооперативы, парламентские партии и парламентская борьба — оказались совершенно недостаточными. Либо отдайся на милость капиталу, прозябай по-старому и опускайся вниз, либо берись за новое оружие — так ставит вопрос империализм перед миллионными массами пролетариата. Империализм подводит рабочий класс к революции.

Второе противоречие — это противоречие между различными финансовыми группами и империалистическими державами в их борьбе за источники сырья, за чужие территории. Империализм есть вывоз капитала к источникам сырья, бешеная борьба за монопольное обладание этими источниками, борьба за передел уже поделенного мира, борьба, ведомая с особенным остервенением со стороны новых финансовых групп и держав, ищущих „места под солнцем“, против старых групп и держав, цепко держащихся за захваченное. Эта бешеная борьба между различными группами капиталистов замечательна в том отношении, что она включает в себе, как неизбежный элемент, империалистские войны, войны за захваты чужих территорий. Это обстоятельство в свою очередь замечательно в том отношении, что оно ведет к взаимному ослаблению империалистов, к ослаблению позиции капитализма вообще, к приближению момента пролетарской революции, к практической необходимости этой революции.

Третье противоречие — это противоречие между горстью господствующих „цивилизованных“ наций и между сотнями миллионов колониальных и зависимых народов мира. Империализм есть самая наглая эксплоатация и самое бесчеловечное угнетение сотен мил-

лионов населения обширнейших колоний и зависимых стран. Выжимание сверхприбыли — такова цель этой эксплоатации и этого угнетения. Но, эксплоатируя эти страны, империализм вынужден строить там железные дороги, фабрики и заводы, промышленные и торговые центры. Появление класса пролетариев, зарождение местной интеллигенции, пробуждение национального самосознания, усиление освободительного движения — таковы неизбежные результаты этой „политики“. Усиление революционного движения во всех без исключения колониях и зависимых странах свидетельствует об этом с очевидностью. Это обстоятельство важно для пролетариата в том отношении, что оно в корне подрывает позиции капитализма, превращая колонии и зависимые страны из резервов империализма в резервы пролетарской революции.

Таковы, в общем, главные противоречия империализма, превратившие старый „цветущий“ капитализм в капитализм умирающий.

Значение империалистской войны, разыгравшейся 10 лет тому назад, состоит, между прочим, в том, что она собрала все эти противоречия в один узел и бросила их на чашу весов, ускорив и облегчив революционные битвы пролетариата.

Иначе говоря, империализм привел не только к тому, что революция стала практической неизбежностью, но и к тому, что создались благоприятные условия для прямого штурма твердынь капитализма.

Такова международная обстановка, породившая ленинизм.

Все это хорошо, скажут нам, но при чем тут Россия, которая ведь не была и не могла быть классической страной империализма? При чем тут Ленин, который работал прежде всего в России и для России? Почему именно Россия послужила очагом ленинизма, родиной теории и тактики пролетарской революции?

Потому, что Россия была узловым пунктом всех этих противоречий империализма.

Потому, что Россия была беременна революцией более, чем какая-либо другая страна, и только она была в состоянии ввиду этого разрешить эти противоречия революционным путем.

Начать с того, что царская Россия была очагом всякого рода гнета — и капиталистического, и колониального, и военного, — взятого в его наиболее бесчеловечной и варварской форме. Кому не известно, что в России всесилие капитала сливалось с деспотизмом царизма, агрессивность русского национализма — с палачеством царизма в отношении нерусских народов, эксплоатация целых районов — Турции, Персии, Китая — с захватом этих районов царизмом, с войной за захват? Ленин был прав, говоря, что царизм есть „военно-феодальный империализм“. Царизм был средоточием наиболее отрицательных сторон империализма, возведенных в квадрат.

Далее. Царская Россия была величайшим резервом западного империализма не только в том смысле, что она давала свободный доступ заграничному капиталу, державшему в руках такие решающие отрасли народного хозяйства России, как топливо и металлургию, но и в том смысле, что она могла поставить в пользу западных империалистов миллионы солдат. Вспомните 12-миллионную русскую армию, проливавшую кровь на империалистских фронтах для обеспечения бешеных прибылей англо-французских капиталистов.

Дальше. Царизм был не только сторожевым псом империализма на востоке Европы, но он был еще агентурой западного империализма для выколачивания с населения сотен миллионов процентов на займы, отпускавшиеся ему в Париже и Лондоне, в Берлине и Брюсселе.

Наконец, царизм был вернейшим союзником западного империализма по дележу Турции, Персии, Китая и т. д. Кому не известно, что империалистская война велась царизмом в союзе с империалистами Антанты, что Россия являлась существенным элементом этой войны?

Вот почему интересы царизма и западного империализма сплетались между собой и сливались в конце концов в единый клубок интересов империализма. Мог ли западный империализм помириться с потерей такой мощной опоры на Востоке и такого богатого резервуара сил и средств, как старая, царская, буржуазная Россия, не испытав всех своих сил для того, чтобы повести смертельную борьбу с революцией в России, на предмет отстаивания и сохранения царизма? Конечно, не мог!

Но из этого следует, что кто хотел бить по царизму, тот неизбежно замахивался на империализм, кто восставал против царизма, тот должен был восстать и против империализма, ибо кто свергал царизм, тот должен был свергнуть и империализм, если он в самом деле думал не только разбить царизм, но и добить его без остатка. Революция против царизма сближалась, таким образом, и должна была перерасти в революцию против империализма, в революцию пролетарскую.

Между тем, в России подымалась величайшая народная революция, во главе которой стоял революционнейший в мире пролетариат, имевший в своем распоряжении такого серьезного союзника, как революционное крестьянство России. Нужно ли доказывать, что такая революция не могла остановиться на полдороге, что она в случае успеха должна была пойти дальше, подняв знамя восстания против империализма?

Вот почему Россия должна была стать узловым пунктом противоречий империализма не только в том смысле, что противоре-

чия эти легче всего вскрывались именно в России ввиду особо безобразного и особо нетерпимого их характера, и не только потому, что Россия была важнейшей опорой западного империализма, соединяющей финансовый капитал Запада с колониями Востока, но и потому, что только в России существовала реальная сила, могущая разрешить противоречия империализма революционным путем.

Но из этого следует, что революция в России не могла не стать пролетарской, что она не могла не принять в первые же дни своего развития международный характер, что она не могла, таким образом, не потрясти самые основы мирового империализма.

Могли ли русские коммунисты при таком положении вещей ограничиться в своей работе узко-национальными рамками русской революции? Конечно, нет! Наоборот, вся обстановка, как внутренняя (глубокий революционный кризис), так и внешняя (война), толкала их к тому, чтобы выйти в своей работе за эти рамки, перенести борьбу на международную арену, вскрыть язвы империализма, доказать неизбежность краха капитализма, разбить социал-шовинизм и социал-пацифизм, наконец, свергнуть в своей стране капитализм и выковать для пролетариата новое оружие борьбы, теорию и тактику пролетарской революции, для того, чтобы облегчить пролетариям всех стран дело свержения капитализма. Русские коммунисты иначе и не могли действовать, ибо только на этом пути можно было рассчитывать на известные изменения в международной обстановке, могущие гарантировать Россию от реставрации буржуазных порядков.

Вот почему Россия стала очагом ленинизма, а вождь русских коммунистов Ленин — его творцом.

С Россией и Лениным „случилось“ тут приблизительно то же самое, что и с Германией и Марксом — Энгельсом в сороковых годах прошлого столетия. Германия была чревата тогда, так же как и Россия в начале XX столетия, буржуазной революцией. Маркс писал тогда в „Коммунистическом манифесте“, что:

„На Германию коммунисты обращают главное свое внимание потому, что она находится накануне буржуазной революции, потому, что она совершит этот переворот при более прогрессивных условиях европейской цивилизации вообще, с гораздо более развитым пролетариатом, чем в Англии XVII и во Франции XVIII столетия. Немецкая буржуазная революция, следовательно, может быть лишь непосредственным прологом пролетарской революции“.

Иначе говоря, центр революционного движения перемещался в Германию.

Едва ли можно сомневаться в том, что это именно обстоятельство, отмеченное Марксом в приведенной цитате, послужило вероят-

ной причиной того, что именно Германия явилась родиной научного социализма, а вожди германского пролетариата — Маркс и Энгельс — его творцами.

То же самое нужно сказать, но еще в большей степени, про Россию начала XX столетия. Россия в этот период находилась накануне буржуазной революции, она должна была совершить эту революцию при более прогрессивных условиях в Европе и с более развитым пролетариатом, чем Германия (не говоря уже об Англии и Франции), при чем все данные говорили о том, что революция эта должна была послужить бродилом и прологом пролетарской революции. Нельзя считать случайностью тот факт, что Ленин еще в 1902 году, когда русская революция только зачиналась, писал в своей брошюре „Что делать?“ вещие слова о том, что:

„История поставила теперь перед нами (т. е. русскими марксистами. *И. Ст.*) ближайшую задачу, которая является *наиболее революционной* из всех *ближайших* задач пролетариата какой бы то ни было другой страны“... что „осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата“ (см. т. IV, стр. 382).

Иначе говоря, центр революционного движения должен был переместиться в Россию.

Известно, что ход революции в России оправдал это предсказание Ленина с избытком.

Мудрено ли после этого, что страна, проделавшая такую революцию и имеющая такой пролетариат, послужила родиной теории и тактики пролетарской революции?

Мудрено ли, что вождь этого пролетариата, Ленин, стал вместе с тем творцом этой теории и тактики и вождем международного пролетариата?

II

МЕТОД

Выше я говорил, что между Марксом — Энгельсом, с одной стороны, и Лениным — с другой, лежит целая полоса господства оппортунизма II Интернационала. В интересах точности я должен добавить, что речь идет здесь не о формальном господстве оппортунизма, а лишь о фактическом его господстве. Формально во главе II Интернационала стояли „правоверные“ марксисты, „ортодоксы“ — Каутский и другие. На деле, однако, основная работа II Интернационала велась по линии оппортунизма. Оппортунисты приспособлялись к буржуазии в силу своей приспособленческой, мелко-буржуазной природы, — „ортодоксы“ же в свою очередь

приспособлялись к оппортунистам в интересах „сохранения единства“ с оппортунистами, в интересах „мира в партии“. В результате получалось господство оппортунизма, ибо цепь между политикой буржуазии и политикой „ортодоксов“ оказывалась замкнутой.

Это был период сравнительно мирного развития капитализма, период, так сказать, довоенный, когда катастрофические противоречия империализма не успели еще вскрыться с полной очевидностью, когда экономические стачки рабочих и профсоюзы развивались более или менее „нормально“, когда избирательная борьба и парламентские фракции давали „головокружительные“ успехи, когда легальные формы борьбы превозносились до небес и легальностью думали „убить“ капитализм, — словом, когда партии II Интернационала обрастали жиром и не хотелось думать серьезно о революции, о диктатуре пролетариата, о революционном воспитании масс.

Вместо цельной революционной теории — противоречивые теоретические положения и обрывки теории, оторванные от живой революционной борьбы масс и превратившиеся в обветшалые догмы. Для виду, конечно, вспоминали о теории Маркса, но для того, чтобы выхолостить из нее живую революционную душу.

Вместо революционной политики — дряблое филистерство и трезвенное политиканство, парламентская дипломатия и парламентские комбинации. Для виду, конечно, принимались „революционные“ решения и лозунги, но для того, чтобы положить их под сукно.

Вместо воспитания и обучения партии правильной революционной тактике на собственных ошибках — тщательный обход наболевших вопросов, их затушевывание и замазывание. Для виду, конечно, не прочь были поговорить о больных вопросах, но для того, чтобы кончить дело какой-либо „каучуковой“ резолюцией.

Вот какова была физиономия II Интернационала, его метод работы, его арсенал.

Между тем надвигалась новая полоса империалистских войн и революционных схваток пролетариата. Старые методы борьбы оказывались явно недостаточными и бессильными перед всесилием финансового капитала.

Необходимо было пересмотреть всю работу II Интернационала, весь его метод работы, изгнав вон филистерство, узколобие, политиканство, ренегатство, социал-шовинизм, социал-пацифизм. Необходимо было проверить весь арсенал II Интернационала, выкинуть все заржавленное и ветхое, выковать новые роды оружия. Без такой предварительной работы нечего было и отправляться на войну с капитализмом. Без этого пролетариат рисковал очутиться перед лицом новых революционных схваток недостаточно вооруженным или даже просто безоружным.

Эта честь генеральной проверки и генеральной чистки авгиевых конюшен II Интернационала выпала на долю ленинизма.

Вот в какой обстановке родился и выковался метод ленинизма.

К чему сводятся требования этого метода?

Во-первых, к *проверке* теоретических догм II Интернационала в огне революционной борьбы масс, в огне живой практики, т. е. к восстановлению нарушенного единства между теорией и практикой, к ликвидации разрыва между ними, ибо только так можно создать действительно пролетарскую партию, вооруженную революционной теорией.

Во-вторых, к *проверке* политики партий II Интернационала не по их лозунгам и резолюциям (которым нельзя верить), а по их делам, по их действиям, ибо только так можно завоевать и заслужить доверие пролетарских масс.

В-третьих, к *перестройке* всей партийной работы на новый революционный лад в духе воспитания и подготовки масс к революционной борьбе, ибо только так можно подготовить массы к пролетарской революции.

В-четвертых, к *самокритике* пролетарских партий, к обучению и воспитанию их на собственных ошибках, ибо только так можно воспитать действительные кадры и действительных лидеров партии.

Таковы основа и сущность метода ленинизма.

Как применялся этот метод на практике?

У оппортунистов II Интернационала существует ряд теоретических догм, от которых они танцуют всегда, как от печки. Возьмем несколько из них.

Догма первая: об условиях взятия власти пролетариатом. Оппортунисты уверяют, что пролетариат не может и не должен брать власть, если он не является сам большинством в стране. Доказательств никаких, ибо нет возможности оправдать это нелепое положение ни теоретически, ни практически. Допустим, отвечает Ленин господам из II Интернационала. Ну, а если сложилась такая историческая обстановка (война, аграрный кризис и т. д.), при которой пролетариат, составляющий меньшинство населения, имеет возможность сплотить вокруг себя громадное большинство трудящихся масс, — почему бы ему не взять власть? Почему бы не использовать пролетариату благоприятную международную и внутреннюю обстановку для того, чтобы прорвать фронт капитала и ускорить общую развязку? Разве Маркс не говорил еще в 50-х годах прошлого столетия, что дело с пролетарской революцией в Германии могло бы обстоять „прекрасно“, если бы можно было оказать пролетарской революции поддержку, „так сказать, вторым изданием крестьянской войны“? Разве не известно всем и каждому, что пролетариев в Германии было тогда относительно меньше,

чем, например, в России в 1917 году? Разве практика русской пролетарской революции не показала, что эта излюбленная догма героев II Интернационала лишена всякого жизненного значения для пролетариата? Разве не ясно, что практика революционной борьбы масс бьет и побивает эту обветшалую догму?

Догма вторая: пролетариат не может удержать власть, если нет у него в наличии достаточного количества готовых культурных и администраторских кадров, способных наладить управление страной, — сначала нужно выработать эти кадры в условиях капитализма, а потом брать власть. Допустим, отвечает Ленин, но почему нельзя повернуть дело так, чтобы сначала взять власть, создать благоприятные условия для развития пролетариата, а потом — двинуться вперед семимильными шагами для подъема культурного уровня трудящихся масс, для выработки многочисленных кадров руководителей и администраторов из рабочих? Разве российская практика не показала, что кадры руководителей из рабочих растут при пролетарской власти во сто раз быстрее и основательнее, чем при власти капитала? Разве не ясно, что практика революционной борьбы масс беззжалостно побивает и эту теоретическую догму оппортунистов?

Догма третья: метод общей политической забастовки неприемлем для пролетариата, ибо он теоретически несостоятелен (см. критику Энгельса), практически опасен (может расстроить обычный ход хозяйственной жизни страны, может опустошить кассы профессиональных союзов), не может заменить парламентские формы борьбы, являющиеся главной формой классовой борьбы пролетариата. Хорошо, отвечают ленинцы. Но, во-первых, Энгельс критиковал не любую общую забастовку, а лишь определенный род общей забастовки, всеобщую *экономическую* забастовку анархистов, выдвигавшуюся анархистами *взамен* политической борьбы пролетариата, — при чем тут метод общей *политической* забастовки? Во-вторых, кто и где доказал, что парламентская форма борьбы является главной формой борьбы пролетариата? Разве история революционного движения не показывает, что парламентская борьба является лишь школой и подспорьем для организации внепарламентской борьбы пролетариата, что основные вопросы рабочего движения при капитализме решаются силой, непосредственной борьбой пролетарских масс, их общей забастовкой, их восстанием? В-третьих, откуда взялся вопрос о замене парламентской борьбы методом общей политической забастовки? Где и когда пытались сторонники общеполитической забастовки заменить парламентские формы борьбы формами борьбы внепарламентскими? В-четвертых, разве революция в России не показала, что общая политическая забастовка является величайшей школой пролетарской революции и незаменимым сред-

ством мобилизации и организации широчайших масс пролетариата накануне штурма твердынь капитализма, — при чем же тут филистерские сетования о расстройстве обычного хода хозяйственной жизни и о кассах профессиональных союзов? Разве не ясно, что практика революционной борьбы разбивает и эту догму оппортунистов?

И т. д. и т. п.

Вот почему говорил Ленин, что „революционная теория не есть догма", что „она складывается окончательно лишь в тесной связи с практикой действительно массового и действительно революционного движения" („Детская болезнь"), ибо теория должна служить практике, ибо „теория должна отвечать на вопросы, выдвигаемые практикой" („Друзья народа"), ибо она должна проверяться данными практики.

Что касается политических лозунгов и политических решений партий II Интернационала, то достаточно вспомнить историю с лозунгом „война войне", чтобы понять всю фальшь и всю гнилость политической практики этих партий, прикрывающих свое антиреволюционное дело пышными революционными лозунгами и резолюциями. Всем памятна пышная демонстрация II Интернационала на Базельском конгрессе с угрозой по адресу империалистов всеми ужасами восстания, если империалисты решатся начать войну, и с грозным лозунгом „война войне". Но кто не помнит, что спустя некоторое время, перед самым началом войны, Базельская резолюция была положена под сукно, а рабочим был дан новый лозунг — истреблять друг друга во славу капиталистического отечества? Разве не ясно, что революционные лозунги и резолюции не стоят ни гроша, если они не подкрепляются делом? Стоит только сопоставить ленинскую политику превращения империалистской войны в войну гражданскую с предательской политикой II Интернационала во время войны, чтобы понять всю пошлость политиканов оппортунизма, все величие метода ленинизма. Не могу не привести здесь одно место из книги Ленина „Пролетарская революция и ренегат Каутский", где он жестоко бичует оппортунистическую попытку лидера II Интернационала К. Каутского судить о партиях не по их делам, а по их бумажным лозунгам и документам:

„Каутский проводит типично мещанскую, филистерскую политику, воображая... будто *выставление лозунга* меняет дело. Вся история буржуазной демократии разоблачает эту иллюзию: для обмана народа буржуазные демократы всегда выдвигали и всегда выдвигают какие угодно „лозунги". Дело в том, чтобы *проверить* их искренность, чтобы со словами сопоставить *дела,* чтобы не довольствоваться идеалистической или шарлатанской *фразой,* а доискиваться *классовой реальности*" (см. т. XXIII, стр. 377).

Я уже не говорю о боязни партий II Интернационала самокритики, об их манере скрывать свои ошибки, затушевывать больные

вопросы, прикрывать свои недочеты фальшивым парадом благополучия, отупляющим живую мысль и тормозящим дело революционного воспитания партии на собственных ошибках, манере, высмеянной и пригвожденной к позорному столбу Лениным. Вот что писал Ленин о самокритике пролетарских партий в своей брошюре „Детская болезнь":

„Отношение политической партии к ее ошибкам есть один из важнейших и вернейших критериев серьезности партии и исполнения ею *на деле* ее обязанностей к своему *классу* и к трудящимся *массам*. Открыто признать ошибку, вскрыть ее причины, проанализировать обстановку, ее породившую, обсудить внимательно средства, исправить ошибку — вот это признак серьезной партии, вот это исполнение ею своих обязанностей, вот это—воспитание и обучение *класса,* а затем и *массы*" (см. т. XXV, стр. 201).

Иные говорят, что вскрытие своих собственных ошибок и самокритика опасны для партии, ибо они могут быть использованы противником против партии пролетариата. Ленин считал подобные возражения несерьезными и совершенно неправильными. Вот что говорил он об этом еще в 1904 году в своей брошюре „Шаг вперед", когда наша партия была еще слабой и незначительной:

„Они (т. е. противники марксистов. *И. Ст.*) злорадствуют и кривляются, наблюдая наши споры; они постараются, конечно, выдергивать для своих целей отдельные места моей брошюры, посвященной недостаткам и недочетам нашей партии. Русские марксисты уже достаточно обстреляны в сражениях, чтобы не смущаться этими щипками, чтобы продолжать, вопреки им, свою работу самокритики и беспощадного разоблачения собственных минусов, которые непременно и неизбежно будут превзойдены ростом рабочего движения" (см. т. VI, стр. 161).

Таковы, в общем, характерные черты метода ленинизма.

То, что дано в методе Ленина, в основном уже имелось в учении Маркса, являющемся, по словам Маркса, „в существе своем критическим и революционным". Именно этот критический и революционный дух проникает с начала и до конца метод Ленина. Но было бы неправильно думать, что метод Ленина является простым восстановлением того, что дано Марксом. На самом деле метод Ленина является не только восстановлением, но и конкретизацией и дальнейшим развитием критического и революционного метода Маркса, его материалистической диалектики.

III
ТЕОРИЯ

Из этой темы я беру три вопроса: а) о значении теории для пролетарского движения, б) о критике „теории" стихийности и в) о теории пролетарской революции.

1) *О значении теории.* Иные думают, что ленинизм есть примат

практики перед теорией в том смысле, что главное в нем — претворение марксистских положений в дело, „исполнение“ этих положений, что же касается теории, то на этот счет ленинизм довольно, будто бы, беззаботен. Известно, что Плеханов не раз потешался над „беззаботностью“ Ленина насчет теории и особенно философии. Известно также, что многие нынешние практики-ленинцы не очень милуют теорию, особенно ввиду той бездны практической работы, которую вынуждены они нести по обстановке. Я должен заявить, что это более чем странное мнение о Ленине и ленинизме совершенно неправильно и ни в какой мере не соответствует действительности, что стремление практиков отмахнуться от теории противоречит всему духу ленинизма и чревато большими опасностями для дела.

Теория есть опыт рабочего движения всех стран, взятый в его общем виде. Конечно, теория становится беспредметной, если она не связывается с революционной практикой, точно так же, как и практика становится слепой, если она не освещает себе дорогу революционной теорией. Но теория может превратиться в величайшую силу рабочего движения, если она складывается в неразрывной связи с революционной практикой, ибо она, и только она, может дать движению уверенность, силу ориентировки и понимание внутренней связи окружающих событий, ибо она, и только она, может помочь практике понять не только то, как и куда двигаются классы в настоящем, но и то, как и куда должны двинуться они в ближайшем будущем. Не кто иной, как Ленин, говорил и повторял десятки раз известное положение о том, что: *„Без революционной теории не может быть и революционного движения“*[1] (см. т. IV, стр. 380).

Ленин больше, чем кто-либо другой, понимал важное значение теории, особенно для такой партии, как наша, ввиду той роли передового борца международного пролетариата, которая выпала на ее долю, и ввиду той сложности внутренней и международной обстановки, которая окружает ее. Предугадывая эту особую роль нашей партии еще в 1902 г., он считал нужным уже тогда напомнить, что: *„Роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией“* (см. т. IV, стр. 380).

Едва ли нужно доказывать, что теперь, когда предсказание Ленина о роли нашей партии уже претворилось в жизнь, это положение Ленина приобретает особую силу и особое значение.

Может быть, наиболее ярким выражением того высокого значения, которое придавал Ленин теории, следовало бы считать тот факт, что не кто иной, как Ленин, взялся за выполнение серьезней-

[1] Курсив мой. *И. Ст.*

шей задачи обобщения по материалистической философии наиболее важного из того, что дано наукой за период от Энгельса до Ленина, и всесторонней критики антиматериалистических течений среди марксистов. Энгельс говорил, что „материализму приходится принимать новый вид с каждым новым великим открытием“. Известно, что эту задачу выполнил для своего времени не кто иной, как Ленин, в своей замечательной книге „Материализм и эмпириокритицизм“. Известно, что Плеханов, любивший потешаться над „беззаботностью“ Ленина насчет философии, не решился даже серьезно приступить к выполнению такой задачи.

2) *Критика „теории“ стихийности, или о роли авангарда в движении.* „Теория“ стихийности есть теория оппортунизма, теория преклонения перед стихийностью рабочего движения, теория фактического отрицания руководящей роли авангарда рабочего класса, партии рабочего класса.

Теория преклонения перед стихийностью решительно против революционного характера рабочего движения, она против того, чтобы движение направлялось по линии борьбы против основ капитализма, — она за то, чтобы движение шло исключительно по линии „выполнимых“, „приемлемых“ для капитализма требований, она всецело за „линию наименьшего сопротивления“. Теория стихийности есть идеология тред-юнионизма.

Теория преклонения перед стихийностью решительно против того, чтобы придать стихийному движению сознательный, планомерный характер, она против того, чтобы партия шла впереди рабочего класса, чтобы партия подымала массы до уровня сознательности, чтобы партия вела за собой движение, — она за то, чтобы сознательные элементы движения не мешали движению итти своим путем, она за то, чтобы партия лишь прислушивалась к стихийному движению и тащилась в хвосте за ним. Теория стихийности есть теория преуменьшения роли сознательного элемента в движении, идеология „хвостизма“, логическая основа *всякого* оппортунизма.

Практически эта теория, выступившая на сцену еще до первой революции в России, вела к тому, что ее последователи, так называемые „экономисты“, отрицали необходимость самостоятельной рабочей партии в России, выступали против революционной борьбы рабочего класса за свержение царизма, проповедывали тред-юнионистскую политику в движении и вообще отдавали рабочее движение под гегемонию либеральной буржуазии.

Борьба старой „Искры“ и блестящая критика теории „хвостизма“, данная в брошюре Ленина „Что делать?“, не только разбили так называемый „экономизм“, но создали еще теоретические основы действительно революционного движения русского рабочего класса.

Без этой борьбы нечего было и думать о создании самостоятельной рабочей партии в России и об ее руководящей роли в революции.

Но теория преклонения перед стихийностью не есть только русское явление. Она имеет самое широкое распространение, правда, в несколько другой форме, во всех без исключения партиях II Интернационала. Я имею в виду опошленную лидерами II Интернационала так называемую теорию „производительных сил", которая все оправдывает и всех примиряет, которая констатирует факты и объясняет их после того, как они уже надоели всем, и, констатируя, успокаивается на этом. Маркс говорил, что материалистическая теория не может ограничиваться объяснением мира, что она должна еще изменить его. Но Каутскому и К° нет дела до этого, они предпочитают остаться при первой части формулы Маркса. Вот один из многих примеров применения этой „теории". Говорят, что перед империалистической войной партии II Интернационала грозились объявить „войну войне", если империалисты начнут войну. Говорят, что перед самым началом войны эти партии положили под сукно лозунг „война войне" и провели в жизнь противоположный лозунг о „войне за империалистическое отечество". Говорят, что результатом этой смены лозунгов были миллионы жертв из рабочих. Но было бы ошибочно думать, что тут есть виновные, что кто-то изменил рабочему классу или предал его. Ничуть не бывало! Все произошло так, как оно должно было произойти. Во-первых, потому, что Интернационал есть „инструмент мира", а не войны. Во-вторых, потому, что при том „уровне производительных сил", который имелся в то время, ничего другого нельзя было предпринять. „Виноваты" „производительные силы". Это „нам" в точности объясняет „теория производительных сил" господина Каутского. А кто не верит в эту „теорию", тот не марксист. Роль партий? Их значение в движении? Но что может поделать партия с таким решающим фактором, как „уровень производительных сил"?..

Таких примеров фальсификации марксизма можно было бы привести целую кучу.

Едва ли нужно доказывать, что этот фальсифицированный „марксизм", призванный прикрыть наготу оппортунизма, является лишь видоизменением на европейский лад той самой теории „хвостизма", с которой воевал Ленин еще до первой русской революции.

Едва ли нужно доказывать, что разрушение этой теоретической фальсификации является предварительным условием создания действительно революционных партий на Западе.

3) *Теория пролетарской революции.* Ленинская теория пролетарской революции исходит из трех основных положений.

Положение первое. Господство финансового капитала в передовых странах капитализма; эмиссия ценных бумаг, как важнейшая операция финансового капитала; вывоз капитала к источникам сырья, как одна из основ империализма; всесилие финансовой олигархии, как результат господства финансового капитала, — все это вскрывает грубо-паразитический характер монополистического капитализма, делает во сто раз более чувствительным гнет капиталистических трестов и синдикатов, усиливает рост возмущения рабочего класса против основ капитализма, подводит массы к пролетарской революции, как единственному спасению (см. „Империализм“ Ленина).

Отсюда первый вывод: обострение революционного кризиса внутри капиталистических стран, нарастание элементов взрыва на внутреннем, пролетарском фронте в „метрополиях“.

Положение второе. Усиленный вывоз капитала в колониальные и зависимые страны; расширение „сфер влияния“ и колониальных владений, вплоть до охвата всего земного шара; превращение капитализма во *всемирную систему* финансового порабощения и колониального угнетения горстью „передовых“ стран гигантского большинства населения земли, — все это, с одной стороны, превратило отдельные национальные хозяйства и национальные территории в звенья единой цепи, называемой мировым хозяйством, с другой стороны — раскололо население земного шара на два лагеря: на горсть „передовых“ капиталистических стран, эксплоатирующих и угнетающих обширные колониальные и зависимые страны, и на громадное большинство колониальных и зависимых стран, вынужденных вести борьбу за освобождение от империалистического гнета (см. „Империализм“).

Отсюда второй вывод: обострение революционного кризиса в колониальных странах, нарастание элементов возмущения против империализма на внешнем, колониальном фронте.

Положение третье. Монопольное владение „сферами влияния“ и колониями; неравномерное развитие различных капиталистических стран, ведущее к бешеной борьбе за передел мира между странами, уже захватившими территории, и между странами, желающими получить свою „долю“; империалистические войны, как единственное средство восстановить нарушенное „равновесие“, — все это ведет к усилению третьего фронта, фронта междукапиталистического, ослабляющего империализм и облегчающего объединение двух первых фронтов против империализма, фронта революционно-пролетарского и фронта колониально-освободительного (см. „Империализм“).

Отсюда третий вывод: неотвратимость войн при империализме и неизбежность коалиции пролетарской революции в Европе с коло-

ниальной революцией на Востоке в единый мировой фронт революции против мирового фронта империализма.

Все эти выводы объединяются у Ленина в один общий вывод о том, что *„империализм есть канун социалистической революции“*[1] (см. т. XIX, стр. 71).

Сообразно с этим меняется и самый подход к вопросу о пролетарской революции, характере революции, ее объеме, ее глубине, схема революции вообще.

Раньше к анализу предпосылок пролетарской революции подходили обычно с точки зрения экономического состояния той или иной отдельной страны. Теперь этот подход уже недостаточен. Теперь надо подходить к делу с точки зрения экономического состояния всех или большинства стран, с точки зрения состояния мирового хозяйства, ибо отдельные страны и отдельные национальные хозяйства перестали быть самодовлеющими единицами, превратились в звенья единой цепи, называемой мировым хозяйством, ибо старый „культурный“ капитализм перерос в империализм, а империализм есть всемирная система финансового порабощения и колониального угнетения горстью „передовых“ стран гигантского большинства населения земли.

Раньше принято было говорить о наличии или отсутствии объективных условий пролетарской революции в отдельных странах, или точнее — в той или иной развитой стране. Теперь эта точка зрения уже недостаточна. Теперь нужно говорить о наличии объективных условий революции во всей системе мирового империалистического хозяйства, как единого целого, при чем наличие в составе этой системы некоторых стран, недостаточно развитых в промышленном отношении, не может служить непреодолимым препятствием к революции, *если* система в целом или, вернее, — *так как* система в целом уже созрела к революции.

Раньше принято было говорить о пролетарской революции в той или иной развитой стране, как об отдельной самодовлеющей величине, противопоставленной отдельному, национальному фронту капитала, как своему антиподу. Теперь эта точка зрения уже недостаточна. Теперь нужно говорить о мировой пролетарской революции, ибо отдельные национальные фронты капитала превратились в звенья единой цепи, называемой мировым фронтом империализма, которой должен быть противопоставлен общий фронт революционного движения всех стран.

Раньше рассматривали пролетарскую революцию как результат исключительно внутреннего развития данной страны. Теперь эта точка зрения уже недостаточна. Теперь надо рассматривать проле-

---

[1] Курсив мой. *И. Ст.*

тарскую революцию, прежде всего, как результат развития противоречий в мировой системе империализма, как результат разрыва цепи мирового империалистического фронта в той или иной стране.

Где начнется революция, где, прежде всего, может быть прорван фронт капитала, в какой стране?

Там, где больше развита промышленность, где пролетариат составляет большинство, где больше культурности, где больше демократии, — отвечали обычно раньше.

Нет, — возражает ленинская теория революции, — *не обязательно там, где промышленность больше развита,* и пр. Фронт капитала прорвется там, где цепь империализма слабее, ибо пролетарская революция есть результат разрыва цепи мирового империалистического фронта в наиболее слабом ее месте, при чем может оказаться, что страна, начавшая революцию, страна, прорвавшая фронт капитала, является менее развитой в капиталистическом отношении, чем другие, более развитые, страны, оставшиеся, однако, в рамках капитализма.

В 1917 году цепь империалистического мирового фронта оказалась слабее в России, чем в других странах. Там она и прорвалась, дав выход пролетарской революции. Почему? Потому, что в России развертывалась величайшая народная революция, во главе которой шел революционный пролетариат, имевший такого серьезного союзника, как многомиллионное крестьянство, угнетаемое и эксплоатируемое помещиком. Потому, что против революции стоял там такой отвратительный представитель империализма, как царизм, лишенный всякого морального веса и заслуживший общую ненависть населения. В России цепь оказалась слабее, хотя Россия была менее развита в капиталистическом отношении, чем, скажем, Франция или Германия, Англия или Америка.

Где прорвется цепь в ближайшем будущем? Опять-таки там, где она слабее. Не исключено, что цепь может прорваться, скажем, в Индии. Почему? Потому, что там имеется молодой боевой революционный пролетариат, у которого имеется такой союзник, как освободительное национальное движение, — несомненно большой и несомненно серьезный союзник. Потому, что перед революцией стоит там такой, всем известный, противник, как чужеземный империализм, лишенный морального кредита и заслуживший общую ненависть угнетенных и эксплоатируемых масс Индии.

Вполне возможно также, что цепь может прорваться в Германии. Почему? Потому, что факторы, действующие, скажем, в Индии, начинают действовать и в Германии, при этом понятно, что громадная разница в уровне развития, существующая между Индией и Германией, не может не наложить своего отпечатка на ход и исход революции в Германии.

Вот почему говорит Ленин, что:

„Западно-европейские капиталистические страны завершают свое развитие к социализму... не равномерным „вызреванием“ в них социализма, а путем эксплоатации одних государств другими, путем эксплоатации первого из побежденных во время империалистической войны государства, соединенной с эксплоатацией всего Востока. А Восток, с другой стороны, пришел окончательно в революционное движение именно в силу этой первой империалистической войны и окончательно втянулся в общий круговорот всемирного революционного движения“ (см. т. XXVII, стр. 415—416).

Короче: цепь империалистического фронта, как правило, должна прорваться там, где звенья цепи слабее, и уж, во всяком случае, не обязательно там, где капитализм более развит, где пролетариев столько-то процентов, а крестьян столько-то и так дальше.

Вот почему статистические выкладки о процентном исчислении пролетарского состава населения в отдельной стране теряют то исключительное значение при решении вопроса о пролетарской революции, какое им охотно придавали начетчики из II Интернационала, не понявшие империализма и боящиеся революции, как чумы.

Далее. Герои II Интернационала утверждали (и продолжают утверждать), что между буржуазно-демократической революцией, с одной стороны, и пролетарской — с другой, существует пропасть или, во всяком случае, китайская стена, отделяющая одну от другой более или менее длительным интервалом, в течение которого пришедшая к власти буржуазия развивает капитализм, а пролетариат накопляет силы и готовится к „решительной борьбе“ против капитализма. Интервал этот исчисляется обычно многими десятками лет, если не больше. Едва ли нужно доказывать, что эта „теория“ китайской стены лишена всякого научного смысла в обстановке империализма, что она является, и не может не являться, лишь прикрытием, скрашиванием контр-революционных вожделений буржуазии. Едва ли нужно доказывать, что в обстановке империализма, чреватого столкновениями и войнами, в обстановке „кануна социалистической революции“, когда капитализм „цветущий“ превращается в капитализм „умирающий“, а революционное движение растет во всех странах мира, когда империализм соединяется со всеми, без исключения, реакционными силами, вплоть до царизма и крепостничества, делая тем самым необходимым коалирование всех революционных сил от пролетарского движения на Западе до национально-освободительного движения на Востоке, когда свержение пережитков феодально-крепостнических порядков становится невозможным без революционной борьбы с империализмом, — едва ли нужно доказывать, что буржуазно-демократическая революция, в более или менее развитой стране, должна сближаться при таких условиях с револю-

цией пролетарской, что первая должна перерастать во вторую. История революции в России с очевидностью доказала правильность и неоспоримость этого положения. Недаром Ленин еще в 1905 году, накануне первой русской революции, в своей брошюре „Две тактики" рисовал буржуазно-демократическую революцию и социалистический переворот как два звена одной цепи, как единую и цельную картину размаха русской революции:

„*Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии. Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии.* Таковы задачи пролетариата, которые так узко представляют новоискровцы во всех своих рассуждениях и резолюциях о размахе революции" (см. т. VIII, стр. 96).

Я уже не говорю о других, более поздних, трудах Ленина, где идея перерастания буржуазной революции в пролетарскую выступает более рельефно, чем в „Двух тактиках", как один из краеугольных камней ленинской теории революции.

Некоторые товарищи, оказывается, полагают, что Ленин пришел к этой идее лишь в 1916 году, что до этого времени он считал, будто бы, что революция в России задержится в буржуазных рамках, что власть, стало быть, из рук органа диктатуры пролетариата и крестьянства перейдет в руки буржуазии, а не пролетариата. Говорят, что это утверждение проникло даже в нашу коммунистическую печать. Я должен сказать, что это утверждение совершенно неправильно, что оно совершенно не соответствует действительности.

Я мог бы сослаться на известную речь Ленина на III съезде партии (1905 г.), где он диктатуру пролетариата и крестьянства, т. е. победу демократической революции, квалифицировал не как „организацию „порядка", а как „организацию войны" (см. т. VII, стр. 264).

Я мог бы сослаться, далее, на известные статьи Ленина „О временном правительстве" (1905 г.), где он, изображая перспективу развертывания русской революции, ставит перед партией задачу „добиться того, чтобы русская революция была не движением нескольких месяцев, а движением многих лет, чтобы она привела не к одним только мелким уступкам со стороны властей предержащих, а к полному ниспровержению этих властей", где он, развертывая дальше эту перспективу и связывая ее с революцией в Европе, продолжает:

„А если это удастся, — тогда... тогда революционный пожар зажжет Европу; истомившийся в буржуазной реакции европейский рабочий подни-

мется в свою очередь и покажет нам, „как это делается"; тогда революционный подъем Европы окажет обратное действие на Россию и из эпохи нескольких революционных лет сделает эпоху нескольких революционных десятилетий..." (см. там же, стр. 191).

Я мог бы сослаться, дальше, на известную статью Ленина, опубликованную в ноябре 1915 г., где он пишет:

„Пролетариат борется и будет беззаветно бороться за завоевание власти, за республику, за конфискацию земель... за участие „*не*пролетарских народных масс" в освобождении *буржуазной* России от *военно-феодального* „империализма" (= царизма). И этим освобождением буржуазной России от царизма, от земельной власти помещиков пролетариат воспользуется *немедленно*[1] не для помощи зажиточным крестьянам в их борьбе с сельским рабочим, а — для совершения социалистической революции в союзе с пролетариями Европы" (см. т. XVIII, стр. 318).

Я мог бы сослаться, наконец, на известное место в брошюре Ленина „Пролетарская революция и ренегат Каутский", где он, ссылаясь на приведенную выше цитату из „Двух тактик" о размахе русской революции, приходит к следующему выводу:

„Вышло именно так, как мы говорили. Ход революции подтвердил правильность нашего рассуждения. *Сначала* вместе со „всем" крестьянством против монархии, против помещиков, против средневековья (и постольку революция остается буржуазной, буржуазно-демократической). *Затем,* вместе с беднейшим крестьянством, вместе с полупролетариатом, вместе со всеми эксплоатируемыми, *против капитализма,* в том числе против деревенских богатеев, кулаков, спекулянтов, и постольку революция становится *социалистическою.* Пытаться поставить искусственную китайскую стену между той и другой, отделить их друг от друга чем-либо иным, *кроме* степени подготовки пролетариата и степени объединения его с деревенской беднотой, есть величайшее извращение марксизма, опошление его, замена либерализмом" (см. т. XXIII, стр. 391).

Кажется, довольно.

Хорошо, скажут нам, но почему Ленин воевал, в таком случае, с идеей „перманентной (непрерывной) революции"?

Потому, что Ленин предлагал „исчерпать" революционные способности крестьянства и использовать до дна его революционную энергию для полной ликвидации царизма, для перехода к пролетарской революции, между тем как сторонники „перманентной революции" не понимали серьезной роли крестьянства в русской революции, недооценивали силу революционной энергии крестьянства, недооценивали силу и способность русского пролетариата повести за собой крестьянство и затрудняли, таким образом, дело высвобождения крестьянства из-под влияния буржуазии, дело сплочения крестьянства вокруг пролетариата.

Потому, что Ленин предлагал *увенчать* дело революции переходом власти к пролетариату, между тем как сторонники „перма-

[1] Курсив мой. *И. Ст.*

нентной“ революции думали *начать* дело прямо с власти пролетариата, не понимая, что тем самым они закрывают глаза на такую „мелочь“, как пережитки крепостничества, и не принимают в расчет такую серьезную силу, как русское крестьянство, не понимая, что такая политика может лишь затормозить дело завоевания крестьянства на сторону пролетариата.

Ленин воевал, стало быть, со сторонниками „перманентной“ революции не из-за вопроса о непрерывности, ибо Ленин сам стоял на точке зрения непрерывной революции, а из-за недооценки ими роли крестьянства, являющегося величайшим резервом пролетариата, из-за непонимания идеи гегемонии пролетариата.

Идея „перманентной“ революции не есть новая идея. Ее выдвинул впервые Маркс в конце 40-х годов в известном своем „Обращении“ к „Союзу коммунистов“ (1850 г.). Из этого документа и взята нашими „перманентниками“ идея непрерывной революции. Следует заметить, что наши „перманентники“, взяв ее у Маркса, несколько видоизменили ее и, видоизменив, „испортили“ ее, сделав непригодной для практического употребления. Понадобилась опытная рука Ленина для того, чтобы выправить эту ошибку, взять идею непрерывной революции Маркса в ее чистом виде и сделать ее одним из краеугольных камней своей теории революции.

Вот что говорит Маркс в своем „Обращении“ о непрерывной революции, после того как он перечисляет ряд революционно-демократических требований, к завоеванию которых призывает он коммунистов:

„В то время, как демократические мелкие буржуа хотят с проведением возможно большего числа вышеуказанных требований наиболее быстро закончить революцию, наши интересы и наши задачи заключаются в том, чтобы сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоюет государственной власти, пока ассоциации пролетариев не только в одной стране, но и во всех господствующих странах мира не разовьются настолько, что конкуренция между пролетариями этих стран прекратится, и пока, по крайней мере, решающие производительные силы не будут сконцентрированы в руках пролетариев“.

Иначе говоря:

а) Маркс вовсе не предлагал *начать* дело революции в Германии 50-х годов прямо с пролетарской власти *вопреки* планам наших русских „перманентников“;

б) Маркс предлагал лишь *увенчать* дело революции пролетарской государственной властью, сталкивая шаг за шагом с высоты власти одну фракцию буржуазии за другой, с тем, чтобы, добившись власти пролетариата, разжечь потом революцию во всех странах, — *в полном соответствии* со всем тем, чему учил

Ленин и что он проводил в жизнь в ходе нашей революции, следуя своей теории пролетарской революции в обстановке империализма.

Выходит, что наши русские „перманентники“ не только недооценили роль крестьянства в русской революции и значение идеи гегемонии пролетариата, но и видоизменили еще (к худшему) марксову идею „перманентной“ революции, сделав ее непригодной для практики.

Вот почему Ленин высмеивал теорию наших „перманентников“, называя ее „оригинальной“ и „прекрасной“ и обвиняя их в нежелании „подумать о том, в силу каких причин жизнь шла целых десять лет мимо этой прекрасной теории“ (статья Ленина писана в 1915 г., спустя 10 лет по появлении в России теории „перманентников“, — см. т. XVIII, стр. 317).

Вот почему Ленин считал эту теорию полуменьшевистской, говоря, что она „берет у большевиков призыв к решительной революционной борьбе пролетариата и к завоеванию им политической власти, а у меньшевиков — „отрицание“ роли крестьянства“ (см. статью Ленина „О двух линиях революции“, там же).

Так обстоит дело с идеей Ленина о перерастании буржуазно-демократической революции в пролетарскую, об использовании буржуазной революции для „немедленного“ перехода к пролетарской революции.

Дальше. Раньше считали победу революции в одной стране невозможной, полагая, что для победы над буржуазией необходимо совместное выступление пролетариев всех передовых стран или, во всяком случае, большинства таких стран. Теперь эта точка зрения уже не соответствует действительности. Теперь нужно исходить из возможности такой победы, ибо неравномерный и скачкообразный характер развития различных капиталистических стран в обстановке империализма, развитие катастрофических противоречий внутри империализма, ведущих к неизбежным войнам, рост революционного движения во всех странах мира, — все это ведет не только к возможности, но и к необходимости победы пролетариата в отдельных странах. История революции в России является прямым тому доказательством. Необходимо только помнить при этом, что свержение буржуазии может быть с успехом проведено лишь в том случае, если имеются налицо некоторые, совершенно необходимые, условия, без наличия которых нечего и думать о взятии власти пролетариатом.

Вот что говорит Ленин об этих условиях в своей брошюре „Детская болезнь“:

„Основной закон революции, подтвержденный всеми революциями и в частности всеми тремя русскими революциями в XX веке, состоит вот в чем: для революции недостаточно, чтобы эксплоатируемые и угнетенные

массы сознали невозможность жить по-старому и потребовали изменения; для революции необходимо, чтобы эксплоататоры не могли жить и управлять по-старому. Лишь тогда, когда *„низы“ не хотят* старого и когда „верхи“ *не могут по-старому*, лишь тогда революция может победить. Иначе эта истина выражается словами: *революция невозможна без общенационального (и эксплоатируемых и эксплоататоров затрагивающего) кризиса*[1]. Значит, для революции надо, во-первых, добиться, чтобы большинство рабочих (или, во всяком случае, большинство сознательных, мыслящих, политически активных рабочих) вполне поняло необходимость переворота и готово было итти на смерть ради него; во-вторых, чтобы правящие классы переживали правительственный кризис, который втягивает в политику даже самые отсталые массы... обессиливает правительство и делает возможным для революционеров быстрое свержение его“ (см. т. XXV, стр. 223).

Но свергнуть власть буржуазии и поставить власть пролетариата в одной стране — еще не значит обеспечить полную победу социализма. Упрочив свою власть и поведя за собой крестьянство, пролетариат победившей страны может и должен построить социалистическое общество. Но значит ли это, что он тем самым достигнет полной, окончательной победы социализма, т. е. значит ли это, что он может силами лишь одной страны закрепить окончательно социализм и вполне гарантировать страну от интервенции, а значит, и от реставрации? Нет, не значит. Для этого необходима победа революции по крайней мере в нескольких странах. Поэтому развитие и поддержка революции в других странах является существенной задачей победившей революции. Поэтому революция победившей страны должна рассматривать себя не как самодовлеющую величину, а как подспорье, как средство для ускорения победы пролетариата в других странах.

Ленин выразил эту мысль в двух словах, сказав, что задача победившей революции состоит в проведении „максимума осуществимого в одной стране *для* развития, поддержки, пробуждения революции *во всех странах*“ (см. т. XXIII, стр. 385).

Таковы, в общем, характерные черты ленинской теории пролетарской революции.

IV

ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА

Из этой темы я беру три основных вопроса: а) диктатура пролетариата, как орудие пролетарской революции; б) диктатура пролетариата, как господство пролетариата над буржуазией; в) Советская власть, как государственная форма диктатуры пролетариата.

---

[1] Курсив мой. *И. Ст.*

1) *Диктатура пролетариата, как орудие пролетарской революции.* Вопрос о пролетарской диктатуре есть прежде всего вопрос об основном содержании пролетарской революции. Пролетарская революция, ее движение, ее размах, ее достижения облекаются в плоть и кровь лишь через диктатуру пролетариата. Диктатура пролетариата есть орудие пролетарской революции, ее орган, ее важнейший опорный пункт, вызванный к жизни для того, чтобы, во-первых, подавить сопротивление свергнутых эксплоататоров и закрепить свои достижения, во-вторых, довести до конца пролетарскую революцию, довести революцию до полной победы социализма. Победить буржуазию, свергнуть ее власть революция сможет и без диктатуры пролетариата. Но подавить сопротивление буржуазии, сохранить победу и двинуться дальше к окончательной победе социализма революция уже не в состоянии, если она не создаст на известной ступени своего развития специального органа в виде диктатуры пролетариата, в качестве своей основной опоры.

„Основным вопросом революции является вопрос о власти" (Ленин). Значит ли это, что дело ограничивается тут взятием власти, ее захватом? Нет, не значит. Взятие власти, это — только начало дела. Буржуазия, свергнутая в одной стране, надолго еще остается, в силу многих причин, сильнее свергнувшего ее пролетариата. Поэтому все дело в том, чтобы удержать власть, укрепить ее, сделать ее непобедимой. Что нужно для того, чтобы добиться этой цели? Для этого необходимо выполнить по крайней мере три главные задачи, встающие перед диктатурой пролетариата „на другой день" после победы:

а) сломить сопротивление свергнутых и экспроприированных революцией помещиков и капиталистов, ликвидировать все и всякие их попытки к восстановлению власти капитала;

б) организовать строительство в духе сплочения всех трудящихся вокруг пролетариата и повести эту работу в направлении, подготовляющем ликвидацию, уничтожение классов;

в) вооружить революцию, организовать армию революции для борьбы с внешними врагами, для борьбы с империализмом.

Диктатура пролетариата нужна для того, чтобы провести, выполнить эти задачи.

„Переход от капитализма к коммунизму, — говорит Ленин, — есть целая историческая эпоха. Пока она не закончилась, у эксплоататоров неизбежно остается надежда на реставрацию, а эта *надежда* превращается в *попытки* реставрации. И после первого серьезного поражения, свергнутые эксплоататоры, которые не ожидали своего свержения, не верили в него, не допускали мысли о нем, с удесятеренной энергией, с бешеной страстью, с ненавистью, возросшей во сто крат, бросаются в бой за возвращение отнятого „рая", за их семьи, которые жили так сладко и которые теперь

„простонародная сволочь“ осуждает на разорение и нищету (или на „простой“ труд...). А за эксплоататорами-капиталистами тянется широкая масса мелкой буржуазии, про которую десятки лет исторического опыта всех стран свидетельствуют, что она шатается и колеблется, сегодня идет за пролетариатом, завтра пугается трудностей переворота, впадает в панику от первого поражения или полупоражения рабочих, нервничает, мечется, хныкает, перебегает из лагеря в лагерь“ (см. т. XXIII, стр. 355).

А буржуазия имеет свои основания делать попытки к реставрации, ибо она после своего свержения надолго еще остается сильнее свергнувшего ее пролетариата.

„Если эксплоататоры разбиты только в одной стране, — говорит Ленин, — а это, конечно, типичный случай, ибо одновременная революция в ряде стран есть редкое исключение, — то они остаются *все же сильнее* эксплоатируемых“ (см. там же, стр. 354).

В чем сила свергнутой буржуазии?

Во-первых, „в силе международного капитала, в силе и прочности международных связей буржуазии“ (см. т. XXV, стр. 173).

Во-вторых, в том, что „эксплоататоры на долгое время после переворота сохраняют неизбежно ряд громадных фактических преимуществ: у них остаются деньги (уничтожить деньги сразу нельзя), кое-какое движимое имущество, часто значительное, остаются связи, навыки организации и управления, знание всех „тайн“ (обычаев, приемов, средств, возможностей) управления, остается более высокое образование, близость к технически высшему (по-буржуазному живущему и мыслящему) персоналу, остается неизмеримо больший навык в военном деле (это очень важно) и так далее, и так далее“ (см. т. XXIII, стр. 354).

В-третьих, „в *силе привычки,* в силе *мелкого производства.* Ибо мелкого производства осталось еще на свете, к сожалению, очень и очень много, а мелкое производство *рождает* капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе“... ибо „уничтожить классы — значит не только прогнать помещиков и капиталистов, — это мы сравнительно легко сделали, — это значит также *уничтожить мелких товаропроизводителей,* а их *нельзя прогнать,* их нельзя подавить, с ними *надо ужиться,* их можно (и должно) переделать, перевоспитать только очень длительной, медленной, осторожной организаторской работой“ (см. т. XXV, стр. 173 и 190).

Вот почему говорит Ленин, что:

„Диктатура пролетариата есть самая беззаветная и самая беспощадная война нового класса против *более могущественного* врага, против буржуазии, сопротивление которой *удесятерено* ее свержением“, что „...диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и административная, против сил и традиций старого общества“ (см. там же, стр. 173 и 191).

Едва ли нужно доказывать, что выполнить эти задачи в короткий срок, провести все это в несколько лет — нет никакой возможности. Поэтому диктатуру пролетариата, переход от капитализма

к коммунизму нужно рассматривать не как мимолетный период в виде ряда „революционнейших“ актов и декретов, а как целую историческую эпоху, полную гражданских войн и внешних столкновений, упорной организационной работы и хозяйственного строительства, наступлений и отступлений, побед и поражений. Эта историческая эпоха необходима не только для того, чтобы создать хозяйственные и культурные предпосылки полной победы социализма, но и для того, чтобы дать пролетариату возможность, во-первых — воспитать и закалить себя, как силу, способную управлять страной, во-вторых — перевоспитать и переделать мелко-буржуазные слои в направлении, обеспечивающем организацию социалистического производства.

„Вы должны, — говорил Маркс рабочим, — пережить 15, 20, 50 лет гражданской войны и международных битв не только для того, чтобы изменить существующие отношения, но чтобы и самим измениться и стать способными к политическому господству“ (см. т. VIII сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, стр. 506).

Продолжая и развивая дальше мысль Маркса, Ленин пишет:

„Придется при диктатуре пролетариата перевоспитывать миллионы крестьян и мелких хозяйчиков, сотни тысяч служащих, чиновников, буржуазных интеллигентов, подчинять их всех пролетарскому государству и пролетарскому руководству, побеждать в них буржуазные привычки и традиции“ так же, как необходимо будет „...перевоспитать... в длительной борьбе, на почве диктатуры пролетариата, и самих пролетариев, которые от своих собственных мелко-буржуазных предрассудков избавляются не сразу, не чудом, не по велению божией матери, не по велению лозунга, резолюции, декрета, а лишь в долгой и трудной массовой борьбе с массовыми мелко-буржуазными влияниями“ (см. т. XXV, стр. 248 и 247).

2) *Диктатура пролетариата, как господство пролетариата над буржуазией.* Уже из сказанного видно, что диктатура пролетариата не есть простая смена лиц в правительстве, смена „кабинета“ и пр., с оставлением в неприкосновенности старых экономических и политических порядков. Меньшевики и оппортунисты всех стран, боящиеся диктатуры, как огня, и подменивающие с перепугу понятие диктатуры понятием „завоевание власти“, обычно сводят „завоевание власти“ к смене „кабинета“, к появлению у власти нового министерства из людей вроде Шейдемана и Носке, Макдональда и Гендерсона. Едва ли нужно разъяснять, что эти и подобные им смены кабинетов не имеют ничего общего с диктатурой пролетариата, с завоеванием действительной власти действительным пролетариатом. Макдональды и Шейдеманы у власти, при оставлении старых буржуазных порядков, их, так сказать, правительства не могут быть чем-нибудь другим, кроме обслуживающего аппарата в руках буржуазии, кроме прикрытия

язв империализма, кроме орудия в руках буржуазии против революционного движения угнетенных и эксплоатируемых масс. Они, эти правительства, нужны капиталу, как ширма, когда ему неудобно, невыгодно, трудно угнетать и эксплоатировать массы без ширмы. Конечно, появление таких правительств является признаком того, что „у них там“ (т. е. у капиталистов), „на Шипке“, не спокойно, но правительства такого рода, несмотря на это, неизбежно остаются подкрашенными правительствами капитала. От правительства Макдональда или Шейдемана до завоевания власти пролетариатом так же далеко, как от земли до неба. Диктатура пролетариата есть не смена правительства, а новое государство, с новыми органами власти в центре и на местах, государство пролетариата, возникшее на развалинах старого государства, государства буржуазии.

Диктатура пролетариата возникает не на основе буржуазных порядков, а в ходе их ломки, после свержения буржуазии, в ходе экспроприации помещиков и капиталистов, в ходе социализации основных орудий и средств производства, в ходе насильственной революции пролетариата. Диктатура пролетариата есть власть революционная, опирающаяся на насилие над буржуазией.

Государство есть машина в руках господствующего класса для подавления сопротивления своих классовых противников. *В этом отношении* диктатура пролетариата ничем по существу не отличается от диктатуры всякого другого класса, ибо пролетарское государство является машиной для подавления буржуазии. Но тут есть одна *существенная* разница. Состоит она в том, что все существовавшие до сих пор классовые государства являлись диктатурой эксплоатирующего меньшинства над эксплоатируемым большинством, между тем как диктатура пролетариата является диктатурой эксплоатируемого большинства над эксплоатирующим меньшинством.

Короче: *диктатура пролетариата есть неограниченное законом и опирающееся на насилие господство пролетариата над буржуазией, пользующееся сочувствием и поддержкой трудящихся и эксплоатируемых масс* („Государство и революция“).

Из этого следует два основных вывода:

Первый вывод. Диктатура пролетариата не может быть „полной“ демократией, демократией для *всех,* и для богатых и для бедных, — диктатура пролетариата „должна быть государством *по-новому* демократическим, — *для*[1] пролетариев и неимущих вообще, и *по-новому* диктаторским, — *против*[1] буржуазии...“ (см. т. XXI, стр. 393). Разговоры Каутского и К° о всеобщем равенстве, о

[1] Курсив мой. *И. Ст.*

„чистой“ демократии, о „совершенной“ демократии и т. д. являются буржуазным прикрытием того несомненного факта, что равенство эксплоатируемых и эксплоататоров невозможно. Теория „чистой“ демократии есть теория верхушки рабочего класса, прирученной и подкармливаемой империалистическими грабителями. Она вызвана к жизни для того, чтобы прикрыть язвы капитализма, подкрасить империализм и придать ему моральную силу в борьбе против эксплоатируемых масс. Не бывает и не может быть при капитализме действительных „свобод“ для эксплоатируемых, хотя бы потому, что помещения, типографии, склады бумаги и т. д., необходимые для использования „свобод“, являются привилегией эксплоататоров. Не бывает и не может быть при капитализме действительного участия эксплоатируемых масс в управлении страной, хотя бы потому, что при самых демократических порядках в условиях капитализма правительства ставятся не народом, а Ротшильдами и Стиннесами, Рокфеллерами и Морганами. Демократия при капитализме есть демократия *капиталистическая*, демократия эксплоататорского меньшинства, покоящаяся на ограничении прав эксплоатируемого большинства и направленная против этого большинства. Только при пролетарской диктатуре возможны действительные „свободы“ для эксплоатируемых и действительное участие пролетариев и крестьян в управлении страной. Демократия при диктатуре пролетариата есть демократия *пролетарская*, демократия эксплоатируемого большинства, покоящаяся на ограничении прав эксплоататорского меньшинства и направленная против этого меньшинства.

Второй вывод. Диктатура пролетариата не может возникнуть как результат мирного развития буржуазного общества и буржуазной демократии, — она может возникнуть лишь в результате слома буржуазной государственной машины, буржуазной армии, буржуазного чиновничьего аппарата, буржуазной полиции.

„Рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей“,— говорят Маркс и Энгельс в предисловии к „Гражданской войне“. — Пролетарская революция должна „...не передать из одних рук в другие бюрократически-военную машину, как бывало до сих пор, *а сломать* ее... — таково предварительное условие всякой действительно народной революции на континенте“, — говорит Маркс в своем письме к Кугельману в 1871 году.

Ограничительная фраза Маркса о континенте дала повод оппортунистам и меньшевикам всех стран прокричать о том, что Маркс допускал, стало быть, возможность мирного развития буржуазной демократии в демократию пролетарскую, по крайней мере для некоторых стран, не входящих в состав европейского континента (Англия, Америка). Маркс, действительно, допускал такую воз-

можность и он имел основание делать такое допущение для Англии и Америки 70-х годов прошлого столетия, когда не было еще монополистического капитализма, не было империализма и не было еще у этих стран, в силу особых условий их развития, развитой военщины и бюрократизма. Так было дело до появления развитого империализма. Но потом, спустя 30—40 лет, когда положение дел в этих странах изменилось в корне, когда империализм развился и охватил все без исключения капиталистические страны, когда военщина и бюрократизм появились и в Англии с Америкой, когда особые условия мирного развития Англии и Америки исчезли, — ограничение насчет этих стран должно было отпасть само собой.

„Теперь, — говорит Ленин, — в 1917 году, в эпоху первой великой империалистской войны, это ограничение Маркса отпадает. И Англия и Америка, крупнейшие и последние — во всем мире — представители англо-саксонской „свободы" в смысле отсутствия военщины и бюрократизма, скатились вполне в общеевропейское грязное, кровавое болото бюрократически-военных учреждений, все себе подчиняющих, все собой подавляющих. Теперь и в Англии и в Америке „предварительным условием всякой действительной народной революции" являются *ломка, разрушение* „готовой" (изготовленной там в 1914—1917 гг. до „европейского", общеимпериалистского, совершенства) „государственной машины" (см. т. XXI, стр. 395).

Иначе говоря, закон о насильственной революции пролетариата, закон о сломе буржуазной государственной машины, как о предварительном условии такой революции, является неизбежным законом революционного движения империалистических стран мира.

Конечно, в далеком будущем, если пролетариат победит в важнейших странах капитализма и если нынешнее капиталистическое окружение сменится окружением социалистическим, вполне возможен „мирный" путь развития для некоторых капиталистических стран, капиталисты которых, в силу „неблагоприятной" международной обстановки, сочтут целесообразным „добровольно" пойти на серьезные уступки пролетариату. Но это предположение касается лишь далекого и возможного будущего. Для ближайшего будущего это предположение не имеет никаких, ровно никаких оснований.

Поэтому Ленин прав, когда он говорит:

„Пролетарская революция невозможна без насильственного разрушения буржуазной государственной машины и замены ее *новою*" (см. т. XXIII, стр. 342).

3) *Советская власть, как государственная форма диктатуры пролетариата.* Победа диктатуры пролетариата означает подавление буржуазии, слом буржуазной государственной машины, за-

мену буржуазной демократии демократией пролетарской. Это ясно. Но каковы организации, при помощи которых может быть проделана эта колоссальная работа? Что старые формы организации пролетариата, выросшие на основе буржуазного парламентаризма, недостаточны для такой работы, — в этом едва ли может быть сомнение. Каковы же те новые формы организации пролетариата, которые способны сыграть роль могильщика буржуазной государственной машины, которые способны не только сломать эту машину и не только заменить буржуазную демократию демократией пролетарской, но и стать основой пролетарской государственной власти?

Этой новой формой организации пролетариата являются советы.

В чем состоит сила советов в сравнении со старыми формами организации?

В том, что советы являются наиболее *всеобъемлющими* массовыми организациями пролетариата, ибо они и только они охватывают всех без исключения рабочих.

В том, что советы являются *единственными* массовыми организациями, которые обнимают всех угнетенных и эксплоатируемых, рабочих и крестьян, солдат и матросов, и где политическое руководство борьбой масс со стороны авангарда масс, со стороны пролетариата, может быть осуществляемо ввиду этого наиболее легко и наиболее полно.

В том, что советы являются *наиболее мощными органами* революционной борьбы масс, политических выступлений масс, восстания масс, органами, способными сломить всесилие финансового капитала и его политических придатков.

В том, что советы являются *непосредственными* организациями самих масс, то есть *наиболее демократическими* и, значит, наиболее авторитетными организациями масс, максимально облегчающими им участие в устройстве нового государства и в управлении им и максимально развязывающими революционную энергию, инициативу, творческие способности масс в борьбе за разрушение старого уклада, в борьбе за новый, пролетарский уклад.

Советская власть есть объединение и оформление местных советов в одну общую государственную организацию, в государственную организацию пролетариата, как авангарда угнетенных и эксплоатируемых масс и как господствующего класса, — объединение в республику советов.

Сущность Советской власти заключается в том, что наиболее массовые и наиболее революционные организации тех именно классов, которые угнетались капиталистами и помещиками, являются теперь „*постоянной и единственной* основой всей государственной власти, всего государственного аппарата“, что „именно

те массы, которые даже в самых демократических буржуазных республиках", будучи по закону равноправными, „на деле тысячами приемов и уловок отстранялись от участия в политической жизни и от пользования демократическими правами и свободами, привлекаются теперь к *постоянному* и непременному, притом *решающему*, участию в демократическом управлении государством"[1] (см. т. XXIV, стр. 13).

Вот почему Советская власть является *новой формой* государственной организации, принципиально отличной от старой, буржуазно-демократической и парламентарной формы, *новым типом* государства, приноровленным не к задачам эксплоатации и угнетения трудящихся масс, а к задачам полного их освобождения от всякого гнета и эксплоатации, к задачам диктатуры пролетариата.

Ленин прав, говоря, что с появлением Советской власти „эпоха буржуазно-демократического парламентаризма кончилась, началась новая глава всемирной истории: эпоха пролетарской диктатуры".

В чем состоят характерные черты Советской власти?

В том, что Советская власть является наиболее массовой и наиболее демократической государственной организацией из всех возможных государственных организаций в условиях существования классов, ибо она, будучи ареной смычки и сотрудничества рабочих и эксплоатируемых крестьян в борьбе против эксплоататоров и опираясь в своей работе на эту смычку и на это сотрудничество, является тем самым властью большинства населения над меньшинством, государством этого большинства, выражением его диктатуры.

В том, что Советская власть является наиболее интернационалистской из всех государственных организаций классового общества, ибо она, разрушая всякий национальный гнет и опираясь на сотрудничество трудящихся масс различных национальностей, облегчает тем самым объединение этих масс в едином государственном союзе.

В том, что Советская власть, по самой своей структуре, облегчает дело руководства угнетенных и эксплоатируемых масс со стороны авангарда этих масс, со стороны пролетариата, как наиболее сплоченного и наиболее сознательного ядра советов.

„Опыт всех революций и всех движений угнетенных классов, опыт всемирного социалистического движения учит нас, — говорит Ленин, — что только пролетариат в состоянии объединить и вести за собой распыленные и отсталые слои трудящегося и эксплоатируемого населения" (см. т. XXIV, стр. 14). Структура Советской власти облегчает проведение в жизнь указаний этого опыта.

---

[1] Курсив везде мой. *И. Ст.*

В том, что Советская власть, объединяя законодательную и исполнительную власти в единой организации государства и заменяя территориальные выборные округа производственными единицами, заводами и фабриками, — непосредственно связывает рабочие и вообще трудящиеся массы с аппаратами государственного управления, учит их управлению страной.

В том, что только Советская власть способна избавить армию от подчинения буржуазному командованию и превратить ее из орудия угнетения народа, каким она является при буржуазных порядках, в орудие освобождения народа от ига буржуазии, своей и чужой.

В том, что „только советская организация государства в состоянии действительно разбить сразу и разрушить окончательно старый, т. е. буржуазный, чиновничий и судейский аппарат“ (см. там же).

В том, что только советская форма государства, привлекающая массовые организации трудящихся и эксплоатируемых к постоянному и безусловному участию в государственном управлении, способна подготовить то отмирание государственности, которое является одним из основных элементов будущего безгосударственного, коммунистического общества.

Республика советов является, таким образом, той искомой и найденной, наконец, политической формой, в рамках которой должно быть совершено экономическое освобождение пролетариата, полная победа социализма.

Парижская коммуна была зародышем этой формы. Советская власть является ее развитием и завершением.

Вот почему говорит Ленин, что:

„Республика советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов является не только формой более высокого типа демократических учреждений... но и *единственной*[1] формой, способной обеспечить наиболее безболезненный переход к социализму“ (см. т. XXII, стр. 131).

V

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС

Из этой темы я беру четыре вопроса: а) постановка вопроса; б) крестьянство во время буржуазно-демократической революции; в) крестьянство во время пролетарской революции; г) крестьянство после упрочения Советской власти.

1) *Постановка вопроса.* Иные думают, что основное в ленинизме — крестьянский вопрос, что исходным пунктом ленинизма

[1] Курсив мой. *И. Ст.*

является вопрос о крестьянстве, его роли, его удельном весе. Это совершенно неверно. Основным вопросом в ленинизме, его отправным пунктом является не крестьянский вопрос, а вопрос о диктатуре пролетариата, об условиях ее завоевания, об условиях ее укрепления. Крестьянский вопрос, как вопрос о союзнике пролетариата в его борьбе за власть, является вопросом производным.

Это обстоятельство, однако, не лишает его нисколько того серьезного, животрепещущего значения, которое, несомненно, имеет он для пролетарской революции. Известно, что серьезная разработка крестьянского вопроса в рядах русских марксистов началась именно накануне первой революции (1905 г.), когда вопрос о свержении царизма и проведении гегемонии пролетариата предстал перед партией во весь свой рост, а вопрос о союзнике пролетариата в предстоящей буржуазной революции принял животрепещущий характер. Известно также, что крестьянский вопрос в России принял еще более актуальный характер во время пролетарской революции, когда вопрос о диктатуре пролетариата, об ее завоевании и удержании привел к вопросу о союзниках пролетариата в предстоящей пролетарской революции. Оно и понятно: кто идет и готовится к власти, тот не может не интересоваться вопросом о своих действительных союзниках.

В этом смысле крестьянский вопрос является частью общего вопроса о диктатуре пролетариата и, как таковой, представляет один из самых животрепещущих вопросов ленинизма.

Равнодушное, а то и прямо отрицательное отношение к крестьянскому вопросу со стороны партий II Интернационала объясняется не только особыми условиями развития на Западе. Оно объясняется прежде всего тем, что эти партии не верят в пролетарскую диктатуру, боятся революции и не думают вести пролетариат к власти; а кто боится революции, кто не хочет вести пролетариев к власти, тот не может интересоваться вопросом о союзниках пролетариата в революции, — для него вопрос о союзниках является вопросом безразличным, неактуальным. Ироническое отношение героев II Интернационала к крестьянскому вопросу считается у них признаком хорошего тона, признаком „настоящего“ марксизма. На самом деле тут нет ни грана марксизма, ибо равнодушие к такому важному вопросу, как крестьянский вопрос, накануне пролетарской революции является обратной стороной отрицания диктатуры пролетариата, несомненным признаком прямой измены марксизму.

Вопрос стоит так: *исчерпаны ли уже* революционные возможности, таящиеся в недрах крестьянства, в силу известных усло-

вий его существования, или нет, и если не исчерпаны, *есть ли надежда, основание* использовать эти возможности *для* пролетарской революции, превратить крестьянство, его эксплоатируемое большинство, из резерва буржуазии, каким оно было во время буржуазных революций Запада и каким оно остается и теперь, — в резерв пролетариата, в его союзника?

Ленинизм отвечает на этот вопрос положительно, т. е. в духе признания в рядах большинства крестьянства революционных способностей и в духе возможности их использования в интересах пролетарской диктатуры. История трех революций в России целиком подтверждает выводы ленинизма на этот счет.

Отсюда практический вывод о поддержке, обязательной поддержке трудящихся масс крестьянства в их борьбе против кабалы и эксплоатации, в их борьбе за избавление от гнета и нищеты. Это не значит, конечно, что пролетариат должен поддерживать *всякое* крестьянское движение. Речь идет здесь о поддержке такого движения и такой борьбы крестьянства, которые облегчают прямо или косвенно освободительное движение пролетариата, которые льют воду так или иначе на мельницу пролетарской революции, которые способствуют превращению крестьянства в резерв и союзника рабочего класса.

2) *Крестьянство во время буржуазно-демократической революции.* Этот период охватывает промежуток времени от первой русской революции (1905 г.) до второй (февраль 1917 г.) включительно. Характерной чертой этого периода является высвобождение крестьянства из-под влияния либеральной буржуазии, *отход* крестьянства от кадетов, *поворот* крестьянства в сторону пролетариата, в сторону партии большевиков. История этого периода есть история борьбы кадетов (либеральная буржуазия) и большевиков (пролетариат) за крестьянство. Судьбу этой борьбы решил думский период, ибо период четырех Дум послужил предметным уроком для крестьянства, а этот урок воочию показал крестьянам, что им не получить из рук кадетов ни земли, ни воли, что царь всецело за помещиков, а кадеты поддерживают царя, что единственная сила, на помощь которой можно рассчитывать, — это городские рабочие, пролетариат. Империалистская война лишь подтвердила урок думского периода, завершив отход крестьянства от буржуазии, завершив изоляцию либеральной буржуазии, ибо годы войны показали всю тщетность, всю обманчивость надежд получить мир от царя и его буржуазных союзников. Без наглядных уроков думского периода гегемония пролетариата была бы невозможна.

Так сложился союз рабочих и крестьян в буржуазно-демократической революции. Так сложилась гегемония (руководство)

пролетариата в общей борьбе за свержение царизма, гегемония, приведшая к Февральской революции 1917 г.

Буржуазные революции Запада (Англия, Франция, Германия, Австрия) пошли, как известно, по другому пути. Там гегемония в революции принадлежала не пролетариату, который не представлял и не мог представлять по своей слабости самостоятельную политическую силу, а либеральной буржуазии. Там освобождение от крепостнических порядков получило крестьянство не из рук пролетариата, который был малочислен и неорганизован, а из рук буржуазии. Там крестьянство шло против старых порядков вместе с либеральной буржуазией. Там крестьянство представляло резерв буржуазии. Там революция привела, ввиду этого, к громадному усилению политического веса буржуазии.

В России, наоборот, буржуазная революция дала прямо противоположные результаты. Революция в России привела не к усилению, а к ослаблению буржуазии, как политической силы, не к умножению ее политических резервов, а к потере ею основного резерва, к потере крестьянства. Буржуазная революция в России выдвинула на первый план не либеральную буржуазию, а революционный пролетариат, сплотив вокруг него многомиллионное крестьянство.

Этим, между прочим, и объясняется тот факт, что буржуазная революция в России переросла в пролетарскую революцию в сравнительно короткий срок. Гегемония пролетариата была зародышем и переходной ступенью к диктатуре пролетариата.

Чем объяснить это своеобразное явление в русской революции, не имеющее прецедентов в истории буржуазных революций на Западе? Откуда взялось это своеобразие?

Объясняется оно тем, что буржуазная революция развернулась в России при более развитых условиях классовой борьбы, чем на Западе, что русский пролетариат успел уже превратиться к этому времени в самостоятельную политическую силу, между тем как либеральная буржуазия, напуганная революционностью пролетариата, растеряла подобие всякой революционности (особенно после уроков 1905 г.) и вступила в союз с царем и помещиками против революции, против рабочих и крестьян.

Следует обратить внимание на следующие обстоятельства, определившие своеобразие русской буржуазной революции:

а) Небывалая концентрация русской промышленности накануне революции. Известно, напр., что в предприятиях с количеством рабочих свыше 500 чел. работало в России 54% всех рабочих, между тем как в такой развитой стране, как Северная Америка, в аналогичных предприятиях работало всего 33% всех рабочих. Едва ли нужно доказывать, что уже одно это обстоятельство при

наличии такой революционной партии, как партия большевиков, превращало рабочий класс России в величайшую силу политической жизни страны.

б) Безобразные формы эксплоатации на предприятиях плюс нестерпимый полицейский режим царских опричников, — обстоятельство, превращавшее каждую серьезную стачку рабочих в громадный политический акт и закалявшее рабочий класс, как силу, до конца революционную.

в) Политическая дряблость русской буржуазии, превратившаяся после революции 1905 г. в прислужничество к царизму и прямую контр-революционность, объясняемую не только революционностью русского пролетариата, отбросившего русскую буржуазию в объятия царизма, но и прямой зависимостью этой буржуазии от казенных заказов.

г) Наличие самых безобразных и самых нестерпимых пережитков крепостнических порядков в деревне, дополняемых всевластием помещика, — обстоятельство, бросившее крестьянство в объятия революции.

д) Царизм, давивший все живое и усугублявший своим произволом гнет капиталиста и помещика, — обстоятельство, соединившее борьбу рабочих и крестьян в единый революционный поток.

е) Империалистская война, слившая все эти противоречия политической жизни России в глубокий революционный кризис и придавшая революции невероятную силу натиска.

Куда было ткнуться крестьянству при таких условиях? У кого искать поддержки против всевластия помещика, против произвола царя, против губительной войны, разорявшей его хозяйство? У либеральной буржуазии? Но она враг, — об этом говорил долголетний опыт всех четырех Дум. У эс-эров? Эс-эры, конечно, „лучше“ кадетов, и программа у них „подходячая“, почти крестьянская, но что могут дать эс-эры, если они думают опереться на одних крестьян и если они слабы в городе, где прежде всего черпает свои силы противник? Где та новая сила, которая ни перед чем не остановится ни в деревне, ни в городе, которая пойдет смело в первые ряды на борьбу с царем и помещиком, которая поможет крестьянству вырваться из кабалы, из безземелья, из гнета, из войны? Была ли вообще такая сила в России? Да, была. Это был русский пролетариат, показавший свою силу, свое уменье бороться до конца, свою смелость, свою революционность еще в 1905 году.

Во всяком случае, другой такой силы не было, и взять ее неоткуда было.

Вот почему крестьянство, отчалив от кадетов и причалив к эс-

эрам, пришло вместе с тем к необходимости подчиниться руководству такого мужественного вождя революции, как русский пролетариат.

Таковы обстоятельства, определившие своеобразие русской буржуазной революции.

3) *Крестьянство во время пролетарской революции.* Этот период охватывает промежуток времени от Февральской революции (1917 г.) до Октябрьской (1917 г.). Период этот сравнительно недолгий, всего восемь месяцев, — но эти восемь месяцев, с точки зрения политического просвещения и революционного воспитания масс, смело могут быть поставлены на одну доску с целыми десятилетиями обычного конституционного развития, ибо они означают восемь месяцев *революции.* Характерной чертой этого периода является дальнейшее революционизирование крестьянства, его разочарование в эс-эрах, *отход* крестьянства от эс-эров, новый *поворот* крестьянства в сторону *прямого сплочения* вокруг пролетариата, как единственной до конца революционной силы, способной привести страну к миру. История этого периода есть история борьбы эс-эров (мелко-буржуазная демократия) и большевиков (пролетарская демократия) за крестьянство, за овладение большинством крестьянства. Судьбу этой борьбы решили коалиционный период, период керенщины, отказ эс-эров и меньшевиков от конфискации помещичьей земли, борьба эс-эров и меньшевиков за продолжение войны, июньское наступление на фронте, смертная казнь для солдат, восстание Корнилова.

Если раньше, в предыдущий период, основным вопросом революции являлось свержение царя и помещичьей власти, то теперь, в период после-февральской революции, когда царя уже не стало, а нескончаемая война доконала хозяйство страны, разорив вконец крестьянство, — основным вопросом революции стал вопрос о ликвидации войны. Центр тяжести явно переместился с вопросов чисто внутреннего характера к основному вопросу — о войне. „Кончить войну“, „вырваться из войны“ — это был общий крик истомившейся страны и, прежде всего, крестьянства. Но, чтобы вырваться из войны, необходимо было свергнуть Временное правительство, необходимо было свергнуть власть буржуазии, необходимо было свергнуть власть эс-эров и меньшевиков, ибо они и только они затягивали войну до „победного конца“. Иного пути выхода из войны, как через свержение буржуазии, не оказалось на практике.

Это была новая революция, революция пролетарская, ибо она сбрасывала с власти последнюю, крайнюю левую фракцию империалистской буржуазии, партию эс-эров и меньшевиков, для того чтобы создать новую, пролетарскую власть, власть советов, для

того чтобы поставить у власти партию революционного пролетариата, партию большевиков, партию революционной борьбы против империалистской войны за демократический мир. Большинство крестьянства поддержало борьбу рабочих за мир, за власть советов.

Иного выхода для крестьянства не было. Иного выхода и не могло быть.

Период керенщины был, таким образом, величайшим предметным уроком для трудовых масс крестьянства, ибо он наглядно показал, что при власти эс-эров и меньшевиков не вырваться стране из войны, не видать крестьянам ни земли, ни воли, что меньшевики и эс-эры отличаются от кадетов лишь сладкими речами и фальшивыми обещаниями, на деле же проводят ту же империалистскую, кадетскую политику, что единственной властью, способной вывести страну на дорогу, может быть лишь власть советов. Дальнейшее затягивание войны лишь подтверждало правильность этого урока, подхлестывало революцию и подгоняло миллионные массы крестьян и солдат на путь *прямого сплочения* вокруг пролетарской революции. Изоляция эс-эров и меньшевиков стала непреложным фактом. Без наглядных уроков коалиционного периода диктатура пролетариата была бы невозможна.

Таковы обстоятельства, облегчившие процесс перерастания буржуазной революции в революцию пролетарскую.

Так сложилась диктатура пролетариата в России.

4) *Крестьянство после укрепления Советской власти.* Если раньше, в первый период революции, дело шло, главным образом, о свержении царизма, а потом, после Февральской революции, вопрос шел, прежде всего, о выходе из империалистской войны через свержение буржуазии, то теперь, после ликвидации гражданской войны и упрочения Советской власти, — на первый план выступили вопросы хозяйственного строительства. Усилить и развить национализированную индустрию; связать для этого индустрию с крестьянским хозяйством через торговлю, регулируемую государством; заменить продразверстку продналогом с тем, чтобы потом, постепенно уменьшая размеры продналога, свести дело к обмену изделий индустрии на продукты крестьянского хозяйства; оживить торговлю и развить кооперацию, вовлекая в эту последнюю миллионы крестьянства, — вот как рисовал Ленин очередные задачи хозяйственного строительства на пути к постройке фундамента социалистической экономики.

Говорят, что задача эта может оказаться непосильной для такой крестьянской страны, как Россия. Некоторые скептики говорят даже о том, что она просто утопична, невыполнима, ибо крестьянство есть крестьянство, — оно состоит из мелких произ-

водителей, и оно не может быть поэтому использовано для организации фундамента социалистического производства.

Но скептики ошибаются, ибо они не учитывают некоторых обстоятельств, имеющих в данном случае решающее значение. Рассмотрим главные из них.

Во-первых. Нельзя смешивать крестьянство Советского Союза с крестьянством Запада. Крестьянство, прошедшее школу трех революций, боровшееся против царя и буржуазной власти вместе с пролетариатом и во главе с пролетариатом, крестьянство, получившее землю и мир из рук пролетарской революции и ставшее ввиду этого резервом пролетариата, — это крестьянство не может не отличаться от крестьянства, боровшегося во время буржуазной революции во главе с либеральной буржуазией, получившего землю из рук этой буржуазии и ставшего ввиду этого резервом буржуазии. Едва ли нужно доказывать, что советское крестьянство, привыкшее ценить политическую дружбу и политическое сотрудничество с пролетариатом и обязанное своей свободой этой дружбе и этому сотрудничеству, — не может не составлять исключительно благоприятный материал для экономического сотрудничества с пролетариатом.

Энгельс говорил, что „завоевание политической власти социалистической партией стало делом близкого будущего", что „для того, чтобы завоевать ее, партия должна сначала пойти из города в деревню и сделаться сильной в деревне" (см. „Крестьянский вопрос" Энгельса). Он писал об этом в 90-х годах прошлого столетия, имея в виду западное крестьянство. Нужно ли доказывать, что русские коммунисты, проделавшие в этом отношении колоссальную работу в течение трех революций, успели уже создать себе в деревне такое влияние и такую опору, о которых не смеют даже мечтать наши западные товарищи? Как можно отрицать, что это обстоятельство не может не облегчить коренным образом дело налаживания экономического сотрудничества между рабочим классом и крестьянством России?

Скептики твердят о мелких крестьянах, как о факторе, несовместимом с социалистическим строительством. Но слушайте, что говорит Энгельс о мелких крестьянах Запада:

„Мы решительно стоим на стороне мелкого крестьянина; мы будем делать все возможное, чтобы ему было сноснее жить, чтобы облегчить ему переход к товариществу в случае, если он на это решится; в том же случае, если он еще не будет в состоянии принять это решение, мы постараемся предоставить ему возможно больше времени подумать об этом на своем клочке. Мы будем поступать так не только потому, что считаем возможным переход на нашу сторону самостоятельно работающего мелкого крестьянина, но также и из непосредственных партийных интересов. Чем больше будет число крестьян, которым мы не дадим спуститься до про-

летариев и которых мы привлечем на свою сторону еще крестьянами, тем быстрее и легче свершится общественное преобразование. Нам было бы бесполезно ожидать с этим преобразованием того времени, когда капиталистическое производство повсюду разовьется до своих крайних последствий, когда и последний мелкий ремесленник и последний мелкий крестьянин падут жертвами крупного капиталистического производства. Материальные жертвы, которые придется принести в этом смысле в интересах крестьян из общественных средств, с точки зрения капиталистической экономики могут показаться выброшенными деньгами, а, между тем, это — прекрасное употребление капитала, потому что они сберегут, может быть, в десять раз большие суммы при расходах на общественное преобразование в его целом. В этом смысле мы можем, следовательно, быть очень щедрыми по отношению к крестьянам“ (см. там же).

Так говорил Энгельс, имея в виду западное крестьянство. Но разве не ясно, что сказанное Энгельсом нигде не может быть осуществлено с такой легкостью и полнотой, как в стране диктатуры пролетариата? Разве не ясно, что только в Советской России могут быть проведены в жизнь теперь же и полностью и „переход на нашу сторону самостоятельно работающего мелкого крестьянина“, и необходимые для этого „материальные жертвы“, и нужная для этого „щедрость по отношению к крестьянам“, что эти и подобные им меры в пользу крестьян уже проводятся в России? Как можно отрицать, что это обстоятельство, в свою очередь, должно облегчить и двинуть вперед дело хозяйственного строительства Советской страны?

Во-вторых. Нельзя смешивать сельское хозяйство России с сельским хозяйством Запада. Там развитие сельского хозяйства идет по обычной линии капитализма, в обстановке глубокой диференциации крестьянства, с крупными имениями и частно-капиталистическими латифундиями на одном полюсе, с пауперизмом, нищетой и наемным рабством — на другом. Там распад и разложение ввиду этого вполне естественны. Не то в России. У нас развитие сельского хозяйства не может пойти по такому пути хотя бы потому, что наличие Советской власти и национализация основных орудий и средств производства не допускают такого развития. В России развитие сельского хозяйства должно пойти по другому пути, по пути кооперирования миллионов мелкого и среднего крестьянства, по пути развития в деревне массовой кооперации, поддерживаемой государством в порядке льготного кредитования. Ленин правильно указал в статьях о кооперации, что развитие сельского хозяйства у нас должно пойти по новому пути, по пути вовлечения большинства крестьян в социалистическое строительство через кооперацию, по пути постепенного внедрения в сельское хозяйство начал коллективизма сначала в области сбыта, а потом — в области производства продуктов сельского хозяйства.

Крайне интересны в этом отношении некоторые новые явления в деревне в связи с работой сельско-хозяйственной кооперации. Известно, что внутри Сельскосоюза народились новые крупные организации по отраслям сельского хозяйства, — по льну, картофелю, маслу и пр., имеющие большую будущность. Из них, например, Льноцентр объединяет целую сеть производственных товариществ крестьян-льноводов. Льноцентр занимается тем, что снабжает крестьян семенами и орудиями производства, потом у тех же крестьян покупает всю продукцию льна, сбывает ее в массовом масштабе на рынок; обеспечивает крестьянам участие в прибылях и, таким образом, связывает крестьянское хозяйство через Сельскосоюз с государственной промышленностью. Как назвать такую форму организации производства? Это есть, по-моему, домашняя система крупного государственно-социалистического производства в области сельского хозяйства. Я говорю здесь о домашней системе государственно-социалистического производства по аналогии с домашней системой капитализма в области, скажем, текстильного производства, где кустари, получая от капиталиста сырье и орудия и сдавая ему всю свою продукцию, фактически являлись полунаемными рабочими на дому. Это один из многих показателей того, по какому пути должно пойти у нас развитие сельского хозяйства. Я уже не говорю здесь о других показателях такого же рода по другим отраслям сельского хозяйства.

Едва ли нужно доказывать, что громадное большинство крестьянства охотно станет на этот новый путь развития, отбросив прочь путь частно-капиталистических латифундий и наемного рабства, путь нищеты и разорения.

Вот что говорит Ленин о путях развития нашего сельского хозяйства:

„Власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д., — разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэпе так же, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения“ (см. т. XXVII, стр. 392).

Говоря дальше о необходимости финансовой и иной поддержки кооперации, как „нового принципа организации населения“ и нового „общественного строя“ при диктатуре пролетариата, Ленин продолжает:

„Каждый общественный строй возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса. Нечего напоминать о тех сотнях и сотнях

миллионов рублей, которые стоило рождение „свободного“ капитализма. Теперь мы должны сознать и претворить в дело, что в настоящее время тот общественный строй, который мы должны поддерживать сверх обычного, есть строй кооперативный. Но поддерживать его надо в настоящем смысле этого слова, т. е. под этой поддержкой недостаточно понимать поддержку любого кооперативного оборота, — под этой поддержкой надо понимать поддержку такого кооперативного оборота, в котором *действительно участвуют действительные массы населения*“ (см. там же, стр. 393).

О чем говорят все эти обстоятельства?

О том, что скептики не правы.

О том, что прав ленинизм, рассматривающий трудящиеся массы крестьянства как резерв пролетариата.

О том, что стоящий у власти пролетариат может и должен использовать этот резерв для того, чтобы сомкнуть индустрию с сельским хозяйством, поднять социалистическое строительство и подвести под диктатуру пролетариата тот необходимый фундамент, без которого невозможен переход к социалистической экономике.

VI
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Из этой темы я беру два главных вопроса: а) постановка вопроса, б) освободительное движение угнетенных народов и пролетарская революция.

1) *Постановка вопроса.* За последние два десятилетия национальный вопрос претерпел ряд серьезнейших изменений. Национальный вопрос в период II Интернационала и национальный вопрос в период ленинизма далеко не одно и то же. Они глубоко друг от друга отличаются не только по объему, но и по внутреннему своему характеру.

Раньше национальный вопрос замыкался обычно тесным кругом вопросов, касающихся, главным образом, „культурных“ национальностей. Ирландцы, венгры, поляки, финны, сербы и некоторые другие национальности Европы — таков тот круг неполноправных народов, судьбами которых интересовались герои II Интернационала. Десятки и сотни миллионов азиатских и африканских народов, терпящих национальный гнет в самой грубой и жестокой форме, обычно оставались вне поля зрения. Белых и черных, „культурных“ и „некультурных“ не решались ставить на одну доску. Две-три пустых и кисло-сладких резолюции, старательно обходящих вопрос об освобождении колоний, — это все, чем могли похвастать деятели II Интернационала. Теперь эту двойственность и половинчатость в национальном вопросе нужно считать ликвидированной. Ленинизм вскрыл это вопиющее не-

соответствие, разрушил стену между белыми и черными, между европейцами и азиатами, между „культурными“ и „некультурными“ рабами империализма и связал, таким образом, национальный вопрос с вопросом о колониях. Тем самым национальный вопрос был превращен из вопроса частного и внутригосударственного в вопрос общий и международный, в мировой вопрос об освобождении угнетенных народов зависимых стран и колоний от ига империализма.

Раньше принцип самоопределения наций истолковывался обычно неправильно, суживаясь нередко до права наций на автономию. Некоторые лидеры II Интернационала дошли даже до того, что право на самоопределение превратили в право на культурную автономию, т. е. в право угнетенных наций иметь свои культурные учреждения, оставляя всю политическую власть в руках господствующей нации. Это обстоятельство вело к тому, что идея самоопределения из орудия борьбы с аннексиями рисковала превратиться в орудие оправдания аннексий. Теперь эту путаницу нужно считать преодоленной. Ленинизм расширил понятие самоопределения, истолковав его как право угнетенных народов зависимых стран и колоний на полное отделение, как право наций на самостоятельное государственное существование. Тем самым была исключена возможность оправдания аннексий путем истолкования права на самоопределение, как права на автономию. Самый же принцип самоопределения был превращен, таким образом, из орудия обмана масс, каким он, несомненно, являлся в руках социал-шовинистов во время империалистской войны, в орудие разоблачения всех и всяких империалистических вожделений и шовинистических махинаций, в орудие политического просвещения масс в духе интернационализма.

Раньше вопрос об угнетенных нациях рассматривался обычно, как вопрос чисто правовой. Торжественное провозглашение „национального равноправия“, бесчисленные декларации о „равенстве наций“ — вот чем пробавлялись партии II Интернационала, замазывающие тот факт, что „равенство наций“ при империализме, когда одна группа наций (меньшинство) живет за счет эксплоатации другой группы наций, является издевкой над угнетенными народами. Теперь эту буржуазно-правовую точку зрения в национальном вопросе нужно считать разоблаченной. Ленинизм низвел национальный вопрос с высот широковещательных деклараций на землю, заявив, что декларации о „равенстве наций“, не подкрепляемые со стороны пролетарских партий прямой поддержкой освободительной борьбы угнетенных народов, являются пустыми и фальшивыми декларациями. Тем самым вопрос об угнетенных нациях стал вопросом о поддержке, о помощи, дей-

ствительной и постоянной помощи угнетенным нациям в их борьбе с империализмом за действительное равенство наций, за их самостоятельное государственное существование.

Раньше национальный вопрос рассматривался реформистски, как отдельный самостоятельный вопрос, вне связи с общим вопросом о власти капитала, о свержении империализма, о пролетарской революции. Молчаливо предполагалось, что победа пролетариата в Европе возможна без прямого союза с освободительным движением в колониях, что разрешение национально-колониального вопроса может быть проведено втихомолку, „самотеком“, в стороне от большой дороги пролетарской революции, без революционной борьбы с империализмом. Теперь эту антиреволюционную точку зрения нужно считать разоблаченной. Ленинизм доказал, а империалистическая война и революция в России подтвердили, что национальный вопрос может быть разрешен лишь в связи и на почве пролетарской революции, что путь победы революции на Западе проходит через революционный союз с освободительным движением колоний и зависимых стран против империализма. Национальный вопрос есть часть общего вопроса о пролетарской революции, часть вопроса о диктатуре пролетариата.

Вопрос стоит так: *исчерпаны* ли *уже* революционные возможности, имеющиеся в недрах революционно-освободительного движения угнетенных стран, или нет, и если не исчерпаны, — есть ли надежда, основание использовать эти возможности для пролетарской революции, превратить зависимые и колониальные страны из резерва империалистической буржуазии в резерв революционного пролетариата, в союзника последнего?

Ленинизм отвечает на этот вопрос положительно, т. е. в духе признания в недрах национально-освободительного движения угнетенных стран революционных способностей и в духе возможности их использования в интересах свержения общего врага, в интересах свержения империализма. Механика развития империализма, империалистическая война и революция в России целиком подтверждают выводы ленинизма на этот счет.

Отсюда необходимость поддержки, решительной и активной поддержки со стороны пролетариата национально-освободительного движения угнетенных и зависимых народов.

Это не значит, конечно, что пролетариат должен поддерживать *всякое* национальное движение, везде и всегда, во всех отдельных конкретных случаях. Речь идет о поддержке таких национальных движений, которые направлены на ослабление, на свержение империализма, а не на его укрепление и сохранение. Бывают случаи, когда национальные движения отдельных угнетен-

ных стран приходят в столкновение с интересами развития пролетарского движения. Само собою понятно, что в таких случаях не может быть и речи о поддержке. Вопрос о правах нации есть не изолированный и самодовлеющий вопрос, а часть общего вопроса о пролетарской революции, подчиненная целому и требующая своего рассмотрения под углом зрения целого. Маркс в 40-х годах прошлого века стоял за национальное движение поляков и венгров против национального движения чехов и южных славян. Почему? Потому, что чехи и южные славяне являлись тогда „реакционными народами“, „русскими форпостами“ в Европе, форпостами абсолютизма, тогда как поляки и венгры являлись „революционными народами“, боровшимися против абсолютизма. Потому, что поддержка национального движения чехов и южных славян означала тогда косвенную поддержку царизма, опаснейшего врага революционного движения в Европе.

„Отдельные требования демократии, — говорит Ленин, — в том числе самоопределение, не абсолют, а *частичка* общедемократического (ныне: общесоциалистического) *мирового* движения. Возможно, что в отдельных конкретных случаях частичка противоречит общему, тогда надо отвергнуть ее“ (см. т. XIX, стр. 257—258).

Так обстоит дело с вопросом об отдельных национальных движениях, о возможном реакционном характере этих движений, если, конечно, расценивать их не с формальной точки зрения, не с точки зрения абстрактных прав, а конкретно, с точки зрения интересов революционного движения.

То же самое нужно сказать о революционном характере национальных движений вообще. Несомненная революционность громадного большинства национальных движений столь же относительна и своеобразна, сколь относительна и своеобразна возможная реакционность некоторых отдельных национальных движений. Революционный характер национального движения в обстановке империалистического гнета вовсе не предполагает обязательного наличия пролетарских элементов в движении, наличия революционной или республиканской программы движения, наличия демократической основы движения. Борьба афганского эмира за независимость Афганистана является объективно *революционной* борьбой, несмотря на монархический образ взглядов эмира и его сподвижников, ибо она ослабляет, разлагает, подтачивает империализм, между тем как борьба таких „отчаянных“ демократов и „социалистов“, „революционеров“ и республиканцев, как, скажем, Керенский и Церетели, Ренодель и Шейдеман, Чернов и Дан, Гендерсон и Клайнс, во время империалистической войны, была борьбой *реакционной*, ибо она имела своим результатом подкрашивание, укрепление, победу империализма. Борьба египетских купцов и буржуазных

интеллигентов за независимость Египта является, по тем же причинам, борьбой объективно *революционной*, несмотря на буржуазное происхождение и буржуазное звание лидеров египетского национального движения, несмотря на то, что они против социализма, между тем как борьба английского рабочего правительства за сохранение зависимого положения Египта является, по тем же причинам, борьбой *реакционной*, несмотря на пролетарское происхождение и на пролетарское звание членов этого правительства, несмотря на то, что они „за" социализм. Я уже не говорю о национальном движении других, более крупных, колониальных и зависимых стран, вроде Индии и Китая, каждый шаг которых по пути к освобождению, если он даже нарушает требования формальной демократии, является ударом парового молота по империализму, т. е. шагом, несомненно, *революционным*.

Ленин прав, говоря, что национальное движение угнетенных стран нужно расценивать не с точки зрения формальной демократии, а с точки зрения фактических результатов в общем балансе борьбы против империализма, то есть „не изолированно, а в мировом масштабе" (см. т. XIX, стр. 257).

2) *Освободительное движение угнетенных народов и пролетарская революция.* При решении национального вопроса ленинизм исходит из следующих положений:

а) мир разделен на два лагеря: на лагерь горстки цивилизованных наций, обладающих финансовым капиталом и эксплоатирующих громадное большинство населения земного шара, и лагерь угнетенных и эксплоатируемых народов колоний и зависимых стран, составляющих это большинство;

б) колонии и зависимые страны, угнетаемые и эксплоатируемые финансовым капиталом, составляют величайший резерв и серьезнейший источник сил империализма;

в) революционная борьба угнетенных народов зависимых и колониальных стран против империализма является единственным путем их освобождения от гнета и эксплоатации;

г) важнейшие колониальные и зависимые страны уже вступили на путь национально-освободительного движения, которое не может не привести к кризису всемирного капитализма;

д) интересы пролетарского движения в развитых странах и национально-освободительного движения в колониях требуют соединения этих двух видов революционного движения в общий фронт против общего врага, против империализма;

е) победа рабочего класса в развитых странах и освобождение угнетенных народов от ига империализма невозможны без образования и укрепления общего революционного фронта;

ж) образование общего революционного фронта невозможно без прямой и решительной поддержки со стороны пролетариата угнетающих наций освободительного движения угнетенных народов против „отечественного“ империализма, ибо „не может быть свободен народ, угнетающий другие народы“ (Маркс);

з) поддержка эта означает отстаивание, защиту, проведение в жизнь лозунга — право наций на отделение, на самостоятельное государственное существование;

и) без проведения этого лозунга невозможно наладить объединение и сотрудничество наций в едином мировом хозяйстве, составляющем материальную базу победы социализма;

к) объединение это может быть лишь добровольным, возникшим на основе взаимного доверия и братских взаимоотношений народов.

Отсюда две стороны, две тенденции в национальном вопросе: тенденция к политическому освобождению от империалистических уз и к образованию самостоятельного национального государства, возникшая на основе империалистического гнета и колониальной эксплоатации, и тенденция к хозяйственному сближению наций, возникшая в связи с образованием мирового рынка и мирового хозяйства.

„Развивающийся капитализм, — говорит Ленин, — знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д. Обе тенденции суть мировой закон капитализма. Первая преобладает в начале его развития, вторая характеризует зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество капитализм“ (см. т. XVII, стр. 139—140).

Для империализма эти две тенденции являются непримиримыми противоречиями, ибо империализм не может жить без эксплоатации и насильственного удержания колоний в рамках „единого целого“, ибо империализм может сближать нации лишь путем аннексии и колониальных захватов, без которых он, вообще говоря, немыслим.

Для коммунизма, наоборот, эти тенденции являются лишь двумя сторонами одного дела, дела освобождения угнетенных народов от ига империализма, ибо коммунизм знает, что объединение народов в едином мировом хозяйстве возможно лишь на началах взаимного доверия и добровольного соглашения, что путь образования добровольного объединения народов лежит через отделение колоний от „единого“ империалистического „целого“, через превращение их в самостоятельные государства.

Отсюда необходимость упорной, непрерывной, решительной борьбы с великодержавным шовинизмом „социалистов“ господствующих наций (Англия, Франция, Америка, Италия, Япония и пр.), не желающих бороться со своими империалистическими правительствами, не желающих поддержать борьбу угнетенных народов „их“ колоний за освобождение от гнета, за государственное отделение.

Без такой борьбы немыслимо воспитание рабочего класса господствующих наций в духе действительного интернационализма, в духе сближения с трудящимися массами зависимых стран и колоний, в духе действительной подготовки пролетарской революции. Революция в России не победила бы, и Колчак с Деникиным не были бы разбиты, если бы русский пролетариат не имел сочувствия и поддержки со стороны угнетенных народов бывшей Российской империи. Но для того, чтобы завоевать сочувствие и поддержку этих народов, он должен был прежде всего разбить цепи русского империализма и освободить эти народы от национального гнета. Без этого невозможно было бы упрочить Советскую власть, насадить действительный интернационализм и создать ту замечательную организацию сотрудничества народов, которая называется Союзом Советских Социалистических Республик и которая является живым прообразом будущего объединения народов в едином мировом хозяйстве.

Отсюда необходимость борьбы против национальной замкнутости, узости, обособленности социалистов угнетенных стран, не желающих подняться выше своей национальной колокольни и не понимающих связи освободительного движения своей страны с пролетарским движением господствующих стран.

Без такой борьбы немыслимо отстоять самостоятельную политику пролетариата угнетенных наций и его классовую солидарность с пролетариатом господствующих стран в борьбе за свержение общего врага, в борьбе за свержение империализма, без такой борьбы интернационализм был бы невозможен.

Таков путь воспитания трудовых масс господствующих и угнетенных наций в духе революционного интернационализма.

Вот что говорит Ленин об этой двусторонней работе коммунизма по воспитанию рабочих в духе интернационализма:

„Может ли это воспитание... быть *конкретно одинаково* в нациях больших и угнетающих и в нациях маленьких, угнетаемых? в нациях аннектирующих и нациях аннектируемых?

Очевидно, нет. Путь к одной цели: к полному равноправию, теснейшему сближению и дальнейшему *слиянию всех* наций идет здесь, очевидно, различными конкретными дорогами, — все равно, как путь, скажем, к точке, находящейся в середине данной страницы, идет налево от одного бокового края ее и направо от противоположного края. Если социалист боль-

шой, угнетающей, аннектирующей нации, исповедуя вообще слияние наций, забудет хоть на минуту о том, что „его“ Николай II, „его“ Вильгельм, Георг, Пуанкаре и пр. *тоже за слияние* с мелкими нациями (путем аннексий) — Николай II за „слияние“ с Галицией, Вильгельм II за „слияние“ с Бельгией и пр., — то подобный социалист окажется смешным доктринером в теории, пособником империализма на практике.

Центр тяжести интернационалистского воспитания рабочих в угнетающих странах неминуемо должен состоять в проповеди и отстаивании ими свободы отделения угнетенных стран. Без этого *нет* интернационализма. Мы вправе и обязаны третировать всякого социалиста угнетающей нации, который *не* ведет такой пропаганды, как империалиста и как негодяя. Это безусловное требование, хотя бы *случай* отделения был возможен и „осуществим“ до социализма всего в 1 из 1 000 случаев...

Наоборот. Социалист маленькой нации должен центр тяжести своей агитации класть на *втором* слове нашей общей формулы: „добровольное *соединение*“ наций. Он может, не нарушая своих обязанностей, как интернационалиста, быть *и* за политическую независимость своей нации, *и* за ее включение в соседнее государство X, Y, Z, и пр. Но во всех случаях он должен бороться *против* мелко-национальной узости, замкнутости, обособленности, за учет целого и всеобщего, за подчинение интересов частного интересам общего.

Люди, не вдумавшиеся в вопрос, находят „противоречивым“, чтобы социалисты угнетающих наций настаивали на „свободе *отделения*“, — а социалисты угнетенных наций — на „свободе *соединения*“. Но небольшое размышление показывает, что *иного* пути к интернационализму и слиянию наций, иного пути к этой цели *от данного* положения нет и быть не может“ (см. т. XIX, стр. 261—262).

VII

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА

Из этой темы я беру шесть вопросов: а) стратегия и тактика, как наука о руководстве классовой борьбой пролетариата; б) этапы революции и стратегия; в) приливы и отливы движения и тактика; г) стратегическое руководство; д) тактическое руководство; е) реформизм и революционизм.

1) *Стратегия и тактика, как наука о руководстве классовой борьбой пролетариата.* Период господства II Интернационала был периодом по преимуществу формирования и обучения пролетарских армий в обстановке более или менее мирного развития. Это был период парламентаризма как преимущественной формы классовой борьбы. Вопросы о великих столкновениях классов, о подготовке пролетариата к революционным схваткам, о путях завоевания диктатуры пролетариата не стояли тогда, как казалось, на очереди. Задача сводилась к тому, чтобы использовать все пути легального развития для формирования и обучения пролетарских армий, использовать парламентаризм применительно к условиям, при которых пролетариат оставался и должен был, как казалось, остаться в положении оппозиции. Едва ли нужно дока-

зывать, что в такой период и при таком понимании задач пролетариата не могло быть ни цельной стратегии, ни разработанной тактики. Были обрывки, отдельные мысли о тактике и стратегии, но тактики и стратегии не было.

Смертный грех II Интернационала состоит не в том, что он проводил в свое время тактику использования парламентских форм борьбы, а в том, что он переоценивал значение этих форм, считая их чуть ли не единственными, а когда настал период открытых революционных схваток и вопрос о внепарламентских формах борьбы стал на первую очередь, партии II Интернационала отвернулись от новых задач, не приняли их.

Только в следующий период, период открытых выступлений пролетариата, в период пролетарской революции, когда вопрос о свержении буржуазии стал вопросом прямой практики, когда вопрос о резервах пролетариата (стратегия) сделался одним из самых животрепещущих вопросов, когда все формы борьбы и организации — и парламентские, и внепарламентские (тактика) — выявили себя с полной определенностью, — только в этот период могли быть выработаны цельная стратегия и разработанная тактика борьбы пролетариата. Гениальные мысли Маркса и Энгельса о тактике и стратегии, замуравленные оппортунистами II Интернационала, были вытащены Лениным на свет божий в этот именно период. Но Ленин не ограничился восстановлением отдельных тактических положений Маркса и Энгельса. Он их развил дальше и дополнил новыми мыслями и положениями, объединив все это в систему правил и руководящих начал по руководству классовой борьбой пролетариата. Такие брошюры Ленина, как „Что делать?“, „Две тактики“, „Империализм“, „Государство и революция“, „Пролетарская революция и ренегат Каутский“, „Детская болезнь“, несомненно войдут как ценнейший вклад в общую сокровищницу марксизма, в его революционный арсенал. Стратегия и тактика ленинизма есть наука о руководстве революционной борьбой пролетариата.

2) *Этапы революции и стратегия.* Стратегия есть определение направления главного удара пролетариата на основе данного этапа революции, выработка соответствующего плана расположения революционных сил (главных и второстепенных резервов), борьба за проведение этого плана на всем протяжении данного этапа революции.

Наша революция пережила уже два этапа и вступила после Октябрьского переворота в третий этап. Сообразно с этим менялась стратегия.

Первый этап. 1903 г. — февраль 1917 г. Цель — свалить царизм, ликвидировать полностью пережитки средневековья. Основная сила

революции — пролетариат. Ближайший резерв — крестьянство. Направление основного удара: изоляция либерально-монархической буржуазии, старающейся овладеть крестьянством и ликвидировать революцию путем *соглашения* с царизмом. План расположения сил: союз рабочего класса с крестьянством. „Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии" (см. т. VIII, стр. 96).

Второй этап. Март 1917 г. — октябрь 1917 г. Цель — свалить империализм в России и выйти из империалистической войны. Основная сила революции — пролетариат. Ближайший резерв — беднейшее крестьянство. Пролетариат соседних стран, как вероятный резерв. Затянувшаяся война и кризис империализма, как благоприятный момент. Направление основного удара: изоляция мелкобуржуазной демократии (меньшевики, эс-эры), старающейся овладеть трудовыми массами крестьянства и кончить революцию путем *соглашения* с империализмом. План расположения сил: союз пролетариата с беднейшим крестьянством. „Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии" (см. там же).

Третий этап. Начался он после Октябрьского переворота. Цель — упрочить диктатуру пролетариата в одной стране, используя ее как опорный пункт для свержения империализма во всех странах. Революция выходит за рамки одной страны, началась эпоха мировой революции. Основные силы революции: диктатура пролетариата в одной стране, революционное движение пролетариата во всех странах. Главные резервы: полупролетарские и мелко-крестьянские массы в развитых странах, освободительное движение в колониях и зависимых странах. Направление основного удара: изоляция мелко-буржуазной демократии, изоляция партий II Интернационала, представляющих основную опору политики *соглашения* с империализмом. План расположения сил: союз пролетарской революции с освободительным движением колоний и зависимых стран.

Стратегия имеет дело с основными силами революции и их резервами. Она меняется в связи с переходом революции от одного этапа к другому, оставаясь в основном без изменений за весь период данного этапа.

3) *Приливы и отливы движения и тактика.* Тактика есть определение линии поведения пролетариата за сравнительно короткий период прилива или отлива движения, подъема или упадка рево-

люции, борьба за проведение этой линии путем смены старых форм борьбы и организации новыми, старых лозунгов новыми, путем сочетания этих форм и т. д. Если стратегия имеет целью выиграть войну, скажем, с царизмом или с буржуазией, довести до конца борьбу с царизмом или буржуазией, то тактика ставит себе менее существенные цели, ибо она старается выиграть не войну в целом, а те или иные сражения, те или иные бои, успешно провести те или иные кампании, те или иные выступления, соответствующие конкретной обстановке в период данного подъема или упадка революции. Тактика есть часть стратегии, ей подчиненная, ее обслуживающая.

Тактика меняется в зависимости от приливов и отливов. В то время, как в период первого этапа революции (1903—1917, февраль) стратегический план оставался без изменения, тактика менялась за это время несколько раз. В период 1903—1905 гг. тактика партии была наступательная, ибо был прилив революции, движение поднималось в гору, и тактика должна была исходить из этого факта. Соответственно с этим и формы борьбы были революционные, отвечающие требованиям прилива революции. Местные политические забастовки, политические демонстрации, общая политическая забастовка, бойкот Думы, восстание, революционно-боевые лозунги, — таковы сменяющие друг друга формы борьбы за этот период. В связи с формами борьбы изменились тогда и формы организации. Фабрично-заводские комитеты, крестьянские революционные комитеты, забастовочные комитеты, советы рабочих депутатов, более или менее открытая рабочая партия, — таковы формы организации за этот период.

В период 1907—1912 гг. партия вынуждена была перейти на тактику отступления, ибо мы имели тогда упадок революционного движения, отлив революции, и тактика не могла не считаться с этим фактом. Соответственно с этим изменились и формы борьбы, так же как и формы организации. Вместо бойкота Думы — участие в Думе, вместо открытых внедумских революционных выступлений — думские выступления и думская работа, вместо общих политических забастовок — частичные экономические забастовки или просто затишье. Понятно, что партия должна была уйти в этот период в подполье, массовые же революционные организации были заменены культурно-просветительными, кооперативными, страховыми и прочими подзаконными организациями.

То же самое нужно сказать о втором и третьем этапе революции, на протяжении которых тактика менялась десятки раз, тогда как стратегические планы оставались без изменения.

Тактика имеет дело с формами борьбы и формами организации пролетариата, с их сменой, их сочетанием. На основе данного

этапа революции тактика может меняться несколько раз, в зависимости от приливов или отливов, от подъема или упадка революции.

4) *Стратегическое руководство.* Резервы революции бывают:

прямые: а) крестьянство и вообще переходные слои своей страны, б) пролетариат соседних стран, в) революционное движение в колониях и зависимых странах, г) завоевания и приобретения диктатуры пролетариата, — от части которых пролетариат может временно отказаться, оставив за собой перевес сил, с тем, чтобы подкупить сильного противника и получить передышку, и

косвенные: а) противоречия и конфликты между непролетарскими классами своей страны, могущие быть использованными пролетариатом для ослабления противника, для усиления своих резервов, б) противоречия, конфликты и войны (напр., империалистическая война) между враждебными пролетарскому государству буржуазными государствами, могущие быть использованными пролетариатом при своем наступлении или при маневрировании в случае вынужденного отступления.

О резервах первого рода не стоит распространяться, так как их значение понятно всем и каждому. Что касается резервов второго рода, значение которых не всегда ясно, то нужно сказать, что они имеют иногда первостепенное значение для хода революции. Едва ли можно отрицать громадное значение, например, того конфликта между мелко-буржуазной демократией (эс-эры) и либерально-монархической буржуазией (кадеты) во время первой революции и после нее, который, несомненно, сыграл свою роль в деле высвобождения крестьянства из-под влияния буржуазии. Еще меньше оснований отрицать колоссальное значение факта смертельной войны между основными группами империалистов в период Октябрьского переворота, когда империалисты, занятые войной между собой, не имели возможности сосредоточить силы против молодой Советской власти, а пролетариат именно поэтому получил возможность взяться вплотную за организацию своих сил, за укрепление своей власти и подготовить разгром Колчака и Деникина. Надо полагать, что теперь, когда противоречия между империалистическими группами все более углубляются и когда новая война между ними становится неизбежной, резервы такого рода будут иметь для пролетариата все более серьезное значение.

Задача стратегического руководства состоит в том, чтобы правильно использовать все эти резервы для достижения основной цели революции на данном этапе ее развития.

В чем состоит правильное использование резервов?

В выполнении некоторых необходимых условий, из которых главными условиями нужно считать следующие.

Во-первых. Сосредоточение главных сил революции в решающий

момент на наиболее уязвимом для противника пункте, когда революция уже назрела, когда наступление идет на всех парах, когда восстание стучится в дверь, и когда подтягивание резервов к авангарду является решающим условием успеха. Примером, демонстрирующим такого рода использование резервов, можно считать стратегию партии за период апрель — октябрь 1917 г. Несомненно, что наиболее уязвимым пунктом противника в этот период была война. Несомненно, что именно на этом вопросе, как основном, собрала партия вокруг пролетарского авангарда широчайшие массы населения. Стратегия партии в этот период сводилась к тому, чтобы, обучая авангард уличным выступлениям путем манифестаций и демонстраций, подтягивать вместе с тем к авангарду резервы через советы в тылу и солдатские комитеты на фронте. Исход революции показал, что использование резервов было правильное.

Вот что говорит Ленин об этом условии стратегического использования сил революции, перефразируя известные положения Маркса и Энгельса о восстании:

„Никогда *не играть* с восстанием, а, начиная его, знать твердо, что надо *идти до конца*. Необходимо собрать *большой перевес сил* в решающем месте, в решающий момент, ибо иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев. Раз восстание начато, надо действовать с величайшей *решительностью* и непременно, безусловно переходить *в наступление*. „Оборона есть смерть вооруженного восстания“. Надо стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны. Надо добиваться *ежедневно* хоть маленьких успехов (можно сказать: ежечасно, если дело идет об одном городе), поддерживая, во что бы то ни стало, *„моральный перевес“* (см. т. XXI, стр. 319—320).

Во-вторых. Выбор момента решающего удара, момента открытия восстания, рассчитанный на то, что кризис дошел до высшей точки, что готовность авангарда биться до конца, готовность резерва поддержать авангард и максимальная растерянность в рядах противника — имеются уже налицо.

„Решительное сражение, — говорит Ленин, — можно считать вполне назревшим“, *если* „все враждебные нам классовые силы достаточно запутались, достаточно передрались друг с другом, достаточно обессилили себя борьбой, которая им не по силам“, *если* „все колеблющиеся, шаткие, неустойчивые, промежуточные элементы, т. е. мелкая буржуазия, мелко-буржуазная демократия, в отличие от буржуазии, достаточно разоблачили себя перед народом, достаточно опозорились своим практическим банкротством“; *если* „в пролетариате началось и стало могуче подниматься массовое настроение в пользу поддержки самых решительных, беззаветно-смелых, революционных действий против буржуазии. Вот тогда революция назрела, вот тогда наша победа, если мы верно учли все намеченные выше... условия и верно выбрали момент, наша победа обеспечена“ (см. т. XXV, стр. 230—231).

Образцом такой стратегии можно считать проведение Октябрьского восстания.

Нарушение этого условия ведет к опасной ошибке, называемой „потерей темпа", когда партия отстает от хода движения или забегает далеко вперед, создавая опасность провала. Примером такой „потери темпа", примером того, как не следует выбирать момент восстания, нужно считать попытку одной части товарищей начать восстание с ареста Демократического Совещания в августе 1917 г., когда в советах чувствовалось еще колебание, фронт находился еще на перепутьи, резервы не были еще подтянуты к авангарду.

В-третьих. Неуклонное проведение уже принятого курса через все и всякие затруднения и осложнения на пути к цели, необходимое для того, чтобы авангард не терял из виду основной цели борьбы, а массы не сбивались с пути, идя к этой цели и стараясь сплачиваться вокруг авангарда. Нарушение этого условия ведет к громадной ошибке, хорошо известной морякам под именем „потери курса". Примером такой „потери курса" нужно считать ошибочное поведение нашей партии непосредственно после Демократического Совещания, принявшей решение об участии в Предпарламенте. Партия как бы забыла в этот момент, что Предпарламент есть попытка буржуазии перевести страну с пути советов на путь буржуазного парламентаризма, что участие партии в таком учреждении может спутать все карты и сбить с пути рабочих и крестьян, ведущих революционную борьбу под лозунгом: „Вся власть советам". Эта ошибка была исправлена уходом большевиков из Предпарламента.

В-четвертых. Маневрирование резервами, рассчитанное на правильное отступление, когда враг силен, когда отступление неизбежно, когда принять бой, навязываемый противником, заведомо невыгодно, когда отступление становится при данном соотношении сил единственным средством вывести авангард из-под удара и сохранить за ним резервы.

„Революционные партии, — говорит Ленин, — должны доучиваться. Они учились наступать. Теперь приходится понять, что эту науку необходимо дополнить наукой, как правильнее отступать. Приходится понять, — и революционный класс на собственном горьком опыте учится понимать, — что нельзя победить, не научившись правильному наступлению и правильному отступлению" (см. т. XXV, стр. 177).

Цель такой стратегии — выиграть время, разложить противника и накопить силы для перехода потом в наступление.

Образцом такой стратегии можно считать заключение Брестского мира, давшего партии возможность выиграть время, использовать столкновения в лагере империализма, разложить силы противника,

сохранить за собой крестьянство и накопить силы для того, чтобы подготовить наступление на Колчака и Деникина.

„Заключая сепаратный мир, — говорил тогда Ленин, — мы в наибольшей, *возможной для данного момента* степени освобождаемся от обеих враждующих империалистских групп, используя их вражду и войну, — затрудняющую им сделку против нас, — используем, получая известный период развязанных рук для продолжения и закрепления социалистической революции“ (см. т. XXII, стр. 198).

„Теперь даже последний дурак“ видит, — говорил Ленин спустя три года после Брестского мира, — „что „Брестский мир“ был уступкой, усилившей нас и раздробившей силы международного империализма“ (см. т. XXVII, стр. 7).

Таковы главные условия, обеспечивающие правильность стратегического руководства.

5) *Тактическое руководство.* Тактическое руководство есть часть стратегического руководства, подчиненная задачам и требованиям последнего. Задача тактического руководства состоит в том, чтобы овладеть всеми формами борьбы и организации пролетариата и обеспечить правильное их использование для того, чтобы добиться максимума результатов при данном соотношении сил, необходимого для подготовки стратегического успеха.

В чем состоит правильное использование форм борьбы и организации пролетариата?

В выполнении некоторых необходимых условий, из которых главными условиями нужно считать следующие:

Во-первых. Выдвижение на первый план тех именно форм борьбы и организации, которые, более всего соответствуя условиям данного прилива или отлива движения, способны облегчить и обеспечить подвод масс к революционным позициям, подвод миллионных масс к фронту революции, их размещение на фронте революции.

Дело идет не о том, чтобы авангард сознал невозможность сохранения старых порядков и неизбежность их ниспровержения. Дело идет о том, чтобы массы, миллионные массы поняли эту неизбежность и проявили готовность поддержать авангард. Но понять это могут массы лишь путем собственного опыта. Дать миллионным массам возможность распознать на своем собственном опыте неизбежность свержения старой власти, выдвинуть такие способы борьбы и такие формы организации, которые бы облегчили массам на опыте распознать правильность революционных лозунгов, — в этом задача.

Авангард оторвался бы от рабочего класса, а рабочий класс утерял бы связи с массами, если бы партия не решила в свое время принять участие в Думе, если бы она не решила сосредоточить силы на думской работе и развернуть борьбу на основе

этой работы с тем, чтобы облегчить массам на собственном опыте распознать никчемность Думы, лживость кадетских обещаний, невозможность соглашения с царизмом, неизбежность союза крестьянства с рабочим классом. Без опыта масс в период Думы разоблачение кадетов и гегемония пролетариата были бы невозможны.

Опасность тактики отзовизма состояла в том, что она грозила отрывом авангарда от его миллионных резервов.

Партия оторвалась бы от рабочего класса, а рабочий класс лишился бы влияния в широких массах крестьян и солдат, если бы пролетариат пошел по стопам левых коммунистов, звавших к восстанию в апреле 1917 г., когда меньшевики и эс-эры не успели еще разоблачить себя, как сторонников войны и империализма, когда массы еще не успели распознать на своем собственном опыте лживость меньшевистско-эс-эровских речей о мире, о земле, о воле. Без опыта масс в период керенщины меньшевики и эс-эры не были бы изолированы, и диктатура пролетариата была бы невозможна. Поэтому тактика „терпеливого разъяснения" ошибок мелко-буржуазных партий и открытой борьбы внутри советов была единственно правильной тактикой.

Опасность тактики левых коммунистов состояла в том, что она грозила превратить партию из вождя пролетарской революции в кучку пустых и беспочвенных заговорщиков.

„С одним авангардом, — говорит Ленин, — победить нельзя. Бросить один только авангард в решительный бой, пока весь класс, пока широкие массы не заняли позиции либо прямой поддержки авангарда, либо, по крайней мере, благожелательного нейтралитета по отношению к нему... было бы не только глупостью, но и преступлением. А для того, чтобы действительно весь класс, чтобы действительно широкие массы трудящихся и угнетенных капиталом дошли до такой позиции, для этого одной пропаганды, одной агитации мало. Для этого нужен собственный политический опыт этих масс. Таков — основной закон всех великих революций, подтвержденный теперь с поразительной силой и рельефностью не только Россией, но и Германией. Не только некультурным, часто безграмотным массам России, но и высоко-культурным, поголовно грамотным массам Германии потребовалось испытать на собственной шкуре все бессилие, всю бесхарактерность, всю беспомощность, все лакейство перед буржуазией, всю подлость правительства рыцарей II Интернационала, всю неизбежность диктатуры крайних реакционеров (Корнилов в России, Капп и К° в Германии), как единственный альтернатив по отношению к диктатуре пролетариата, чтобы решительно повернуть к коммунизму" (см. т. XXV, стр. 229—230).

Во-вторых. Нахождение в каждый данный момент того особого звена в цепи процессов, ухватившись за которое можно будет удержать всю цепь и подготовить условия для достижения стратегического успеха.

Дело идет о том, чтобы выделить из ряда задач, стоящих перед

партией, ту именно очередную задачу, разрешение которой является центральным пунктом и проведение которой обеспечивает успешное разрешение остальных очередных задач.

Значение этого положения можно было бы демонстрировать на двух примерах, из которых один можно было бы взять из далекого прошлого (период образования партии), а другой — из наиболее близкого нам настоящего (период нэпа).

В период образования партии, когда бесчисленное множество кружков и организаций не было еще связано между собой, когда кустарничество и кружковщина разъедали партию сверху донизу, когда идейный разброд составлял характерную черту внутренней жизни партии, — в этот период основным звеном и основной задачей в цепи звеньев и в цепи задач, стоявших тогда перед партией, оказалось создание общерусской нелегальной газеты. Почему? Потому, что только через общерусскую нелегальную газету можно было при тогдашних условиях создать спевшееся ядро партии, способное связать воедино бесчисленные кружки и организации, подготовить условия идейного и тактического единства и заложить, таким образом, фундамент для образования действительной партии.

В период перехода от войны к хозяйственному строительству, когда промышленность прозябала в когтях разрухи, а сельское хозяйство страдало от недостатка городских изделий, когда смычка государственной индустрии с крестьянским хозяйством превратилась в основное условие успешного социалистического строительства, — в этот период основным звеном в цепи процессов, основной задачей в ряду других задач оказалось развитие торговли. Почему? Потому, что в условиях нэпа смычка индустрии с крестьянским хозяйством невозможна иначе, как через торговлю, потому, что производство без сбыта в условиях нэпа является смертью для индустрии, потому, что индустрию можно расширить лишь через расширение сбыта путем развития торговли, потому, что, только укрепившись в области торговли, только овладев торговлей, только овладев этим звеном, можно будет надеяться сомкнуть индустрию с крестьянским рынком и успешно разрешить другие очередные задачи, для того, чтобы создать условия для постройки фундамента социалистической экономики.

„Недостаточно быть революционером и сторонником социализма или коммунистом вообще... — говорит Ленин. — Надо уметь найти в каждый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену“... „В данный момент... таким звеном является оживление внутренней *торговли* при ее правильном государственном регулировании (направлении). Торговля — вот то „звено“ в исторической цепи событий, в переход-

ных формах нашего социалистического строительства 1921—1922 гг., *„за которое надо всеми силами ухватиться“*... (см. т. XXVII, стр. 82).

Таковы главные условия, обеспечивающие правильность тактического руководства.

6) *Реформизм и революционизм.* Чем отличается революционная тактика от тактики реформистской?

Иные думают, что ленинизм против реформ, против компромиссов и соглашений вообще. Это совершенно неверно. Большевики знают не меньше, чем всякий другой, что в известном смысле „всякое даяние благо“, что при известных условиях реформы вообще, компромиссы и соглашения в частности — необходимы и полезны.

„Вести войну, — говорит Ленин, — за свержение международной буржуазии, войну во сто раз более трудную, длительную, сложную, чем самая упорная из обыкновенных войн между государствами, и наперед отказываться при этом от лавирования, от использования противоречия интересов (хотя бы временного) между врагами, от соглашательства и компромиссов с возможными (хотя бы временными, непрочными, шаткими, условными) союзниками, разве это не безгранично смешная вещь? Разве это не похоже на то, как если бы при трудном восхождении на неисследованную еще и неприступную доныне гору мы заранее отказались от того, чтобы идти иногда зигзагом, возвращаться иногда назад, отказываться от выбранного раз направления и пробовать различные направления?“ (см. т. XXV, стр. 211).

Дело, очевидно, не в реформах или компромиссах и соглашениях, а в том употреблении, которое делают люди из реформ и соглашений.

Для реформиста реформа — все, революционная же работа — так себе, для разговора, для отвода глаз. Поэтому реформа при реформистской тактике в условиях существования буржуазной власти неизбежно превращается в орудие укрепления этой власти, в орудие разложения революции.

Для революционера же, наоборот, главное — революционная работа, а не реформа, — для него реформа есть побочный продукт революции. Поэтому реформа при революционной тактике в условиях существования буржуазной власти, естественно, превращается в орудие разложения этой власти, в орудие укрепления революции, в опорный пункт для дальнейшего развития революционного движения.

Революционер приемлет реформу для того, чтобы использовать ее как зацепку для сочетания легальной работы с работой нелегальной, для того, чтобы использовать ее как прикрытие для усиления нелегальной работы на предмет революционной подготовки масс к свержению буржуазии.

В *этом* суть революционного использования реформ и соглашений в условиях империализма.

Реформист же, наоборот, приемлет реформы для того, чтобы отказаться от всякой нелегальной работы, подорвать дело подготовки масс к революции и почить под сенью „дарованной“ реформы.

В *этом* суть реформистской тактики.

Так обстоит дело с реформами и соглашениями в условиях империализма.

Дело, однако, меняется несколько после свержения империализма, при диктатуре пролетариата. При известных условиях, при известной обстановке пролетарская власть может оказаться вынужденной сойти временно с пути революционной перестройки существующих порядков на путь постепенного их преобразования, „на путь реформистский“, как говорит Ленин в известной статье „О значении золота“, на путь обходных движений, на путь реформ и уступок непролетарским классам для того, чтобы разложить эти классы, дать революции передышку, собраться с силами и подготовить условия для нового наступления. Нельзя отрицать, что этот путь является в известном смысле реформистским путем. Следует только помнить, что мы имеем здесь одну коренную особенность, состоящую в том, что реформа исходит в данном случае от пролетарской власти, что она укрепляет пролетарскую власть, что она дает ей необходимую передышку, что она призвана разложить не революцию, а непролетарские классы.

Реформа при таких условиях превращается, таким образом, в свою противоположность.

Проведение такой политики со стороны пролетарской власти становится возможным потому, и только потому, что размах революции в предыдущий период был достаточно велик, и дал он, таким образом, достаточно широкий простор для того, чтобы можно было куда отступить, заменив тактику наступления тактикой временного отступления, тактикой обходных движений.

Таким образом, если раньше, при буржуазной власти, реформы являлись побочным продуктом революции, то теперь, при диктатуре пролетариата, источником реформ являются революционные завоевания пролетариата, накопившийся резерв в руках пролетариата, состоящий из этих завоеваний.

„Отношение реформ к революции, — говорит Ленин, — определено точно и правильно только марксизмом, при чем Маркс мог видеть это отношение только с одной стороны, именно: в обстановке, предшествующей первой, сколько-нибудь прочной, сколько-нибудь длительной победе пролетариата хотя бы в одной стране. В такой обстановке основой правильного отношения было: реформы есть побочный продукт революционной классовой борьбы пролетариата... После победы пролетариата хотя бы в одной стране является нечто новое в отношении реформ к революции. Принципи-

ально дело остается тем же, но по форме является изменение, которого Маркс лично предвидеть не мог, но которое осознать можно только на почве философии и политики марксизма... После победы они (т. е. реформы. *И. Ст.*) (будучи в международном масштабе тем же самым „побочным продуктом“) являются для страны, в которой победа одержана, кроме того, необходимой и законной передышкой в тех случаях, когда сил заведомо, после максимальнейшего их напряжения, не хватает для революционного выполнения такого-то или такого-то перехода. Победа дает такой „запас сил“, что есть чем продержаться даже при вынужденном отступлении, — продержаться и в материальном, и в моральном смысле“ (см. т. XXVII, стр. 84—85).

VIII
ПАРТИЯ

В период предреволюционный, в период более или менее мирного развития, когда партии II Интернационала представляли в рабочем движении господствующую силу, а парламентские формы борьбы считались основными формами, — в этих условиях партия не имела и не могла иметь того серьезного и решающего значения, которое она приобрела потом в условиях открытых революционных схваток. Защищая II Интернационал от нападок, Каутский говорит, что партии II Интернационала являются инструментом мира, а не войны, что именно поэтому они оказались не в силах предпринять что-либо серьезное во время войны, в период революционных выступлений пролетариата. Это совершенно верно. Но что это значит? Это значит, что партии II Интернационала непригодны для революционной борьбы пролетариата, что они являются не боевыми партиями пролетариата, ведущими рабочих к власти, а избирательным аппаратом, приспособленным к парламентским выборам и парламентской борьбе. Этим собственно и объясняется тот факт, что в период господства оппортунистов II Интернационала основной политической организацией пролетариата являлась не партия, а парламентская фракция. Известно, что на деле партия в этот период была придатком и обслуживающим элементом парламентской фракции. Едва ли нужно доказывать, что в таких условиях и с такой партией во главе не могло быть и речи о подготовке пролетариата к революции.

Дело, однако, изменилось в корне с наступлением нового периода. Новый период есть период открытых столкновений классов, период революционных выступлений пролетариата, период пролетарской революции, период прямой подготовки сил к свержению империализма, к захвату власти пролетариатом. Этот период ставит перед пролетариатом новые задачи о перестройке всей партийной работы на новый, революционный лад, о воспитании рабочих в духе революционной борьбы за власть, о подго-

товке и подтягивании резервов, о союзе с пролетариями соседних стран, об установлении прочных связей с освободительным движением колоний и зависимых стран и т. д. и т. п. Думать, что эти новые задачи могут быть разрешены силами старых социал-демократических партий, воспитанных в мирных условиях парламентаризма, — значит обречь себя на безнадежное отчаяние, на неминуемое поражение. Оставаться с такими задачами на плечах при старых партиях во главе — значит оказаться в состоянии полного разоружения. Едва ли нужно доказывать, что пролетариат не мог примириться с таким положением.

Отсюда необходимость новой партии, партии боевой, партии революционной, достаточно смелой для того, чтобы повести пролетариев на борьбу за власть, достаточно опытной для того, чтобы разобраться в сложных условиях революционной обстановки, и достаточно гибкой для того, чтобы обойти все и всякие подводные камни на пути к цели.

Без такой партии нечего и думать о свержении империализма, о завоевании диктатуры пролетариата.

Эта новая партия есть партия ленинизма.

В чем состоят особенности этой новой партии?

1) *Партия, как передовой отряд рабочего класса.* Партия должна быть, прежде всего, *передовым* отрядом рабочего класса. Партия должна вобрать в себя все лучшие элементы рабочего класса, их опыт, их революционность, их беззаветную преданность делу пролетариата. Но, чтобы быть действительно передовым отрядом, партия должна быть вооружена революционной теорией, знанием законов движения, знанием законов революции. Без этого она не в силах руководить борьбой пролетариата, вести за собой пролетариат. Партия не может быть действительной партией, если она ограничивается регистрированием того, что переживает и думает масса рабочего класса, если она тащится в хвосте за стихийным движением, если она не умеет преодолеть косность и политическое безразличие стихийного движения, если она не умеет подняться выше минутных интересов пролетариата, если она не умеет поднимать массы до уровня классовых интересов пролетариата. Партия должна стоять впереди рабочего класса, она должна видеть дальше рабочего класса, она должна вести за собой пролетариат, а не тащиться в хвосте за стихийностью. Партии II Интернационала, проповедующие „хвостизм“, являются проводниками буржуазной политики, обрекающей пролетариат на роль орудия в руках буржуазии. Только партия, ставшая на точку зрения передового отряда пролетариата и способная поднимать массы до уровня классовых интересов пролетариата, — только такая партия способна совлечь рабочий класс с пути тред-

юнионизма и превратить его в самостоятельную политическую силу. Партия есть политический вождь рабочего класса.

Я говорил выше о трудностях борьбы рабочего класса, о сложности обстановки борьбы, о стратегии и тактике, о резервах и маневрировании, о наступлении и отступлении. Эти условия не менее сложны, если не более, чем условия войны. Кто может разобраться в этих условиях, кто может дать правильную ориентировку миллионным массам пролетариев? Ни одна армия на войне не может обойтись без опытного штаба, если она не хочет обречь себя на поражение. Разве не ясно, что пролетариат тем более не может обойтись без такого штаба, если он не хочет отдать себя на съедение своим заклятым врагам? Но где этот штаб? Этим штабом может быть только революционная партия пролетариата. Рабочий класс без революционной партии — это армия без штаба. Партия есть боевой штаб пролетариата.

Но партия не может быть только *передовым* отрядом. Она должна быть вместе с тем отрядом *класса,* частью класса, тесно связанной с ним всеми корнями своего существования. Различие между передовым отрядом и остальной массой рабочего класса, между партийными и беспартийными не может исчезнуть, пока не исчезнут классы, пока пролетариат будет пополняться выходцами из других классов, пока рабочий класс в целом будет лишен возможности подняться до уровня передового отряда. Но партия перестала бы быть партией, если бы это различие превратилось в разрыв, если бы она замкнулась в себе и оторвалась от беспартийных масс. Партия не может руководить классом, если она не связана с беспартийными массами, если нет смычки между партией и беспартийными массами, если эти массы не приемлют ее руководства, если партия не пользуется в массах моральным и политическим кредитом. Недавно были приняты в нашу партию двести тысяч новых членов из рабочих. Замечательно тут то обстоятельство, что эти люди не столько сами пришли в партию, сколько были посланы туда всей остальной беспартийной массой, которая принимала активное участие в приеме новых членов и без одобрения которой не принимались вообще новые члены. Этот факт говорит о том, что широкие массы беспартийных рабочих считают нашу партию *своей* партией, партией *близкой* и *родной,* в расширении и укреплении которой они кровно заинтересованы и руководству которой они добровольно вверяют свою судьбу. Едва ли нужно доказывать, что без этих неуловимых моральных нитей, связывающих партию с беспартийными массами, партия не могла бы стать решающей силой своего класса. Партия есть неразрывная часть рабочего класса.

„Мы, — говорит Ленин, — партия класса, и потому *почти весь класс* (а в военные времена, в эпоху гражданской войны, и совершенно весь класс) должен действовать под руководством нашей партии, должен примыкать к нашей партии как можно плотнее, но было бы маниловщиной и „хвостизмом“ думать, что когда-либо почти весь класс или весь класс в состоянии, при капитализме, подняться до сознательности и активности своего передового отряда, своей социалистической партии. Ни один еще разумный социалист не сомневался в том, что при капитализме даже профессиональная организация (более примитивная, более доступная сознательности неразвитых слоев) не в состоянии охватить почти весь или весь рабочий класс. Только обманывать себя, закрывать глаза на громадность наших задач, суживать эти задачи — значило бы забывать о различии между передовыми отрядами и всеми массами, тяготеющими к нему, забывать о постоянной обязанности передового отряда *поднимать* все более и более обширные слои до этого передового уровня“ (см. т. VI, стр. 205—206).

2) *Партия, как организованный отряд рабочего класса.* Партия не есть только *передовой* отряд рабочего класса. Если она хочет действительно руководить борьбой класса, она должна быть вместе с тем *организованным* отрядом своего класса. Задачи партии в условиях капитализма чрезвычайно велики и разнообразны. Партия должна руководить борьбой пролетариата при чрезвычайно трудных условиях внутреннего и внешнего развития, она должна вести пролетариат в наступление, когда обстановка требует наступления, она должна вывести пролетариат из-под удара сильного противника, когда обстановка требует отступления, она должна вносить в миллионные массы неорганизованных беспартийных рабочих дух дисциплины и планомерности в борьбе, дух организованности и выдержки. Но партия может выполнить эти задачи лишь в том случае, если она сама является олицетворением дисциплины и организованности, если она сама является *организованным* отрядом пролетариата. Без этих условий не может быть и речи о действительном руководстве со стороны партии миллионными массами пролетариата. Партия есть организованный отряд рабочего класса.

Мысль о партии, как об организованном целом, закреплена в известной формулировке Ленина первого пункта устава нашей партии, где партия рассматривается как *сумма* организаций, а члены партии — как члены одной из организаций партии. Меньшевики, возражавшие против этой формулировки еще в 1903 году, предлагали взамен ее „систему“ самозачисления в партию, „систему“ распространения „звания“ члена партии на каждого „профессора“ и „гимназиста“, каждого „сочувствующего“ и „стачечника“, поддерживающего партию так или иначе, но не входящего и не желающего входить ни в одну из партийных организаций. Едва ли нужно доказывать, что эта оригинальная „система“, если бы она укрепилась в нашей партии, неминуемо привела бы к

переполнению партии профессорами и гимназистами и к вырождению ее в расплывчатое, неоформленное, дезорганизованное „образование", теряющееся в море „сочувствующих", стирающее грань между партией и классом и опрокидывающее задачу партии о поднятии неорганизованных масс до уровня передового отряда. Нечего и говорить, что при такой оппортунистической „системе" наша партия не смогла бы выполнить роли организующего ядра рабочего класса в ходе нашей революции.

„С точки зрения Мартова, — говорит Ленин, — граница партии остается совершенно неопределенной, ибо „каждый стачечник" может „объявлять себя членом партии". Какая польза от этой расплывчатости? Широкое распространение „названия". Вред ее — внесение *дезорганизующей* идеи о смешении класса и партии" (см. т. VI, стр. 211).

Но партия не есть только *сумма* партийных организаций. Партия есть, вместе с тем, единая *система* этих организаций, их формальное объединение в единое целое, с высшими и низшими органами руководства, с подчинением меньшинства большинству, с практическими решениями, обязательными для всех членов партии. Без этих условий партия не в состоянии быть единым организованным целым, способным осуществить планомерное и организованное руководство борьбой рабочего класса.

„*Прежде*, — говорит Ленин, — наша партия не была организованным формально целым, а лишь суммой частных групп, и потому иных отношений между этими группами, кроме идейного воздействия, и быть не могло. *Теперь* мы стали организованной партией, а это и означает создание власти, превращение авторитета идей в авторитет власти, подчинение партийным высшим инстанциям со стороны низших" (см. там же, стр. 291).

Принцип подчинения меньшинства большинству, принцип руководства партийной работой из центра нередко вызывает нападки со стороны неустойчивых элементов, обвинения в „бюрократизме", „формализме" и т. д. Едва ли нужно доказывать, что планомерная работа партии, как целого, и руководство борьбой рабочего класса были бы невозможны без проведения этих принципов. Ленинизм в организационном вопросе есть неуклонное проведение этих принципов. Борьбу с этими принципами Ленин называет „русским нигилизмом" и „барским анархизмом", заслуживающим того, чтобы быть высмеянным и отброшенным прочь.

Вот что говорит Ленин об этих неустойчивых элементах в своей книге „Шаг вперед":

„Русскому нигилисту этот барский анархизм особенно свойственен. Партийная организация кажется ему чудовищной „фабрикой", подчинение части целому и меньшинства большинству представляется ему „закрепощением"..., разделение труда под руководством центра вызывает с его стороны трагикомические вопли против превращения людей в „колесики и

винтики“..., упоминание об организационном уставе партии вызывает презрительную гримасу и пренебрежительное... замечание, что можно бы и вовсе без устава...“ „Кажется, ясно, что крики о пресловутом бюрократизме есть простое прикрытие недовольства личным составом центров, есть фиговый листок... Ты бюрократ, потому что ты назначен съездом не согласно моей воле, а вопреки ей; ты формалист, потому что ты опираешься на формальные решения съезда, а не на мое согласие; ты действуешь грубо-механически, ибо ссылаешься на „механическое“ большинство партийного съезда и не считаешься с моим желанием быть кооптированным; ты — самодержец, потому что не хочешь отдать власть в руки старой теплой компании“ [1] (см. т. VI, стр. 310 и 287).

3) *Партия, как высшая форма классовой организации пролетариата.* Партия есть организованный отряд рабочего класса. Но партия не есть единственная организация рабочего класса. У пролетариата имеется еще целый ряд других организаций, без которых он не может вести правильную борьбу с капиталом: профессиональные союзы, кооперативы, фабрично-заводские организации, парламентские фракции, беспартийные объединения женщин, печать, культурно-просветительные организации, союзы молодежи, революционно-боевые организации (во время открытых революционных выступлений), советы депутатов как государственная форма организации (если пролетариат находится у власти) и т. д. Громадное большинство этих организаций являются беспартийными, и только некоторая часть из них примыкает прямо к партии или составляет ее разветвление. Все эти организации при известных условиях абсолютно необходимы рабочему классу, ибо без них невозможно укрепить классовые позиции пролетариата в разнообразных сферах борьбы, ибо без них невозможно закалить пролетариат как силу, призванную заменить буржуазные порядки порядками социалистическими. Но как осуществить единое руководство при таком обилии организаций? Где гарантия, что наличие множества организаций не поведет к разнобою в руководстве? Могут сказать, что каждая из этих организаций ведет работу в своей обособленной сфере и что они не могут поэтому мешать друг другу. Это, конечно, верно. Но верно и то, что все эти организации должны вести работу в одном направлении, ибо они обслуживают *один* класс, класс пролетариев. Спрашивается: кто определяет ту линию, то общее направление, по которому должны вести свою работу все эти организации? Где та центральная организация, которая не только способна, ввиду наличия необходимого опыта, выработать эту общую линию, но имеет еще возможность, ввиду наличия достаточного для этого авторитета, побудить все эти организации

[1] Речь идет о „компании“ Аксельрода, Мартова, Потресова и др., не подчинявшихся решениям II съезда и обвинявших Ленина в „бюрократизме“. *И. Ст.*

провести в жизнь эту линию для того, чтобы добиться единства в руководстве и исключить возможность перебоев?

Такой организацией является партия пролетариата.

Партия имеет для этого все данные, потому, во-первых, что партия есть сборный пункт лучших элементов рабочего класса, имеющих прямые связи с беспартийными организациями пролетариата и очень часто руководящих ими; потому, во-вторых, что партия, как сборный пункт лучших людей рабочего класса, является лучшей школой выработки лидеров рабочего класса, способных руководить всеми формами организации своего класса; потому, в-третьих, что партия, как лучшая школа лидеров рабочего класса, является по своему опыту и авторитету единственной организацией, способной централизовать руководство борьбой пролетариата и превратить, таким образом, все и всякие беспартийные организации рабочего класса в обслуживающие органы и приводные ремни, соединяющие ее с классом. Партия есть высшая форма классовой организации пролетариата.

Это не значит, конечно, что беспартийные организации, профсоюзы, кооперативы и т. д., должны быть формально подчинены партийному руководству. Дело идет лишь о том, чтобы члены партии, входящие в состав этих организаций, как люди, несомненно, влиятельные, принимали все меры убеждения к тому, чтобы беспартийные организации сближались в своей работе с партией пролетариата и добровольно принимали ее политическое руководство.

Вот почему говорит Ленин, что „партия есть *высшая* форма классового объединения пролетариев“, политическое руководство которой должно быть распространено на все другие формы организации пролетариата (см. т. XXV, стр. 195).

Вот почему оппортунистическая теория „независимости“ и „нейтральности“ беспартийных организаций, плодящая *независимых* парламентариев и *оторванных* от партии деятелей печати, *узколобых* профессионалистов и *омещанившихся* кооператоров, — является совершенно несовместимой с теорией и практикой ленинизма.

4) *Партия, как орудие диктатуры пролетариата.* Партия есть высшая форма организации пролетариата. Партия является основным руководящим началом внутри класса пролетариев и среди организаций этого класса. Но из этого вовсе не следует, что партию можно рассматривать как самоцель, как самодовлеющую силу. Партия есть не только высшая форма классового объединения пролетариев, — она есть вместе с тем *орудие* в руках пролетариата *для* завоевания диктатуры, когда она еще не завоевана, *для* укрепления и расширения диктатуры, когда она

уже завоевана. Партия не могла бы подняться так высоко в своем значении, и она не могла бы покрыть собой все остальные формы организации пролетариата, если бы пролетариат не стоял перед вопросом о власти, если бы условия империализма, неизбежность войн, наличие кризиса не требовали концентрации всех сил пролетариата в одном пункте, сосредоточения всех нитей революционного движения в одном месте для того, чтобы свергнуть буржуазию и завоевать диктатуру пролетариата. Партия нужна пролетариату прежде всего как свой боевой штаб, необходимый для успешного захвата власти. Едва ли нужно доказывать, что без партии, способной собрать вокруг себя массовые организации пролетариата и централизовать в ходе борьбы руководство всем движением, пролетариат в России не смог бы осуществить свою революционную диктатуру.

Но партия нужна пролетариату не только для завоевания диктатуры, она еще больше нужна ему для того, чтобы удержать диктатуру, укрепить и расширить ее в интересах полной победы социализма.

„Наверное, теперь уже почти всякий видит, — говорит Ленин, — что большевики не продержались бы у власти не то что 2½ года, но и 2½ месяца без строжайшей, поистине железной дисциплины в нашей партии, без самой полной и беззаветной поддержки ее всей массой рабочего класса, т. е. всем, чтó есть в нем мыслящего, честного, самоотверженного, влиятельного, способного вести за собой или увлекать отсталые слои“ (см. т. XXV, стр. 173).

Но что значит „удержать“ и „расширить“ диктатуру? Это значит — внести в миллионные массы пролетариев дух дисциплины и организованности; это значит — создать в пролетарских массах скрепу и оплот против разъедающих влияний мелко-буржуазной стихии и мелко-буржуазных привычек; это значит — подкрепить организаторскую работу пролетариев по перевоспитанию и переделке мелко-буржуазных слоев; это значит — помочь пролетарским массам воспитать себя, как силу, способную уничтожить классы и подготовить условия для организации социалистического производства. Но проделать все это невозможно без партии, сильной своей сплоченностью и дисциплиной.

„Диктатура пролетариата, — говорит Ленин, — есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская, против сил и традиций старого общества. Сила привычки миллионов и десятков миллионов — самая страшная сила. Без партии, железной и закаленной в борьбе, без партии, пользующейся доверием всего честного в данном классе, без партии, умеющей следить за настроением массы и влиять на него, вести успешно такую борьбу невозможно“ (см. т. XXV, стр. 191).

Партия нужна пролетариату *для* того, чтобы завоевать и удержать диктатуру. Партия есть орудие диктатуры пролетариата. Но из этого следует, что с исчезновением классов, с отмиранием диктатуры пролетариата должна отмереть и партия.

5) *Партия, как единство воли, несовместимое с существованием фракций.* Завоевание и удержание диктатуры пролетариата невозможно без партии, сильной своей сплоченностью и железной дисциплиной. Но железная дисциплина в партии немыслима без единства воли, без полного и безусловного единства действия всех членов партии. Это не значит, конечно, что тем самым исключается возможность борьбы мнений внутри партии. Наоборот, железная дисциплина не исключает, а предполагает критику и борьбу мнений внутри партии. Это, тем более, не значит, что дисциплина должна быть „слепой". Наоборот, железная дисциплина не исключает, а предполагает сознательность и добровольность подчинения, ибо только сознательная дисциплина может быть действительно железной дисциплиной. Но после того, как борьба мнений кончена, критика исчерпана и решение принято, единство воли и единство действия всех членов партии является тем необходимым условием, без которого немыслимы ни единая партия, ни железная дисциплина в партии.

„В нынешнюю эпоху обостренной гражданской войны, — говорит Ленин, — коммунистическая партия сможет выполнить свой долг лишь в том случае, если она будет организована наиболее централистическим образом, если в ней будет господствовать железная дисциплина, граничащая с дисциплиной военной, и если ее партийный центр будет являться властным авторитетным органом с широкими полномочиями, пользующимся всеобщим доверием членов партии" (см. „Условия приема в Коминтерн").

Так обстоит дело с дисциплиной в партии в условиях борьбы перед завоеванием диктатуры.

То же самое надо сказать о дисциплине в партии, но еще в большей степени, после завоевания диктатуры.

„Кто хоть сколько-нибудь ослабляет, — говорит Ленин, — железную дисциплину партии пролетариата (особенно во время его диктатуры), тот фактически помогает буржуазии против пролетариата" (см. т. XXV, стр. 191).

Но из этого следует, что существование фракций несовместимо ни с единством партии, ни с ее железной дисциплиной. Едва ли нужно доказывать, что наличие фракций ведет к существованию нескольких центров, существование же нескольких центров означает отсутствие общего центра в партии, разбивку единой воли, ослабление и разложение дисциплины, ослабление и разложение диктатуры. Конечно, партии II Интернационала, борющиеся против диктатуры пролетариата и не желающие вести пролетариев к власти, могут позволить себе такой либерализм, как свободу фрак-

ций, ибо они вовсе не нуждаются в железной дисциплине. Но партии Коммунистического Интернационала, строящие свою работу на основе задач завоевания и укрепления диктатуры пролетариата, не могут пойти ни на „либерализм", ни на свободу фракций. Партия есть единство воли, исключающее всякую фракционность и разбивку власти в партии.

Отсюда разъяснение Ленина об „опасности фракционности с точки зрения единства партии и осуществления единства воли авангарда пролетариата, как основного условия успеха диктатуры пролетариата", закрепленное в специальной резолюции X съезда нашей партии „О единстве партии".

Отсюда требование Ленина о „полном уничтожении всякой фракционности" и „немедленном распущении всех без изъятия образовавшихся на той или иной платформе групп" под страхом „безусловного и немедленного исключения из партии" (см. резолюцию „О единстве партии").

6) *Партия укрепляется тем, что очищает себя от оппортунистических элементов.* Источником фракционности в партии являются ее оппортунистические элементы. Пролетариат не есть замкнутый класс. К нему непрерывно притекают выходцы из крестьян, мещан, интеллигенции, пролетаризированные развитием капитализма. Одновременно происходит процесс разложения верхушек пролетариата, главным образом из профессионалистов и парламентариев, подкармливаемых буржуазией за счет колониальной сверхприбыли. „Этот слой обуржуазившихся рабочих, — говорил Ленин, — или „рабочей аристократии", вполне мещанских по образу жизни, по размерам заработков, по всему своему миросозерцанию, — есть главная опора II Интернационала, а в наши дни главная *социальная* (не военная) *опора буржуазии.* Ибо это настоящие *агенты буржуазии в рабочем* движении, рабочие приказчики класса капиталистов, настоящие проводники реформизма и шовинизма" (см. т. XIX, стр. 77).

Все эти мелко-буржуазные группы проникают так или иначе в партию, внося туда дух колебания и оппортунизма, дух разложения и неуверенности. Они, главным образом, и являются источником фракционности и распада, источником дезорганизации и взрыва партии изнутри. Воевать с империализмом, имея в тылу таких „союзников", — это значит попасть в положение людей, обстреливаемых с двух сторон — и с фронта, и с тыла. Поэтому беспощадная борьба с такими элементами, изгнание их из партии является предварительным условием успешной борьбы с империализмом.

Теория „преодоления" оппортунистических элементов путем идейной борьбы внутри партии, теория „изживания" этих эле-

ментов в рамках одной партии есть гнилая и опасная теория, грозящая обречь партию на паралич и хроническое недомогание, грозящая отдать партию на съедение оппортунизму, грозящая оставить пролетариат без революционной партии, грозящая лишить пролетариат главного оружия в борьбе с империализмом. Наша партия не смогла бы выйти на дорогу, она не смогла бы взять власть и организовать диктатуру пролетариата, она не смогла бы выйти из гражданской войны победителем, если бы она имела в своих рядах Мартовых и Данов, Потресовых и Аксельродов. Если нашей партии удалось создать в себе внутреннее единство и небывалую сплоченность своих рядов, то это, прежде всего, потому, что она сумела во-время очиститься от скверны оппортунизма, она сумела изгнать вон из партии ликвидаторов и меньшевиков. Путь развития и укрепления пролетарских партий проходит через их очищение от оппортунистов и реформистов, социал-империалистов и социал-шовинистов, социал-патриотов и социал-пацифистов. Партия укрепляется тем, что очищает себя от оппортунистических элементов.

„Имея в своих рядах реформистов, меньшевиков, — говорит Ленин, — *нельзя* победить в пролетарской революции, *нельзя* отстоять ее. Это очевидно принципиально. Это подтверждено наглядно опытом и России и Венгрии... В России *много раз* бывали трудные положения, когда *наверняка* был бы свергнут советский режим, если бы меньшевики, реформисты, мелкобуржуазные демократы оставались внутри нашей партии... в Италии, где, по общему признанию, дело идет к решающим битвам пролетариата с буржуазией из-за овладения государственной властью. В такой момент не только является безусловно необходимым удаление меньшевиков, реформистов, туратианцев из партии, но может оказаться даже полезным удаление превосходных коммунистов, способных колебаться и проявляющих колебания в сторону „единства" с реформистами, удаление со всяких ответственных постов... Накануне революции и в моменты самой ожесточенной борьбы за ее победу малейшие колебания внутри партии способны *погубить все*, сорвать революцию, вырвать власть из рук пролетариата, ибо эта власть еще не прочна, ибо натиск на нее слишком еще силен. Если колеблющиеся вожди отходят прочь в такое время, это не ослабляет, а усиливает и партию, и рабочее движение, и революцию" (см. т. XXV, стр. 462—464).

IX

СТИЛЬ В РАБОТЕ

Речь идет не о литературном стиле. Я имею в виду стиль в работе, то особенное и своеобразное в практике ленинизма, которое создает особый тип ленинца-работника. Ленинизм есть теоретическая и практическая школа, вырабатывающая особый тип партийного и государственного работника, создающая особый, ленинский стиль в работе. В чем состоят характерные черты этого стиля? Каковы его особенности?

Этих особенностей две: а) русский революционный размах и б) американская деловитость. Стиль ленинизма состоит в соединении этих двух особенностей в партийной и государственной работе.

Русский революционный размах является противоядием против косности, рутины, консерватизма, застоя мысли, рабского отношения к дедовским традициям. Русский революционный размах — это та живительная сила, которая будит мысль, двигает вперед, ломает прошлое, дает перспективу. Без него невозможно никакое движение вперед. Но он имеет все шансы выродиться на практике в пустую „революционную“ маниловщину, если не соединить его с американской деловитостью в работе. Примеров такого вырождения — хоть отбавляй. Кому не известна болезнь „революционного“ сочинительства и „революционного“ планотворчества, имеющая своим источником веру в силу декрета, могущего все устроить и все переделать? Один из русских писателей, И. Эренбург, изобразил в рассказе „Ускомчел“ (Усовершенствованный коммунистический человек) тип одержимого этой болезнью „большевика“, который задался целью набросать схему идеально-усовершенствованного человека и... „утоп“ в этой „работе“. В рассказе имеется большое преувеличение, но что он верно схватывает болезнь — это несомненно. Но никто, кажется, не издевался над такими больными так зло и беспощадно, как Ленин. „Коммунистическое чванство“ — так третировал он эту болезненную веру в сочинительство и декрето-творчество.

„Коммунистическое чванство — значит то, — говорит Ленин, — что человек, состоя в коммунистической партии и не будучи еще оттуда вычищен, воображает, что все задачи свои он может решить коммунистическим декретированием“ (см. т. XXVII, стр. 50—51).

„Революционному“ пустозвонству Ленин обычно противопоставлял простые и будничные дела, подчеркивая этим, что „революционное“ сочинительство противно и духу, и букве подлинного ленинизма.

„Поменьше пышных фраз, — говорит Ленин, — побольше простого, *будничного,* дела... Поменьше политической трескотни, побольше внимания самым простым, но живым... фактам коммунистического строительства...“ (см. т. XXIV, стр. 343 и 335).

Американская деловитость является, наоборот, противоядием против „революционной“ маниловщины и фантастического сочинительства. Американская деловитость — это та неукротимая сила, которая не знает и не признает преград, которая размывает своей деловитой настойчивостью все и всякие препятствия, которая не может не довести до конца раз начатое дело, если это даже небольшое дело, и без которой немыслима серьезная строительная

работа. Но американская деловитость имеет все шансы выродиться в узкое и беспринципное делячество, если ее не соединить с русским революционным размахом. Кому не известна болезнь узкого практицизма и беспринципного делячества, приводящего нередко некоторых „большевиков" к перерождению и к отходу их от дела революции? Эта своеобразная болезнь получила свое отражение в рассказе Б. Пильняка „Голый год", где изображены типы русских „большевиков", полных воли и практической решимости, „фукцирующих" весьма „энегрично", но лишенных перспективы, не знающих „что к чему" и сбивающихся, ввиду этого, с пути революционной работы. Никто так едко не издевался над этой деляческой болезнью, как Ленин. „Узколобый практицизм", „безголовое делячество" — так третировал эту болезнь Ленин. Он противопоставлял ей обычно живое революционное дело и необходимость революционных перспектив во всех делах нашей повседневной работы, подчеркивая тем самым, что беспринципное делячество столь же противно подлинному ленинизму, сколь противно „революционное" сочинительство.

Соединение русского революционного размаха с американскою деловитостью — в этом суть ленинизма в партийной и государственной работе.

Только такое соединение дает нам законченный тип работника-ленинца, стиль ленинизма в работе.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ТАКТИКА РУССКИХ КОММУНИСТОВ

Предисловие к книге „На путях к Октябрю“

I

ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ ОБСТАНОВКА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Три обстоятельства внешнего порядка определили ту сравнительную легкость, с какой удалось пролетарской революции в России разбить цепи империализма и свергнуть, таким образом, власть буржуазии.

Во-первых, то обстоятельство, что Октябрьская революция началась в период отчаянной борьбы двух основных империалистических групп, англо-французской и австро-германской, когда эти группы, будучи заняты смертельной борьбой между собой, не имели ни времени, ни средств уделить серьезное внимание борьбе с Октябрьской революцией. Это обстоятельство имело громадное значение для Октябрьской революции, ибо оно дало ей возможность использовать жестокие столкновения внутри империализма для укрепления и организации своих сил.

Во-вторых, то обстоятельство, что Октябрьская революция началась в ходе империалистической войны, когда измученные войной и жаждавшие мира трудящиеся массы самой логикой вещей были подведены к пролетарской революции, как единственному выходу из войны. Это обстоятельство имело серьезнейшее значение для Октябрьской революции, ибо оно дало ей в руки мощное орудие мира, облегчило ей возможность соединения советского переворота с окончанием ненавистной войны и создало ей, ввиду этого, массовое сочувствие как на Западе, среди рабочих, так и на Востоке, среди угнетенных народов.

В-третьих, наличие мощного рабочего движения в Европе и факт назревания революционного кризиса на Западе и Востоке, созданного продолжительной империалистической войной. Это обстоятельство имело для революции в России неоценимое значе-

ние, ибо оно обеспечило ей верных союзников вне России в ее борьбе с мировым империализмом.

Но кроме обстоятельств внешнего порядка, Октябрьская революция имела еще целый ряд внутренних благоприятных условий, облегчивших ей победу.

Главными из этих условий нужно считать следующие.

Во-первых, Октябрьская революция имела за собой активнейшую поддержку громадного большинства рабочего класса России.

Во-вторых, она имела несомненную поддержку крестьянской бедноты и большинства солдат, жаждавших мира и земли.

В-третьих, она имела во главе, в качестве руководящей силы, такую испытанную партию, как партия большевиков, сильную не только своим опытом и годами выработанной дисциплиной, но и огромными связями с трудящимися массами.

В-четвертых, Октябрьская революция имела перед собой таких сравнительно легко преодолимых врагов, как более или менее слабую русскую буржуазию, окончательно деморализованный крестьянскими „бунтами" класс помещиков и совершенно обанкротившиеся в ходе войны соглашательские партии (партии меньшевиков и эс-эров).

В-пятых, она имела в своем распоряжении огромные пространства молодого государства, где могла свободно маневрировать, отступать, когда этого требовала обстановка, передохнуть, собраться с силами и пр.

В-шестых, Октябрьская революция могла рассчитывать в своей борьбе с контр-революцией на наличие достаточного количества продовольственных, топливных и сырьевых ресурсов внутри страны.

Сочетание этих внешних и внутренних обстоятельств создало ту своеобразную обстановку, которая определила сравнительную легкость победы Октябрьской революции.

Это не значит, конечно, что Октябрьская революция не имела своих минусов в смысле внешней и внутренней обстановки. Чего стоит, например, такой минус, как известная одинокость Октябрьской революции, отсутствие возле нее и по соседству с ней советской страны, на которую она могла бы опереться? Несомненно, что будущая революция, например, в Германии, оказалась бы в этом отношении в более выгодном положении, ибо она имеет по соседству такую серьезную по своей силе советскую страну, как наш Советский Союз. Я уже не говорю о таком минусе Октябрьской революции, как отсутствие пролетарского большинства в стране.

Но эти минусы лишь подчеркивают громадное значение того своеобразия внутренних и внешних условий Октябрьской революции, о которых говорилось выше.

Об этом своеобразии нельзя забывать ни на одну минуту.

О нем особенно следует помнить при анализе германских событий осенью 1923 г. О нем прежде всего должен помнить т. Троцкий, огульно проводящий аналогию между Октябрьской революцией и революцией в Германии и безудержно бичующий германскую компартию за ее действительные и мнимые ошибки.

„России, — говорит Ленин, — в конкретной, исторически чрезвычайно оригинальной ситуации 1917 года было легко *начать* социалистическую революцию, тогда как *продолжать* ее и довести ее до конца России будет труднее, чем европейским странам. Мне еще в начале 1918 года пришлось указывать на это обстоятельство, и двухлетний опыт после того вполне подтвердил правильность такого соображения. Таких специфических условий, как: 1) возможность соединить советский переворот с окончанием, благодаря ему, империалистской войны, невероятно измучившей рабочих и крестьян; 2) возможность использовать на известное время смертельную борьбу двух всемирно могущественных групп империалистских хищников, каковые группы не могли соединиться против советского врага; 3) возможность выдержать сравнительно долгую гражданскую войну, отчасти благодаря гигантским размерам страны и худым средствам сообщения; 4) наличность такого глубокого буржуазно-демократического революционного движения в крестьянстве, что партия пролетариата взяла революционные требования у партии крестьян (с.-р., партии, резко враждебной, в большинстве своем, большевизму) и сразу осуществила их благодаря завоеванию политической власти пролетариатом; — таких специфических условий в Западной Европе теперь нет и повторение таких или подобных условий не слишком легко. Вот почему, между прочим, — помимо ряда других причин, — *начать* социалистическую революцию Западной Европе труднее, чем нам“ (см. т. XXV. стр. 206—207).

Этих слов Ленина забывать нельзя.

II

О ДВУХ ОСОБЕННОСТЯХ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, ИЛИ ОКТЯБРЬ И ТЕОРИЯ ПЕРМАНЕНТНОЙ РЕВОЛЮЦИИ ТОВ. ТРОЦКОГО

Существуют две особенности Октябрьской революции, уяснение которых необходимо прежде всего для того, чтобы понять внутренний смысл и историческое значение этой революции.

Что это за особенности?

Это, во-первых, тот факт, что диктатура пролетариата родилась у нас, как власть, возникшая на основе союза пролетариата и трудящихся масс крестьянства, при руководстве последними со стороны пролетариата. Это, во-вторых, тот факт, что диктатура пролетариата утвердилась у нас, как результат победы социализма в одной стране, капиталистически мало развитой, при сохранении капитализма в других странах, капиталистически более развитых. Это не значит, конечно, что у Октябрьской революции нет других особенностей. Но для нас важны теперь именно эти две особенно-

сти не только потому, что они отчетливо выражают сущность Октябрьской революции, но и потому, что они великолепно вскрывают оппортунистическую природу теории „перманентной революции“.

Рассмотрим вкратце эти особенности.

Вопрос о трудящихся массах мелкой буржуазии, городской и сельской, вопрос о завоевании этих масс на сторону пролетариата является важнейшим вопросом пролетарской революции. Кого поддержит в борьбе за власть трудовой люд города и деревни, буржуазию или пролетариат, чьим резервом станет он, резервом буржуазии или резервом пролетариата, — от этого зависит судьба революции и прочность диктатуры пролетариата. Революции 48 и 71 годов во Франции погибли, главным образом, потому, что крестьянские резервы оказались на стороне буржуазии. Октябрьская революция победила потому, что она сумела отобрать у буржуазии ее крестьянские резервы, она сумела завоевать эти резервы на сторону пролетариата и пролетариат оказался в этой революции единственной руководящей силой миллионных масс трудового люда города и деревни.

Кто не понял этого, тот никогда не поймет ни характера Октябрьской революции, ни природы диктатуры пролетариата, ни своеобразия внутренней политики нашей пролетарской власти.

Диктатура пролетариата не есть простая правительственная верхушка, „умело“ „отобранная“ заботливой рукой „опытного стратега“ и „разумно опирающаяся“ на те или иные слои населения. Диктатура пролетариата есть классовый союз пролетариата и трудящихся масс крестьянства для свержения капитала, для окончательной победы социализма, при условии, что руководящей силой этого союза является пролетариат.

Речь идет здесь, таким образом, не о том, чтобы „немножечко“ недооценить или „немножечко“ переоценить революционные возможности крестьянского движения, как любят теперь выражаться некоторые дипломатические защитники „перманентной революции“. Речь идет о природе нового пролетарского государства, возникшего в результате Октябрьской революции. Речь идет о характере пролетарской власти, об основах самой диктатуры пролетариата.

„Диктатура пролетариата, — говорит Ленин, — есть особая форма классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т. д.), или большинством их, союза против капитала, союза в целях полного свержения капитала, полного подавления сопротивления буржуазии и попыток реставрации с ее стороны, союза в целях окончательного создания и упрочения социализма“ (см. т. XXIV, стр. 311).

И далее:

„Диктатура пролетариата, если перевести это латинское, научное, историко-философское выражение на более простой язык, означает вот что: только определенный класс, именно городские и вообще фабрично-заводские, промышленные рабочие, в состоянии руководить всей массой трудящихся и эксплоатируемых в борьбе за свержение ига капитала, в ходе самого свержения, в борьбе за удержание и укрепление победы, в деле созидания нового, социалистического, общественного строя, во всей борьбе за полное уничтожение классов“ (см. т. XXIV, стр. 336).

Такова теория диктатуры пролетариата, данная Лениным.

Одна из особенностей Октябрьской революции состоит в том, что эта революция является классическим проведением ленинской теории диктатуры пролетариата.

Некоторые товарищи полагают, что эта теория является чисто „русской“ теорией, имеющей отношение лишь к российской действительности. Это неверно. Это совершенно неверно. Говоря о трудящихся массах непролетарских классов, руководимых пролетариатом, Ленин имеет в виду не только русских крестьян, но и трудящиеся элементы окраин Советского Союза, недавно еще представлявших колонии России. Ленин неустанно твердил, что без союза с этими инонациональными массами пролетариат России не сможет победить. В своих статьях по национальному вопросу и в речах на конгрессах Коминтерна Ленин неоднократно говорил, что победа мировой революции невозможна без революционного союза, без революционного блока пролетариата передовых стран с угнетенными народами порабощенных колоний. Но что такое колонии, как не те же угнетенные трудовые массы, и прежде всего трудовые массы крестьянства? Кому не известно, что вопрос об освобождении колоний является *по сути дела* вопросом об освобождении трудовых масс непролетарских классов от гнета и эксплоатации финансового капитала?

Но из этого следует, что ленинская теория диктатуры пролетариата есть не чисто „русская“ теория, а теория, обязательная для всех стран. Большевизм не есть только русское явление. „Большевизм“, — говорит Ленин, — есть *„образец тактики для всех“* (см. т. XXIII, стр. 386).

Таковы характерные черты первой особенности Октябрьской революции.

Как обстоит дело с теорией „перманентной революции“ т. Троцкого с точки зрения этой особенности Октябрьской революции?

Не будем распространяться о позиции т. Троцкого в 1905 году, когда он „просто“ забыл о крестьянстве, как революционной силе, выдвигая лозунг „без царя, а правительство рабочее“, т. е. лозунг о революции без крестьянства. Даже т. Радек, этот дипломатический защитник „перманентной революции“, вынужден теперь

признать, что „перманентная революция“ в 1905 г. означала „прыжок в воздух“ от действительности (см. „Правда“ от 14 декабря 1924 г.). Теперь, видимо, все признают, что с этим „прыжком в воздух“ не стоит больше возиться.

Не будем также распространяться о позиции т. Троцкого в период войны, скажем, в 1915 году, когда он в своей статье „Борьба за власть“, исходя из того, что „мы живем в эпоху империализма“, что империализм „противопоставляет не буржуазную нацию старому режиму, а пролетариат — буржуазной нации“, пришел к выводу о том, что революционная роль крестьянства должна убывать, что лозунг о конфискации земли не имеет уже того значения, какое он имел раньше (см. „1905 год“, стр. 289—292). Известно, что Ленин, разбирая эту статью т. Троцкого, обвинял его тогда в „отрицании“ „роли крестьянства“, говоря, что „Троцкий на деле помогает либеральным рабочим политикам России, которые под „отрицанием“ роли крестьянства понимают *нежелание* поднимать крестьян на революцию“ (см. т. XVIII, стр. 318).

Перейдем лучше к более поздним трудам т. Троцкого по этому вопросу, к трудам того периода, когда пролетарская диктатура успела уже утвердиться и когда т. Троцкий имел возможность проверить свою теорию „перманентной революции“ на деле и исправить свои ошибки. Возьмем „Предисловие“ т. Троцкого к книге „1905 год“, писанное в 1922 году. Вот что говорит т. Троцкий в этом „Предисловии“ о „перманентной революции“:

„Именно в промежуток между 9 января и октябрьской стачкой 1905 года сложились у автора те взгляды на характер революционного развития России, которые получили название теории „перманентной революции“. Мудреное название это выражало ту мысль, что русская революция, перед которой непосредственно стоят буржуазные цели, не сможет, однако, на них остановиться. Революция не сможет разрешить свои ближайшие буржуазные задачи иначе, как поставив у власти пролетариат. А этот последний, взявши в руки власть, не сможет ограничить себя буржуазными рамками в революции. Наоборот, именно для обеспечения своей победы пролетарскому авангарду придется на первых же порах своего господства совершать глубочайшие вторжения не только в феодальную, но и в буржуазную собственность. При этом он придет во *враждебные столкновения* не только со всеми группировками буржуазии, которые поддерживали его на первых порах его революционной борьбы, но и *с широкими массами крестьянства,* при содействии которых он пришел к власти. Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения, смогут найти свое разрешение *только* в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата“ (см. упомянутое выше „Предисловие“ к книге т. Троцкого „1905 год“) [1].

Так говорит т. Троцкий о своей „перманентной революции“.

Стоит только сличить эту цитату с вышеприведенными цитатами

[1] Курсив мой. *И. Ст.*

из сочинений Ленина о диктатуре пролетариата, чтобы понять всю пропасть, отделяющую ленинскую теорию диктатуры пролетариата от теории т. Троцкого о „перманентной революции“.

Ленин говорит о *союзе* пролетариата и трудящихся слоев крестьянства, как основе диктатуры пролетариата. У Троцкого же получаются *„враждебные столкновения“* „пролетарского авангарда“ с „широкими массами крестьянства“.

Ленин говорит о *руководстве* трудящимися и эксплоатируемыми массами со стороны пролетариата. У Троцкого же получаются *„противоречия* в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения“.

По Ленину революция черпает свои силы прежде всего среди рабочих и крестьян самой России. У Троцкого же получается, что необходимые силы можно черпать *лишь* „на арене мировой революции пролетариата“.

А как быть, если международной революции суждено притти с опозданием? Есть ли какой-либо просвет для нашей революции? Тов. Троцкий не дает никакого просвета, ибо „противоречия в положении рабочего правительства... смогут найти свое разрешение *только*... на арене мировой революции пролетариата“. По этому плану для нашей революции остается лишь одна перспектива: прозябать в своих собственных противоречиях и гнить на корню в ожидании мировой революции.

Что такое диктатура пролетариата по Ленину?

Диктатура пролетариата есть власть, опирающаяся на союз пролетариата и трудящихся масс крестьянства для „полного свержения капитала“, для „окончательного создания и упрочения социализма“.

Что такое диктатура пролетариата по Троцкому?

Диктатура пролетариата есть власть, вступающая „во враждебные столкновения“ с „широкими массами крестьянства“ и ищущая разрешения „противоречий“ *лишь* „на арене мировой революции пролетариата“.

Чем отличается эта „теория перманентной революции“ от известной теории меньшевизма об отрицании идеи диктатуры пролетариата?

По сути дела ничем.

Сомнения невозможны. „Перманентная революция“ не есть простая недооценка революционных возможностей крестьянского движения. „Перманентная революция“ есть такая недооценка крестьянского движения, которая ведет к *отрицанию* ленинской теории диктатуры пролетариата.

„Перманентная революция“ т. Троцкого есть разновидность меньшевизма.

Так обстоит дело с первой особенностью Октябрьской революции.

Каковы характерные черты второй особенности Октябрьской революции?

Изучая империализм, особенно в период войны, Ленин пришел к закону о неравномерности, скачкообразности экономического и политического развития капиталистических стран. По смыслу этого закона, развитие предприятий, трестов, отраслей промышленности и отдельных стран происходит не равномерно, не в порядке установившейся очереди, не так, чтобы один трест, одна отрасль промышленности или одна страна шли все время впереди, а другие тресты или страны отставали последовательно одна за другой, — а скачкообразно, с перерывами в развитии одних стран и со скачками вперед в развитии других стран. При этом „вполне законное" стремление отстающих стран сохранить старые позиции и столь же „законное" стремление заскочивших вперед стран захватить новые позиции ведут к тому, что военные столкновения империалистических стран являются неминуемой необходимостью. Так было, например, с Германией, которая полвека назад представляла, в сравнении с Францией и Англией, отсталую страну. То же самое нужно сказать о Японии по сравнению с Россией. Известно, однако, что уже в начале XX столетия Германия и Япония скакнули так далеко, что первая успела обогнать Францию и стала теснить Англию на мировом рынке, а вторая — Россию. Из этих противоречий и возникла, как известно, недавняя империалистическая война.

Закон этот исходит из того, что:

1) „Капитализм перерос во всемирную систему колониального угнетения и финансового удушения горстью „передовых" стран гигантского большинства населения земли" (см. предисловие к французскому изданию „Империализма" Ленина, т. XIX, стр. 74).

2) „Дележ этой „добычи" происходит между двумя-тремя всемирно могущественными, вооруженными с ног до головы хищниками (Америка, Англия, Япония), которые втягивают в *свою* войну из-за дележа *своей* добычи всю землю" (см. там же).

3) Рост противоречий внутри мировой системы финансового угнетения и неизбежность военных столкновений ведут к тому, что мировой фронт империализма становится легко уязвимым со стороны революции, а прорыв этого фронта со стороны отдельных стран — вероятным.

4) Этот прорыв вероятнее всего может произойти в тех пунктах и в тех странах, где цепь империалистического фронта слабее, т. е. где империализм менее всего подкован, а революции легче всего развернуться.

5) Ввиду этого победа социализма в одной стране, если даже эта страна является менее развитой капиталистически, при сохранении капитализма в других странах, если даже эти страны являются более развитыми капиталистически, — вполне возможна и вероятна.

Таковы в двух словах основы ленинской теории пролетарской революции.

В чем состоит вторая особенность Октябрьской революции?

Вторая особенность Октябрьской революции состоит в том, что эта революция является образцом применения на практике ленинской теории пролетарской революции.

Кто не понял этой особенности Октябрьской революции, тот никогда не поймет ни интернациональной природы этой революции, ни ее колоссальной международной мощи, ни ее своеобразной внешней политики.

„Неравномерность экономического и политического развития, — говорит Ленин, — есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы *против* остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплоататорских классов и их государств“. Ибо „невозможно свободное объединение наций в социализме без более или менее долгой, упорной борьбы социалистических республик с отсталыми государствами“ (см. т. XVIII, стр. 232—233).

Оппортунисты всех стран утверждают, что пролетарская революция может начаться — если вообще она должна где-либо начаться по их теории — лишь в промышленно-развитых странах, что чем развитее в промышленном отношении эти страны, тем больше шансов на победу социализма, при чем возможность победы социализма в одной стране, да еще капиталистически мало развитой, исключается у них, как нечто совершенно невероятное. Ленин еще во время войны, опираясь на закон неравномерного развития империалистических государств, противопоставляет оппортунистам свою теорию пролетарской революции о победе социализма в одной стране, если даже эта страна является капиталистически менее развитой.

Известно, что Октябрьская революция целиком подтвердила правильность ленинской теории пролетарской революции.

Как обстоит дело с „перманентной революцией“ т. Троцкого с точки зрения ленинской теории пролетарской революции?

Возьмем брошюру т. Троцкого „Наша революция“ (1906 г.).

Тов. Троцкий пишет:

„Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру. В этом нельзя сомневаться ни минуты“ (см. „Наша революция“, стр. 278).

О чем говорит эта цитата? Да о том, что победа социализма в одной стране, в данном случае в России, невозможна *„без прямой государственной поддержки европейского пролетариата“*, т. е. до завоевания власти европейским пролетариатом.

Что общего между этой „теорией“ и положением Ленина о возможности победы социализма „в одной, отдельно взятой, капиталистической стране“?

Ясно, что тут нет ничего общего.

Но допустим, что эта брошюра т. Троцкого, изданная в 1906 г., когда трудно было определить характер нашей революции, содержит невольные ошибки и не вполне соответствует взглядам т. Троцкого в более поздний период. Рассмотрим другую брошюру т. Троцкого, его „Программу мира“, появившуюся в свет перед Октябрьской революцией 1917 г. и переизданную теперь (в 1924 г.) в книге „1917“. В этой брошюре т. Троцкий критикует ленинскую теорию пролетарской революции о победе социализма в одной стране и противопоставляет ей лозунг Соединенных Штатов Европы. Он утверждает, что победа социализма в одной стране невозможна, что победа социализма возможна лишь как победа нескольких основных стран Европы (Англии, России, Германии), объединяющихся в Соединенные Штаты Европы, либо она вовсе невозможна. Он прямо говорит, что „победоносная революция в России или Англии немыслима без революции в Германии, и наоборот“ (см. „1917“, т. III Сочинений т. Троцкого, ч. 1, стр. 89).

„Единственное сколько-нибудь конкретное историческое соображение, — говорит т. Троцкий, — против лозунга Соединенных Штатов было формулировано в швейцарском „Социал-Демократе“ (тогдашний центральный орган большевиков. *И. Ст.)* в следующей фразе: „Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма“. Отсюда „Социал-Демократ“ делал тот вывод, что возможна победа социализма в одной стране и что незачем поэтому диктатуру пролетариата в каждом отдельном государстве обусловливать созданием Соединенных Штатов Европы. Что капиталистическое развитие разных стран неравномерно, это совершенно бесспорное соображение. Но самая эта неравномерность весьма неравномерна. Капиталистический уровень Англии, Австрии, Германии или Франции не одинаков. Но по сравнению с Африкой и Азией все эти страны представляют собой капиталистическую „Европу“, созревшую для социальной революции. Что ни одна страна не должна „дожидаться“ других в своей борьбе — это элементарная мысль, которую полезно и необходимо повторять, дабы идея параллельного интернационального действия не подменялась идеей выжидательного интернационального бездействия. Не дожидаясь других, мы начинаем и продолжаем борьбу на

национальной почве в полной уверенности, что наша инициатива даст толчок борьбе в других странах; а если бы этого не произошло, то безнадежно думать — так свидетельствуют и опыт истории и теоретические соображения, — что, например, революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы, или социалистическая Германия могла бы остаться изолированной в капиталистическом мире“ (см. т. III Сочинений т. Троцкого, ч. 1, стр. 89—90).

Как видите, перед нами та же теория одновременной победы социализма в основных странах Европы, как правило, исключающая ленинскую теорию революции о победе социализма в одной стране.

Слов нет, что для *полной* победы социализма, для *полной* гарантии от восстановления старых порядков необходимы совместные усилия пролетариев нескольких стран. Слов нет, что без поддержки нашей революции со стороны пролетариата Европы пролетариат России не мог бы устоять против общего напора, точно так же, как без поддержки революционного движения на Западе со стороны революции в России не могло бы это движение развиваться тем темпом, каким оно стало развиваться после пролетарской диктатуры в России. Слов нет, что нам нужна поддержка. Но что такое поддержка нашей революции со стороны западно-европейского пролетариата? Сочувствие европейских рабочих к нашей революции, их готовность расстроить планы империалистов насчет интервенции, — есть ли все это поддержка, серьезная помощь? Безусловно, да. Без такой поддержки, без такой помощи не только со стороны европейских рабочих, но и со стороны колониальных и зависимых стран, пролетарской диктатуре в России пришлось бы туго. Хватало ли до сих пор этого сочувствия и этой помощи, соединенной с мощью нашей Красной армии и с готовностью рабочих и крестьян России грудью отстоять социалистическое отечество, — хватало ли всего этого для того, чтобы отбить атаки империалистов и завоевать себе необходимую обстановку для серьезной строительной работы? Да, хватало. Растет ли это сочувствие или убывает? Безусловно, растет. Есть ли у нас, таким образом, благоприятные условия не только для того, чтобы двинуть вперед дело организации социалистического хозяйства, но и для того, чтобы, в свою очередь, оказать поддержку как западно-европейским рабочим, так и угнетенным народам Востока? Да, есть. Об этом красноречиво говорит семилетняя история пролетарской диктатуры в России. Можно ли отрицать, что могучий трудовой подъем уже начался у нас? Нет, нельзя отрицать.

Какое значение может иметь после всего этого заявление т. Троцкого о том, что революционная Россия не могла бы устоять перед лицом консервативной Европы?

Оно может иметь лишь одно значение: во-первых, т. Троцкий не чувствует внутренней мощи нашей революции; во-вторых,

т. Троцкий не понимает неоценимого значения той моральной поддержки, которую оказывают нашей революции рабочие Запада и крестьяне Востока; в-третьих, т. Троцкий не улавливает той внутренней немощи, которая разъедает ныне империализм.

Увлекшись критикой ленинской теории пролетарской революции, т. Троцкий нечаянно разбил себя наголову в своей брошюре „Программа мира", вышедшей в 1917 г. и переизданной в 1924 г.

Но, может быть, устарела и эта брошюра т. Троцкого, перестав почему-либо соответствовать нынешним его взглядам? Возьмем позднейшие труды т. Троцкого, написанные после победы пролетарской революции в *одной стране,* в России. Возьмем, например, „Послесловие" т. Троцкого к новому изданию брошюры „Программа мира", написанное в 1922 г. Вот что он пишет в этом „Послесловии":

„Несколько раз повторяющееся в „Программе мира" утверждение, что пролетарская революция не может победоносно завершиться в национальных рамках, покажется, пожалуй, некоторым читателям опровергнутым почти пятилетним опытом нашей Советской Республики. Но такое заключение было бы неосновательно. Тот факт, что рабочее государство удержалось против всего мира в одной стране, и при том отсталой, свидетельствует о колоссальной мощи пролетариата, которая в других, более передовых, более цивилизованных странах способна будет совершать поистине чудеса. Но, отстояв себя в политическом и военном смысле, как государство, мы к созданию социалистического общества не пришли и даже не подошли... До тех пор, пока в остальных европейских государствах у власти стоит буржуазия, мы вынуждены, в борьбе с экономической изолированностью, искать соглашения с капиталистическим миром; в то же время можно с уверенностью сказать, что эти соглашения, в лучшем случае, могут помочь нам залечить те или другие экономические раны, сделать тот или иной шаг вперед, но что подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным *только после победы* [1] пролетариата в важнейших странах Европы" (см. т. III Сочинений т. Троцкого, часть 1, стр. 92—93).

Так говорит т. Троцкий, явно греша против действительности и упорно стараясь спасти „перманентную революцию" от окончательного крушения.

Выходит, что, как ни вертись, а к созданию социалистического общества не только „не пришли", но даже „не подошли". Была, оказывается, кое у кого надежда на „соглашения с капиталистическим миром", но из этих соглашений тоже, оказывается, ничего не выходит, ибо, как ни вертись, а „подлинного подъема социалистического хозяйства" не получишь, пока не победит пролетариат „в важнейших странах Европы".

Ну, а так как победы нет еще на Западе, то остается для революции в России „выбор": либо сгнить на корню, либо переродиться в буржуазное государство.

---

[1] Курсив мой. *И. Ст.*

Недаром т. Троцкий говорит вот уже два года о „перерождении" нашей партии.

Недаром т. Троцкий пророчил в прошлом году „гибель" нашей страны.

Как согласовать эту странную „теорию" с теорией Ленина о „победе социализма в одной стране"?

Как согласовать эту странную „перспективу" с перспективой Ленина о том, что новая экономическая политика даст нам возможность „построить фундамент социалистической экономики"?

Как согласовать эту „перманентную" безнадежность, например, со следующими словами Ленина:

„Социализм уже теперь не есть вопрос отдаленного будущего, или какой-либо отвлеченной картины, или какой-либо иконы. Насчет икон мы остались мнения старого, весьма плохого. Мы социализм протащили в повседневную жизнь и тут должны разобраться. Вот что составляет задачу нашего дня, вот что составляет задачу нашей эпохи. Позвольте мне закончить выражением уверенности, что как эта задача ни трудна, как она ни нова по сравнению с прежней нашей задачей, и как много трудностей она нам ни причиняет, — все мы вместе, не завтра, а в несколько лет, все мы вместе решим эту задачу во что бы то ни стало, так что из России нэповской будет Россия социалистическая" (см. т. XXVII, стр. 366).

Как согласовать эту „перманентную" беспросветность, например, со следующими словами Ленина:

„В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д., — разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэпе так же, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения" (см. т. XXVII, стр. 392).

Ясно, что тут нет, да и не может быть никакого согласования. „Перманентная революция" т. Троцкого есть отрицание ленинской теории пролетарской революции, и наоборот — ленинская теория пролетарской революции есть отрицание теории „перманентной революции".

Неверие в силы и способности нашей революции, неверие в силы и способности российского пролетариата — такова подпочва теории „перманентной революции".

До сего времени отмечали обычно *одну* сторону теории „перманентной революции" — неверие в революционные возможности крестьянского движения. Теперь, для справедливости, эту сторону не-

обходимо дополнить *другой* стороной — неверием в силы и способности пролетариата России.

Чем отличается теория т. Троцкого от обычной теории меньшевизма о том, что победа социализма в одной стране, да еще в отсталой, невозможна без предварительной победы пролетарской революции „в основных странах Западной Европы"?

По сути дела — ничем.

Сомнения невозможны. Теория „перманентной революции" т. Троцкого есть разновидность меньшевизма.

В последнее время в нашей печати развелись гнилые дипломаты, старающиеся протащить теорию „перманентной революции", как нечто совместимое с ленинизмом. Конечно, говорят они, эта теория оказалась непригодной в 1905 г. Но ошибка т. Троцкого состоит в том, что он забежал тогда вперед, попытавшись применить к обстановке 1905 года то, чего нельзя было тогда применить. Но впоследствии, говорят они, например в октябре 1917 года, когда революция успела назреть полностью, теория т. Троцкого оказалась-де вполне на месте. Нетрудно догадаться, что самым главным из этих дипломатов является т. Радек. Не угодно ли послушать:

„Война вырыла пропасть между крестьянством, стремящимся к завоеванию земли и к миру, и мелко-буржуазными партиями; война отдала крестьянство под руководство рабочего класса и его авангарда — партии большевиков. Стала возможна не диктатура рабочего класса и крестьянства, а диктатура рабочего класса, опирающегося на крестьянство. То, что Роза Люксембург и Троцкий в 1905 г. выдвигали против Ленина (т. е. „перманентную революцию". *И. Ст.),* оказалось на деле вторым этапом исторического развития" (см. „Правду" от 21 февраля 1924 г., № 42).

Тут что ни слово, то передержка.

Неверно, что во время войны „стала возможна не диктатура рабочего класса и крестьянства, а диктатура рабочего класса, опирающегося на крестьянство". На самом деле Февральская революция 1917 г. была осуществлением диктатуры пролетариата и крестьянства в своеобразном переплете с диктатурой буржуазии.

Неверно, что теорию „перманентной революции", о которой т. Радек стыдливо умалчивает, выдвинули в 1905 г. Роза Люксембург и Троцкий. На самом деле теория эта была выдвинута Парвусом и Троцким. Теперь, спустя десять месяцев, т. Радек поправляется, считая нужным ругнуть Парвуса за „перманентную революцию" (см. его статью о Парвусе в „Правде"). Но справедливость требует от т. Радека, чтобы был обруган и компаньон Парвуса — т. Троцкий.

Неверно, что „перманентная революция", отброшенная революцией 1905 года, оказалась правильной на „втором этапе историче-

ского развития", т. е. во время Октябрьской революции. Весь ход Октябрьской революции, все ее развитие показали и доказали полную несостоятельность теории „перманентной революции", полную ее несовместимость с основами ленинизма.

Сладенькими речами да гнилой дипломатией не прикрыть зияющей пропасти, лежащей между теорией „перманентной революции" и ленинизмом.

III

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ТАКТИКИ БОЛЬШЕВИКОВ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ ОКТЯБРЯ

Для того чтобы понять тактику большевиков за период подготовки Октября, необходимо уяснить себе, по крайней мере, некоторые особо важные особенности этой тактики. Это тем более необходимо, что в многочисленных брошюрах о тактике большевиков нередко обходятся именно эти особенности.

Что это за особенности?

Первая особенность. Послушать т. Троцкого, можно подумать, что в истории подготовки Октября существуют всего два периода, период разведки и период восстания, а что сверх того, то от лукавого. Что такое апрельская манифестация 1917 года? „Апрельская манифестация, взявшая „левей", чем полагалось, была разведывательной вылазкой для проверки настроения масс и взаимоотношения между ними и советским большинством" (см. т. III, ч. 1, соч. т. Троцкого, стр. XXVII). А что такое июльская демонстрация 1917 года? По мнению т. Троцкого, „по существу дело и на этот раз свелось к новой более широкой разведке на новом более высоком этапе движения" (см. там же, стр. XXXII). Нечего и говорить, что июньская демонстрация 1917 года, устроенная по требованию нашей партии, тем более должна быть названа, по представлению т. Троцкого, „разведкой".

Выходит, таким образом, что у большевиков уже в марте 1917 г. имелась готовая политическая армия из рабочих и крестьян, и если они не пускали ее в ход для восстания ни в апреле, ни в июне, ни в июле, а занимались лишь „разведкой", то это потому, и только потому, что „данные разведки" не давали тогда благоприятных „показаний".

Нечего и говорить, что это упрощенное представление о политической тактике нашей партии является не чем иным, как смешением обычной военной тактики с революционной тактикой большевиков.

На самом деле все эти демонстрации являлись, прежде всего, результатом стихийного напора масс, результатом рвущегося на улицу возмущения масс против войны.

На самом деле роль партии состояла тут в оформлении и руководстве стихийно возникавших выступлений масс по линии революционных лозунгов большевиков.

На самом деле у большевиков не было, да и не могло быть в марте 1917 года готовой политической армии. Большевики лишь создавали такую армию (и создали ее, наконец, к октябрю 1917 года) в ходе борьбы и столкновений классов с апреля по октябрь 1917 года, создавали ее и через апрельскую манифестацию, и через июньскую и июльскую демонстрации, и через выборы в районные и общегородские думы, и через борьбу с корниловщиной, и через завоевание советов. Политическая армия не то, что армия военная. Если военное командование приступает к войне, имея в руках уже готовую армию, то партии приходится создавать свою армию в ходе самой борьбы, в ходе столкновений классов, по мере того, как сами массы убеждаются на собственном опыте в правильности лозунгов партии, в правильности ее политики.

Конечно, каждая такая демонстрация давала вместе с тем известное освещение скрытых от глаз соотношений сил, известную разведку, но разведка являлась здесь не мотивом демонстрации, а ее естественным результатом.

Анализируя события перед восстанием в октябре и сравнивая их с событиями апреля — июля, Ленин говорит:

„Дело стоит именно не так, как перед 20—21 апреля, 9 июня, 3 июля, ибо тогда было *стихийное возбуждение,* которое мы, как партия, или не улавливали (20 апреля), или сдерживали и оформливали в мирную демонстрацию (9 июня и 3 июля). Ибо мы хорошо знали тогда, что Советы *еще* не наши, что крестьяне *еще* верят пути либердановско-черновскому, а не пути большевистскому (восстанию), что, следовательно, за нами большинства народа быть не может, что, следовательно, восстание преждевременно“ (см. т. XXI, стр. 345).

Ясно, что на одной лишь „разведке“ далеко не уедешь.

Дело, очевидно, не в „разведке“, а в том, что:

1) партия за весь период подготовки Октября неуклонно опиралась в своей борьбе на стихийный подъем массового революционного движения;

2) опираясь на стихийный подъем, она сохраняла за собой безраздельное руководство движением;

3) такое руководство движением облегчало ей дело формирования массовой политической армии для Октябрьского восстания;

4) такая политика не могла не привести к тому, что вся подготовка Октября прошла под руководством *одной* партии, партии большевиков;

5) такая подготовка Октября, в свою очередь, привела к тому, что в результате Октябрьского восстания власть оказалась в руках *одной* партии, партии большевиков.

Итак, безраздельное руководство *одной* партии, партии коммунистов, как основной момент подготовки Октября, — такова характерная черта Октябрьской революции, такова первая особенность тактики большевиков в период подготовки Октября.

Едва ли нужно доказывать, что без этой особенности тактики большевиков победа диктатуры пролетариата в обстановке империализма была бы невозможна.

Этим выгодно отличается Октябрьская революция от революции 1871 года во Франции, где руководство революцией делили между собой две партии, из коих ни одна не может быть названа коммунистической партией.

Вторая особенность. Подготовка Октября проходила, таким образом, под руководством одной партии, партии большевиков. Но как велось партией это руководство, по какой линии оно проходило? Руководство это проходило по линии изоляции *соглашательских* партий, как наиболее опасных группировок в период развязки революции, по линии изоляции эс-эров и меньшевиков.

В чем состоит основное стратегическое правило ленинизма?

Оно состоит в признании того, что:

1) наиболее опасной социальной опорой врагов революции в период приближающейся революционной развязки являются *соглашательские* партии;

2) свергнуть врага (царизм или буржуазию) невозможно без изоляции этих партий;

3) главные стрелы в период подготовки революции должны быть, ввиду этого, направлены на изоляцию этих партий, на отрыв от них широких масс трудящихся.

В период борьбы с царизмом, в период подготовки буржуазно-демократической революции (1905—1916) наиболее опасной социальной опорой царизма являлась либерально-монархическая партия, партия кадетов. Почему? Потому, что она была партией соглашательской, партией *соглашения* между царизмом и большинством народа, т. е. крестьянством в целом. Естественно, что партия направляла тогда главные удары против кадетов, ибо, не изолировав кадетов, нельзя было рассчитывать на *разрыв* крестьянства с царизмом, не обеспечив же этого разрыва, — нельзя было рассчитывать на победу революции. Многие не понимали тогда этой особенности большевистской стратегии и обвиняли большевиков в излишнем „кадетоедстве“, утверждая, что борьба с кадетами „заслоняет“ у большевиков борьбу с глав-

ным врагом — с царизмом. Но обвинения эти, будучи лишены почвы, изобличали прямое непонимание большевистской стратегии, требующей изоляции соглашательской партии *для* того, чтобы облегчить, приблизить победу над главным врагом.

Едва ли нужно доказывать, что без такой стратегии гегемония пролетариата в буржуазно-демократической революции была бы невозможна.

В период подготовки Октября центр тяжести борющихся сил переместился на новую плоскость. Не стало царя. Партия кадетов из силы соглашательской превратилась в силу правящую, в господствующую силу империализма. Борьба шла уже не между царизмом и народом, а между буржуазией и пролетариатом. В этот период наиболее опасной социальной опорой империализма являлись мелкобуржуазные демократические партии, партии эс-эров и меньшевиков. Почему? Потому, что эти партии были тогда партиями соглашательскими, партиями *соглашения* между империализмом и трудящимися массами. Естественно, что главные удары большевиков направлялись тогда против этих партий, ибо без изоляции этих партий нельзя было рассчитывать на *разрыв* трудящихся масс с империализмом, без обеспечения же этого разрыва нельзя было рассчитывать на победу советской революции. Многие не понимали тогда этой особенности большевистской тактики, обвиняя большевиков в „излишней ненависти" к эс-эрам и меньшевикам и в „забвении" ими главной цели. Но весь период подготовки Октября красноречиво говорит о том, что только такой тактикой могли обеспечить большевики победу Октябрьской революции.

Характерной чертой этого периода является дальнейшее революционизирование трудящихся масс крестьянства, их разочарование в эс-эрах и меньшевиках, их отход от этих партий, их поворот в сторону прямого сплочения вокруг пролетариата, как единственной до конца революционной силы, способной привести страну к миру. История этого периода есть история борьбы эс-эров и меньшевиков, с одной стороны, и большевиков, с другой стороны, за трудящиеся массы крестьянства, за овладение этими массами. Судьбу этой борьбы решили коалиционный период, период керенщины, отказ эс-эров и меньшевиков от конфискации помещичьей земли, борьба эс-эров и меньшевиков за продолжение войны, июньское наступление на фронте, смертная казнь для солдат, корниловское восстание. И решили они эту судьбу исключительно в пользу большевистской стратегии. Ибо без изоляции эс-эров и меньшевиков невозможно было свергнуть правительство империалистов, без свержения же этого правительства невозможно было вырваться из войны. Политика изо-

ляции эс-эров и меньшевиков оказалась единственно правильной политикой.

Итак, изоляция партий меньшевиков и эс-эров, как основная линия руководства делом подготовки Октября, — такова вторая особенность тактики большевиков.

Едва ли нужно доказывать, что без этой особенности тактики большевиков союз рабочего класса и трудящихся масс крестьянства повис бы в воздухе.

Характерно, что об этой особенности большевистской тактики т. Троцкий ничего, или почти ничего, не говорит в своих „Уроках Октября“.

Третья особенность. Руководство партии делом подготовки Октября проходило, таким образом, по линии изоляции партий эс-эров и меньшевиков, по линии отрыва от них широких масс рабочих и крестьян. Но как осуществлялась партией эта изоляция конкретно, в какой форме, под каким лозунгом? Она осуществлялась в форме революционного движения масс за власть советов, под лозунгом „вся власть советам“, путем борьбы за превращение советов из органов мобилизации масс в органы восстания, в органы власти, в аппарат новой пролетарской государственности.

Почему большевики ухватились именно за советы, как за основной организационный рычаг, могущий облегчить дело изоляции меньшевиков и эс-эров, способный двинуть вперед дело пролетарской революции и призванный подвести миллионные массы трудящихся к победе диктатуры пролетариата?

Что такое советы?

„Советы, — говорил Ленин еще в сентябре 1917 г., — суть новый государственный аппарат, дающий, во-первых, вооруженную силу рабочих и крестьян, при чем эта сила не оторвана от народа, как сила старой постоянной армии, а теснейшим образом с ним связана; в военном отношении эта сила несравненно более могучая, чем прежние; в революционном отношении она незаменима ничем другим. Во-вторых, этот аппарат дает связь с массами, с большинством народа настолько тесную, неразрывную, легко проверимую и возобновляемую, что ничего подобного в прежнем государственном аппарате нет и в помине. В-третьих, этот аппарат, в силу выборности и сменяемости его состава по воле народа, без бюрократических формальностей, является гораздо более демократическим, чем прежние аппараты. В-четвертых, он дает крепкую связь с самыми различными профессиями, облегчая тем различнейшие реформы самого глубокого характера без бюрократии. В-пятых, он дает форму организации авангарда, т. е. самой сознательной, самой энергичной, передовой части *угнетенных* классов, рабочих и крестьян, являясь таким образом аппаратом, посредством которого авангард угнетенных классов может поднимать, воспитать, обучать и вести за собой *всю гигантскую массу* этих классов, до сих пор стоявшую совершенно вне политической жизни, вне истории. В-шестых, он дает возможность соединять выгоды парламентаризма с выгодами

непосредственной и прямой демократии, т. е. соединять в лице выборных представителей народа и законодательную функцию *и исполнение законов.* По сравнению с буржуазным парламентаризмом это такой шаг вперед в развитии демократии, который имеет всемирно-историческое значение... Если бы народное творчество революционных классов не создало советов, то пролетарская революция была бы в России делом безнадежным, ибо со старым аппаратом пролетариат, несомненно, удержать власти не мог бы, а нового аппарата сразу создать нельзя" (см. т. XXI, стр. 258—259).

Вот почему ухватились большевики за советы, как за основное организационное звено, могущее облегчить организацию Октябрьской революции и создание нового могучего аппарата пролетарской государственности.

Лозунг „вся власть советам" с точки зрения его внутреннего развития прошел две стадии, первую (до июльского поражения большевиков, во время двоевластия) и вторую (после поражения корниловского восстания).

На первой стадии этот лозунг означал разрыв блока меньшевиков и эс-эров с кадетами, образование советского правительства из меньшевиков и эс-эров (ибо советы были тогда эс-эро-меньшевистскими), право свободной агитации для оппозиции (т. е. для большевиков) и свободную борьбу партий внутри советов в расчете, что путем такой борьбы удастся большевикам завоевать советы и изменить состав советского правительства в порядке мирного развития революции. Этот план не означал, конечно, диктатуры пролетариата. Но он несомненно облегчал подготовку условий, необходимых для обеспечения диктатуры, ибо он, ставя у власти меньшевиков и эс-эров и вынуждая их провести на деле свою антиреволюционную платформу, ускорял разоблачение подлинной природы этих партий, ускорял их изоляцию, их отрыв от масс. Июльское поражение большевиков прервало, однако, это развитие, дав перевес генеральско-кадетской контр-революции и отбросив эс-эро-меньшевиков в объятия последней. Это обстоятельство вынудило партию снять временно с очереди лозунг „вся власть советам" с тем, чтобы вновь выставить его в условиях нового подъема революции.

Поражение корниловского восстания открыло вторую стадию. Лозунг „вся власть советам" вновь стал на очереди. Но теперь этот лозунг означал уже не то, что на первой стадии. Его содержание изменилось коренным образом. Теперь этот лозунг означал полный разрыв с империализмом и переход власти к большевикам, ибо советы в своем большинстве были уже большевистскими. Теперь этот лозунг означал прямой подход революции к диктатуре пролетариата путем восстания. Более того, теперь этот лозунг означал организацию и государственное оформление диктатуры пролетариата.

Неоценимое значение тактики превращения советов в органы государственной власти состояло в том, что она отрывала миллионные массы трудящихся от империализма, развенчивала партии меньшевиков и эс-эров, как орудие империализма, и подводила эти массы, так сказать, прямым сообщением к диктатуре пролетариата.

Итак, политика превращения советов в органы государственной власти, как важнейшее условие изоляции соглашательских партий и победы диктатуры пролетариата, — такова третья особенность тактики большевиков в период подготовки Октября.

Четвертая особенность. Картина была бы неполная, если бы мы не занялись вопросом о том, как и почему удавалось большевикам превратить свои партийные лозунги в лозунги для миллионных масс, двигающие вперед революцию, как и почему удавалось им убедить в правильности своей политики не только авангард и не только большинство рабочего класса, но и большинство народа.

Дело в том, что для победы революции, если эта революция является действительно народной, захватывающей миллионные массы, — недостаточно одной лишь правильности партийных лозунгов. Для победы революции требуется еще одно необходимое условие, а именно: чтобы сами массы убедились на собственном опыте в правильности этих лозунгов. Только тогда лозунги партии становятся лозунгами самих масс. Только тогда становится революция действительно народной революцией. Одна из особенностей тактики большевиков в период подготовки Октября состоит в том, что она умела правильно определить те пути и повороты, которые естественно подводят массы к лозунгам партии, к самому, так сказать, порогу революции, облегчая им, таким образом, ощутить, проверить, распознать на своем собственном опыте правильность этих лозунгов. Иначе говоря, одна из особенностей тактики большевиков состоит в том, что она не смешивает руководство партией с руководством массами, что она ясно видит разницу между руководством первого рода и руководством второго рода, что она является, таким образом, наукой не только о руководстве партией, но и о руководстве миллионными массами трудящихся.

Наглядным примером проявления этой особенности большевистской тактики является опыт с созывом и разгоном Учредительного Собрания.

Известно, что большевики выдвинули лозунг Республики Советов еще в апреле 1917 года. Известно, что Учредительное Собрание является буржуазным парламентом, в корне противоречащим основам Республики Советов. Как могло случиться, что большевики, идя к Республике Советов, требовали вместе с тем от Временного

правительства немедленного созыва Учредительного Собрания? Как могло случиться, что большевики не только приняли участие в выборах, но и созвали сами Учредительное Собрание? Как могло случиться, что большевики допускали за месяц до восстания, при переходе от старого к новому, возможность временной комбинации Республики Советов и Учредительного Собрания?

А „случилось“ это потому, что:

1) идея Учредительного Собрания была одной из самых популярных идей среди широких масс населения;

2) лозунг немедленного созыва Учредительного Собрания облегчал разоблачение контр-революционной природы Временного правительства;

3) чтобы развенчать в глазах народных масс идею Учредительного Собрания, необходимо было подвести эти массы к стенам Учредительного Собрания с их требованием о земле, о мире, о власти советов, столкнув их, таким образом, с действительным и живым Учредительным Собранием;

4) только таким образом можно было облегчить массам убедиться на своем собственном опыте в контр-революционности Учредительного Собрания и в необходимости его разгона;

5) все это естественно предполагало возможность допущения временной комбинации Республики Советов и Учредительного Собрания, как одного из средств изживания Учредительного Собрания;

6) такая комбинация, если бы она осуществилась *при* условии перехода всей власти к советам, могла означать лишь подчинение Учредительного Собрания советам, превращение его в придаток советов, его безболезненное отмирание.

Едва ли нужно доказывать, что без такой политики большевиков разгон Учредительного Собрания не прошел бы так гладко, а дальнейшие выступления эс-эров и меньшевиков под лозунгом „вся власть Учредительному Собранию“ не провалились бы с таким треском.

„Мы участвовали, — говорит Ленин, — в выборах в российский буржуазный парламент, в Учредительное Собрание, в сентябре—ноябре 1917 года. Верна была наша тактика или нет?.. Не имели ли мы, русские большевики, в сентябре—ноябре 1917 года *больше*, чем какие угодно западные коммунисты, права считать, что в России парламентаризм политически изжит? Конечно, имели, ибо *не* в том, ведь, дело, давно или недавно существуют буржуазные парламенты, а в том, насколько *готовы* (идейно, политически, практически) широкие массы трудящихся принять советский строй и разогнать (или допустить разгон) буржуазно-демократического парламента. Что в России в сентябре—ноябре 1917 года рабочий класс городов, солдаты и крестьяне были, в силу ряда специальных условий, на редкость подготовлены к принятию советского строя и к разгону самого демократичного буржуазного парламента, это совершенно бесспорный и вполне установ-

ленный исторический факт. И тем не менее большевики *не* бойкотировали Учредительного Собрания, а участвовали в выборах и до *и после* завоевания пролетариатом политической власти“ (см. т. XXV, стр. 202—203).

Почему же они не бойкотировали Учредительное Собрание? Потому, говорит Ленин, что:

„Даже за несколько недель до победы Советской Республики, даже *после* такой победы, участие в буржуазно-демократическом парламенте не только не вредит революционному пролетариату, а облегчает ему возможность *доказать* отсталым массам, почему такие парламенты заслуживают разгона, *облегчают* успех их разгона, *облегчают* „политическое изживание“ буржуазного парламентаризма“ (см. там же).

Характерно, что т. Троцкий не понимает этой особенности большевистской тактики, фыркая на „теорию“ сочетания Учредительного Собрания с советами как на гильфердинговщину.

Он не понимает, что допущение такого сочетания *при* лозунге восстания и вероятной победе советов, связанное с созывом Учредительного Собрания, есть единственно революционная тактика, не имеющая ничего общего с гильфердинговской тактикой превращения советов в придаток Учредительного Собрания, что ошибка некоторых товарищей в *этом* вопросе не дает ему основания хулить совершенно правильную позицию Ленина и партии о „комбинированной государственности“ *при* известных условиях (сравни т. XXI, стр. 338).

Он не понимает, что без своеобразной политики большевиков, взятой в связи с Учредительным Собранием, им не удалось бы завоевать на свою сторону миллионные массы народа, не завоевав же этих масс, они не смогли бы превратить Октябрьское восстание в глубокую народную революцию.

Интересно, что т. Троцкий фыркает даже на слова „народ“, „революционная демократия“ и т. п., встречающиеся в статьях большевиков, считая их неприличными для марксиста.

Тов. Троцкий, очевидно, забывает, что Ленин, этот несомненный марксист, даже в сентябре 1917 года, за месяц до победы диктатуры, писал о „необходимости немедленного перехода всей власти в руки *революционной демократии, возглавляемой революционным пролетариатом*“ (см. т. XXI, стр. 198).

Тов. Троцкий, очевидно, забывает, что Ленин, этот несомненный марксист, цитируя известное письмо Маркса к Кугельману (апрель 1871 года) о том, что слом бюрократически-военного государственного аппарата является предварительным условием всякой действительной *народной* революции на континенте, пишет черным по белому следующие строки:

„Особенного внимания заслуживает чрезвычайно глубокое замечание Маркса, что разрушение бюрократически-военной государственной машины

является „предварительным условием всякой действительной *народной* революции". Это понятие „народной" революции кажется странным в устах Маркса, и русские плехановцы и меньшевики, эти последователи Струве, желающие считаться марксистами, могли бы, пожалуй, объявить такое выражение у Маркса „обмолвкой". Они свели марксизм к такому убого-либеральному извращению, что кроме противоположения буржуазной и пролетарской революции для них ничего не существует, да и это противоположение понимается ими донельзя мертвенно... В Европе 1871 года на континенте ни в одной стране пролетариат не составлял большинства народа. „Народная" революция, втягивающая в движение действительно большинство, могла быть таковою, лишь охватывая и пролетариат и крестьянство. Оба класса и составляли тогда „народ". Оба класса объединены тем, что „бюрократически-военная государственная машина" гнетет, давит, эксплоатирует их. *Разбить* эту машину, *сломать* ее — таков действительный интерес „народа", большинства его, рабочих и большинства крестьян, таково „предварительное условие" свободного союза беднейших крестьян с пролетариями, а без такого союза непрочна демократия и невозможно социалистическое преобразование" (см. т. XXI, стр. 395—396).

Этих слов Ленина забывать нельзя.

Итак, уменье убеждать массы на своем собственном опыте в правильности партийных лозунгов путем подвода этих масс к революционным позициям, как важнейшее условие завоевания на сторону партии миллионов трудящихся, — такова четвертая особенность тактики большевиков в период подготовки Октября.

Я думаю, что сказанного вполне достаточно для того, чтобы уяснить себе характерные черты этой тактики.

IV

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, КАК НАЧАЛО И ПРЕДПОСЫЛКА МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Несомненно, что универсальная теория одновременной победы революции в основных странах Европы, теория невозможности победы социализма в одной стране, — оказалась искусственной, нежизнеспособной теорией. Семилетняя история пролетарской революции в России говорит не за, а против этой теории. Теория эта неприемлема не только как схема развития мировой революции, ибо она противоречит очевидным фактам. Она еще более неприемлема как лозунг, ибо она связывает, а не развязывает инициативу отдельных стран, получающих возможность, в силу известных исторических условий, к самостоятельному прорыву фронта капитала, ибо она дает стимул не к активному натиску на капитал со стороны отдельных стран, а к пассивному выжиданию момента „всеобщей развязки", ибо она культивирует среди пролетариев отдельных стран не дух революционной решимости, а дух гамлетовских сомнений насчет того, что „а вдруг другие не поддержат". Ленин совершенно прав, говоря, что победа пролетариата в одной стране является „типичным случаем", что

„одновременная революция в ряде стран“ может быть лишь „редким исключением“ (см. т. XXIII, стр. 354).

Но ленинская теория революции не ограничивается, как известно, одной лишь этой стороной дела. Она есть вместе с тем теория развития мировой революции[1]. Победа социализма в одной стране не есть самодовлеющая задача. Революция победившей страны должна рассматривать себя не как самодовлеющую величину, а как подспорье, как средство *для* ускорения победы пролетариата во всех странах. Ибо победа революции в одной стране, в данном случае в России, есть не только продукт неравномерного развития и прогрессирующего распада империализма. Она есть вместе с тем начало и предпосылка мировой революции.

Несомненно, что пути развития мировой революции не так просты, как это могло бы показаться раньше, до победы революции в одной стране, до появления развитого империализма, являющегося „кануном социалистической революции“. Ибо появился такой новый фактор, как действующий в условиях развитого империализма закон неравномерного развития капиталистических стран, говорящий о неизбежности военных столкновений, об общем ослаблении мирового фронта капитала и возможности победы социализма в отдельных странах. Ибо появился такой новый фактор, как огромная советская страна, лежащая между Западом и Востоком, между центром финансовой эксплоатации мира и ареной колониального гнета, которая одним своим существованием революционизирует весь мир.

Все это такие факторы (я не говорю о других, менее важных факторах), которые не могут быть не учтены при изучении путей мировой революции.

Раньше думали обычно, что революция будет развиваться путем равномерного „вызревания“ элементов социализма, прежде всего в более развитых, в „передовых“ странах. Теперь это представление нуждается в существенных изменениях.

„Система международных отношений, — говорит Ленин, — сложилась теперь такая, что в Европе одно из государств порабощено государствами-победителями, это — Германия. Затем, ряд государств, и притом самых старых государств Запада, оказались, в силу победы, в условиях, когда они могут пользоваться этой победой для ряда неважных уступок своим угнетенным классам, — уступок, которые, все же, оттягивают революционное движение в них и создают некоторое подобие „социального мира“.

„В то же время целый ряд стран: Восток, Индия, Китай и т. п., в силу именно последней империалистической войны, оказались окончательно выбитыми из своей колеи. Их развитие направилось окончательно по общеевропейскому капиталистическому масштабу. В них началось общеевропейское брожение. И для всего мира ясно теперь, что они втянулись

[1] См. выше — „Об основах ленинизма“. *И. Ст.*

в такое развитие, которое не может не привести к кризису всего всемирного капитализма".

Ввиду этого и в связи с этим „западно-европейские капиталистические страны завершат свое развитие к социализму... не так, как мы ожидали раньше. Они завершают его не равномерным „вызреванием" в них социализма, а путем эксплоатации одних государств другими, путем эксплоатации первого из побежденных во время империалистической войны государства, соединенной с эксплоатацией всего Востока. А Восток, с другой стороны, пришел окончательно в революционное движение именно в силу этой первой империалистической войны и окончательно втянулся в общий круговорот всемирного революционного движения" (см. т. XXVII, стр. 415—416).

Если к этому добавить тот факт, что не только побежденные страны и колонии эксплоатируются победившими странами, но и часть победивших стран попадает в орбиту финансовой эксплоатации наиболее могущественных стран-победительниц, Америки и Англии; что противоречия между всеми этими странами являются важнейшим фактором разложения мирового империализма; что кроме этих противоречий существуют еще и развиваются глубочайшие противоречия внутри каждой из этих стран; что все эти противоречия углубляются и обостряются фактом существования рядом с этими странами великой Республики Советов, — если все это принять во внимание, то картина своеобразия международного положения станет более или менее полной.

Вероятнее всего, что мировая революция будет развиваться путем революционного отпадения ряда новых стран от системы империалистических государств при поддержке пролетариев этих стран со стороны пролетариата империалистических государств. Мы видим, что первая отпавшая страна, первая победившая страна уже поддерживается рабочими и трудящимися массами вообще других стран. Без этой поддержки она не могла бы продержаться. Несомненно, что поддержка эта будет усиливаться и нарастать. Но несомненно также и то, что само развитие мировой революции, самый процесс отпадения от империализма ряда новых стран будет происходить тем скорее и основательнее, чем основательнее будет укрепляться социализм в первой победившей стране, чем скорее будет превращаться эта страна в базу дальнейшего развертывания мировой революции, в рычаг дальнейшего разложения империализма.

Если верно положение, что *окончательная* победа социализма в первой освободившейся стране невозможна без общих усилий пролетариев нескольких стран, то столь же верно и то, что мировая революция будет развертываться тем скорее и основательнее, чем действительнее будет помощь первой социалистической страны рабочим и трудящимся массам всех остальных стран.

В чем должна выражаться эта помощь?

Она должна выражаться, во-первых, в том, чтобы победившая страна „проводила максимум осуществимого в одной стране *для* развития, поддержки, пробуждения революции *во всех странах*“ (см. т. XXIII, стр. 385).

Она должна выражаться, во-вторых, в том, чтобы „победивший пролетариат“ одной страны, „экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал... *против* остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплоататорских классов и их государств“ (см. т. XVIII, стр. 232—233).

Характерная особенность этой помощи со стороны победившей страны состоит не только в том, что она ускоряет победу пролетариев других стран, но также и в том, что, облегчая эту победу, она тем самым обеспечивает *окончательную* победу социализма в первой победившей стране.

Вероятнее всего, что в ходе развития мировой революции, наряду с очагами империализма в отдельных капиталистических странах и с системой этих стран во всем мире, создадутся очаги социализма в отдельных советских странах и система этих очагов во всем мире, причем борьба между этими двумя системами будет наполнять историю развертывания мировой революции.

„Ибо, — говорит Ленин, — невозможно свободное объединение наций в социализме без более или менее долгой, упорной борьбы социалистических республик с отсталыми государствами“ (см. там же).

Мировое значение Октябрьской революции состоит не только в том, что она является великим почином одной страны в деле прорыва системы империализма и первым очагом социализма в океане империалистических стран, но также и в том, что она составляет первый этап мировой революции и могучую базу ее дальнейшего развертывания.

Неправы, поэтому, не только те, которые, забывая о международном характере Октябрьской революции, объявляют победу революции в одной стране чисто национальным и только национальным явлением. Неправы также и те, которые, помня о международном характере Октябрьской революции, склонны рассматривать эту революцию как нечто пассивное, призванное лишь принять поддержку извне. На самом деле не только Октябрьская революция нуждается в поддержке со стороны революции других стран, но и революция этих стран нуждается в поддержке со стороны Октябрьской революции для того, чтобы ускорить и двинуть вперед дело свержения мирового империализма.

17 декабря 1924 г.

К ВОПРОСАМ ЛЕНИНИЗМА

ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВКП(б) ПОСВЯЩАЮ

И. СТАЛИН

I
ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЛЕНИНИЗМА

В брошюре „Об основах ленинизма" дано известное определение ленинизма, получившее, видимо, права гражданства. Оно гласит:

„Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Точнее: ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности".

Правильно ли это определение?

Я думаю, что правильно. Оно правильно, во-первых, потому, что правильно указывает на исторические корни ленинизма, характеризуя его как марксизм *эпохи империализма*, в противовес некоторым критикам Ленина, неправильно думающим, что ленинизм возник после империалистической войны. Оно правильно, во-вторых, потому, что правильно отмечает международный характер ленинизма, в противовес социал-демократии, считающей ленинизм применимым лишь в национально-русской обстановке. Оно правильно, в-третьих, потому, что правильно отмечает органическую связь ленинизма с учением Маркса, характеризуя его как *марксизм* эпохи империализма, в противовес некоторым критикам ленинизма, считающим его не дальнейшим развитием марксизма, а лишь восстановлением марксизма и применением его к русской действительности.

Все это, как будто бы, не нуждается в особых комментариях.

Тем не менее в нашей партии имеются, оказывается, товарищи, считающие необходимым определить ленинизм несколько иначе. Вот, напр., т. Зиновьев думает, что:

„Ленинизм есть марксизм эпохи империалистических войн и мировой революции, *непосредственно начавшейся в стране, где преобладает крестьянство*"[1] (см. статью т. Зиновьева „Большевизм или троцкизм", „Правда" № 273 от 30/XI 1924 г.).

---

[1] Курсив т. Зиновьева. *И. Ст.*

Что могут означать слова, подчеркнутые т. Зиновьевым? Что значит вводить в определение ленинизма отсталость России, ее крестьянский характер?

Это значит превращать ленинизм из интернационального пролетарского учения в продукт российской самобытности.

Это значит играть на-руку Бауэру и Каутскому, отрицающим пригодность ленинизма для других стран, капиталистически более развитых.

Слов нет, что крестьянский вопрос имеет для России важнейшее значение, что страна у нас крестьянская. Но какое значение может иметь этот факт для характеристики основ ленинизма? Разве ленинизм выработался только на почве России и для России, а не на почве империализма и не для империалистических стран вообще? Разве такие труды Ленина, как „Империализм", „Государство и революция", „Пролетарская революция и ренегат Каутский", „Детская болезнь „левизны" и т. д., имеют значение только для России, а не для всех империалистических стран вообще? Разве ленинизм не есть обобщение опыта революционного движения *всех* стран? Разве основы теории и тактики ленинизма не пригодны, не обязательны для пролетарских партий *всех* стран? Разве Ленин был не прав, говоря, что „большевизм годится как образец тактики *для всех*"[1]? (см. т. XXIII, стр. 386). Разве Ленин был не прав, говоря о „*международном значении*[1] Советской власти и основ большевистской теории и тактики"? (см. т. XXV, стр. 171—172). Разве не правильны, напр., следующие слова Ленина:

„В России диктатура пролетариата неизбежно должна отличаться некоторыми особенностями по сравнению с передовыми странами вследствие очень большой отсталости и мелко-буржуазности нашей страны. Но основные силы — и основные формы общественного хозяйства — в России те же, как и в любой капиталистической стране, так что *особенности эти могут касаться только не самого главного*"[1] (см. т. XXIV, стр. 508).

Но если все это верно, не следует ли из этого, что определение ленинизма, данное т. Зиновьевым, не может быть признано правильным?

Как совместить это национально-ограниченное определение ленинизма с интернационализмом?

II
ГЛАВНОЕ В ЛЕНИНИЗМЕ

В брошюре „Об основах ленинизма" сказано:

„Иные думают, что основное в ленинизме — крестьянский вопрос, что исходным пунктом ленинизма является вопрос о крестьянстве, его роли, его удельном весе. Это совершенно неверно. Основным вопросом в лени-

[1] Курсив мой. *И. Ст.*

низме, его отправным пунктом является не крестьянский вопрос, а вопрос о диктатуре пролетариата, об условиях ее завоевания, об условиях ее укрепления. Крестьянский вопрос, как вопрос о союзнике пролетариата в его борьбе за власть, является вопросом производным".

Правильно ли это положение?

Я думаю, что правильно. Это положение целиком вытекает из определения ленинизма. В самом деле, если ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции, а основным содержанием пролетарской революции является диктатура пролетариата, — то ясно, что главное в ленинизме состоит в вопросе о диктатуре пролетариата, в разработке этого вопроса, в обосновании и конкретизации этого вопроса.

Тем не менее т. Зиновьев, видимо, не согласен с этим положением. В своей статье „Памяти Ленина" он говорит:

„Вопрос о роли крестьянства, как я уже сказал, является *основным вопросом*[1] большевизма, ленинизма" (см. „Правда" № 35 от 13 февраля 1924 г.).

Это положение т. Зиновьева, как видите, целиком вытекает из неправильного определения ленинизма, данного т. Зиновьевым. Поэтому оно так же неправильно, как неправильно его определение ленинизма.

Правилен ли тезис Ленина о том, что диктатура пролетариата является „коренным содержанием пролетарской революции"? (см. т. XXIII, стр. 337). Безусловно, правилен. Правилен ли тезис о том, что ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции? Я думаю, что правилен. Но что же из этого следует? А из этого следует то, что основным вопросом ленинизма, его отправным пунктом, его фундаментом является вопрос о диктатуре пролетариата.

Разве это не верно, что вопрос об империализме, вопрос о скачкообразном характере развития империализма, вопрос о победе социализма в одной стране, вопрос о государстве пролетариата, вопрос о советской форме этого государства, вопрос о роли партии в системе диктатуры пролетариата, вопрос о путях строительства социализма, — что все эти вопросы разработаны именно Лениным? Разве это не верно, что эти именно вопросы и составляют основу, фундамент идеи диктатуры пролетариата? Разве это не верно, что без разработки этих основных вопросов разработка крестьянского вопроса с точки зрения диктатуры пролетариата была бы немыслима?

Слов нет, что Ленин был знатоком крестьянского вопроса. Слов нет, что крестьянский вопрос, как вопрос о союзнике пролета-

---

[1] Курсив мой. *И. Ст.*

риата, имеет важнейшее значение для пролетариата и является составной частью основного вопроса о диктатуре пролетариата. Но разве не ясно, что если бы не стоял перед ленинизмом основной вопрос о диктатуре пролетариата, то не было бы и производного вопроса о союзнике пролетариата, вопроса о крестьянстве? Разве не ясно, что если бы не стоял перед ленинизмом практический вопрос о завоевании власти пролетариатом, то не было бы и вопроса о союзе с крестьянством?

Ленин не был бы величайшим пролетарским идеологом, каким он, несомненно, является, он был бы простым „крестьянским философом", каким его нередко рисуют заграничные литературные обыватели, если бы он вел разработку крестьянского вопроса не на базе теории и тактики диктатуры пролетариата, а помимо этой базы, вне этой базы.

Одно из двух:

либо крестьянский вопрос является главным в ленинизме, и тогда ленинизм не пригоден, не обязателен для стран капиталистически развитых, для стран, не являющихся крестьянскими странами;

либо главным в ленинизме является диктатура пролетариата, и тогда ленинизм является интернациональным учением пролетариев всех стран, пригодным и обязательным для всех без исключения стран, в том числе и для капиталистически развитых.

Тут надо выбирать.

III

ВОПРОС О „ПЕРМАНЕНТНОЙ" РЕВОЛЮЦИИ

В брошюре „Об основах ленинизма" „теория перманентной революции" расценивается как „теория" недооценки роли крестьянства. Там сказано:

> „Ленин воевал со сторонниками „перманентной" революции не из-за вопроса о непрерывности, ибо Ленин сам стоял на точке зрения непрерывной революции, а из-за недооценки ими роли крестьянства, являющегося величайшим резервом пролетариата".

Эта характеристика русских „перманентников" считалась до последнего времени общепризнанной. Тем не менее она, будучи вообще правильной, не может быть, однако, признана исчерпывающей. Дискуссия 1924 года, с одной стороны, и тщательный анализ трудов Ленина, с другой стороны, показали, что ошибка русских „перманентников" состояла не только в недооценке роли крестьянства, но и в недооценке сил и способностей пролетариата повести за собой крестьянство, в неверии в идею гегемонии пролетариата.

Поэтому в своей брошюре „Октябрьская революция и тактика русских коммунистов“ (декабрь 1924 г.) я расширил эту характеристику и заменил ее другой, более полной. Вот что сказано об этом в этой брошюре:

„До сего времени отмечали обычно *одну* сторону теории „перманентной революции“ — неверие в революционные возможности крестьянского движения. Теперь, для справедливости, эту сторону необходимо дополнить *другой* стороной — неверием в силы и способности пролетариата России“.

Это, конечно, не значит, что ленинизм стоял или стоит против идеи перманентной революции, без кавычек, провозглашенной Марксом в сороковых годах прошлого столетия. Наоборот. Ленин был единственным марксистом, который правильно понял и развил идею перманентной революции. Отличие Ленина от „перманентников“ состоит в этом вопросе в том, что „перманентники“ искажали идею перманентной революции Маркса, превратив ее в безжизненную, книжную мудрость, тогда как Ленин взял ее в чистом виде и сделал ее одной из основ своей теории революции. Следует помнить, что идея перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, данная Лениным еще в 1905 году, есть одна из форм воплощения марксовой теории перманентной революции. Вот что писал на этот счет Ленин еще в 1905 году:

„От революции демократической мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. *Мы стоим за непрерывную революцию*[1]. Мы не остановимся на полпути...

Не впадая в авантюризм, не изменяя своей научной совести, не гоняясь за дешевенькой популярностью, мы можем сказать и говорим *лишь одно:* мы всеми силами поможем всему крестьянству сделать революцию демократическую, *чтобы тем легче* было нам, партии пролетариата, перейти как можно скорее к новой и высшей задаче — революции социалистической“ (см. т. VIII, стр. 186—187).

А вот что пишет Ленин на эту тему спустя шестнадцать лет, после завоевания власти пролетариатом:

„Каутские, Гильфердинги, Мартовы, Черновы, Хилквиты, Лонгэ, Макдональды, Турати и прочие герои „II½-ного“ марксизма не сумели понять... соотношения между буржуазно-демократической и пролетарски-социалистической революциями. *Первая перерастает во вторую*[1]. Вторая, мимоходом, решает вопросы первой. Вторая закрепляет дело первой. Борьба и только борьба решает, насколько удается второй перерасти первую“ (см. т. XXVII, стр. 26).

Я обращаю особое внимание на первую цитату, взятую из статьи Ленина „Отношение социал-демократии к крестьянскому движению“, опубликованной 1 сентября 1905 года. Я подчеркиваю

[1] Курсив мой. *И. Ст.*

это к сведению тех товарищей, которые все еще продолжают утверждать, что Ленин пришел, будто бы, к идее перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, к идее перманентной революции, после империалистической войны, примерно, в 1916 году. Эта цитата не оставляет сомнений в том, что эти товарищи глубоко заблуждаются.

IV
ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА

В чем состоят характерные черты пролетарской революции в отличие от революции буржуазной?

Различие между революцией пролетарской и революцией буржуазной можно было бы свести к пяти основным пунктам:

1) Буржуазная революция начинается обычно при наличии более или менее готовых форм капиталистического уклада, выросших и созревших еще до открытой революции в недрах феодального общества, тогда как пролетарская революция начинается при отсутствии, или почти при отсутствии, готовых форм социалистического уклада.

2) Основная задача буржуазной революции сводится к тому, чтобы захватить власть и привести ее в соответствие с наличной буржуазной экономикой, тогда как основная задача пролетарской революции сводится к тому, чтобы, захватив власть, построить новую, социалистическую экономику.

3) Буржуазная революция *завершается* обычно захватом власти, тогда как для пролетарской революции захват власти является лишь ее *началом,* при чем власть используется как рычаг для перестройки старой экономики и организации новой.

4) Буржуазная революция ограничивается заменой у власти одной эксплоататорской группы другой эксплоататорской группой, ввиду чего она не нуждается в сломе старой государственной машины, тогда как пролетарская революция снимает с власти все и всякие эксплоататорские группы и ставит у власти вождя всех трудящихся и эксплоатируемых, класс пролетариев, ввиду чего она не может обойтись без слома старой государственной машины и замены ее новой.

5) Буржуазная революция не может сплотить вокруг буржуазии на сколько-нибудь длительный период миллионы трудящихся и эксплоатируемых масс именно потому, что они являются трудящимися и эксплоатируемыми, тогда как пролетарская революция может и должна связать их с пролетариатом в длительный союз именно как трудящихся и эксплоатируемых, если она хочет

выполнить свою основную задачу упрочения власти пролетариата и построения новой социалистической экономики.

Вот некоторые основные положения Ленина на этот счет:

„Одно из основных различий, — говорит Ленин, — между буржуазной и социалистической революцией состоит в том, что для буржуазной революции, вырастающей из феодализма, в недрах старого строя постепенно создаются новые экономические организации, которые изменяют постепенно все стороны феодального общества. Перед буржуазной революцией была только одна задача — смести, отбросить, разрушить все путы прежнего общества. Выполняя эту задачу, всякая буржуазная революция выполняет все, что от нее требуется: она усиливает рост капитализма. В совершенно ином положении революция социалистическая. Чем более отсталой является страна, которой пришлось, в силу зигзагов истории, начать социалистическую революцию, тем труднее для нее переход от старых капиталистических отношений к социалистическим. Здесь к задачам разрушения прибавляются новые, неслыханной трудности задачи — организационные“ (см. т. XXII, стр. 315).

„Если бы народное творчество, — продолжает Ленин, — русской революции, прошедшее через великий опыт 1905 г., не создало Советов еще в феврале 1917 года, то ни в каком случае они не могли бы взять власть в октябре, так как успех зависел только от наличности уже готовых организационных форм движения, охватившего миллионы. Этой готовой формой явились Советы, и потому в политической области нас ждали те блестящие успехи, то сплошное триумфальное шествие, которое мы пережили, ибо новая форма политической власти была наготове, и нам оставалось только несколькими декретами превратить власть Советов из того эмбрионального состояния, в котором она находилась в первые месяцы революции, в форму законно-признанную, утвердившуюся в Российском государстве — в Российскую советскую республику“ (см. там же, стр. 315).

„Оставались еще, — говорит Ленин, — две гигантской трудности задачи, решение которых никоим образом не могло быть тем триумфальным шествием, каким шла в первые месяцы наша революция“ (см. там же, стр. 315).

„Во-первых, это были задачи внутренней организации, стоящие перед всякой социалистической революцией. Отличие социалистической революции от буржуазной состоит именно в том, что во втором случае есть готовые формы капиталистических отношений, а Советская власть — пролетарская — этих готовых отношений не получает, если не брать самых развитых форм капитализма, которые, в сущности, охватили небольшие верхушки промышленности и совсем мало еще затронули земледелие. Организация учета, контроль над крупнейшими предприятиями, превращение всего государственного экономического механизма в единую крупную машину, в хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководились одним планом, — вот та гигантская организационная задача, которая легла на наши плечи. По нынешним условиям труда она никоим образом не допускала решения на „ура“, подобно тому, как нам удавалось решить задачи гражданской войны“ (см. там же, стр. 316).

„Вторая из гигантских трудностей... — международный вопрос. Если мы так легко справились с бандами Керенского, если так легко создали власть у себя, если мы без малейшего труда получили декрет о социализации земли, рабочем контроле, — если мы получили так легко все это, то только потому, что счастливо сложившиеся условия на короткий момент прикрыли нас от международного империализма. Международный империализм со всей мощью его капитала, с его высокоорганизованной военной тех-

никой, представляющей настоящую силу, настоящую крепость международного капитала, ни в коем случае, ни при каких условиях не мог ужиться рядом с Советской республикой и по своему объективному положению и по экономическим интересам того капиталистического класса, который был в нем воплощен, — не мог в силу торговых связей, международных финансовых отношений. Тут конфликт является неизбежным. Здесь величайшая трудность русской революции, ее величайшая историческая проблема: необходимость решить задачи международные, необходимость вызвать международную революцию“ (см. там же, стр. 317).

Таковы внутренний характер и основной смысл пролетарской революции.

Можно ли проделать такую коренную перестройку старых, буржуазных порядков без насильственной революции, без диктатуры пролетариата?

Ясно, что нельзя. Думать, что такую революцию можно проделать мирно, в рамках буржуазной демократии, приспособленной к господству буржуазии, — значит либо сойти с ума и растерять нормальные человеческие понятия, либо отречься грубо и открыто от пролетарской революции.

Это положение должно быть подчеркнуто с тем большей силой и категоричностью, что мы имеем дело с пролетарской революцией, победившей пока что в одной стране, которая окружена враждебными капиталистическими странами и буржуазию которой не может не поддерживать международный капитал.

Вот почему говорит Ленин, что „освобождение угнетенного класса невозможно не только без насильственной революции, *но и без уничтожения* того аппарата государственной власти, который господствующим классом создан“ (см. т. XXI, стр. 373).

„Пускай сначала, при сохранении частной собственности, т. е. при сохранении власти и гнета капитала, большинство населения выскажется за партию пролетариата, — только тогда она может и должна взять власть“, — *так говорят мелко-буржуазные демократы, фактические слуги буржуазии, называющие себя „социалистами“*[1] (см. т. XXIV, стр. 647).

„Пускай сначала революционный пролетариат низвергнет буржуазию, сломит гнет капитала, разобьет буржуазный государственный аппарат, — тогда пролетариат, одержавший победу, сможет быстро привлечь на свою сторону сочувствие и поддержку большинства трудящихся непролетарских масс, удовлетворяя их на счет эксплоататоров“, — *говорим мы*“[1] (см. там же).

„Чтобы завоевать большинство населения на свою сторону, — продолжает Ленин, — пролетариат должен, во-первых, свергнуть буржуазию и захватить государственную власть в свои руки; он должен, во-вторых, ввести Советскую власть, разбив вдребезги старый государственный аппарат, чем он сразу подрывает господство, авторитет, влияние буржуазии и мелкобуржуазных соглашателей в среде непролетарских трудящихся масс. Он должен, в-третьих, *добить* влияние буржуазии и мелко-буржуазных согла-

[1] Курсив мой. *И. Ст.*

шателей среди *большинства* непролетарских трудящихся масс *революционным* осуществлением *их* экономических нужд *на счет эксплоататоров*" (см. там же, стр. 641).

Таковы характерные признаки пролетарской революции.

Каковы, в связи с этим, основные черты диктатуры пролетариата, если признано, что диктатура пролетариата есть основное содержание пролетарской революции?

Вот наиболее общее определение диктатуры пролетариата, данное Лениным:

„Диктатура пролетариата не есть окончание классовой борьбы, а есть продолжение ее в новых формах. Диктатура пролетариата есть классовая борьба победившего и взявшего в свои руки политическую власть пролетариата против побежденной, но не уничтоженной, не исчезнувшей, не переставшей оказывать сопротивление, против усилившей свое сопротивление буржуазии" (см. т. XXIV, стр. 311).

Возражая против смешения диктатуры пролетариата с властью „общенародной", „общевыборной", с властью „неклассовой", Ленин говорит:

„Тот класс, который взял в свои руки политическое господство, взял его, сознавая, что берет его *один*. Это заключено в понятии диктатуры пролетариата. Это понятие тогда только имеет смысл, когда один класс знает, что он один берет себе в руки политическую власть и не обманывает ни себя, ни других разговорами насчет „общенародной, общевыборной, всем народом освященной" власти" (см. т. XXVI, стр. 286).

Это не значит, однако, что власть одного класса, класса пролетариев, который не делит и не может делить ее с другими классами, не нуждается для осуществления своих целей в помощи, в союзе с трудящимися и эксплоатируемыми массами других классов. Наоборот. Эта власть, власть одного класса, может быть утверждена и проведена до конца лишь путем особой формы союза между классом пролетариев и трудящимися массами мелкобуржуазных классов, прежде всего трудящимися массами крестьянства.

Что это за особая форма союза, в чем она состоит? Не противоречит ли вообще этот союз с трудящимися массами других, непролетарских классов идее диктатуры одного класса?

Состоит она, эта особая форма союза, в том, что руководящей силой этого союза является пролетариат. Состоит она, эта особая форма союза, в том, что руководителем государства, руководителем в системе диктатуры пролетариата является *одна* партия, партия пролетариата, партия коммунистов, которая *не делит и не может делить* руководства с другими партиями.

Как видите, противоречие тут только видимое, кажущееся.

„Диктатура пролетариата, — говорит Ленин, — есть *особая форма классового союза*[1] между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т. д.), или большинством их, союза против капитала, союза в целях полного свержения капитала, полного подавления сопротивления буржуазии и попыток реставрации с ее стороны, союза в целях окончательного создания и упрочения социализма. Это — особого вида союз, складывающийся в особой обстановке, именно в обстановке бешеной гражданской войны, это союз твердых сторонников социализма с колеблющимися его союзниками, иногда с „нейтральными“ (тогда из соглашения о борьбе союз становится соглашением о нейтралитете), *союз между неодинаковыми экономически, политически, социально, духовно классами*“[1] (см. т. XXIV, стр. 311).

В одном из своих инструктивных докладов т. Каменев, полемизируя с такого рода пониманием диктатуры пролетариата, говорит:

„Диктатура *не есть*[1] союз одного класса с другим“ (см. „Правда“ № 11 от 14 января 1925 г.).

Я думаю, что т. Каменев имеет тут в виду, прежде всего, одно место из моей брошюры „Октябрьская революция и тактика русских коммунистов“, где сказано:

„Диктатура пролетариата не есть простая правительственная верхушка, „умело“ „отобранная“ заботливой рукой „опытного стратега“ и „разумно опирающаяся“ на те или иные слои населения. Диктатура пролетариата есть классовый союз пролетариата и трудящихся масс крестьянства для свержения капитала, для окончательной победы социализма, при условии, что руководящей силой этого союза является пролетариат“.

Я всецело поддерживаю эту формулировку диктатуры пролетариата, ибо думаю, что она целиком и полностью совпадает с только что приведенной формулировкой Ленина.

Я утверждаю, что заявление т. Каменева о том, что „диктатура *не есть* союз одного класса с другим“, данное в такой безоговорочной форме, не имеет ничего общего с ленинской теорией диктатуры пролетариата.

Я утверждаю, что так могут говорить лишь люди, не понявшие смысла идеи смычки, идеи союза пролетариата и крестьянства, идеи *гегемонии* пролетариата в этом союзе.

Так могут говорить только люди, не понявшие ленинского тезиса о том, что:

„*Только соглашение с крестьянством*[1] может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах“ (см. т. XXVI, стр. 238).

Так могут говорить лишь люди, не понявшие положения Ленина о том, что:

---

[1] Курсив мой. *И. Ст.*

„*Высший принцип диктатуры*[1] — это поддержание союза пролетариата с крестьянством, чтобы он мог удержать руководящую роль и государственную власть“ (см. т. XXVI, стр. 460).

Отмечая одну из важнейших целей диктатуры, цель подавления эксплоататоров, Ленин говорит:

„Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть“... „Диктатура означает — примите это раз навсегда к сведению, господа кадеты, — неограниченную, опирающуюся на силу, а не на закон, власть. Во время гражданской войны всякая победившая власть может быть только диктатурой“ (см. т. XXV, стр. 441 и 436).

Но насилием, конечно, не исчерпывается диктатура пролетариата, хотя без насилия не бывает диктатуры.

„Диктатура, — говорит Ленин, — означает не только насилие, хотя она невозможна без насилия, она означает также организацию труда более высокую, чем предыдущая организация“ (см. т. XXIV, стр. 305).

„Диктатура пролетариата... не есть только насилие над эксплоататорами и даже не главным образом насилие. Экономической основой этого революционного насилия, залогом его жизненности и успеха является то, что пролетариат представляет и осуществляет более высокий тип общественной организации труда, по сравнению с капитализмом. В этом суть. В этом источник силы и залог неизбежной полной победы коммунизма“ (см. т. XXIV, стр. 335—336)... „Главная сущность ее (т. е. диктатуры. *И. Ст.*) в организованности и дисциплинированности передового отряда трудящихся, его авангарда, его единственного руководителя, пролетариата. Его цель — создать социализм, уничтожить деление общества на классы, сделать всех членов общества трудящимися, отнять почву у всякой эксплоатации человека человеком. Эту цель нельзя осуществить сразу, она требует довольно продолжительного переходного периода от капитализма к социализму, — и потому, что переорганизация производства вещь трудная, и потому, что нужно время для коренных перемен во всех областях жизни, и потому, что громадная сила привычки к мелко-буржуазному и буржуазному хозяйничанью может быть преодолена лишь в долгой, упорной борьбе. Поэтому Маркс и говорит о целом периоде диктатуры пролетариата, как периоде перехода от капитализма к социализму“ (см. там же, стр. 314).

Таковы характерные черты диктатуры пролетариата.

Отсюда три основные стороны диктатуры пролетариата:

1) Использование власти пролетариата для подавления эксплоататоров, для обороны страны, для упрочения связей с пролетариями других стран, для развития и победы революции во всех странах.

2) Использование власти пролетариата для окончательного отрыва трудящихся и эксплоатируемых масс от буржуазии, для упрочения союза пролетариата с этими массами, для вовлечения этих масс в дело социалистического строительства, для государственного руководства этими массами со стороны пролетариата.

---

[1] Курсив мой. *И. Ст.*

3) Использование власти пролетариата для организации социализма, для уничтожения классов, для перехода в общество без классов, в общество без государства.

Пролетарская диктатура есть соединение всех этих трех сторон. Ни одна из этих сторон не может быть выдвинута как *единственно* характерный признак диктатуры пролетариата, и, наоборот, достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы диктатура пролетариата перестала быть диктатурой в обстановке капиталистического окружения. Поэтому ни одна из этих трех сторон не может быть исключена без опасности исказить понятие диктатуры пролетариата. Только все эти три стороны, взятые вместе, дают нам полное и законченное понятие диктатуры пролетариата.

Диктатура пролетариата имеет свои периоды, свои особые формы, разнообразные методы работы. В период гражданской войны особенно бьет в глаза насильственная сторона диктатуры. Но из этого вовсе не следует, что в период гражданской войны не происходит никакой строительной работы. Без строительной работы вести гражданскую войну невозможно. В период строительства социализма, наоборот, особенно бьет в глаза мирная, организаторская, культурная работа диктатуры, революционная законность и т. д. Но из этого опять-таки вовсе не следует, что насильственная сторона диктатуры отпала или может отпасть в период строительства. Органы подавления, армия и другие организации, необходимы теперь, в момент строительства, так же, как в период гражданской войны. Без наличия этих органов невозможна сколько-нибудь обеспеченная строительная работа диктатуры. Не следует забывать, что революция победила пока что всего лишь в одной стране. Не следует забывать, что, пока есть капиталистическое окружение, будет и опасность интервенции со всеми вытекающими из этой опасности последствиями.

V

ПАРТИЯ И РАБОЧИЙ КЛАСС В СИСТЕМЕ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

Выше я говорил о диктатуре пролетариата с точки зрения ее исторической неизбежности, с точки зрения ее классового содержания, с точки зрения ее государственной природы, наконец, с точки зрения ее разрушительных и творческих задач, выполняемых на протяжении целого исторического периода, называемого периодом переходным от капитализма к социализму.

Теперь нам нужно поговорить о диктатуре пролетариата с точки зрения ее строения, с точки зрения ее „механизма“, с точки

зрения роли и значения тех „приводов“, „рычагов“ и „направляющей силы“, совокупность которых составляет „систему диктатуры пролетариата“ (Ленин) и при помощи которых осуществляется повседневная работа диктатуры пролетариата.

Что это за „привода“ или „рычаги“ в системе диктатуры пролетариата? Что это за „направляющая сила“? Для чего они понадобились?

Рычаги или привода — это те самые массовые организации пролетариата, без помощи которых невозможно осуществление диктатуры.

Направляющая сила — это передовой отряд пролетариата, это его авангард, являющийся основной руководящей силой диктатуры пролетариата.

Эти привода, рычаги и направляющая сила необходимы для пролетариата потому, что без них он оказался бы в своей борьбе за победу в положении безоружной армии перед лицом организованного и вооруженного капитала. Эти организации необходимы пролетариату потому, что без них он потерпел бы неминуемое поражение в его борьбе за свержение буржуазии, в его борьбе за упрочение своей власти, в его борьбе за строительство социализма. Систематическая помощь этих организаций и направляющая сила авангарда необходимы потому, что без этих условий невозможна сколько-нибудь длительная и прочная диктатура пролетариата.

Что это за организации?

Это, во-первых, *профсоюзы* рабочих, с их разветвлениями в центре и на местах в виде целого ряда производственных, культурных, воспитательных и иных организаций. Они объединяют рабочих всех профессий. Это есть организация не партийная. Профсоюзы можно назвать поголовной организацией господствующего у нас рабочего класса. Они являются школой коммунизма. Они выделяют из своей среды лучших людей для руководящей работы по всем отраслям управления. Они осуществляют связь между передовыми и отсталыми в составе рабочего класса. Они соединяют рабочие массы с авангардом рабочего класса.

Это, во-вторых, *советы* с их многочисленными разветвлениями в центре и на местах в виде административных, хозяйственных, военных, культурных и других государственных организаций, плюс бесчисленное множество самочинных массовых объединений трудящихся, облегающих эти организации и соединяющих их с населением. Советы есть массовая организация всех трудящихся города и деревни. Это есть организация не партийная. Советы есть прямое выражение диктатуры пролетариата. Через советы проходят все и всякие мероприятия по укреплению диктатуры и

строительству социализма. Через советы осуществляется государственное руководство крестьянством со стороны пролетариата. Советы соединяют миллионные массы трудящихся с авангардом пролетариата.

Это, в-третьих, *кооперация* всех видов со всеми ее разветвлениями. Это есть массовая организация трудящихся, организация не партийная, объединяющая их, прежде всего, как потребителей, а также, с течением времени, и как производителей (сел.-хоз. кооперация). Она приобретает особое значение после упрочения диктатуры пролетариата, в период широкого строительства. Она облегчает связь авангарда пролетариата с массами крестьянства и создает возможность вовлечения последних в русло социалистического строительства.

Это, в-четвертых, *союз молодежи*. Это есть массовая организация рабочей и крестьянской молодежи, организация не партийная, но примыкающая к партии. Она имеет своей задачей помощь партии в деле воспитания молодого поколения в духе социализма. Она дает молодые резервы для всех остальных массовых организаций пролетариата по всем отраслям управления. Союз молодежи приобрел особое значение после упрочения диктатуры пролетариата, в период широкой культурной и воспитательной работы пролетариата.

Это, наконец, *партия* пролетариата, его авангард. Ее сила заключается в том, что она вбирает в себя всех лучших людей пролетариата из всех его массовых организаций. Ее назначение состоит в том, чтобы *объединять* работу всех без исключения массовых организаций пролетариата и *направлять* их действия к одной цели, к цели освобождения пролетариата. А объединять и направлять их по линии одной цели абсолютно необходимо, ибо без этого невозможно единство борьбы пролетариата, ибо без этого невозможно руководство пролетарскими массами в их борьбе за власть, в их борьбе за строительство социализма. Но объединять и направлять работу массовых организаций пролетариата способен лишь авангард пролетариата, его партия. Только партия пролетариата, только партия коммунистов способна выполнить эту роль основного руководителя в системе диктатуры пролетариата.

Почему?

„Потому, во-первых, что партия есть сборный пункт лучших элементов рабочего класса, имеющих прямые связи с беспартийными организациями пролетариата и очень часто руководящих ими; потому, во-вторых, что партия, как сборный пункт лучших людей рабочего класса, является лучшей школой выработки лидеров рабочего класса, способных руководить всеми формами организации своего класса; потому, в-третьих, что партия, как лучшая школа лидеров рабочего класса, является по своему опыту и авторитету единственной организацией, способной централизовать руковод-

ство борьбой пролетариата и превратить, таким образом, все и всякие беспартийные организации рабочего класса в обслуживающие органы и приводные ремни, соединяющие ее с классом“ (см. „Об основах ленинизма“).

Партия есть основная руководящая сила в системе диктатуры пролетариата.

„Партия есть высшая форма классового объединения пролетариата“ (Ленин).

Итак: *профсоюзы*, как массовая организация пролетариата, связывающая партию с классом, прежде всего по линии производственной; *советы*, как массовая организация трудящихся, связывающая партию с этими последними, прежде всего по линии государственной; *кооперация*, как массовая организация, главным образом, крестьянства, связывающая партию с крестьянскими массами, прежде всего по линии хозяйственной, по линии вовлечения крестьянства в социалистическое строительство; *союз молодежи*, как массовая организация рабочей и крестьянской молодежи, призванная облегчить авангарду пролетариата социалистическое воспитание нового поколения и выработку молодых резервов; и, наконец, *партия*, как основная направляющая сила в системе диктатуры пролетариата, призванная руководить всеми этими массовыми организациями, — такова, в общем, картина „механизма“ диктатуры, картина „системы диктатуры пролетариата“.

Без партии, как основной руководящей силы, невозможна сколько-нибудь длительная и прочная диктатура пролетариата.

Таким образом, говоря словами Ленина, „получается, в общем и целом, формально не коммунистический, гибкий и сравнительно широкий, весьма могучий, пролетарский, аппарат, посредством которого партия связана тесно с *классом* и с *массой* и посредством которого, при руководстве партии, осуществляется *диктатура класса*“ (см. т. XXV, стр. 193).

Это не значит, конечно, что партия может или должна заменить профсоюзы, советы и другие массовые организации. Партия осуществляет диктатуру пролетариата. Но она осуществляет ее не непосредственно, а при помощи профсоюзов, через советы и их разветвления. Без этих „приводов“ сколько-нибудь прочная диктатура была бы невозможна.

„Нельзя, — говорит Ленин, — осуществлять диктатуры без нескольких „приводов“ от авангарда к массе передового класса, от него к массе трудящихся“... „Партия, так сказать, вбирает в себя авангард пролетариата, и этот авангард осуществляет диктатуру пролетариата. И, не имея такого фундамента, как профсоюзы, нельзя осуществлять диктатуру, нельзя выполнять государственные функции. Осуществлять же их приходится *через*[1] ряд особых учреждений опять-таки нового какого-то типа, именно: *через*[1] советский аппарат“ (см. т. XXVI, стр. 65 и 64).

[1] Курсив мой. *И. Ст.*

Высшим выражением руководящей роли партии, напр., у нас, в Советском Союзе, в стране диктатуры пролетариата, следует признать тот факт, что ни один важный политический или организационный вопрос не решается у нас нашими советскими и другими массовыми организациями без руководящих указаний партии. В *этом смысле* можно было бы сказать, что диктатура пролетариата есть, *по существу*, „диктатура“ его авангарда, „диктатура“ его партии, как основной руководящей силы пролетариата. Вот что говорил Ленин на этот счет на II конгрессе Коминтерна:

„Теннер говорит, что он стоит за диктатуру пролетариата, но диктатура пролетариата представляется не совсем такою, какою ее представляем себе мы. Он говорит, что мы понимаем под диктатурой пролетариата *в сущности*[1] диктатуру его организованного и сознательного меньшинства. И действительно, в эпоху капитализма, когда рабочие массы подвергаются беспрерывной эксплоатации и не могут развивать своих человеческих способностей, наиболее характерным для рабочих политических партий является именно то, что они могут охватывать лишь меньшинство своего класса. Политическая партия может объединить лишь меньшинство класса, так же, как действительно сознательные рабочие во всяком капиталистическом обществе составляют лишь меньшинство всех рабочих. Поэтому мы вынуждены признать, что лишь это сознательное меньшинство может руководить широкими рабочими массами и вести их за собою. И если тов. Теннер говорит, что он враг партии, но в то же время за то, чтобы меньшинство лучше всего организованных и наиболее революционных рабочих указывало путь всему пролетариату, то я говорю, что разницы между нами в действительности нет“ (см. т. XXV, стр. 347).

Значит ли это, однако, что между диктатурой пролетариата и руководящей ролью партии („диктатурой“ партии) можно провести *знак равенства*, что можно *отождествить* первую со второй, что можно *подменить* первую второй? Конечно, не значит. Конечно, нельзя. Вот, напр., т. Сорин говорит, что *„диктатура пролетариата есть диктатура нашей партии“* (см. „Учение Ленина о партии“, стр. 95). Это положение, как видите, отождествляет „диктатуру партии“ с диктатурой пролетариата. Можно ли признать правильным это отождествление, оставаясь на почве ленинизма? Нет, нельзя. И вот почему.

Во-первых. В вышеприведенной цитате из речи Ленина на II конгрессе Коминтерна Ленин вовсе не отождествляет руководящую роль партии с диктатурой пролетариата. Он говорит только о том, что „лишь сознательное меньшинство (т. е. партия. *И. Ст.*) может руководить широкими рабочими массами и вести их за собой“, что *именно в этом смысле* „под диктатурой пролетариата мы понимаем, *в сущности*[1], диктатуру его организованного и сознательного меньшинства“. Сказать — „в сущности“ еще не значит сказать — „целиком“. Мы часто говорим, что националь-

[1] Курсив мой. *И. Ст.*

ный вопрос есть, в сущности, вопрос крестьянский. И это совершенно правильно. Но это еще не значит, что национальный вопрос покрывается крестьянским вопросом, что крестьянский вопрос равняется национальному вопросу по своему объему, что крестьянский вопрос тождественен с вопросом национальным. Не нужно доказывать, что национальный вопрос по объему шире и богаче вопроса крестьянского. То же самое нужно сказать, по аналогии с этим, о руководящей роли партии и о диктатуре пролетариата. Если партия проводит диктатуру пролетариата, и в этом смысле диктатура пролетариата является, *в сущности,* „диктатурой" его партии, то это еще не значит, что „диктатура партии" (руководящая роль) *тождественна* с диктатурой пролетариата, что первая *равняется* второй по своему объему. Не нужно доказывать, что диктатура пролетариата по объему шире и богаче руководящей роли партии. Партия проводит диктатуру пролетариата, но она проводит диктатуру *пролетариата,* а не какую-либо иную. Кто отождествляет руководящую роль партии с диктатурой пролетариата, тот подменивает диктатуру пролетариата „диктатурой" партии.

Во-вторых. Ни одно важное решение массовых организаций пролетариата не обходится без руководящих указаний со стороны партии. Это совершенно правильно. Но значит ли это, что диктатура пролетариата *исчерпывается* руководящими указаниями партии? Значит ли это, что руководящие указания партии можно отождествить, ввиду этого, с диктатурой пролетариата? Конечно, не значит. Диктатура пролетариата состоит из руководящих указаний партии плюс проведение этих указаний массовыми организациями пролетариата плюс их претворение в жизнь населением. Тут мы имеем дело, как видите, с целым рядом переходов и промежуточных ступеней, составляющих далеко не маловажный момент диктатуры пролетариата. Между руководящими указаниями партии и их претворением в жизнь лежат, следовательно, воля и действия руководимых, воля и действия класса, его готовность (или нежелание) поддержать такие указания, его умение (или неумение) провести эти указания, его умение (или неумение) провести их так именно, как требует этого обстановка. Едва ли нужно доказывать, что партия, взявшая на себя руководство, не может не считаться с волей, с состоянием, с уровнем сознания руководимых, не может сбрасывать со счета волю, состояние и уровень сознания своего класса. Поэтому, кто отождествляет руководящую роль партии с диктатурой пролетариата, тот подменивает волю и действия класса указаниями партии.

В-третьих. „Диктатура пролетариата, — говорит Ленин, — есть классовая борьба победившего и взявшего в свои руки политиче-

скую власть пролетариата" (см. т. XXIV, стр. 311). В чем может выразиться эта *классовая* борьба? Она может выразиться в ряде вооруженных выступлений пролетариата против вылазок свергнутой буржуазии или против интервенции иностранной буржуазии. Она может выразиться в гражданской войне, если власть пролетариата еще не упрочена. Она может выразиться в широкой организаторской и строительной работе пролетариата, с привлечением к делу широких масс, после того как власть уже упрочилась. Во всех этих случаях действующим лицом является пролетариат как *класс*. Не бывало, чтобы партия, одна только партия, устраивала все эти выступления исключительно своими собственными силами, без поддержки класса. Обычно она лишь руководит этими выступлениями и руководит ими постольку, поскольку имеет за собой поддержку класса. Ибо партия не может покрыть, не может заменить класс. Ибо партия, при всей ее важной, руководящей роли, все же остается *частью* класса. Поэтому, кто отождествляет руководящую роль партии с диктатурой пролетариата, тот подменивает класс партией.

В-четвертых. Партия осуществляет диктатуру пролетариата. „Партия — это непосредственно правящий авангард пролетариата, это — руководитель" (Ленин). В этом смысле партия *берет* власть, партия *управляет страной*. Но это еще не значит, что партия осуществляет диктатуру пролетариата помимо государственной власти, без государственной власти, что партия правит страной помимо советов, не через советы. Это еще не значит, что партию можно отождествить с советами, с государственной властью. Партия есть ядро власти. Но она не есть и не может быть отождествлена с государственной властью. „Как правящая партия, — говорит Ленин, — мы не могли не сливать с „верхами" партийными „верхи" советские, — они у нас слиты и будут таковыми" (см. т. XXVI, стр. 208). Это совершенно правильно. Но этим вовсе не хочет сказать Ленин, что наши советские учреждения в целом, напр., наша армия, наш транспорт, наши хозяйственные учреждения и т. д., являются учреждениями нашей партии, что партия может заменить советы и их разветвления, что партию можно отождествить с государственной властью. Ленин неоднократно говорил, что „система советов есть диктатура пролетариата", что „Советская власть есть диктатура пролетариата" (см. т. XXIV, стр. 14 и 15), но он никогда не говорил, что партия есть государственная власть, что советы и партия одно и то же. Партия, имеющая несколько сот тысяч членов, руководит советами и их разветвлениями в центре и на местах, охватывающими несколько миллионов людей, партийных и беспартийных, но она не может и не должна заменять их собою. Вот почему говорит Ленин, что

„диктатуру осуществляет организованный в советы пролетариат, которым руководит коммунистическая партия большевиков“, что „вся работа партии идет *через*[1] советы, которые объединяют трудящиеся массы без различия профессий“ (см. т. XXV, стр. 193 и 194), что диктатуру „приходится осуществлять... *через*[1] советский аппарат“ (см. т. XXVI, стр. 64). Поэтому, кто отождествляет руководящую роль партии с диктатурой пролетариата, тот подменивает советы, государственную власть, партией.

В-пятых. Понятие диктатуры пролетариата есть понятие государственное. Диктатура пролетариата обязательно включает в себя понятие насилия. Без насилия не бывает диктатуры, если диктатуру понимать в точном смысле этого слова. Ленин определяет диктатуру пролетариата как „власть, опирающуюся непосредственно на *насилие*“ (см. т. XIX, стр. 315). Говорить, ввиду этого, о диктатуре партии в *отношении класса пролетариев* и отождествлять ее с диктатурой пролетариата, — это значит говорить о том, что партия должна быть в отношении своего класса не только руководителем, не только вождем и учителем, но и своего рода государственной властью, применяющей к нему насилие. Поэтому, кто отождествляет „диктатуру партии“ с диктатурой пролетариата, тот молчаливо исходит из того, что можно строить авторитет партии на насилии, что абсурдно и что совершенно несовместимо с ленинизмом. Авторитет партии поддерживается доверием рабочего класса. Доверие же рабочего класса приобретается не насилием, — оно только убивается насилием, — а правильной теорией партии, правильной политикой партии, преданностью партии рабочему классу, ее связью с массами рабочего класса, ее готовностью, ее умением *убеждать* массы в правильности своих лозунгов.

Что же из всего этого следует?

А из этого следует то, что:

1) Ленин употребляет слово *диктатура* партии не в точном смысле этого слова („власть, опирающаяся на насилие“), а в переносном смысле, в смысле руководства;

2) кто отождествляет руководство партии с *диктатурой* пролетариата, тот извращает Ленина, неправильно присваивая партии функции насилия в отношении рабочего класса в целом;

3) кто присваивает партии неприсущие ей функции насилия в отношении рабочего класса, тот нарушает элементарные требования правильных взаимоотношений между авангардом и классом, между партией и пролетариатом.

Мы подошли, таким образом, вплотную к вопросу о взаимоотно-

---

[1] Курсив мой. *И. Ст.*

шениях между партией и классом, между партийными и беспартийными в рабочем классе.

Ленин определяет эти взаимоотношения как *„взаимодоверие*[1] между авангардом рабочего класса и рабочей массой“ (см. т. XXVI, стр. 235).

Что это значит?

Это значит, во-первых, что партия должна чутко прислушиваться к голосу масс, что она должна внимательно относиться к революционному инстинкту масс, что она должна изучать практику борьбы масс, проверяя на этом правильность своей политики, что она должна, следовательно, не только учить, но и учиться у масс.

Это значит, во-вторых, что партия должна изо дня в день завоевывать себе доверие пролетарских масс, что она должна своей политикой и своей работой ковать себе поддержку масс, что она должна не командовать, а убеждать прежде всего, облегчая массам распознать на собственном опыте правильность политики партии, что она должна, следовательно, быть руководителем, вождем, учителем своего класса.

Нарушение этих условий означает нарушение правильных взаимоотношений между авангардом и классом, подрыв „взаимодоверия“, развал и классовой, и партийной дисциплины.

„Наверное, — говорит Ленин, — теперь уже почти всякий видит, что большевики не продержались бы у власти не то что $2^1/_2$ года, но и $2^1/_2$ месяца без строжайшей, поистине железной дисциплины в нашей партии, *без самой полной и беззаветной поддержки ее всей массой рабочего класса*[1], т.-е. всем, что́ есть в нем мыслящего, честного, самоотверженного, влиятельного, способного вести за собой или увлекать отсталые слои“ (см. т. XXV, стр. 173).

„Диктатура пролетариата, — говорит дальше Ленин, — есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская, против сил и традиций старого общества. Сила привычки миллионов и десятков миллионов — самая страшная сила. Без партии, железной и закаленной в борьбе, без партии, *пользующейся доверием всего честного в данном классе*[1], без партии, умеющей следить за настроением массы и влиять на него, вести успешно такую борьбу невозможно“ (см. т. XXV, стр. 191).

Но как приобретается партией это доверие и поддержка класса? Как складывается необходимая для диктатуры пролетариата железная дисциплина, на какой почве она вырастает?

Вот что говорит об этом Ленин:

„Чем держится дисциплина революционной партии пролетариата? чем она проверяется? чем подкрепляется? Во-первых, сознательностью пролетарского авангарда и его преданностью революции, его выдержкой, самопожертвованием, героизмом. Во-вторых, его уменьем связаться, сблизиться,

[1] Курсив мой. *И. Ст.*

до известной степени, если хотите, *слиться с самой широкой массой трудящихся*[1], в первую голову пролетарской, *но также и с не* пролетарской трудящейся массой. В-третьих, правильностью политического руководства, осуществляемого этим авангардом, правильностью его политической стратегии и тактики, при условии, чтобы самые широкие массы *собственным опытом* убедились в этой правильности. Без этих условий дисциплина в революционной партии, действительно способной быть партией передового класса, имеющего свергнуть буржуазию и преобразовать все общество, не осуществима. Без этих условий попытки создать дисциплину неминуемо превращаются в пустышку, в фразу, в кривлянье. А эти условия, с другой стороны, не могут возникнуть сразу. Они вырабатываются лишь долгим трудом, тяжелым опытом; их выработка облегчается лишь правильной революционной теорией, которая, в свою очередь, не является догмой, а окончательно складывается лишь в тесной связи с практикой действительно массового и действительно революционного движения" (см. т. XXV, стр. 174).

И далее:

„Для успеха победы над капитализмом требуется правильное соотношение между руководящей, коммунистической, партией, революционным классом, пролетариатом, — и массой, т. е. всей совокупностью трудящихся и эксплоатируемых. Только коммунистическая партия, если она действительно является авангардом революционного класса, если она включает в себя всех лучших представителей его, если она состоит из вполне сознательных и преданных коммунистов, просвещенных и закаленных опытом упорной революционной борьбы, если эта партия сумела связать себя неразрывно со всей жизнью своего класса, а через него со всей массой эксплоатируемых и внушить этому классу и *этой массе полное доверие*[1], — только такая партия способна руководить пролетариатом в самой беспощадной, решительной, последней борьбе против всех сил капитализма. С другой стороны, только под руководством такой партии пролетариат способен развернуть всю мощь своего революционного натиска, превращая в ничто неизбежную апатию и частью сопротивление небольшого меньшинства испорченной капитализмом рабочей аристократии, старых трэд-юнионистских и кооперативных вождей и т. п., — способен развернуть всю свою силу, которая неизмеримо больше, чем его доля в населении, в силу самого экономического устройства капиталистического общества" (см. т. XXV, стр. 315).

Из этих цитат следует, что:

1) авторитет партии и железная дисциплина в рабочем классе, необходимая для диктатуры пролетариата, строятся не на страхе или „неограниченных" правах партии, а на доверии рабочего класса к партии, на поддержке партии со стороны рабочего класса;

2) доверие рабочего класса к партии приобретается не сразу и не посредством насилия в отношении рабочего класса, а длительной работой партии в массах, правильной политикой партии, умением партии убеждать массы в правильности своей политики на собственном опыте масс, умением партии обеспечить себе поддержку рабочего класса, вести за собой массы рабочего класса;

---

[1] Курсив мой. *И. Ст.*

3) без правильной политики партии, подкрепленной опытом борьбы масс, и без доверия рабочего класса не бывает и не может быть настоящего руководства партии;

4) партия и ее руководство, если она пользуется доверием класса, и если это руководство является настоящим руководством, не могут быть противопоставлены диктатуре пролетариата, ибо без руководства партии („диктатуры“ партии), пользующейся доверием рабочего класса, невозможна сколько-нибудь прочная диктатура пролетариата.

Без этих условий авторитет партии и железная дисциплина есть либо пустая фраза, либо чванство и авантюра.

Нельзя противопоставлять диктатуру пролетариата руководству („диктатуре“) партии. Нельзя, так как руководство партии есть главное в диктатуре пролетариата, если иметь в виду сколько-нибудь прочную и полную диктатуру, а не такую, какой была, напр., Парижская Коммуна, представлявшая диктатуру не полную и не прочную. Нельзя, так как диктатура пролетариата и руководство партии лежат, так сказать, на одной линии работы, действуют в одном направлении.

„Одна уже постановка вопроса, — говорит Ленин, — „диктатура партии *или* диктатура класса? диктатура (партия) вождей *или* диктатура (партия) масс?“ свидетельствует о самой невероятной и безысходной путанице мысли... Всем известно, что массы делятся на классы... что классами руководят обычно и в большинстве случаев, по крайней мере в современных цивилизованных странах, политические партии; — что политические партии в виде общего правила управляются более или менее устойчивыми группами наиболее авторитетных, влиятельных, опытных, выбираемых на самые ответственные должности лиц, называемых вождями... Договориться... до противоположения *вообще* диктатуры масс диктатуре вождей есть смехотворная нелепость и глупость“ (см. т. XXV, стр. 188 и 189).

Это совершенно правильно. Но это правильное положение исходит из той предпосылки, что имеются налицо правильные взаимоотношения между авангардом и рабочими массами, между партией и классом. Оно исходит из того предположения, что взаимоотношения между авангардом и классом остаются, так сказать, нормальными, остаются в пределах „взаимодоверия“.

Ну, а как быть, если правильные взаимоотношения между авангардом и классом, если отношения „взаимодоверия“ между партией и классом нарушены? Как быть, если партия сама начинает так или иначе противопоставлять себя классу, нарушая основы правильных взаимоотношений с классом, нарушая основы „взаимодоверия“? Возможны ли вообще такие случаи? Да, возможны. Они возможны:

1) *если* партия начинает строить свой авторитет в массах не

на своей работе и доверии масс, а на своих „неограниченных“ правах;

2) *если* политика партии явно неправильна, а она не хочет пересмотреть и исправить свою ошибку;

3) *если* политика правильна, в общем, но массы еще не готовы к ее усвоению, а партия не хочет или не умеет выждать, для того чтобы дать массам возможность убедиться на своем собственном опыте в правильности политики партии.

История нашей партии дает целый ряд таких случаев. Различные группировки и фракции в нашей партии падали и рассеивались потому, что они нарушали одно из этих трех условий, а иногда и все эти условия, взятые вместе.

Но из этого следует, что противопоставление диктатуры пролетариата „диктатуре“ (руководству) партии не может быть признано правильным лишь в том случае:

1) *если* под диктатурой партии в отношении рабочего класса понимать не диктатуру в собственном смысле этого слова („власть, опирающаяся на насилие“), а руководство партии, исключающее насилие над классом в целом, над его большинством, как это именно и понимает Ленин;

2) *если* партия имеет данные быть действительным руководителем класса, т. е. если политика партии правильна, если эта политика соответствует интересам класса;

3) *если* класс, если большинство класса принимает эту политику, усваивает ее, убеждается, благодаря работе партии, в правильности этой политики, доверяет партии и поддерживает ее.

Нарушение этих условий неминуемо вызывает конфликт между партией и классом, раскол между ними, их противопоставление друг другу.

Можно ли навязать классу силой руководство партии? Нет, нельзя. Во всяком случае, *такое* руководство не может быть сколько-нибудь длительным. Партия, если она хочет оставаться партией пролетариата, должна знать, что она является, прежде всего и главным образом, *руководителем, вождем, учителем* рабочего класса. Мы не можем забыть слов Ленина, сказанных им на этот счет в брошюре „Государство и революция“:

„Воспитывая рабочую партию, марксизм воспитывает авангард пролетариата, способный взять власть и *вести весь народ* к социализму, направлять и организовывать новый строй, быть *учителем, руководителем, вождем*[1] всех трудящихся и эксплоатируемых в деле устройства своей общественной жизни без буржуазии и против буржуазии“ (см. т. XXI, стр. 386).

Можно ли считать, что партия является действительным руко-

[1] Курсив мой. *И. Ст.*

водителем класса, если ее политика неправильна, если ее политика приходит в столкновение с интересами класса? Конечно, нельзя. В таких случаях партия, если она хочет остаться руководителем, должна пересмотреть свою политику, должна исправить свою политику, должна признать свою ошибку и исправить ее. Можно было бы сослаться для подтверждения этого положения хотя бы на такой факт из истории нашей партии, как период отмены продразверстки, когда рабочие и крестьянские массы оказались явно недовольными нашей политикой и когда партия пошла, открыто и честно пошла на пересмотр этой политики. Вот что говорил тогда Ленин на X съезде по вопросу об отмене продразверстки и введении новой экономической политики:

„Мы не должны стараться прятать что-либо, а должны говорить прямиком, что крестьянство формой отношений, которая у нас с ним установилась, недовольно, что оно этой формы отношений не хочет и дальше так существовать не будет. Это бесспорно. Эта воля его выразилась определенно. Это — воля громадных масс трудящегося населения. Мы с этим должны считаться, и мы достаточно трезвые политики, чтобы говорить прямо: *давайте нашу политику по отношению к крестьянству пересматривать*“ [1] (см. т. XXVI, стр. 238).

Можно ли считать, что партия должна взять на себя инициативу и руководство в организации решающих выступлений масс на том лишь основании, что политика ее в общем правильна, *если* эта политика не встречает еще доверия и поддержки со стороны класса, ввиду, скажем, его политической отсталости, *если* партии не удалось еще убедить класс в правильности своей политики, ввиду того, скажем, что события еще не назрели? Нет, нельзя. В таких случаях партия, если она хочет быть действительным руководителем, должна уметь выждать, должна убеждать массы в правильности своей политики, должна помочь массам убедиться на своем собственном опыте в правильности этой политики.

„Если нет у революционной партии, — говорит Ленин, — большинства в передовых отрядах революционных классов и в стране, то не может быть речи о восстании“ (см. т. XXI, стр. 282).

„Без перемены взглядов большинства рабочего класса революция невозможна, а эта перемена создается политическим опытом масс“ (см. т. XXV, стр. 223).

„Пролетарский авангард идейно завоеван. Это главное. Без этого нельзя сделать и первого шага к победе. Но от этого еще довольно далеко до победы. С одним авангардом победить нельзя. Бросить один только авангард в решительный бой, пока весь класс, пока широкие массы не заняли позиции либо прямой поддержки авангарда, либо, по крайней мере, благожелательного нейтралитета по отношению к нему и полной неспособности поддерживать его противника, было бы не только глупостью, но и преступ-

[1] Курсив мой. *И. Ст.*

лением. А для того, чтобы действительно весь класс, чтобы действительно широкие массы трудящихся и угнетенных капиталом дошли до такой позиции, для этого одной пропаганды, одной агитации мало. Для этого нужен собственный политический опыт этих масс" (см. там же, стр. 229).

Известно, что наша партия так именно и поступала за период от апрельских тезисов Ленина до октябрьского восстания 1917 года. И именно потому, что она действовала по этим указаниям Ленина, она выиграла восстание.

Таковы в основном условия правильных взаимоотношений между авангардом и классом.

Что значит *руководить,* если политика партии правильна, а правильные отношения между авангардом и классом не нарушаются?

Руководить при таких условиях — значит уметь убеждать массы в правильности политики партии, выдвигать и проводить такие лозунги, которые подводят массы к позициям партии и облегчают им распознать на своем собственном опыте правильность политики партии, подымать массы до уровня сознания партии и обеспечивать, таким образом, поддержку масс, их готовность к решительной борьбе.

Поэтому метод убеждения является основным методом руководства партии классом.

„Если бы мы, — говорит Ленин, — сейчас в России, после 2½ лет невиданных побед над буржуазией России и Антанты, поставили для профсоюзов условием вступления „признание диктатуры", мы бы сделали глупость, испортили бы свое влияние на массы, помогли бы меньшевикам. Ибо вся задача коммунистов — уметь *убедить* отсталых, уметь работать *среди* них, а не *отгораживаться* от них выдуманными ребячески-„левыми" лозунгами" (см. т. XXV, стр. 199).

Это не значит, конечно, что партия должна убедить всех рабочих, до последнего человека, что только после этого можно приступить к действиям, что только после этого можно открыть действия. Нисколько. Это означает лишь то, что, раньше чем пойти на решающие политические действия, партия должна обеспечить себе, путем длительной революционной работы, поддержку большинства рабочих масс, по крайней мере благоприятный нейтралитет большинства класса. В противном случае ленинское положение о том, что завоевание большинства рабочего класса на сторону партии является необходимым условием победоносной революции, — было бы лишено всякого смысла.

Ну, а как быть с меньшинством, если оно не хочет, если оно не согласно добровольно подчиниться воле большинства? Может ли партия, должна ли партия, имея за собой доверие большинства, принудить меньшинство к подчинению воле большинства? Да, мо-

жет и должна. Руководство обеспечивается методом убеждения масс, как основным методом воздействия партии на массы. Но это не исключает, а предполагает принуждение, если это принуждение имеет своей базой доверие и поддержку партии со стороны большинства рабочего класса, если оно применяется к меньшинству после того, как сумели убедить большинство. Следовало бы вспомнить споры в нашей партии на этот счет, имевшие место в период профсоюзной дискуссии. В чем состояла тогда ошибка оппозиции, ошибка Цектрана? Не в том ли, что оппозиция считала тогда возможным принуждение? Нет, не в этом. Ошибка оппозиции состояла тогда в том, что она, не будучи в состоянии убедить большинство в правильности своей позиции, потеряв доверие большинства, стала тем не менее применять принуждение, стала настаивать на „перетряхивании“ людей, облеченных доверием большинства.

Вот что говорил тогда Ленин на X съезде партии в своей речи о профессиональных союзах:

„Для того, чтобы установить взаимоотношение, взаимодоверие между авангардом рабочего класса и рабочей массой, надо было, если Цектран сделал ошибку... надо было ее исправлять. Но когда эту ошибку начинают защищать, то это делается источником политической опасности. Если бы максимально возможного в смысле демократии не сделали из тех настроений, которые здесь выражает Кутузов, мы бы пришли к политическому краху. *Прежде всего мы должны убедить, а потом принудить. Мы должны во что бы то ни стало сначала убедить, а потом принудить*[1]. Мы не сумели убедить широкие массы и нарушили правильное соотношение авангарда с массами“ (см. т. XXVI, стр. 235).

То же самое говорит Ленин в своей брошюре „О профсоюзах“:

„Мы тогда правильно и успешно применяли принуждение, когда умели сначала подвести под него базу убеждения“ (см. там же, стр. 74).

И это совершенно правильно. Ибо без этих условий невозможно никакое руководство. Ибо только таким образом можно обеспечить единство действий в партии, если речь идет о партии, единство действий класса, если речь идет о классе в целом. Без этого — раскол, разброд, разложение в рядах рабочего класса.

Таковы в общем основы правильного руководства партии.

Всякое иное понимание руководства есть синдикализм, анархизм, бюрократизм, все, что угодно, — только не большевизм, только не ленинизм.

Нельзя противопоставлять диктатуру пролетариата руководству („диктатуре“) партии, если имеются налицо правильные взаимоотношения между партией и рабочим классом, между авангардом и рабочими массами. Но из этого следует, что тем более нельзя

[1] Курсив мой. *И. Ст.*

отождествлять партию с рабочим классом, руководство („диктатуру“) партии с диктатурой рабочего класса. *На том основании,* что „диктатуру“ партии нельзя противопоставлять диктатуре пролетариата, т. Сорин пришел к тому неправильному выводу, что *„диктатура пролетариата есть диктатура нашей партии“*. Но Ленин говорит не только о недопустимости такого противопоставления. Он говорит вместе с тем о недопустимости противопоставления „диктатуры масс диктатуре вождей“. Не угодно ли *на этом основании* отождествить диктатуру вождей с диктатурой пролетариата? Идя по этому пути, мы должны были бы сказать, что *„диктатура пролетариата есть диктатура наших вождей“*. А ведь к этой именно глупости и ведет, собственно говоря, политика отождествления „диктатуры“ партии с диктатурой пролетариата...

Как обстоит дело на этот счет у т. Зиновьева?

Тов. Зиновьев стоит, в сущности, на той же точке зрения отождествления „диктатуры“ партии с диктатурой пролетариата, что и т. Сорин, с той, однако, разницей, что т. Сорин выражается прямее и яснее, а т. Зиновьев „вертится“. Достаточно взять, хотя бы, следующее место из книги т. Зиновьева „Ленинизм“, чтобы убедиться в этом:

„Что такое, — говорит т. Зиновьев, — существующий в Союзе ССР строй с точки зрения его классового содержания? Это — диктатура пролетариата. Какова непосредственная пружина власти в СССР? Кто осуществляет власть рабочего класса? Коммунистическая партия! В этом смысле у *нас*[1] *диктатура партии*. Какова юридическая форма власти в СССР? Каков новый тип государственного строя, созданный Октябрьской революцией? Это — советская система. Одно нисколько не противоречит другому“ (см. „Ленинизм“, стр. 370—371).

Что одно другому не противоречит, это, конечно, правильно, *если* под диктатурой партии в отношении рабочего класса в целом понимать руководство партии. Но как можно ставить *на этом основании* знак равенства между диктатурой пролетариата и „диктатурой“ партии, между советской системой и „диктатурой“ партии? Ленин отождествлял систему советов с диктатурой пролетариата, и он был прав, ибо советы, *наши* советы, являются организацией сплочения трудящихся масс вокруг пролетариата при руководстве партии. Но когда, где, в каком своем труде ставил знак равенства Ленин между „диктатурой“ партии и диктатурой пролетариата, между „диктатурой“ партии и системой советов, как это делает теперь т. Зиновьев? Диктатуре пролетариата не противоречит не только руководство („диктатура“)

[1] Курсив мой. *И. Ст.*

партии, но и руководство („диктатура“) вождей. Не угодно ли, *на этом основании*, провозгласить, что наша страна является страной диктатуры пролетариата, *то есть* страной диктатуры партии, *то есть* страной диктатуры вождей? А ведь к этой именно глупости и ведет „принцип“ отождествления „диктатуры“ партии с диктатурой пролетариата, вкрадчиво и несмело проводимый т. Зиновьевым.

В многочисленных трудах Ленина мне удалось отметить лишь пять случаев, где Ленин затрагивает мельком вопрос о диктатуре партии.

Первый случай — это полемика с эс-эрами и меньшевиками, где он говорит:

„Когда нас упрекают в диктатуре одной партии и предлагают, как вы слышали, единый социалистический фронт, мы говорим: „Да, диктатура одной партии! Мы на ней стоим и с этой почвы сойти не можем, потому что это та партия, которая в течение десятилетий завоевала положение авангарда всего фабрично-заводского и промышленного пролетариата“ (см. т. XXIV, стр. 423).

Второй случай — это „Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком“, где он говорит:

„Крестьян пугают (особенно меньшевики и эс-эры, все, даже „левые“ из них) пугалом „диктатуры одной партии“, партии большевиков-коммунистов. На примере Колчака крестьяне научились не бояться пугала. Либо диктатура (т. е. железная власть) помещиков и капиталистов, либо диктатура рабочего класса“ (см. т. XXIV, стр. 436).

Третий случай — это речь Ленина на II конгрессе Коминтерна в полемике с Теннером. Эту речь я процитировал выше.

Четвертый случай — это несколько строчек в брошюре „Детская болезнь“. Соответствующие цитаты уже приведены выше.

И пятый случай — это набросок схемы о диктатуре пролетариата, опубликованный в III „Ленинском Сборнике“, где имеется подзаголовок под названием „Диктатура одной партии“ (см. „Ленинский Сборник“ III, стр. 497).

Следует отметить, что в двух случаях из пяти, в последнем и во втором случае, слова „диктатура одной партии“ Ленин берет в кавычки, явно подчеркивая неточный, переносный смысл этой формулы.

Следует также отметить, что *во всех* этих случаях под „диктатурой партии“ *в отношении рабочего класса* Ленин понимает не диктатуру в собственном смысле этого слова („власть, опирающаяся на насилие“), а руководство партии.

Характерно, что *ни в одном* из своих трудов, основных и второстепенных, где Ленин трактует или просто упоминает о диктатуре пролетариата и о роли партии в системе диктатуры

пролетариата, нет и намека на то, что „диктатура пролетариата есть диктатура нашей партии“. Наоборот, каждая страница, каждая строчка этих трудов вопиет против такой формулы (см. „Государство и революция“, „Пролетарская революция и ренегат Каутский“, „Детская болезнь“ и т. д.).

Еще более характерно, что в тезисах II конгресса Коминтерна о роли политической партии, выработанных под непосредственным руководством Ленина, на которые Ленин неоднократно ссылался в своих речах, как на образец правильной формулировки роли и задач партии, — мы не находим *ни одного,* буквально *ни одного слова* о диктатуре партии.

О чем все это говорит?

О том, что:

а) Ленин не считал формулу „диктатура партии“ безупречной, точной, ввиду чего она употребляется в трудах Ленина крайне редко и берется иногда в кавычки;

б) в тех немногих случаях, когда Ленин был вынужден, в полемике с противниками, говорить о диктатуре партии, он говорил обычно о „диктатуре *одной* партии“, т. е. о том, что партия наша стоит у власти *одна,* что она *не делит* власть с *другими* партиями, при чем он всегда разъяснял, что под диктатурой партии *в отношении рабочего класса* нужно понимать руководство партии, ее руководящую роль;

в) во всех тех случаях, когда Ленин находил нужным определить научно роль партии в системе диктатуры пролетариата, он говорил *исключительно* о руководящей роли партии (а таких случаев — тысячи) в отношении рабочего класса;

г) именно поэтому Ленин „не догадался“ включить в основную резолюцию о роли партии — я имею в виду резолюцию II конгресса Коминтерна — формулу „диктатура партии“;

д) не правы с точки зрения ленинизма и политически близоруки те товарищи, которые отождествляют или пытаются отождествить „диктатуру“ партии, а значит, и „диктатуру вождей“, с диктатурой пролетариата, ибо они нарушают этим условия правильного взаимоотношения между авангардом и классом.

Я уже не говорю о том, что формула „диктатура партии“, взятая без указанных выше оговорок, может создать целый ряд опасностей и политических минусов в нашей практической работе. Этой формулой, взятой без оговорок, как бы подсказывают:

а) *беспартийным массам:* не смейте противоречить, не смейте рассуждать, ибо партия все может, ибо у нас диктатура партии;

б) *партийным кадрам:* действуйте посмелее, нажимайте покрепче, можно и не прислушиваться к голосу беспартийных масс, — у нас диктатура партии;

в) *партийным верхам:* можно позволить себе роскошь некоторого самодовольства, пожалуй, можно даже немножечко зазнаться, ибо у нас диктатура партии, а „значит", и диктатура вождей.

Об этих опасностях уместно напомнить именно теперь, в период подъема политической активности масс, когда готовность партии внимательно прислушиваться к голосу масс представляет для нас особую ценность, когда чуткость к запросам масс является основной заповедью нашей партии, когда от партии требуется особая осмотрительность и особая гибкость в политике, когда опасность зазнаться является одной из самых серьезных опасностей, стоящих перед партией в деле правильного руководства массами.

Нельзя не вспомнить золотых слов Ленина, сказанных им на XI съезде нашей партии:

„В народной массе мы (коммунисты. *И. Ст.)* все же капля в море, и мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознает. Без этого коммунистическая партия не будет вести пролетариата, а пролетариат не будет вести за собою масс, и вся машина развалится" (см. т. XXVII, стр. 256).

„Правильно выражать то, что народ сознает" — это именно и есть то необходимое условие, которое обеспечивает за партией почетную роль основной руководящей силы в системе диктатуры пролетариата.

VI

ВОПРОС О ПОБЕДЕ СОЦИАЛИЗМА В ОДНОЙ СТРАНЕ

В брошюре „Об основах ленинизма" (апрель 1924 г., первое издание) имеются две формулировки по вопросу о победе социализма в одной стране. Первая формулировка гласит:

„Раньше считали победу революции в одной стране невозможной, полагая, что для победы над буржуазией необходимо совместное выступление пролетариев всех передовых стран, или, во всяком случае, большинства таких стран. Теперь эта точка зрения уже не соответствует действительности. Теперь нужно исходить из возможности такой победы, ибо неравномерный и скачкообразный характер развития различных капиталистических стран в обстановке империализма, развитие катастрофических противоречий внутри империализма, ведущих к неизбежным войнам, рост революционного движения во всех странах мира, — все это ведет не только к возможности, но и к необходимости победы пролетариата в отдельных странах" (см. „Об основах ленинизма").

Это положение совершенно правильно, и оно не нуждается в комментариях. Оно направлено против теории социал-демократов, считающих взятие власти пролетариатом в одной стране, без

одновременной победоносной революции в других странах, — утопией.

Но в брошюре „Об основах ленинизма“ имеется еще вторая формулировка. Там сказано[1]:

„Но свергнуть власть буржуазии и поставить власть пролетариата в одной стране еще не значит обеспечить полную победу социализма. Главная задача социализма — организация социалистического производства — остается еще впереди. Можно ли разрешить эту задачу, можно ли добиться окончательной победы социализма в одной стране без совместных усилий пролетариев нескольких передовых стран? Нет, невозможно. Для свержения буржуазии достаточно усилий одной страны, — об этом говорит нам история нашей революции. Для окончательной победы социализма, для организации социалистического производства усилий одной страны, особенно такой крестьянской страны, как Россия, уже недостаточно, для этого необходимы усилия пролетариев нескольких передовых стран“ (см. „Об основах ленинизма“, первое издание).

Эта вторая формулировка была направлена против утверждения критиков ленинизма, против троцкистов, заявлявших, что диктатура пролетариата в одной стране, при отсутствии победы в других странах, не может „устоять против консервативной Европы“.

Постольку, — но только постольку, — эта формулировка являлась тогда (апрель 1924 г.) достаточной, и она, несомненно, сослужила известную пользу.

Но впоследствии, когда критика ленинизма в этой части была уже преодолена в партии и когда на очередь стал новый вопрос, вопрос о возможности построения полного социалистического общества силами нашей страны, без помощи извне, — вторая формулировка оказалась уже явно недостаточной и, потому, неправильной.

В чем состоит недостаток этой формулировки?

Ее недостаток состоит в том, что она связывает в один вопрос два разных вопроса: вопрос о *возможности* построения социализма силами одной страны, на что должен быть дан положительный ответ, и вопрос о том, может ли страна с диктатурой пролетариата считать себя *вполне гарантированной* от интервенции и, стало быть, от реставрации старых порядков без победоносной революции в ряде других стран, на что должен быть дан отрицательный ответ. Я уже не говорю о том, что эта формулировка может дать повод думать, что организация социалистического общества силами одной страны невозможна, что, конечно, неправильно.

На этом основании я видоизменил, исправил эту формулировку в своей брошюре „Октябрьская революция и тактика русских

[1] Речь идет о первом издании.

коммунистов" (декабрь 1924 г.), расчленив этот вопрос на два вопроса, на вопрос о *полной гарантии от реставрации буржуазных порядков* и вопрос о *возможности построения полного социалистического общества* в одной стране. Это было достигнуто, во-первых, путем трактовки „полной победы социализма" как „полной гарантии от восстановления старых порядков", возможной лишь в порядке „совместных усилий пролетариев нескольких стран", и, во-вторых, путем провозглашения, на основании брошюры Ленина „О кооперации", той неоспоримой истины, что мы имеем все необходимое для построения полного социалистического общества (см. „Октябрьская революция и тактика русских коммунистов")[1].

Эта новая формулировка вопроса и легла в основу известной резолюции XIV партконференции „О задачах Коминтерна и РКП", рассматривающей вопрос о победе социализма в одной стране в связи со стабилизацией капитализма (апрель 1925 г.) и считающей построение социализма силами нашей страны возможным и необходимым.

Она же послужила основой моей брошюры „К итогам работ XIV партконференции", изданной непосредственно после XIV партконференции, в мае 1925 г.

По вопросу о постановке вопроса о победе социализма в одной стране в этой брошюре сказано:

„Наша страна представляет две группы противоречий. Одна группа противоречий — это внутренние противоречия, существующие между пролетариатом и крестьянством (речь идет здесь о построении социализма в одной стране. *И. Ст.*). Другая группа противоречий — это противоречия внешние, имеющиеся между нашей страной, как страной социализма, и всеми остальными странами, как странами капитализма (речь идет здесь об окончательной победе социализма. *И. Ст.*)"... „Кто смешивает первую группу противоречий, совершенно преодолимых усилиями одной страны, со второй группой противоречий, требующих для своего разрешения усилий пролетариев нескольких стран, — тот допускает грубейшую ошибку против ленинизма, тот либо путаник, либо неисправимый оппортунист" (см. „К итогам работ XIV партконференции").

По вопросу о *победе* социализма в нашей стране брошюра говорит:

„Мы можем построить социализм, и мы его будем строить вместе с крестьянством, под руководством рабочего класса"... ибо „при диктатуре пролетариата у нас имеются... все данные, необходимые для того, чтобы построить полное социалистическое общество, преодолевая все и всякие внутренние затруднения, ибо мы можем и мы должны преодолеть их своими собственными силами" (см. там же).

---

[1] Эта новая формулировка вопроса заменила потом старую его формулировку в последующих изданиях брошюры „Об основах ленинизма".

По вопросу же об *окончательной* победе социализма там сказано:

„Окончательная победа социализма есть полная гарантия от попыток интервенции, а, значит, и реставрации, ибо сколько-нибудь серьезная попытка реставрации может иметь место лишь при серьезной поддержке извне, лишь при поддержке международного капитала. Поэтому поддержка нашей революции со стороны рабочих всех стран, а тем более победа этих рабочих хотя бы в нескольких странах, является необходимым условием полной гарантии первой победившей страны от попыток интервенции и реставрации, необходимым условием окончательной победы социализма“ (см. там же).

Кажется, ясно.

Известно, что в том же духе толкуется этот вопрос в моей брошюре „Вопросы и ответы“ (июнь 1925 г.) и в политотчете ЦК на XIV съезде ВКП (декабрь 1925 г.).

Таковы факты.

Эти факты известны, я думаю, всем и каждому, в том числе и т. Зиновьеву.

Если теперь, спустя почти два года после идейной борьбы в партии и после принятой резолюции на XIV партконференции (апрель 1925 г.), т. Зиновьев находит возможным в своем заключительном слове на XIV партсъезде (декабрь 1925 г.) вытащить старую, совершенно недостаточную формулу из брошюры Сталина, писанной в апреле 1924 г., как базу для решения уже решенного вопроса о победе социализма в одной стране, — то эта своеобразная манера т. Зиновьева говорит лишь о том, что он окончательно запутался в этом вопросе. Тащить партию назад, после того как она ушла вперед, обходить резолюцию XIV партконференции, после того как она подтверждена пленумом ЦК, — это значит безнадежно увязнуть в противоречиях, не верить в дело строительства социализма, сойти с пути Ленина и расписаться в своем собственном поражении.

Что такое *возможность* победы социализма в одной стране? Это есть возможность разрешения противоречий между пролетариатом и крестьянством внутренними силами нашей страны, возможность взятия власти пролетариатом и использования этой власти для построения полного социалистического общества в нашей стране, при сочувствии и поддержке пролетариев других стран, но без предварительной победы пролетарской революции в других странах.

Без такой возможности строительство социализма есть строительство без перспективы, строительство без уверенности построить социализм. Нельзя строить социализм, не будучи уверен, что его можно построить, не будучи уверен, что техническая отсталость нашей страны не является *непреодолимым* препятствием к построе-

нию полного социалистического общества. Отрицание такой возможности есть неверие в дело строительства социализма, отход от ленинизма.

Что такое *невозможность* полной, окончательной победы социализма в одной стране без победы революции в других странах? Это есть невозможность полной гарантии от интервенции, а значит, и реставрации буржуазных порядков, без победы революции, по крайней мере, в ряде стран. Отрицание этого бесспорного положения есть отход от интернационализма, отход от ленинизма.

„Мы живем, — говорит Ленин, — не только в государстве, но и *в системе государств,* и существование Советской Республики рядом с империалистскими государствами продолжительное время немыслимо. В конце концов либо одно, либо другое победит. А пока этот конец наступит, ряд самых ужасных столкновений между Советской Республикой и буржуазными государствами неизбежен. Это значит, что господствующий класс, пролетариат, если только он хочет и будет господствовать, должен доказать это и своей военной организацией“ (т. XXIV, стр. 122).

„Мы имеем перед собою, — говорит Ленин в другом месте, — в высшей степени неустойчивое, но все же несомненное, неоспоримое известное равновесие. Надолго ли это — не знаю, и думаю, что этого знать нельзя. И поэтому с нашей стороны нужна величайшая осторожность. И первой заповедью нашей политики, первым уроком, вытекающим из нашей правительственной деятельности за год, уроком, который должны усвоить себе все рабочие и крестьяне, это — быть начеку, помнить, что мы окружены людьми, классами, правительствами, которые открыто выражают величайшую ненависть к нам. Надо помнить, что от всякого нашествия мы всегда на волоске“ (т. XXVII, стр. 117).

Кажется, ясно.

Как обстоит дело у т. Зиновьева насчет вопроса о победе социализма в одной стране?

Слушайте:

„Под окончательной победой социализма следует понимать, по крайней мере: 1) уничтожение классов и, стало быть, 2) упразднение диктатуры одного класса, в данном случае диктатуры пролетариата“... „Чтобы еще точнее уяснить себе, — говорит дальше т. Зиновьев, — как стоит вопрос у нас в СССР в 1925 году, надо различать две вещи: 1) обеспеченная *возможность* строить социализм, — такая возможность строить социализм вполне, разумеется, может мыслиться и в рамках одной страны, и 2) окончательное построение и упрочение социализма, т. е. осуществление социалистического строя, социалистического общества“ (см. „Ленинизм“ т. Зиновьева, стр. 291 и 293).

Что все это может означать?

А то, что под окончательной победой социализма в одной стране т. Зиновьев понимает не гарантию от интервенции и реставрации, а возможность построения социалистического общества. Под победой же социализма в одной стране т. Зиновьев понимает такое

строительство социализма, которое не может и не должно привести к построению социализма. Строительство на-авось, без перспективы, строительство социализма при невозможности построить социалистическое общество — такова позиция т. Зиновьева.

Строить социализм *без возможности* построить его, строить, *зная, что не построишь,* — вот до каких несообразностей договорился т. Зиновьев.

Но это ведь издевка над вопросом, а не разрешение вопроса!

А вот еще одно место из заключительного слова т. Зиновьева на XIV партсъезде:

„Вы посмотрите, до чего, напр., договорился т. Яковлев на последней Курской губпартконференции. „Можем ли мы в одной стране, — спрашивает он, — будучи окружены со всех сторон капиталистическими врагами, можем ли мы в таких условиях в одной стране построить социализм?“ И отвечает: „На основе всего сказанного мы вправе сказать, что мы не только строим социализм, но что мы, несмотря на то, что мы пока что одни, что мы пока единственная в мире советская страна, советское государство, — мы этот социализм построим“ („Курская Правда“ № 279 от 8 декабря 1925 г.). Разве это *ленинская постановка вопроса, разве здесь не отдает душком национальной ограниченности?*“ [1].

Таким образом, по Зиновьеву выходит, что признать возможность построения социализма в одной стране — это значит стать на точку зрения национальной ограниченности, а отрицать такую возможность — значит стать на точку зрения интернационализма.

Но если это верно, — стоит ли вообще вести борьбу за победу над капиталистическими элементами нашего хозяйства? Не следует ли из этого, что такая победа невозможна?

Капитуляция перед капиталистическими элементами нашего хозяйства — вот куда приводит внутренняя логика аргументации т. Зиновьева.

И эту несообразность, не имеющую ничего общего с ленинизмом, преподносит нам т. Зиновьев как „интернационализм“, как „стопроцентный ленинизм“!

Я утверждаю, что в важнейшем вопросе о строительстве социализма т. Зиновьев отходит от ленинизма, скатываясь на точку зрения меньшевика Суханова.

Обратимся к Ленину. Вот что он говорит о победе социализма в одной стране еще до Октябрьской революции, в августе 1915 года:

„Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны,

---

[1] Курсив мой. *И. Ст.*

экспроприировав капиталистов и *организовав у себя социалистическое производство*[1], встал бы *против* остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплоататорских классов и их государств“ (см. т. XVIII, стр. 232—233).

Что значит подчеркнутая фраза Ленина: „организовав у себя социалистическое производство“? Это значит, что пролетариат победившей страны *может* и *должен* организовать у себя, после взятия власти, социалистическое производство. А что значит „организовать социалистическое производство“? Это значит построить социалистическое общество. Едва ли нужно доказывать, что это ясное и определенное положение Ленина не нуждается в дальнейших комментариях. В противном случае непонятны были бы призывы Ленина ко взятию власти пролетариатом в октябре 1917 года.

Вы видите, что это ясное положение Ленина, как небо от земли, отличается от путанного и антиленинского „положения“ т. Зиновьева о том, что мы можем строить социализм „в рамках одной страны“ при *невозможности* построить его.

Это было сказано Лениным в 1915 году, до взятия власти пролетариатом. Но, может быть, у него изменились взгляды после опыта взятия власти, после 1917 года? Обратимся к брошюре Ленина „О кооперации“, писанной в 1923 году.

„В самом деле, — говорит Ленин, — власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д., — разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэпе так же, *разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества?*[1]. Это еще не построение социалистического общества, но *это все необходимое и достаточное для этого построения*“[1] (см. т. XXVII, стр. 392).

Иначе говоря: мы можем и должны построить полное социалистическое общество, ибо мы имеем в своем распоряжении все необходимое и достаточное для этого построения.

Кажется, трудно выразиться яснее.

Сравните это классическое положение Ленина с антиленинской отповедью т. Зиновьева против т. Яковлева и поймете, что Яковлев только повторил слова Ленина о возможности построения социализма в одной стране, а Зиновьев, выступая против этого положения, бичуя т. Яковлева, отошел от Ленина и стал на точку зрения меньшевика Суханова, на точку зрения невозможности

[1] Курсив мой. *И. Ст.*

построения социализма в нашей стране ввиду ее технической отсталости.

Неизвестно только, для чего же мы брали власть в октябре 1917 г., если не рассчитывали построить социализм?

Не надо было брать власть в октябре 1917 г. — вот к какому выводу приводит внутренняя логика аргументации т. Зиновьева.

Я утверждаю далее, что в важнейшем вопросе о победе социализма т. Зиновьев пошел *против* определенных решений нашей партии, зафиксированных в известной резолюции XIV партконференции „О задачах Коминтерна и РКП(б) в связи с расширенным пленумом ИККИ“.

Обратимся к этой резолюции. Вот что сказано там о победе социализма в одной стране:

„Наличие двух прямо противоположных общественных систем вызывает постоянную угрозу капиталистической блокады, других форм экономического давления, вооруженной интервенции, реставрации. Единственной гарантией *окончательной победы социализма*, т. е. *гарантией от реставрации*[1], является, следовательно, победоносная социалистическая революция в ряде стран...“ „Ленинизм учит, что *окончательная* победа социализма *в смысле полной гарантии от реставрации*[1] буржуазных отношений возможна только в международном масштабе...“ „Из этого отнюдь *не вытекает*[1], что невозможна постройка *полного социалистического общества*[1] в такой отсталой стране, как Россия, без „государственной помощи“ (Троцкий) более развитых в технико-экономическом отношении стран“ (см. резолюцию).

Вы видите, что резолюция трактует окончательную победу социализма, как гарантию от интервенции и реставрации, — *в полную противоположность* трактовке т. Зиновьева в его книге „Ленинизм“.

Вы видите, что резолюция признает возможность постройки полного социалистического общества в такой отсталой стране, как Россия, без „государственной помощи“ более развитых в технико-экономическом отношении стран, — *в полную противоположность* обратному утверждению т. Зиновьева в его отповеди против т. Яковлева в заключительном слове на XIV партсъезде.

Как назвать это, как не борьбой т. Зиновьева *против* резолюции XIV партконференции?

Конечно, партийные резолюции иногда не безгрешны. Бывает, что партийные резолюции содержат ошибки. Вообще говоря, можно предположить, что резолюция XIV партконференции тоже содержит некоторые ошибки. Возможно, что т. Зиновьев считает данную резолюцию ошибочной. Но тогда об этом надо сказать ясно и открыто, как подобает большевику. Однако, т. Зиновьев не делает этого почему-то. Он предпочел избрать другой путь,

[1] Курсив мой. *И. Ст.*

путь тыловых атак резолюции XIV партконференции, при замалчивании этой резолюции и при отсутствии какой бы то ни было открытой критики резолюции. Тов. Зиновьев думает, видимо, что этот путь лучше всего достигает цели. А цель у него одна — „улучшить“ резолюцию и „немножечко“ подправить Ленина. Едва ли нужно доказывать, что т. Зиновьев ошибся в своих расчетах.

Откуда проистекает ошибка т. Зиновьева? Где корень этой ошибки?

Корень этой ошибки заключается, по-моему, в уверенности т. Зиновьева в том, что техническая отсталость нашей страны является *непреодолимым* препятствием построения полного социалистического общества, что пролетариат не может построить социализм ввиду технической отсталости нашей страны. Тов. Зиновьев и т. Каменев одно время пробовали выступить с этим аргументом на одном из заседаний ЦК партии перед апрельской партконференцией. Но они получили отповедь и вынуждены были отступить, подчинившись *формально* противоположной точке зрения, точке зрения большинства ЦК. Но, подчинившись ей формально, т. Зиновьев все время продолжал борьбу с ней (см. книгу т. Зиновьева „Ленинизм“ и заключительное слово на XIV партсъезде). Вот что говорит об этом „инциденте“ в ЦК ВКП Московский Комитет нашей партии в своем „ответе“ на письмо ленинградской губпартконференции:

„Не так давно товарищи Каменев и Зиновьев защищали в Политбюро ту точку зрения, будто бы мы не сможем справиться с внутренними трудностями из-за нашей технической и экономической отсталости, если только нас не спасет международная революция. Мы же, вместе с большинством ЦК, думаем, что мы можем строить социализм, строим и построим его, несмотря на нашу техническую отсталость и вопреки ей. Мы думаем, что это строительство будет итти, конечно, гораздо медленнее, чем в условиях мировой победы, но тем не менее мы идем и будем итти вперед. Мы точно так же полагаем, что точка зрения тт. Каменева и Зиновьева выражает неверие во внутренние силы нашего рабочего класса и идущих за ним крестьянских масс. Мы полагаем, что она есть отход от ленинской позиции“ (см. „Ответ“).

Этот документ появился в печати во время первых заседаний XIV партсъезда. Тов. Зиновьев, конечно, имел возможность выступить против этого документа еще на съезде. Характерно, что у тт. Зиновьева и Каменева не нашлось аргументов против этого тяжкого обвинения, выставленного против них Московским Комитетом нашей партии. Случайно ли это? Я думаю, что не случайно. Обвинение, видимо, попало в цель. Тов. Зиновьев и т. Каменев „ответили“ на это обвинение молчанием потому, что нечем было его „крыть“.

Новая оппозиция обижается, что т. Зиновьева обвиняют в неверии в дело победы социалистического строительства в нашей

стране. Но если т. Зиновьев после целого года обсуждения вопроса о победе социализма в одной стране, после того как точка зрения т. Зиновьева была отвергнута Политбюро ЦК (апрель 1925 г.), после того как сложилось уже определенное мнение партии по этому вопросу, зафиксированное в известной резолюции XIV партконференции (апрель 1925 г.), если после всего этого т. Зиновьев решается выступить в своей книге „Ленинизм" (сентябрь 1925 г.) против точки зрения партии, если он потом повторяет это выступление на XIV съезде, — то как объяснить все это, это упорство, эту настойчивость в отстаивании своей ошибки, как не тем, что т. Зиновьев заражен, безнадежно заражен неверием в дело победы социалистического строительства в нашей стране?

Тов. Зиновьеву угодно трактовать это свое неверие как интернационализм. Но с каких это пор отход от ленинизма в кардинальном вопросе ленинизма стал трактоваться у нас как интернационализм?

Не вернее ли будет сказать, что не партия, а т. Зиновьев грешит здесь против интернационализма и международной революции? Ибо что такое наша страна „строящегося социализма", как не база мировой революции? Но может ли она быть настоящей базой мировой революции, если она неспособна построить социалистическое общество? Может ли она остаться тем величайшим притягательным центром для рабочих всех стран, каким она, несомненно, является теперь, если она неспособна добиться у себя победы над капиталистическими элементами нашего хозяйства, победы социалистического строительства? Я думаю, что не может. Но не следует ли из этого, что неверие в победу социалистического строительства, проповедь этого неверия ведет к развенчанию нашей страны как базы мировой революции, развенчание же нашей страны ведет к ослаблению мирового революционного движения. Чем отпугивали от нас рабочих гг. социал-демократы? Проповедью о том, что „у русских ничего не выйдет". Чем мы бьем теперь социал-демократов, привлекая к себе целые вереницы рабочих делегаций и укрепляя тем самым позиции коммунизма во всем мире? Нашими успехами по строительству социализма. Но разве не ясно после этого, что кто проповедует неверие в наши успехи по строительству социализма, тот помогает косвенно социал-демократам, тот ослабляет размах международного революционного движения, тот неизбежно отходит от интернационализма?..

Вы видите, что с „интернационализмом" т. Зиновьева дело обстоит ничуть не лучше, чем с его „стопроцентным ленинизмом" в вопросе о строительстве социализма в одной стране.

Поэтому XIV партсъезд поступил правильно, определив взгляды новой оппозиции как „неверие в дело строительства социализма“ и „извращение ленинизма“.

VII
БОРЬБА ЗА ПОБЕДУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Я думаю, что неверие в победу социалистического строительства является основной ошибкой новой оппозиции. Ошибка эта является, по-моему, основной потому, что из нее проистекают все остальные ошибки новой оппозиции. Ошибки новой оппозиции по вопросу о нэпе, о госкапитализме, о природе нашей социалистической промышленности, о роли кооперации при диктатуре пролетариата, о методах борьбы с кулачеством, о роли и удельном весе среднего крестьянства — все эти ошибки являются производными от основной ошибки оппозиции, от неверия в возможность построения социалистического общества силами нашей страны.

Что такое неверие в победу социалистического строительства в нашей стране?

Это есть, прежде всего, отсутствие уверенности в том, что основные массы крестьянства *могут втянуться*, в силу известных условий развития нашей страны, в дело социалистического строительства.

Это есть, во-вторых, отсутствие уверенности в том, что пролетариат нашей страны, имеющий в своем распоряжении командные высоты народного хозяйства, *способен* втянуть основные массы крестьянства в дело социалистического строительства.

Из этих положений исходит молчаливо оппозиция в своих построениях о путях нашего развития, — все равно, делает ли она это сознательно или бессознательно.

Можно ли втянуть основную массу советского крестьянства в дело социалистического строительства?

В брошюре „Об основах ленинизма“ имеются на этот счет два основных положения:

1) „Нельзя смешивать крестьянство Советского Союза с крестьянством Запада. Крестьянство, прошедшее школу трех революций, боровшееся против царя и буржуазной власти вместе с пролетариатом и во главе с пролетариатом, крестьянство, получившее землю и мир из рук пролетарской революции и ставшее ввиду этого резервом пролетариата, — это крестьянство не может не отличаться от крестьянства, боровшегося во время буржуазной революции во главе с либеральной буржуазией, получившего землю из рук этой буржуазии и ставшего ввиду этого резервом буржуазии. Едва ли нужно доказывать, что советское крестьянство, привыкшее ценить политическую дружбу и *политическое* сотрудничество

с пролетариатом и обязанное своей свободой этой дружбе и этому сотрудничеству, — не может не составлять исключительно благоприятный матерьял для *экономического* сотрудничества с пролетариатом".

2) „Нельзя смешивать сельское хозяйство России с сельским хозяйством Запада. Там развитие сельского хозяйства идет по обычной линии капитализма, в обстановке глубокой диференциации крестьянства, с крупными имениями и частно-капиталистическими латифундиями на одном полюсе, с пауперизмом, нищетой и наемным рабством — на другом. Там распад и разложение ввиду этого вполне естественны. Не то в России. У нас развитие сельского хозяйства не может пойти по такому пути, хотя бы потому, что наличие Советской власти и национализация основных орудий и средств производства не допускают такого развития. В России развитие сельского хозяйства должно пойти по другому пути, по пути кооперирования миллионов мелкого и среднего крестьянства, по пути развития в деревне массовой кооперации, поддерживаемой государством в порядке льготного кредитования. Ленин правильно указал в статьях о кооперации, что развитие сельского хозяйства у нас должно пойти по новому пути, по пути вовлечения большинства крестьян в социалистическое строительство через кооперацию, по пути постепенного внедрения в сельское хозяйство начал коллективизма сначала в области сбыта, а потом — в области производства продуктов сельского хозяйства"... „Едва ли нужно доказывать, что громадное большинство крестьянства охотно станет на этот новый путь развития, отбросив прочь путь частно-капиталистических латифундий и наемного рабства, путь нищеты и разорения".

Правильны ли эти положения?

Я думаю, что оба эти положения являются правильными и неоспоримыми для всего нашего строительного периода в условиях нэпа.

Они являются лишь выражением известных тезисов Ленина о смычке пролетариата и крестьянства, о включении крестьянских хозяйств в систему социалистического развития страны, о том, что пролетариат должен двигаться к социализму вместе с основными массами крестьянства, о том, что кооперирование миллионных масс крестьянства является столбовой дорогой социалистического строительства в деревне, что при росте нашей социалистической индустрии „простой рост кооперации для нас тождественен с ростом социализма" (см. т. XXVII, стр. 396).

В самом деле, по какому пути может и должно пойти развитие крестьянского хозяйства в нашей стране?

Крестьянское хозяйство не есть капиталистическое хозяйство. Крестьянское хозяйство, если взять подавляющее большинство крестьянских хозяйств, есть хозяйство мелкотоварное. А что такое мелкотоварное крестьянское хозяйство? Это есть хозяйство, стоящее на распутьи между капитализмом и социализмом. Оно может развиться и в сторону капитализма, как это происходит теперь в капиталистических странах, и в сторону социализма, как это должно произойти у нас, в нашей стране, при диктатуре пролетариата.

Откуда такая неустойчивость, несамостоятельность крестьянского хозяйства? Чем ее объяснить?

Объясняется она распыленностью крестьянских хозяйств, их неорганизованностью, их зависимостью от города, от индустрии, от кредитной системы, от характера власти в стране, наконец, тем общеизвестным положением, что деревня идет и должна итти за городом как в материальном, так и в культурном отношении.

Капиталистический путь развития крестьянского хозяйства означает развитие через глубочайшую диференциацию крестьянства, с крупными латифундиями на одном полюсе и массовым обнищанием на другом полюсе. Такой путь развития является неизбежным в капиталистических странах, потому что деревня, крестьянское хозяйство находится в зависимости от города, от индустрии, от концентрированного кредита в городе, от характера власти, а в городе царит буржуазия, капиталистическая промышленность, капиталистическая кредитная система, капиталистическая государственная власть.

Обязателен ли этот путь развития крестьянских хозяйств в нашей стране, где город имеет совершенно другой облик, где индустрия находится в руках пролетариата, где транспорт, кредитная система, государственная власть и т. д. сосредоточены в руках пролетариата, где национализация земли является всеобщим законом в стране? Конечно, не обязателен. Наоборот. Именно потому, что город является руководителем деревни, а в городе царит у нас пролетариат, держащий в руках все командные высоты народного хозяйства, именно поэтому крестьянские хозяйства должны пойти в своем развитии по другому пути, по пути социалистического строительства.

Что это за путь?

Это есть путь массового кооперирования миллионов крестьянских хозяйств по всем линиям кооперации, путь объединения распыленных крестьянских хозяйств вокруг социалистической индустрии, путь насаждения начал коллективизма среди крестьянства сначала по линии *сбыта* продуктов земледелия и *снабжения* крестьянских хозяйств городскими изделиями, а потом по линии сельско-хозяйственного *производства*.

И чем дальше, тем больше этот путь становится неизбежным в обстановке диктатуры пролетариата, ибо кооперирование по линии сбыта, кооперирование по линии снабжения, наконец, кооперирование по линии кредита и производства (сел.-хоз. товарищества) является единственным путем подъема благосостояния деревни, единственным средством спасения широких масс крестьянства от нищеты и разорения.

Говорят, что крестьянство у нас несоциалистично по своему положению, что ввиду этого оно неспособно к социалистическому развитию. Это, конечно, верно, что крестьянство несоциалистично по своему положению. Но это не есть аргумент против развития крестьянских хозяйств по пути социализма, если доказано, что деревня идет за городом, а в городе командует социалистическая промышленность. Во время Октябрьской революции крестьянство тоже не являлось социалистическим по своему положению и оно вовсе не хотело установить в стране социализм. Оно добивалось тогда, главным образом, ликвидации помещичьей власти и окончания войны, установления мира. Тем не менее оно пошло тогда за социалистическим пролетариатом. Почему? Потому, что свержение буржуазии и взятие власти социалистическим пролетариатом явилось тогда единственным путем выхода из империалистической войны, единственным путем установления мира. Потому, что других путей не было тогда и не могло быть. Потому, что нашей партии удалось тогда нащупать, найти ту степень соединения и подчинения специфических интересов крестьянства (свержение помещика, мир) общим интересам страны (диктатура пролетариата), которая оказалась приемлемой и выгодной для крестьянства. И крестьянство, несмотря на его несоциалистичность, пошло тогда за социалистическим пролетариатом.

То же самое нужно сказать о социалистическом строительстве в нашей стране, о вовлечении крестьянства в русло этого строительства. Крестьянство несоциалистично по своему положению. Но оно должно стать, и обязательно станет, на путь социалистического развития, ибо нет и не может быть других путей спасения крестьянства от нищеты и разорения, кроме смычки с пролетариатом, кроме смычки с социалистической промышленностью, кроме включения крестьянского хозяйства в общее русло социалистического развития через массовое кооперирование крестьянства.

Почему именно через массовое кооперирование крестьянства?

Потому, что в массовом кооперировании „мы нашли ту степень соединения частного интереса, частно-торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам“ (Ленин), которая является приемлемой и выгодной для крестьянства и которая обеспечивает пролетариату возможность вовлечения основной массы крестьянства в дело социалистического строительства. Именно потому, что крестьянству выгодно организовать сбыт своих товаров и снабжение своего хозяйства машинами через кооперацию, именно поэтому оно должно пойти, и оно пойдет, по пути массового кооперирования.

А что означает массовое кооперирование крестьянских хозяйств при главенстве социалистической промышленности?

Оно означает *отход* мелкотоварного крестьянского хозяйства от старого капиталистического пути, чреватого массовым разорением крестьянства, и *переход* на новый путь развития, на путь социалистического строительства.

Вот почему борьба за новый путь развития крестьянского хозяйства, борьба за вовлечение основной массы крестьянства в дело строительства социализма является очередной задачей нашей партии.

XIV съезд ВКП поступил поэтому правильно, постановив, что:

„Основной путь строительства социализма в деревне заключается в том, чтобы при возрастающем экономическом руководстве со стороны социалистической госпромышленности, государственных кредитных учреждений и других командных высот, находящихся в руках пролетариата, вовлечь в кооперативную организацию основную массу крестьянства и обеспечить этой организации социалистическое развитие, используя, преодолевая и вытесняя капиталистические ее элементы“ (см. резолюцию съезда по отчету ЦК).

Глубочайшая ошибка новой оппозиции состоит в том, что она не верит в этот новый путь развития крестьянства, не видит или не понимает всей неизбежности этого пути в условиях диктатуры пролетариата. А не понимает она этого потому, что не верит в победу социалистического строительства в нашей стране, не верит в способность нашего пролетариата повести за собой крестьянство по пути к социализму.

Отсюда непонимание двойственного характера нэпа, преувеличение отрицательных сторон нэпа и трактовка нэпа как отступления по преимуществу.

Отсюда преувеличение роли капиталистических элементов нашего хозяйства и преуменьшение роли рычагов нашего социалистического развития (социалистическая промышленность, кредитная система, кооперация, власть пролетариата и т. д.).

Отсюда непонимание социалистической природы нашей государственной промышленности и сомнения в правильности кооперативного плана Ленина.

Отсюда раздувание диференциации в деревне, паника перед кулаком, преуменьшение роли середняка, попытки сорвать политику партии по обеспечению прочного союза с середняком и, вообще, метание из стороны в сторону в вопросе о политике партии в деревне.

Отсюда непонимание той громадной работы партии по вовлечению миллионных масс рабочих и крестьян в строительство промышленности и сельского хозяйства, в оживление кооперации и советов, в управление страной, в борьбу с бюрократизмом, в борьбу за улучшение и переделку нашего государственного ап-

парата, которая знаменует собой новую полосу развития и без которой немыслимо никакое социалистическое строительство.

Отсюда безнадежность и растерянность перед трудностями нашего строительства, сомнения в возможности индустриализации нашей страны, пессимистическая болтовня о перерождении партии и т. д.

У них, у буржуа, все обстоит более или менее хорошо, у нас же, у пролетариев, — более или менее плохо; если не подоспеет с Запада революция — пропало наше дело, — таков общий тон новой оппозиции, являющийся, по-моему, тоном ликвидаторским, но для чего-то выдаваемый оппозицией (должно быть, для потехи) за „интернационализм".

Нэп есть капитализм, говорит оппозиция. Нэп есть отступление по преимуществу, говорит т. Зиновьев. Все это, конечно, неверно. На самом деле нэп есть политика партии, допускающая борьбу социалистических и капиталистических элементов и рассчитанная на победу социалистических элементов над элементами капиталистическими. На самом деле нэп только начался отступлением, но он рассчитан на то, чтобы в ходе отступления произвести перегруппировку сил и повести наступление. На самом деле мы наступаем уже несколько лет, и наступаем с успехом, развивая нашу индустрию, развивая советскую торговлю, тесня частный капитал.

Но каков смысл тезиса — нэп есть капитализм, нэп есть отступление по преимуществу? Из чего исходит этот тезис?

Он исходит из неправильного предположения о том, что у нас происходит теперь простое восстановление капитализма, простой „возврат" капитализма. Только этим предположением можно объяснить сомнения оппозиции насчет социалистической природы нашей промышленности. Только этим предположением можно объяснить панику оппозиции перед кулаком. Только этим предположением можно объяснить ту поспешность, с которой ухватилась оппозиция за неправильные цифры о диференциации крестьянства. Только этим предположением можно объяснить особую забывчивость оппозиции насчет того, что середняк является у нас центральной фигурой земледелия. Только этим предположением можно объяснить недооценку удельного веса середняка и сомнения насчет кооперативного плана Ленина. Только этим предположением можно „обосновать" неверие новой оппозиции в новый путь развития деревни, в путь вовлечения деревни в социалистическое строительство.

На самом деле у нас происходит теперь не односторонний процесс восстановления капитализма, а двусторонний процесс развития капитализма и развития социализма, противоречивый процесс

борьбы элементов социалистических с элементами капиталистическими, процесс преодоления элементов капиталистических элементами социалистическими. Это одинаково неоспоримо как для города, где базой социализма является государственная промышленность, так и для деревни, где основной зацепкой социалистического развития является массовая кооперация, смыкаемая с социалистической промышленностью.

Простое восстановление капитализма невозможно хотя бы потому, что власть у нас пролетарская, крупная промышленность в руках пролетариата, транспорт и кредит находятся в распоряжении пролетарского государства.

Диференциация не может принять прежних размеров, середняк остается основной массой крестьянства, а кулак не может возыметь прежнюю силу хотя бы потому, что земля у нас национализирована, она изъята из обращения, а наша торговая, кредитная, налоговая и кооперативная политика направлена на то, чтобы ограничить эксплоататорские стремления кулачества, поднять благосостояние широчайших масс крестьянства и выравнивать крайности в деревне. Я уже не говорю о том, что борьба с кулачеством идет у нас теперь не только по старой линии, по линии организации бедноты против кулачества, но и по новой линии, по линии укрепления союза пролетариата и бедноты с середняцкими массами крестьянства против кулака. Тот факт, что оппозиция не понимает смысла и значения борьбы с кулачеством по этой второй линии, этот факт лишний раз подтверждает, что оппозиция сбивается на старый путь развития деревни, на путь ее капиталистического развития, когда кулак и беднота составляли основные силы деревни, а середняк „вымывался“.

Кооперация есть разновидность государственного капитализма, говорит оппозиция, ссылаясь при этом на „Продналог“ Ленина, ввиду чего она не верит в возможность использования кооперации, как основной зацепки для социалистического развития. Оппозиция и здесь допускает грубейшую ошибку. Такая трактовка кооперации была достаточна и удовлетворительна в 1921 г., когда был написан „Продналог“, когда у нас не было развитой социалистической промышленности, когда Ленин мыслил госкапитализм как возможную основную форму нашего хозяйствования, а кооперацию рассматривал в сочетании с госкапитализмом. Но эта трактовка теперь уже недостаточна и превзойдена историей, ибо с тех пор времена изменились, социалистическая промышленность у нас развилась, госкапитализм не привился в той степени, в какой это было желательно, а кооперация, охватывающая теперь более десятка миллионов членов, стала смыкаться с социалистической индустрией.

Чем же иначе объяснить тот факт, что уже спустя два года после „Продналога", в 1923 году, Ленин стал рассматривать кооперацию по-другому, считая, что „кооперация в наших условиях сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом"? (см. т. XXVII, стр. 396).

Чем же иначе это объяснить, как не тем, что за эти два года социалистическая промышленность успела уже вырасти, госкапитализм же не привился в должной степени, ввиду чего Ленин стал рассматривать кооперацию уже не в сочетании с госкапитализмом, а в сочетании с социалистической промышленностью?

Изменились условия развития кооперации. Должен был измениться и подход к вопросу о кооперации.

Вот, напр., одно замечательное место из брошюры Ленина „О кооперации" (1923 г.), проливающее свет на этот вопрос:

„*При государственном капитализме*[1] предприятия кооперативные отличаются от государственно-капиталистических, как предприятия частные, во-первых, и коллективные, во-вторых. *При нашем существующем строе*[1] предприятия кооперативные отличаются от предприятий частнокапиталистических, как предприятия коллективные, но *не отличаются*[1] от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т. е. рабочему классу" (т. XXVII, стр. 396).

В этой маленькой цитате разрешены два больших вопроса. Во-первых, вопрос о том, что „наш существующий строй" не есть госкапитализм. Во-вторых, вопрос о том, что кооперативные предприятия, взятые в сочетании с „нашим строем", „не отличаются" от предприятий социалистических.

Я думаю, что трудно выразиться яснее.

А вот еще одно место из той же брошюры Ленина:

„Простой рост кооперации для нас тождественен (с указанным выше „небольшим" исключением) с ростом социализма, и вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм" (см. там же).

Очевидно, что в брошюре „О кооперации" мы имеем дело с новой оценкой кооперации, чего не хочет признать новая оппозиция и что она старательно замалчивает, вопреки фактам, вопреки очевидной истине, вопреки ленинизму.

Одно дело — кооперация, взятая в сочетании с госкапитализмом, и другое дело — кооперация, взятая в сочетании с социалистической промышленностью.

Из этого, однако, нельзя делать того вывода, что между „Продналогом" и брошюрой „О кооперации" лежит пропасть. Это, ко-

---

[1] Курсив мой. *И. Ст.*

нечно, неправильно. Достаточно сослаться, например, на следующее место в „Продналоге“, чтобы сразу уловить неразрывную связь между „Продналогом“ и брошюрой „О кооперации“ в вопросе об оценке кооперации. Вот оно:

„Переход от концессий к социализму есть переход от одной формы крупного производства к другой форме крупного производства. Переход от кооперации мелких хозяйчиков к социализму есть переход от мелкого производства к крупному, т.-е. переход более сложный, но зато способный охватить, в случае успеха, более широкие массы населения, способный вырвать более глубокие и более живучие корни старых, *досоциалистических*[1], даже докапиталистических отношений, наиболее упорных в смысле сопротивления всякой „новизне“ (т. XXVI, стр. 337).

Из этой цитаты видно, что Ленин еще во время „Продналога“, когда не было еще у нас развитой социалистической индустрии, считал возможным превращение кооперации, *в случае успеха,* в могучее средство борьбы против „досоциалистических“, а значит, и против *капиталистических отношений.* Я думаю, что эта именно мысль и послужила впоследствии отправной точкой для его брошюры „О кооперации“.

Но что из всего этого следует?

А из этого следует, что новая оппозиция подходит к вопросу о кооперации не по-марксистски, а метафизически. Она рассматривает кооперацию не как историческое явление, взятое в сочетании с другими явлениями, в сочетании, скажем, с госкапитализмом (в 1921 г.) или социалистической промышленностью (в 1923 г.), а как нечто постоянное и раз навсегда данное, как „вещь в себе“.

Отсюда ошибки оппозиции по вопросу о кооперации, отсюда ее неверие в развитие деревни к социализму через кооперацию, отсюда сворачивание оппозиции на старый путь, на путь капиталистического развития деревни.

Такова в общем позиция новой оппозиции в практических вопросах социалистического строительства.

Вывод один: линия оппозиции, поскольку есть у нее линия, колебания и шатания оппозиции, ее неверие и растерянность перед трудностями — ведут к капитуляции перед капиталистическими элементами нашего хозяйства. Ибо, если нэп есть отступление по преимуществу, если социалистическая природа государственной промышленности подвергается сомнению, если кулак почти что всесилен, на кооперацию мало надежды, роль середняка прогрессивно падает, новый путь развития деревни сомнителен, партия почти что перерождается, а революция с Запада еще не так близка, — то что же остается после всего этого в арсенале у оппозиции, на что она рассчитывает в борьбе с капиталистиче-

[1] Курсив мой. *И. Ст.*

скими элементами нашего хозяйства? Нельзя же итти в бой с одной лишь „Философией эпохи“.

Ясно, что арсенал новой оппозиции незавиден, если вообще можно назвать его арсеналом. Этот арсенал не для борьбы. Тем более он не для победы.

Ясно, что с таким арсеналом партия „в два счета“ загубила бы себя, если бы она полезла в драку, — ей пришлось бы просто капитулировать перед капиталистическими элементами нашего хозяйства.

Поэтому XIV съезд партии поступил совершенно правильно, постановив, что „борьба за победу социалистического строительства в СССР является основной задачей нашей партии“; что одним из необходимых условий для разрешения этой задачи является „борьба с неверием в дело строительства социализма в нашей стране и с попытками рассматривать наши предприятия, являющиеся предприятиями „последовательно-социалистического типа“ (Ленин), как предприятия „государственно-капиталистические“; что „такие идейные течения, делая невозможным сознательное отношение масс к строительству социализма вообще и социалистической промышленности в частности, способны лишь затормозить рост социалистических элементов хозяйства и облегчить борьбу с ними со стороны частного капитала“; что „съезд считает поэтому необходимой широкую воспитательную работу для преодоления этих извращений ленинизма“ (см. резолюцию по отчету ЦК ВКП).

Историческое значение XIV съезда ВКП состоит в том, что он сумел вскрыть до корней ошибки новой оппозиции, отбросил прочь ее неверие и хныканье, ясно и четко наметил путь дальнейшей борьбы за социализм, дал партии перспективу победы и вооружил тем самым пролетариат несокрушимой верой в победу социалистического строительства.

25 января 1926 г.

О ТРЕХ ОСНОВНЫХ ЛОЗУНГАХ ПАРТИИ ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ

Ответ тов. Ян—скому

Тов. Ян — ский!

Ваше письмо получил, конечно, своевременно. Отвечаю с некоторым опозданием, за что прошу извинения.

1) Ленин говорит, что „*самым главным вопросом всякой революции является вопрос о государственной власти*“ (см. т. XXI, стр. 142). В руках какого класса или каких классов сосредоточена власть; какой класс или какие классы должны быть свержены, какой класс или какие классы должны взять власть, — в этом „самый главный вопрос всякой революции“.

Основные стратегические лозунги партии, сохраняющие свою силу на весь период того или иного этапа революции, не могут быть названы основными лозунгами, если они не опираются целиком и полностью на этот кардинальный тезис Ленина. Основные лозунги могут быть правильными лишь в том случае, если они строятся на базе марксистского анализа классовых сил, если они намечают правильную схему расположения революционных сил на фронте классовой борьбы, если они облегчают подвод масс к фронту борьбы за победу революции, к фронту борьбы за взятие власти новым классом, если они облегчают партии формирование широкой и мощной политической армии из широких народных масс, необходимой для выполнения этой задачи.

На протяжении того или иного этапа революции могут иметь место поражения и отступления, неудачи и отдельные тактические ошибки, но это еще не значит, что основной стратегический лозунг неверен. Так, напр., основной лозунг на *первом* этапе нашей революции — „вместе со всем крестьянством, против царя и помещиков при нейтрализации буржуазии, за победу буржуазно-демокра-

тической революции" — был совершенно правилен, несмотря на то, что революция 1905 года потерпела поражение.

Нельзя, стало быть, смешивать вопрос об основном лозунге партии с вопросом о поражениях или неудачах революции на той или иной ступени ее развития.

Может случиться, что в ходе революции основной лозунг партии привел уже к свержению власти старых классов или старого класса, но ряд существенных требований революции, вытекающих из этого лозунга, не получил осуществления, или осуществление их растянулось на целый период времени, или для их осуществления требуется новая революция, но это еще не значит, что основной лозунг неправилен. Так, напр., Февральская революция 1917 года свергла царизм и помещиков, но не привела к осуществлению конфискации помещичьих земель и т. д., но это еще не значит, что наш основной лозунг на первом этапе революции был неправилен. Или еще: Октябрьская революция осуществила свержение буржуазии и переход власти в руки пролетариата, но не привела сразу: а) к доведению до конца буржуазной революции, вообще, и б) к изоляции кулачества в деревне, в частности, растянув это дело на известный период времени, но это еще не значит, что наш основной лозунг на *втором* этапе революции — „вместе с беднейшим крестьянством, против капитализма в городе и деревне при нейтрализации среднего крестьянства, за власть пролетариата" — был неправилен.

Нельзя, стало быть, смешивать вопрос об основном лозунге партии с вопросом о сроке и формах осуществления тех или иных требований, вытекающих из этого лозунга.

Поэтому стратегические лозунги нашей партии нельзя расценивать ни с точки зрения эпизодических удач или поражений революционного движения в тот или иной период, ни, тем более, с точки зрения сроков или форм осуществления тех или иных требований, вытекающих из этих лозунгов. Стратегические лозунги партии могут быть расцениваемы лишь с точки зрения марксистского анализа классовых сил и правильного расположения сил революции на фронте борьбы за победу революции, за сосредоточение власти в руках нового класса.

Ваша ошибка, т. Ян—ский, состоит в том, что вы обошли этот важнейший методологический вопрос или не поняли его.

2) Вы пишете в своем письме:

„Правильно ли утверждение, что мы шли в союзе со всем крестьянством *только* до Октября? Нет, неправильно. Лозунг „союз со всем крестьянством" был действителен до Октября, *в момент Октября и в первый период после Октября,* поскольку все крестьянство было заинтересовано в довершении буржуазной революции до конца".

Таким образом, из этой цитаты выходит, что стратегический лозунг партии за *первый* этап революции (1905 г. — февраль 1917 г.), когда дело шло о свержении царско-помещичьей власти и установлении диктатуры пролетариата и крестьянства, *не отличался* от стратегического лозунга за *второй* этап революции (февраль 1917 г. — октябрь 1917 г.), когда дело шло о свержении власти буржуазии и установлении диктатуры пролетариата. Вы отрицаете, стало быть, основную разницу между революцией буржуазно-демократической и революцией пролетарско-социалистической. А делаете вы эту ошибку потому, что не хотите, видимо, понять той простой вещи, что основной темой стратегического лозунга является вопрос о власти на данном этапе революции, вопрос о том, *какой* класс свергается и в руки *какого* класса переходит власть. Едва ли нужно доказывать, что вы неправы тут коренным образом.

Вы говорите, что в момент Октября и в первый период после Октября мы проводили лозунг „союз со *всем* крестьянством“, поскольку все крестьянство было заинтересовано в доведении буржуазной революции до конца. Но кто вам сказал, что Октябрьский переворот и Октябрьская революция исчерпывались или ставили своей основной задачей доведение до конца буржуазной революции? Откуда вы это взяли? Разве свержение власти буржуазии и установление диктатуры пролетариата можно уместить в рамках буржуазной революции? Разве завоевание диктатуры пролетариата не есть выход из рамок буржуазной революции? Как можно утверждать, что кулаки (тоже, ведь, крестьяне) могли поддерживать свержение буржуазии и переход власти к пролетариату? Как можно отрицать, что декрет о национализации земли, отмене частной собственности на землю, запрещении купли-продажи земли и т. д., несмотря на то, что он не может быть признан декретом социалистическим, проводился у нас в *борьбе* с кулачеством, а не в союзе с ним? Как можно утверждать, что кулаки (тоже крестьяне) могли поддерживать декреты Советской власти об экспроприации фабрик, заводов, железных дорог, банков и т. д. или лозунг пролетариата о превращении войны империалистской в войну гражданскую? Как можно утверждать, что *основным* в Октябре являются не эти и подобные им акты, не свержение буржуазии и установление диктатуры пролетариата, а доведение до конца буржуазной революции?

Нет спора, что Октябрьская революция имела одной из своих главных задач доведение до конца буржуазной революции, что без Октябрьской революции она не могла быть доведена до конца, равно как сама Октябрьская революция не могла быть упрочена без доведения до конца буржуазной революции, и поскольку

Октябрьская революция доводила до конца буржуазную революцию, она должна была встречать сочувствие со стороны всех крестьян. Все это бесспорно. Но разве можно на этом основании утверждать, что доведение буржуазной революции до конца являлось не производным явлением в ходе Октябрьской революции, а ее существом или ее основной целью? Куда же девалась у вас главная цель Октябрьской революции — свержение власти буржуазии, установление диктатуры пролетариата, превращение войны империалистской в войну гражданскую, экспроприация капиталистов и т. п.? И если главной темой стратегического лозунга является основной вопрос всякой революции, т. е. вопрос о переходе власти из рук одного класса в руки другого класса, то не ясно ли из этого, что вопрос о доведении до конца буржуазной революции пролетарской властью нельзя смешивать с вопросом о свержении буржуазии и завоевании этой самой пролетарской власти, т. е. с вопросом, являющимся главной темой стратегического лозунга на втором этапе революции.

Одно из самых величайших достижений диктатуры пролетариата состоит в том, что она довела до конца буржуазную революцию и вымела дочиста грязь средневековья. Для деревни это имело самое главное и поистине решающее значение. Без этого не могло быть осуществлено соединение крестьянских войн с пролетарской революцией, о чем говорил Маркс еще во второй половине прошлого столетия. Без этого не могла быть упрочена сама пролетарская революция. При этом нужно иметь в виду следующее важное обстоятельство. Доведение до конца буржуазной революции не есть единичный акт. На деле оно растянулось на целый период, захватывая не только кусочки 1918 года, как вы утверждаете в своем письме, но и кусочки 1919 года (Поволжье — Урал) и 1919—1920 гг. (Украина). Я имею в виду наступление Колчака и Деникина, когда перед крестьянством в целом встала опасность восстановления помещичьей власти и когда оно, именно как *целое*, вынуждено было сплотиться вокруг Советской власти для того, чтобы обеспечить доведение до конца буржуазной революции и сохранить за собой плоды этой революции. Эту сложность и многообразие процессов живой жизни, это „причудливое“ переплетение непосредственно социалистических задач диктатуры с задачей доведения до конца буржуазной революции нужно иметь всегда перед глазами, чтобы понять правильно как приводимые вами цитаты из Ленина, так и механику претворения в жизнь партийных лозунгов. Можно ли сказать, что это переплетение говорит о неправильности лозунга партии на *втором* этапе революции, что этот лозунг не отличается от лозунга на *первом* этапе революции? Нет, нельзя сказать. Наоборот, это перепле-

тение лишь подтверждает правильность лозунга партии на втором этапе революции: вместе с *беднейшим* крестьянством, против капиталистической буржуазии в городе и деревне, за власть пролетариата и т. д. Почему? Потому, что для того, чтобы довести до конца буржуазную революцию, надо было *сначала* свергнуть в Октябре власть буржуазии и поставить власть пролетариата, ибо только такая власть способна довести до конца буржуазную революцию, а чтобы поставить в Октябре власть пролетариата, надо было подготовить и организовать к Октябрю *соответствующую* политическую армию, способную свергнуть буржуазию, способную установить власть пролетариата, при чем нет нужды доказывать, что *такую* политическую армию мы могли подготовить и организовать *лишь* под лозунгом: союз пролетариата с беднейшим крестьянством против буржуазии, за диктатуру пролетариата. Ясно, что без *такого* стратегического лозунга, проводимого с апреля 1917 г. по октябрь 1917 г., мы не могли бы иметь *такой* политической армии, не могли бы, значит, победить в Октябре, не свергли бы власть буржуазии и не имели бы, следовательно, возможности довести до конца буржуазную революцию.

Вот почему нельзя противопоставлять доведение до конца буржуазной революции стратегическому лозунгу на втором этапе революции, имеющему своей задачей обеспечение захвата власти пролетариатом.

Есть лишь одно средство избегнуть все эти „противоречия" — признать основную разницу между стратегическим лозунгом первого этапа революции (буржуазно-демократическая революция) и стратегическим лозунгом второго этапа революции (пролетарская революция), признать, что в период первого этапа революции мы шли вместе со *всем* крестьянством за буржуазно-демократическую революцию, а в период второго этапа революции мы шли вместе с *беднейшим* крестьянством против власти капитала за пролетарскую революцию. А признать это нужно, так как к этому обязывает нас анализ классовых сил при первом и втором этапах революции. В противном случае нельзя было бы объяснить тот факт, что до февраля 1917 года мы вели работу при лозунге революционно-*демократической* диктатуры пролетариата и *крестьянства*, а после февраля 1917 года этот лозунг заменили лозунгом *социалистической* диктатуры пролетариата и *беднейшего* крестьянства. Согласитесь, т. Ян — ский, что эта замена одного лозунга другим лозунгом в марте — апреле 1917 года не может быть объяснена при вашей схеме.

Эту основную разницу двух стратегических лозунгов партии Ленин отметил еще в своей брошюре „Две тактики". Лозунг

партии при подготовке буржуазно-демократической революции сформулировал он так:

„Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии“ (см. т. VIII, стр. 96).

Иначе говоря: со всем крестьянством против самодержавия при нейтрализации буржуазии за демократический переворот.

Что касается лозунга партии в период подготовки социалистической революции, то он сформулировал его так:

„Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии“ (см. там же).

Иначе говоря: вместе с беднейшим крестьянством и вообще полупролетарскими слоями населения против буржуазии при нейтрализации мелкой буржуазии в городе и деревне, за социалистический переворот.

Это было в 1905 году.

В апреле 1917 года Ленин, характеризуя тогдашнее политическое состояние как переплетение революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства с реальной властью буржуазии, говорил:

„Своеобразие текущего момента в России состоит в *переходе* от *первого*[1] этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, — ко *второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и *беднейших слоев*[1] крестьянства“ (см. „Апрельские тезисы“ Ленина — т. XX, стр. 88).

В конце августа 1917 года, когда подготовка к Октябрю шла на всех парах, Ленин в специальной статье „Крестьяне и рабочие“ писал:

„Только пролетариат и *крестьянство*[1] могут свергнуть монархию — таково было основное, по тогдашнему времени (имеется в виду 1905 год. *И. Ст.*), определение нашей классовой политики. И это определение было верно. Февраль и март 1917 года лишний раз подтвердили это. Только пролетариат, руководящий *беднейшим крестьянством*[1] (полупролетариями, как говорит наша программа), может кончить войну демократическим миром, залечить ее раны, начать ставшие безусловно необходимыми и *неотложными* шаги к социализму, — таково определение нашей классовой политики теперь“ (см. т. XXI, стр. 111).

Это не следует понимать так, что у нас имеется, будто бы, *теперь* диктатура пролетариата *и* беднейшего крестьянства. Это,

---

[1] Курсив мой. *И. Ст.*

конечно, неверно. Мы шли к Октябрю под лозунгом диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства и осуществили его в Октябре формально, поскольку мы имели блок с левыми эс-эрами и делили руководство с ними, хотя фактически у нас уже тогда была диктатура пролетариата, так как мы, большевики, составляли большинство. Диктатура пролетариата *и* беднейшего крестьянства перестала, однако, существовать формально после лево-эс-эровского „путча", после разрыва блока с левыми эс-эрами, когда руководство перешло *целиком* и *полностью* в руки *одной* партии, в руки нашей партии, которая не делит и не может делить руководства государством с другой партией. Это и называется у нас диктатурой пролетариата.

Наконец, в ноябре 1918 года Ленин, бросая ретроспективный взгляд на пройденный путь революции, писал:

„Да, революция наша буржуазная, *пока* мы идем *вместе* с крестьянством, как *целым*. Это мы яснее ясного сознавали, сотни и тысячи раз с 1905 года говорили, никогда этой необходимой ступени исторического процесса ни перепрыгнуть, ни декретами отменить не пробовали... Но в 1917 году, с *апреля* месяца, *задолго до Октябрьской революции, до взятия*[1] власти *нами*[1], мы говорили открыто и разъясняли народу: остановиться на этом революция теперь не сможет, ибо ушла вперед страна, шагнул вперед капитализм, дошло до невиданных размеров разорение, которое *потребует* (хочет ли этого кто-нибудь или нет), потребует шагов вперед, *к социализму*. Ибо иначе итти вперед, иначе спасать страну, истерзанную войной, иначе *облегчать* муки трудящихся и эксплоатируемых *нельзя*. Вышло именно так, как мы говорили. Ход революции подтвердил правильность нашего рассуждения. *Сначала* вместе со „всем" крестьянством против монархии, против помещиков, против средневековья (и постольку революция остается буржуазной, буржуазно-демократической). *Затем,* вместе с беднейшим крестьянством, вместе с полупролетариатом, вместе со всеми эксплоатируемыми, *против капитализма,* в том числе *против деревенских богатеев, кулаков, спекулянтов*[1], и постольку революция становится *социалистическою*" (см. т. XXIII, стр. 390—391).

Как видите, Ленин неоднократно подчеркивал всю глубину разницы между первым стратегическим лозунгом в период подготовки буржуазно-демократической революции и между вторым стратегическим лозунгом в период подготовки Октября. Там — лозунг: со *всем крестьянством* против самодержавия, здесь — лозунг: с *беднейшим крестьянством* против буржуазии.

Тот факт, что доведение буржуазной революции до конца растянулось на целый период после Октября, что, поскольку мы доводили до конца буржуазную революцию, нам не могло не сочувствовать „все" крестьянство, — этот факт, как я уже говорил выше, ни на иоту не колеблет того основного положения, что к Октябрю мы шли и победили в Октябре вместе с *бедней-*

[1] Курсив мой. *И. Ст.*

шим крестьянством, что свергли власть буржуазии и установили диктатуру пролетариата (одну из задач которой составило доведение до конца буржуазной революции) вместе с *беднейшим крестьянством* при сопротивлении кулачества (тоже крестьяне) и колебаниях со стороны среднего крестьянства.

Кажется, ясно.

3) Вы пишете далее в своем письме:

„Правильно ли утверждение, что *„мы подошли к Октябрю* с лозунгом *союза с деревенской беднотой при нейтрализации середняка"?* Нет, неправильно. По указанным уже выше соображениям и приведенным выдержкам из Ленина видно, что этот лозунг мог возникнуть только тогда, когда „назрело классовое деление внутри крестьянства" (Ленин), т. е. „летом и осенью 1918 г.".

Из этой цитаты выходит, что партия стала на путь нейтрализации середняка не в период подготовки и не во время Октября, а после Октября и особенно после 1918 года, после комбедов. Это *совершенно неверно,* т. Ян — ский. Наоборот, политика нейтрализации середняка не началась, а *кончилась* после комбедов, после 1918 года. Политика нейтрализации середняка была *отменена* (а не введена) в нашей практике именно после 1918 года. Именно после 1918 года, в марте 1919 года, Ленин, открывая VIII съезд нашей партии, сказал:

„Лучшие представители социализма старого времени, — когда они еще верили в революцию и служили ей теоретически и идейно, — говорили о *нейтрализации крестьянства,* т.-е. о том, чтобы сделать из среднего крестьянства если не активно помогающий революции пролетариата, то, по крайней мере, не мешающий ей, нейтральный, не становящийся на сторону наших врагов общественный слой. Эта отвлеченная, теоретическая постановка задачи для нас вполне ясна. *Но она недостаточна*[1]. Мы вошли в *такую стадию социалистического строительства*[1], когда надо выработать конкретно, детально, проверенные на опыте работы в деревне, основные правила и указания, которыми мы должны руководиться для того, чтобы по отношению к среднему крестьянину *стать на почву прочного союза*" (см. т. XXIV, стр. 114).

Получается, как видите, нечто прямо противоположное тому, о чем вы говорите в своем письме, при чем вы переворачиваете здесь нашу *действительную* партийную практику вверх ногами, смешивая *начало* нейтрализации с ее *концом.*

Середняк хныкал и колебался между революцией и контр-революцией, пока свергали буржуазию, пока власть советов не была еще упрочена, ввиду чего и приходилось его нейтрализовать. Середняк стал поворачивать к нам, когда он стал убеждаться, что буржуазия свергнута „всерьез", что власть советов упрочивается,

---

[1] Курсив мой. *И. Ст.*

кулака одолевают, Красная армия начинает побеждать на гражданских фронтах. Именно после такого перелома стал возможен третий стратегический лозунг партии, данный Лениным на VIII съезде партии: опираясь на бедноту и устанавливая прочный союз с середняком — вперед за социалистическое строительство.

Как вы могли забыть этот общеизвестный факт?

Из вашего письма вытекает далее, что политика нейтрализации середняка *при переходе* к пролетарской революции и в *первые дни* после победы этой революции — неправильна, непригодна и, потому, неприемлема. Это *совершенно неверно,* т. Ян — ский. Дело обстоит как раз наоборот. Именно при свержении власти буржуазии и до упрочения власти пролетариата более всего колеблется и сопротивляется середняк. Именно в этот период и необходимы союз с беднотой и нейтрализация середняка.

Настаивая на своей ошибке, вы утверждаете, что вопрос о крестьянстве имеет большое значение не только для нашей страны, но и для других стран, „более или менее напоминающих экономику дооктябрьской России". Это последнее, конечно, верно. Но вот что говорит Ленин в своих тезисах по аграрному вопросу на II конгрессе Коминтерна о политике пролетарских партий в отношении середняка в период взятия власти пролетариатом. Определив беднейшее крестьянство, или, точнее, „трудящиеся и эксплоатируемые массы в деревне", как отдельную группу, состоящую из сельско-хозяйственных рабочих, полупролетариев или парцелльных крестьян и мелкого крестьянства, и перейдя потом к вопросу о среднем крестьянстве, как об особой группе в деревне, Ленин говорит:

„Под „средним крестьянством" в экономическом смысле следует понимать мелких земледельцев, которые владеют, на правах собственности или аренды, тоже небольшими участками земли, но все же такими, которые при капитализме дают, по общему правилу, не только скудное содержание семьи и хозяйства, но и возможность получать известный излишек, способный, по крайней мере в лучшие годы, превратиться в капитал, и которые прибегают довольно часто к найму чужой рабочей силы... Революционный пролетариат не может ставить своей задачей, — по крайней мере *для ближайшего будущего и для начала периода диктатуры пролетариата,* — привлечение этого слоя на свою сторону. Он должен *ограничиться задачей нейтрализовать его,* т.-е. заставить его не оказывать активной поддержки буржуазии в ее борьбе с пролетариатом" (см. Стенографический отчет II конгресса Коминтерна, стр. 610—611).

Как можно после этого утверждать, что политика нейтрализации середняка могла „возникнуть" у нас *„только"* „летом и осенью 1918 года", т. е. *после* решающих успехов в деле упрочения власти советов, власти пролетариата?

Как видите, вопрос о стратегическом лозунге пролетарских партий к моменту перехода к социалистической революции и упрочения власти пролетариата, так же как и вопрос о нейтрализации середняка, не так прост, как вы его представляете.

4) Из всего сказанного выше видно, что приводимые вами цитаты из сочинений Ленина ни в какой мере не могут быть противопоставлены основному лозунгу партии на втором этапе революции, ибо они, эти цитаты: а) трактуют не об основном лозунге партии *перед* Октябрем, а о доведении до конца буржуазной революции *после* Октября, б) они не опровергают, а подтверждают правильность этого лозунга. Я уже говорил выше и вынужден еще раз повторить, что стратегическому лозунгу партии на втором этапе революции, в период *до* взятия власти пролетариатом, главной темой которого является вопрос о власти, нельзя противопоставлять задачу доведения до конца буржуазной революции, проводимую в период *после* взятия власти пролетариатом.

5) Вы говорите об известной статье т. Молотова в „Правде" „О буржуазной революции в нашей стране" (12 марта 1927 г.), которая, оказывается, и „подтолкнула" вас обратиться ко мне за разъяснением. Я не знаю, как вы читаете статьи, т. Ян — ский. Я тоже читал статью т. Молотова и думаю, что она ни в какой мере не противоречит тому, что сказано в моем докладе на XIV съезде нашей партии о лозунгах партии насчет крестьянства. Тов. Молотов трактует в своей статье не об основном лозунге партии в период Октября, а о том, что, поскольку партия после Октября доводила до конца буржуазную революцию, она имела сочувствие всех крестьян. Но я уже говорил выше, что констатирование этого факта не отрицает, а, наоборот, подтверждает правильность того основного положения, что мы свергли власть буржуазии и поставили диктатуру пролетариата вместе с беднейшим крестьянством и при нейтрализации середняка против буржуазии города и деревни, что без этого мы не могли бы довести до конца буржуазную революцию.

„Большевик" № 7—8,
15 апреля 1927 г.

О ЛОЗУНГЕ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА И БЕДНЕЙШЕГО КРЕСТЬЯНСТВА В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ ОКТЯБРЯ

Ответ тов. С. Покровскому

Тов. Покровский!

Я думаю, что ваше письмо от 2 мая с. г. не дает ни повода, ни основания для того, чтобы ответить подробно, так сказать, по всем пунктам. Собственно говоря, оно не дает ничего особенно нового в сравнении с письмом т. Ян—ского. Если я все же отвечаю на ваше письмо, то потому, что оно содержит некоторые элементы прямой реставрации каменевщины периода апрель — май 1917 года. Только для разоблачения этих элементов реставрации каменевщины я считаю нужным ответить коротко на ваше письмо.

1) Вы говорите в своем письме, что „на деле мы имели в период от Февраля до Октября лозунг союза *со всем* крестьянством“, что в „период от Февраля к Октябрю партия отстаивала и защищала свой *старый* лозунг по отношению к крестьянству — союз *со всем* крестьянством в целом“.

Выходит, во-первых, что большевики в период подготовки Октября (апрель — октябрь) не ставили своей задачей проведение борозды между беднейшим крестьянством и между зажиточными крестьянами, а брали крестьянство как целое.

Выходит, во-вторых, что в период подготовки Октября большевики не заменили старого лозунга — „диктатура пролетариата и крестьянства“ — новым лозунгом — „диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства“, а оставались при старых позициях, данных в брошюре Ленина „Две тактики“ в 1905 году.

Выходит, в-третьих, что большевистская политика борьбы с колебаниями и соглашательством советов, в период подготовки Октября (март — октябрь 1917 г.), с колебаниями среднего крестьянства в советах и на фронте, с колебаниями между революцией и контр-революцией, с колебаниями и соглашательством, принявшими особенно острый характер в июльские дни, когда советы во главе с соглашателями из эс-эров и меньшевиков

пошли в ногу с контр-революционными генералами в деле изоляции большевиков, — выходит, что большевистская борьба с этими колебаниями и соглашательством известных слоев крестьянства была беспредметной и абсолютно ненужной.

Выходит, наконец, что Каменев был прав, отстаивая в апреле — мае 1917 года старый лозунг диктатуры пролетариата и крестьянства, а Ленин, считавший этот лозунг уже устаревшим и провозгласивший новый лозунг диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства, был неправ.

Стоит только поставить эти вопросы, чтобы понять всю несообразность всего вашего письма в целом.

Но так как вы являетесь большим любителем отдельных цитат из сочинений Ленина, обратимся к цитатам.

Не нужно большого труда, чтобы доказать, что *новым* в аграрных отношениях России после Февральского переворота с точки зрения дальнейшего развития революции Ленин считал не общность интересов пролетариата и крестьянства в целом, а *раскол* беднейшего крестьянства с зажиточным крестьянством, из коих первое, т. е. беднейшее крестьянство, тянуло к пролетариату, а второе, т. е. зажиточное крестьянство, шло за Временным правительством.

Вот что говорил на этот счет Ленин в *апреле* 1917 года, полемизируя с Каменевым и каменевщиной:

„Непозволительно пролетарской партии возлагать *теперь*[1] надежды на общность интересов с крестьянством“ (см. речь Ленина на апрельской конференции 1917 г., т. XX, стр. 245).

Далее:

„Уже теперь мы видим в решениях ряда крестьянских съездов мысль обождать с разрешением аграрного вопроса до Учредительного Собрания,— это победа *зажиточного крестьянства*[1], склоняющегося к кадетам“ (см. речь Ленина на Петроградской общегородской конференции в апреле 1917 г., т. XX, стр. 176).

Дальше:

„Возможно, что крестьянство возьмет всю землю и всю власть. Я не только не забываю этой возможности, не ограничиваю своего кругозора одним сегодняшним днем, а прямо и точно формулирую аграрную программу с учетом *нового* явления: более глубокого *раскола*[1] батраков и беднейших крестьян с крестьянами-хозяевами“ (см. апрельскую статью Ленина „Письма о тактике“, т. XX, стр. 103).

Вот в чем усматривал Ленин *новое* и *важное* в новой обстановке в деревне *после* Февральской революции.

---

[1] Курсив мой. *И. Ст.*

Вот из чего исходил Ленин при построении политики партии в период после февраля 1917 года.

Из этого положения исходил Ленин, когда он говорил на общегородской Петроградской конференции в апреле 1917 года:

„Только на месте здесь мы уже узнали, что Совет Р. и С. Д. отдал власть Временному Правительству. Совет Р. и С. Д. есть осуществление диктатуры пролетариата и солдат; среди последних большинство крестьян. Это и есть диктатура пролетариата и крестьянства. Но эта „диктатура" вошла в соглашение с буржуазией. Тут и нужен *пересмотр „старого большевизма"*[1] (см. т. XX, стр. 176).

Из этого же положения исходил Ленин, когда он писал в апреле 1917 года:

„Кто говорит *теперь* только о „революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства", тот отстал от жизни, тот в силу этого *перешел* на деле к мелкой буржуазии против пролетарской классовой борьбы, того надо сдать в архив „большевистских" дореволюционных редкостей (можно назвать: архив „старых большевиков")" (см. т. XX, стр. 101).

На этой почве и родился лозунг диктатуры пролетариата и *беднейшего* крестьянства *вместо* старого лозунга — диктатуры пролетариата и крестьянства.

Вы можете сказать, как это и делаете в вашем письме, что это есть троцкистское перепрыгивание через незавершенную еще крестьянскую революцию, но это будет столь же убедительно, сколь убедительно было подобное возражение Каменева, направленное в апреле 1917 года против Ленина. Ленин вполне учитывал такое возражение, когда он сказал:

„Троцкизм — „без царя, а правительство рабочее". Это неверно. Мелкая буржуазия есть, ее выкинуть нельзя. Но у нее две части. *Беднейшая*[1] ее часть идет с рабочим классом" (см. т. XX, стр. 182).

Ошибка т. Каменева, а теперь ваша ошибка, т. Покровский, состоит в неумении подметить и подчеркнуть разницу между двумя частями мелкой буржуазии, в данном случае — крестьянства, в неумении *выделить* беднейшую часть крестьянства из всей массы крестьянства в целом и *построить* на этом политику партии в обстановке перехода от первого этапа революции в 1917 году ко второму ее этапу, в неумении *вывести* из этого новый лозунг, второй стратегический лозунг партии о диктатуре пролетариата и беднейшего крестьянства.

Проследим последовательно практическую историю лозунга „диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства" от апреля до октября 1917 года в трудах Ленина.

---

[1] Курсив мой. *И. Ст.*

Апрель 1917 года:

„Своеобразие текущего момента в России состоит в *переходе* от *первого*[1] этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, — ко *второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и *беднейших слоев крестьянства*“[1] (см. „Апрельские тезисы“ Ленина, т. XX, стр. 88).

Июль 1917 года:

„Революционные рабочие, если их поддержат *беднейшие крестьяне*[1], одни только в состоянии сломить сопротивление капиталистов, повести народ к завоеванию земли без выкупа, к полной свободе, к победе над голодом, к победе над войной, к справедливому и прочному миру“ (см. т. XXI, стр. 77).

Август 1917 года:

„Только пролетариат, руководящий *беднейшим крестьянством*[1] (полупролетариями, как говорит наша программа), может кончить войну демократическим миром, залечить ее раны, начать ставшие безусловно необходимыми и *неотложными* шаги к социализму, — таково определение нашей классовой политики теперь“ (см. т. XXI, стр. 111).

Сентябрь 1917 года:

„Только диктатура пролетариев и *беднейших крестьян*[1] способна сломить сопротивление капиталистов, проявить действительно величественную смелость и решительность власти, обеспечить себе восторженную, беззаветную, истинно героическую поддержку масс и в армии, и в крестьянстве“ (см. т. XXI, стр. 147).

Сентябрь — октябрь 1917 года, брошюра „Удержат ли большевики государственную власть“, где Ленин полемизирует с „Новой Жизнью“:

„*Либо*[1] вся власть буржуазии — этого вы давно не защищаете, и сама буржуазия не смеет даже заикнуться об этом, зная, что уже 20—21 апреля такую власть народ одним движением плеча скинул и скинет теперь втрое решительнее, беспощаднее. *Либо*[1] власть мелкой буржуазии, т. е. коалиция (союз, соглашение) ее с буржуазией, ибо самостоятельно и независимо мелкая буржуазия власти не хочет и *не может* взять, как доказал опыт всех революций, как доказывает и экономическая наука, разъясняющая, что в капиталистической стране можно стоять за капитал, можно стоять за труд, но посередке устоять нельзя. Эта коалиция в России полгода испробовала не десятки способов и провалилась. *Либо*[1], наконец, вся власть пролетариям и *беднейшим крестьянам*[1], против буржуазии, для того, чтобы сломить ее сопротивление. Это еще не испробовано, и это вы, господа из „Новой Жизни“, *отсоветуете* народу, запугивая его вашей собственной запуганностью перед буржуазией. Ничего четвертого и выдумать нельзя“ (см. т. XXI, стр. 275).

Таковы факты.

---

[1] Курсив мой. *И. Ст.*

Все эти факты и события из истории подготовки Октября вы „благополучно“ *обходите*, „благополучно“ *вычеркиваете* из истории большевизма *борьбу* большевиков в период подготовки Октября с *колебаниями* и *соглашательством* „крестьян-хозяев“, сидевших тогда в советах, „благополучно“ *хороните* лозунг Ленина о диктатуре пролетариата и беднейшего крестьянства и воображаете вместе с тем, что это не есть *насилие* над историей, над ленинизмом.

Из этих цитат, количество которых можно было бы увеличить, вы должны видеть, т. Покровский, что большевики брали за исходный пункт после февраля 1917 года не крестьянство в целом, а беднейшую его часть, они шли к Октябрю не под *старым* лозунгом диктатуры пролетариата и крестьянства, а под *новым* лозунгом диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства.

Из этого видно, что большевики проводили этот лозунг в борьбе с колебаниями и соглашательством советов, с колебаниями и соглашательством известной части крестьянства, сидевшей в советах, с колебаниями и соглашательством известных партий мелкобуржуазной демократии, имя которым — эс-эры и меньшевики.

Из этого видно, что без нового лозунга диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства мы не могли бы собрать достаточно мощной политической армии, способной преодолеть соглашательство эс-эров и меньшевиков, нейтрализовать колебания известной части крестьянства, свергнуть буржуазную власть и сделать, таким образом, возможным доведение до конца буржуазной революции.

Из этого видно, что „к Октябрю мы шли и победили в Октябре вместе с беднейшим крестьянством при сопротивлении кулачества (тоже крестьянство) и колебаниях со стороны среднего крестьянства“ (см. мой ответ т. Ян—скому).

Выходит, таким образом, что в апреле 1917 года, как и за весь период подготовки Октября, прав был Ленин, а не Каменев, а вы, т. Покровский, реставрирующий ныне каменевщину, попадаете как будто в не совсем хорошую компанию.

2) В противовес всему сказанному выше вы приводите слова Ленина о том, что в октябре 1917 года мы брали власть при поддержке крестьянства *в целом*. Что мы брали власть при *известной* поддержке крестьянства в целом, это совершенно правильно. Но вы забыли добавить „мелочь“: крестьянство *в целом* поддерживало нас в Октябре, и после Октября, лишь *постольку, поскольку* мы доводили до конца буржуазную революцию. Это очень важная „мелочь“, которая решает в данном случае вопрос. „Забывать“ такую важную „мелочь“ и замазывать, таким образом, важнейший вопрос непозволительно большевику, т. Покровский.

Из вашего письма видно, что вы *противопоставляете* слова

Ленина о поддержке крестьянства *в целом* лозунгу партии о „диктатуре пролетариата и *беднейшего* крестьянства“, данному тем же Лениным. Но для того, чтобы противопоставить эти слова Ленина предыдущим цитатам из сочинений Ленина, для того, чтобы иметь основание опровергнуть предыдущие цитаты Ленина о лозунге диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства приведенными вами словами того же Ленина о крестьянстве в целом, — для этого надо доказать, по крайней мере, две вещи.

Во-первых. Надо доказать, что доведение до конца буржуазной революции является *главным* в Октябрьской революции. Ленин считает, что доведение до конца буржуазной революции является „побочным“ продуктом Октябрьской революции, разрешившей эту задачу „мимоходом“. Надо прежде всего опровергнуть это положение Ленина и доказать, что *главным* в Октябрьской революции является не свержение власти буржуазии и переход власти в руки пролетариата, а доведение до конца буржуазной революции. Попробуйте доказать это, т. Покровский, и тогда я готов признать, что лозунгом партии от апреля до октября 1917 года была у нас не диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства, а диктатура пролетариата и крестьянства. Из вашего письма видно, что вы, не считая возможным взять на себя эту более чем рискованную задачу, пытаетесь, однако, „мимоходом“ доказать, что в одном из важнейших вопросов Октябрьской революции, в вопросе о мире, нас поддерживало будто бы *все* крестьянство в целом. Это, конечно, неверно. Это совершенно неверно, т. Покровский. В вопросе о мире вы сбились на обывательскую точку зрения. На самом деле вопрос о мире был тогда у нас вопросом о власти, ибо только с переходом власти в руки пролетариата можно было рассчитывать на выход из империалистической войны. Вы забыли, должно быть, слова Ленина о том, что „кончить войну можно только переходом власти к другому классу“, что „долой войну — не значит бросание штыка, это значит переход власти к другому классу“ (см. речь Ленина на Петроградской общегородской конференции в апреле 1917 г., т. XX, стр. 181 и 178).

Итак, одно из двух: либо вы должны доказать, что *главным* в Октябрьской революции является доведение до конца буржуазной революции, либо вы этого не докажете, — и тогда сам собою напрашивается вывод о том, что крестьянство *в целом* могло нас поддерживать в Октябре лишь постольку, *поскольку* мы доводили до конца буржуазную революцию.

Во-вторых. Вы должны доказать, что большевики могли добиться поддержки крестьянства в целом в Октябре и после Октября, поскольку они доводили до конца буржуазную революцию, *без* систематического проведения лозунга диктатуры пролетариата

и *беднейшего* крестьянства за весь период подготовки Октября, *без* систематической борьбы с соглашательством мелко-буржуазных партий, вытекающей из этого лозунга, *без* систематического разоблачения колебаний известных слоев крестьянства и их представителей в советах, вытекающего из того же лозунга. Попробуйте доказать это, т. Покровский. В самом деле, почему нам удалось обеспечить себе поддержку крестьянства в целом в Октябре и после Октября? Потому, что мы получили возможность довести до конца буржуазную революцию. Почему мы получили такую возможность? Потому, что нам удалось свергнуть буржуазную власть и заменить ее властью пролетариата, которая только и способна довести до конца буржуазную революцию. Почему нам удалось свергнуть власть буржуазии и поставить власть пролетариата? Потому, что мы вели подготовку Октября под лозунгом диктатуры пролетариата и *беднейшего* крестьянства, потому, что, исходя из этого лозунга, мы вели систематическую борьбу с соглашательством мелко-буржуазных партий, потому, что, исходя из этого лозунга, мы вели систематическую борьбу с колебаниями среднего крестьянства в советах, потому, что *только при таком лозунге* мы могли преодолеть колебания середняка, разбить соглашательство мелко-буржуазных партий и собрать такую политическую армию, которая способна повести борьбу за переход власти в руки пролетариата. Едва ли нужно доказывать, что без этих предварительных условий, определивших судьбу Октябрьской революции, мы не могли бы добиться поддержки крестьянства *в целом* ни в Октябре, ни после Октября.

Вот как надо понимать, т. Покровский, соединение крестьянских войн с пролетарской революцией.

Вот почему *противопоставлять* поддержку крестьянства в целом в Октябре и после Октября факту подготовки Октября под лозунгом диктатуры пролетариата и *беднейшего* крестьянства — значит *ничего не понять в ленинизме.*

Основная ваша ошибка состоит в том, что вы не поняли, т. Покровский, ни факта переплетения в ходе Октябрьской революции задач *социалистических* с задачами доведения до конца *буржуазной* революции, ни механики претворения в жизнь отдельных требований Октябрьской революции, вытекающих из второго стратегического лозунга партии о диктатуре пролетариата и беднейшего крестьянства.

Читая ваше письмо, можно подумать, что не мы взяли крестьянство на службу пролетарской революции, а, наоборот, „крестьянство в целом“, включая и кулачество, взяло на службу себе большевиков. Плохи были бы дела большевиков, если бы они так легко „поступали“ на службу к непролетарским классам.

Каменевщина периода апреля 1917 года — вот что тянет вас за ноги, т. Покровский.

3) Вы утверждаете, что Сталин не видит разницы между обстановкой 1905 г. и обстановкой к февралю 1917 года. Это, конечно, несерьезно. Я этого не говорил и говорить не мог. Я говорил в своем письме лишь о том, что лозунг партии о диктатуре пролетариата и крестьянства, данный в 1905 году, получил свое подтверждение в Февральской революции 1917 года. И это, конечно, верно. Так именно и рисовал Ленин положение в своей статье „Крестьяне и рабочие“ в августе 1917 года:

„Только пролетариат и крестьянство могут свергнуть монархию — таково было основное, по тогдашнему времени (имеется в виду 1905 год. *И. Ст.*), определение нашей классовой политики. И это определение было верно. *Февраль и март 1917 года лишний раз подтвердили это*[1]“ (см. т. XXI, стр. 111).

Вы просто изволите придираться, не в меру „диалектический“ товарищ.

4) Вы пытаетесь, далее, изобличить Сталина в противоречиях, противопоставляя его тезису о соглашательстве середняка *до Октября* цитату из брошюры Сталина „Вопросы ленинизма“, где говорится о возможности строительства социализма совместно с средним крестьянством *после упрочения диктатуры пролетариата*. Не нужно большого труда, чтобы доказать абсолютную ненаучность такого отождествления двух различных явлений. Середняк перед Октябрем, когда у власти стояла буржуазия, и середняк после упрочения диктатуры пролетариата, когда буржуазия уже экспроприирована, кооперация развилась и основные средства производства сосредоточены в руках пролетариата, — две вещи разные. Отождествлять эти два рода середняка и ставить их на одну доску, — это значит рассматривать явления вне связи с исторической обстановкой и растерять все перспективы. Это нечто вроде зиновьевской манеры цитирования с перепутыванием всех дат и периодов. Если это называется „революционной диалектикой“, то надо признать, что т. Покровский побил все рекорды „диалектического“ крючкотворства.

5) Остальных вопросов не касаюсь, так как считаю, что они уже исчерпаны в переписке с т. Ян — ским.

20 мая 1927 г.

[1] Курсив мой. *И. Ст.*

БЕСЕДА С ПЕРВОЙ АМЕРИКАНСКОЙ РАБОЧЕЙ ДЕЛЕГАЦИЕЙ

9 сентября 1927 г.

I

ВОПРОСЫ ДЕЛЕГАЦИИ И ОТВЕТЫ ТОВ. СТАЛИНА

1-й ВОПРОС. Какие новые принципы были практически прибавлены Лениным и компартией к марксизму? Было ли бы правильным сказать, что Ленин верил в „творческую революцию", тогда как Маркс был более склонен ожидать кульминационного развития экономических сил?

ОТВЕТ. Я думаю, что никаких „новых принципов" Ленин не „прибавлял" к марксизму, так же как Ленин не отменял ни одного из „старых" принципов марксизма. Ленин был и остается самым верным и последовательным учеником Маркса и Энгельса, целиком и полностью опирающимся на принципы марксизма. Но Ленин не был только лишь исполнителем учения Маркса — Энгельса. Он был вместе с тем продолжателем учения Маркса и Энгельса. Что это значит? Это значит, что он развил дальше учение Маркса — Энгельса применительно к новым условиям развития, применительно к новой фазе капитализма, применительно к империализму. Это значит, что, развивая дальше учение Маркса в новых условиях классовой борьбы, Ленин внес в общую сокровищницу марксизма нечто новое в сравнении с тем, что дано Марксом и Энгельсом, в сравнении с тем, что могло быть дано в период доимпериалистического капитализма, при чем это новое, внесенное Лениным в сокровищницу марксизма, базируется целиком и полностью на принципах, данных Марксом и Энгельсом. В этом смысле и говорится у нас о ленинизме, как марксизме эпохи империализма и пролетарских революций. Вот несколько вопросов, в области которых Ленин дал нечто новое, развивая дальше учение Маркса.

Во-первых, вопрос о монополистическом капитализме, об империализме, как новой фазе капитализма. Маркс и Энгельс дали

в „Капитале“ анализ основ капитализма. Но Маркс и Энгельс жили в период господства домонополистического капитализма, в период плавного эволюционирования капитализма и его „мирного“ распространения на весь земной шар. Эта старая фаза кончилась к концу XIX и к началу XX столетия, когда Маркса и Энгельса не было уже в живых. Понятно, что Маркс и Энгельс могли лишь догадываться о тех новых условиях развития капитализма, которые наступили в связи с новой фазой капитализма, пришедшей на смену старой фазе, в связи с империалистической, монополистической фазой развития, когда плавное эволюционирование капитализма сменилось скачкообразным, катастрофическим развитием капитализма, когда неравномерность развития и противоречия капитализма выступили с особой силой, когда борьба за рынки сбыта и вывоза капитала в условиях крайней неравномерности развития сделала неизбежными периодические империалистические войны на предмет периодических переделов мира и сфер влияния. Заслуга Ленина и, стало быть, новое у Ленина состоит здесь в том, что он, опираясь на основные положения „Капитала“, дал обоснованный марксистский анализ империализма, как последней фазы капитализма, вскрыв его язвы и условия его неизбежной гибели. На базе этого анализа возникло известное положение Ленина о том, что в условиях империализма возможна победа социализма в отдельных, отдельно взятых, капиталистических странах.

Во-вторых, вопрос о диктатуре пролетариата. Основную идею диктатуры пролетариата, как политического господства пролетариата и как метода свержения власти капитала путем насилия, дали Маркс и Энгельс. Новое у Ленина состоит в этой области в том, что: а) он открыл Советскую власть, как государственную форму диктатуры пролетариата, использовав для этого опыт Парижской Коммуны и русской революции; б) он раскрыл скобки в формуле диктатуры пролетариата под углом зрения проблемы о союзниках пролетариата, определив диктатуру пролетариата, как особую форму классового союза пролетариата, являющегося руководителем, с эксплоатируемыми массами непролетарских классов (крестьянства и пр.), являющимися руководимыми; в) он подчеркнул с особой силой тот факт, что диктатура пролетариата является высшим типом демократии при классовом обществе, формой *пролетарской* демократии, выражающей интересы большинства (эксплоатируемых), — в противовес демократии *капиталистической*, выражающей интересы меньшинства (эксплоататоров).

В-третьих, вопрос о формах и способах успешного строительства социализма в период диктатуры пролетариата, в период переходный от капитализма к социализму, в стране, окруженной капиталистическими государствами. Маркс и Энгельс рассматривали

период диктатуры пролетариата, как период более или менее длительный, полный революционных схваток и гражданских войн, в продолжение которого пролетариат, находясь у власти, принимает меры экономического, политического, культурного и организационного характера, необходимые для того, чтобы вместо старого капиталистического общества создать новое социалистическое общество, общество без классов, общество без государства. Ленин стоял целиком и полностью на почве этих основных положений Маркса и Энгельса. Новое у Ленина в этой области состоит в том, что: а) он обосновал возможность построения полного социалистического общества в стране диктатуры пролетариата, окруженной империалистическими государствами, при условии, что эта страна не будет задушена военной интервенцией окружающих капиталистических государств; б) он наметил конкретные пути экономической политики („новая экономическая политика"), при помощи которых пролетариат, имея в руках экономические командные высоты (промышленность, землю, транспорт, банки и т. п.), смыкает социализированную индустрию с сельским хозяйством („смычка индустрии с крестьянским хозяйством") и ведет, таким образом, все народное хозяйство к социализму; в) он наметил конкретные пути постепенного подвода и вовлечения основных масс крестьянства в русло социалистического строительства через кооперацию, представляющую в руках пролетарской диктатуры величайшее средство переделки мелкого крестьянского хозяйства и перевоспитания основных масс крестьянства в духе социализма.

В-четвертых, вопрос о гегемонии пролетариата в революции, во всякой народной революции, как в революции против царизма, так и в революции против капитализма. Маркс и Энгельс дали основные наброски идеи гегемонии пролетариата. Новое у Ленина состоит здесь в том, что он развил дальше и развернул эти наброски в стройную систему гегемонии пролетариата, в стройную систему руководства пролетариата трудящимися массами города и деревни не только в деле свержения царизма и капитализма, но и в деле социалистического строительства при диктатуре пролетариата. Известно, что идея гегемонии пролетариата получила, благодаря Ленину и его партии, мастерское применение в России. Этим, между прочим, объясняется тот факт, что революция в России привела к власти пролетариата. Раньше обычно дело происходило таким образом, что рабочие дрались во время революции на баррикадах, они проливали кровь, они свергали старое, а власть попадала в руки буржуа, которые угнетали и эксплоатировали потом рабочих. Так было дело в Англии и во Франции. Так было дело в Германии. У нас, в России, дело приняло другой оборот. У нас рабочие представляли не только ударную силу революции.

Будучи ударной силой революции, русский пролетариат старался вместе с тем быть гегемоном, политическим руководителем всех эксплоатируемых масс города и деревни, сплачивая их вокруг себя, отрывая их от буржуазии, изолируя политически буржуазию. Будучи же гегемоном эксплоатируемых масс, русский пролетариат все время боролся за то, чтобы захватить власть в свои руки и использовать ее в своих собственных интересах, против буржуазии, против капитализма. Этим собственно и объясняется, что каждое мощное выступление революции в России, как в октябре 1905 года, так и в феврале 1917 г., выдвигало на сцену советы рабочих депутатов, как зародыши нового аппарата власти, призванного подавлять буржуазию, — в противовес буржуазному парламенту, как старому аппарату власти, призванному подавлять пролетариат. Дважды пыталась у нас буржуазия восстановить буржуазный парламент и положить конец советам: в августе 1917 г., во время „Предпарламента", до взятия власти большевиками, и в январе 1918 г. во время „Учредительного Собрания", после взятия власти пролетариатом, — и каждый раз терпела поражение. Почему? Потому, что буржуазия была уже изолирована политически, миллионные массы трудящихся считали пролетариат единственным вождем революции, а советы были уже проверены и испытаны массами, как своя рабочая власть, променять которую на буржуазный парламент было бы для пролетариата самоубийством. Не удивительно поэтому, что буржуазный парламентаризм не привился у нас. Вот почему революция привела в России к власти пролетариата. Таковы результаты проведения в жизнь ленинской системы гегемонии пролетариата в революции.

В-пятых, вопрос национально-колониальный. Маркс и Энгельс, анализируя в свое время события в Ирландии, в Индии, в Китае, в странах Центральной Европы, в Польше, в Венгрии, — дали основные, отправные идеи по национально-колониальному вопросу. Ленин в своих трудах базировался на этих идеях. Новое у Ленина в этой области состоит в том, что: а) он собрал воедино эти идеи в стройную систему взглядов о национально-колониальных революциях в эпоху империализма; б) связал национально-колониальный вопрос с вопросом о свержении империализма; в) объявил национально-колониальный вопрос составной частью общего вопроса о международной пролетарской революции.

Наконец, вопрос о партии пролетариата. Маркс и Энгельс дали основные наброски о партии, как передовом отряде пролетариата, без которой (без партии) пролетариат не может добиться своего освобождения ни в смысле взятия власти, ни в смысле переустройства капиталистического общества. Новое у Ленина в этой области состоит в том, что он развил дальше эти наброски применительно

к новым условиям борьбы пролетариата в период империализма, показав, что: а) партия есть высшая форма классовой организации пролетариата в сравнении с другими формами организации пролетариата (профсоюзы, кооперация, государственная организация), работу которых призвана она обобщать и направлять; б) диктатура пролетариата может быть осуществлена лишь через партию, как ее направляющую силу; в) диктатура пролетариата может быть полной лишь в том случае, если ею руководит одна партия, партия коммунистов, которая не делит и не должна делить руководство с другими партиями; г) без железной дисциплины в партии не могут быть осуществлены задачи диктатуры пролетариата по подавлению эксплоататоров и перестройке классового общества в общество социалистическое.

Вот в основном то новое, что дал Ленин в своих трудах, конкретизируя и развивая дальше учение Маркса применительно к новым условиям борьбы пролетариата в период империализма.

Поэтому и говорят у нас, что ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарских революций.

Из этого видно, что ленинизм нельзя ни отделять от марксизма, ни тем более противопоставлять марксизму.

В вопросе делегации сказано далее: „Было ли бы правильным сказать, что Ленин верил в „творческую революцию", тогда как Маркс был более склонен ожидать кульминационного развития экономических сил?" Я думаю, что сказать так было бы совершенно неправильно. Я думаю, что всякая народная революция, если она является действительно народной революцией, есть революция творческая, ибо она ломает старый уклад и творит, создает новый. Конечно, не может быть ничего творческого в таких, с позволения сказать, „революциях", какие бывают иногда, скажем, в Албании в виде игрушечных „восстаний" одних племен против других. Но такие игрушечные „восстания" никогда не считались марксистами революцией. Речь идет, очевидно, не о таких „восстаниях", а о массовой народной революции, подымающей угнетенные классы против классов-угнетателей. А такая революция не может не быть творческой. Маркс и Ленин стояли именно за такую революцию, — и только за такую. При этом понятно, что такая революция не может возникнуть при любых условиях, что она может разыграться лишь при определенных благоприятных условиях экономического и политического порядка.

2-й ВОПРОС. Можно ли сказать, что компартия контролирует правительство?

ОТВЕТ. Все зависит от того, как понимать контроль. В капиталистических странах контроль понимается несколько своеобразно.

Я знаю, что целый ряд капиталистических правительств контролируется крупнейшими банками, несмотря на существование „демократических“ парламентов. Парламенты уверяют, что именно они контролируют правительства. А на деле получается, что состав правительств предопределяется и их действия контролируются крупнейшими финансовыми консорциумами. Кому не известно, что ни в одной капиталистической „державе“ не может быть сформирован кабинет против воли крупнейших финансовых тузов: стоит только произвести финансовый нажим, — и министры летят со своих постов, как оглашенные. Это есть действительно контроль банков над правительствами, вопреки мнимому контролю парламентов. Если речь идет о таком контроле, то я должен заявить, что контроль денежных мешков над правительством у нас немыслим и совершенно исключен, хотя бы потому, что банки у нас давно уже национализированы, а денежные мешки вышиблены вон из СССР.

Может быть, делегация хотела спросить не о контроле, а о руководстве партии в отношении правительства? Если делегация хотела спросить об этом, то я отвечаю: да, партия у нас руководит правительством. А руководство это удается потому, что партия пользуется у нас доверием большинства рабочих и трудящихся вообще и она имеет право руководить органами правительства от имени этого большинства.

В чем выражается руководство правительством со стороны рабочей партии СССР, со стороны коммунистической партии СССР?

Прежде всего в том, что на основные посты государственной работы в нашей стране компартия старается проводить через советы и их съезды своих кандидатов, своих лучших работников, преданных делу пролетариата и готовых служить пролетариату верой и правдой. И это ей удается в громадном большинстве случаев, так как рабочие и крестьяне относятся к партии с доверием. Это не случайность, что руководителями органов власти у нас являются коммунисты, что они, эти руководители, пользуются громадным авторитетом в стране.

Во-вторых, в том, что партия проверяет работу органов управления, работу органов власти, исправляя ошибки и недочеты, без которых не обходится, помогая им проводить решения правительства и стараясь обеспечить им поддержку масс, при чем ни одно важное решение не принимается ими без соответствующих указаний партии.

В-третьих, в том, что при выработке плана работы тех или иных органов власти по линии ли промышленности и сельского хозяйства, или по линии торговли и культурного строительства партия дает общие руководящие указания, определяющие харак-

тер и направление работы этих органов за время действия этих планов.

Буржуазная пресса обычно выражает „удивление“ по поводу такого „вмешательства“ партии в дела государства. Но „удивление“ это насквозь фальшиво. Известно, что в капиталистических странах точно так же „вмешиваются“ в дела государства буржуазные партии и руководят правительствами, при чем руководство сосредоточивается там в руках узкого круга лиц, связанных так или иначе с крупными банками и старающихся, ввиду этого, скрывать от населения свою роль. Кому не известно, что у каждой буржуазной партии в Англии или в других капиталистических странах имеется свой тайный кабинет из узкого круга лиц, сосредоточивающих в своих руках руководство? Вспомните хотя бы известную речь Ллойд-Джорджа о „теневом“ кабинете у либеральной партии. Разница в этом отношении между страной советов и капиталистическими странами состоит в том, что: а) в странах капитализма буржуазные партии руководят государством в интересах буржуазии и против пролетариата, тогда как в СССР компартия руководит государством в интересах пролетариата и против буржуазии; б) буржуазные партии скрывают от народа свою руководящую роль, прибегая к помощи подозрительных тайных кабинетов, тогда как компартия в СССР не нуждается ни в каких тайных кабинетах, она клеймит политику и практику тайных кабинетов и открыто заявляет перед всей страной, что она берет на себя ответственность за руководство государством.

Один из делегатов. На тех же основаниях руководит партия профсоюзами?

Сталин. В основном — да. Формально профсоюзам партия не может давать никаких директив. Но партия дает директивы коммунистам, работающим в профсоюзах. Известно, что в профсоюзах имеются фракции коммунистов, так же как и в советах, кооперации и т. д. Обязанность этих коммунистических фракций состоит в том, чтобы добиваться путем убеждения в органах профсоюзов, советов, кооперации и т. д. таких решений, которые соответствуют директивам партии. И это им удается осуществлять в громадном большинстве случаев, так как влияние партии в массах громадно, и она пользуется там большим доверием. Этим путем достигается единство действий самых разнообразных организаций пролетариата. Без этого мы имели бы разброд и разнобой в работе этих организаций рабочего класса.

3-й ВОПРОС. Поскольку в России легальна только одна партия, откуда вы знаете, что массы сочувствуют коммунизму?

ОТВЕТ. Это верно, что в СССР нет легальных буржуазных

партий, что легальностью пользуется там только одна партия, партия рабочих, партия коммунистов. Есть ли у нас, однако, пути и средства убедиться в том, что большинство рабочих, большинство трудящихся масс сочувствует коммунистам? Речь идет, конечно, о рабочих и крестьянских массах, а не о новой буржуазии, а не об обломках старых эксплоататорских классов, разбитых уже пролетариатом. Да, у нас есть возможность, у нас есть пути и средства узнать — сочувствуют коммунистам рабочие и крестьянские массы или не сочувствуют. Возьмем важнейшие моменты в жизни нашей страны и посмотрим, есть ли основание утверждать, что массы действительно сочувствуют коммунистам.

Возьмем, прежде всего, такой важный момент, как период Октябрьского переворота в 1917 году, когда партия коммунистов, именно как партия, открыто звала рабочих и крестьян к низвержению власти буржуазии и когда она, эта партия, получила поддержку громадного большинства рабочих, солдат и крестьян. Какова была тогда обстановка? У власти стояли социалисты-революционеры (эсэры) и социал-демократы (меньшевики), блокировавшиеся с буржуазией. Аппарат власти в центре и на местах, так же, как аппарат командования двенадцатимиллионной армией, находился в руках этих партий, в руках правительства. Партия коммунистов находилась в полулегальном состоянии. Буржуа всех стран пророчили неминуемый провал партии большевиков. Антанта стояла целиком и полностью за правительство Керенского. Тем не менее партия коммунистов, партия большевиков, не переставала призывать пролетариат к свержению этого правительства и к установлению диктатуры пролетариата. И что же? Громадное большинство трудящихся масс в тылу и на фронте самым решительным образом поддержало партию большевиков, — и правительство Керенского было свергнуто, власть пролетариата была установлена. Как могло случиться, что большевики оказались тогда победителями, несмотря на враждебные пророчества буржуа всех стран о гибели партии большевиков? Не доказывает ли это обстоятельство, что широкие массы трудящихся сочувствуют партии большевиков? Я думаю, что доказывает. Вот вам первая проверка авторитета и влияния партии коммунистов среди широких масс населения.

Возьмем следующий период, период интервенции, период гражданской войны, когда английские капиталисты оккупировали север России, район Архангельска и Мурмана, когда американские, английские, японские и французские капиталисты оккупировали Сибирь, выдвинув вперед Колчака, когда французские и английские капиталисты предприняли шаги по оккупации „Юга России“, подняв

на юг Деникина и Врангеля. Это была война Антанты и контрреволюционных генералов России против коммунистического правительства в Москве, против октябрьских завоеваний нашей революции. Это был период величайшей проверки силы и устойчивости партии коммунистов в широких массах рабочих и крестьян. И что же? Разве не известно, что в результате гражданской войны оккупанты были выброшены вон из России, а контр-революционные генералы были перебиты Красной армией. Вот тут-то и оказалось, что судьбы войны решаются, в последнем счете, не техникой, которой обильно снабжали Колчака и Деникина враги СССР, а правильной политикой, сочувствием и поддержкой миллионных масс населения. Случайно ли, что партия большевиков оказалась тогда победительницей? Конечно, не случайно. Не говорит ли это обстоятельство о том, что партия коммунистов пользуется у нас сочувствием широких масс трудящихся? Я думаю, что говорит. Вот вам вторая проверка силы и устойчивости коммунистической партии в СССР.

Перейдем к нынешнему периоду, к периоду послевоенному, когда на очередь стали вопросы мирного строительства, когда полоса хозяйственной разрухи сменилась полосой восстановления индустрии, наконец, полосой перестройки всего нашего народного хозяйства на новой технической базе. Есть ли у нас теперь пути и средства для проверки силы и устойчивости партии коммунистов, для определения степени сочувствия широких масс трудящихся этой партии? Я думаю, что есть.

Возьмем прежде всего профсоюзы, объединяющие около 10 миллионов пролетариев, посмотрим состав руководящих органов наших профсоюзов. Случайно ли, что во главе этих органов стоят коммунисты? Конечно, не случайно. Было бы глупо думать, что рабочие СССР относятся безразлично к составу руководящих органов профсоюзов. Рабочие СССР выросли и воспитались в буре трех революций. Они научились, как никто, проверять своих руководителей и вышибать их вон, если они не удовлетворяют интересам пролетариата. Самым популярным человеком в нашей партии был одно время Плеханов. Однако, рабочие не остановились перед тем, чтобы решительно изолировать его, когда они убедились в отходе Плеханова от пролетарской линии. И если такие рабочие выражают свое полное доверие коммунистам, выдвигая их на ответственные посты в профсоюзах, то это не может не служить прямым указанием на то, что сила и устойчивость коммунистической партии среди рабочих СССР — громадны. Вот вам проверка того, что широкие массы рабочих безусловно сочувствуют партии коммунистов.

Возьмем последние выборы в советы. Правом выбора в советы

пользуется у нас все взрослое население СССР, начиная с 18-летнего возраста, без различия пола и национальности, минус буржуазные элементы, эксплоатирующие чужой труд и лишенные избирательных прав. Это составляет около 60 миллионов избирателей. Громадное большинство из них, конечно, крестьяне. Из этих 60 миллионов избирательные права осуществили около 51 проц., т. е. свыше 30 миллионов. Просмотрите теперь состав руководящих органов наших советов в центре и на местах. Можно ли назвать случайностью тот факт, что громадное большинство выборных руководящих элементов составляют коммунисты? Ясно, что нельзя назвать это случайностью. Не говорит ли этот факт о том, что коммунистическая партия пользуется доверием среди миллионных масс крестьянства? Я думаю, что говорит. Вот вам еще одна проверка силы и устойчивости коммунистической партии.

Возьмем Комсомол (коммунистический союз молодежи), объединяющий около 2 миллионов рабочей и крестьянской молодежи. Можно ли назвать случайностью тот факт, что громадное большинство выборных руководящих элементов Комсомола составляют коммунисты? Я думаю, что нельзя назвать это случайностью. Вот вам еще одна проверка силы и авторитета коммунистической партии.

Возьмем, наконец, наши бесчисленные конференции, совещания, делегатские собрания и т. д., охватывающие миллионные массы трудящихся мужчин и женщин, рабочих и работниц, крестьян и крестьянок всех и всяких национальностей, входящих в состав СССР. Об этих совещаниях и конференциях на Западе иногда иронизируют, утверждая, что русские любят вообще поговорить. А между тем для нас эти совещания и конференции имеют громадное значение как в смысле проверки настроения масс, так и в смысле выявления наших ошибок и намечения способов устранения этих ошибок, ибо ошибок у нас немало, и мы их не скрываем, полагая, что выявление ошибок и честное исправление их является лучшим способом улучшения руководства страной. Просмотрите речи ораторов на этих конференциях и совещаниях, просмотрите деловые и бесхитростные замечания этих „простых людей“ из рабочих и крестьян, просмотрите их решения, — и вы увидите, до чего громадны влияние и авторитет коммунистической партии, вы увидите, что этому влиянию и этому авторитету могла бы позавидовать любая партия в мире. Вот вам еще проверка устойчивости коммунистической партии.

Таковы пути и способы, дающие возможность проверить силу и влияние коммунистической партии среди народных масс.

Вот откуда мне известно, что широкие массы рабочих и крестьян СССР сочувствуют коммунистической партии.

4-й ВОПРОС. Если бы беспартийная группа организовала фракцию и выдвинула бы на выборах своих кандидатов, стоящих на платформе поддержки советского правительства, но вместе с тем требовала бы отмены монополии внешней торговли, — могли ли бы они иметь свои средства и вести активную политическую кампанию?

ОТВЕТ. Я думаю, что в этом вопросе имеется непримиримое противоречие. Невозможно представить группу, которая бы стояла на платформе поддержки советского правительства и вместе с тем требовала бы отмены монополии внешней торговли. Почему? Потому, что монополия внешней торговли есть одна из незыблемых основ „платформы“ советского правительства. Потому, что группа, требующая отмены монополии внешней торговли, не может стоять за поддержку советского правительства. Потому, что такая группа может быть лишь группой, глубоко враждебной всему советскому строю.

В СССР имеются, конечно, элементы, требующие отмены монополии внешней торговли. Это — нэпманы, кулаки, осколки уже разбитых эксплоататорских классов и т. д. Но эти элементы составляют ничтожное меньшинство населения. Я думаю, что не об этих элементах говорит делегация в своем вопросе. Если же речь идет о рабочих и трудовых массах из крестьян, то я должен сказать, что требование отмены монополии внешней торговли могло бы вызвать среди них лишь хохот и враждебное отношение.

В самом деле, что могло бы означать для рабочих уничтожение монополии внешней торговли? Это означало бы для них отказ от индустриализации страны, от постройки новых заводов и фабрик, от расширения старых заводов и фабрик. Это означало бы для них наводнение СССР товарами из капиталистических стран, свертывание нашей индустрии в силу ее относительной слабости, умножение числа безработных, ухудшение материального положения рабочего класса, ослабление его экономических и политических позиций. Это означало бы, в конечном счете, усиление нэпмана и вообще новой буржуазии. Может ли пойти на это самоубийство пролетариат СССР? Ясно, что не может.

А что означало бы для трудовых масс крестьянства уничтожение монополии внешней торговли? Оно означало бы превращение нашей страны из страны самостоятельной в страну полуколониальную и обнищание крестьянских масс. Оно означало бы возврат к тому режиму „свободной торговли“, который царил при Колчаке и Деникине, когда соединенным силам контр-революционных генералов и „союзников“ вольготно было грабить и обирать многомиллионное крестьянство. Оно означало бы, в конечном счете, усиление кулаков и прочих эксплоататорских

элементов в деревне. Крестьяне достаточно испытали прелести этого режима на Украине и на Северном Кавказе, на Волге и в Сибири. Какие имеются основания предполагать, что они захотят вновь влезть в эту петлю? Разве не ясно, что трудовые массы крестьянства не могут стоять за уничтожение монополии внешней торговли?

Один из делегатов. Делегация выдвинула пункт относительно монополии внешней торговли, относительно ее отмены, как пункт, на котором могла бы организоваться целая группа населения, если бы не было в СССР монополии одной партии, монополии на легальность.

Сталин. Делегация, таким образом, возвращается к вопросу о монополии коммунистической партии, как единственно легальной партии в СССР. Краткий ответ на этот вопрос я уже дал, когда говорил о путях и способах проверки сочувствия миллионных масс рабочих и крестьян к коммунистической партии. Что касается других слоев населения, кулаков, нэпманов, остатков старых разбитых эксплоататорских классов, то они лишены у нас права иметь свою политическую организацию, так же, как лишены они избирательных прав. Пролетариат отобрал у буржуазии не только фабрики и заводы, банки и железные дороги, землю и шахты. Он отобрал еще у нее право иметь свою политическую организацию, ибо пролетариат не хочет восстановления власти буржуазии. Делегация, видимо, не имеет возражений против того, что пролетариат СССР отобрал у буржуазии и помещиков фабрики и заводы, землю и железные дороги, банки и шахты. *(Смех.)* Но делегация, как мне кажется, несколько недоумевает по поводу того, что пролетариат не ограничился этим и пошел дальше, отобрав у буржуазии политические права. Это, по-моему, не совсем логично или, вернее, совсем нелогично. На каком основании требуют от пролетариата великодушия в отношении буржуазии? Разве буржуазия на Западе, находясь у власти, проявляет хотя бы малейшее великодушие в отношении рабочего класса? Разве она не загоняет в подполье подлинно революционные партии рабочего класса? На каком основании требуют от пролетариата СССР великодушия к своему классовому врагу? Я думаю, что логика обязывает. Тот, кто думает о возможности возвращения буржуазии ее политических прав, тот должен, если он хочет быть логичным, пойти дальше и поставить вопрос также о возвращении буржуазии фабрик и заводов, железных дорог и банков.

Один из делегатов. Задачей делегации было выяснить, каким образом могут мнения в рабочем классе и в крестьянстве, отличные от мнений компартии, найти свое легальное выражение. Неправильно было бы понимать дело таким образом, что делегация

интересуется вопросом о предоставлении политических прав буржуазии, о том, как буржуазия может найти легальное выражение для выявления своих мнений. Речь идет именно о том, каким образом могут мнения в рабочем классе и крестьянстве, отличные от мнений компартии, найти свое легальное выражение.

Другой делегат. Эти отличные мнения могли бы найти свое выражение в массовых организациях рабочего класса, в профсоюзах и проч.

Сталин. Очень хорошо. Стало быть, речь идет не о восстановлении политических прав буржуазии, а о борьбе мнений внутри рабочего класса и крестьянства. Имеет ли место борьба мнений среди рабочих и трудовых масс крестьянства в настоящее время? Безусловно, имеет. Не может быть, чтобы миллионы рабочих и крестьян одинаково мыслили. Этого в жизни не бывает. Во-первых, есть большая разница между рабочими и крестьянами и в смысле их экономического положения, и в смысле их взглядов на те или иные вопросы. Во-вторых, существуют некоторые различия во взглядах в самом рабочем классе, различие воспитания, различие возрастов, темперамента, различие между коренными рабочими и между рабочими, пришлыми из деревни, и т. д. Все это ведет к борьбе мнений среди рабочих и трудовых масс крестьянства, которая получает свое легальное выражение на собраниях, в профсоюзах, в кооперации, во время выборов в советы и т. д.

Но между борьбой мнений теперь, в условиях пролетарской диктатуры, и борьбой мнений в прошлом, до Октябрьской революции, существует коренная разница. Тогда, в прошлом, борьба мнений среди рабочих и трудовых крестьян сосредоточивалась, главным образом, на вопросах свержения помещиков, царизма, буржуазии, на сломе буржуазных порядков. Теперь, в условиях диктатуры пролетариата, борьба мнений идет не вокруг вопросов о свержении Советской власти, о сломе советских порядков, а вокруг вопросов об улучшении органов Советской власти, об улучшении их работы. Тут есть коренная разница. Нет ничего удивительного в том, что борьба мнений вокруг вопроса о революционном сломе существующих порядков давала в прошлом основание для появления нескольких конкурирующих между собой партий внутри рабочего класса и трудовых масс крестьянства. Эти партии были: партия большевиков, партия меньшевиков, партия эс-эров. С другой стороны, весьма нетрудно понять и то, что борьба мнений теперь, при диктатуре пролетариата, имеющая своей целью не слом существующих советских порядков, а их улучшение и упрочение, не дает пищи для существования нескольких партий среди рабочих и трудовых масс деревни.

Вот почему легальность одной лишь партии, партии коммунистов, монополия этой партии, не только не вызывает возражений среди рабочих и трудящихся крестьян, а, наоборот, воспринимается как нечто необходимое и желательное.

Положение нашей партии, как единственно легальной партии в стране (монополия компартии), не есть нечто искусственное и нарочито выдуманное. Такое положение не может быть создано искусственно, путем административных махинаций и т. д. Монополия нашей партии выросла из жизни, сложилась исторически, как результат того, что партии эс-эров и меньшевиков окончательно обанкротились и сошли со сцены в условиях нашей действительности. Чем были партии эс-эров и меньшевиков в прошлом? Проводниками буржуазного влияния на пролетариат. Чем культивировалось и поддерживалось существование этих партий до октября 1917 года? Наличием класса буржуа, наконец, наличием буржуазной власти. Разве не ясно, что с низвержением буржуазии должны были исчезнуть основания для существования этих партий? А чем стали эти партии после октября 1917 года? Они стали партиями восстановления капитализма и низвержения власти пролетариата. Разве не ясно, что эти партии должны были потерять всякую почву и всякое влияние среди рабочих и трудовых слоев крестьянства?

Борьба за влияние на рабочий класс между партией коммунистов и партиями эс-эров и меньшевиков началась не со вчерашнего дня. Ее начало приурочивается к моменту первых признаков массового революционного движения в России, еще до 1905 года. Период от 1903 г. до октября 1917 года есть период ожесточенной борьбы мнений в рабочем классе нашей страны, период борьбы между большевиками, меньшевиками и эс-эрами за влияние в рабочем классе. За этот период рабочий класс СССР прошел три революции. В огне этих революций испытывал и проверял он эти партии, их пригодность для дела пролетарской революции, их пролетарскую революционность. И вот, к октябрьским дням 1917 года, когда история подвела итог всей прошлой революционной борьбе, когда история взвесила на своих весах удельный вес боровшихся внутри рабочего класса партий, — рабочий класс СССР сделал, наконец, окончательный выбор, остановившись на коммунистической партии как единственно пролетарской партии. Чем объяснить тот факт, что выбор рабочего класса остановился на коммунистической партии? Разве это не факт, что большевики в Ленинградском совете, например, в апреле 1917 года представляли незначительное меньшинство? Разве это не факт, что эс-эры и меньшевики имели тогда в советах громадное большинство? Разве это не факт, что к октябрь-

ским дням весь аппарат власти и все средства принуждения находились в руках партий эс-эров и меньшевиков, блокировавшихся с буржуазией? Объясняется это тем, что компартия стояла тогда за ликвидацию войны, за немедленный демократический мир, тогда как партии эс-эров и меньшевиков отстаивали „войну до победного конца“, продолжение империалистской войны. Объясняется это тем, что компартия стояла тогда за низвержение правительства Керенского, за свержение буржуазной власти, за национализацию фабрик и заводов, банков и железных дорог, тогда как партии меньшевиков и эс-эров боролись за правительство Керенского и отстаивали права буржуазии на фабрики и заводы, на банки и железные дороги. Объясняется это тем, что партия коммунистов стояла тогда за немедленную конфискацию помещичьих земель в пользу крестьян, тогда как партии эс-эров и меньшевиков откладывали этот вопрос до Учредительного Собрания, созыв которого, в свою очередь, откладывали на неопределенное время. Что же тут удивительного, если рабочие и крестьянская беднота сделали, наконец, выбор в пользу коммунистической партии? Что же тут удивительного, если партии эс-эров и меньшевиков пошли так быстро ко дну? Вот почему пришла к власти коммунистическая партия.

Дальнейший период, период после октября 1917 года, период гражданской войны был периодом окончательной гибели меньшевиков и эс-эров, периодом окончательного торжества партии большевиков. Меньшевики и эс-эры сами облегчили в этот период торжество компартии. Разбитые и пущенные ко дну во время Октябрьского переворота, осколки меньшевистской и эс-эровской партий стали связываться с контр-революционными восстаниями кулаков, сблокировались с колчаковцами и деникинцами, пошли на услужение к Антанте и окончательно похоронили себя в глазах рабочих и крестьян. Картина создалась такая, что эс-эры и меньшевики, превратившиеся из буржуазных революционеров в буржуазных контр-революционеров, помогали Антанте душить новую, советскую Россию, тогда как партия большевиков, объединяя вокруг себя все живое и революционное, подымала все новые и новые отряды рабочих и крестьян на борьбу за социалистическое отечество, на борьбу против Антанты. Вполне естественно, что победа коммунистов в этот период должна была привести и действительно привела к полному поражению эс-эров и меньшевиков. Что же тут удивительного, если компартия стала после всего этого единственной партией рабочего класса и крестьянской бедноты?

Вот как сложилась у нас монополия компартии, как единственно легальной партии в стране.

Вы говорите о борьбе мнений среди рабочих и крестьян теперь, в условиях пролетарской диктатуры. Я уже говорил, что борьба мнений есть и будет, что без этого невозможно движение вперед. Но борьба мнений среди рабочих при нынешних условиях идет не вокруг принципиального вопроса о свержении советских порядков, а вокруг практических вопросов об улучшении советов, об исправлении ошибок советских органов, стало быть, — об упрочении Советской власти. Вполне понятно, что такая борьба мнений может лишь укреплять и совершенствовать коммунистическую партию. Вполне понятно, что такая борьба мнений может лишь укреплять монополию компартии. Вполне понятно, что такая борьба мнений не может давать пищи для образования других партий в недрах рабочего класса и трудового крестьянства.

5-й ВОПРОС. Можете ли вы вкратце сообщить нам основные расхождения между вами и Троцким?

ОТВЕТ. Я должен сказать, прежде всего, что расхождения с Троцким не есть личные расхождения. Если бы расхождения носили личный характер, партия не занималась бы этим делом ни одного часа, ибо она не любит, чтобы отдельные лица выпячивались. Речь идет, очевидно, о разногласиях в партии. Я так понял этот вопрос. Да, эти разногласия существуют в партии. О характере этих разногласий довольно подробно рассказали недавно в своих докладах т. Рыков — в Москве, т. Бухарин — в Ленинграде. Эти доклады опубликованы. К тому, что сказано в этих докладах о разногласиях, я прибавить ничего не имею. Если у вас нет этих документов, я могу достать их для вас. *(Делегация сообщает, что этими документами она располагает.)*

Один из делегатов. Нас будут спрашивать по возвращении об этих разногласиях, но мы не имеем всех документов. У нас, например, нет платформы „83-х“.

Сталин. Я этой платформы не подписывал. Я не имею права распоряжаться чужими документами. *(Смех.)*

6-й ВОПРОС. В капиталистических странах основное побуждение для развития производства основано на надежде извлечения прибыли. Это побуждение, конечно, относительно, отсутствует в СССР. Что заменяет его, и насколько эта замена, по вашему мнению, эффективна? Может ли она быть постоянной?

ОТВЕТ. Это правильно, что основным двигателем капиталистического хозяйства является извлечение прибыли. Верно также и то, что извлечение прибыли не является ни целью, ни двигателем нашей социалистической промышленности. Что же, в таком случае, является двигателем нашей индустрии?

Прежде всего, то обстоятельство, что фабрики и заводы принадлежат у нас всему народу, а не капиталистам, что фабриками и заводами управляют не ставленники капиталистов, а представители рабочего класса. Сознание того, что рабочие работают не на капиталиста, а на свое собственное государство, на свой собственный класс, — это сознание является громадной двигательной силой в деле развития и усовершенствования нашей промышленности. Следует отметить, что громадное большинство директоров фабрик и заводов составляют у нас рабочие, назначаемые Высшим Советом Народного Хозяйства, по соглашению с профсоюзами, при чем ни один из директоров не может остаться на своем посту против воли рабочих или соответствующих профсоюзов. Следует далее отметить, что на каждом заводе или фабрике имеется свой заводский или фабричный комитет, выбираемый рабочими и контролирующий деятельность администрации предприятия. Следует, наконец, отметить, что на каждом промышленном предприятии имеются производственные совещания рабочих, куда входят все рабочие данного предприятия, и где рабочие проверяют всю работу директора предприятия, обсуждают план работы заводской администрации, отмечают ошибки и недостатки и имеют возможность исправлять эти недостатки через профсоюзы, через партию, через органы Советской власти. Не трудно понять, что все эти обстоятельства меняют коренным образом как положение рабочих, так и распорядки на предприятии. Если при капитализме рабочий рассматривает фабрику, как тюрьму, то при советских порядках рабочий смотрит на фабрику уже не как на тюрьму, а как на близкое и родное для него дело, в развитии и в улучшении которого он кровно заинтересован. Едва ли нужно доказывать, что это новое отношение рабочих к предприятию, это чувство близости рабочих к предприятию является величайшим двигателем всей нашей промышленности. Этим обстоятельством нужно объяснить тот факт, что количество изобретателей в области техники производства и организаторов промышленности из рабочих растет с каждым днем.

Во-вторых, то обстоятельство, что доходы от промышленности идут у нас не на обогащение отдельных лиц, а на дальнейшее расширение промышленности, на улучшение материального и культурного положения рабочего класса, на удешевление промышленных товаров, необходимых как для рабочих, так и для крестьян, т. е. опять-таки на улучшение материального положения трудящихся масс. Капиталист не может обратить свои доходы на поднятие благосостояния рабочего класса. Он живет для прибылей. Иначе он не был бы капиталистом. Он извлекает прибыли для того, чтобы сложить их в добавочный капитал и вывезти в

менее развитые страны, страдающие недостатком капиталов, на предмет извлечения новых, еще более крупных прибылей. Так утекают капиталы из Северной Америки в Китай, в Индонезию, в Южную Америку, в Европу, из Франции — во французские колонии, из Англии — в английские колонии. У нас дело обстоит иначе, ибо мы не ведем и не признаем колониальной политики. У нас доходы от промышленности остаются в стране на предмет дальнейшего расширения индустрии, на предмет улучшения положения рабочих, на предмет поднятия емкости внутреннего рынка, в том числе крестьянского рынка, через удешевление промышленных товаров. 10 проц. от прибылей промышленности идет у нас на улучшение быта рабочего класса. 13 проц. от денежной заработной платы рабочих идет у нас на страхование рабочего класса за счет государства (это составляет более 800 миллионов рублей в год). Известная часть доходов (я не могу сейчас сказать — какая именно часть) идет на культурные нужды, фабрично-заводское ученичество и отпуска рабочих. Довольно значительная часть этих доходов (я опять-таки не могу сейчас сказать — какая именно часть) идет на ежегодное повышение денежной заработной платы рабочих. Остальная часть доходов от промышленности расходуется на дальнейшее расширение промышленности, на ремонт старых заводов, на постройку новых заводов, наконец, на удешевление промышленных товаров. Громадное значение этих обстоятельств для всей нашей промышленности состоит в том, что: а) они облегчают сближение сельского хозяйства с индустрией и сглаживание противоположностей между городом и деревней; б) они способствуют росту емкости внутреннего рынка, городского и деревенского, создавая тем самым непрерывно растущую базу для дальнейшего развертывания индустрии.

Наконец, то обстоятельство, что факт национализации промышленности облегчает плановое ведение всего промышленного хозяйства в целом.

Будут ли эти стимулы и двигатели нашей промышленности постоянными факторами? Могут ли они быть постоянно действующими факторами? Да, они безусловно будут постоянно действующими стимулами и двигателями. И чем больше будет развиваться наша индустрия, тем больше будут нарастать сила и значение этих факторов.

7-й ВОПРОС. В какой степени может СССР сотрудничать с капиталистической промышленностью других стран? Есть ли определенный предел такому сотрудничеству, или это просто опыт для выяснения, в какой части какое сотрудничество возможно и в какой нет?

ОТВЕТ. Речь идет, очевидно, о временных соглашениях с капиталистическими государствами в области промышленности, в области торговли и, может быть, в области дипломатических отношений. Я думаю, что наличие двух противоположных систем — системы капиталистической и системы социалистической — не исключает возможности таких соглашений. Я думаю, что такие соглашения возможны и целесообразны в обстановке мирного развития. Экспорт и импорт являются наиболее подходящей почвой для таких соглашений. Нам нужны: оборудование, сырье (например, хлопок), полуфабрикаты (по металлу и пр.), а капиталисты нуждаются в сбыте этих товаров. Вот вам почва для соглашения. Капиталистам нужны: нефть, лес, хлебные продукты, а нам необходимо сбыть эти товары. Вот вам еще одна почва для соглашения. Нам нужны кредиты, капиталистам нужны хорошие проценты на эти кредиты. Вот вам еще почва для соглашения уже по линии кредита, при чем известно, что советские органы являются наиболее аккуратными плательщиками по кредитам.

То же самое можно сказать насчет дипломатической области. Мы ведем политику мира и мы готовы подписать с буржуазными государствами пакты о взаимном ненападении. Мы ведем политику мира и мы готовы итти на соглашение насчет разоружения, вплоть до полного уничтожения постоянных армий, о чем мы заявляли перед всем миром еще на Генуэзской конференции. Вот вам почва для соглашения по дипломатической линии.

Пределы этих соглашений? Пределы ставятся противоположностью двух систем, между которыми идет соревнование, борьба. В рамках, допустимых этими двумя системами, но только в этих рамках, соглашения вполне возможны. Об этом говорит опыт соглашений с Германией, с Италией, с Японией и т. д.

Являются ли эти соглашения просто экспериментом или они могут иметь более или менее длительный характер? Это зависит не только от нас, это зависит также от наших контрагентов. Это зависит от общей обстановки. Война может перевернуть вверх дном все и всякие соглашения. Это зависит, наконец, от условий соглашения. Кабальных условий мы не можем принять. У нас имеется соглашение с Гарриманом, эксплоатирующим марганцевые копи в Грузии. Соглашение заключено на 20 лет. Как видите, срок весьма немалый. Имеется у нас также соглашение с обществом Лена-Гольдфильдс, добывающим золото в Сибири. Соглашение заключено на 30 лет, — срок еще более длительный. Имеется, наконец, соглашение с Японией об эксплоатации нефтяных источников и угольных копей на Сахалине.

Мы бы хотели, чтобы эти соглашения имели более или

менее прочный характер. Но это зависит, конечно, не только от нас, но и от наших контрагентов.

8-й ВОПРОС. Каковы основные отличия России от капиталистических государств в ее политике по отношению к национальным меньшинствам?

ОТВЕТ. Речь идет, очевидно, о тех национальностях СССР, которые угнетались раньше царизмом и русскими эксплоататорскими классами и которые не имели своей государственности. Основное отличие состоит в том, что в капиталистических государствах существует национальный гнет и национальное порабощение, а у нас, в СССР, уничтожены в корне и то и другое. Там, в капиталистических государствах, наряду с нациями первого разряда, с нациями привилегированными, с нациями „государственными", существуют нации второго разряда, нации „негосударственные", нации неполноправные, лишенные тех или иных прав и, прежде всего, государственных прав. У нас, в СССР, наоборот, уничтожены все эти атрибуты национального неравенства и национального гнета. У нас все нации равноправны и суверенны, ибо национальные и государственные привилегии ранее господствовавшей великорусской нации уничтожены. Дело идет, конечно, не о декларациях насчет равенства национальностей. Деклараций о национальном равенстве имеется немало у всяких буржуазных и социал-демократических партий. Какая цена декларациям, если они не проводятся в жизнь? Дело идет о том, чтобы уничтожить те классы, которые являются носителями, творцами и проводниками национального угнетения. Такими классами были у нас помещики, капиталисты. Мы низвергли эти классы и тем самым уничтожили возможность национального гнета. И именно потому, что мы низвергли эти классы, у нас стало возможным действительное национальное равенство. Это и называется у нас осуществлением идеи самоопределения национальностей, вплоть до отделения. Именно потому, что мы осуществили самоопределение национальностей, именно поэтому нам удалось вытравить взаимное недоверие трудящихся масс различных национальностей СССР и объединить национальности на началах добровольности в одно союзное государство. Существующий ныне Союз Советских Социалистических Республик является результатом нашей национальной политики и выражением добровольного федерирования национальностей СССР в одно союзное государство. Едва ли нужно доказывать, что такая политика в национальном вопросе немыслима в капиталистических странах, ибо там все еще стоят у власти капиталисты, являющиеся творцами и проводниками политики национального угнетения. Нельзя не отметить, например,

тот факт, что во главе высшего органа СССР, Центрального Исполнительного Комитета Советов, стоит не обязательно русский председатель, а шесть председателей, по числу шести союзных республик, объединившихся в СССР, из коих один — русский (Калинин), другой — украинец (Петровский), третий — белорусс (Червяков), четвертый — азербайджанец (Мусабеков), пятый — туркмен (Айтаков), шестой — узбек (Файзулла Ходжаев). Этот факт является одним из ярких выражений нашей национальной политики. Нечего и говорить, что ни одна буржуазная республика, будь она самой что ни на есть демократической, не пошла бы на такой шаг. А между тем, этот шаг является для нас само собой подразумевающимся фактом, вытекающим из всей нашей политики национального равенства.

9-й ВОПРОС. Американские рабочие вожди оправдывают свою борьбу с коммунистами двумя обстоятельствами: 1) коммунисты разрушают рабочее движение своей фракционной борьбой внутри союзов и своими нападками на нерадикальных должностных лиц в профсоюзах; 2) американские коммунисты получают распоряжения из Москвы и поэтому не могут быть хорошими профсоюзными деятелями, поскольку их лойяльность по отношению к иностранной организации превышает лойяльность по отношению к своему союзу. Как это затруднение может быть устранено, с тем, чтобы американские коммунисты могли вести совместную работу с другими ячейками американского рабочего движения?

ОТВЕТ. Я думаю, что попытки американских рабочих лидеров оправдать свою борьбу против коммунистов не выдерживают никакой критики. Никто еще не доказал и не докажет, что коммунисты разрушают рабочее движение. Но зато надо считать вполне доказанным, что коммунисты являются самыми преданными и самыми смелыми борцами рабочего движения во всем мире, в том числе и в Америке. Разве это не факт, что во время забастовок и демонстраций рабочих коммунисты выступают в первых рядах рабочего класса, принимая на себя первые удары капиталистов, тогда как реформистские рабочие лидеры прячутся в это время на задворках у капиталистов? Как могут коммунисты не критиковать трусость и реакционность реформистских рабочих лидеров? Разве не ясно, что такая критика может лишь оживить и укрепить рабочее движение? Правда, такая критика разрушает авторитет реакционных рабочих лидеров. Ну, а что тут особенного? Пусть реакционные рабочие лидеры отвечают контр-критикой, а не вышибанием коммунистов из профсоюзов. Я думаю, что рабочее движение Америки, если оно хочет жить и

развиваться дальше, не может обойтись без борьбы мнений и течений внутри профсоюзов. Я думаю, что борьба мнений и течений внутри профсоюзов, критика реакционных лидеров и т. д. будут все более и более возрастать, как бы ни сопротивлялись этому реформистские рабочие лидеры. А рабочему классу Америки абсолютно необходима такая борьба мнений и такая критика для того, чтобы он мог сделать выбор между различными течениями и самоопределиться, наконец, как самостоятельная организованная сила внутри американского общества. Жалобы американских реформистских лидеров на коммунистов свидетельствуют лишь о том, что они не уверены в своей правоте, не чувствуют прочности своего положения. Именно поэтому и боятся они критики, как чумы. Замечательно, что американские рабочие лидеры являются более решительными противниками элементарной демократии, чем многие буржуа в той же Америке.

Совершенно неверно утверждение, что американские коммунисты работают „по распоряжению из Москвы". Вы не найдете в мире таких коммунистов, которые бы согласились действовать „по распоряжениям" извне, против своих убеждений, против своей воли, вопреки указаниям обстановки. Да такие коммунисты, если бы даже они существовали где-либо, не стоили бы ни гроша. Коммунисты — самые смелые и отважные люди, они ведут борьбу против целого моря врагов. Ценность коммунистов в том, между прочим, и состоит, что они умеют отстаивать свои убеждения. Поэтому странно говорить об американских коммунистах, как о людях, не имеющих своих убеждений и способных действовать лишь „по распоряжениям" извне. В утверждении рабочих лидеров правильно лишь одно, а именно то, что американские коммунисты входят в состав международной организации коммунистов и совещаются время от времени с центром этой организации по тем или иным вопросам. Но что же тут плохого? Разве американские рабочие лидеры против организации международного рабочего центра? Правда, они не входят в состав Амстердама. Но они не входят туда не потому, что они против международного рабочего центра, а потому, что они считают Амстердам слишком левой организацией. *(Смех.)* Почему капиталисты могут организовываться в интернациональном масштабе, а рабочий класс или часть рабочего класса не должны иметь своей международной организации? Не ясно ли, что Грин и его друзья из Американской Федерации Труда клевещут на американских коммунистов, рабски повторяя легенды капиталистов о „распоряжениях из Москвы"? Есть люди, которые думают, что члены Коммунистического Интернационала в Москве только и делают, что сидят и пишут директивы для всех стран. Так как стран, входящих в состав Коминтерна, насчитывается более 60,

то можете себе представить положение членов Коминтерна, которые не спят, не едят и только и делают, что сидят и пишут днем и ночью директивы для этих стран. *(Смех.)* И этой забавной легендой думают американские рабочие лидеры прикрыть свой страх перед коммунистами и затушевать тот факт, что коммунисты являются самыми смелыми и самыми преданными работниками рабочего класса Америки!

Делегация спрашивает о выходе из такого положения. Я думаю, что выход тут один: допустить борьбу мнений и течений внутри профсоюзов Америки, отбросить прочь реакционную политику вышибания коммунистов из профсоюзов и дать возможность рабочему классу Америки сделать свободный выбор между этими течениями, ибо в Америке не было еще своей Октябрьской революции, и там рабочие не имели еще возможности сделать окончательный выбор между различными течениями в профсоюзах.

10-й ВОПРОС. Посылаются ли в настоящее время деньги в Америку для поддержки американской компартии или коммунистической газеты „Дейли Уоркер"? Если нет, сколько вносят американские коммунисты в III Интернационал в качестве ежегодных членских взносов?

ОТВЕТ. Если речь идет о взаимоотношениях между компартией Америки и III Интернационалом, то я должен сказать, что компартия Америки, как часть Коммунистического Интернационала, должно быть, платит Коминтерну членские взносы, так же, как Коминтерн, как центр международного коммунистического движения, надо полагать, оказывает посильное содействие компартии Америки, когда находит в этом необходимость. Я думаю, что в этом нет ничего удивительного и из ряду вон выходящего. Если же речь идет о взаимоотношениях между компартией Америки и компартией СССР, то я должен заявить, что я не знаю ни одного случая, когда бы представители американской компартии обращались за помощью к компартии СССР. Вы можете считать это странным, но это факт, говорящий о слишком большой щепетильности американских коммунистов. Но что было бы, если бы компартия Америки обратилась за помощью к компартии СССР? Я думаю, что компартия СССР оказала бы ей посильную помощь. В самом деле, чего стоила бы компартия, стоящая к тому же у власти, если бы она отказала в посильной помощи компартии другой страны, находящейся под ярмом капитализма? Я бы сказал, что такая компартия не стоила бы ни гроша. Допустим, что американский рабочий класс пришел к власти, свергнув свою буржуазию; допустим, что к рабочему классу Америки, победившему в великой борьбе против капитализма, обратился бы рабочий

класс другой страны за посильной материальной помощью, — мог ли бы отказать в такой помощи американский рабочий класс? Я думаю, что он покрыл бы себя позором, если бы он поколебался оказать помощь.

11-й ВОПРОС. Мы знаем, что некоторые хорошие коммунисты не совсем согласны с требованием компартии, чтобы все новые члены были атеистами, ибо в настоящее время реакционное духовенство подавлено. Могла ли бы компартия в будущем быть нейтральной по отношению к религии, которая бы поддерживала всю науку в целом и не противостояла бы коммунизму? Могли ли бы вы в будущем разрешить членам партии придерживаться религиозных убеждений, если последние не расходились бы с партийной лойяльностью?

ОТВЕТ. В этом вопросе несколько неточностей. Во-первых, я не знаю таких „хороших коммунистов“, о которых толкует здесь делегация. Едва ли вообще такие коммунисты существуют в природе. Во-вторых, я должен заявить, что, говоря формально, у нас нет таких условий приема в члены партии, которые бы требовали от кандидата в члены партии обязательного атеизма. Наши условия приема в партию: признание программы и устава партии, безусловное подчинение решениям партии и ее органов, членские взносы, вхождение в одну из организаций партии.

Один из делегатов. Я очень часто читаю, что исключают из партии за то, что верят в бога.

Сталин. Я могу лишь повторить уже сказанное об условиях приема в партию. Других условий у нас нет.

Значит ли это, что партия нейтральна в отношении религии? Нет, не значит. Мы ведем пропаганду и будем вести пропаганду против религиозных предрассудков. Законодательство страны таково, что каждый гражданин имеет право исповедывать любую религию. Это дело совести каждого. Именно поэтому и провели мы отделение церкви от государства. Но, проведя отделение церкви от государства и провозгласив свободу вероисповедания, мы вместе с тем сохранили за каждым гражданином право бороться путем убеждения, путем пропаганды и агитации против той или иной религии, против всякой религии. Партия не может быть нейтральна в отношении религии, и она ведет антирелигиозную пропаганду против всех и всяких религиозных предрассудков, потому что она стоит за науку, а религиозные предрассудки идут против науки, ибо всякая религия есть нечто противоположное науке. Такие случаи, как в Америке, где осудили недавно дарвинистов, у нас невозможны, потому что партия ведет политику всемерного отстаивания науки. Партия не может быть нейтраль-

ной в отношении религиозных предрассудков, и она будет вести пропаганду против этих предрассудков, потому что это есть одно из верных средств подорвать влияние реакционного духовенства, поддерживающего эксплоататорские классы и проповедующего повиновение этим классам. Партия не может быть нейтральной в отношении носителей религиозных предрассудков, в отношении реакционного духовенства, отравляющего сознание трудящихся масс. Подавили ли мы реакционное духовенство? Да, подавили. Беда только в том, что оно не вполне еще ликвидировано. Антирелигиозная пропаганда является тем средством, которое должно довести до конца дело ликвидации реакционного духовенства. Бывают случаи, что кое-кто из членов партии иногда мешает всемерному развертыванию антирелигиозной пропаганды. Если таких членов партии исключают, так это очень хорошо, ибо таким „коммунистам“ не место в рядах нашей партии.

12-й ВОПРОС. Можете ли вы вкратце дать нам характеристику будущего общества, которое коммунизм пытается создать?

ОТВЕТ. Общая характеристика коммунистического общества дана в трудах Маркса, Энгельса и Ленина. Если дать вкратце анатомию коммунистического общества, то это будет такое общество: а) где не будет частной собственности на орудия и средства производства, а будет собственность общественная, коллективная; б) где не будет классов и государственной власти, а будут труженики индустрии и сельского хозяйства, экономически управляющиеся, как свободная ассоциация трудящихся; в) где народное хозяйство, организованное по плану, будет базироваться на высшей технике как в области индустрии, так и в области сельского хозяйства; г) где не будет противоположности между городом и деревней, между индустрией и сельским хозяйством; д) где продукты будут распределяться по принципу старых французских коммунистов: „от каждого по способностям, каждому по потребностям“; е) где наука и искусство будут пользоваться условиями достаточно благоприятными для того, чтобы добиться полного расцвета; ж) где личность, свободная от забот о куске хлеба и необходимости подлаживаться к „сильным мира“, станет действительно свободной. И т. д. и т. п. Ясно, что до такого общества нам еще далеко.

Что касается международных условий, необходимых для полного торжества коммунистического общества, то они будут складываться и нарастать по мере нарастания революционных кризисов и революционных взрывов рабочего класса в капиталистических странах. Нельзя представлять дело так, что рабочий класс одной страны или нескольких стран будет итти к социализму и тем более

к коммунизму, а капиталисты других стран будут смотреть на это равнодушно и сидеть сложа руки. Тем более нельзя представлять, что рабочий класс в капиталистических странах согласится быть простым зрителем победоносного развития социализма в той или иной стране. На самом деле капиталисты будут делать все зависящее от них для того, чтобы задушить такие страны. На самом деле каждый серьезный шаг к социализму и тем более к коммунизму в той или иной стране неизбежно будет сопровождаться неудержимым порывом рабочего класса капиталистических стран к завоеванию диктатуры и социализма в этих странах. Таким образом в ходе дальнейшего развития международной революции будут складываться два центра мирового масштаба: центр социалистический, стягивающий к себе страны, тяготеющие к социализму, и центр капиталистический, стягивающий к себе страны, тяготеющие к капитализму. Борьба этих двух центров за обладание мировым хозяйством решит судьбу капитализма и коммунизма во всем мире. Ибо окончательное поражение мирового капитализма есть победа социализма на арене мирового хозяйства.

II

ВОПРОСЫ ТОВ. СТАЛИНА И ОТВЕТЫ ДЕЛЕГАТОВ

Сталин. Ежели делегация не очень устала, то я просил бы разрешения задать ей, в свою очередь, несколько вопросов. (*Делегация выражает свое согласие.*)

1-й ВОПРОС. Чем объясняется малый процент профессиональной организованности рабочих в Америке? Кажется, там имеется около 17 миллионов индустриальных рабочих. (*Делегаты дают справку, что имеется от 18 до 19 миллионов индустриальных рабочих.*) Организовано, кажется, около 3 миллионов. (*Делегаты дают справку, что в Американской Федерации Труда насчитывается, примерно, 3 миллиона организованных рабочих и, кроме того, в других союзах имеется организованных полмиллиона рабочих, всего имеется, таким образом, 3½ миллиона организованных рабочих.*) Я лично считаю, что это очень малый процент организованных рабочих в профсоюзы. У нас, в СССР, в профсоюзах организовано 90 проц. всех пролетариев в стране. Я хотел спросить делегацию, считает ли она этот факт сравнительно малой организованности рабочих в профсоюзах положительным фактом. *Не думает ли делегация, что этот факт говорит о слабости американского пролетариата, о слабости его орудий борьбы с капиталистами в экономической области?*

Брофи. Малочисленность профессиональных союзов следует объяснить не неудачной тактикой, существующей в профессио-

нальных организациях, а общими экономическими условиями в стране, которые не побуждают всю массу рабочих к организации и, благодаря благоприятности этих экономических условий, сужают необходимость борьбы рабочего класса с капиталистами. Условия эти, конечно, будут изменяться, и параллельно с изменением этих условий профсоюзы будут вырастать, и все профдвижение пойдет по другому пути.

Дуглас. Согласен с тем объяснением, которое дано предыдущим оратором. К этому добавлю, что, во-первых, нужно иметь в виду тот момент, что заработная плата в Соединенных Штатах в последнее время самими капиталистами весьма высоко подымается. Этот процесс повышения зарплаты наблюдался в 1917 году, в 1919 году и позже. Если сравнить реальную зарплату, существующую в настоящее время, с зарплатой, существовавшей в 1911 году, то окажется, что она значительно выше. Профдвижение в процессе своего развития строилось вначале и сейчас строится по цеховому признаку, по признаку профессии, и профсоюзы создавались преимущественно для квалифицированных рабочих. Во главе этих союзов стояли определенные вожди, которые представляли замкнутую организацию и добивались для своих членов хороших условий. У них не было побудительных причин для расширения рамок профессиональных союзов и для организации в профсоюзах неквалифицированных рабочих. Кроме того, американскому профдвижению приходится считаться с очень хорошо организованным капитализмом, который имеет в своем распоряжении все средства для того, чтобы противодействовать организации всех рабочих в профессиональных союзах. Если, скажем, трестифицированное производство встречает на одном из своих предприятий слишком сильное сопротивление профсоюза, оно идет даже на такую меру, как закрытие этого предприятия и переброска работы на другое свое предприятие. Таким образом, разбивается сопротивление профессионального союза. Американский капитализм самостоятельно повышает зарплату рабочих, но при этом никакой экономической власти не дает, не дает возможности бороться за экономическое улучшение своей жизни. Следующее очень важное обстоятельство в Америке, это то, что капиталистами сеется рознь между рабочими различных национальностей. В большинстве случаев неквалифицированными рабочими являются рабочие, приехавшие из Европы, или, в последнее время, негритянские рабочие. Капиталисты стараются посеять рознь между рабочими разных национальностей. Это разделение по национальностям проходит и по признаку квалифицированного и неквалифицированного труда. Капиталисты систематически сеют антагонизм между рабочими различных национальностей, незави-

симо от квалифицированности их труда. За последние 10 лет американский капитализм ведет более просвещенную политику в том отношении, что создает свои профессиональные, так называемые компанейские союзы. Он привлекает рабочих к работе своего предприятия, заинтересовывает рабочих в прибылях этого предприятия и т. д. У американского капитализма имеется тенденция горизонтальное деление заменить вертикальным делением, т. е. расколоть рабочий класс, привлекая его и заинтересовывая в интересах капитализма.

Койль. Я подхожу к вопросу не с точки зрения теории, а с точки зрения практики. Правда, рабочих лучше всего организовывать в хорошие времена, но дело в том, что статистика движения членов Американской Федерации Труда указывает, что Американская Федерация Труда постепенно теряет неквалифицированных рабочих и увеличивает в своем составе количество рабочих квалифицированных. Таким образом, Американская Федерация Труда хочет быть и становится постепенно организацией, которая имеет в своем составе, главным образом, квалифицированных рабочих. Профессиональное движение в Америке почти не охватывает неквалифицированных рабочих. Крупные отрасли промышленности не охватываются профсоюзами. Из этих крупных отраслей промышленности только рабочие угольной и железнодорожной промышленности до некоторой степени организованы, да и то в угольной промышленности работает 65 проц. неорганизованных рабочих. Рабочие таких отраслей промышленности, как сталелитейная, каучуковая, автомобильная, почти совершенно профессионально не организованы. Можно сказать, что профсоюзы не охватывают неквалифицированных рабочих. Есть ряд профессиональных организаций, стоящих вне Американской Федерации Труда, которые стараются организовать неквалифицированных и малоквалифицированных рабочих. Что касается позиции вождей Американской Федерации Труда, то один, например, из вождей, председатель профсоюза металлистов, совершенно откровенно заявил, что он не хочет привлекать в свой союз неквалифицированных рабочих. Положение в отношении вождей профсоюзов таково, что создалась каста вождей, которая состоит из нескольких десятков людей, получающих громадные ставки — до 10 и больше тысяч долларов в год, создалась каста, в которую проникнуть чрезвычайно трудно.

Дунн. Вопрос, поставленный т. Сталиным, поставлен несправедливо, потому что, если в его стране организовано в профсоюзах 90 проц. рабочих, то здесь власть принадлежит рабочему классу, в то время как в капиталистических странах рабочие являются угнетенным классом, и буржуазия принимает все меры для того, чтобы не дать возможности рабочим организоваться в профсоюзы.

Кроме того, там существуют реакционные профсоюзы, с реакционными вождями во главе. В тех условиях, которые имеются в Америке, очень трудно укоренить в голове рабочих самую идею профессиональных союзов. Это является причиной того обстоятельства, что в Америке профсоюзы столь мало распространены.

Сталин. Согласен ли последний оратор с предыдущим оратором, что некоторые лидеры рабочего движения Америки сами стараются сузить профессиональное движение?

Дунн. Согласен.

Сталин. Я не хотел обидеть кого-либо. Я хотел лишь выяснить себе разницу в положении дел в Америке и в СССР. Если я обидел кого-либо, прошу извинения. *(Смех делегатов.)*

Дунн. Я ничуть не обижен.

Сталин. Есть ли система государственного страхования рабочих в Америке?

Один из делегатов. Государственной системы страхования рабочих в Америке нет.

Койль. В большинстве штатов существует компенсация при несчастных случаях на производстве, при чем оплачивается максимум 30 проц. потери трудоспособности. Это имеется в большинстве штатов. Оплата производится частными фирмами, на предприятиях которых утрачена трудоспособность, но закон требует такой оплаты.

Сталин. Государственное страхование от безработицы есть в Америке?

Один из делегатов. Нет. Фонд, который создается для страхования от безработицы, может удовлетворить от 80 до 100 тысяч безработных по всем штатам.

Койль. Страховка (не государственная) есть от индустриальных несчастных случаев, т. е. от несчастных случаев, происшедших на производстве. Но инвалидность вследствие болезни или вследствие старости никак не страхуется. Страховой фонд составляется из взносов рабочих. По существу дело сводится к тому, что вся эта сумма страхового фонда платится самими рабочими, потому что, если бы рабочие не устраивали этого фонда, они бы получали высшую надбавку, а так как этот фонд бывает согласован между рабочими и предпринимателями, то рабочие получают меньшую надбавку. Это составляет почти всю сумму фонда. Предприниматели фактически вносят незначительную часть этого фонда, примерно 10 процентов.

Сталин. Я думаю, что товарищам будет интересно, если я сообщу, что у нас в СССР на страхование рабочих за счет государства идет более 800 млн. руб. ежегодно. Было бы также не лишне сообщить вам, что рабочие у нас по всем отраслям промыш-

ленности, кроме обычной денежной зарплаты, получают еще дополнительно около одной трети зарплаты на страхование, улучшение быта, культурные нужды и т. п.

2-й ВОПРОС. Чем объяснить отсутствие специальной массовой рабочей партии в Сев.-Американских Соединенных Штатах? У буржуазии в Америке есть целых две партии — республиканская и демократическая, у американских рабочих нет своей массовой партии. Не считают ли товарищи, что отсутствие своей массовой рабочей партии, хотя бы такой, как в Англии (Лейбур Парти), ослабляет силу рабочего класса в его политической борьбе с капиталистами? Затем, *почему лидеры рабочего движения в Америке, Грин и другие, высказываются решительно против создания рабочей партии в Америке?*

Брофи. Да, было такое решение лидеров, что нет необходимости в создании такой партии. Однако есть меньшинство, которое считает, что создание такой партии необходимо. Теперь в Америке объективные условия таковы, что, как уже указывалось, профдвижение в Соединенных Штатах очень слабо, слабость же профдвижения объясняется, в свою очередь, тем, что у рабочего класса пока нет потребности организоваться и бороться против капиталистов, ввиду того, что капиталисты сами повышают заработок рабочих, обеспечивают им удовлетворительное материальное положение.

Сталин. Обеспечиваются ведь главным образом квалифицированные рабочие. Тут есть противоречие. С одной стороны, выходит, что нет необходимости в организованности, так как рабочие обеспечены; с другой стороны, говорят, что организованы в профсоюзы именно наиболее обеспеченные, т. е. квалифицированные рабочие; с третьей стороны, выходит, что не организованы в профсоюзы как раз наименее обеспеченные, т. е. малоквалифицированные, которые более всего нуждаются в организованности. Этого я никак понять не могу.

Брофи. Да, тут есть противоречие, но так же противоречива американская действительность в политическом и экономическом отношениях.

Бребнер. Хотя неквалифицированные рабочие не организованы в союзах, но они имеют политическое право голоса. Таким образом, если имеются моменты недовольства, то неквалифицированные рабочие эти моменты выражают, пользуясь своим политическим правом голоса. С другой стороны, рабочие, которые находятся в профсоюзах, если у них бывает особо тяжелое время, пользуются не союзом, а политическим правом голоса. Таким образом, политическое право голоса компенсирует отсутствие профессиональной организованности.

Израэльс. Одним из основных затруднений является самая система, избирательная система Соединенных Штатов. Там при выборах президента не избирается тот человек, который получает большинство голосов всей страны, или даже большинство голосов какого-нибудь одного класса. Там в каждом штате имеются выборные коллегии, каждый штат имеет известное количество голосов, которые принимают участие в выборах президента. Для того, чтобы президент был избран, необходимо, чтобы он собрал 51% голосов. Если будет 3—4 партии, тогда получится такое положение вещей, что никто не будет избран, и выборы должны быть перенесены в Конгресс. Вот это является аргументом против создания третьей партии. Противники создания третьей партии аргументируют так: не выставляйте третьего кандидата, потому что таким образом вы разобьете число голосов либеральной партии и не дадите возможности выбрать кандидата либеральной партии.

Сталин. Однако, сенатор Лафолетт в свое время создавал третью буржуазную партию. Выходит, что третья партия не может разбить голосов, если она является буржуазной партией, но она может разбить голоса, если она будет рабочей партией.

Дэвис. Я не нахожу факт, указанный предыдущим оратором, фундаментальным фактом. По-моему, основным фактом является следующее. Я даю, как пример, свой город, в котором я живу. Во время кампании выборов является представитель такой-то партии и дает главе профессиональной организации какую-нибудь ответственную должность, в связи с выборной кампанией передает главе профессиональной организации известные средства, которые идут в его пользу, после чего он получает известный престиж в связи с той должностью, которую он получает. Получается такое положение вещей, что сами лидеры профсоюзного движения являются сторонниками или одной или другой буржуазной партии. Естественно поэтому, что, когда возникают разговоры о создании третьей, рабочей, партии, эти лидеры профсоюзного движения ничего не хотят предпринимать для создания такой партии. При этом они ссылаются на то, что если создастся третья партия, то получится раскол в профсоюзах.

Дуглас. То, что организованы в профсоюзах только квалифицированные рабочие, объясняется главным образом тем, что для того, чтобы быть организованным в профсоюзе, нужно иметь известный фонд и известное обеспечение, так как членские взносы очень велики и неквалифицированные рабочие не имеют возможности внести высокий вступительный взнос. Кроме того, неквалифицированные рабочие находятся под постоянной угрозой, что если они попытаются организоваться, то предприниматель выбросит их с

работы. Организоваться неквалифицированные рабочие могут лишь при деятельной поддержке со стороны квалифицированных рабочих. Этой поддержки в большинстве случаев они не имеют. Вот это обстоятельство является одним из основных препятствий для организации в профсоюзах неквалифицированных рабочих. Основная защита своих прав рабочими массами идет по линии политической защиты этих прав. На этом я и основываю главную причину отсутствия организации неквалифицированных рабочих. Я считаю экономическую базу основным моментом в неорганизованности неквалифицированных рабочих в политической и профсоюзной областях. Я должен указать на одну особенность американской выборной системы, на прямые выборы, где любой человек может взойти на выборное собрание и объявить себя демократом или республиканцем и голосовать. Я уверен, что Гомперс не мог бы удержать рабочих на неполитической программе, если бы у него не было этого аргумента за прямое голосование. Он всегда говорил рабочим, что если они хотят политически действовать, то они могут пойти в существующие две политические партии и захватить там ту или иную должность, завоевать там себе авторитет. При помощи этого аргумента Гомперсу удавалось удерживать рабочих от идеи организации рабочего класса и создания рабочей партии.

3-й ВОПРОС. Чем объяснить, что в вопросе о признании СССР лидеры Американской Федерации Труда являются более реакционными, чем многие из буржуа? Чем объяснить, что такие буржуа, как г. Бора и другие, высказываются за признание СССР, а лидеры рабочего движения Америки, от Гомперса до Грина, вели и продолжают вести реакционнейшую пропаганду против признания первой рабочей республики, против признания СССР? Чем объяснить, что даже такой реакционер, как бывший американский президент Вудро Вильсон, находил возможным „приветствовать" Советскую Россию, а Грин и прочие лидеры Американской Федерации Труда хотят быть более реакционными, чем капиталисты? Вот текст „приветствия" Вудро Вильсона, присланного в марте 1918 года на имя съезда советов России во время наступления войск германского кайзера на советский Ленинград:

„Пользуясь съездом советов, я хотел бы от лица народов Соединенных Штатов выразить искреннее сочувствие русскому народу, в особенности теперь, когда Германия двинула вооруженные силы в глубь страны, с тем, чтобы помешать борьбе за свободу, уничтожить все ее завоевания и осуществить германские замыслы и неволю русского народа. Хотя правительство Соединенных Штатов в настоящее время, к сожалению, не в состоянии оказать России ту непосредственную поддержку, которую оно желает оказать, я хотел бы уверить русский народ через посредство настоящего съезда, что правительство Соединенных Штатов использует все возможности, чтобы обеспечить России снова полный суверенитет и

полную независимость в ее внутренних делах и полное восстановление ее великой роли в жизни Европы и современного человечества. Народ Соединенных Штатов всем сердцем сочувствует русскому народу в его стремлении освободиться навсегда от самодержавия и сделаться самому вершителем своей судьбы“ (см. „Правду“ № 50, 16 марта 1918 г.).

Можно ли считать нормальным, что лидеры Американской Федерации Труда хотят быть более реакционными, чем реакционный Вильсон?

Брофи. Я не могу точно объяснить причин, но я считаю, что так же, как Американская Федерация Труда не входит в Амстердамский Интернационал, по тем же причинам лидеры Американской Федерации Труда стоят на точке зрения непризнания Советской России. Разница заключается в особой философии американских рабочих и в экономической разнице, существующей между американскими и европейскими рабочими.

Сталин. Но лидеры Американской Федерации Труда не возражают, поскольку мне известно, против признания Италии или Польши, где господствуют фашисты.

Брофи. Указывая в виде примера на Польшу и Италию, где имеются фашистские правительства, вы тем самым объясняете причину непризнания Америкой СССР. Это неприязненное отношение к СССР объясняется теми неприятностями, которые имеются у лидеров американского профдвижения со своими собственными коммунистами.

Дунн. Та причина, которую привел предыдущий оратор, — как они могут признать СССР, когда у них нелады со своими собственными коммунистами, — не является убедительной, потому что проповедь о непризнании СССР велась у них еще до организации американской компартии. Основная причина лежит в том, что лидеры Американской Федерации Труда против чего бы то ни было, похожего на социализм. И в этом отношении их настраивают капиталисты, у которых есть организация, называемая „Национальной гражданской ассоциацией“, которая старается всеми мерами настроить все американское общество против социализма в каком бы то ни было виде. Эта организация выступила против позиции Айви Ли, который выступил за развитие торговых отношений Америки с СССР. Вожди этой организации говорили: как же мы можем наблюдать за порядком в нашем рабочем классе, когда либералы начинают вести такие разговоры. „Национальная гражданская ассоциация“ является организацией группы капиталистов, которые вложили крупную сумму денег в эту организацию и ею руководят. Надо отметить, что в этой реакционной ассоциации заместитель председателя Американской Федерации Труда Матью Волл является вице-президентом.

Брофи. Те причины, которые приводились относительно реакционности профсоюзных вождей, являются не основными; на этот вопрос нужно смотреть глубже. Присутствие американской делегации в СССР является лучшим ответом и показателем сочувственного отношения одной части американских рабочих к Советскому Союзу. Я считаю, что мнение вождей Американской Федерации Труда в отношении СССР не отличается от мнения большинства рабочего класса Америки. Позиция большинства рабочего класса в отношении СССР объясняется отдаленностью СССР. Рабочий класс Америки не заинтересован во всяких интернациональных делах, а влияние буржуазии на рабочий класс Америки сказывается сильно в вопросе об его отношении к СССР.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ХАРАКТЕР ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

К десятилетию Октября

Октябрьская революция не есть только революция „в национальных рамках“. Она есть, прежде всего, революция интернационального, мирового порядка, ибо она означает коренной поворот во всемирной истории человечества от старого, капиталистического, мира к новому, социалистическому, миру.

Революции в прошлом оканчивались обычно сменой у кормила правления одной группы эксплоататоров другой группой эксплоататоров. Эксплоататоры менялись, эксплоатация оставалась. Так было дело во время освободительных движений рабов. Так было дело в период восстаний крепостных. Так было дело в период известных „великих“ революций в Англии, во Франции, в Германии. Я не говорю о Парижской Коммуне, которая была первой, славной, героической, но все же безуспешной попыткой пролетариата повернуть историю против капитализма.

Октябрьская революция отличается от этих революций *принципиально*. Она ставит своей целью не замену одной формы эксплоатации другой формой эксплоатации, одной группы эксплоататоров другой группой эксплоататоров, а уничтожение всякой эксплоатации человека человеком, уничтожение всех и всяких эксплоататорских групп, установление диктатуры пролетариата, установление власти самого революционного класса из всех существовавших до сих пор угнетенных классов, организацию нового бесклассового социалистического общества.

Именно поэтому *победа* Октябрьской революции означает коренной перелом в истории человечества, коренной перелом в исторических судьбах мирового капитализма, коренной перелом в освободительном движении мирового пролетариата, коренной перелом в способах борьбы и формах организации, в быту и традициях, в культуре и идеологии эксплоатируемых масс всего мира.

В этом основа того, что Октябрьская революция есть революция интернационального, мирового порядка.

В этом же корень той глубокой симпатии, которую питают к Октябрьской революции угнетенные классы всех стран, видя в ней залог своего освобождения.

Можно было бы отметить ряд основных вопросов, по линии которых проходит воздействие Октябрьской революции на развитие революционного движения во всем мире.

1. Октябрьская революция замечательна, прежде всего, тем, что она прорвала фронт мирового империализма, низложила империалистическую буржуазию в одной из самых больших капиталистических стран и поставила у власти социалистический пролетариат.

Класс наемных, класс гонимых, класс угнетенных и эксплоатируемых *впервые* в истории человечества поднялся до положения класса *господствующего*, заражая своим примером пролетариев всех стран.

Это значит, что Октябрьская революция *открыла* новую эпоху, эпоху *пролетарских* революций в странах *империализма*.

Она отобрала орудия и средства производства у помещиков и капиталистов и превратила их в общественную собственность, противопоставив, таким образом, буржуазной собственности собственность социалистическую. Тем самым она разоблачила ложь капиталистов о том, что буржуазная собственность является неприкосновенной, священной, вечной.

Она вырвала власть у буржуазии, лишила буржуазию политических прав, разрушила буржуазный государственный аппарат и передала власть советам, противопоставив, таким образом, буржуазному парламентаризму, как демократии *капиталистической*, социалистическую власть советов, как демократию *пролетарскую*. Лафарг был прав, когда он говорил еще в 1887 году, что на другой день после революции „все бывшие капиталисты будут лишены избирательных прав“. Тем самым Октябрьская революция разоблачила ложь социал-демократов о том, что возможен теперь мирный переход к социализму, через буржуазный парламентаризм.

Но Октябрьская революция не остановилась и не могла остановиться на этом. Разрушив старое, буржуазное, она принялась строить новое, социалистическое. Десять лет Октябрьской революции есть десять лет строительства партии, профсоюзов, советов, кооперации, культурных организаций, транспорта, промышленности, Красной армии. Несомненные успехи социализма в СССР на фронте строительства наглядно показали, что пролетариат *может* с успехом управлять страной *без* буржуазии и *против* буржуазии, что он *может* с успехом строить промышленность *без* буржуазии и

против буржуазии, что он *может* с успехом руководить всем народным хозяйством *без* буржуазии и *против* буржуазии, что он *может* с успехом строить социализм, несмотря на капиталистическое окружение. Старая „теория“ о том, что эксплоатируемые не могут обойтись без эксплоатирующих, так же, как голова и прочие части тела не могут обойтись без желудка, — не есть достояние только лишь известного римского сенатора древней истории, Менения Агриппы. Эта „теория“ является теперь краеугольным камнем политической „философии“ социал-демократии вообще, социал-демократической политики *коалиции* с империалистической буржуазией — в особенности. Эта „теория“, приобревшая характер предрассудка, представляет теперь одну из самых серьезных преград на пути к революционизированию пролетариата капиталистических стран. Одним из важнейших результатов Октябрьской революции является тот факт, что она нанесла этой лживой „теории“ смертельный удар.

Нужно ли еще доказывать, что эти и подобные им результаты Октябрьской революции не могли и не могут остаться без серьезного влияния на революционное движение рабочего класса в капиталистических странах?

Такие общеизвестные факты, как поступательный рост коммунизма в капиталистических странах, нарастание симпатий пролетариев всех стран к рабочему классу СССР, наконец, наплыв рабочих делегаций в Страну Советов, с несомненностью говорят о том, что семена, брошенные Октябрьской революцией, уже начинают приносить плоды.

2. Октябрьская революция расшатала империализм не только в центрах его господства, не только в „метрополиях“. Она ударила еще по тылам империализма, по его периферии, подорвав господство империализма в колониальных и зависимых странах.

Свергнув помещиков и капиталистов, Октябрьская революция разбила цепи национально-колониального гнета и освободила от него все без исключения угнетенные народы обширного государства. Пролетариат не может освободить себя, не освобождая угнетенные народы. Характерной чертой Октябрьской революции является тот факт, что она провела в СССР эти национально-колониальные революции не под флагом национальной вражды и междунациональных столкновений, а под флагом взаимного доверия и братского сближения рабочих и крестьян национальностей СССР, не во имя *национализма,* а во имя *интернационализма.*

Именно потому, что национально-колониальные революции произошли у нас под руководством пролетариата и под знаменем интернационализма, именно поэтому народы-парии, народы-рабы *впервые* в истории человечества поднялись до положения наро-

дов, *действительно* свободных и *действительно* равных, заражая своим примером угнетенные народы всего мира.

Это значит, что Октябрьская революция *открыла* новую эпоху, эпоху *колониальных* революций, проводимых *в угнетенных странах* мира *в союзе* с пролетариатом, *под руководством* пролетариата.

Раньше „принято было" думать, что мир разделен искони на низшие и высшие расы, на черных и белых, из коих первые неспособны к цивилизации и обречены быть объектом эксплоатации, а вторые являются единственными носителями цивилизации, призванными эксплоатировать первых. Теперь эту легенду нужно считать разбитой и отброшенной. Одним из важнейших результатов Октябрьской революции является тот факт, что она нанесла этой легенде смертельный удар, показав на деле, что освобожденные неевропейские народы, втянутые в русло советского развития, способны двинуть вперед *действительно* передовую культуру и *действительно* передовую цивилизацию ничуть не меньше, чем народы европейские.

Раньше „принято было" думать, что единственным методом освобождения угнетенных народов является метод *буржуазного национализма*, метод отпадения наций друг от друга, метод их разъединения, метод усиления национальной вражды между трудящимися массами различных наций. Теперь эту легенду нужно считать опровергнутой. Одним из важнейших результатов Октябрьской революции является тот факт, что она нанесла этой легенде смертельный удар, показав на деле возможность и целесообразность *пролетарского, интернационального* метода освобождения угнетенных народов, как единственно правильного метода, показав на деле возможность и целесообразность *братского союза* рабочих и крестьян самых различных народов на началах *добровольности* и *интернационализма*. Существование Союза Советских Социалистических Республик, являющегося прообразом будущего объединения трудящихся всех стран в едином мировом хозяйстве, не может не служить прямым тому доказательством.

Нечего и говорить, что эти и подобные им результаты Октябрьской революции не могли и не могут остаться без серьезного влияния на революционное движение в колониальных и зависимых странах. Такие факты, как рост революционного движения угнетенных народов в Китае, в Индонезии, в Индии и т. д. и нарастание симпатий этих народов к СССР, — с несомненностью говорят об этом.

Эра безмятежной эксплоатации и угнетения колоний и зависимых стран *прошла*.

Наступила эра освободительных революций в колониях и зависимых странах, эра пробуждения *пролетариата* этих стран, эра его *гегемонии* в революции.

3. Бросив семена революции как в центры империализма, так и в его тылы, ослабив мощь империализма в „метрополиях“ и расшатав его господство в колониях, — Октябрьская революция поставила тем самым под вопрос самое существование мирового капитализма *в целом*.

Если стихийное развитие капитализма в условиях империализма переросло, — ввиду его неравномерности, ввиду неизбежности конфликтов и военных столкновений, ввиду, наконец, небывалой империалистической бойни, — в процесс „загнивания“ и „умирания“ капитализма, то Октябрьская революция и связанное с ней отпадение огромной страны от мировой системы капитализма не могли не ускорить этого процесса, подмывая шаг за шагом самые основы мирового империализма.

Более того. Расшатывая империализм, Октябрьская революция создала вместе с тем в лице первой пролетарской диктатуры мощную и открытую *базу* мирового революционного движения, которой оно *никогда не имело* раньше и на которую оно может теперь опереться. Она создала тот мощный и открытый *центр* мирового революционного движения, которого оно *никогда не имело* раньше и вокруг которого оно может теперь сплачиваться, организуя *единый революционный фронт пролетариев и угнетенных народов всех стран против империализма.*

Это значит прежде всего, что Октябрьская революция нанесла мировому капитализму смертельную рану, от которой он никогда не оправится больше. Именно поэтому капитализм никогда больше не вернет себе того „равновесия“ и той „устойчивости“, которыми он обладал до Октября. Капитализм может частично стабилизоваться, он может рационализировать свое производство, отдать управление страной фашизму, зажать временно рабочий класс, но он никогда не вернет себе того „спокойствия“ и той „уверенности“, того „равновесия“ и той „устойчивости“, которыми он щеголял раньше, ибо кризис мирового капитализма дошел до такой степени развития, когда огни революции неизбежно должны прорываться то в центрах империализма, то в периферии, сводя на-смарку капиталистические заплаты и приближая день за днем падение капитализма. Точь-в-точь как в известной басне: „хвост вытащил — нос увяз, нос вытащил — хвост увяз“.

Это значит, во-вторых, что Октябрьская революция подняла на известную высоту силу и удельный вес, мужество и боевую готовность угнетенных классов всего мира, заставляя господствующие классы считаться с ними, как с *новым*, серьезным фактором. Теперь уже нельзя рассматривать трудящиеся массы мира как „слепую толпу“, бродящую в потемках и лишенную перспектив, ибо Октябрьская революция создала для них маяк, освещаю-

щий им дорогу и дающий перспективы. Если не было раньше *всесветного* открытого форума, откуда можно было бы демонстрировать и оформлять чаяния и стремления угнетенных классов, то теперь такой форум имеется в лице первой пролетарской диктатуры. Едва ли можно сомневаться, что уничтожение этого форума покрыло бы на долгое время общественно-политическую жизнь „передовых стран" мраком безудержной черной реакции. Нельзя отрицать того, что даже простой факт существования „большевистского государства" накладывает узду на черные силы реакции, облегчая угнетенным классам борьбу за свое освобождение. Этим собственно и объясняется та животная ненависть, которую питают эксплоататоры всех стран к большевикам. История повторяется, хотя и на новой основе. Как раньше, в период падения *феодализма*, слово „якобинец" вызывало у аристократов всех стран ужас и омерзение, так и теперь, в период падения *капитализма*, слово „большевик" вызывает у буржуазных стран ужас и омерзение. И, наоборот, как раньше Париж являлся убежищем и школой для революционных представителей подымающейся *буржуазии*, так и теперь Москва является убежищем и школой для революционных представителей подымающегося *пролетариата*. Ненависть к якобинцам не спасла феодализм от крушения. Можно ли сомневаться, что ненависть к большевикам не спасет капитализм от его неизбежного разгрома?

Эра „устойчивости" капитализма *прошла*, унеся с собой легенду о незыблемости буржуазных порядков.

Наступила эра крушения капитализма.

4. Октябрьская революция не есть только революция в области экономических и общественно-политических отношений. Она есть вместе с тем революция в умах, революция в идеологии рабочего класса. Октябрьская революция родилась и окрепла под флагом марксизма, под флагом идеи диктатуры пролетариата, под флагом ленинизма, который есть марксизм эпохи империализма и пролетарских революций. Она знаменует поэтому победу марксизма над реформизмом, победу ленинизма над социал-демократизмом, победу III Интернационала над II Интернационалом.

Октябрьская революция провела непроходимую борозду между марксизмом и социал-демократизмом, между политикой ленинизма и политикой социал-демократизма. Раньше, *до победы диктатуры пролетариата*, социал-демократия могла щеголять флагом марксизма, не отрицая открыто идеи диктатуры пролетариата, но и не делая ничего, абсолютно ничего для того, чтобы приблизить осуществление этой идеи, ибо такое поведение социал-демократии не создавало никакой угрозы для капитализма. Тогда, в тот период, социал-демократия формально сливалась, или почти сливалась,

с марксизмом. Теперь, *после победы диктатуры пролетариата,* когда все увидали воочию, *к чему* ведет марксизм, и *что* может означать его победа, социал-демократия уже не могла щеголять флагом марксизма, не могла кокетничать с идеей диктатуры пролетариата, не создавая известной опасности для капитализма. Давно порвав с духом марксизма, она оказалась вынужденной порвать и с флагом марксизма, стала открыто и недвусмысленно против детища марксизма, против Октябрьской революции, против первой в мире диктатуры пролетариата. Теперь она должна была отмежеваться, и действительно отмежевалась, от марксизма, ибо нельзя при нынешних условиях называть себя марксистом, не поддерживая открыто и беззаветно первую в мире пролетарскую диктатуру, не ведя революционной борьбы против своей буржуазии, не создавая условий для победы диктатуры пролетариата в своей собственной стране. Между социал-демократией и марксизмом легла пропасть. Отныне *единственным* носителем и оплотом марксизма является ленинизм, коммунизм.

Но дело этим не ограничилось. Отмежевав социал-демократию от марксизма, Октябрьская революция пошла дальше, отбросив ее в лагерь прямых защитников капитализма *против* первой в мире пролетарской диктатуры. Когда гг. Адлеры и Бауэры, Вельсы и Леви, Лонгэ и Блюмы поносят „советский режим", восхваляя парламентскую „демократию", то этим они хотят сказать, что они борются и будут бороться *за* восстановление капиталистических порядков в СССР, *за* сохранение капиталистического рабства в „цивилизованных" государствах. Нынешний социал-демократизм есть *идейная опора* капитализма. Ленин был тысячу раз прав, когда он говорил, что нынешние социал-демократические политики являются „настоящими агентами буржуазии в рабочем движении, рабочими приказчиками класса капиталистов", что в „гражданской войне пролетариата с буржуазией" они неизбежно станут „на сторону версальцев против коммунаров". *Невозможно покончить с капитализмом, не покончив с социал-демократизмом в рабочем движении.* Поэтому эра умирания капитализма является вместе с тем эрой умирания социал-демократизма в рабочем движении. Великое значение Октябрьской революции состоит, между прочим, в том, что она знаменует собой неизбежную победу ленинизма над социал-демократизмом в мировом рабочем движении.

Эра господства II Интернационала и социал-демократизма в рабочем движении *кончилась.*

Наступила эра господства ленинизма и III Интернационала.

„Правда" № 255,
6—7 ноября 1927 г.

НА ХЛЕБНОМ ФРОНТЕ

Из беседы со студентами Института Красной профессуры, Комакадемии и Свердловского университета 28 мая 1928 г.

ВОПРОС. Что следует считать основным в наших затруднениях по хлебному делу? В чем состоит выход из этих затруднений? Каковы должны быть выводы в связи с этими затруднениями в отношении темпа развития нашей индустрии вообще, особенно с точки зрения соотношения между легкой и тяжелой индустрией?

ОТВЕТ. При первом взгляде может показаться, что наши хлебные затруднения являются случайностью, результатом лишь плохого планирования, результатом лишь ряда ошибок в деле хозяйственного сбалансирования. Но это может показаться лишь при первом взгляде. На самом деле причины затруднений лежат здесь гораздо глубже. Что плохое планирование и ошибки по хозяйственному сбалансированию сыграли здесь значительную роль, — в этом не может быть никакого сомнения. Но объяснять все плохим планированием и случайными ошибками, — значит впадать в грубейшую ошибку. Было бы ошибочно преуменьшать роль и значение планирования. Но было бы еще большей ошибкой преувеличивать роль планового начала, думая, что мы уже достигли той степени развития, когда имеется возможность планировать и регулировать все и вся. Не следует забывать, что кроме элементов, поддающихся нашему плановому воздействию, в составе нашего народного хозяйства имеются еще другие элементы, не поддающиеся пока что планированию, имеются, наконец, враждебные нам классы, которые не могут быть преодолены в порядке простого госплановского планирования. Вот почему я думаю, что нельзя сводить все к простой случайности, к ошибкам планирования и т. д.

Итак, в чем состоит основа наших затруднений на хлебном фронте?

Основа наших хлебных затруднений состоит в том, что рост производства товарного хлеба идет у нас медленней, чем рост потребностей на хлеб. Растет промышленность. Растет количество рабочих. Растут города. Растут, наконец, районы производства технического сырья (хлопок, лен, свекла и т. д.), предъявляющие спрос на товарный хлеб. Все это ведет к быстрому росту потребностей на хлеб, на товарный хлеб. А производство товарного хлеба растет убийственно медленным темпом. Нельзя сказать, что заготовленного хлеба, имеющегося в распоряжении государства, было у нас в этом году меньше, чем в прошлом или позапрошлом году. Наоборот, в этом году у нас имелось в руках государства гораздо больше хлеба, чем в прошлые годы. И все же мы стоим перед затруднениями по хлебу. Вот некоторые цифры. В 1925/26 году мы сумели заготовить к 1 апреля 434 млн. пуд. хлеба. Из них вывезли за границу 123 млн. пуд. Оставалось, следовательно, в стране заготовленного хлеба 311 млн. пуд. В 1926/27 году мы имели к 1 апреля заготовленного хлеба 596 млн. пуд. Из них вывезли за границу 153 млн. пуд. Оставалось в стране заготовленного хлеба 443 млн. пуд. В 1927/28 г. мы имели к 1 апреля заготовленного хлеба 576 млн. пуд. Из них вывезли за границу 27 млн. пуд. Осталось в стране заготовленного хлеба 549 млн. пуд. Иначе говоря, мы имели в этом году к 1 апреля заготовленного хлеба для потребностей страны на 100 млн. пуд. больше, чем в прошлом году, и на 230 млн. пуд. больше, чем в позапрошлом году. И все-таки мы имеем в этом году затруднения на хлебном фронте.

Я уже говорил в одном из своих докладов, что эти затруднения были использованы капиталистическими элементами деревни и, прежде всего, кулаками для того, чтобы сорвать советскую хозяйственную политику. Вы знаете, что Советская власть предприняла ряд мер, имеющих своей целью ликвидировать антисоветское выступление кулачества. Я не буду поэтому распространяться здесь об этом. Меня интересует в данном случае другой вопрос. Я имею в виду вопрос о причинах медленного роста производства товарного хлеба, вопрос о том, что рост производства товарного хлеба идет у нас медленней, чем рост потребностей на хлеб, несмотря на то, что мы уже достигли довоенных норм посевных площадей и валовой продукции хлеба.

В самом деле, разве это не факт, что мы уже достигли довоенных норм посевных площадей? Да, факт. Разве это не факт, что валовая продукция хлеба уже в прошлом году равнялась довоенной норме производства, т. е. доходила до 5 млрд. пуд. хлеба? Да, факт. Чем объяснить в таком случае, что, несмотря на эти обстоятельства, мы производим товарного хлеба вдвое меньше, а вы-

возим за границу хлеба раз в двадцать меньше, чем в довоенное время? Объясняется это, прежде всего и главным образом, изменением строения нашего сельского хозяйства в результате Октябрьской революции, переходом от крупного помещичьего и крупного кулацкого хозяйства, дававшего наибольшее количество товарного хлеба, к мелкому и среднему крестьянскому хозяйству, дающему наименьшее количество товарного хлеба. Уже одно то, что до войны мы имели 15—16 млн. индивидуальных крестьянских хозяйств, а теперь мы имеем 24—25 млн. крестьянских хозяйств, — уже одно это говорит о том, что основной базой нашего сельского хозяйства является мелкое крестьянское хозяйство, дающее минимум товарного хлеба. Сила крупного хозяйства в земледелии, является ли оно помещичьим, кулацким или коллективным хозяйством, состоит в том, что оно, это крупное хозяйство, имеет возможность применять машины, использовать данные науки, применять удобрения, подымать производительность труда и давать, таким образом, наибольшее количество товарного хлеба. И, наоборот, слабость мелкого крестьянского хозяйства состоит в том, что оно лишено, или почти лишено, этих возможностей, ввиду чего и является оно хозяйством полупотребительским, малотоварным. Взять, например, колхозы и совхозы. Они дают у нас товарного хлеба в 47,2% всего своего валового производства. Иначе говоря, они дают товарного хлеба больше, чем помещичье хозяйство в довоенное время. А мелкие и средние крестьянские хозяйства? Они дают у нас товарного хлеба всего лишь в 11,2% всей суммы своей продукции. Разница, как видите, довольно красноречивая.

Вот вам несколько цифр, вскрывающих картину строения хлебного производства в прошлом, в довоенный период, и в настоящем, в послеоктябрьский период. Цифры эти даны членом коллегии ЦСУ т. Немчиновым. Они, эти цифры, не претендуют на точность, как оговаривается в своей записке т. Немчинов, — они дают возможность сделать лишь приблизительные расчеты. Но эти цифры вполне достаточны для того, чтобы понять разницу между периодом довоенным и периодом послеоктябрьским с точки зрения строения хлебного производства вообще и производства товарного хлеба в особенности (см. табл. на стр. 213).

О чем говорит эта таблица?

Она говорит, во-первых, о том, что производство подавляющей массы хлебных продуктов перешло от помещиков и кулаков к мелким и средним крестьянам. Это значит, что мелкие и средние крестьяне, освободившись вовсе от помещичьего гнета и подорвав, в основном, силу кулачества, получили возможность серьезнейшим образом улучшить свое материальное положение. Это — результат Октябрьской революции. В этом сказывается, прежде всего, тот

	Валовая продукция хлеба Млн. пуд.	%	Товарный хлеб (внедеревенский) Млн. пуд.	%	% товарности
До войны:					
1. Помещики	600	12,0	281,6	21,6	47
2. Кулаки	1.900	38,0	650,0	50,0	34
3. Середняки и бедняки	2.500	50,0	369,0	28,4	14,7
Итого	5.000	100	1.300,6	100	26
В 1926/27 году:					
1. Совхозы и колхозы	80,0	1,7	37,8	6,0	47,2
2. Кулаки	617,0	13,0	126,0	20,0	20,0
3. Середняки и бедняки	4.052,0	85,3	466,2	74,0	11,2
Итого	4.749,0	100	630,0	100	13,3

решающий выигрыш, который получили основные массы крестьянства от Октябрьской революции.

Она говорит, во-вторых, о том, что основными держателями товарного хлеба являются у нас мелкие и, прежде всего, средние крестьяне. Это значит, что не только с точки зрения валовой продукции хлеба, но и с точки зрения производства товарного хлеба СССР стал, в результате Октябрьской революции, страной мелкокрестьянского хозяйства, а середняк — „центральной фигурой“ земледелия.

Она говорит, в-третьих, о том, что ликвидация помещичьего (крупного) хозяйства, сокращение кулацкого (крупного) хозяйства более чем втрое и переход к мелкому крестьянскому хозяйству, представляющему лишь 11% товарности, при отсутствии сколько-нибудь развитого крупного общественного хозяйства в области хлебного производства (колхозы, совхозы) должны были привести и действительно привели к резкому сокращению производства товарного хлеба по сравнению с довоенным временем. Это факт, что мы имеем теперь вдвое меньше товарного хлеба, несмотря на довоенную норму валовой продукции хлеба.

Вот где основа наших затруднений на хлебном фронте.

Вот почему нельзя считать наши затруднения в области хлебозаготовок простой случайностью.

Нет сомнения, что известную отрицательную роль сыграло здесь также и то обстоятельство, что наши торговые организации взяли на себя ненужную обязанность снабжения хлебом ряда мелких и средних городов, что не могло не уменьшить, в известной степени, хлебных запасов государства. Но нет никаких осно-

ваний сомневаться, что основой наших затруднений на хлебном фронте является не это обстоятельство, а факт медленного развития товарности нашего сельского хозяйства при усиленном росте потребности на товарный хлеб.

Где выход из положения?

Есть люди, которые усматривают выход из положения в возврате к кулацкому хозяйству, в развитии и развертывании кулацкого хозяйства. Эти люди не решаются говорить о возврате к помещичьему хозяйству, понимая, видимо, что опасно болтать о таких вещах в наше время. Но они тем охотнее говорят о необходимости всемерного развития кулацкого хозяйства в интересах... Советской власти. Эти люди полагают, что Советская власть могла бы опереться сразу на два противоположных класса, — на класс кулаков, хозяйственным принципом которых является эксплоатация рабочего класса, и на класс рабочих, хозяйственным принципом которых является уничтожение всякой эксплоатации. Фокус, достойный реакционеров. Не стоит и доказывать, что эти реакционные „планы" не имеют ничего общего с интересами рабочего класса, с принципами марксизма, с задачами ленинизма. Разговоры о том, что кулак „не хуже" городского капиталиста, что кулак представляет ничуть не бо̀льшую опасность, чем городской нэпман, что ввиду этого нам нечего „опасаться" теперь кулачества, — такие разговоры являются пустой либеральной болтовней, усыпляющей бдительность рабочего класса и основных масс крестьянства. Не следует забывать, что если в индустрии мы можем противопоставить мелкому капиталисту в городе крупную социалистическую промышленность, дающую $^9/_{10}$ всей массы промышленных товаров, то крупному кулацкому производству в деревне мы можем противопоставить по линии производства лишь неокрепшие еще колхозы и совхозы, производящие в 8 раз меньше хлеба, чем кулацкие хозяйства. Не понимать значения крупного кулацкого хозяйства в деревне, не понимать того, что удельный вес кулачества в деревне во сто крат выше, чем удельный вес капиталистов в городской промышленности, — это значит сойти с ума, порвать с ленинизмом, перебежать на сторону врагов рабочего класса.

Итак, где же выход из положения?

1) Выход состоит, прежде всего, в том, чтобы перейти от мелких, отсталых и распыленных крестьянских хозяйств к объединенным, крупным, общественным хозяйствам, снабженным машинами, вооруженным данными науки и способным произвести наибольшее количество товарного хлеба. Выход — в переходе от индивидуального крестьянского хозяйства к коллективному, к общественному хозяйству в земледелии.

К организации колхозов Ленин звал партию еще с первых дней Октябрьской революции. С тех пор пропаганда идеи колхозов не прекращалась у нас в партии. Однако, призыв к колхозам нашел массовый отклик лишь в последнее время. Объясняется это, прежде всего, тем, что широкое развитие кооперативной общественности в деревне подготовило перелом в настроении крестьянства в пользу колхозов, а наличие ряда колхозов, дающих уже теперь 150—200 пудов урожая с десятины и представляющих 30—40% товарности, создало серьезную тягу бедноты и низших слоев середнячества к колхозам. Не малое значение имеет здесь также то обстоятельство, что только в последнее время получило государство возможность серьезно финансировать колхозное движение. Известно, что в этом году государство отпустило на помощь колхозам вдвое больше денег, чем в прошлом году (более 60 млн. рублей). XV съезд партии был совершенно прав, признав, что условия для массового колхозного движения уже созрели, что усиление колхозного движения является одним из серьезнейших средств для поднятия товарности хлебного производства в стране.

Валовая продукция хлеба в колхозах в 1927 г. составляла, по данным ЦСУ, не менее 55 млн. пудов с общей средней товарностью в 30%. Широкая волна образования новых колхозов и расширение старых в начале этого года должны дать значительное увеличение производства хлеба в колхозах к концу года. Задача состоит в том, чтобы сохранить нынешний темп развития колхозного движения, укрупнить колхозы, откинуть дутые колхозы, заменив их действительными колхозами, и установить такой режим, чтобы колхозы сдавали государственным и кооперативным организациям весь свой товарный хлеб под угрозой лишения субсидий и кредитов со стороны государства. Я думаю, что при соблюдении этих условий мы могли бы добиться того, чтобы года через 3—4 иметь от колхозов миллионов 40—50 пуд. товарного хлеба.

Иногда колхозное движение противопоставляют кооперативному движению, полагая, очевидно, что колхозы — одно, а кооперация — другое. Это, конечно, неправильно. Некоторые доходят даже до того, что колхозы противопоставляют кооперативному плану Ленина. Нечего и говорить, что такое противопоставление не имеет ничего общего с истиной. На самом деле колхозы есть вид кооперации, наиболее яркий вид производственной кооперации. Есть кооперация сбытовая, есть снабженческая, есть и производственная. Колхозы представляют неразрывную составную часть кооперативного движения, вообще, ленинского кооперативного плана, в частности. Проводить ленинский кооперативный план — это значит подымать крестьянство от кооперации сбытовой и снаб-

женческой к кооперации производственной, к кооперации, так сказать, колхозной. Этим, между прочим, объясняется тот факт, что колхозы стали у нас возникать и развиваться лишь в результате развития и усиления сбытовой и снабженческой кооперации.

2) Выход состоит, во-вторых, в том, чтобы расширить и укрепить старые совхозы, организовать и развить новые крупные совхозы. Валовая продукция хлеба в нынешних совхозах составляла в 1927 году, по данным ЦСУ, не менее 45 млн. пуд. с товарностью в 65%. Несомненно, что при известной поддержке со стороны государства совхозы могли бы значительно поднять производство хлеба. Но задача этим не ограничивается. Имеется решение Советской власти, в силу которого организуются в районах, свободных от крестьянских наделов, новые крупные совхозы (от 10 тысяч до 30 тысяч десятин каждый), которые должны дать лет через 5—6 миллионов 100 пудов товарного хлеба. К организации этих совхозов уже приступлено. Задача состоит в том, чтобы провести в жизнь это решение Советской власти во что бы то ни стало. Я думаю, что при условии выполнения этих задач мы могли бы добиться того, чтобы иметь от старых и новых совхозов года через 3—4 миллионов 80—100 пудов товарного хлеба.

3) Выход состоит, наконец, в том, чтобы систематически подымать урожайность мелких и средних индивидуальных крестьянских хозяйств. Мы не можем и не должны поддерживать индивидуальное крупное кулацкое хозяйство. Но мы можем и должны поддерживать индивидуальное мелкое и среднее крестьянское хозяйство, подымая его урожайность и вовлекая его в русло кооперативной организованности. Задача эта старая, провозглашенная у нас с особой силой еще в 1921 году при замене продразверстки продналогом. Эта задача подтверждена нашей партией на XIV и XV съездах. Важность этой задачи подчеркивается теперь затруднениями на хлебном фронте. Поэтому она, эта задача, должна выполняться с такой же настойчивостью, с какой будут выполняться первые две задачи, задача о колхозах и задача о совхозах.

Все данные говорят, что урожайность крестьянского хозяйства можно было бы поднять в продолжение нескольких лет процентов на 15—20. Сейчас имеется у нас в употреблении не менее 5 миллионов сох. Одна только замена их плугами могла бы дать серьезнейший прирост производства хлеба в стране. Я уже не говорю о снабжении крестьянских хозяйств известным минимумом удобрений, очищенными семенами, машинами мелкого типа и т. д. Метод контрактации, метод заключения договоров с целыми деревнями и селами на предмет снабжения их семенами и т. д. при обязательном условии получения от них соответствующего количества хлебных продуктов, — этот метод является луч-

шим способом поднятия урожайности крестьянских хозяйств и вовлечения крестьян в кооперацию. Я думаю, что при серьезной работе в этом направлении мы могли бы иметь года через 3—4 не менее 100 млн. пудов нового товарного хлеба от мелких и средних индивидуальных крестьянских хозяйств.

Таким образом, при условии выполнения всех этих задач мы могли бы иметь через 3—4 года в распоряжении государства новых 200—250 млн. пудов товарного хлеба, более или менее достаточного для того, чтобы должным образом маневрировать как внутри страны, так и вне ее.

Таковы, в основном, мероприятия, необходимые для того, чтобы выйти из затруднения на хлебном фронте.

Соединить эти основные мероприятия с текущими мероприятиями по улучшению планирования в области снабжения деревни товарами, освободив наши торговые организации от обязанности снабжения хлебом целого ряда мелких и средних городов, — такова теперь задача.

Не следует ли наряду с этими мероприятиями принять еще ряд других мероприятий, скажем, мероприятий по замедлению темпа развития нашей индустрии, рост которой создает усиленный рост потребности на хлеб, обгоняющий пока что рост производства товарного хлеба? Нет, не следует. Ни в коем случае! Замедлить темп развития индустрии значит ослабить рабочий класс, ибо каждый шаг вперед в деле развития индустрии, каждая новая фабрика, каждый новый завод представляют, по выражению Ленина, „новую крепость" рабочего класса, усиливающую его позиции в борьбе с мелко-буржуазной стихией, в борьбе с капиталистическими элементами нашего хозяйства. Наоборот, мы должны сохранить нынешний темп развития индустрии, мы должны при первой возможности развить его дальше для того, чтобы забросать деревню товарами и изъять оттуда побольше хлеба, для того, чтобы снабжать сельское хозяйство и, прежде всего, колхозы и совхозы машинами, для того, чтобы индустриализовать сельское хозяйство и поднять товарность его продукции.

Может быть, следовало бы для большей „осторожности" задержать развитие тяжелой промышленности с тем, чтобы сделать легкую промышленность, работающую, главным образом, на крестьянский рынок, базой нашей индустрии? Ни в коем случае! Это было бы самоубийством, подрывом всей нашей промышленности, в том числе и легкой промышленности. Это означало бы отход от лозунга индустриализации нашей страны, превращение нашей страны в придаток капиталистической системы хозяйства. Мы исходим здесь из известных руководящих положений Ленина, данных им на IV конгрессе Коминтерна и безусловно обязатель-

ных для всей нашей партии. Вот что говорил на этот счет Ленин на IV конгрессе Коминтерна:

„Спасением для России является не только хороший урожай в крестьянском хозяйстве, — этого еще мало, — и не только хорошее состояние легкой промышленности, поставляющей крестьянству предметы потребления, — этого тоже еще мало, — нам необходима также *тяжелая* индустрия“.

Или еще:

„Мы экономим на всем, даже на школах. Это должно быть, потому что мы знаем, что без спасения тяжелой промышленности, без ее восстановления мы не сможем построить никакой промышленности, а без нее мы вообще погибнем, как самостоятельная страна“ (т. XXVII, стр. 349).

Этих указаний Ленина забывать нельзя.

Как будет обстоять дело с союзом рабочих и крестьян в связи с намеченными мероприятиями? Я думаю, что эти мероприятия могут лишь облегчить дело укрепления союза рабочих и крестьян. В самом деле, если колхозы и совхозы будут развиваться ускоренным темпом; если в результате прямой помощи мелким и средним крестьянам урожайность их хозяйств будет подниматься, а кооперация будет охватывать все более широкие массы крестьянства; если государство получит новые сотни миллионов пудов товарного хлеба, необходимого для маневрирования; если в результате этих и подобных им мероприятий кулачество будет обуздываться и постепенно преодолеваться, — то разве не ясно, что противоречия между рабочим классом и крестьянством внутри союза рабочих и крестьян будут при этом все более и более сглаживаться, потребность в чрезвычайных мерах по заготовке хлеба будет отпадать, широкие массы крестьянства будут все более поворачиваться в сторону коллективных форм хозяйства, а борьба за преодоление капиталистических элементов в деревне будет принимать все более массовый и организованный характер. Разве не ясно, что дело союза рабочих и крестьян может лишь выиграть от таких мероприятий?

Следует только иметь в виду, что союз рабочих и крестьян в условиях диктатуры пролетариата не есть простой союз. Это есть особая форма классового союза рабочего класса и трудящихся масс крестьянства, ставящая своей целью: а) усиление позиций рабочего класса, б) обеспечение руководящей роли рабочего класса внутри этого союза, в) уничтожение классов и классового общества. Всякое иное понимание союза рабочих и крестьян есть оппортунизм, меньшевизм, эс-эрство, — все что угодно, только не марксизм, только не ленинизм.

Как совместить идею союза рабочих и крестьян с известным положением Ленина о том, что крестьянство является „последним

капиталистическим классом"? Нет ли тут противоречия? Противоречие тут только видимое, кажущееся. На самом деле тут нет никакого противоречия. В том же самом докладе на III конгрессе Коминтерна, где Ленин характеризует крестьянство как „последний капиталистический класс", в этом же самом докладе Ленин еще и еще раз обосновывает необходимость союза рабочих и крестьян, заявляя, что „высший принцип диктатуры — это поддержание союза пролетариата с крестьянством, чтобы он мог удержать руководящую роль и государственную власть". Ясно, что Ленин, во всяком случае, не усматривает здесь никакого противоречия.

Как нужно понимать положение Ленина о том, что крестьянство есть „последний капиталистический класс"? Не значит ли это, что крестьянство состоит из капиталистов? Нет, не значит. Это значит, во-первых, что крестьянство является особым классом, строящим хозяйство на основе частной собственности на орудия и средства производства и отличающимся, ввиду этого, от класса пролетариев, строящих хозяйство на основе коллективной собственности на орудия и средства производства. Это значит, во-вторых, что крестьянство является таким классом, который выделяет из своей среды, порождает и питает капиталистов, кулаков и вообще разного рода эксплоататоров.

Не является ли это обстоятельство непреодолимым препятствием для дела организации союза рабочих и крестьян? Нет, не является. Союз пролетариата с крестьянством в условиях диктатуры пролетариата не есть союз со всем крестьянством. Союз пролетариата с крестьянством является союзом рабочего класса с трудящимися массами крестьянства. Такой союз не может быть осуществлен без борьбы с капиталистическими элементами крестьянства, без борьбы с кулачеством. Такой союз не может быть прочным без организации бедноты, как опоры рабочего класса в деревне. Поэтому союз рабочих и крестьян в нынешних условиях диктатуры пролетариата может быть осуществлен лишь под известным лозунгом Ленина: обопрись на бедноту, устраивай прочный союз с середняком, ни на минуту не прекращай борьбу с кулачеством. Ибо только при проведении этого лозунга может быть осуществлено дело вовлечения основных масс крестьянства в русло социалистического строительства.

Вы видите, таким образом, что противоречие между двумя формулами Ленина является лишь мнимым, кажущимся противоречием. На самом деле между ними нет никакого противоречия.

ЛЕНИН И ВОПРОС О СОЮЗЕ С СЕРЕДНЯКОМ [1]

Ответ тов. С.

Товарищ С.!

Неверно, что лозунг Ленина „уметь достигать соглашения с средним крестьянством, ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту“, данный в известной его статье о Питириме Сорокине, — является будто бы лозунгом „периода комбедов“, лозунгом „конца периода так называемой нейтрализации среднего крестьянства“. *Это совершенно неверно.* Комбеды были основаны в июне 1918 года. К концу октября 1918 года мы имели уже перевес наших сил в деревне против кулачества и *поворот* середняка в сторону Советской власти. На базе этого поворота и возникло решение ЦК об уничтожении двоевластия между советами и комбедами, о перевыборах волостных и сельских советов, о растворении комбедов во вновь избранных советах и, следовательно, о ликвидации комбедов. Советское оформление этого решения было принято, как известно, 9 ноября 1918 г. на VI съезде советов. Я имею в виду постановление VI съезда советов от 9 ноября 1918 г. о перевыборах сельских и волостных советов и растворении комбедов в советах. А когда появилась статья Ленина „Ценные признания Питирима Сорокина“, где он вместо лозунга нейтрализации середняка провозглашает лозунг соглашения с середняком? Она появилась 21 ноября 1918 года, т. е. почти через две недели *после* этого постановления VI съезда советов. В этой статье Ленин прямо говорит, что политика соглашения с середняком диктуется *поворотом* середняка в нашу сторону. Вот слова Ленина:

„В деревне наша задача — уничтожить помещика, сломить сопротивление эксплоататора и спекулянта-кулака; опереться для этого мы можем прочно *только* на полупролетариев, на „бедноту“. Но средний крестьянин нам не враг. Он колебался, колеблется и будет колебаться: задача воздей-

[1] Печатается с некоторыми сокращениями. *И. Ст.*

ствия на колеблющихся *не одинакова* с задачей низвержения эксплоататора и победы над активным врагом. Уметь достигать соглашения с средним крестьянином — ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту — это задача момента, ибо именно теперь *поворот в среднем крестьянстве в нашу сторону неизбежен*[1] в силу вышеизложенных причин" (т. XXIII, стр. 294).

Что же из этого следует?

А из этого следует то, что лозунг Ленина относится не к *старому* периоду, не к периоду комбедов и нейтрализации середняка, а к *новому* периоду, периоду соглашения с середняком. Он отражает, таким образом, не *конец* старого периода, а *начало* нового периода.

Но ваше утверждение о лозунге Ленина неверно не только формально, не только, так сказать, в хронологическом отношении, — оно неверно и по существу. Известно, что лозунг Ленина о соглашении с середняком, как новый лозунг, получил общепартийное провозглашение на VIII съезде нашей партии (март 1919 г.). Известно, что VIII съезд партии является тем самым съездом, который обосновал основы нашей политики прочного союза с середняком. Известно, что наша программа, программа ВКП, принята также на VIII съезде партии. Известно, что в этой программе имеются специальные пункты об отношении партии к различным группировкам в деревне: к бедноте, к середнякам, к кулачеству. Что сказано в этих пунктах программы ВКП о социальных группировках в деревне и об отношении партии к ним? Слушайте:

„Во всей своей работе в деревне РКП попрежнему *опирается на пролетарские и полупролетарские слои ее,* организует, прежде всего, их в самостоятельную силу, создавая партийные ячейки в деревне, организации бедноты, особого типа профессиональные союзы пролетариев и полупролетариев деревни и т. д., сближая их всемерно с городским пролетариатом и вырывая их из-под влияния деревенской буржуазии и мелко-собственнических интересов.

По отношению к кулачеству, к деревенской буржуазии, политика РКП состоит в *решительной борьбе против их эксплоататорских поползновений, в подавлении их сопротивления советской политике.*

По отношению к среднему крестьянству политика РКП состоит в постепенном и планомерном вовлечении его в работу социалистического строительства. Партия ставит своей задачей отделять его от кулаков, привлекать его на сторону рабочего класса внимательным отношением к его нуждам, борясь с его отсталостью мерами идейного воздействия, отнюдь не мерами подавления, стремясь во всех случаях, где затронуты его жизненные интересы, *к практическим соглашениям с ним,* идя на уступки ему в определении способов проведения социалистических преобразований"[1] („VIII съезд РКП", стеногр. отчет, стр. 396).

---

[1] Курсив везде мой. *И. Ст.*

Попробуйте-ка найти хотя бы малейшую, хотя бы словесную разницу между этими пунктами программы и лозунгом Ленина! Вы не найдете этой разницы, ибо ее не существует в природе. Более того. Не может быть никакого сомнения, что лозунг Ленина не только не противоречит решениям VIII съезда о середняке, а, наоборот, — является самой точной и самой удачной формулировкой этих решений. А ведь это факт, что программа ВКП принята в марте 1919 г. на VIII съезде партии, специально обсуждавшем вопрос о середняке, а статья Ленина против Питирима Сорокина, провозгласившая лозунг о соглашении с середняком, появилась в печати в ноябре 1918 г., за четыре месяца до VIII съезда партии.

Разве не ясно, что VIII съезд партии *целиком и полностью подтвердил* лозунг Ленина, провозглашенный в его статье против Питирима Сорокина, как лозунг, которым обязана партия *руководствоваться* в своей работе в деревне *за весь нынешний период социалистического строительства?*

В чем состоит соль лозунга Ленина?

Соль лозунга Ленина состоит в том, что он замечательно метко схватывает *триединую* задачу партийной работы в деревне, выраженную в одной сжатой формуле: а) *обопрись* на бедноту, б) устраивай *соглашение* с середняком, в) ни на минуту не прекращай *борьбу* с кулаком. Попробуйте-ка взять из этой формулы одну из ее частей, как базу для работы в деревне в данный момент, забыв об остальных ее частях, — и вы обязательно попадете в тупик. Можно ли в условиях нынешней фазы социалистического строительства устраивать действительное и прочное соглашение с середняком, не опираясь на бедноту и не ведя борьбы с кулаком? Нельзя. Можно ли в условиях нынешнего развития вести успешную борьбу с кулаком, не опираясь на бедноту и не имея соглашения с середняком? Нельзя. Как удачнее всего выразить в одном обобщающем лозунге эту триединую задачу партийной работы в деревне? Я думаю, что лозунг Ленина является наиболее удачным выражением этой задачи. Надо признать, что удачнее Ленина не скажешь...

Почему необходимо подчеркнуть целесообразность лозунга Ленина *именно теперь*, именно *в данных условиях* работы в деревне?

Потому, что именно теперь замечается тенденция отдельных товарищей разорвать на части *триединую* задачу партийной работы в деревне и оторвать эти части друг от друга. Это целиком подтверждено практикой нашей хлебозаготовительной кампании в январе — феврале этого года. Что с середняком надо установить соглашение — это знают все большевики. Но как установить

это соглашение — это не всякий понимает. Одни думают установить соглашение с середняком путем отказа от борьбы с кулачеством или путем ослабления этой борьбы: дескать, борьба с кулачеством может отпугнуть часть середнячества, зажиточную его часть. Другие думают установить соглашение с середняком путем отказа от работы по организации бедноты или путем ослабления этой работы: дескать, организация бедноты ведет к обособлению бедноты, а обособление может отпугнуть от нас середняков. В результате этих отклонений от правильной линии получается забвение того марксистского положения, что середняк есть класс колеблющийся, что соглашение с середняком можно сделать прочным лишь при условии решительной борьбы с кулачеством и усиления работы среди бедноты, что без этих условий середняк может колебнуться к кулачеству, как к силе. Вспомните слова Ленина, сказанные им на VIII съезде партии:

„Необходимо определить отношение к классу, который *не имеет определенного устойчивого положения*[1]. Пролетариат в массе за социализм, буржуазия в массе против социализма, — определить отношение между двумя этими классами легко. А когда мы переходим к такому слою, как среднее крестьянство, то оказывается, что *это — такой класс, который колеблется.* Он отчасти собственник, отчасти труженик. Он не эксплоатирует других представителей трудящихся. Ему десятилетия приходилось с величайшим трудом отстаивать свое положение, он испытал на себе эксплоатацию помещиков и капиталистов, он вынес все, и в то же время он — собственник. Поэтому наше отношение к этому колеблющемуся классу представляет громадные трудности“ („VIII съезд РКП“, стеногр. отчет, стр. 346).

Но бывают и другие отклонения от правильной линии, не менее опасные, чем предыдущие. Бывает, что ведут борьбу с кулачеством, но ведут ее так неуклюже и бессмысленно, что удары падают по середняку и бедняку. В результате кулак остается целехонек, дело союза с середняком получает трещину, а часть бедноты попадает временно в лапы кулака, ведущего подкопную борьбу против советской политики. Бывают и такие случаи, когда борьбу с кулачеством пытаются превратить в раскулачивание, а хлебозаготовительную работу — в продразверстку, забывая, что раскулачивание при наших условиях есть глупость, а продразверстка означает не союз, а борьбу с середняком.

Отчего проистекают эти отклонения от партийной линии?

От непонимания того, что тройственная задача партийной работы в деревне является *единой* и *нераздельной* задачей. От непонимания того, что *нельзя отрывать* задачу борьбы с кулаче-

[1] Курсив мой. *И. Ст.*

ством от задачи соглашения с середняком, а обе эти задачи — от задачи превращения бедноты в опору партии в деревне[1].

Что нужно сделать для того, чтобы эти задачи не отрывались друг от друга в ходе нашей текущей работы в деревне?

Для этого нужно, по меньшей мере, дать такой руководящий лозунг, который бы объединил все эти задачи в одну общую формулу, который бы не допускал, следовательно, отрыва этих задач друг от друга.

Есть ли у нас в партийном арсенале такая формула, такой лозунг?

Да, есть. Такой формулой является лозунг Ленина: „уметь достигать соглашения с средним крестьянином, ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту“.

Вот почему я думаю, что этот лозунг является наиболее целесообразным и всеохватывающим лозунгом, что его нужно выдвигать на первый план *именно теперь, именно в данных условиях* работы в деревне.

---

[1] Из этого следует, что отклонения от правильной линии создают двоякого рода опасность для дела союза рабочих и крестьян: опасность со стороны тех, которые думают превратить, скажем, временные чрезвычайные меры по хлебозаготовкам в постоянный или длительный курс партии, и опасность со стороны тех, которые думают использовать снятие чрезвычайных мер для развязывания кулака, для объявления полной свободы торговли, без регулирования торговли органами государства. Поэтому для обеспечения правильной линии необходима борьба на два фронта.

Пользуюсь случаем отметить, что наша печать не всегда соблюдает это правило, проявляя иногда некоторую однобокость. Бывает, например, что разоблачают тех, которые хотят превратить чрезвычайные меры по хлебозаготовкам, имеющие временный характер, в постоянный курс нашей политики, создавая угрозу смычке. Это очень хорошо. Но нехорошо и неправильно, когда одновременно с этим не уделяют достаточного внимания и не разоблачают как следует тех, которые угрожают смычке с другого бока, не разоблачают тех, которые отдаются мелко-буржуазной стихии, требуют ослабления борьбы с капиталистическими элементами деревни и установления полной свободы торговли, без регулирующей роли государства, подрывая, таким образом, смычку с другого конца. Это уже нехорошо. Это — однобокость.

Бывает и то, что разоблачают тех, которые отрицают, скажем, возможность и целесообразность поднятия индивидуальных мелких и средних крестьянских хозяйств, являющихся на данной стадии базой сельского хозяйства. Это очень хорошо. Но нехорошо и неправильно, когда одновременно с этим не разоблачают тех, которые принижают значение колхозов и совхозов и не видят того, что задача поднятия индивидуального мелкого и среднего крестьянского хозяйства должна быть дополнена практически задачей поднятия колхозно-совхозного строительства. Это уже — однобокость.

Чтобы обеспечить правильную линию, надо вести борьбу *на два фронта* и отбросить всякую однобокость.

Вы считаете лозунг Ленина „оппозиционным“ лозунгом и спрашиваете в своем письме: *„Как могло случиться, что... этот оппозиционный лозунг печатался к 1 мая 1928 г. в „Правде“... чем можно объяснить появление этого лозунга на страницах „Правды“, органа ЦК ВКП, есть ли это лишь техническая опечатка или же это компромисс с оппозицией по вопросу о середняке?“* Грозно сказано, — нечего и говорить! А все же, осторожнее „на поворотах“, т. С.: как бы вам не пришлось при вашей ретивости притти к выводу о *запрещении* печатания нашей программы, целиком подтверждающей лозунг Ленина (факт!), выработанной в основном Лениным (отнюдь не оппозиционер!) и принятой VIII съездом партии (тоже не оппозиционной!). Побольше уважения к известным пунктам нашей программы о социальных группировках в деревне! Побольше уважения к решениям VIII съезда партии о среднем крестьянстве!.. Что касается вашей фразы о „компромиссе с оппозицией по вопросу о середняке“, то она, эта фраза, я думаю, не стоит того, чтобы ее опровергать: она сказана вами, должно быть, сгоряча.

Вас, кажется, смущает то обстоятельство, что в лозунге Ленина и в программе ВКП, принятой на VIII съезде, говорится о *соглашении* с середняком, тогда как в своей речи при открытии VIII съезда Ленин говорит о *прочном союзе* с середняком. Вы усматриваете в этом, должно быть, что-то вроде противоречия. Вы, возможно, склонны даже предположить, что политика *соглашения* с середняком есть нечто вроде отхода от политики *союза* с ним. Это неверно, т. С. Это — большое заблуждение. Так могут думать только люди, умеющие читать буквы лозунга, но не умеющие вникать в смысл лозунга. Так могут думать люди, не знающие истории лозунга о союзе, о соглашении с середняком. Так могут думать лишь люди, способные предположить, что Ленин, заявивший в своей вступительной речи на VIII съезде о политике „прочного союза“ с середняком, совершил *отход* от себя самого, сказав в другой своей речи *на том же* съезде и в программе партии, принятой на VIII съезде, что нам нужна теперь политика „соглашения“ с середняком.

В чем же тут дело? Дело в том, что Ленин и партия в лице VIII съезда не усматривают *никакой разницы* между понятием „соглашение“ и понятием „союз“. Дело в том, что везде, во всех своих речах на VIII съезде Ленин проводит *знак равенства* между понятием „союз“ и понятием „соглашение“. То же самое надо сказать о резолюции VIII съезда „Об отношении к среднему крестьянству“, где между понятием „соглашение“ и понятием „союз“ проводится *знак равенства.* И так как Ленин и партия считают политику соглашения с середняком не случайной и скоро-

преходящей, а *длительной* политикой, они имели и имеют все основания именовать политику соглашения с середняком политикой прочного союза с ним и, наоборот, политику прочного союза с середняком — политикой соглашения с ним. Стоит ознакомиться с стенографическим отчетом VIII съезда партии и резолюцией того же съезда о середняке, чтобы убедиться в этом.

Вот выдержка из речи Ленина на VIII съезде:

„Сплошь и рядом по неопытности советских работников, по трудности вопроса удары, которые предназначались для кулаков, падали на среднее крестьянство. Здесь мы погрешили чрезвычайно. Собранный в этом отношении опыт поможет нам сделать все для того, чтобы избежать этого в дальнейшем. Вот задача, которая стоит перед нами не теоретически, а практически. Вы прекрасно знаете, что эта задача трудная. У нас нет таких благ, которые мы могли бы дать среднему крестьянину, а он — материалист, практик и требует конкретных материальных благ, которых мы сейчас дать не можем и без которых страна должна обходиться, быть может, еще месяцы тяжелой борьбы, обещающей теперь полную победу. Но мы можем многое сделать в нашей административной практике: улучшить наш аппарат, исправить массу злоупотреблений. Мы можем линию нашей партии, которая недостаточно шла *на блок, на союз, на соглашение* [1] со средним крестьянством, — мы эту линию можем и должны выравнять и выправить" („VIII съезд РКП", стенограф. отчет, стр. 24—25).

Вы видите, что Ленин не делает разницы между „соглашением" и „союзом".

А вот выдержки из резолюции VIII съезда „Об отношении к среднему крестьянству":

„Смешивать средних крестьян с кулачеством, распространять на них в той или иной степени меры, направленные против кулачества, значит нарушать самым грубым образом не только все декреты Советской власти и всю ее политику, но и все основные принципы коммунизма, указывающие на *соглашение* пролетариата с средним крестьянством в период решительной борьбы пролетариата за свержение буржуазии, как на одно из условий безболезненного перехода к устранению всякой эксплоатации.

Среднее крестьянство, имеющее сравнительно крепкие экономические корни, в силу отсталости сельско-хозяйственной техники от промышленной даже в передовых капиталистических странах, не говоря уже о России, будет держаться довольно долгое время после начала пролетарской революции. Поэтому тактика советских работников в деревне, равно как и деятелей партии, должна быть рассчитана на *длительный период сотрудничества* со средним крестьянством...

...Вполне правильная политика Советской власти в деревне обеспечивает, таким образом, *союз и соглашение* победоносного пролетариата со средним крестьянством...

...Политика рабоче-крестьянского правительства и коммунистической партии должна вестись и впредь в этом *духе соглашения* пролетариата и беднейшего крестьянства со средним крестьянством" [1] („VIII съезд РКП", стенограф. отчет, стр. 417—420).

---

[1] Курсив везде мой. *И. Ст.*

Как видите, резолюция также не делает разницы между „соглашением“ и „союзом“.

Нелишне будет заметить, что в этой резолюции VIII съезда нет ни единого слова о „прочном союзе“ с середняком. Значит ли это, однако, что резолюция *отходит* тем самым от политики „прочного союза“ с середняком? Нет, не значит. Это значит лишь то, что резолюция проводит знак равенства между понятием „соглашение“, „сотрудничество“, и понятием „прочный союз“. Оно и понятно: не может быть „союза“ с середняком без того, чтобы не было „соглашения“ с ним, а союз с середняком не может быть „прочным“, если нет „длительного“ соглашения и сотрудничества с ним.

Таковы факты.

Одно из двух: *либо* Ленин и VIII съезд партии *отошли* от ленинского заявления о „прочном союзе“ с середняком, *либо* нужно отбросить это несерьезное предположение и признать, что Ленин и VIII съезд партии не делают никакой *разницы* между понятием „соглашение“ и понятием „прочный союз“.

Итак, кто не хочет быть жертвой пустого буквоедства, кто хочет вникать в смысл ленинского лозунга, говорящего об опоре на бедноту, о соглашении с середняком и о борьбе с кулачеством, тот не может не понять, что политика *соглашения* с середняком есть политика *прочного союза* с ним.

Ваша ошибка состоит в том, что вы не поняли жульнической уловки оппозиции и поддались ее провокации, загнав себя в капкан, поставленный для вас противником. Оппозиционные жулики кричат и шумят, уверяя, что они стоят за лозунг Ленина о соглашении с середняком, при чем они делают провокаторский намек насчет того, что „соглашение“ с середняком — одно, а „прочный союз“ с ним — нечто другое. Этим они хотят убить двух зайцев: во-первых, — скрыть свою действительную позицию о среднем крестьянстве, состоящую не в соглашении с середняком, а в *„разладе* с середняком“ (см. известную речь оппозиционера Смирнова, процитированную мною на XVI московской губпартконференции); во-вторых, — поймать на *мнимой* разнице между „соглашением“ и „союзом“ простаков из большевиков и запутать их вконец, отпихнув их от Ленина.

А что делают в ответ на это некоторые наши товарищи? Вместо того, чтобы сорвать маску с оппозиционных мошенников, вместо того, чтобы уличить их в обмане партии насчет их действительной позиции, — вместо этого они ловятся на удочку, лезут в капкан и дают себя отпихнуть от Ленина. Оппозиция производит шум насчет лозунга Ленина, оппозиционеры корчат из себя сторонников ленинского лозунга, — значит я должен отмежеваться

от этого лозунга, чтобы не смешали меня с оппозицией, иначе меня могут обвинить в „компромиссе с оппозицией“, — такова логика этих товарищей!

И это не единственный пример жульнических приемов оппозиции. Возьмите, например, лозунг самокритики. Большевики не могут не знать, что лозунг самокритики является основой нашего партийного действия, средством укрепления пролетарской диктатуры, душой большевистского метода воспитания кадров. Оппозиция подымает шум, уверяя, что лозунг самокритики выдуман ею, оппозицией, что партия перехватила у нее этот лозунг и капитулировала, таким образом, перед оппозицией. Поступая так, оппозиция хочет добиться, по крайней мере, двух вещей: во-первых, — скрыть от рабочего класса и обмануть его насчет того, что между оппозиционной самокритикой, имеющей своей целью *разрушение* партийности, и большевистской самокритикой, ставящей своей целью *укрепление* партийности, лежит пропасть; во-вторых, — поймать на удочку кой-кого из простаков и заставить их отмежеваться от партийного лозунга о самокритике.

А как реагируют на это некоторые наши товарищи? Вместо того, чтобы сорвать маску с мошенников из оппозиции и отстоять лозунг большевистской самокритики, — они лезут в капкан, отпихиваются от лозунга самокритики, пляшут под дудку оппозиции и... капитулируют перед ней, ошибочно предполагая, что отмежевываются от оппозиции.

Таких примеров можно было бы привести целую кучу.

Но мы не можем плясать в своей работе под чью бы то ни было дудку. Мы тем более не можем руководствоваться в своей работе тем, что говорят про нас оппозиционеры. Мы должны итти своей дорогой, отметая прочь и жульнические выходки оппозиции и ошибки некоторых наших большевиков, поддающихся провокации оппозиционеров. Вспомните слова Маркса: „Следуй своей дорогой, и пусть люди говорят что угодно“!

12 июня 1928 г.
„Правда“ № 152,
3 июля 1928 г.

О ПРАВОЙ ОПАСНОСТИ В ВКП(б)

Речь на пленуме МК и МКК 19 октября 1928 г.

Я думаю, товарищи, что надо прежде всего отвлечься от мелочей, от личных моментов и т. д. для того, чтобы разрешить интересующий нас вопрос о правом уклоне. Есть ли у нас в партии правая, оппортунистическая опасность; существуют ли объективные условия, благоприятные для такой опасности; как бороться с этой опасностью, — вот какие вопросы стоят теперь перед нами. Но мы не разрешим этого вопроса, если не очистим его от всех тех мелочей и наносных элементов, которые облепили его и которые мешают нам понять существо вопроса.

Неправ т. Запольский, когда он думает, что вопрос о правом уклоне есть случайный вопрос. Он утверждает, что все дело здесь не в правом уклоне, а в склоке, в личных интригах и т. д. Допустим на минутку, что склока и личные интриги играют здесь некоторую роль, как и во всякой борьбе. Но объяснять все склокой и не видеть за склокой существа вопроса, — значит сойти с правильного, с марксистского пути. Не может быть, чтобы такая большая, старая, сплоченная организация, какой несомненно является московская организация, могла быть всколыхнута снизу доверху и приведена в движение усилиями нескольких склочников или интриганов. Нет, товарищи, таких чудес не бывает на свете. Я уже не говорю о том, что нельзя так легко расценивать силу и мощь московской организации. Очевидно, что здесь действовали более глубокие причины, не имеющие ничего общего ни со склокой, ни с интригой.

Неправ также т. Фрунтов, который хотя и признает наличие правой опасности, но не считает ее достойной того, чтобы ею могли серьезно заниматься серьезные деловые люди. У него выходит так, что вопрос о правом уклоне есть предмет занятий крикунов, а не деловых людей. Я вполне понимаю т. Фрунтова,

который до того поглощен повседневной практической работой, что ему некогда думать о перспективах нашего развития. Но это еще не значит, что мы должны узкий и деловой практицизм некоторых партийных работников превратить в догмат нашего строительства. Здоровое делячество — дело хорошее, но если оно теряет перспективы в работе и не подчиняет свою работу основной линии партии, — оно превращается в минус. А между тем нетрудно понять, что вопрос о правом уклоне есть вопрос об основной линии нашей партии, есть вопрос о том, правильна или неправильна та перспектива развития, которая дана нашей партией на XV съезде.

Неправы и те товарищи, которые при обсуждении проблемы о правом уклоне заостряют вопрос на лицах, представляющих правый уклон. Укажите нам правых или примиренцев, говорят они, назовите лиц, чтобы мы могли расправиться с ними. Это неправильная постановка вопроса. Лица, конечно, играют известную роль. Но дело тут не в лицах, а в тех условиях, в той обстановке, которые порождают правую опасность в партии. Можно отвести лиц, но это еще не значит, что мы тем самым подорвали корни правой опасности в нашей партии. Поэтому вопрос о лицах не решает дела, хотя и представляет несомненный интерес. Нельзя не вспомнить, в связи с этим, об одном эпизоде в Одессе, имевшем место в конце 1919 и начале 1920 года, когда наши войска, прогнав деникинцев из Украины, добивали последние остатки деникинских войск в районе Одессы. Одна часть красноармейцев с остервенением искала тогда в Одессе Антанту, будучи уверена, что ежели они поймают ее, Антанту, то войне будет конец. *(Общий смех.)* Можно представить, что красноармейцы могли бы поймать кого-либо из представителей Антанты в Одессе. Но этим, конечно, не был бы решен вопрос об Антанте, так как корни Антанты лежат не в Одессе, хотя она и была тогда последней территорией деникинцев, а в мировом капитализме. То же самое можно сказать о некоторых наших товарищах, которые в вопросе о правом уклоне заострляют дело на лицах, представляющих правый уклон, забывая об условиях, порождающих этот уклон.

Поэтому мы должны выяснить здесь прежде всего вопрос об условиях возникновения правого, а также „левого“ (троцкистского) уклона от ленинской линии.

Правый уклон в коммунизме *в условиях капитализма* означает тенденцию, склонность одной части коммунистов, правда, не оформленную и, пожалуй, не осознанную еще, но все же склонность к отходу от революционной линии марксизма в сторону социал-демократии. Когда известные круги коммунистов отри-

цают целесообразность лозунга „класс против класса“ в избирательной борьбе (Франция), или выступают против самостоятельных кандидатур от компартии (Англия), или не хотят заострять вопроса о борьбе с „левой“ социал-демократией (Германия) и т. д. и т. п., — то это значит, что внутри компартий имеются люди, старающиеся приспособить коммунизм к социал-демократизму. Победа правого уклона в компартиях капиталистических стран означала бы идейный разгром компартий и громадное усиление социал-демократизма. А что такое громадное усиление социал-демократизма? Это есть усиление и укрепление капитализма, ибо социал-демократия является главной опорой капитализма в рабочем классе. Стало быть, победа правого уклона в компартиях капиталистических стран ведет к нарастанию условий, необходимых для *сохранения* капитализма.

Правый уклон в коммунизме *в условиях советского развития,* где капитализм уже свергнут, но где еще не вырваны его корни, означает тенденцию, склонность одной части коммунистов, правда, не оформленную и, пожалуй, еще не осознанную, но все же склонность к отходу от генеральной линии нашей партии в сторону буржуазной идеологии. Когда некоторые круги наших коммунистов пытаются тащить партию назад от решений XV съезда, отрицая необходимость наступления на капиталистические элементы деревни, или требуют свертывания нашей индустрии, считая нынешний темп ее развития гибельным для страны, или отрицают целесообразность ассигновок на колхозы и совхозы, считая их (ассигновки) выброшенными на ветер деньгами, или отрицают целесообразность борьбы с бюрократизмом на базе самокритики, полагая, что самокритика расшатывает наш аппарат, или требуют смягчения монополии внешней торговли и т. д. и т. п., — то это значит, что в рядах нашей партии имеются люди, которые пытаются приспособить, может быть сами того не замечая, дело нашего социалистического строительства ко вкусам и потребностям „советской“ буржуазии. Победа правого уклона в нашей партии означала бы громадное усиление капиталистических элементов в нашей стране. А что значит усиление капиталистических элементов в нашей стране? Это значит ослабление пролетарской диктатуры и усиление шансов на восстановление капитализма. Стало быть победа правого уклона в нашей партии означала бы нарастание условий, необходимых *для восстановления* капитализма в нашей стране.

Существуют ли у нас, в нашей советской стране, условия, делающие *возможным* восстановление (реставрацию) капитализма? Да, существуют. Это, может быть, покажется странным, но это факт, товарищи. Мы свергли капитализм, установили диктатуру

пролетариата и развиваем усиленным темпом нашу социалистическую промышленность, смыкая с ней крестьянское хозяйство. Но мы еще не вырвали корней капитализма. Где же они, эти самые корни, гнездятся? Они гнездятся в товарном производстве, в мелком производстве города и особенно деревни. Сила капитализма состоит, как говорит Ленин, „в силе *мелкого производства,* ибо мелкого производства осталось еще на свете, к сожалению, очень и очень много, а мелкое производство *рождает* капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе“ (см. т. XXV, стр. 173). Ясно, что поскольку мелкое производство имеет у нас массовый и даже преобладающий характер и поскольку оно *рождает* капитализм и буржуазию, особенно в условиях нэпа, постоянно и в массовом масштабе, — у нас имеются условия, делающие *возможным* восстановление капитализма.

Существуют ли у нас, в нашей советской стране, средства и силы, необходимые для того, чтобы уничтожить, ликвидировать *возможность* восстановления капитализма? Да, существуют. На этом именно и зиждется правильность тезиса Ленина о *возможности* построения в СССР полного социалистического общества. Для этого необходимо упрочение пролетарской диктатуры, укрепление союза рабочего класса и крестьянства, развитие наших командных высот под углом индустриализации страны, быстрый темп развития индустрии, электрификация страны, перевод всего народного хозяйства на новую техническую базу, массовое кооперирование крестьянства и поднятие урожайности его хозяйства, постепенное объединение индивидуальных крестьянских хозяйств в общественные хозяйства, развитие совхозов, ограничение и преодоление капиталистических элементов города и деревни и т. д. и т. п.

Вот что говорит на этот счет Ленин:

„Пока мы живем в мелко-крестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма. Это необходимо запомнить. Каждый, внимательно наблюдавший за жизнью деревни, в сравнении с жизнью города, знает, что мы корней капитализма не вырвали и фундамент, основу у внутреннего врага не подорвали. Последний держится на мелком хозяйстве, и чтобы подорвать его, есть одно средство — перевести хозяйство страны, в том числе и земледелие, на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства. Такой базой является только электричество. Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны. Иначе страна остается мелко-крестьянской, и надо, чтобы мы это ясно сознали. Мы более слабы, чем капитализм, не только в мировом масштабе, но и внутри страны. Всем это известно. Мы это сознали, и мы доведем дело до того, чтобы хозяйственная база из мелко-крестьянской перешла в крупно-промышленную. Только тогда, когда страна будет электрифицирована, когда

под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, — только тогда мы победим окончательно“ (т. XXVI, стр. 46—47).

Выходит, во-первых, что, пока мы живем в мелко-крестьянской стране, пока мы не выкорчевали еще корней капитализма, для капитализма имеется более прочная экономическая база, чем для коммунизма. Бывает, что срубили дерево, а корней не выкорчевали: нехватило сил. Из этого и вытекает *возможность* восстановления капитализма в нашей стране.

Выходит, во-вторых, что кроме возможности восстановления капитализма существует еще у нас *возможность победы социализма*, ибо мы *можем* уничтожить *возможность* восстановления капитализма, можем выкорчевать корни капитализма и добиться окончательной победы над капитализмом, *если* поведем усиленную работу по электрификации страны, *если* под промышленность, сельское хозяйство и транспорт подведем техническую базу современной крупной промышленности. Из этого и вытекает *возможность* победы социализма в нашей стране.

Выходит, наконец, что нельзя строить социализм только в промышленности, предоставив сельское хозяйство на произвол стихийного развития, исходя из того, что деревня „сама пойдет“ за городом. Наличие социалистической промышленности в городе представляет основной фактор социалистического преобразования деревни. Но это еще не значит, что этот фактор является вполне достаточным. Чтобы социалистический город мог до конца повести за собой крестьянскую деревню, для этого необходимо, как говорит Ленин, „перевести хозяйство страны, *в том числе и земледелие*, на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства“.

Не противоречит ли эта цитата Ленина другой его цитате о том, что „нэп вполне обеспечивает нам *возможность* постройки фундамента социалистической экономики“? Нет, не противоречит. Наоборот, они вполне совпадают друг с другом. Ленин вовсе не говорит, что нэп дает нам социализм в готовом виде. Ленин говорит лишь о том, что нэп обеспечивает нам *возможность* построения фундамента социалистической экономики. Между *возможностью* построения социализма и *действительным его построением* существует большая разница. Нельзя смешивать возможность с действительностью. Именно для того, чтобы эту возможность превратить в действительность, именно для этого Ленин и предлагает в своей большой цитате электрификацию страны и подведение технической базы современной крупной промышленности под промышленность, сельское хозяйство и транспорт, как условие для окончательной победы социализма.

Но осуществить это условие построения социализма в один-два года нет возможности. Нельзя в один-два года индустриализовать страну, построить мощную промышленность, кооперировать миллионные массы крестьянства, подвести новую техническую базу под земледелие, объединить индивидуальные крестьянские хозяйства в крупные коллективы, развить совхозы, ограничить и преодолеть капиталистические элементы города и деревни. Для этого нужны годы и годы усиленной строительной работы пролетарской диктатуры. И пока этого не сделано, — а этого не сделаешь сразу, — мы остаемся все еще мелкокрестьянской страной, где мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно и в массовом масштабе и где опасность восстановления капитализма остается в силе. И так как пролетариат живет не в безвоздушном пространстве, а в самой действительной и реальной жизни со всем ее разнообразием, то нарождающиеся на базе мелкого производства буржуазные элементы „окружают пролетариат со всех сторон мелко-буржуазной стихией, пропитывают его ею, развращают его ею, вызывают постоянно внутри пролетариата рецидивы мелко-буржуазной бесхарактерности, раздробленности, индивидуализма, переходов от увлечения к унынию“ (Ленин, т. XXV, стр. 190) и вносят, таким образом, в пролетариат и его партию известные колебания, известные шатания.

Вот где корень и основа всякого рода колебаний и уклонов от ленинской линии в рядах нашей партии.

Вот почему вопрос о правом или „левом“ уклоне в нашей партии нельзя считать пустяковым вопросом.

В чем состоит опасность *правого,* откровенно оппортунистического уклона в нашей партии? В том, что он *недооценивает* силу наших врагов, силу капитализма, не видит опасности восстановления капитализма, не понимает механики классовой борьбы в условиях диктатуры пролетариата и потому так легко идет на уступки капитализму, требуя снижения темпа развития нашей индустрии, требуя облегчения для капиталистических элементов деревни и города, требуя отодвигания на задний план вопроса о колхозах и совхозах, требуя смягчения монополии внешней торговли и т. д. и т. п. Несомненно, что победа правого уклона в нашей партии развязала бы силы капитализма, подорвала бы революционные позиции пролетариата и подняла бы шансы на восстановление капитализма в нашей стране.

В чем состоит опасность *„левого“* (троцкистского) уклона в нашей партии? В том, что он *переоценивает* силу наших врагов, силу капитализма, видит только возможность восстановления капитализма, но не видит возможности построения социализма си-

лами нашей страны, впадает в отчаяние и вынужден утешать себя болтовней о термидорианстве нашей партии. Из слов Ленина о том, что, „пока мы живем в мелко-крестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма“, — из этих слов Ленина „левый“ уклон делает тот неправильный вывод, что в СССР невозможно вообще построить социализм, что с крестьянством ничего не выйдет, что идея союза рабочего класса и крестьянства есть отжившая идея, что если не подоспеет помощь со стороны победившей революции на Западе, то диктатура пролетариата в СССР должна пасть или переродиться, что если не будет принят фантастический план сверхиндустриализации, проводимый хотя бы ценой раскола с крестьянством, то надо считать дело социализма в СССР погибшим. Отсюда авантюризм в политике „левого“ уклона. Отсюда „сверхчеловеческие“ прыжки в политике. Несомненно, что победа „левого“ уклона в нашей партии привела бы к отрыву рабочего класса от его крестьянской базы, к отрыву авангарда рабочего класса от остальной рабочей массы, — следовательно, к поражению пролетариата и к облегчению условий для восстановления капитализма.

Как видите, обе эти опасности, и „левая“ и правая, оба эти уклона от ленинской линии, и правый и „левый“, ведут к одному и тому же результату, хотя и с разных концов.

Какая из этих опасностей хуже? Я думаю, что обе хуже. Разница между этими уклонами с точки зрения успешной борьбы с ними состоит в том, что „левый“ уклон более ясен в данный момент для партии, чем правый уклон. То обстоятельство, что с „левым“ уклоном идет у нас усиленная борьба вот уже несколько лет, это обстоятельство, конечно, не могло пройти даром для партии. Ясно, что партия за годы борьбы с „левым“, троцкистским уклоном научилась многому и ее уже нелегко провести „левыми“ фразами. Что касается правой опасности, которая существовала и раньше и которая теперь выступает более выпукло ввиду усиления мелко-буржуазной стихии в связи с заготовительным кризисом прошлого года, то она, я думаю, не так ясна для известных слоев нашей партии. Поэтому задача состоит в том, чтобы, не ослабляя ни на иоту борьбы с „левой“, троцкистской опасностью, сделать ударение на борьбе с правым уклоном и принять все меры к тому, чтобы опасность этого уклона стала для партии столь же ясной, как ясна для нее троцкистская опасность.

Вопрос о правом уклоне стоял бы у нас, может быть, не так остро, как он стоит теперь, если бы он не был связан с вопросом *о трудностях* нашего развития. Но в том-то и дело, что

наличие правого уклона усложняет трудности нашего развития и тормозит дело преодоления этих трудностей. И именно потому, что правая опасность затрудняет борьбу за преодоление трудностей, именно поэтому вопрос о преодолении правой опасности приобретает для нас особо важное значение.

Два слова о характере наших трудностей. Следует иметь в виду, что наши трудности не есть трудности застоя или упадка. Бывают трудности при упадке хозяйства или при его застое, при чем люди стараются сделать менее болезненным застой или менее глубоким упадок хозяйства. Наши трудности не имеют ничего общего с такими трудностями. Характерная черта наших трудностей состоит в том, что они есть трудности *подъема,* трудности роста. Когда у нас говорят о трудностях, речь идет обычно о том, на сколько процентов *поднять* промышленность, на сколько процентов *увеличить* посевные площади, на сколько пудов *поднять* урожайность и т. д. и т. д. И именно потому, что наши трудности являются трудностями подъема, а не упадка или застоя, именно поэтому они не должны представлять для партии чего-либо особо опасного. Но трудности являются все же трудностями. И так как для преодоления трудностей необходимо напряжение всех сил, необходимы твердость и выдержка, а твердости и выдержки не у всякого хватает, может быть, потому, что имеется усталость и надорванность, или потому, что предпочитают жить поспокойнее, без борьбы и треволнений, — то тут именно и начинаются колебания и шатания, повороты в сторону линии наименьшего сопротивления, разговоры о снижении темпа развития индустрии, об облегчениях для капиталистических элементов, об отрицании колхозов и совхозов и вообще всего того, что выходит за пределы обычной и спокойной обстановки повседневной работы. Но мы не можем двигаться вперед, не преодолевая трудностей, стоящих перед нами. А чтобы преодолеть трудности, надо, прежде всего, побороть правую опасность, надо, прежде всего, преодолеть правый уклон, тормозящий дело борьбы с трудностями и пытающийся подорвать волю нашей партии к борьбе за преодоление трудностей. Речь идет, конечно, о действительной, а не о словесной, бумажной борьбе с правым уклоном. У нас есть в партии люди, которые непрочь провозглашать, для очистки совести, борьбу с правой опасностью, вроде того, как попы провозглашают иногда „аллилуйя, аллилуйя", но не принимают никаких, ровно никаких практических мер к тому, чтобы поставить борьбу с правым уклоном на должную ногу и преодолеть его, этот самый уклон, на деле. Такое течение называется у нас *примиренческим* течением в отношении правого, открыто оппортунистического уклона. Не-

трудно понять, что борьба с такого рода примиренчеством является составной частью общей борьбы с правым уклоном, с правой опасностью. Ибо невозможно преодолеть правый, оппортунистический уклон, не ведя систематической борьбы с примиренчеством, укрывающим под свое крылышко оппортунистов.

Вопрос о носителях правого уклона представляет несомненный интерес, хотя он и не решает дела. Мы имели случаи столкнуться с носителями правой опасности в низовых организациях нашей партии во время хлебозаготовительного кризиса в прошлом году, когда целый ряд коммунистов в волостях и селах выступал против политики партии, ведя дело на смычку с кулацкими элементами. Вы знаете, что такого рода элементы были у нас вычищены из партии весной этого года, о чем специально упоминается в известном документе ЦК нашей партии в феврале этого года. Но было бы неправильно сказать, что таких элементов не осталось у нас в партии. Если подняться выше, к уездным, губернским парторганизациям, и покопаться хорошенько в советском и кооперативном аппарате, то вы без труда могли бы найти здесь носителей правой опасности и примиренчества с ней. Известны „письма", „заявления" и прочие документы ряда работников нашего партийного и советского аппарата, где тяга к правому уклону сказалась со всей определенностью. Вы знаете, что об этих письмах и документах упоминалось в стенограмме июльского пленума ЦК. Если подняться еще выше и поставить вопрос о ЦК, то надо признать, что и в составе ЦК имеются некоторые, правда, самые незначительные, элементы примиренческого отношения к правой опасности. Стенограмма июльского пленума ЦК является прямым тому доказательством. Ну, а как в Политбюро? Есть ли в Политбюро какие-либо уклоны? В Политбюро нет у нас ни правых, ни левых, ни примиренцев с ними. Это надо сказать здесь со всей категоричностью. Пора бросить сплетни, распространяемые недоброжелателями партии и всякого рода оппозиционерами, о наличии правого уклона или примиренческого отношения к нему в Политбюро нашего ЦК.

Были ли колебания и шатания в московской организации или в ее верхушке, в Московском Комитете? Да, были. Глупо было бы теперь утверждать, что не было там шатаний, колебаний. Чистосердечная речь тов. Пенькова является прямым тому доказательством. Тов. Пеньков не последний человек в московской организации и в Московском Комитете. Вы слышали, что он прямо и открыто признал свои ошибки по целому ряду важнейших вопросов нашей партийной политики. Это не значит, конечно, что Московский Комитет в целом был подвержен колебаниям. Нет, не значит. Такой документ, как обращение Мо-

сковского Комитета к членам московской организации в октябре этого года, с несомненностью говорит о том, что Московскому Комитету удалось преодолеть колебания некоторых своих членов. Я не сомневаюсь, что руководящему ядру Московского Комитета удастся окончательно выправить положение.

Некоторые товарищи недовольны тем, что в это дело вмешались районные организации, поставив вопрос о ликвидации ошибок и колебаний тех или иных руководителей московской организации. Я не знаю, чем можно оправдать такое недовольство. Что может быть плохого в том, что районные активы московской организации подняли свой голос, потребовав ликвидации ошибок и колебаний? Разве наша работа не идет под знаком самокритики снизу? Разве это не факт, что самокритика подымает активность партийных и вообще пролетарских низов? Что же тут плохого или опасного, если районные активы оказались на высоте положения?

Правильно ли поступил ЦК, вмешавшись в это дело? Я думаю, что ЦК поступил правильно. Тов. Берзин думает, что ЦК поступает круто, ставя вопрос о смене одного из районных руководителей, против которого поднялась районная организация. Это совершенно неверно. Я мог бы напомнить т. Берзину о некоторых эпизодах 1919 или 1920 года, когда некоторые члены ЦК, допустившие некоторые, я думаю, не очень серьезные, ошибки в отношении партийной линии, были, по предложению Ленина, примерно наказаны, при чем один из них был направлен в Туркестан, а другой чуть было не поплатился исключением из состава ЦК. Прав ли был Ленин, поступая так? Я думаю, что он был совершенно прав. В ЦК тогда положение было не такое, как теперь. Половина ЦК шла тогда за Троцким, а в самом ЦК не было устойчивого положения. Ныне ЦК поступает несравненно более мягко. Почему? Может быть, мы хотим быть добрее Ленина? Нет, не в этом дело. Дело в том, что положение ЦК теперь более устойчивое, чем тогда, и ЦК имеет теперь возможность поступить более мягко. Неправ и т. Сахаров, утверждая, что ЦК опоздал со своим вмешательством. Неправ, так как он, очевидно, не знает, что вмешательство ЦК началось, собственно говоря, с февраля месяца этого года. Тов. Сахаров может убедиться в этом, если он имеет желание. Правда, вмешательство ЦК не дало сразу положительных результатов. Но странно было бы обвинять в этом ЦК.

Выводы: 1) правая опасность представляет серьезную опасность в нашей партии, ибо она коренится в социально-экономической обстановке нашей страны; 2) опасность правого уклона усугубляется наличием трудностей, которые невозможно преодолеть,

не преодолевая правого уклона и примиренчества с ним; 3) в московской организации были колебания и шатания, были элементы неустойчивости; 4) ядро Московского Комитета с помощью ЦК и районных активов приняло все меры к тому, чтобы колебания были ликвидированы; 5) не может быть сомнений, что Московскому Комитету удастся преодолеть наметившиеся раньше ошибки; 6) задача состоит в том, чтобы ликвидировать внутреннюю борьбу, сплотить воедино московскую организацию и успешно провести перевыборы ячеек на базе развернутой самокритики. *(Аплодисменты.)*

О ПРАВОМ УКЛОНЕ В ВКП(б)

Из речи на пленуме ЦК ВКП(б) в апреле 1929 г.

I

КЛАССОВЫЕ СДВИГИ И НАШИ РАЗНОГЛАСИЯ

В чем состоят наши разногласия, с чем они связаны?

Они связаны прежде всего с вопросом о классовых сдвигах, происходящих в последнее время в нашей стране и в капиталистических странах. Некоторые товарищи думают, что разногласия в нашей партии имеют случайный характер. Это неверно, товарищи. Это совершенно неверно. Разногласия в нашей партии возникли на почве тех классовых сдвигов, на почве того обострения классовой борьбы, которое происходит в последнее время и которое создает перелом в развитии. Главная ошибка группы т. Бухарина состоит в том, что она не видит этих сдвигов и этого перелома, не видит и не хочет их замечать. Этим собственно и объясняется то непонимание новых задач партии и Коминтерна, которое составляет характерную черту новой оппозиции.

Заметили ли вы, товарищи, что руководители новой оппозиции в своих речах на пленуме ЦК и ЦКК совершенно обошли вопрос о классовых сдвигах в нашей стране, ни единым словом не упомянули об обострении классовой борьбы и не дали даже отдаленного намека на то, что наши разногласия связаны с этим именно обострением классовой борьбы? Они говорили обо всем, и о философии, и о теории, но не сказали ни единого слова о тех классовых сдвигах, которые определяют ориентацию и практику нашей партии в данный момент. Чем объясняется эта странность? Может быть, забывчивостью? Конечно, нет! Политики не могут забывать о главном. Объясняется это тем, что они не видят и не понимают новых революционных процессов, происходящих теперь как у нас в нашей стране, так и в капитали-

стических странах. Объясняется это тем, что они проглядели главное, проглядели те классовые сдвиги, которых не имеет права проглядывать политик. Этим собственно и объясняется растерянность и безоружность, которую проявляет новая оппозиция перед лицом новых задач нашей партии.

Вспомните о последних событиях в нашей партии. Вспомните о тех лозунгах, которые дала за последнее время партия в связи с новыми классовыми сдвигами в нашей стране. Я говорю о таких лозунгах, как лозунг *самокритики*, лозунг заострения *борьбы с бюрократизмом и чистки советского аппарата*, лозунг *организации новых хозяйственных кадров и красных специалистов*, лозунг *усиления колхозного и совхозного движения*, лозунг *наступления на кулака*, лозунг *снижения себестоимости* и коренного *улучшения практики профсоюзной работы*, лозунг *чистки партии* и т. д. Некоторым товарищам эти лозунги показались сногсшибательными и головокружительными. А между тем ясно, что эти лозунги являются самыми необходимыми и актуальными лозунгами партии в данный момент.

Началось дело с того, что мы, в связи с шахтинским делом, заново поставили вопрос о новых хозяйственных кадрах, вопрос о выработке красных специалистов из людей рабочего класса на смену старым спецам. Что выяснилось в связи с шахтинским делом? Выяснилось то, что буржуазия далеко еще не добита, что она организует и будет еще организовывать вредительство в нашем хозяйственном строительстве, что наши хозяйственные, профсоюзные и отчасти партийные организации проглядели подкопную работу наших классовых врагов, что надо, стало быть, наши организации укреплять и улучшать всеми силами, всеми средствами, развивая и укрепляя их классовую бдительность.

В связи с этим заострился вопрос о лозунге *самокритики*. Почему? Потому, что нельзя улучшать наши хозяйственные, профсоюзные и партийные организации, нельзя двигать вперед дело строительства социализма и обуздания буржуазного вредительства, не развивая во-всю критику и самокритику, не ставя под контроль масс работу наших организаций. А ведь это факт, что вредительство имело и продолжает иметь место не только в угольных районах, но и в области металла, но и в области военной промышленности, но и в НКПС, в золотой и платиновой промышленности и т. д. и т. п. Отсюда — лозунг самокритики.

Далее, в связи с хлебозаготовительными затруднениями, в связи с выступлением кулачества против советской политики цен, мы заострили вопрос о всемерном развитии колхозов и совхозов, о наступлении на кулака, об организации хлебозаготовок

в порядке нажима на кулацко-зажиточные элементы. Что выяснили хлебозаготовительные затруднения? Они выяснили то, что кулак не дремлет, кулак растет, он организует подкопы против политики Советской власти, а наши партийные, советские и кооперативные организации, во всяком случае часть из них, либо не видят врага, либо приспособляются к нему вместо того, чтобы бороться с ним.

Отсюда новое заострение лозунга самокритики, лозунга проверки и улучшения наших партийных, кооперативных и вообще заготовительных организаций.

Далее, в связи с новыми задачами реконструкции промышленности и сельского хозяйства на базе социализма, возник лозунг о систематическом снижении себестоимости, об укреплении трудовой дисциплины, о развертывании социалистического соревнования и т. д. Эти задачи потребовали пересмотра всей практики профессиональных союзов и советского аппарата, коренного оживления этих организаций и чистки этих организаций от элементов бюрократизма.

Отсюда заострение лозунга о борьбе с бюрократизмом в профсоюзах и соваппарате.

Наконец, вопрос о лозунге чистки партии. Было бы смешно думать, что можно укрепить наши советско-хозяйственные, профсоюзные и кооперативные организации, можно очистить их от скверны бюрократизма, не отточив самую партию. Не может быть сомнения, что бюрократические элементы живы не только в хозяйственно-кооперативных и в профсоюзно-советских организациях, но и в организациях самой партии. Если партия является руководящей силой всех этих организаций, то ясно, что чистка партии представляет то необходимое условие, без которого не может быть проведено до конца оживление и улучшение всех прочих организаций рабочего класса. Отсюда — лозунг о чистке партии.

Случайны ли эти лозунги? Нет, не случайны. Вы сами видите, что они не случайны. *Они составляют необходимые звенья одной неразрывной цепи, называемой наступлением социализма против элементов капитализма.*

Они связаны прежде всего с периодом реконструкции нашей промышленности и нашего сельского хозяйства на базе социализма. А что собой представляет реконструкция народного хозяйства на базе социализма? Она представляет наступление социализма против капиталистических элементов народного хозяйства по всему фронту. Это есть серьезнейший сдвиг рабочего класса нашей страны в сторону построения социализма. Но чтобы провести эту реконструкцию, надо прежде всего улучшить и укрепить кадры

социалистического строительства как хозяйственно-советские и профсоюзные, так и партийно-кооперативные, надо отточить все наши организации, очистить их от скверны, надо поднять активность миллионных масс рабочего класса и крестьянства.

Далее, эти лозунги связаны с фактом сопротивления капиталистических элементов народного хозяйства против наступающего социализма. Нельзя считать случайностью так называемое шахтинское дело. „Шахтинцы" сидят теперь во всех отраслях нашей промышленности. Многие из них выловлены, но далеко еще не все выловлены. Вредительство буржуазной интеллигенции есть одна из самых опасных форм сопротивления против развивающегося социализма. Вредительство тем более опасно, что оно связано с международным капиталом. Буржуазное вредительство есть несомненный показатель того, что капиталистические элементы далеко еще не сложили оружия, что они накопляют силы для новых выступлений против Советской власти. Что касается капиталистических элементов деревни, то тем более нельзя считать случайностью выступление кулачества, продолжающееся вот уже второй год против советской политики цен. Многие еще до сих пор не могут объяснить того факта, что кулак давал хлеб в порядке самотека до 1927 г., а после 1927 г. он перестал давать хлеб в порядке самотека. Но в этом обстоятельстве нет ничего удивительного. Если раньше кулак был еще сравнительно слаб, не имел возможности серьезно устроить свое хозяйство, не имел достаточных капиталов для укрепления своего хозяйства, ввиду чего он был вынужден выносить все или почти все излишки своего хлебного производства на рынок, то теперь, после ряда урожайных годов, когда он успел обстроиться хозяйственно, когда ему удалось накопить необходимые капиталы, — он получил возможность маневрировать на рынке, он получил возможность отложить хлеб, эту валюту валют, в резерв для себя, предпочитая вывозить на рынок мясо, овес, ячмень и прочие второстепенные культуры. Смешно было бы теперь надеяться, что можно взять хлеб у кулака добровольно. Вот где корень того сопротивления, которое оказывает теперь кулак политике Советской власти.

А что собой представляет сопротивление капиталистических элементов города и деревни наступлению социализма? Это есть перегруппировка сил классовых врагов пролетариата, имеющая своей целью отстоять старое против нового. Нетрудно понять, что эти обстоятельства не могут не вызывать обострения борьбы классов. Но чтобы отбить сопротивление классовых врагов и очистить путь для продвижения социализма, нужно, кроме всего прочего, отточить все наши организации, очистить их от бюрократизма, улучшить их кадры и мобилизовать миллионные массы рабочего класса

и трудящихся слоев деревни против капиталистических элементов города и деревни.

Вот на почве каких классовых сдвигов возникли нынешние лозунги нашей партии.

То же самое надо сказать о классовых сдвигах в капиталистических странах. Смешно было бы думать, что стабилизация капитализма осталась без изменений. Тем более смешно было бы утверждать, что стабилизация укрепляется, становится прочной. На самом деле стабилизация капитализма подтачивается и расшатывается с каждым месяцем, с каждым днем. Обострение борьбы за рынки и сырье, рост вооружений, рост антагонизма между Америкой и Англией, рост социализма в СССР, полевение рабочего класса капиталистических стран, полоса забастовок и классовых битв в странах Европы, рост революционного движения в колониях, в том числе в Индии, рост коммунизма во всех странах мира — все это такие факты, которые с несомненностью говорят о том, что в странах капитализма нарастают элементы нового революционного подъема.

Отсюда — задача заострения борьбы против социал-демократии, и прежде всего против ее „левого“ крыла как социальной опоры капитализма. Отсюда — задача заострения борьбы против правых элементов в компартиях как агентуры социал-демократического влияния. Отсюда — задача заострения борьбы против примиренчества с правым уклоном как убежища оппортунизма в компартиях. Отсюда — лозунг очищения компартий от социал-демократических традиций. Отсюда — так называемая новая тактика коммунизма в профсоюзах. Некоторые товарищи не понимают смысла и значения этих лозунгов. Но марксист всегда поймет, что без проведения в жизнь этих лозунгов немыслима подготовка пролетарских масс к новым классовым боям, немыслима победа над социал-демократией, невозможно провести отбор действительных лидеров коммунистического движения, способных повести рабочий класс на борьбу за свержение капитализма.

Вот, товарищи, те классовые сдвиги в нашей стране и в странах капитализма, на основе которых выросли нынешние лозунги нашей партии как по линии ее внутренней политики, так и по линии Коминтерна.

Наша партия видит эти классовые сдвиги. Она понимает значение новых задач и мобилизует силы для разрешения этих задач. Поэтому она встречает события во всеоружии. Поэтому она не боится трудностей, стоящих перед ней, ибо она готова их преодолеть.

Беда новой оппозиции, беда группы т. Бухарина состоит в том, что она не видит этих классовых сдвигов и не понимает новых задач партии. И именно потому, что она их не понимает, она пере-

живает состояние полной растерянности, она готова бежать от трудностей, отступить перед ними, сдать позиции.

Видали ли вы рыбаков перед бурей на большой реке, вроде Енисея? Я их видал не раз. Бывает, что одна группа рыбаков перед лицом наступившей бури мобилизует все свои силы, воодушевляет своих людей и смело ведет лодку навстречу буре: „Держись, ребята, крепче за руль, режь волны, наша возьмет!“ Но бывает и другой сорт рыбаков, которые, чуя бурю, падают духом, начинают хныкать и деморализуют свои же собственные ряды: „Вот беда, буря наступает, ложись, ребята, на дно лодки, закрой глаза, авось как-нибудь вынесет на берег“. *(Общий смех.)* Нужно ли еще доказывать, что установка и поведение группы т. Бухарина, как две капли воды, похожи на установку и поведение второй группы рыбаков, в панике отступающих перед трудностями?

Мы говорим, что в Европе назревают условия нового революционного подъема, что это обстоятельство диктует нам новые задачи по усилению борьбы с правым уклоном в компартиях и изгнанию правых уклонистов из партии, по усилению борьбы с примиренчеством, прикрывающим правый уклон, по усилению борьбы с социал-демократическими традициями в компартиях и т. д. и т. п. А т. Бухарин нам отвечает, что все это пустяки, что никаких таких новых задач нет у нас, что на самом деле дело идет о том, что большинство ЦК желает „прорабатывать“ его, т. е. т. Бухарина.

Мы говорим, что классовые сдвиги в нашей стране диктуют нам новые задачи, требующие систематического снижения себестоимости и укрепления трудовой дисциплины на предприятиях, что проведение этих задач невозможно без коренной перемены всей практики в работе профессиональных союзов. А т. Томский нам отвечает, что все это — пустяки, что никаких таких новых задач нет у нас, что на самом деле дело идет о том, что большинство ЦК желает „прорабатывать“ его, т. е. т. Томского.

Мы говорим, что реконструкция народного хозяйства диктует нам новые задачи по усилению борьбы с бюрократизмом советско-хозяйственного аппарата, по очищению этого аппарата от гнилых и чуждых элементов, от вредителей и т. д. и т. п. А т. Рыков нам отвечает, что все это — пустяки, что никаких таких новых задач нет у нас, что на самом деле дело идет о том, что большинство ЦК желает „прорабатывать“ его, т. е. т. Рыкова.

Ну, разве это не смешно, товарищи? Разве не ясно, что тт. Бухарин, Рыков и Томский ничего кроме своего пупа не видят на свете?

Несчастье группы т. Бухарина состоит в том, что она не видит новых классовых сдвигов и не понимает новых задач партии.

И именно потому, что она их не понимает, она вынуждена плестись в хвосте за событиями и пасовать перед трудностями.

Вот где корень наших расхождений.

II

РАЗНОГЛАСИЯ ПО ЛИНИИ КОМИНТЕРНА

Я уже говорил, что т. Бухарин не видит и не понимает тех новых задач Коминтерна по изгнанию правых из компартий, обузданию примиренчества и очищению компартий от социал-демократических традиций, которые диктуются нарастающими условиями нового революционного подъема. Это положение целиком подтвердилось нашими разногласиями по вопросам Коминтерна.

С чего начались разногласия в этой области?

Началось дело с тезисов т. Бухарина на VI конгрессе по международному положению. Обычно тезисы рассматривались предварительно в делегации ВКП. Однако, в данном случае это условие не было соблюдено. Вышло так, что тезисы за подписью т. Бухарина, направленные в делегацию ВКП, одновременно были разосланы иностранным делегациям VI конгресса. Но тезисы оказались неудовлетворительными в целом ряде пунктов. Делегации ВКП пришлось внести в тезисы около 20 поправок.

Это обстоятельство создало некоторую неловкость в положении т. Бухарина. А кто в этом виноват? Для чего понадобилось т. Бухарину разослать тезисы иностранным делегациям до рассмотрения их делегацией ВКП? Могла ли делегация ВКП не вносить поправок, если тезисы оказались неудовлетворительными? И вот получилось так, что из делегации ВКП вышли, по сути дела, новые тезисы по международному положению, которые стали противопоставляться иностранными делегациями старым тезисам, подписанным т. Бухариным. Ясно, что этой неловкости не было бы, если бы т. Бухарин не поторопился с рассылкой своих тезисов иностранным делегациям.

Я хотел бы отметить четыре основные поправки, внесенные в тезисы т. Бухарина делегацией ВКП. Я хотел бы отметить эти основные поправки для того, чтобы яснее демонстрировать характер разногласий по вопросам Коминтерна.

Первый вопрос — это вопрос о характере стабилизации капитализма. У т. Бухарина выходило в его тезисах так, что ничего нового, расшатывающего капиталистическую стабилизацию, не происходит в данный момент, что, наоборот, капитализм *реконструируется* и держится в основном более или менее *прочно*. Ясно, что с такой характеристикой так называемого третьего периода, т. е. того периода, который мы теперь переживаем, делегация ВКП не

могла согласиться. Она не могла согласиться с этим, так как сохранение такой характеристики третьего периода могло бы дать пищу нашим критикам говорить о том, что мы становимся на точку зрения так называемого „оздоровления“ капитализма, т. е. на точку зрения Гильфердинга, на точку зрения, на которой мы, коммунисты, не можем стоять. Ввиду этого делегация ВКП внесла поправку, из которой видно, что капиталистическая стабилизация не прочна и не может быть прочной, что она расшатывается и будет расшатываться ходом событий, ввиду обострения кризиса мирового капитализма. Этот вопрос имеет, товарищи, решающее значение для секций Коминтерна. Расшатывается или упрочивается капиталистическая стабилизация, — от этого зависит вся установка компартий в их повседневной политической работе. Переживаем ли мы период упадка революционного движения, период простого собирания сил, или переживаем период нарастания условий нового революционного подъема, период подготовки рабочего класса к грядущим классовым боям, — от этого зависит тактическая установка компартий. Поправка делегации ВКП, принятая потом конгрессом, тем собственно и хороша, что она дает ясную установку на вторую перспективу, на перспективу нарастания условий нового революционного подъема.

Второй вопрос — это вопрос о борьбе с социал-демократией. В тезисах т. Бухарина говорилось о том, что борьба с социал-демократией является одной из основных задач секций Коминтерна. Это, конечно, верно. Но этого недостаточно. Для того, чтобы борьба с социал-демократией шла с успехом, необходимо заострить вопрос на борьбе с так называемым „левым“ крылом социал-демократии, с тем самым „левым“ крылом, которое, играя „левыми“ фразами и ловко обманывая таким образом рабочих, тормозит дело отхода от социал-демократии. Ясно, что без разгрома „левых“ социал-демократов невозможно преодоление социал-демократии вообще. А между тем в тезисах т. Бухарина вопрос о „левой“ социал-демократии оказался совершенно обойденным. Это, конечно, большой недостаток. Поэтому делегации ВКП пришлось внести соответствующую поправку в тезисы т. Бухарина, принятую потом конгрессом.

Третий вопрос — это вопрос о примиренчестве в секциях Коминтерна. В тезисах т. Бухарина говорилось о необходимости борьбы с правым уклоном, но там не оказалось ни единого слова о борьбе против примиренчества с правым уклоном. Это, конечно, большой недостаток. Дело в том, что, когда объявляется война правому уклону, правые уклонисты обычно перекрашиваются в примиренцев и ставят партию в затруднительное положение. Чтобы предупредить этот маневр правых уклонистов, необходимо

поставить вопрос о решительной борьбе с примиренчеством. Поэтому делегация ВКП сочла необходимым внести соответствующую поправку в тезисы т. Бухарина, принятую потом конгрессом.

Четвертый вопрос — это вопрос о дисциплине. В тезисах т. Бухарина не оказалось упоминания о необходимости сохранения железной дисциплины в компартиях. Это тоже не маловажный недостаток. Почему? Потому, что в период усиления борьбы с правым уклоном, в период проведения лозунга очищения компартий от оппортунистических элементов, правые уклонисты обычно организуются во фракцию, создают свою собственную фракционную дисциплину, а дисциплину партии ломают и разрушают. Чтобы оградить партию от фракционных вылазок правых уклонистов, необходимо поставить вопрос о железной дисциплине партии и о безусловном подчинении членов партии этой дисциплине. Без этого нечего и думать о серьезной борьбе с правым уклоном. Поэтому делегация ВКП внесла в тезисы т. Бухарина соответствующую поправку, принятую потом VI конгрессом.

Могли ли мы не внести этих поправок в тезисы т. Бухарина? Ясно, что не могли. В старину говорили про философа Платона: Платона мы любим, но истину — еще больше. То же самое можно было бы сказать о т. Бухарине: Бухарина мы любим, но истину, но партию, но Коминтерн любим мы еще больше. Поэтому делегация ВКП оказалась вынужденной внести эти поправки в тезисы т. Бухарина.

Это, так сказать, *первый этап наших разногласий* по вопросам Коминтерна.

Второй этап наших разногласий связывается с так называемым делом Витторфа и Тельмана. Витторф — это бывший секретарь гамбургской организации, обвиненный в растрате партийных денег. Он был исключен за это из партии. Примиренцы в ЦК германской компартии, воспользовавшись близостью Витторфа к т. Тельману, хотя т. Тельман и не имел ничего общего с преступлением Витторфа, превратили дело Витторфа в дело Тельмана и стали опрокидывать руководство германской компартии. Вы должно быть знаете уже из сообщений в печати, что примиренцам Эверту и Герхарту удалось тогда временно увлечь за собой большинство ЦК германской компартии против т. Тельмана. И что же? Они отстранили Тельмана от руководства, стали обвинять его в коррупции и опубликовали „соответствующую“ резолюцию без ведома и санкции Исполкома Коминтерна. Таким образом, вместо выполнения директивы VI конгресса КИ о борьбе с примиренчеством, вместо борьбы с правым уклоном и примиренчеством получилось на деле грубейшее нарушение этой директивы, получилась борьба с революционным руководством германской компартии, борьба с т. Тельманом,

борьба, имеющая своей целью *прикрытие* правого уклона и *утверждение* примиренчества в рядах германских коммунистов.

И вот, вместо того, чтобы повернуть руль и выправить положение, вместо того, чтобы восстановить в правах нарушенную директиву VI конгресса, призвать к порядку примиренцев, т. Бухарин предлагает в своем известном письме *санкционировать* переворот примиренцев, отдать КПГ примиренцам, а т. Тельмана вновь ошельмовать в печати, сделав еще раз заявление о его виновности. И это называется „руководитель" Коминтерна! Да разве бывают на свете такие „руководители"?

ЦК обсудил предложение т. Бухарина и отверг его. Это, конечно, не понравилось т. Бухарину. Но кто же тут виноват? Решения VI конгресса приняты не для того, чтобы их нарушать, а для того, чтобы их исполнять. Если VI конгресс постановил объявить борьбу правому уклону и примиренчеству, сохранив руководство за основным ядром германской компартии во главе с т. Тельманом, а примиренцам Эверту и Герхарту пришло в голову опрокинуть это решение, то обязанность Бухарина состояла в том, чтобы призвать к порядку примиренцев, а не оставлять за ними руководство в германской компартии. Виноват т. Бухарин, „забывший" о решениях VI конгресса.

Третий этап наших разногласий связывается с вопросом о борьбе с правыми в германской компартии, с вопросом о разгроме фракции Брандлера и Тальгеймера и исключении лидеров этой фракции из германской компартии. „Позиция" т. Бухарина и его друзей в этом кардинальном вопросе состояла в том, что они все время уклонялись от участия в решении этого вопроса. По сути дела решался вопрос о судьбе германской компартии. А т. Бухарин и его друзья, зная об этом, тем не менее все время тормозили дело, систематически уклоняясь от участия в заседаниях соответствующих инстанций. Ради чего? Ради того, должно быть, чтобы остаться „чистенькими" и перед Коминтерном и перед правыми в германской компартии. Ради того, чтобы потом можно было сказать: „Это не мы, бухаринцы, а они, большинство ЦК, провели исключение Брандлера и Тальгеймера из компартии". И это называется борьбой с правой опасностью!

Наконец, *четвертый этап наших разногласий*. Он связан с требованием т. Бухарина перед ноябрьским пленумом ЦК об отзыве т. Неймана из Германии и о том, чтобы призвать к порядку т. Тельмана, выступавшего, якобы, в одной из своих речей с критикой доклада т. Бухарина на VI конгрессе. Мы, конечно, не могли согласиться с т. Бухариным, не имея в руках ровно никаких документов, подтверждающих требование т. Бухарина. Тов. Бухарин обещался представить документы против Неймана

и Тельмана. Однако, никаких документов он не представил. Вместо документов он разослал членам делегации ВКП известную речь т. Эмбер-Дро в Политсекретариате ИККИ, ту самую речь, которую потом президиум ИККИ квалифицировал как речь оппортунистическую. Рассылая речь Эмбер-Дро членам делегации ВКП и рекомендуя ее как материал против Тельмана, т. Бухарин хотел доказать правильность своего требования об отзыве т. Неймана и о том, чтобы призвать к порядку т. Тельмана. На деле же он доказал этим, что он солидарен с т. Эмбер-Дро, позиция которого считается ИККИ позицией оппортунистической.

Вот, товарищи, главные пункты наших разногласий по вопросам Коминтерна.

Тов. Бухарин думает, что, ведя борьбу против правого уклона и примиренчества с ним в секциях Коминтерна, очищая германскую и чехо-словацкую компартии от социал-демократических элементов и традиций, выбрасывая из компартий Брандлеров и Тальгеймеров, мы „разлагаем“ тем самым Коминтерн, „губим“ Коминтерн. Мы же думаем, наоборот, что, проводя такую политику и заостряя вопрос на борьбе с правым уклоном и примиренчеством с ним, мы укрепляем Коминтерн, очищаем его от оппортунистов, большевизируем его секции и помогаем компартиям готовить рабочий класс к грядущим революционным схваткам.

Вы видите, что это не простые оттенки в рядах ЦК ВКП, а довольно серьезные разногласия по коренным вопросам политики Коминтерна.

III

РАЗНОГЛАСИЯ ПО ЛИНИИ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ

Я говорил перед этим о классовых сдвигах и о классовой борьбе в нашей стране. Я говорил, что группа т. Бухарина заражена слепотой и не видит этих сдвигов, не понимает новых задач партии. Я говорил, что на этой почве возникли у новой оппозиции растерянность, боязнь трудностей, готовность спасовать перед ними. Нельзя сказать, чтобы эти ошибки новой оппозиции упали с неба. Наоборот, они связаны с той полосой развития, которая уже пройдена и которая называется периодом *восстановления* народного хозяйства, когда строительство шло мирным путем, так сказать, в порядке самотека, когда не было еще тех классовых сдвигов, которые имеются теперь, когда не было еще того обострения классовой борьбы, которое мы наблюдаем теперь. Но теперь у нас новая полоса развития, отличная от старого периода, от периода восстановления. Теперь у нас новый период строительства, период *реконструкции* всего народ-

ного хозяйства на базе социализма. Этот новый период вызывает новые классовые сдвиги, обострение классовой борьбы. Он требует новых приемов борьбы, перегруппировки наших сил, улучшения и укрепления всех наших организаций. Несчастье группы т. Бухарина в том именно и состоит, что она живет в прошлом, она не видит характерных особенностей этого нового периода и не понимает необходимости новых приемов борьбы. Отсюда ее слепота, растерянность, паника перед трудностями.

а) О КЛАССОВОЙ БОРЬБЕ

В чем состоит теоретическая основа этой слепоты и этой растерянности группы т. Бухарина?

Я думаю, что теоретической основой этой слепоты и растерянности является неправильный, немарксистский подход т. Бухарина к вопросу о классовой борьбе в нашей стране. Я имею в виду немарксистскую теорию т. Бухарина о врастании кулачества в социализм, непонимание механики классовой борьбы в обстановке диктатуры пролетариата.

Здесь цитировали несколько раз известное место из книжки т. Бухарина „Путь к социализму“ о врастании кулачества в социализм. Но оно цитировалось здесь с некоторыми пропусками. Позвольте процитировать его полностью. Это необходимо, товарищи, для того, чтобы продемонстрировать всю глубину отхода т. Бухарина от марксистской теории классовой борьбы. Слушайте:

„Основная сеть наших кооперативных крестьянских организаций будет состоять из кооперативных ячеек не кулацкого, а „трудового“ типа, ячеек, врастающих в систему наших общегосударственных органов и становящихся таким путем *звеньями единой цепи социалистического хозяйства*. С другой стороны, *кулацкие кооперативные гнезда будут точно так же* через банки и т. д. *врастать в эту же систему;* но они будут до *известной степени чужеродным телом, подобно, например, концессионным предприятиям*“ [1].

Цитируя это место из брошюры т. Бухарина, некоторые товарищи почему-то пропускали последнюю фразу о концессионерах. Тов. Розит, желая, видимо, помочь т. Бухарину, воспользовался этим и кричал здесь с места, что Бухарина искажают. А между тем соль всей цитаты состоит именно в последней фразе о концессионерах. Ибо если концессионеры ставятся на одну доску с кулаками, а кулаки врастают в социализм, то что из этого получается? Из этого получается только одно, а именно, что концессионеры также врастают в социа-

---

[1] *Н. Бухарин,* Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз, стр. 49. Курсив мой. *И. Ст.*

лизм, что не только кулаки, но и концессионеры врастают в социализм. *(Общий смех.)*

Вот что получается из этого, т. Розит.

Розит. У т. Бухарина сказано — „чужеродным телом".

Сталин. У Бухарина сказано, т. Розит, не „чужеродным телом", а „до известной степени чужеродным телом". Стало быть, кулаки и концессионеры являются „до известной степени" чужеродным телом в системе социализма. Но в том-то именно и состоит ошибка т. Бухарина, что кулаки и концессионеры, будучи „до известной степени" чужеродным телом, все же врастают в социализм. Вот до какой чепухи доводит теория т. Бухарина. Капиталисты города и деревни, кулаки и концессионеры, врастающие в социализм, — вот до какой глупости договорился т. Бухарин. Нет, товарищи, не нужно нам такого „социализма". Пусть возьмет его себе т. Бухарин.

До сих пор мы, марксисты-ленинцы, думали, что между капиталистами города и деревни, с одной стороны, и между рабочим классом, с другой стороны, существует *непримиримая* противоположность интересов. На этом именно и зиждется марксистская теория классовой борьбы. А теперь, согласно теории Бухарина *о мирном врастании* капиталистов в социализм, все это переворачивается вверх дном, непримиримая противоположность классовых интересов эксплоататоров и эксплоатируемых исчезает, эксплоататоры врастают в социализм.

Розит. Неверно это, диктатура пролетариата предполагается.

Сталин. Но диктатура пролетариата есть самая острая форма классовой борьбы.

Розит. Вот в том-то и дело.

Сталин. А у Бухарина выходит, что в эту самую диктатуру пролетариата врастают капиталисты. Как же вы не понимаете этого, т. Розит? Против кого же надо вести борьбу, против кого же надо вести самую острую форму классовой борьбы, если капиталисты города и деревни врастают в систему диктатуры пролетариата? Диктатура пролетариата нужна для того, чтобы вести непримиримую борьбу с капиталистическими элементами, для того, чтобы подавлять буржуазию и вырвать капитализм с корнями. Но если капиталисты города и деревни, если кулак и концессионер врастают в социализм, нужна ли вообще после этого диктатура пролетариата, и если она нужна, то для подавления какого класса?

Розит. В том-то и дело, что врастание у Бухарина предполагает классовую борьбу.

Сталин. Я вижу, что т. Розит поклялся услужить т. Бухарину. Но услуга у него получается медвежья, ибо он, желая спасти

Бухарина, на самом деле топит его без остатка. Недаром сказано, что „услужливый медведь опаснее врага". *(Общий хохот.)*

Одно из двух: либо между классом капиталистов и классом рабочих, пришедших к власти и организовавших свою диктатуру, имеется непримиримая противоположность интересов, либо этой противоположности интересов нет, и тогда остается одно — объявить гармонию классовых интересов.

Либо марксова теория борьбы классов, *либо* теория врастания капиталистов в социализм. *Либо* непримиримая противоположность классовых интересов, *либо* теория гармонии классовых интересов. Одно из двух.

Можно еще понять „социалистов" типа Брентано или Сиднея Вебба, проповедующих врастание социализма в капитализм и капитализма в социализм, ибо эти „социалисты" являются на деле антисоциалистами, буржуазными либералами. Но нельзя понять человека, желающего быть марксистом и вместе с тем проповедующего теорию врастания капиталистов в социализм.

Тов. Бухарин попытался в своей речи подкрепить теорию врастания кулаков в социализм ссылкой на известную цитату из Ленина. При этом он утверждает, что Ленин говорит *то же самое,* что и Бухарин. Это неверно, товарищи. Это грубая и непозволительная клевета на Ленина. Вот текст этой цитаты из Ленина:

„Конечно, в нашей советской республике социальный строй основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян, к которому теперь допущены на известных условиях и „нэпманы", т. е. буржуазия" [1].

Вы видите, что здесь нет ни одного слова насчет врастания капиталистов в социализм. Здесь говорится лишь о том, что мы „допустили" к сотрудничеству рабочих и крестьян „на известных условиях" и нэпманов, т. е. буржуазию. Что это значит? Значит ли это, что мы тем самым допустили возможность врастания нэпманов в социализм? Конечно, не значит. Так могут толковать цитату из Ленина лишь люди, потерявшие стыд. Это значит лишь то, что мы буржуазию *сейчас* не уничтожаем, что мы ее *сейчас* не конфискуем, а допускаем ее существование на известных условиях, т. е. при безусловном подчинении законам диктатуры пролетариата, т. е. при возрастающем ограничении капиталистов, имеющем своей целью постепенное вытеснение их из народно-хозяйственной жизни. Можно ли провести в жизнь вытеснение капиталистов и уничтожение корней капитализма без ожесточенной классовой борьбы? Нет, нельзя. Можно ли уничто-

[1] *Ленин,* Как нам реорганизовать Рабкрин, Сочинения, т. XXVII, стр. 405.

жить классы при теории и практике врастания капиталистов в социализм? Нет, нельзя. Такая теория и практика могут лишь культивировать и увековечить классы, ибо она, эта теория, противоречит теории классовой борьбы. Ну, а цитата из Ленина целиком и полностью базируется на марксистской теории классовой борьбы в обстановке диктатуры пролетариата. Что может быть общего между теорией Бухарина о врастании кулака в социализм и между теорией Ленина о диктатуре, как об ожесточенной классовой борьбе? Ясно, что тут нет и не может быть ничего общего. Тов. Бухарин думает, что при диктатуре пролетариата классовая борьба должна *погаснуть* и *ликвидироваться* для того, чтобы получилось уничтожение классов. Ленин же, наоборот, учит, что классы могут быть уничтожены лишь путем упорной классовой борьбы, становящейся в условиях диктатуры пролетариата *еще более ожесточенной,* чем до диктатуры пролетариата.

„Уничтожение классов, — говорит Ленин, — дело долгой, трудной, упорной *классовой борьбы,* которая *после* свержения власти капитала, *после* разрушения буржуазного государства, *после* установления диктатуры пролетариата *не исчезает* (как воображают пошляки старого социализма и старой социал-демократии), а только меняет свои формы, становясь во многих отношениях еще ожесточеннее“ [1].

Вот что говорит Ленин об уничтожении классов.

Уничтожение классов *путем ожесточенной классовой борьбы пролетариата,* — такова формула Ленина.

Уничтожение классов *путем потухания классовой борьбы и врастания капиталистов в социализм,* — такова формула т. Бухарина.

Что может быть общего между этими двумя формулами? Ясно, что между ними нет и не может быть ничего общего.

Бухаринская теория врастания кулаков в социализм представляет, таким образом, отход от марксистско-ленинской теории классовой борьбы. Она есть приближение к теории катедер-социализма.

В этом основа всех ошибок т. Бухарина и его друзей.

Могут сказать, что не стоит долго распространяться о бухаринской теории врастания кулаков в социализм, так как она сама говорит — и не только говорит, а кричит — против т. Бухарина. Это неверно, товарищи! Пока эта теория лежала под спудом, можно было не обращать на нее внимания: мало ли какие глупости имеются в писаниях различных товарищей! Мы так и поступали до последнего времени. Но в последнее время обстановка несколько изменилась. Мелко-буржуазная стихия, разыгравшаяся в последние годы, стала одухотворять эту антимарксист-

[1] *Ленин,* Привет венгерским рабочим, Сочинения, т. XXIV, стр. 315.

скую теорию, придавая ей актуальный характер. Теперь уже нельзя сказать, что она лежит под спудом. Теперь она, эта странная теория т. Бухарина, имеет претензию стать знаменем правого уклона в нашей партии, знаменем оппортунизма. Поэтому мы не можем уже пройти мимо этой теории. Поэтому мы обязаны ее расколотить как теорию неправильную и вредную, для того чтобы облегчить нашим партийным товарищам борьбу с правым уклоном.

б) ОБ ОБОСТРЕНИИ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

Вторая ошибка т. Бухарина, вытекающая из первой его ошибки, состоит в неправильном, в немарксистском подходе к вопросу об обострении классовой борьбы, об усилении сопротивления капиталистических элементов социалистической политике Советской власти. О чем идет здесь речь? Не о том ли, что капиталистические элементы растут быстрее, чем социалистический сектор нашего хозяйства, и что ввиду этого они усиливают свое сопротивление, подрывая социалистическое строительство? Нет, не об этом. Да к тому же неверно, что капиталистические элементы растут будто бы быстрее социалистического сектора. Если бы это было верно, то социалистическое строительство было бы уже на краю гибели. Речь идет о том, что социализм успешно наступает на капиталистические элементы, социализм растет *быстрее* капиталистических элементов, удельный вес капиталистических элементов ввиду этого *падает,* и именно потому, что удельный вес капиталистических элементов *падает,* капиталистические элементы чуют смертельную опасность и усиливают свое сопротивление. А усилить свое сопротивление они пока еще имеют возможность не только потому, что мировой капитализм оказывает им поддержку, но и потому, что, несмотря на падение их удельного веса, несмотря на снижение их относительного роста в сравнении с ростом социализма, абсолютный рост капиталистических элементов все же происходит, и это дает им известную возможность накоплять силы для того, чтобы сопротивляться росту социализма. На этой основе и возникают *на данной стадии развития, при данных условиях* соотношения сил, обострение классовой борьбы и усиление сопротивления капиталистических элементов города и деревни. Ошибка т. Бухарина и его друзей состоит в том, что они не понимают этой простой и очевидной истины. Их ошибка состоит в том, что они подходят к делу не по-марксистски, а по-обывательски, пытаясь объяснить обострение классовой борьбы всякого рода случайными причинами, скажем „негодностью“ советского аппарата, „неосторожной“ политикой местных товарищей, „отсутствием“ гибкости, „перегибами“ и т. д. и т. п.

Вот, например, цитата из брошюры т. Бухарина „Путь к социализму“, демонстрирующая совершенно немарксистский подход к вопросу об обострении классовой борьбы:

„То тут, то там классовая борьба в деревне вспыхивает в прежних своих проявлениях, при чем это обострение вызывается обычно кулацкими элементами. Когда, например, кулаки или наживающиеся за чужой счет и пролезшие в органы Советской власти люди начинают стрелять по селькорам, — это есть проявление классовой борьбы в самой острой форме. (Это неверно, так как самая острая форма борьбы есть восстание. *И. Сталин.*) Однако, такие случаи бывают обычно там, где еще советский местный аппарат является слабым. *По мере улучшения этого аппарата,* по мере укрепления всех низовых ячеек Советской власти, по мере улучшения и усиления местных деревенских партийных и комсомольских организаций *такого рода явления* будут, как это совершенно очевидно, становиться все более редкими. в конце концов *бесследно исчезнут*“[1].

Выходит, таким образом, что обострение классовой борьбы объясняется причинами аппаратного характера, годностью или негодностью, слабостью или силой наших низовых организаций. Выходит, например, что вредительство шахтинских буржуазных интеллигентов, которое есть форма сопротивления буржуазных элементов Советской власти и форма обострения классовой борьбы, объясняется не соотношением классовых сил, не ростом социализма, а негодностью нашего аппарата. Выходит, что до появления массового вредительства в шахтинском районе аппарат был у нас хороший, а потом, в момент проявления массового вредительства, аппарат стал почему-то никуда негодным. Выходит, что до прошлого года, когда заготовки шли самотеком и особого обострения классовой борьбы не было у нас, наши организации на местах были хороши или даже идеальны, а с прошлого года, когда сопротивление кулачества приняло особо острые формы, наши организации стали вдруг плохими и никуда негодными. Это не объяснение, а издевка над объяснением. Это не наука, а знахарство.

Чем объясняется это обострение?

Двумя причинами.

Во-первых, нашим продвижением вперед, нашим наступлением, ростом социалистических форм хозяйства и в промышленности и в сельском хозяйстве, ростом, который сопровождается соответствующим вытеснением соответствующих отрядов капиталистов города и деревни. Дело обстоит так, что мы живем по формуле Ленина — „кто кого“: мы ли их, капиталистов, положим на обе лопатки и дадим им, как выражался Ленин, последний решительный бой, или они нас положат на обе лопатки.

---

[1] *Н. Бухарин,* Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз, стр. 53—54. Курсив мой. *И. Ст.*

Во-вторых, тем, что капиталистические элементы не хотят добровольно уходить со сцены: они сопротивляются и будут сопротивляться социализму, ибо видят, что наступают последние дни их существования. А сопротивляться они могут пока еще, так как, несмотря на падение их удельного веса, абсолютно они все-таки растут: мелкая буржуазия, городская и деревенская, выделяет из своей среды, как говорил Ленин, ежедневно, ежечасно капиталистов и капиталистиков, и они, эти капиталистические элементы, принимают все меры к тому, чтобы отстоять свое существование.

Не бывало еще в истории таких случаев, чтобы умирающие классы добровольно уходили со сцены. Не бывало еще в истории таких случаев, чтобы умирающая буржуазия не испробовала всех остатков своих сил для того, чтобы отстоять свое существование. Хорош ли будет у нас низовой советский аппарат или плох, наше продвижение вперед, наше наступление будет сокращать капиталистические элементы и вытеснять их, а они, умирающие классы, будут сопротивляться, несмотря ни на что.

Вот в чем социальная основа обострения классовой борьбы.

Ошибка т. Бухарина и его друзей состоит в том, что они рост сопротивления капиталистов отождествляют с ростом их удельного веса. Но это отождествление не имеет под собой никакой почвы. Не имеет почвы, так как если они, капиталисты, сопротивляются, то это вовсе не значит, что они стали сильнее, чем мы. Дело обстоит как раз наоборот. Отживающие классы сопротивляются не потому, что они стали сильнее, чем мы, а потому, что социализм растет быстрее, чем они, и они становятся слабее, чем мы. И именно потому, что они становятся слабее, они чуют последние дни своего существования и вынуждены сопротивляться всеми силами, всеми средствами.

Вот в чем механика обострения классовой борьбы и сопротивления капиталистов в данный исторический момент.

В чем должна состоять политика партии ввиду такого положения вещей?

Она должна состоять в том, чтобы будить рабочий класс и эксплоатируемые массы деревни, подымать их боеспособность и развивать их мобилизационную готовность для борьбы против капиталистических элементов города и деревни, для борьбы против сопротивляющихся классовых врагов. Марксистско-ленинская теория борьбы классов тем, между прочим, и хороша, что она облегчает мобилизацию рабочего класса против врагов диктатуры пролетариата.

В чем состоит вред бухаринской теории врастания капиталистов в социализм и бухаринского понимания вопроса об обострении классовой борьбы?

В том, что она усыпляет рабочий класс, подрывает мобилизационную готовность революционных сил нашей страны, демобилизует рабочий класс и облегчает наступление капиталистических элементов против Советской власти.

в) О КРЕСТЬЯНСТВЕ

Третья ошибка т. Бухарина касается вопроса о крестьянстве. Известно, что вопрос о крестьянстве является у нас одним из важнейших вопросов в нашей политике. Крестьянство в наших условиях состоит из различных социальных группировок, а именно: из бедноты, середняков и кулаков. Понятно, что наше отношение к этим группировкам не может быть одинаково. Беднота как *опора* рабочего класса, середняк как *союзник* и кулак как *классовый враг*, — таково наше отношение к этим социальным группировкам. Все это понятно и общеизвестно. Однако, т. Бухарин смотрит на это дело несколько иначе. При характеристике крестьянства у него выпадает факт диференциации, исчезает куда-то наличие социальных группировок и остается лишь одно серое пятно, называемое деревней. У него и кулак — не кулак, и середняк — не середняк, а какая-то сплошная нищета в деревне. Он так и говорил здесь в своей речи: разве наш кулак может быть назван кулаком? Да это ведь нищий, — говорил он. А наш середняк — разве он похож на середняка? — заявлял здесь т. Бухарин. — Это ведь нищий, живущий впроголодь. Понятно, что такой взгляд на крестьянство является в корне ошибочным взглядом, несовместимым с ленинизмом.

Ленин говорил, что крестьянство есть *последний капиталистический класс*. Верно ли это положение? Да, безусловно верно. Почему крестьянство квалифицируется как последний капиталистический класс? Потому, что из двух основных классов, из которых состоит наше общество, крестьянство является тем классом, хозяйство которого базируется на частной собственности и мелком товарном производстве. Потому, что крестьянство, пока оно остается крестьянством, ведущим мелкотоварное производство, выделяет и не может не выделять из своей среды капиталистов постоянно и непрерывно. Это обстоятельство имеет для нас решающее значение в вопросе о нашем марксистском отношении к проблеме союза рабочего класса и крестьянства. Это значит, что нам нужен не *всякий* союз с крестьянством, а лишь такой *союз*, который базируется на борьбе с капиталистическими элементами крестьянства. Как видите, тезис Ленина о крестьянстве, как о последнем капиталистическом классе, не только не противоречит идее союза рабочего класса и крестьянства, а, наоборот, дает этому союзу основание как союзу рабочего класса и крестьянства,

направленному против капиталистических элементов нашего хозяйства. Ленин выставил этот тезис для того, чтобы показать, что союз рабочего класса и крестьянства может быть прочным лишь в том случае, если он базируется на борьбе с теми самыми капиталистическими элементами, которые выделяет из себя крестьянство.

Ошибка т. Бухарина состоит в том, что он не понимает и не приемлет этой простой вещи, он забывает о социальных группировках в деревне, у него исчезают из поля зрения кулаки и беднота и остается одна лишь сплошная середняцкая масса. Это есть несомненный уклон т. Бухарина вправо в противоположность „левому", троцкистскому, уклону, который не видит в деревне других социальных группировок, кроме бедноты и кулаков, и у которого исчезают из поля зрения середняки.

В чем состоит разница между троцкизмом и группой т. Бухарина в вопросе о союзе с крестьянством? В том, что троцкизм высказывается *против* политики *прочного* союза с середняцкими массами крестьянства, а бухаринская группа стоит *за всякий* союз с крестьянством. Нечего и доказывать, что обе эти установки неправильны и они стóят друг друга.

Ленинизм безусловно стоит за прочный союз с основными массами крестьянства, за союз с середняками, но не за всякий союз, а за такой союз с середняками, который обеспечивает *руководящую роль* рабочего класса, *укрепляет* диктатуру пролетариата и *облегчает дело уничтожения классов.*

„Под соглашением между рабочим классом и крестьянством, — говорит Ленин, — можно понимать что угодно. Если не иметь в виду, что соглашение, с точки зрения рабочего класса, лишь тогда является допустимым, правильным и принципиально возможным, когда оно поддерживает диктатуру рабочего класса и является одной из мер, направленных к уничтожению классов, то формула соглашения рабочего класса с крестьянством, конечно, остается формулой, которую все враги Советской власти и все враги диктатуры в своих взглядах и проводят"[1].

И далее:

„Теперь, — говорит Ленин, — пролетариат держит в руках власть и руководит ею. Он руководит крестьянством. Что это значит — руководить крестьянством? Это значит, во-первых, вести линию на уничтожение классов, а не на мелкого производителя. Если бы мы с этой линии, коренной и основной, сбились, тогда мы перестали бы быть социалистами и попали бы в лагерь тех мелких буржуа, в лагерь эс-эров и меньшевиков, которые являются сейчас самыми злейшими врагами пролетариата"[2].

Вот она, точка зрения Ленина по вопросу о союзе с основными массами крестьянства, о союзе с середняками.

---

[1] *Ленин,* Сочинения, том XXVI, стр. 387.

[2] *Там же,* стр. 399—400.

Ошибка группы т. Бухарина по вопросу о середняке состоит в том, что она не видит двойственной природы, двойственного положения середняка между рабочим классом и между капиталистами. „Середняк есть класс колеблющийся“, говорил Ленин. Почему? Потому, что середняк, с одной стороны, труженик, что сближает его с рабочим классом, а с другой стороны — собственник, что сближает его с кулаком. Отсюда — колебания середняка. И это верно не только теоретически. Эти колебания проявляются также на практике ежедневно, ежечасно.

„Крестьянин, — говорит Ленин, — как труженик, тянет к социализму, предпочитая диктатуру рабочих диктатуре буржуазии. Крестьянин, как продавец хлеба, тянет к буржуазии, к свободной торговле, т. е. назад к „привычному“, старому, „исконному“ капитализму“ [1].

Поэтому союз с середняком может быть прочным лишь в том случае, если он направлен против капиталистических элементов, против капитализма вообще, если он обеспечивает руководящую роль рабочего класса в этом союзе, если он облегчает дело уничтожения классов.

Странно, что группа т. Бухарина забывает об этих простых и понятных вещах.

г) О НЭПЕ И РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Четвертая ошибка т. Бухарина касается вопроса о нэпе. Ошибка т. Бухарина состоит здесь в том, что он не видит двусторонности нэпа, он видит только одну сторону нэпа. Когда мы вводили нэп в 1921 г., мы направляли тогда его острие против военного коммунизма, против такого режима и порядков, которые исключают *какую бы то ни было* свободу торговли. Мы считали и считаем, что нэп означает *известную* свободу торговли. Эту сторону дела т. Бухарин запомнил. И это очень хорошо. Но т. Бухарин ошибается, полагая, что эта сторона дела исчерпывает нэп. Тов. Бухарин забывает, что нэп имеет еще другую сторону. Дело в том, что нэп вовсе не означает *полной* свободы торговли, *свободной* игры цен на рынке. Нэп есть свобода торговли в *известных* пределах, в *известных* рамках, *при обеспечении регулирующей роли государства и его роли на рынке*. В этом именно и состоит вторая сторона нэпа. При чем эта сторона нэпа не менее, если не более, важна, чем первая его сторона. У нас нет на рынке свободной игры цен, как это бывает обычно в капиталистических странах. Мы определяем цены на хлеб в основном. Мы определяем цены на промтовары. Мы стараемся проводить политику снижения себестоимости и снижения цен на промтовары, стремясь сохранить

[1] *Ленин*, Сочинения, том XXIV, стр. 314.

стабильность цен на продукты сельского хозяйства. Разве не ясно, что таких особых и специфических порядков на рынке не бывает вообще в капиталистических странах.

Из этого следует, что, пока есть нэп, должны быть сохранены обе его стороны: и первая сторона, направленная против режима военного коммунизма и имеющая своей целью обеспечение *известной* свободы торговли, и вторая сторона, направленная против *полной* свободы торговли и имеющая своей целью обеспечение регулирующей роли государства на рынке. Уничтожьте одну из этих сторон, — и у вас не будет нэпа.

Тов. Бухарин думает, что нэпу может угрожать опасность лишь „слева", со стороны людей, желающих ликвидировать *всякую* свободу торговли. Это неверно. Это грубейшая ошибка. К тому же такая опасность сейчас менее всего реальна, ибо у нас нет, или почти нет, теперь таких людей в наших местных и центральных организациях, которые бы не понимали всей необходимости и целесообразности сохранения *известной* свободы торговли. Гораздо более реальна опасность справа, опасность со стороны людей, желающих ликвидировать регулирующую роль государства на рынке, желающих „раскрепостить" рынок и открыть таким образом эру полной свободы торговли. Не может быть никакого сомнения, что эта опасность срыва нэпа справа гораздо более реальна теперь. Не следует забывать, что мелко-буржуазная стихия работает в этом именно направлении, — в направлении срыва нэпа справа. Следует также помнить, что вопли кулаков и зажиточных элементов, вопли спекулянтов и скупщиков, которым поддаются нередко многие наши товарищи, бомбардируют нэп с этой именно стороны. Тот факт, что т. Бухарин не видит этой второй, действительно реальной, опасности срыва нэпа, — этот факт с несомненностью говорит о том, что он поддался давлению мелко-буржуазной стихии.

Тов. Бухарин предлагает „нормализацию" рынка и „маневрирование" заготовительными ценами на хлеб по районам, т. е. повышение цен на хлеб. Что это значит? Это значит, что его не удовлетворяют советские условия рынка, он хочет спустить на тормозах регулирующую роль государства на рынке и предлагает пойти на уступки мелкобуржуазной стихии, срывающей нэп справа.

Допустим на минутку, что мы последовали советам т. Бухарина. Что из этого получится? Мы подымаем цены на хлеб, скажем, осенью, в начале заготовительного периода. Но так как всегда имеются на рынке люди, всякие спекулянты и скупщики, которые могут заплатить за хлеб втрое больше, и так как мы не можем угнаться за спекулянтами, ибо они покупают всего какой-нибудь десяток миллионов пудов, а нам надо покупать сотни

миллионов пудов, то держатели хлеба все равно будут придерживать хлеб, ожидая дальнейшего повышения цен. Стало быть, нам надо вновь прибавить цену на хлеб к весне, когда главным образом и начинается основная нужда государства в хлебе. Но что значит повысить цену на хлеб весной? Это значит зарезать бедноту и маломощные слои деревни, которые сами вынуждены прикупать хлеб весной, отчасти для семян, отчасти для еды, тот самый хлеб, который они продали осенью по более дешевой цене. Сможем ли мы добиться чего-нибудь серьезного в результате этих операций в смысле получения достаточного количества хлеба? Вероятнее всего, что не сможем, так как всегда найдутся спекулянты и скупщики, которые сумеют вновь заплатить за тот же хлеб вдвое и втрое больше. Стало быть, мы должны быть готовы к новому повышению цен на хлеб, тщетно стараясь перекрыть спекулянтов и скупщиков.

Но из этого выходит, что, раз став на путь повышения цен на хлеб, мы должны и дальше катиться вниз, не имея гарантии получить достаточное количество хлеба.

Но дело на этом не кончается. Во-первых, подымая *заготовительные* цены на хлеб, мы должны будем потом поднять цены и на сырье, чтобы сохранить известную пропорцию в ценах на продукты сельского хозяйства. Во-вторых, повышая заготовительные цены на хлеб, мы не сможем сохранить низкую цену на хлеб в городах, — стало быть, должны будем поднять и *продажные* цены на хлеб. А так как мы не можем и не должны обидеть рабочих, — мы должны ускоренным темпом повышать зарплату. Но это не может не повести к тому, чтобы повысить цены и на промтовары, ибо в противном случае может получиться перекачка средств из города в деревню вопреки интересам индустриализации. В результате мы должны будем выравнивать цены на промтовары и сельско-хозяйственные продукты не на базе *снижающихся* или по крайней мере стабилизованных цен, а на базе *повышающихся* цен как на хлеб, так и на промтовары. Иначе говоря, мы должны будем держать курс на *вздорожание* промтоваров и сельско-хозяйственных продуктов. Нетрудно понять, что такое „маневрирование“ ценами не может не привести к полной ликвидации советской политики цен, к ликвидации регулирующей роли государства на рынке и к полному развязыванию мелко-буржуазной стихии. Кому это будет выгодно? Только зажиточным слоям города и деревни, ибо дорогие промтовары и сельско-хозяйственные продукты не могут не стать недоступными как для рабочего класса, так и для бедноты и маломощных слоев деревни. Выигрывают кулаки и зажиточные, нэпманы и другие состоятельные классы.

Это тоже будет смычка, но смычка своеобразная — смычка с состоятельными слоями деревни и города. Рабочие и маломощные слои деревни будут иметь полное право спросить нас: чья мы власть, рабоче-крестьянская или кулацко-нэпманская?

Разрыв с рабочим классом и с маломощными слоями деревни, смычка с зажиточными слоями деревни и города — вот к чему должны привести бухаринская „нормализация“ рынка и „маневрирование“ ценами на хлеб по районам.

Ясно, что партия не может стать на этот гибельный путь.

До чего спутались у т. Бухарина все понятия о нэпе и до чего он крепко засел в плен мелко-буржуазной стихии, — это видно, между прочим, из того более чем отрицательного отношения, которое он проявляет к вопросу о новых формах товарооборота между городом и деревней, между государством и крестьянством. Он возмущен и вопит против того, что государство стало поставщиком товаров для крестьянства, а крестьянство становится поставщиком хлеба для государства. Он считает это нарушением всех правил нэпа, чуть ли не срывом нэпа. Почему, спрашивается, на каком основании? Что может быть плохого в том, что государство, государственная промышленность является поставщиком товаров для крестьянства, а крестьянство — поставщиком хлеба для промышленности, для государства? Что может быть плохого с точки зрения марксизма и марксистской политики нэпа в том, что крестьянство уже *превратилось* в поставщика хлопка, свеклы, льна для нужд государственной промышленности, а государственная промышленность — в поставщика городских товаров, семян и орудий производства для этих отраслей сельского хозяйства? Метод контрактации является здесь основным методом установления этих новых форм товарооборота между городом и деревней. Но разве метод контрактации противоречит требованиям нэпа? Что может быть плохого в том, что крестьянство *становится* поставщиком государства и по линии хлеба, а не только по линии хлопка, свеклы, льна, благодаря тому же методу контрактации? Почему торговля мелкими партиями, торговля мелочная может называться товарооборотом, а торговля крупными партиями по заранее составленным договорам (контрактация) насчет цен и качества товара не может считаться товарооборотом? Откуда эта несообразность? Разве трудно понять, что эти новые массовые формы товарооборота по методу контрактации между городом и деревней возникли именно на основе нэпа, что они являются крупнейшим шагом вперед со стороны наших организаций в смысле усиления планового, социалистического руководства народным хозяйством?

Не странно ли, что т. Бухарин разучился понимать эти простые и понятные вещи?

д) О ТЕМПЕ РАЗВИТИЯ ИНДУСТРИИ И НОВЫХ ФОРМАХ СМЫЧКИ

Наконец, вопрос о темпе развития индустрии и о новых формах смычки между городом и деревней. Этот вопрос является одним из важнейших вопросов наших разногласий. Важность этого вопроса состоит в том, что в нем сосредоточены все нити наших *практических* разногласий по вопросам хозяйственной политики партии.

Что такое новые формы смычки, что это означает с точки зрения нашей хозяйственной политики?

Это означает прежде всего, что кроме старых форм смычки между городом и деревней, когда промышленность удовлетворяла главным образом *личные* потребности крестьянина (ситец, обувь, вообще мануфактура и т. д.), нам нужны еще новые формы смычки, когда промышленность будет удовлетворять *производственные* нужды крестьянского хозяйства (сельско-хозяйственные машины, тракторы, улучшенные семена, удобрение и т. д.). Если мы раньше удовлетворяли *главным образом* личные потребности крестьянина, мало задевая производственные нужды его хозяйства, то теперь, продолжая удовлетворять личные потребности крестьянина, нам нужно налегать во-всю на снабжение сельско-хозяйственными машинами, тракторами, удобрениями и т. д., имеющими прямое отношение к реконструкции сельско-хозяйственного производства на новой технической базе. Пока дело шло о *восстановлении* сельского хозяйства и освоении крестьянами бывших помещичьих и кулацких земель, мы могли довольствоваться старыми формами смычки. Но теперь, когда дело идет о *реконструкции* сельского хозяйства, этого уже недостаточно. Теперь надо итти дальше, помогая крестьянству перестроить сельско-хозяйственное производство на базе новой техники и коллективного труда.

Это означает, во-вторых, что наряду с перевооружением нашей промышленности мы должны начать серьезно перевооружать и сельское хозяйство. Мы перевооружаем и отчасти уже перевооружили нашу промышленность, подводя под нее новую техническую базу, снабжая ее новыми улучшенными машинами, новыми улучшенными кадрами. Мы строим новые заводы и фабрики, мы реконструируем и расширяем старые, мы развиваем металлургию, химию, машиностроение. На этой основе растут города, множатся новые промышленные пункты, расширяются старые. На этой базе растет спрос на продовольственные продукты, на сырье для промышленности. А сельское хозяйство остается при старых орудиях, при старых, дедовских, методах обработки земли, при старой, примитивной, теперь уже негодной или почти негодной технике,

при старых мелко-крестьянских индивидуальных формах хозяйствования и труда. Чего стоит, например, тот факт, что до революции было у нас около 16 млн. дворов, а теперь их имеется не менее 25 млн.? О чем говорит все это, как не о том, что сельское хозяйство принимает все более распыленный, раздробленный характер. А характерная черта распыленных мелких хозяйств состоит в том, что они не в силах в должной мере использовать технику, машины, тракторы, данные агрономической науки, что они являются хозяйствами малотоварными. Отсюда недостаток товарного выхода сельско-хозяйственных продуктов. Отсюда опасность разрыва между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством. Отсюда необходимость подтянуть, подогнать сельское хозяйство к темпу развития нашей индустрии. И вот, чтобы не было этой опасности разрыва, надо начать по-серьезному перевооружать сельское хозяйство на базе новой техники. А чтобы его перевооружить, надо постепенно объединять раздробленные крестьянские хозяйства в крупные хозяйства, в коллективы, надо строить сельское хозяйство на базе коллективного труда, надо укрупнять коллективы, надо развивать старые и новые совхозы, надо систематически применять массовые формы контрактации ко всем основным отраслям сельского хозяйства, надо развивать систему машинно-тракторных станций, помогающих крестьянству осваивать новую технику и коллективизировать труд, — словом, надо постепенно переводить мелкие крестьянские хозяйства на базу крупного коллективного производства, ибо только крупное производство общественного типа способно использовать во-всю данные науки и новой техники и двинуть вперед семимильными шагами развитие нашего сельского хозяйства.

Это не значит, конечно, что мы должны забросить индивидуальное бедняцко-середняцкое крестьянское хозяйство. Нет, не значит. Индивидуальное бедняцко-середняцкое хозяйство в деле снабжения промышленности продовольствием и сырьем играет и будет еще играть в ближайшем будущем преобладающую роль. Именно поэтому необходимо поддерживать индивидуальное бедняцко-середняцкое хозяйство. Но это значит, что одного лишь индивидуального крестьянского хозяйства *уже* недостаточно. Об этом говорят наши хлебозаготовительные затруднения. Поэтому развитие индивидуального бедняцко-середняцкого хозяйства надо *дополнить* всемерным развитием коллективных форм хозяйства и совхозов. Поэтому нужно проложить мост между индивидуальным бедняцко-середняцким хозяйством и коллективными общественными формами хозяйства в виде массовой контрактации, в виде машинно-тракторных станций, в виде всемерного развития кооперативной общест-

венности, с тем, чтобы облегчить крестьянам перевести свое мелкое индивидуальное хозяйство на рельсы коллективного труда. Без этих условий невозможно серьезное развитие сельского хозяйства. Без этих условий невозможно разрешение зерновой проблемы. Без этих условий невозможно избавление маломощных слоев крестьянства от бедности, от нищеты.

Это означает, наконец, что надо всемерно развивать нашу индустрию, как основной источник питания сельско-хозяйственного производства, по линии его реконструкции, надо развивать металлургию, химию, машиностроение, надо строить тракторные заводы, заводы сельско-хозяйственных машин и т. д. Нет нужды доказывать, что невозможно развивать колхозы, невозможно развивать машинно-тракторные станции, не подтягивая основные массы крестьянства к коллективным формам хозяйствования через массовую контрактацию, не снабжая сельское хозяйство изрядным количеством тракторов, сельско-хозяйственных машин и т. д. Но снабжать деревню машинами и тракторами невозможно, не развивая нашу индустрию усиленным темпом. Отсюда быстрый темп развития нашей индустрии как ключ к реконструкции сельского хозяйства на базе коллективизма.

Таковы смысл и значение новых форм смычки.

Группа т. Бухарина вынуждена признать словесно необходимость новых форм смычки. Но это есть лишь *словесное* признание, рассчитанное на то, чтобы под флагом словесного признания новых форм смычки протащить нечто прямо *противоположное.* На самом деле т. Бухарин стоит против новых форм смычки. У т. Бухарина исходным пунктом является не быстрый темп развития индустрии, как рычага реконструкции сельско-хозяйственного производства, а развитие индивидуального крестьянского хозяйства. У него на первом плане „нормализация" рынка и допущение свободной игры цен на рынке сельско-хозяйственных продуктов, допущение, по сути дела, полной свободы торговли. Отсюда его недоверчивое отношение к колхозам, что сказалось в его речи на июльском пленуме ЦК и в его тезисах перед июльским пленумом ЦК. Отсюда его отрицательное отношение ко всем и всяким формам чрезвычайных мер при заготовке хлеба против кулачества. Известно, что т. Бухарин убегает от чрезвычайных мер, как чорт от ладана. Известно, что т. Бухарин все еще не может понять, что при нынешних условиях кулак не будет сдавать достаточное количество хлеба добровольно, в порядке самотека. Это доказано теперь двухлетним опытом нашей заготовительной работы.

Ну, а как быть, если все же нехватит товарного хлеба? Бухарин отвечает на это: не тревожьте кулака чрезвычайными мерами и ввезите хлеб из-за границы. Он еще недавно предлагал ввезти хлеб

из-за границы миллионов 50 пудов, т. е. миллионов на 100 рублей валютой. А если валюта нужна для того, чтобы ввезти оборудование для индустрии? Бухарин отвечает на это: надо дать предпочтение ввозу хлеба из-за границы, отставив, очевидно, на задний план ввоз оборудования для промышленности.

Выходит, таким образом, что основой разрешения зерновой проблемы и реконструкции сельского хозяйства является не быстрый темп развития индустрии, а развитие индивидуального крестьянского хозяйства, включая сюда и кулацкое хозяйство, на базе свободного рынка и свободной игры цен на нем.

Таким образом мы имеем дело с двумя различными планами хозяйственной политики.

План партии:

1. Мы перевооружаем (реконструкция) промышленность.

2. Мы начинаем серьезно перевооружать сельское хозяйство (реконструкция).

3. Для этого надо расширять строительство колхозов и совхозов, массовое применение контрактации и машинно-тракторных станций как средства установления *производственной смычки* между индустрией и сельским хозяйством.

4. Что касается хлебозаготовительных затруднений в данный момент, то необходимо признать допустимость временных чрезвычайных мер, подкрепленных общественной поддержкой середняцко-бедняцких масс, как одно из средств сломить сопротивление кулачества и взять у него максимально хлебные излишки, необходимые для того, чтобы обойтись без импорта хлеба и сохранить валюту для развития индустрии.

5. Индивидуальное бедняцко-середняцкое хозяйство играет и будет еще играть преобладающую роль в деле снабжения страны продовольствием и сырьем, но оно одно лишь уже недостаточно, — развитие индивидуального бедняцко-середняцкого хозяйства надо *дополнить* поэтому развитием колхозов и совхозов, массовой контрактацией, усиленным развитием машинно-тракторных станций для того, чтобы облегчить вытеснение капиталистических элементов из сельского хозяйства и постепенный перевод индивидуальных крестьянских хозяйств на рельсы крупных коллективных хозяйств, на рельсы коллективного труда.

6. Но чтобы добиться всего этого, необходимо прежде всего усилить развитие индустрии, металла, химии, машиностроения, тракторных заводов, заводов сельско-хозяйственных машин и т. д. Без этого невозможны разрешение зерновой проблемы и реконструкция сельского хозяйства.

Вывод: *ключом реконструкции сельского хозяйства является быстрый темп развития нашей индустрии.*

План т. Бухарина:

1. „Нормализация" рынка, допущение свободной игры цен на рынке и повышение цен на хлеб, не останавливаясь перед тем, что это может повести к вздорожанию промтоваров, сырья, хлеба.

2. Всемерное развитие индивидуального крестьянского хозяйства при известном сокращении темпа развития колхозов и совхозов (тезисы т. Бухарина в июле, речь Бухарина на июльском пленуме).

3. Заготовки путем самотека, исключающие всегда и при всяких условиях даже частичное применение чрезвычайных мер против кулачества, если даже эти меры поддерживаются середняцко-бедняцкой массой.

4. В случае недостачи хлеба — ввоз хлеба миллионов на 100 рублей.

5. А если валюты нехватит на то, чтобы покрыть и ввоз хлеба и ввоз оборудования для промышленности, то надо сократить ввоз оборудования, а значит и темп развития нашей индустрии, — иначе у нас будет „топтание на месте", а то и „прямое падение вниз" сельского хозяйства[1].

Вывод: *ключом реконструкции сельского хозяйства является развитие индивидуального крестьянского хозяйства.*

Вот как оборачивается дело, товарищи!

План т. Бухарина есть план *снижения* темпа развития индустрии и *подрыва* новых форм смычки.

Таковы наши разногласия.

Не опоздали ли мы с развитием новых форм смычки, с развитием колхозов, совхозов и т. д.?

Есть люди, утверждающие, что партия опоздала по крайней мере года на два с этим делом. Это неверно, товарищи. Это совершенно неверно. Так могут говорить только „левые" крикуны, не имеющие представления об экономике СССР. Что значит опоздать в этом деле? Если речь идет о том, чтобы предвидеть необходимость колхозов и совхозов, то это дело мы начали еще во время Октябрьского переворота. Что партия предвидела необходимость колхозов и совхозов еще тогда, в период Октябрьского переворота, — в этом не может быть никакого сомнения. Можно, наконец, взять нашу программу, принятую на VIII съезде партии (март 1919 г.). Необходимость колхозов и совхозов учтена там со всей ясностью. Но одного лишь предвидения необходимости колхозов и совхозов со стороны руководящей верхушки нашей партии недостаточно для того, чтобы провести в жизнь и организовать *массовое движение* за колхозы и совхозы. Стало быть,

[1] *Н. Бухарин,* Заметки экономиста.

речь идет не о предвидении, а об *осуществлении* плана колхозно-совхозного строительства. Но для осуществления такого плана требуется целый ряд условий, которых у нас не было до сих пор и которые появились лишь в последнее время. Вот в чем дело, товарищи.

Чтобы провести план массового движения за колхозы и совхозы, для этого необходимо прежде всего, чтобы партийную верхушку поддержала в этом деле прежде всего партия в *своей массе*. А партия у нас миллионная, как известно. Следовательно, нужно было убедить широкие партийные массы в правильности политики руководящей верхушки. Это — во-первых.

Для этого необходимо, далее, чтобы в недрах крестьянства создалось массовое движение за колхозы, чтобы крестьянство не боялось колхозов, а само шло в колхозы, убеждаясь на опыте в преимуществе колхозов перед индивидуальным хозяйством. А это — дело серьезное, требующее известного времени. Это — во-вторых.

Для этого необходимо, далее, чтобы были у государства материальные средства, необходимые для финансирования движения, для финансирования колхозов и совхозов. А на это дело нужны сотни и сотни миллионов, дорогие товарищи. Это — в-третьих.

Для этого необходимо, наконец, чтобы была развита индустрия в более или менее достаточной мере, необходимой для того, чтобы снабжать сельское хозяйство машинами, тракторами, удобрениями и т. д. Это — в-четвертых.

Можно ли утверждать, что у нас были уже все эти условия года два или три назад? Нет, нельзя утверждать этого.

Нельзя забывать, что мы представляем партию *правящую, а не оппозиционную*. Оппозиционная партия может давать лозунги, — я говорю о коренных практических лозунгах движения, — с тем, чтобы осуществить их после своего прихода к власти. Никто не может обвинять оппозиционную партию в том, что она не осуществляет своих коренных лозунгов немедленно, так как все понимают, что у руля стоит не она, оппозиционная партия, а другие партии. Совершенно иначе обстоит дело с партией правящей, какую представляет наша большевистская партия. Лозунги такой партии представляют не простые (агитационные) лозунги, а нечто гораздо большее, ибо они имеют силу *практического решения, силу закона*, которые нужно проводить теперь же. Наша партия не может дать практический лозунг и потом отложить его проведение в жизнь. Это было бы обманом масс. Чтобы дать лозунг, особенно такой серьезный лозунг, как перевод миллионных масс крестьянства на рельсы коллективизма, надо иметь условия для их прямого осуществления, надо, наконец, создать, организовать эти условия. Вот почему для нас недостаточно одного лишь

предвидения необходимости колхозов и совхозов со стороны партийной верхушки. Вот почему нам нужны условия, необходимые для того, чтобы *осуществить, провести в жизнь* наши лозунги.

Была ли наша партия *в своей массе* готова ко всемерному развитию колхозов и совхозов, скажем, года два или три назад? Нет, она не была еще к этому готова. Серьезный поворот в партийных массах в сторону новых форм смычки начался лишь с первых серьезных хлебозаготовительных затруднений. Понадобились эти затруднения для того, чтобы партия в массе ощутила всю необходимость форсирования новых форм смычки, и прежде всего колхозов и совхозов, и решительно поддержала в этом деле свой ЦК. Вот вам одно условие, которого не было у нас раньше и которое имеется теперь налицо.

Имелось ли у нас года два или три назад серьезное движение миллионных масс крестьянства в пользу колхозов или совхозов? Нет, не имелось. Всякому известно, что два или три года назад крестьянство враждебно относилось к совхозам, а колхозы третировало оно как ни к чему ненужную „коммунию“. А теперь? Теперь — дело другое. Теперь имеются у нас уже целые слои крестьянства, глядящие на совхозы и колхозы как на источник помощи крестьянскому хозяйству семенами, улучшенным скотом, машинами, тракторами. Теперь подавай только машины и тракторы, дело колхозов пойдет вперед усиленным темпом.

Откуда взялся такой перелом среди известных, довольно значительных слоев крестьянства? Что ему благоприятствовало? Прежде всего развитие кооперации и кооперативной общественности. Не может быть сомнения, что без мощного развития кооперации, особенно сельско-хозяйственной, создавшей психологическую базу среди крестьян в пользу колхозов, у нас не было бы той тяги к колхозам, которая проявляется теперь целыми слоями крестьянства. Большую роль сыграло здесь также наличие хорошо устроенных колхозов, давших крестьянам хорошие образцы того, как можно улучшить сельское хозяйство, объединяя мелкие крестьянские хозяйства в крупные, в коллективные хозяйства. Сыграло тут свою роль также наличие благоустроенных совхозов, помогавших крестьянам в деле улучшения хозяйства. Я уже не говорю о других фактах, хорошо известных всем вам. Вот вам еще одно условие, которого не было у нас раньше и которое имеется теперь у нас.

Далее, можно ли утверждать, что мы имели возможность года два или три назад серьезно финансировать колхозы и совхозы, отпуская на это дело сотни миллионов рублей? Нет, нельзя утверждать. Вы знаете хорошо, что у нас нехватало средств даже на развитие того минимума промышленности, без которого во-

обще невозможна никакая индустриализация, не говоря уже о реконструкции сельского хозяйства. Могли ли мы отнять эти средства у промышленности, представляющей базу индустриализации страны, и передать их колхозам и совхозам? Ясно, что не могли. Ну, а теперь? Теперь у нас есть средства для развития колхозов и совхозов.

Можно ли, наконец, утверждать, что мы уже имели года два или три назад достаточную базу в индустрии для усиленного снабжения сельского хозяйства машинами, тракторами и т. д.? Нет, нельзя этого утверждать. Тогда задача состояла в том, чтобы создать *минимум индустриальной базы* для снабжения сельского хозяйства в *будущем* машинами и тракторами. На создание этой базы и ушли у нас тогда наши скудные финансовые средства. Ну, а теперь? Теперь у нас есть эта индустриальная база для сельского хозяйства. Во всяком случае она, эта самая база, создается у нас ускоренным темпом.

Выходит, что условия, необходимые для массового развития колхозов и совхозов, создались у нас лишь в последнее время.

Вот как обстоит дело, товарищи.

Вот почему нельзя говорить, что мы опоздали с развитием новых форм смычки.

е) ТОВ. БУХАРИН КАК ТЕОРЕТИК

Таковы в основном главные ошибки теоретика правой оппозиции — т. Бухарина — в основных вопросах нашей политики.

Говорят, что т. Бухарин теоретик нашей партии. Он, конечно, теоретик, и теоретик немалый. Но дело в том, что с теорией у него не все обстоит благополучно. Это видно хотя бы из того, что он нагромоздил целую кучу ошибок по вопросам партийной политики, только что охарактеризованных мною. Не может быть, чтобы эти ошибки, ошибки по линии Коминтерна, ошибки по вопросам о классовой борьбе, об обострении классовой борьбы, о крестьянстве, о нэпе, о новых формах смычки, — не может быть, чтобы все эти ошибки появились у него случайно. Нет, эти ошибки не случайны. Они, эти ошибки т. Бухарина, вышли из неправильной его установки, из его теоретических изъянов. Да, т. Бухарин теоретик, но теоретик он не вполне марксистский, теоретик, которому надо еще доучиваться для того, чтобы стать вполне марксистским теоретиком.

Ссылаются на известное письмо т. Ленина о Бухарине как о теоретике. Давайте зачитаем это письмо:

„Из молодых членов ЦК, — говорит Ленин, — хочу сказать несколько слов о Бухарине и Пятакове. Это, по-моему, самые выдающиеся силы (из самых молодых сил), и относительно их надо бы иметь в виду следующее:

Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но *его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)*"[1].

Итак, теоретик без диалектики. Теоретик-схоластик. Теоретик, чьи „теоретические воззрения с очень большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским". Такова характеристика теоретической физиономии т. Бухарина, данная Лениным.

Вы сами понимаете, товарищи, что такому теоретику надо еще доучиваться. И если бы т. Бухарин понимал, что он теоретик не вполне еще законченный, что он нуждается в том, чтобы доучиться, что он теоретик, который не вполне еще усвоил диалектику, а диалектика есть душа марксизма, — если бы это он понимал, то он был бы скромнее, и от этого партия лишь выиграла бы. Но беда в том, что Бухарин не страдает скромностью. Беда в том, что он не только не страдает скромностью, но он берется даже учить нашего учителя Ленина по целому ряду вопросов, и прежде всего по вопросу о государстве. Вот в чем беда, товарищи.

Позвольте сослаться по этому случаю на известный теоретический спор между Лениным и Бухариным по вопросу о государстве, разыгравшийся в 1916 г. Это важно для нас для того, чтобы вскрыть как непомерные претензии т. Бухарина, собирающегося учить Ленина, так и корни его теоретических слабостей в таких важных вопросах, как вопрос о диктатуре пролетариата, о классовой борьбе и т. д. Как известно, в журнале „Интернационал молодежи" появилась в 1916 г. статья т. Бухарина, направленная, по сути дела, против т. Ленина, за подписью Nota Bene. В этой статье т. Бухарин пишет:

„...Совершенно ошибочно искать различия между социалистами и анархистами в том, что первые — сторонники, вторые — противники государства. Различие в самом деле заключается в том, что революционная социал-демократия хочет сорганизовать новое общественное производство как централизованное, т. е. технически наиболее прогрессивное, тогда как децентрализованное анархическое производство означало бы лишь шаг назад к старой технике, к старой форме предприятий..."

„...Для социал-демократии, которая является или по крайней мере должна быть воспитательницей масс, теперь более чем когда-либо, необходимо подчеркивать свою принципиальную враждебность к государству... Теперешняя война показала, как глубоко корни государственности проникли в души рабочих".

Критикуя эти взгляды т. Бухарина, Ленин отвечает в специальной статье, опубликованной в 1916 г.:

[1] Стенограмма июльского пленума 1926 г., вып. IV, стр. 66. Курсив мой. *И. Ст.*

„Это неверно. Автор ставит вопрос о том, в чем отличие отношения социалистов и анархистов *к государству,* а отвечает *не* на этот, а на *другой* вопрос, в чем различие их отношения к экономической основе будущего общества. Это очень важный и необходимый вопрос, конечно. Но отсюда не вытекает, чтобы можно было забывать *главное* в различии отношения социалистов и анархистов к государству. Социалисты стоят за использование современного государства и его учреждений в борьбе за освобождение рабочего класса, а равно за необходимость использовать государство для своеобразной переходной формы от капитализма к социализму. Такой переходной формой, *тоже* государством, является диктатура пролетариата. Анархисты хотят „отменить“ государство, „взорвать“ (sprengen) его, как выражается в одном месте т. Nota Bene, ошибочно приписывая этот взгляд социалистам. Социалисты — автор цитировал, к сожалению, слишком неполно относящиеся сюда слова Энгельса — признают отмирание, „постепенное“ „засыпание“ государства *после* экспроприации буржуазии“...

„Чтобы „подчеркивать“ „принципиальную враждебность“ к государству, надо действительно „ясно“ понять ее, а у автора как раз ясности нет. Фраза же о „корнях государственности“ совсем уже путаная, не марксистская и не социалистическая. Не „государственность“ столкнулась с отрицанием государственности, а оппортунистическая политика (т. е. оппортунистическое, реформистское, буржуазное отношение к государству) столкнулась с революционной социал-демократической политикой (т. е. революционным социал-демократическим отношением к государству буржуазному и к использованию государства против буржуазии для ее свержения). Это вещи совсем, совсем различные“ [1].

Кажется ясно, в чем тут дело и в какую полуанархическую лужу угодил т. Бухарин!

Стэн. Ленин тогда в развернутом виде еще не формулировал необходимость „взрыва“ государства. Бухарин, делая анархические ошибки, подходил к формулировке этого вопроса.

Сталин. Нет, т. Стэн, речь идет сейчас не об этом, речь идет об отношении к государству вообще, речь идет о том, что, по мнению Бухарина, рабочий класс должен быть *принципиально* враждебен ко *всякому* государству, в том числе и к государству рабочего класса.

Стэн. Ленин тогда говорил только об использовании государства, ничего не говоря в критике т. Бухарина о „взрыве“.

Сталин. Ошибаетесь, т. Стэн. Смею заверить вас, что речь идет здесь о том, что рабочие должны подчеркнуть, по мнению Бухарина (и анархистов), свою принципиальную враждебность ко всякому государству, стало быть и к государству переходного периода, к государству рабочего класса. Попробуйте-ка растолковать нашим рабочим, что рабочий класс должен проникнуться принципиальной враждебностью к пролетарской диктатуре, которая тоже ведь есть государство. Позиция Бухарина, изложенная в его статье в „Интернационале молодежи“, есть пози-

[1] *Ленин,* т. XIX, стр. 296, „Интернационал молодежи“.

ция отрицания государства в период, переходный от капитализма к социализму. Тов. Бухарин проглядел здесь „мелочь“, а именно — он проглядел целый переходный период, когда рабочий класс не может обойтись без своего собственного государства, если он действительно хочет подавлять буржуазию и строить социализм. Это — во-первых. Во-вторых, неверно, что т. Ленин не касался тогда в своей критике теории „взрыва“, „отмены“ государства вообще. Ленин не только касался этой теории, как это видно из приведенных мною цитат, но он еще раскритиковал ее как теорию анархическую, противопоставив ей теорию *создания* нового государства после свержения буржуазии, а именно — государства пролетарской диктатуры. Наконец, нельзя смешивать анархическую теорию „взрыва“ государства с марксистской теорией „слома“, „разбития“ *буржуазно*-государственной машины. Кое-кто из товарищей склонен смешивать эти два различных понятия, думая, что они представляют выражение одной и той же мысли. Но это неверно. Совершенно неверно, товарищи. Ленин исходил именно из марксистской теории „слома“ *буржуазно*-государственной машины, когда он критиковал анархическую теорию „взрыва“ и „отмены“ государства вообще.

Может быть нелишне будет, если я приведу здесь, в целях большей ясности, одну из рукописей т. Ленина о государстве, написанную, по всем видимостям, в конце 1916 или в начале 1917 г. (до Февральской революции 1917 г.). Из этой рукописи можно легко усмотреть, что: а) критикуя полуанархические ошибки т. Бухарина по вопросу о государстве, Ленин исходил из марксистской теории „слома“ буржуазно-государственной машины, б) что хотя Бухарин, по выражению Ленина, „ближе к истине, чем Каутский“, но он все же „вместо разоблачения каутскианцев помогает им своими ошибками“. Вот текст этой рукописи:

„*Чрезвычайно* большую важность по вопросу о государстве имеет письмо *Энгельса к Бебелю* от 16/28 марта 1875 г.

Вот главнейшее место полностью:

„...Свободное народное государство превратилось в свободное государство. По грамматическому смыслу этих слов свободное государство есть такое, в котором государство свободно по отношению к своим гражданам, т. е. государство с деспотическим правительством. *Следовало бы бросить всю эту болтовню о государстве,* особенно *после Коммуны, которая не была уже государством в собственном смысле.* „Народным государством“ анархисты кололи нам глаза более чем достаточно, хотя уже сочинение Маркса против Прудона, а затем „Коммунистический манифест“ говорят прямо, что *с введением социалистического общественного строя государство само собою распускается* (sich auflöst) *и исчезает.* Так как государство есть лишь преходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавить своих противников, то

говорить о свободном народном государстве есть чистая бессмыслица: пока пролетариат еще *нуждается* в государстве, он нуждается в нем *не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство как таковое перестает существовать.* Мы предложили бы поэтому поставить везде вместо слова *государство* слово: *„община“* (Gemeinwesen), прекрасное старое немецкое слово, соответствующее французскому слову „коммуна“ (курсив Энгельса).

Это, пожалуй, самое замечательное и, наверное, самое резкое место, так сказать, *„против* государства“ у Маркса и Энгельса.

(1) „Бросить надо всю болтовню о государстве“.

(2) „Коммуна была уже *не* государством в собственном смысле“. (А чем же? Переходной формой от государства к негосударству, очевидно!)

(3) Анархисты нам довольно „кололи глаза“ (in die Zähne geworfen, буквально — тыкали в морду) „народным государством“ (Маркс и Энгельс, значит, стыдились этой явной ошибки своих немецких друзей; однако, они считали ее, и разумеется *по тогдашним обстоятельствам* правильно считали, несравненно менее важной ошибкой, чем ошибка анархистов. Это NB!!)

(4) Государство „само собою разлагается („распускается“) (Nota Bene) и исчезает“... (ср. позже: „отмирает“) „со введением социалистического общественного строя“...

(5) Государство есть „временное учреждение“, которое надобно „в борьбе, в революции“... (надобно *пролетариату,* разумеется)...

(6) Государство нужно *не для свободы,* а для *подавления* (Niederhaltung не есть подавление собственно, а удержание от реставрации, держание в покорности) *противников пролетариата.*

(7) Когда будет свобода, тогда не будет государства.

(8) „Мы (т. е. Энгельс и *Маркс*) предложили бы *„везде“* (в программе) говорить вместо „государство“ — „община“ (Gemeinwesen), „коммуна“!!!

Отсюда видно, как опошлили, опоганили Маркса и Энгельса не только оппортунисты, но и Каутский.

Оппортунисты ни одной из этих 8 богатейших мыслей не поняли!

Они взяли *только* практическую надобность настоящего: использовать политическую борьбу, использовать *современное* государство для обучения, воспитания пролетариата, для „вырывания уступок“. Это верно (против анархистов), но это еще лишь $^{1}/_{100}$ марксизма, если можно так арифметически выразиться.

Каутский совсем затушевал (или забыл? или не понял?) в своей пропагандистской и вообще публицистической работе пп. 1, 2, 5, 6, 7, 8 и „Zerbrechen“ Маркса (в полемике с Паннекуком в 1912 или 1913 г. Каутский (см. ниже, стр. 45—47) совсем уже свалился в оппортунизм по этому вопросу)...

От анархистов нас отличает (α) использование государства *теперь* и (β) во время *революции* пролетариата („диктатура пролетариата“) — пункты, важнейшие для практики, тотчас. (Их-то и *забыл* Бухарин!)

От оппортунистов — более глубокие, „более вечные“ истины о (αα) „временном“ характере государства, о (ββ) *вреде* „болтовни“ о нем теперь, о (γγ) не совсем государственном характере диктатуры пролетариата, о (δδ) противоречии государства и свободы, о (εε) более правильной идее (понятии, программном термине) „общины“ вместо государства, о (ξξ) „разбитии“ (Zerbrechen) бюрократически-военной машины. Не забыть еще, что *диктатуру пролетариата* открытые оппортунисты Германии (Бернштейн, Кольб etc.) прямо отрицают, а официальная программа и Каутский *косвенно,* молча о ней в повседневной агитации и *терпя* ренегатство Кольбов и К°.

Бухарину было писано в августе 1916 г.: „дай *дозреть* твоим мыслям о государстве“. Он же, *не дав* дозреть, полез в печать как „Nota Bene“ и сделал это так, что вместо разоблачения каутскианцев *помог им* своими ошибками!! А по сути дела Бухарин ближе к истине, чем Каутский“ (Н. Ленин).

Такова краткая история теоретического спора по вопросу о государстве.

Казалось бы, дело ясное: Бухарин допустил полуанархические ошибки, — пора исправить эти ошибки и пойти дальше по стопам Ленина. Но так могут думать лишь ленинцы. Бухарин, оказывается, с этим не согласен. Он утверждает, наоборот, что ошибался не он, а Ленин, что не он пошел или должен пойти по стопам Ленина, а, наоборот, Ленин оказался вынужденным пойти по стопам Бухарина. Вы не верите, товарищи? В таком случае послушайте дальше. После этих споров, имевших место в 1916 г., спустя 9 лет после этого, в продолжение которых т. Бухарин хранил молчание, *спустя год после смерти Ленина,* а именно в 1925 г., т. Бухарин печатает в сборнике „Революция права“ статью „К теории империалистического государства“, не принятую в свое время к печатанию редакцией „Сборника социал-демократа“ (т. е. Лениным), в *примечании* к которой он прямо заявляет, что в этом споре был прав не Ленин, а он, Бухарин. Это может показаться невероятным, но это — факт, товарищи.

Послушайте текст этого примечания:

„Против статьи в „Интернационале молодежи“ выступил с заметкой В. И. (т. е. Ленин). Читатели легко увидят, что у меня не было ошибки, которая мне приписывалась, ибо я отчетливо видел необходимость диктатуры пролетариата; с другой стороны, из заметки Ильича видно, что он тогда *неправильно относился к положению о „взрыве“ государства* (разумеется, буржуазного), *смешивая этот вопрос с вопросом об отмирании диктатуры пролетариата*[1]. Быть может мне следовало бы тогда больше развить тему о диктатуре. Но в свое оправдание могу сказать, что *тогда* было такое повальное социал-демократическое воспевание буржуазного государства, при котором естественно было сосредоточить все внимание на вопросе о *взрыве* этой машины.

Когда я приехал из Америки в Россию и увидел Надежду Константиновну (это было на нашем нелегальном VI съезде, и в это время В. И. скрывался), ее первыми словами были слова: „В. И. просил вам передать, что в вопросе о государстве у него нет теперь разногласий с вами“. Занимаясь вопросом, *Ильич пришел к тем же выводам*[1] относительно „взрыва“, но он развил эту тему, а затем и учение о диктатуре настолько, что сделал целую эпоху в развитии теоретической мысли в этом направлении“[2].

---

[1] Курсив мой. *И. Ст.*

[2] „Революция права“, сб. I, изд. Коммунистической Академии, 1925 г., стр. 5.

Так пишет о Ленине т. Бухарин *спустя год* после смерти Ленина.

Вот вам образчик гипертрофированной претенциозности недоучившегося теоретика!

Вполне возможно, что Надежда Константиновна в самом деле говорила т. Бухарину о том, о чем здесь пишет т. Бухарин. Но что же из этого следует? Из этого следует лишь одно, что у Ленина были некоторые основания думать, что т. Бухарин отказался или готов отказаться от своих ошибок. Только и всего. Но т. Бухарин рассчитал иначе. Он решил, что отныне создателем, или во всяком случае вдохновителем, марксистской теории государства должен считаться не Ленин, а он, т. е. т. Бухарин.

До сих пор мы считали и продолжаем считать себя ленинцами. А теперь оказывается, что и Ленин и мы, его ученики, являемся бухаринцами. Смешновато немножко, товарищи. Но что поделаешь, когда приходится иметь дело с разбухшей претенциозностью т. Бухарина.

Можно подумать, что т. Бухарин обмолвился в своем примечании к упомянутой выше статье, что он сказал глупость и потом забыл о ней. Но это, оказывается, неверно. Тов. Бухарин говорил, оказывается, вполне серьезно. Это видно хотя бы из того, что заявление т. Бухарина об *ошибках* Ленина и *правоте* Бухарина, сделанное им в этом примечании, вновь было опубликовано недавно, а именно в 1927 г., т. е. спустя два года после первой вылазки т. Бухарина против Ленина, в биографическом очерке т. Марецкого о т. Бухарине (см. „Советскую энциклопедию“), при чем т. Бухарин и не подумал протестовать против такой... смелости т. Марецкого. Ясно, что выступление т. Бухарина против Ленина нельзя считать случайностью.

Выходит, таким образом, что прав Бухарин, а не Ленин, что вдохновителем марксистской теории государства является не Ленин, а Бухарин.

Такова, товарищи, картина теоретических вывихов и теоретических претензий т. Бухарина.

И этот человек имеет смелость после всего этого говорить здесь в своей речи, что в теоретической установке нашей партии „что-то гнило“, что в теоретической установке нашей партии имеется уклон к троцкизму! И это говорит тот самый т. Бухарин, который допускает (и допускал в прошлом) ряд грубейших теоретических и практических ошибок, который недавно еще состоял в учениках у Троцкого, который вчера еще искал блока с троцкистами против ленинцев и бегал к ним с заднего крыльца! Ну, разве это не смешно, товарищи?

ж) ПЯТИЛЕТКА ИЛИ ДВУХЛЕТКА

Позвольте теперь перейти к речи т. Рыкова. Если т. Бухарин пытался дать теоретическое обоснование правого уклона, то т. Рыков старается в своей речи подвести под это дело базу практических предложений, пугая нас „ужасами“ из области наших затруднений по линии сельского хозяйства. Это не значит, что т. Рыков не коснулся теоретических вопросов. Нет, он их коснулся. Но, коснувшись их, допустил по крайней мере две серьезных ошибки.

В своем проекте резолюции о пятилетнем плане, отвергнутом комиссией Политбюро, т. Рыков говорит, что „центральная идея пятилетнего плана состоит в росте производительности народного труда“. Несмотря на то, что комиссия Политбюро отвергла эту совершенно неправильную установку, т. Рыков защищал ее здесь в своей речи. Верно ли, что центральную идею пятилетнего плана в *советской стране* составляет рост производительности труда? Нет, неверно. Нам нужен ведь не *всякий* рост производительности народного труда. Нам нужен *определенный* рост производительности народного труда, а именно — такой рост, который обеспечивает *систематический перевес социалистического сектора народного хозяйства над сектором капиталистическим.* Вот в чем дело, товарищи. Пятилетний план, забывающий об этой центральной идее, есть не пятилетний план, а пятилетняя чепуха. В росте производительности труда вообще заинтересовано всякое общество, и капиталистическое и докапиталистическое. Отличие *советского* общества от всякого другого общества в том именно и состоит, что оно заинтересовано не во всяком росте производительности труда, а в таком росте, который обеспечивает перевес социалистических форм хозяйства над другими формами и прежде всего над капиталистическими формами хозяйства, который обеспечивает таким образом преодоление и вытеснение капиталистических форм хозяйства. А т. Рыков забыл об этой действительно центральной идее пятилетнего плана развития *советского* общества. В этом его первая теоретическая ошибка.

Вторая его ошибка состоит в том, что он не делает разницы или не хочет понять разницы с точки зрения товарооборота между, скажем, колхозом и между всяким индивидуальным хозяйством, в том числе индивидуальным капиталистическим хозяйством. Тов. Рыков уверяет, что с точки зрения товарооборота на хлебном рынке, с точки зрения получения хлеба он не видит разницы между колхозом и частным держателем хлеба, ему, стало быть, все равно, покупаем ли мы хлеб у колхоза, у частного держателя или у какого-либо аргентинского скупщика хлеба. Это неверно, товарищи. Это совершенно неверно. Это есть повторение известного

заявления т. Фрумкина, который уверял одно время, что ему все равно, где покупать и у кого покупать хлеб, у частника или у колхоза. Это есть замаскированная форма защиты, реабилитации, оправдания кулацких махинаций на хлебном рынке. Тот факт, что эта защита ведется с точки зрения товарооборота, — этот факт не меняет дела в том, что она есть все же оправдание кулацких махинаций на хлебном рынке. Если нет разницы с точки зрения товарооборота между коллективными и неколлективными формами хозяйства, то стоит ли тогда развивать колхозы, стоит ли им давать льготы, стоит ли заниматься трудной задачей преодоления капиталистических элементов в сельском хозяйстве? Ясно, что т. Рыков взял неправильную установку. В этом его вторая теоретическая ошибка.

Но это мимоходом. Перейдем к практическим вопросам, поставленным в речи т. Рыкова.

Тов. Рыков утверждал здесь, что кроме пятилетнего плана нужен еще другой, параллельный план, а именно — двухлетний план развития сельского хозяйства. Он обосновывал это предложение насчет параллельного двухлетнего плана затруднениями в сельском хозяйстве. Он говорил: пятилетний план — дело хорошее, и он стоит за него, но если мы одновременно дадим двухлетний план сельского хозяйства, то будет еще лучше, — в противном случае дело с сельским хозяйством застрянет. С виду это предложение как будто ничего плохого не представляет. Но если присмотреться к делу, выходит, что двухлетний план сельского хозяйства придуман для того, чтобы подчеркнуть нереальный, бумажный характер пятилетнего плана, и наоборот. Могли ли мы с этим согласиться? Ясно, что не могли. Мы говорили т. Рыкову: если вы недовольны пятилетним планом по линии сельского хозяйства, если вы считаете недостаточными те ассигнования, которые даются по пятилетнему плану на развитие сельского хозяйства, то скажите прямо о ваших добавочных предложениях, о ваших добавочных вложениях, — мы согласны внести в пятилетний план эти добавочные вложения в сельское хозяйство. И что же? Оказалось, что у т. Рыкова не имеется никаких добавочных предложений насчет добавочных вложений для сельского хозяйства. Спрашивается: для чего же тогда параллельный двухлетний план сельского хозяйства? Мы говорили ему далее: кроме пятилетнего плана есть еще годовые планы, которые являются частью пятилетки, — давайте внесем в годовые планы первых двух лет те добавочные конкретные предложения по линии подъема сельского хозяйства, которые имеются у вас, если они вообще имеются у т. Рыкова. И что же? Оказалось, что таких конкретных планов добавочных ассигнований т. Рыков не имеет предложить. Мы поняли тогда, что в пред-

ложении т. Рыкова о двухлетнем плане имеется в виду не подъем сельского хозяйства, а желание подчеркнуть нереальный, бумажный характер пятилетки, желание развенчать пятилетку. Для „души“, для вида — пятилетний план, для дела, для практической работы — двухлетний план, — вот какая стратегия получилась у т. Рыкова. Двухлетний план выступил у т. Рыкова на сцену для того, чтобы потом, в ходе практического осуществления пятилетнего плана, противопоставить пятилетке двухлетку, перестроить пятилетку и приспособить ее к двухлетнему плану, сократив и обкарнав ассигнования на дело индустрии.

Вот по каким соображениям отвергли мы предложение т. Рыкова о двухлетнем параллельном плане.

в) ВОПРОС О ПОСЕВНЫХ ПЛОЩАДЯХ

Тов. Рыков пугал здесь партию, уверяя, что посевные площади по СССР имеют тенденцию систематически сокращаться. При этом он кивал в сторону партии, намекая на то, что в сокращении посевных площадей виновата политика партии. Он прямо не говорил, что дело идет у нас к деградации. Но впечатление от его речи получается такое, что мы имеем налицо что-то вроде деградации. Верно ли, что посевные площади имеют тенденцию к систематическому сокращению? Нет, неверно. Тов. Рыков оперировал здесь средними числами о посевных площадях по стране. Но метод средних чисел, не корректированный данными по районам, не есть научный метод. Может быть т. Рыков читал когда-либо „Развитие капитализма“ Ленина. Если он читал, он должен помнить, как Ленин ругает там буржуазных экономистов, пользующихся методом средних чисел о росте посевных площадей и игнорирующих данные по районам. Странно, что т. Рыков повторяет теперь ошибки буржуазных экономистов. И вот, если рассмотреть движение посевных площадей по районам, т. е. если подойти к делу по-научному, то выходит, что в одних районах посевные площади растут *систематически*, в других — они падают *иногда*, в зависимости главным образом от метеорологических условий, при чем нет таких данных, которые бы говорили о том, что мы имеем где-либо, хотя бы в одном из серьезных хлебных районов, *систематическое* сокращение посевных площадей.

В самом деле, посевные площади в районах, охваченных заморозками или засухой, например в некоторых областях Украины, в последнее время показывают сокращение.

Голос. Не вся Украина.

Шлихтер. На Украине посевные площади выросли на 2,7%.

Сталин. Я имею в виду степную полосу Украины. А вот в других районах, скажем, в Сибири, в Поволжьи, в Казакстане, в Баш-

кирии, не задетых неблагоприятными климатическими условиями, посевные площади растут систематически. Чем объяснить, что в одних районах посевные площади растут систематически, а в других — иногда сокращаются? Нельзя же в самом деле утверждать, что политика партии на Украине — одна, а на востоке или в центре СССР — другая. Это же абсурд, товарищи. Ясно, что климатические условия имеют здесь немаловажное значение.

Верно, что кулаки сокращают посевные площади, независимо от климатических условий. В этом, пожалуй, „виновата" политика партии, состоящая в том, чтобы поддерживать бедняцко-середняцкие массы *против* кулачества. Но что из этого следует? Разве мы когда-либо обязывались вести такую политику, которая бы могла удовлетворять все социальные группы деревни, в том числе и кулаков? И вообще, разве мы можем вести такую политику, которая бы удовлетворяла и эксплоататоров и эксплоатируемых, если мы вообще хотим вести марксистскую политику? Что же тут особенного, если в результате нашей ленинской политики, рассчитанной на ограничение и преодоление капиталистических элементов в деревне, кулаки начинают частично сокращать свои посевы? Да разве может быть иначе? Может быть эта политика неверна, — пусть скажут нам об этом прямо. Не странно ли, что люди, называющие себя марксистами, частичное сокращение кулаками посевов стараются выдавать с перепугу за сокращение посевных площадей *вообще*, забывают о том, что, кроме кулаков, существуют еще бедняки и середняки, посевы которых расширяются, существуют колхозы и совхозы, посевы которых растут ускоренным темпом.

Наконец, еще одна неправильность в речи т. Рыкова по вопросу о посевных площадях. Тов. Рыков жаловался здесь, что кое-где, а именно в местах наибольшего развития колхозов, бедняцко-середняцкий индивидуальный клин начинает сокращаться. Это верно. А что здесь плохого? А как же иначе? Ежели бедняцко-середняцкие хозяйства начинают покидать индивидуальный клин и переходят на коллективное хозяйство, то разве не ясно, что расширение и умножение колхозов должно повлечь за собою некоторое сокращение индивидуального бедняцко-середняцкого клина? А как же вы хотите? Сейчас у колхозов имеются два с лишним миллиона гектаров земли. К концу пятилетки колхозы будут иметь более чем 25 миллионов гектаров. За счет кого тут вырастает колхозный клин? За счет индивидуального бедняцко-середняцкого клина. А как же вы хотите, дорогие товарищи? Как же иначе переводить бедняцко-середняцкое индивидуальное хозяйство на рельсы коллективного хозяйства? Разве не ясно, что колхозный клин будет расти в целом ряде районов за счет индивидуального клина? Странно, что люди не хотят понять этих простых вещей.

и) О ХЛЕБНЫХ ЗАГОТОВКАХ

О наших хлебных затруднениях наговорили здесь кучу небылиц. Но главные моменты наших хлебных конъюнктурных затруднений упустили из виду. Забыли прежде всего о том, что в этом году мы собрали ржи и пшеницы, — я говорю о валовом сборе урожая, — миллионов на 500—600 пудов меньше, чем в прошлом году. Могло ли это не отразиться на наших хлебозаготовках? Конечно не могло не отразиться. Может быть в этом виновата политика ЦК? Нет, политика ЦК тут не при чем. Объясняется это серьезным неурожаем в степной полосе Украины (заморозки и засуха) и частичным неурожаем на Северном Кавказе, в ЦЧО, наконец, в Северо-Западной области. Этим главным образом и объясняется, что в прошлом году на 1 апреля заготовили мы хлеба на Украине (ржи и пшеницы) 200 млн. пудов, а в этом году — всего лишь 26—27 млн. пудов. Этим же надо объяснить падение заготовок пшеницы и ржи по ЦЧО почти в 8 раз и по Северному Кавказу — в 4 раза. Хлебозаготовки на востоке выросли за этот год в некоторых районах почти вдвое. Но они не могли возместить, и не возместили, конечно, той недостачи хлеба, которая имелась у нас на Украине, на Северном Кавказе и в ЦЧО. Не следует забывать, что при нормальных урожаях Украина и Северный Кавказ заготовляют более половины, а иногда и две трети всего заготовляемого хлеба по СССР. Странно, что это обстоятельство упустил из виду т. Рыков.

Наконец, второе обстоятельство, представляющее главный момент наших конъюнктурных хлебозаготовительных затруднений. Я имею в виду сопротивление кулацких и зажиточных элементов деревни политике Советской власти по хлебозаготовкам. Тов. Рыков обошел это обстоятельство. Но обойти этот момент — значит обойти главное в хлебозаготовительном деле. О чем говорит опыт последних двух лет по хлебозаготовкам? Он говорит о том, что состоятельные слои деревни, имеющие в своих руках значительные хлебные излишки и играющие на хлебном рынке командующую роль, не хотят нам давать добровольно нужное количество хлеба по ценам, определенным Советской властью. Нам нужно для обеспечения хлебом городов и промышленных пунктов, Красной армии и районов технических культур около 500 млн. пудов хлеба ежегодно. В порядке самотека нам удается заготовить около 300—350 млн. пудов. Остальные 150 млн. пудов приходится брать в порядке организованного давления на кулацкие и зажиточные слои деревни. Вот о чем говорит нам опыт хлебозаготовок за последние два года.

Что произошло за эти два года, откуда такие перемены, почему раньше помогал самотек, а теперь оказался он недостаточным?

Произошло то, что кулацкие и зажиточные элементы выросли за эти годы, ряд урожайных годов не прошел для них даром, они окрепли хозяйственно, накопили капиталец и теперь они могут маневрировать на рынке, удерживая за собой хлебные излишки в ожидании высоких цен и оборачиваясь на других культурах. Хлеб не есть простой товар. Хлеб — не хлопок, который нельзя есть и который нельзя продать всякому. В отличие от хлопка, хлеб в наших нынешних условиях есть такой товар, который берут все и без которого нельзя существовать. Кулак это учитывает, и он придерживает его, заражая этим держателей хлеба вообще. Кулак знает, что хлеб есть валюта валют. Кулак знает, что излишки хлеба есть не только средство своего обогащения, но и средство закабаления бедноты. Хлебные излишки в руках кулака при данных условиях есть средство хозяйственного и политического усиления кулацких элементов. Поэтому, беря эти излишки у кулаков, мы не только облегчаем снабжение хлебом городов и Красной армии, но и подрываем средство хозяйственного и политического усиления кулачества.

Что нужно сделать для того, чтобы получить эти хлебные излишки? Нужно прежде всего ликвидировать психологию самотека как вредную и опасную вещь. Нужно *организовать* хлебозаготовки. Нужно мобилизовать бедняцко-середняцкие массы против кулачества и организовать их общественную поддержку мероприятиям Советской власти по усилению хлебозаготовок. Значение уральско-сибирского метода хлебозаготовок, проводимого по принципу самообложения, в том именно и состоит, что он дает возможность мобилизовать трудящиеся слои деревни против кулачества на предмет усиления хлебозаготовок. Опыт показал, что этот метод дает нам положительные результаты. Опыт показал, что эти положительные результаты получаются у нас в двух направлениях: во-первых, мы изымаем хлебные излишки состоятельных слоев деревни, облегчая этим снабжение страны; во-вторых, мы мобилизуем на этом деле бедняцко-середняцкие массы против кулачества, просвещаем их политически и организуем из них свою мощную многомиллионную политическую армию в деревне. Некоторые товарищи не учитывают этого последнего обстоятельства. А между тем оно именно и является одним из важных, если не самым важным результатом уральско-сибирского метода хлебозаготовок. Правда, этот метод сочетается иногда с применением чрезвычайных мер против кулачества, что вызывает комические вопли у тт. Бухарина и Рыкова. А что в этом плохого? Почему нельзя иногда, при известных условиях, применять чрезвычайные меры против нашего классового врага, против кулачества? Почему можно сотнями арестовывать спекулянтов в городах и высылать их в Туруханский край, а у

кулаков, пытающихся взять за горло Советскую власть и закабалить себе бедноту, нельзя брать излишков хлеба в порядке общественного принуждения по ценам, по которым сдают хлеб нашим заготовительным организациям бедняки и середняки? Откуда это следует? Разве наша партия когда-либо высказывалась в *принципе* против применения чрезвычайных мер в отношении кулачества? Товарищи Рыков и Бухарин очевидно стоят в *принципе* против всякого применения чрезвычайных мер в отношении кулачества. Но это ведь буржуазно-либеральная политика, а не марксистская политика, дорогие товарищи. Вы не можете не знать, что Ленин после введения нэпа высказывался даже за возврат к политике комбедов, конечно, при известных условиях. А ведь что такое частичное применение чрезвычайных мер против кулаков? Это даже не капля в море в сравнении с политикой комбедов.

Они, сторонники группы т. Бухарина, надеются убедить классового врага в том, чтобы он добровольно отрекся от своих интересов и сдал бы нам добровольно свои хлебные излишки. Они надеются, что кулак, который вырос, у которого есть возможность отыгрываться на других культурах и который прячет свои хлебные излишки, — они надеются, что этот самый кулак даст нам свои хлебные излишки добровольно по нашим заготовительным ценам. Не с ума ли они сошли? Не ясно ли, что они не понимают механики классовой борьбы, не знают, что такое классы? А известно ли им, как кулаки глумятся над нашими работниками и над Советской властью на сельских сходах, устраиваемых для усиления хлебозаготовок? Известны ли им такие факты, когда наш агитатор, например в Казакстане, два часа убеждал держателей хлеба сдать хлеб для снабжения страны, а кулак выступил с трубкой во рту и ответил ему: „А ты попляши, парень, тогда я тебе дам пуда два хлеба".

Голоса. Сволочи!

Сталин. Убедите-ка таких людей. Да, товарищи, класс есть класс. От этой истины не уйдешь. Уральско-сибирский метод тем собственно и хорош, что он облегчает возможность поднять бедняцко-середняцкие слои против кулаков; облегчает возможность сломить сопротивление кулаков и заставляет их сдать хлебные излишки органам Советской власти.

Теперь самым модным словом в рядах новой оппозиции, в рядах группы т. Бухарина, является слово „перегибы" в хлебозаготовках. Это слово представляет у них самый ходкий товар, так как оно помогает им маскировать свою собственную линию. Когда они хотят замаскировать свою линию, они обычно говорят: мы, конечно, не против нажима на кулаков, но мы против перегибов, которые допускаются в этой области и которые задевают середняка. Дальше

идут рассказы об ужасах этих перегибов, читаются письма „крестьян", читаются панические письма товарищей, вроде т. Маркова, и потом делается вывод: надо отменить политику нажима на кулачество. Не угодно ли: *так как* имеются перегибы в проведении правильной политики, *то надо*, оказывается, *отменить эту самую правильную политику*. Таков обычный прием оппортунистов: на основании перегибов по проведению правильной линии — отменить эту линию, заменив ее линией оппортунистической. При этом товарищи из группы т. Бухарина тщательно умалчивают о том, что существует еще другой сорт перегибов, более опасный и более вредный, а именно — перегибы в сторону срастания с кулачеством, в сторону приспособления к зажиточным слоям деревни, в сторону замены революционной политики партии оппортунистической политикой правых уклонистов.

Конечно, мы все против этих перегибов. Мы все против того, чтобы удары, направляемые против кулаков, задевали середняков. Это ясно, и в этом не может быть никакого сомнения. Но мы решительно против того, чтобы болтовней о перегибах, усердно практикуемой группой т. Бухарина, раскассировать революционную политику нашей партии и подменить ее оппортунистической политикой группы т. Бухарина. Нет, товарищи, „этот номер у вас не пройдет".

Назовите хоть одну политическую меру партии, которая бы не сопровождалась тем или иным перегибом. Из этого следует, что надо бороться с перегибами. Но разве можно *на этом основании* охаивать самую линию, которая есть единственно правильная линия? Возьмем такую меру, как проведение 7-часового рабочего дня. Не может быть никакого сомнения, что эта мера есть одна из самых революционных мер, проводимых нашей партией за последнее время. Кому не известно, что эта, по существу глубоко революционная, мера то и дело сопровождается у нас целым рядом перегибов, иногда самых отвратительных? Значит ли это, что мы должны отменить политику проведения 7-часового рабочего дня? Понимают ли товарищи из новой оппозиции, в какую лужу они попадают, козыряя перегибами в хлебозаготовительном деле?

IV

О БОРЬБЕ С ПРАВЫМ УКЛОНОМ

Мы перебрали таким образом все главные вопросы наших разногласий как в области теории, так и в области коминтерновской и внутренней политики нашей партии. Из сказанного видно, что заявление т. Рыкова о наличии у нас *единой* линии не соответствует действительности. Из сказанного видно, что у нас имеются на деле

две линии. Одна линия — это генеральная линия партии, революционная ленинская линия нашей партии. Другая линия — это линия группы т. Бухарина. Эта вторая линия не вполне еще оформлена отчасти потому, что в рядах группы т. Бухарина имеется невообразимая путаница взглядов, отчасти потому, что она, эта вторая линия, будучи слабой по своему удельному весу в партии, старается так или иначе маскироваться. Но она, эта линия, все же существует, как видите, и существует она как линия, *отличная* от линии партии, как линия, *противопоставляющая* себя генеральной линии партии почти по всем вопросам нашей политики. Эта вторая линия есть в основном линия *правого* уклона.

Тов. Бухарин говорил здесь о „гражданской казни" трех членов Политбюро, „прорабатываемых", по его словам, организациями нашей партии. Он говорил, что партия подвергла трех членов Политбюро, тт. Бухарина, Рыкова и Томского, „гражданской казни", критикуя их ошибки в печати и на собраниях, в то время как они, эти три члена Политбюро, „вынуждены" были молчать. Это пустяки, товарищи. Это фальшивые слова либеральствующего коммуниста, пытающегося развинтить партию в ее борьбе против правого уклона.

У Бухарина выходит, что ежели он и его друзья увязли в правоуклонистских ошибках, то партия не имеет права разоблачать эти ошибки, партия должна прекратить борьбу с правым уклоном и дожидаться того момента, когда т. Бухарину и его друзьям угодно будет отказаться от своих ошибок. Не слишком ли многого требует от нас т. Бухарин? Не думает ли он, что партия существует для него, а не он для партии? А кто его заставляет молчать, пребывать в состоянии покоя, когда вся партия мобилизована против правого уклона и ведет решительные атаки против трудностей? Почему бы ему, т. Бухарину, и его ближайшим друзьям не выступить теперь и не повести решительную борьбу против правого уклона и примиренчества? Разве может кто-либо сомневаться в том, что партия приветствовала бы т. Бухарина и его ближайших друзей, если бы они решились на этот, не столь уж трудный, шаг? Почему же они не решатся на этот, в конце концов, обязательный для них шаг? Не потому ли, что интересы своей группы ставят они выше интересов партии и ее генеральной линии? Кто же виноват в том, что в борьбе с правым уклоном тт. Бухарин, Рыков и Томский оказались в нетях? Не ясно ли, что разговоры о „гражданской казни" трех членов Политбюро есть плохо замаскированная попытка трех членов Политбюро заставить партию замолчать и прекратить борьбу против правого уклона?

Борьба с правым уклоном не есть второстепенная задача на-

шей партии. Борьба с правым уклоном есть одна из решающих задач нашей партии. Если мы в своей собственной среде, в своей собственной партии, в политическом штабе пролетариата, который руководит движением и который ведет вперед пролетариат, — если мы в этом самом штабе допустим свободное существование и свободное функционирование правых уклонистов, пытающихся демобилизовать партию, разложить рабочий класс, приспособить нашу политику ко вкусам „советской" буржуазии и спасовать таким образом перед трудностями нашего строительства, — если мы все это допустим, то что это будет означать? Не будет ли это означать, что мы хотим спустить на тормозах революцию, разложить наше социалистическое строительство, сбежать от трудностей, сдать позиции капиталистическим элементам? Понимает ли группа т. Бухарина, что отказаться от борьбы с правым уклоном значит *предать* рабочий класс, *предать* революцию? Понимает ли группа т. Бухарина, что без преодоления правого уклона и примиренчества невозможно преодолеть стоящие перед нами трудности, без преодоления же этих трудностей невозможно добиться решающих успехов социалистического строительства? Чего стòят после всего этого жалкие слова о „гражданской казни" трех членов Политбюро?

Нет, товарищи, либеральной болтовней о „гражданской казни" не запугать вам партию. Партия требует от вас решительной борьбы с правым уклоном и примиренчеством в одной шеренге со всеми членами ЦК нашей партии. Она требует этого от вас для того, чтобы облегчить дело мобилизации рабочего класса, организовать наступление социализма по всему фронту, сломить сопротивление классовых врагов и обеспечить преодоление трудностей нашего строительства. Либо вы это требование партии выполните, и тогда партия будет приветствовать вас. Либо вы этого не сделаете, — но тогда пеняйте на себя.

ГОД ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА

К XII годовщине Октября

Истекший год был годом великого перелома на всех фронтах социалистического строительства. Перелом этот шел и продолжает итти под знаком решительного *наступления* социализма на капиталистические элементы города и деревни. Характерная особенность этого наступления состоит в том, что оно уже дало нам ряд решающих *успехов* в основных областях социалистической перестройки (реконструкции) нашего народного хозяйства.

Из этого следует, что партия сумела целесообразно использовать отступление на первых стадиях нэпа для того, чтобы потом, на последующих его стадиях, организовать *перелом* и повести *успешное наступление* на капиталистические элементы.

Ленин говорил при введении нэпа:

„Мы сейчас отступаем, как бы отступаем назад, но мы это делаем, чтобы сначала отступить, а потом разбежаться и сильнее прыгнуть вперед. Только под одним этим условием мы отступили назад в проведении нашей новой экономической политики... чтобы после отступления начать упорнейшее наступление вперед“ (т. XXVII, стр. 361—362).

Итоги истекшего года с несомненностью говорят о том, что партия с успехом выполняет в своей работе это решающее указание Ленина.

* * *

Если взять итоги истекшего года по линии хозяйственного строительства, имеющего для нас решающее значение, то *успехи* нашего наступления на этом фронте, наши *достижения* за истекший год можно было бы свести к трем основным моментам.

I

В ОБЛАСТИ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА

Едва ли можно сомневаться, что одним из самых важных фактов, если не самым важным фактом нашего строительства за последний год, является тот факт, что нам удалось добиться

решительного перелома в области производительности труда. Перелом этот выразился в развертывании *творческой инициативы* и могучего *трудового подъема* миллионных масс рабочего класса на фронте социалистического строительства. В этом наше первое и основное *достижение* за истекший год.

Развертывание творческой инициативы и трудового подъема масс стимулировалось по трем основным линиям: а) по линии борьбы с бюрократизмом, сковывающим трудовую инициативу и трудовую активность масс — через *самокритику;* б) по линии борьбы с прогульщиками и разрушителями пролетарской трудовой дисциплины — через *социалистическое соревнование;* наконец, в) по линии борьбы с рутиной и косностью в производстве — через организацию *непрерывки.* В результате мы имеем величайшее достижение на фронте труда в виде трудового энтузиазма и трудовой переклички миллионных масс рабочего класса во всех концах нашей необъятной страны. А значение этого достижения поистине неоценимо, ибо только трудовой подъем и трудовой энтузиазм миллионных масс может обеспечить тот поступательный рост производительности труда, без которого немыслима окончательная победа социализма над капитализмом.

„Производительность труда, — говорит Ленин, — это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создает новую, гораздо более высокую производительность труда“ (т. XXIV, стр. 342).

Исходя из этого, Ленин считает, что:

„Мы должны проникнуться тем трудовым энтузиазмом, той волей к труду, упорством, от которого теперь зависит быстрейшее спасение рабочих и крестьян, спасение народного хозяйства“ (т. XXV, стр. 477).

Такова задача, поставленная Лениным перед партией.

Истекший год показал, что партия с успехом выполняет эту задачу, решительно преодолевая стоящие на этом пути трудности.

Так обстоит дело с первым важным достижением партии за истекший год.

II

В ОБЛАСТИ СТРОИТЕЛЬСТВА ПРОМЫШЛЕННОСТИ

В неразрывной связи с этим первым достижением партии стоит второе ее достижение. Состоит оно, это второе достижение партии, в том, что мы добились за истекший год благоприятного разрешения в основном *проблемы накопления* для капитального

строительства тяжелой промышленности, взяли *ускоренный темп* развития производства средств производства и создали предпосылки для превращения нашей страны в страну *металлическую*. В этом наше второе и основное *достижение* за истекший год.

Проблема легкой индустрии не представляет особенных трудностей. Она уже разрешена нами несколько лет назад. Труднее и важнее проблема тяжелой индустрии. *Труднее*, так как она требует колоссальных вложений, при чем, как показывает история отсталых в промышленном отношении стран, тяжелая индустрия не обходится без колоссальных долгосрочных займов. *Важнее*, так как без развития тяжелой промышленности мы не можем построить никакой промышленности, не можем провести никакой индустриализации. А так как мы не имели и не имеем ни долгосрочных займов, ни сколько-нибудь длительных кредитов, то острота проблемы становится для нас более чем очевидной. Из этого именно и исходят капиталисты всех стран, когда они отказывают нам в займах и кредитах, полагая, что мы не справимся своими собственными силами с проблемой накопления, сорвемся на вопросе о реконструкции тяжелой промышленности и вынуждены будем пойти к ним на поклон, в кабалу.

А что говорят нам на этот счет итоги истекшего года? Значение итогов истекшего года состоит в том, что они разбивают вдребезги расчеты господ капиталистов. Истекший год показал, что, несмотря на явную и тайную финансовую блокаду СССР, мы в кабалу к капиталистам не пошли и с успехом разрешили своими собственными силами проблему накопления, заложив основы тяжелой индустрии. Этого теперь не могут отрицать даже заядлые враги рабочего класса. В самом деле, если капитальные вложения в крупную промышленность в прошлом году составляли свыше 1 600 млн. руб., при чем из них около 1 300 млн. ушло на тяжелую промышленность, а капитальные вложения в крупную промышленность в этом году составляют свыше 3 400 млн. руб., при чем из них свыше 2 500 млн. уйдет на тяжелую промышленность; если валовая продукция крупной промышленности за прошлый год дала 23% роста, при чем тяжелая промышленность в том числе дала рост на 30%, а валовая продукция крупной промышленности на текущий год должна дать рост на 32%, при чем тяжелая промышленность в том числе должна дать рост на 46%, — то разве не ясно, что проблема накопления для построения тяжелой промышленности не представляет для нас непреодолимых трудностей. Как можно сомневаться в том, что мы идем вперед ускоренным шагом по линии развития нашей тяжелой индустрии, обгоняя старые темпы и оставляя позади нашу „исконную“ отсталость?

Можно ли удивляться после всего сказанного, что предположения пятилетки оказались в истекшем году превзойденными, а *оптимальный* вариант пятилетки, считающийся у буржуазных писак „недосягаемой фантастикой" и приводящий в ужас наших правых оппортунистов (группа т. Бухарина), превратился на деле в *минимальный* вариант пятилетки?

„Спасением для России, — говорит Ленин, — является не только хороший урожай в крестьянском хозяйстве, — этого еще мало, — и не только хорошее состояние легкой промышленности, поставляющей крестьянству предметы потребления, — этого тоже еще мало, — нам необходима также *тяжелая* индустрия... Без спасения тяжелой промышленности, без ее восстановления мы не сможем построить никакой промышленности, а без нее мы вообще погибнем, как самостоятельная страна... Тяжелая индустрия нуждается в государственных субсидиях. Если мы их не найдем, то мы, как цивилизованное государство — я уже не говорю, как социалистическое, — погибли" (т. XXVII, стр. 349).

Вот до чего круто формулирует Ленин проблему накопления и задачу партии по построению тяжелой промышленности.

Истекший год показал, что партия с успехом справляется с этой задачей, решительно преодолевая все и всякие трудности на этом пути.

Это не значит, конечно, что промышленность не будет иметь больше серьезных трудностей. Задача построения тяжелой промышленности упирается не только в проблему накопления. Она упирается еще в проблему кадров, в проблему а) *приобщения* десятков тысяч советски настроенных техников и специалистов к социалистическому строительству и б) *выработки* новых красных техников и красных специалистов из людей рабочего класса. Если проблему накопления можно считать в основном разрешенной, то проблема кадров ждет еще своего разрешения. А проблема кадров является теперь, в обстановке технической реконструкции промышленности, решающей проблемой социалистического строительства.

„Главное, — говорит Ленин, — чего нам нехватает, — культурности, уменья управлять... Экономически и политически нэп вполне обеспечивает нам возможность постройки фундамента социалистической экономики. Дело „только" в культурных силах пролетариата и его авангарда" (т. XXVII, стр. 207).

Очевидно, что речь идет здесь, прежде всего, о проблеме „культурных сил", о проблеме кадров для хозяйственного строительства вообще, для строительства и управления промышленности — в особенности.

Но из этого следует, что, несмотря на серьезнейшие достижения в области накопления, имеющие существенное значение для тяжелой промышленности, проблему построения тяжелой про-

мышленности нельзя считать полностью разрешенной, пока не будет разрешена проблема кадров.

Отсюда задача партии — взяться вплотную за проблему кадров и овладеть этой крепостью во что бы то ни стало.

Так обстоит дело со вторым достижением партии за истекший год.

III

В ОБЛАСТИ СТРОИТЕЛЬСТВА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Наконец, о третьем достижении партии за истекший год, органически связанном с двумя первыми достижениями. Речь идет о *коренном переломе* в развитии нашего земледелия от мелкого и отсталого *индивидуального* хозяйства к крупному и передовому *коллективному* земледелию, к совместной обработке земли, к машинно-тракторным станциям, к артелям и колхозам, опирающимся на новую технику, наконец к гигантам-совхозам, вооруженным сотнями тракторов и комбайнов. Достижение партии состоит здесь в том, что нам удалось *повернуть* основные массы крестьянства в целом ряде районов от старого, *капиталистического* пути развития, от которого выигрывает лишь кучка богатеев-капиталистов, а громадное большинство крестьян вынуждено прозябать в нищете, — к новому, *социалистическому* пути развития, который вытесняет богатеев-капиталистов, а середняков и бедноту перевооружает по-новому, вооружает новыми орудиями, вооружает тракторами и сельско-хозяйственными машинами, для того чтобы дать им выбраться из нищеты и кулацкой кабалы на широкий путь товарищеской, коллективной обработки земли. Достижение партии состоит в том, что нам удалось организовать этот *коренной перелом* в недрах самого крестьянства и повести за собой широкие массы бедноты и середняков, несмотря на неимоверные трудности, несмотря на отчаянное противодействие всех и всяких темных сил, от кулаков и попов до филистеров и правых оппортунистов.

Вот некоторые цифры. В 1928 г. посевная площадь совхозов составляла 1 425 тыс. гектаров с товарной продукцией зерновых более 6 млн. центнеров (более 36 млн. пудов), а посевная площадь колхозов составляла 1 390 тыс. гектаров с товарной продукцией зерновых около $3\frac{1}{2}$ млн. центнеров (более 20 млн. пудов). В 1929 г. посевная площадь совхозов составляла 1 816 тыс. гектаров с товарной продукцией зерновых около 8 млн. центнеров (около 47 млн. пудов), а посевная площадь колхозов составляла 4 262 тыс. гектаров с товарной продукцией зерновых около 13 млн. центнеров (около 78 млн. пудов). В наступающем

1930 г. посевная площадь совхозов должна составить по контрольным цифрам 3 280 тыс. гектаров с 18 млн. центнеров товарной продукции зерновых (около 110 млн. пудов), а посевная площадь колхозов должна составить 15 млн. гектаров с товарной продукцией зерновых около 49 млн. центнеров (около 300 млн. пудов). Иначе говоря, в наступающем 1930 г. товарная продукция зерновых в совхозах и колхозах должна составить свыше 400 млн. пудов, т. е. свыше 50% товарной продукции зерновых *всего* сельского хозяйства (внедеревенский оборот).

Нужно признать, что таких бурных темпов развития *не знает* даже наша социализированная крупная промышленность, темпы развития которой отличаются вообще большим размахом.

Разве не ясно, что наше молодое крупное социалистическое земледелие (колхозное и совхозное) имеет великую будущность, что оно будет проявлять чудеса роста?

Этот небывалый успех в области колхозного строительства объясняется целым рядом причин, из которых следовало бы отметить по крайней мере следующие.

Объясняется он, прежде всего, тем, что партия проводила ленинскую политику воспитания масс, последовательно подводя крестьянские массы к колхозам через насаждение кооперативной общественности. Объясняется он тем, что партия вела успешную борьбу как с теми, которые пытались обогнать движение и декретировать развитие колхозов („левые" фразеры), так и с теми, которые пытались тащить назад партию и остаться в хвосте движения (правые головотяпы). Без такой политики партия не смогла бы превратить колхозное движение в действительно массовое движение самих крестьян.

„Когда петроградский пролетариат и солдаты петроградского гарнизона брали власть, — говорит Ленин, — они прекрасно знали, что для строительства в деревне встретятся большие затруднения, что здесь надо итти более постепенно, что здесь пытаться вводить декретами, узаконениями общественную обработку земли было бы величайшей нелепостью, что на это могло пойти ничтожное число сознательных, а громадное большинство крестьян этой задачи не ставило. И поэтому мы ограничивались тем, что абсолютно необходимо в интересах развития революции: ни в коем случае не обгонять развития масс, а дожидаться, пока из собственного опыта этих масс, из их собственной борьбы вырастет движение вперед" (т. XXIII, стр. 252).

Если партия одержала крупнейшую победу на фронте колхозного строительства, то это потому, что она в точности выполняла это тактическое указание Ленина.

Объясняется он, этот небывалый успех в деле сельско-хозяйственного строительства, во-вторых, тем, что Советская власть правильно учла растущую нужду крестьянства в новом инвентаре,

в новой технике, она правильно учла безвыходность положения крестьянства при старых формах обработки земли и, учтя все это, во-время организовала ему помощь в виде прокатных пунктов, тракторных колонн, машинно-тракторных станций, в виде организации общественной обработки земли, в виде насаждения колхозов, наконец, в виде всесторонней помощи крестьянскому хозяйству силами совхозов. В истории человечества впервые появилась на свете власть, власть советов, которая доказала на деле свою готовность и свою способность оказывать трудящимся массам крестьянства систематическую и длительную *производственную* помощь. Разве не ясно, что трудящиеся массы крестьянства, страдающие исконной нуждой в инвентаре, не могли не уцепиться за эту помощь, став на путь колхозного движения? И разве можно удивляться тому, что отныне старый лозунг рабочих: „лицом к деревне“ будет, пожалуй, дополняться новым лозунгом крестьян-колхозников: „лицом к городу“?

Объясняется он, этот небывалый успех в деле колхозного строительства, наконец, тем, что это дело взяли в свои руки передовые рабочие нашей страны. Я имею в виду рабочие бригады, десятками и сотнями рассеянные в основных районах нашей страны. Надо признать, что из всех существующих и возможных пропагандистов колхозного движения рабочие-пропагандисты являются лучшими пропагандистами среди крестьянских масс. Что же может быть удивительного в том, что рабочим удалось убедить крестьян в преимуществе крупного коллективного хозяйства перед индивидуальным мелким хозяйством, тем более, что существующие колхозы и совхозы являются наглядным примером, демонстрирующим это преимущество?

Вот на какой почве выросло наше достижение в области колхозного строительства, достижение, являющееся, по-моему, важнейшим и решающим достижением из всех достижений последних лет.

Рухнули и рассеялись в прах возражения „науки“ против возможности и целесообразности организации крупных зерновых фабрик в 50—100 тыс. гектаров. Практика опровергла возражения „науки“, показав лишний раз, что не только практика должна учиться у „науки“, но и „науке“ не мешало бы поучиться у практики. В капиталистических странах не прививаются крупные зерновые фабрики-гиганты. Но наша страна не есть капиталистическая страна. Нельзя забывать этой „маленькой“ разницы. Там, у капиталистов, нельзя организовать крупную зерновую фабрику, не закупив целый ряд земельных участков или не платя абсолютной земельной ренты, что не может не обременять производство колоссальными расходами, ибо там существует частная собственность на землю. У нас, наоборот, не существует ни

абсолютной земельной ренты, ни купли-продажи земельных участков, что не может не создавать благоприятных условий для развития крупного зернового хозяйства, ибо у нас нет частной собственности на землю. Там, у капиталистов, крупные зерновые хозяйства имеют своею целью получение максимума прибыли или, во всяком случае, получение такой прибыли, которая соответствует так называемой средней норме прибыли, без чего, вообще говоря, капитал не имеет интереса ввязываться в дело организации зернового хозяйства. У нас, наоборот, крупные зерновые хозяйства, являющиеся вместе с тем государственными хозяйствами, не нуждаются для своего развития ни в максимуме прибыли, ни в средней норме прибыли, а могут ограничиваться минимумом прибыли, а иногда обходятся и без всякой прибыли, что опять-таки создает благоприятные условия для развития крупного зернового хозяйства. Наконец, при капитализме не существует для крупных зерновых хозяйств ни особых льготных кредитов, ни особых льготных налогов, тогда как при советских порядках, рассчитанных на поддержку социалистического сектора, такие льготы существуют и будут существовать. Обо всем этом забыла достопочтенная „наука".

Рухнули и рассеялись в прах утверждения правых оппортунистов (группа т. Бухарина) насчет того, что а) крестьяне не пойдут в колхоз, что б) усиленный темп развития колхозов может вызвать лишь массовое недовольство и размычку крестьянства с рабочим классом, что в) „столбовой дорогой" социалистического развития в деревне являются *не* колхозы, *а* кооперация, что г) развитие колхозов и наступление на капиталистические элементы деревни может оставить страну без хлеба. Все это рухнуло и рассеялось в прах, как старый буржуазно-либеральный хлам.

Во-первых, крестьяне пошли в колхозы, пошли целыми деревнями, волостями, районами.

Во-вторых, массовое колхозное движение не ослабляет, а укрепляет смычку, давая ей новую, производственную базу. Теперь даже слепые видят, что если и есть какое-либо серьезное недовольство у основных масс крестьянства, то оно касается не колхозной политики Советской власти, а того, что Советская власть не может угнаться за ростом колхозного движения в деле снабжения крестьян машинами и тракторами.

В-третьих, спор о „столбовой дороге" социалистического развития деревни есть спор схоластический, достойный молодых мелко-буржуазных либералов типа Айхенвальда и Слепкова. Ясно, что пока не было массового колхозного движения, „столбовой дорогой" являлись низшие формы кооперации, снабженческая и сбытовая кооперация, а когда выступила на сцену высшая

форма кооперации, ее колхозная форма, последняя стала „столбовой дорогой“ развития. Говоря без кавычек, столбовую дорогу социалистического развития деревни составляет кооперативный план Ленина, охватывающий все формы сельско-хозяйственной кооперации, от низших (снабженческо-сбытовая) до высших (производственно-колхозная). *Противопоставлять* колхозы кооперации — значит издеваться над ленинизмом и расписаться в своем собственном невежестве.

В-четвертых, теперь даже слепые видят, что без наступления на капиталистические элементы деревни и без развития колхозного и совхозного движения мы не имели бы теперь ни решающих успехов в деле хлебозаготовок, одержанных в текущем году, ни тех десятков миллионов неприкосновенных хлебных запасов, которые уже накопились в руках государства. Более того, можно с уверенностью сказать, что благодаря росту колхозно-совхозного движения мы окончательно выходим или уже вышли из хлебного кризиса. И если развитие колхозов и совхозов пойдет усиленным темпом, то нет оснований сомневаться в том, что наша страна через каких-нибудь три года станет одной из самых хлебных стран, если не самой хлебной страной в мире.

В чем состоит *новое* в нынешнем колхозном движении? Новое и решающее в нынешнем колхозном движении состоит в том, что в колхозы идут крестьяне не отдельными группами, как это имело место раньше, а целыми селами, волостями, районами, даже округами. А что это значит? Это значит, что *в колхозы пошел середняк.* В этом основа того коренного перелома в развитии сельского хозяйства, который составляет важнейшее достижение Советской власти за истекший год.

Рушится и разбивается вдребезги меньшевистская „концепция“ троцкизма насчет неспособности рабочего класса повести за собой основные массы крестьянства в деле социалистического строительства. Теперь даже слепые видят, что середняк повернул в сторону колхозов. Теперь ясно для всех, что пятилетка промышленности и сельского хозяйства есть пятилетка построения социалистического общества, что люди, не верящие в возможность построения социализма в нашей стране, не имеют права приветствовать нашу пятилетку.

Рушится и превращается в прах последняя надежда капиталистов всех стран, мечтающих о восстановлении капитализма в СССР, — „священный принцип частной собственности“. Крестьяне, рассматриваемые ими как материал, унаваживающий почву для капитализма, массами покидают хваленое знамя „частной собственности“ и переходят на рельсы коллективизма, на рельсы социализма. Рушится последняя надежда на восстановление капитализма.

Этим, между прочим, и объясняются отчаянные попытки капиталистических элементов нашей страны поднять против наступающего социализма все силы старого мира, попытки, приводящие к обострению борьбы классов. Не хочет капитал „врастать“ в социализм.

Этим же надо объяснить тот злобный вой против большевизма, который подняли в последнее время цепные собаки капитала, всякие там Струве и Гессены, Милюковы и Керенские, Даны и Абрамовичи. Шутка ли сказать: исчезает последняя надежда на восстановление капитализма.

О чем еще могут свидетельствовать это бешеное озлобление классовых врагов и этот неистовый вой лакеев капитала, как не о том, что партия действительно одержала решающую победу на самом трудном фронте социалистического строительства?

„Лишь в том случае, — говорит Ленин, — если удастся на деле показать крестьянам преимущества общественной, коллективной, товарищеской, артельной обработки земли, лишь если удастся помочь крестьянину при помощи товарищеского, артельного хозяйства, тогда только рабочий класс, держащий в своих руках государственную власть, действительно докажет крестьянину свою правоту, действительно привлечет на свою сторону прочно и настоящим образом многомиллионную крестьянскую массу“ (т. XXIV, стр. 579).

Так ставит Ленин вопрос о путях привлечения многомиллионного крестьянства на сторону рабочего класса, о путях перевода крестьянства на рельсы колхозного строительства.

Истекший год показал, что партия с успехом справляется с этой задачей, решительно преодолевая все и всякие трудности на этом пути.

„Среднее крестьянство, — говорит Ленин, — в коммунистическом обществе только тогда будет на нашей стороне, когда мы облегчим и улучшим экономические условия его жизни. Если бы мы могли дать завтра 100 тысяч первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это — фантазия), то средний крестьянин сказал бы: „я за коммунию“ (т. е. за коммунизм). Но для того, чтобы это сделать, надо сначала победить международную буржуазию, надо заставить ее дать нам эти тракторы, или же надо поднять нашу производительность настолько, чтобы мы сами могли их доставить. Только так будет верно поставлен этот вопрос“ (т. XXIV, стр. 170).

Так ставит Ленин вопрос о путях технического перевооружения середняка, о путях его привлечения на сторону коммунизма.

Истекший год показал, что партия с успехом справляется и с этой задачей. Известно, что к весне наступающего 1930 г. мы будем иметь на полях более 60 тыс. тракторов, через год после этого — свыше 100 тыс. тракторов, а спустя еще два года — более 250 тыс. тракторов. То, что считалось несколько

лет назад „фантазией“, мы имеем теперь возможность превратить с лихвой в действительность.

Вот где причина того, что середняк повернул в сторону „коммунии“.

Так обстоит дело с третьим достижением партии.

Таковы основные достижения партии за истекший год.

ВЫВОД

Мы идем на всех парах по пути индустриализации — к социализму, оставляя позади нашу вековую, „рассейскую“ отсталость. Мы становимся страной металлической, страной автомобилизации, страной тракторизации. И когда посадим СССР на автомобиль, а мужика на трактор, — пусть попробуют догонять нас почтенные капиталисты, кичащиеся своей „цивилизацией“. Мы еще посмотрим, какие из стран можно будет тогда „определить“ в отсталые и какие в передовые.

„Правда“ № 259,
7 ноября 1929 г.

К ВОПРОСАМ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ В СССР

Речь на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г.

Товарищи! Основным фактом нашей общественно-хозяйственной жизни в настоящий момент, фактом, который обращает на себя всеобщее внимание, является факт колоссального роста колхозного движения.

Характерная черта нынешнего колхозного движения состоит в том, что в колхозы вступают не только отдельные группы бедноты, как это было до сих пор, но в колхозы пошел в своей массе и середняк. Это значит, что колхозное движение превратилось из движения отдельных групп и прослоек трудящихся крестьян в движение миллионов и миллионов основных масс крестьянства. Этим между прочим и следует объяснить тот колоссальной важности факт, что колхозное движение, принявшее характер мощной, нарастающей *антикулацкой* лавины, сметает на своем пути сопротивление кулака, ломает кулачество и прокладывает дорогу для широкого социалистического строительства в деревне.

Но если мы имеем основание гордиться *практическими* успехами социалистического строительства, то нельзя то же самое сказать об успехах нашей *теоретической* работы в области экономики вообще, в области сельского хозяйства в особенности. Более того: надо признать, что за нашими практическими успехами не поспевает теоретическая мысль, что мы имеем некоторый разрыв между практическими успехами и развитием теоретической мысли. Между тем необходимо, чтобы теоретическая работа не только поспевала за практической, но и опережала ее, вооружая наших практиков в их борьбе за победу социализма.

Я не буду здесь распространяться о значении теории. Вам оно достаточно хорошо известно. Известно, что теория, если она является действительно теорией, дает практикам силу ориентировки, ясность перспективы, уверенность в работе, веру в победу нашего

дела. Все это имеет — и не может не иметь — громадное значение в деле нашего социалистического строительства. Беда в том, что мы начинаем хромать именно в этой области, в области теоретической разработки вопросов нашей экономики. Чем же иначе объяснить тот факт, что у нас, в нашей общественно-политической жизни, все еще имеют хождение различные буржуазные и мелко-буржуазные теории по вопросам нашей экономики? Чем объяснить, что эти теории и теорийки не встречают до сих пор должного отпора? Чем же объяснить, что ряд основных положений марксистско-ленинской политической экономии, являющихся вернейшим противоядием против буржуазных и мелко-буржуазных теорий, начинает забываться, не популяризируется в нашей печати, не выдвигается почему-то на первый план? Разве трудно понять, что без непримиримой борьбы с буржуазными теориями на базе марксистско-ленинской теории невозможно добиться полной победы над классовыми врагами?

Новая практика рождает новый подход к проблемам экономики переходного периода. По-новому ставится теперь вопрос о нэпе, о классах, о темпах строительства, о смычке, о политике партии. Чтобы не отстать от практики, надо заняться теперь же разработкой всех этих проблем с точки зрения новой обстановки. Без этого невозможно преодоление буржуазных теорий, засоряющих головы наших практиков. Без этого невозможно выкорчевывание этих теорий, приобретших прочность предрассудков. Ибо только в борьбе с буржуазными предрассудками в теории можно добиться укрепления позиций марксизма-ленинизма.

Позвольте перейти к характеристике хотя бы некоторых из этих буржуазных предрассудков, называемых теориями, и демонстрировать их несостоятельность в порядке освещения некоторых узловых проблем нашего строительства.

I

ТЕОРИЯ „РАВНОВЕСИЯ“

Вы, конечно, знаете, что среди коммунистов все еще имеет хождение так называемая теория „равновесия“ секторов нашего народного хозяйства. Теория эта не имеет, конечно, ничего общего с марксизмом. Однако, она, эта самая теория, пропагандируется рядом наших товарищей из лагеря правых. По этой теории предполагается, что мы имеем прежде всего сектор социалистический, — это своего рода ящик, — и мы кроме того имеем сектор несоциалистический, если хотите — капиталистический, — это другой ящик. Оба эти ящика лежат на различных рельсах и мирно катятся вперед, не задевая друг друга. По геометрии известно, что параллель-

ные линии не сходятся. Однако, авторы этой замечательной теории думают, что когда-нибудь эти параллели сойдутся, и, когда они сойдутся, у нас получится социализм. При этом теория эта упускает из виду, что за так называемыми „ящиками“ стоят классы, а движение этих „ящиков“ происходит в порядке ожесточенной классовой борьбы, борьбы на жизнь и смерть, борьбы по принципу „кто кого“.

Нетрудно понять, что эта теория не имеет ничего общего с ленинизмом. Нетрудно понять, что эта теория имеет объективно своей целью отстоять позиции индивидуального крестьянского хозяйства, вооружить кулацкие элементы „новым“ теоретическим оружием в их борьбе с колхозами и дискредитировать позиции колхозов. Однако, она, эта теория, имеет до сих пор хождение в нашей печати. И нельзя сказать, чтобы она встречала серьезный отпор, а тем более сокрушительный отпор со стороны наших теоретиков. Чем же иначе объяснить эту несообразность, как не отсталостью нашей теоретической мысли?

Между тем стоило только извлечь из сокровищницы марксизма теорию воспроизводства и противопоставить ее теории равновесия секторов, чтобы от этой последней теории не осталось и следа. В самом деле, марксистская теория воспроизводства учит, что современное общество не может развиваться, не накопляя из года в год, а накоплять невозможно без расширенного воспроизводства из года в год. Это ясно и понятно. Наша крупная централизованная социалистическая промышленность развивается по марксистской теории расширенного воспроизводства, ибо она растет ежегодно в своем объеме, имеет свои накопления и двигается вперед семимильными шагами. Но наша крупная промышленность не исчерпывает народного хозяйства. Наоборот, в нашем народном хозяйстве все еще преобладает мелкое крестьянское хозяйство. Можно ли сказать, что наше мелкокрестьянское хозяйство развивается по принципу расширенного воспроизводства? Нет, нельзя этого сказать. Наше мелкокрестьянское хозяйство не только не осуществляет в своей массе ежегодно расширенного воспроизводства, но, наоборот, оно не всегда имеет возможность осуществлять даже простое воспроизводство. Можно ли двигать дальше ускоренным темпом нашу социализированную индустрию, имея такую сельско-хозяйственную базу, как мелкокрестьянское хозяйство, неспособное на расширенное воспроизводство и представляющее к тому же преобладающую силу в нашем народном хозяйстве? Нет, нельзя. Можно ли в продолжение более или менее долгого периода времени базировать Советскую власть и социалистическое строительство на двух *разных* основах — на основе самой крупной и объединенной социалистической промыш-

ленности и на основе самого раздробленного и отсталого мелкотоварного крестьянского хозяйства? Нет, нельзя. Это когда-либо должно кончиться полным развалом всего народного хозяйства. Где же выход? Выход в том, чтобы укрупнить сельское хозяйство, сделать его способным к накоплению, к расширенному воспроизводству и преобразовать таким образом сельско-хозяйственную базу народного хозяйства. Но как его укрупнить? Для этого существуют два пути. Существует путь *капиталистический*, состоящий в укрупнении сельского хозяйства посредством насаждения в нем капитализма, путь, ведущий к обнищанию крестьянства и к развитию капиталистических предприятий в сельском хозяйстве. Этот путь отвергается нами, как путь, несовместимый с советским хозяйством. Существует другой путь, путь *социалистический*, состоящий в насаждении колхозов и совхозов в сельском хозяйстве, путь, ведущий к объединению мелкокрестьянских хозяйств в крупные коллективные хозяйства, вооруженные техникой и наукой, и к вытеснению капиталистических элементов из земледелия. Мы стоим за этот второй путь.

Стало быть, вопрос стоит так: либо один путь, либо другой, либо *назад* — к капитализму, либо *вперед* — к социализму. Никакого третьего пути нет и не может быть. Теория „равновесия" есть попытка наметить третий путь. И именно потому, что она рассчитана на третий (не существующий) путь, она является утопичной, антимарксистской.

Так вот, стоило только противопоставить теорию воспроизводства Маркса теории „равновесия" секторов, чтобы не осталось и следа от этой последней теории.

Почему же это не делается со стороны наших аграрников-марксистов? Кому это нужно, чтобы смехотворная теория „равновесия" имела хождение в нашей печати, а марксистская теория воспроизводства лежала под спудом?

II

ТЕОРИЯ „САМОТЕКА" В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

Перейдем ко второму предрассудку в политической экономии, ко второй теории буржуазного типа. Я имею в виду теорию „самотека" в деле социалистического строительства, теорию, не имеющую ничего общего с марксизмом, но усердно проповедуемую нашими товарищами из правого лагеря. Авторы этой теории утверждают приблизительно следующее. Был у нас капитализм, развивалась индустрия на капиталистической базе, а деревня шла за капиталистическим городом стихийно, самотеком, пре-

образуясь по образу и подобию капиталистического города. Если *так* происходило дело при капитализме, почему не может произойти то же самое и при советском хозяйстве, почему не может деревня, мелкокрестьянское хозяйство, пойти путем самотека за социалистическим городом, стихийно преобразуясь по образу и подобию социалистического города? Авторы этой теории утверждают на этом основании, что деревня может пойти за социалистическим городом в порядке самотека. Отсюда вопрос: стоит ли нам горячиться насчет образования совхозов и колхозов, стоит ли нам ломать копья, если деревня и так может пойти за социалистическим городом?

Вот вам еще одна теория, имеющая объективно своей целью дать новое оружие в руки капиталистических элементов деревни в их борьбе против колхозов. Антимарксистская сущность этой теории не подлежит никакому сомнению.

Не странно ли, что наши теоретики все еще не удосужились расчехвостить эту странную теорию, засоряющую головы наших практиков-колхозников?

Нет сомнения, что ведущая роль социалистического города в отношении мелкокрестьянской деревни велика и неоценима. На этом именно и строится преобразующая роль индустрии в отношении сельского хозяйства. Но достаточно ли этого фактора для того, чтобы мелкокрестьянская деревня сама пошла за городом в деле социалистического строительства? Нет, недостаточно. При капитализме деревня шла стихийно за городом, потому что капиталистическое хозяйство города и мелкотоварное хозяйство крестьянина являются в своей основе *однотипным* хозяйством. Конечно, мелкокрестьянское товарное хозяйство не есть еще капиталистическое хозяйство. Но оно в своей основе однотипно с капиталистическим хозяйством, так как опирается на частную собственность на средства производства. Ленин тысячу раз прав, когда он говорит в своих заметках по поводу книжки т. Бухарина об „Экономике переходного периода" о „товарно-*капиталистической* тенденции крестьянства" в противоположность *социалистической* тенденции пролетариата[1]. Этим именно и объясняется, что „мелкое производство *рождает* капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе" (Ленин). Можно ли, следовательно, сказать, что мелкотоварное крестьянское хозяйство в своей основе однотипно с социалистическим производством в городе? Очевидно, что нельзя этого сказать, не разрывая с марксизмом. Иначе Ленин не говорил бы, что „пока мы живем в мелкокрестьянской стране,

[1] Курсив Ленина. *И. Ст.*

для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма". Стало быть, теория самотека в деле социалистического строительства есть теория гнилая, антиленинская. Стало быть, чтобы мелкокрестьянская деревня пошла за социалистическим городом, необходимо еще кроме всего прочего *насаждать* в деревне крупные социалистические хозяйства в виде совхозов и колхозов, как базы социализма, могущие *повести* за собой во главе с социалистическим городом основные массы крестьянства.

Дело ясное. Теория „самотека" в социалистическом строительстве есть теория антимарксистская. Социалистический город должен *вести* за собой мелкокрестьянскую деревню, *насаждая* в деревне колхозы и совхозы и преобразуя деревню на новый, социалистический лад.

Странно, что антимарксистская теория „самотека" в социалистическом строительстве не встречает до сих пор должного отпора со стороны наших теоретиков-аграрников.

III
ТЕОРИЯ „УСТОЙЧИВОСТИ" МЕЛКОКРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Перейдем к третьему предрассудку в политической экономии, к теории „устойчивости" мелкокрестьянского хозяйства. Всем известны возражения буржуазной политической экономии против известного тезиса марксизма о преимуществе крупного хозяйства перед мелким, имеющего будто бы силу только в промышленности, но не имеющего применения в сельском хозяйстве. Социал-демократические теоретики типа Давида и Герца, проповедующие эту теорию, пытались при этом „опереться" на тот факт, что мелкий крестьянин вынослив, терпелив, готов принять на себя любые лишения, лишь бы отстоять свой клочок земли, что, ввиду этого, в борьбе с крупным хозяйством в земледелии мелкокрестьянское хозяйство проявляет устойчивость. Нетрудно понять, что такая „устойчивость" хуже всякой неустойчивости. Нетрудно понять, что эта антимарксистская теория имеет своей целью лишь одно: восхваление и упрочение капиталистических порядков. И именно потому, что она имеет такую цель, именно поэтому удалось марксистам так легко разбить эту теорию. Но дело теперь не в этом. Дело в том, что наша практика, наша действительность дает новые аргументы против этой теории, а наши теоретики странным образом не хотят или не могут использовать это новое оружие против врагов рабочего класса. Я имею в виду практику уничтожения частной собственности на

землю, практику национализации земли у нас, практику, освобождающую мелкого крестьянина от его рабской приверженности к своему клочку земли и облегчающую тем самым переход от *мелкого* крестьянского хозяйства к *крупному*, коллективному хозяйству.

В самом деле, что привязывало, привязывает и будет еще привязывать мелкого крестьянина в Западной Европе к его мелкому товарному хозяйству? Прежде всего и главным образом наличие своего собственного клочка земли, наличие частной собственности на землю. Он копил деньги годами для того, чтобы купить клочок земли, он его купил и, понятно, он не хочет с ним расстаться, предпочитая переносить все и всякие лишения, предпочитая впасть в дикость, лишь бы отстоять свой клочок земли — основу его индивидуального хозяйства. Можно ли сказать, что этот фактор в таком его виде продолжает действовать и у нас, в условиях советских порядков? Нет, нельзя сказать. Нельзя сказать, так как у нас нет частной собственности на землю. И именно потому, что у нас нет частной собственности на землю, у нас нет и той рабской приверженности крестьянина к земле, которая имеется на Западе. А это обстоятельство не может не облегчать перехода мелкокрестьянского хозяйства на рельсы колхозов.

Вот где одна из причин того, что *крупным* хозяйствам в деревне, колхозам в деревне, удается так легко демонстрировать у нас, в условиях национализации земли, свое *превосходство* перед *мелким* крестьянским хозяйством.

Вот где великое революционное значение советских аграрных законов, уничтоживших абсолютную ренту, отменивших частную собственность на землю и установивших национализацию земли.

Но из этого следует, что мы имеем в своем распоряжении новый аргумент против буржуазных экономистов, провозглашающих устойчивость мелкокрестьянского хозяйства в его борьбе с крупным хозяйством.

Почему же этот новый аргумент не используется в достаточной мере нашими теоретиками-аграрниками в их борьбе против всех и всяких буржуазных теорий?

Проводя национализацию земли, мы исходили, между прочим, из теоретических предпосылок, данных в третьем томе „Капитала“, в известной книге Маркса „Теории прибавочной ценности“ и в аграрных трудах Ленина, представляющих богатейшую сокровищницу теоретической мысли. Я имею в виду теорию земельной ренты вообще, теорию абсолютной земельной ренты в особенности. Теперь ясно для всех, что теоретические положения этих трудов блестяще подтвердились практикой нашего социалистического строительства в городе и деревне.

Непонятно только, почему антинаучные теории „советских“ экономистов типа Чаяновых должны иметь свободное хождение в нашей печати, а гениальные труды Маркса — Энгельса — Ленина о теории земельной ренты и абсолютной земельной ренты не должны популяризироваться и выдвигаться на первый план, должны лежать под спудом?

Вы помните, должно быть, известную брошюру Энгельса о „Крестьянском вопросе“. Вы помните, конечно, до чего осмотрительно подходит Энгельс к вопросу о переводе мелких крестьян на путь товарищеского хозяйства, на путь коллективного хозяйства. Позвольте процитировать соответствующее место из брошюры Энгельса:

„Мы решительно стоим на стороне мелкого крестьянина. Мы будем делать все возможное, чтобы ему было сноснее жить, чтобы облегчить ему переход к товариществу, в случае, если он на это решится. В том же случае, если он еще не будет в состоянии принять это решение, мы постараемся предоставить ему *возможно больше времени* подумать об этом *на своем клочке*“ [1].

Вы видите, до чего осмотрительно подходит Энгельс к вопросу о переводе индивидуального крестьянского хозяйства на рельсы коллективизма. Чем объяснить такую с первого взгляда преувеличенную осмотрительность Энгельса? Из чего исходил он при этом? Очевидно, что он исходил из наличия частной собственности на землю, из того факта, что у крестьянина имеется „свой клочок“ земли, с которым ему, крестьянину, трудно будет расстаться. Таково крестьянство на Западе. Таково крестьянство в капиталистических странах, где существует частная собственность на землю. Понятно, что тут нужна большая осмотрительность. Можно ли сказать, что у нас в СССР имеется такое положение? Нет, нельзя этого сказать. Нельзя, так как у нас нет частной собственности на землю, приковывающей крестьянина к его индивидуальному хозяйству. Нельзя, так как у нас имеется национализация земли, облегчающая дело перехода индивидуального крестьянина на рельсы коллективизма.

Вот где одна из причин той сравнительной легкости и быстроты, с какой у нас развивается в последнее время колхозное движение.

Досадно, что наши теоретики-аграрники не попытались еще вскрыть с должной ясностью эту разницу между положением крестьянина у нас и на Западе. Между тем такая работа имела бы величайшее значение не только для нас, советских работников, но и для коммунистов всех стран. Ибо для пролетарской револю-

[1] Курсив мой. *И. Ст.*

ции в капиталистических странах не безразлично, придется ли там строить социализм с первых же дней взятия власти пролетариатом на базе национализации земли или без такой базы.

В своем недавнем выступлении в печати („Год великого перелома“) я развивал известные аргументы за превосходство крупного хозяйства в земледелии перед мелким хозяйством, имея в виду крупные совхозы. Нечего и доказывать, что все эти аргументы относятся целиком и полностью и к колхозам, как к крупным хозяйственным единицам. Я говорю не только о колхозах развитых, имеющих машинно-тракторную базу, но и о колхозах первичных, представляющих, так сказать, мануфактурный период колхозного строительства и опирающихся на крестьянский инвентарь. Я имею в виду те первичные колхозы, которые создаются ныне в районах сплошной коллективизации и которые опираются на простое сложение крестьянских орудий производства. Взять, например, колхозы в районе Хопра в бывшей Донской области. С виду эти колхозы как будто бы не отличаются с точки зрения техники от мелкого крестьянского хозяйства (мало машин, мало тракторов). А между тем простое сложение крестьянских орудий в недрах колхозов дало такой эффект, о котором и не мечтали наши практики. В чем выразился этот эффект? В том, что переход на рельсы колхозов дал расширение посевной площади на 30, 40 и 50%. Чем объяснить этот „головокружительный“ эффект? Тем, что крестьяне, будучи бессильны в условиях индивидуального труда, превратились в величайшую силу, сложив свои орудия и объединившись в колхозы. Тем, что крестьяне получили возможность обработать трудно обрабатываемые в условиях индивидуального труда заброшенные земли и целину. Тем, что крестьяне получили возможность взять целину в свои руки. Тем, что получилась возможность пустить в ход пустыри, отдельные клочки, межи и т. д. и т. п.

Вопрос об обработке заброшенных земель и целины имеет громадное значение для нашего сельского хозяйства. Вы знаете, что осью революционного движения в России в старое время служил аграрный вопрос. Вы знаете, что аграрное движение имело одной из своих целей уничтожение малоземелья. Многие думали тогда, что малоземелье это является абсолютным, т. е. что в СССР не имеется больше свободных земель, годных для обработки. А что выяснилось на деле? Теперь ясно для всех, что свободных земель было и осталось в СССР десятки миллионов гектаров. Но обработать их своими жалкими орудиями крестьянин не имел никакой возможности. И именно потому, что он не имел возможности обработать целину и заброшенные земли, именно поэтому тянулся он к „мягким землям“, к землям, принадлежащим помещи-

кам, к землям, удобным для обработки силами крестьянского инвентаря в условиях индивидуального труда. Вот в чем состояла основа „малоземелья“. Неудивительно поэтому, что наш Зернотрест имеет теперь возможность пустить в ход миллионов двадцать гектаров свободных земель, не занятых крестьянами и не могущих быть обработанными в порядке индивидуального труда силами мелкокрестьянского инвентаря.

Значение колхозного движения во всех его фазах, — и в первичной его фазе, и в более развитой фазе, когда оно вооружено тракторами, — состоит в том, что крестьяне получают теперь возможность пустить в ход заброшенные земли и целину. В этом секрет громадного расширения посевных площадей при переходе крестьян на коллективный труд. В этом одна из основ превосходства колхозов над индивидуальным крестьянским хозяйством.

Нечего и говорить, что превосходство колхозов перед индивидуальным крестьянским хозяйством станет еще более бесспорным, когда на помощь первичным колхозам в районах сплошной коллективизации подойдут наши машинно-тракторные станции и колонны, когда сами колхозы получат возможность сосредоточить в своих руках тракторы и комбайны.

IV
ГОРОД И ДЕРЕВНЯ

Существует предрассудок, культивируемый буржуазными экономистами, насчет так называемых „ножниц“, которому надо объявить беспощадную войну, как и всем другим буржуазным теориям, имеющим, к сожалению, распространение в советской печати. Я имею в виду теорию о том, что Октябрьская революция дала будто бы крестьянству меньше, чем Февральская революция, что Октябрьская революция, собственно говоря, ничего не дала крестьянству. Этот предрассудок одно время муссировался в нашей печати одним из „советских“ экономистов. Правда, он, этот „советский“ экономист, впоследствии отказался от своей теории. *(Голос:* „Кто же это?“) Это — Громан. Но эта теория была подхвачена троцкистско-зиновьевской оппозицией и использована против партии. При чем нет никаких оснований утверждать, что она не имеет хождения и в настоящее время в кругах „советской“ общественности. Это очень важный вопрос, товарищи. Он затрагивает проблему взаимоотношений между городом и деревней. Он затрагивает проблему уничтожения противоположности между городом и деревней. Он затрагивает актуальнейший вопрос о „ножницах“. Я думаю поэтому, что стоит заняться этой странной теорией.

Верно ли, что крестьяне ничего не получили от Октябрьской революции? Обратимся к фактам.

У меня в руках известная таблица известного статистика т. Немчинова, опубликованная в моей статье „На хлебном фронте“. Из этой таблицы видно, что в дореволюционное время помещики „производили“ не менее 600 млн. пудов зерновых хлебов. Стало быть, *помещики* являлись тогда держателями 600 млн. пудов хлеба. *Кулаки* „производили“ тогда 1 900 млн. пудов хлеба. Это очень большая сила, которой владели тогда кулаки. *Беднота* же и *середняки* производили 2 500 млн. пудов хлеба. Такова картина положения в старой деревне, деревне до Октябрьской революции.

Какие изменения произошли в деревне после Октября? Беру цифры из той же таблицы. Взять, например, 1927 г. Сколько же производили в этом году *помещики?* Ясно, что они ничего не производили и не могли производить, потому что помещики были уничтожены Октябрьской революцией. Вы поймете, что это должно было послужить большим облегчением для крестьянства, ибо крестьяне освободились от помещичьего ярма. Это, конечно, большой выигрыш для крестьянства, полученный им в результате Октябрьской революции. Сколько производили *кулаки* в 1927 г.? 600 млн. пудов хлеба вместо 1 900 млн. пудов. Стало быть, кулаки ослабли за период после Октябрьской революции более чем втрое. Вы поймете, что это не могло не облегчить положения бедноты и середняков. А сколько производили в 1927 г. *беднота и середняки?* 4 млрд. пудов вместо 2 500 млн. пудов. Стало быть, беднота и середняки стали производить после Октябрьской революции на 1,5 млрд. пудов хлеба больше, чем в дореволюционное время.

Вот вам факты, говорящие о том, что бедняки и середняки получили колоссальный выигрыш от Октябрьской революции.

Вот что дала Октябрьская революция беднякам и середнякам.

Как можно после этого утверждать, что Октябрьская революция ничего не дала крестьянам?

Но это не все, товарищи. Октябрьская революция уничтожила частную собственность на землю, уничтожила куплю-продажу земли, установила национализацию земли. Что это значит? Это значит, что крестьянин, чтобы производить хлеб, вовсе не нуждается в том, чтобы покупать землю. Раньше он годами накоплял средства для того, чтобы приобрести землю, влезал в долги, шел в кабалу, лишь бы приобрести землю. Расходы на покупку земли, конечно, ложились на стоимость производства хлеба. Теперь крестьянин в этом не нуждается. Теперь он может производить хлеб, не покупая землю. Что это — облегчает крестьян или не облегчает? Ясно, что облегчает.

Далее. До последнего времени крестьянин вынужден был ковырять землю старым инвентарем в порядке индивидуального труда. Всякому известно, что индивидуальный труд, вооруженный старыми, теперь уже негодными орудиями производства, не дает того выигрыша, который необходим для того, чтобы жить сносно, систематически поднимать свое материальное положение, развить свою культуру и выйти на широкую дорогу социалистического строительства. Теперь, после усиленного развития колхозного движения, крестьяне имеют возможность объединить свой труд с трудом своих соседей, объединиться в колхоз, разбить целину, использовать заброшенную землю, получить машину и трактор и поднять таким образом производительность своего труда вдвое, если не втрое. А что это значит? Это значит, что крестьянин имеет теперь возможность благодаря объединению в колхозы производить гораздо больше, чем раньше, при той же затрате труда. Это значит, стало быть, что производство хлеба становится много дешевле, чем это имело место до последнего времени. Это значит, наконец, что при стабильности цен крестьянин может получить за хлеб гораздо больше, чем он получал до сих пор.

Как можно после всего этого утверждать, что Октябрьская революция не дала выигрыша крестьянству?

Разве не ясно, что люди, говорящие такую небылицу, явным образом лгут на партию, на Советскую власть?

Но что из всего этого следует?

Из этого следует, что вопрос о „ножницах", вопрос о ликвидации „ножниц" должен быть поставлен теперь по-новому. Из этого следует, что если колхозное движение будет расти нынешним темпом, „ножницы" будут уничтожены в ближайшее время. Из этого следует, что вопрос об отношениях между городом и деревней становится на новую почву, что противоположность между городом и деревней будет размываться ускоренным темпом.

Это обстоятельство имеет, товарищи, величайшее значение для всего нашего строительства. Оно преобразует психологию крестьянина и поворачивает его лицом к городу. Оно создает почву для уничтожения противоположности между городом и деревней. Оно создает почву для того, чтобы лозунг партии „лицом к деревне" дополнялся лозунгом крестьян-колхозников „лицом к городу". И в этом нет ничего удивительного, ибо крестьянин получает теперь от города машину, трактор, агронома, организатора, наконец, прямую помощь для борьбы и преодоления кулачества. Крестьянин старого типа с его зверским недоверием к городу, как к грабителю, отходит на задний план. Его сменяет новый крестьянин, крестьянин-колхозник, смотрящий на город с надеждой на

получение оттуда реальной *производственной* помощи. На смену крестьянину старого типа, боящемуся опуститься до бедноты и лишь украдкой подымающемуся до положения кулака (могут лишить избирательного права!), приходит новый крестьянин, имеющий новую перспективу — пойти в колхоз и выбраться из нищеты на широкую дорогу хозяйственного подъема.

Вот как оборачивается дело, товарищи.

Тем досаднее, товарищи, что наши теоретики-аграрники не приняли всех мер к тому, чтобы расчехвостить и вырвать с корнями все и всякие буржуазные теории, пытающиеся развенчать завоевания Октябрьской революции и растущее колхозное движение.

V

О ПРИРОДЕ КОЛХОЗОВ

Колхозы как *тип* хозяйства есть одна из форм социалистического хозяйства. В этом не может быть никакого сомнения.

Один из ораторов выступал здесь и развенчивал колхозы. Он уверял, что колхозы как хозяйственные организации не имеют ничего общего с социалистической формой хозяйства. Я должен заявить, товарищи, что такая характеристика колхозов совершенно неправильна. Не может быть сомнения, что она, эта характеристика, не имеет ничего общего с ленинизмом.

Чем определяется тип хозяйства? Очевидно, отношениями людей в процессе производства. Чем же иным можно определить тип хозяйства? Но разве в колхозе имеется класс людей, являющихся собственниками средств производства, и класс людей, лишенных этих средств производства? Разве в колхозе имеется класс эксплоататоров и класс эксплоатируемых? Разве колхоз не представляет обобществления основных орудий производства на земле, принадлежащей, к тому же, государству? Какое имеется основание утверждать, что колхозы как тип хозяйства не представляют одну из форм социалистического хозяйства?

Конечно, в колхозах имеются противоречия. Конечно, в колхозах имеются индивидуалистические и даже кулацкие пережитки, которые еще не отпали, но которые обязательно должны отпасть с течением времени, по мере укрепления колхозов, по мере их машинизации. Но разве можно отрицать, что колхозы в целом, взятые с их противоречиями и недостатками, колхозы как *хозяйственный* факт представляют в основном новый путь развития деревни, путь *социалистичгского* развития деревни в *противоположность* кулацкому, *капиталистическому* пути развития? Разве можно отрицать, что колхозы (я говорю о колхозах, а не о

лжеколхозах) представляют при наших условиях базу и очаг социалистического строительства в деревне, выросшие в отчаянных схватках с капиталистическими элементами?

Не ясно ли, что попытки некоторых товарищей развенчать колхозы и объявить их буржуазной формой хозяйства являются лишенными всякого основания?

В 1923 г. у нас не было еще массового колхозного движения. Ленин в своей брошюре „О кооперации" имел в виду все виды кооперации, и низшие ее формы (снабженческо-сбытовые), и высшие (колхозная форма). Что же он говорил тогда о кооперации, о кооперативных предприятиях? Вот одна из цитат брошюры Ленина „О кооперации":

„При нашем существующем строе предприятия кооперативные отличаются от частно-капиталистических, как предприятия коллективные, но *не отличаются*[1] от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т. е. рабочему классу".

Стало быть, Ленин берет кооперативные предприятия не сами по себе, а в связи с нашим существующим строем, в связи с тем, что они функционируют на земле, принадлежащей государству, в стране, где средства производства принадлежат государству, и, рассматривая их в таком порядке, Ленин утверждает, что кооперативные предприятия не отличаются от предприятий социалистических.

Так говорит Ленин о кооперативных предприятиях вообще.

Не ясно ли, что тем с бо́льшим основанием можно сказать то же самое о колхозах нашего периода?

Этим, между прочим, и объясняется, что Ленин считает „простой рост кооперации" при наших условиях „тождественным с ростом социализма".

Вы видите, что, развенчивая колхозы, вышеупомянутый оратор допустил грубейшую ошибку против ленинизма.

Из этой ошибки вытекает другая его ошибка — насчет классовой борьбы в колхозах. Оратор так красочно расписал классовую борьбу в колхозах, что можно подумать, что классовая борьба в колхозах *не отличается* от классовой борьбы вне колхозов. Более того, можно подумать, что она становится там еще более ожесточенной. Впрочем, не один только упомянутый оратор грешен в этом деле. Болтовня о классовой борьбе, писк и визг насчет классовой борьбы в колхозах представляют теперь характерную черту всех наших „левых" крикунов. При чем наиболее комичным в этом писке является то, что пискуны эти „видят" классовую

[1] Курсив мой. *И. Ст.*

борьбу там, где ее нет или почти нет, но не видят ее там, где она существует и переливает через край.

Есть ли элементы классовой борьбы в колхозах? Да, есть. Не может не быть элементов классовой борьбы в колхозах, если там сохраняются еще пережитки индивидуалистической или даже кулацкой психологии, если там имеется еще некоторое неравенство. Можно ли сказать, что классовая борьба в колхозах равнозначна классовой борьбе вне колхозов? Нет, нельзя. В том-то и состоит ошибка наших „левых" фразеров, что они не видят этой разницы. Что значит классовая борьба *вне* колхозов, *до* образования колхозов? Это значит — борьба с кулаком, *владеющим* орудиями и средствами производства и *закабаляющим* себе бедноту при помощи этих орудий и средств производства. Эта борьба представляет борьбу не на жизнь, а на смерть. А что значит классовая борьба *на базе* колхозов? Это значит, прежде всего, что кулак разбит и лишен орудий и средств производства. Это значит, во-вторых, что бедняки и середняки объединены в колхозы, на базе обобществления основных орудий и средств производства. Это значит, наконец, что дело идет о борьбе между членами колхозов, из коих одни не освободились еще от индивидуалистических и кулацких пережитков и пытаются использовать некоторое неравенство в колхозах в свою выгоду, а другие желают изгнать из колхозов эти пережитки и это неравенство. Не ясно ли, что только слепые не могут видеть разницы между классовой борьбой на базе колхозов и классовой борьбой вне колхозов?

Было бы ошибочно думать, что ежели даны колхозы, то дано все необходимое для построения социализма. Тем более ошибочно было бы думать, что члены колхозов уже превратились в социалистов. Нет, придется еще много поработать над тем, чтобы переделать крестьянина-колхозника, выправить его индивидуалистическую психологию и сделать из него настоящего труженика социалистического общества. И это будет сделано тем скорее, чем скорее будут колхозы машинизированы, чем скорее они будут тракторизированы. Но это нисколько не умаляет величайшего значения колхозов, как рычага социалистического преобразования деревни. Великое значение колхозов в том именно и состоит, что они представляют основную базу для применения машин и тракторов в земледелии, что они составляют основную базу для переделки крестьянина, для переработки его психологии в духе пролетарского социализма. Ленин был прав, когда он говорил:

„Дело переработки мелкого земледельца, переработки всей его психологии и навыков есть дело, требующее поколений. Решить этот вопрос по отношению к мелкому земледельцу, оздоровить, так сказать, всю его пси-

хологию может только материальная база, техника, применение тракторов и машин в земледелии в массовом масштабе, электрификация в массовом масштабе".

Кто может отрицать, что колхозы являются той именно формой социалистического хозяйства, через которую только и может приобщиться многомиллионное мелкое крестьянство к машинам и к тракторам, как к рычагам хозяйственного подъема, как к рычагам социалистического развития сельского хозяйства?

Обо всем этом забыли наши „левые" фразеры.

Забыл об этом и наш оратор.

VI

КЛАССОВЫЕ СДВИГИ И ПОВОРОТ В ПОЛИТИКЕ ПАРТИИ

Наконец, вопрос о классовых сдвигах и наступлении социализма на капиталистические элементы деревни.

Характерная черта нашей работы за последний год состоит в том, что мы, как партия, как Советская власть: а) развернули наступление по всему фронту против капиталистических элементов деревни, б) это наступление дало и продолжает давать, как известно, весьма ощутительные *положительные* результаты.

Что это значит? Это значит, что от политики *ограничения* эксплоататорских тенденций кулачества мы перешли к политике *ликвидации* кулачества как класса. Это значит, что мы проделали и продолжаем проделывать один из решающих поворотов во всей нашей политике.

До последнего времени партия стояла на позиции *ограничения* эксплоататорских тенденций кулачества. Известно, что эта политика была провозглашена еще на VIII съезде. Она, эта самая политика, была вновь возвещена при введении нэпа и на XI съезде нашей партии. Всем памятно известное письмо Ленина на имя Преображенского (1922 г.), где он вновь возвращается к вопросу о необходимости проведения такой именно политики. Она была, наконец, подтверждена XV съездом нашей партии. Ее и проводили мы до последнего времени.

Правильна ли была эта политика? Да, она была безусловно правильна. Могли ли мы лет пять или года три назад предпринять такое наступление на кулачество? Могли ли мы тогда рассчитывать на успех такого наступления? Нет, не могли. Это было бы опаснейшим авантюризмом. Это было бы опаснейшей игрой в наступление. Ибо мы наверняка сорвались бы на этом и, сорвавшись, укрепили бы позиции кулачества. Почему? Потому, что у нас не было еще тех опорных пунктов в деревне, в виде широкой сети совхозов и колхозов, на которых можно было бы базиро-

ваться в решительном наступлении против кулачества. Потому, что мы не имели тогда возможности *заменить* капиталистическое производство кулака социалистическим производством в виде колхозов и совхозов.

В 1926—1927 гг. зиновьевско-троцкистская оппозиция усиленно навязывала партии политику немедленного наступления на кулачество. Партия не пошла на эту опасную авантюру, ибо она знала, что серьезные люди не могут позволить себе игру в наступление. Наступление на кулачество есть серьезное дело. Его нельзя смешивать с декламацией против кулачества. Его нельзя также смешивать с политикой царапанья с кулачеством, которую усиленно навязывала партии зиновьевско-троцкистская оппозиция. Наступать на кулачество — это значит сломить кулачество и ликвидировать его как класс. Вне этих целей наступление есть декламация, царапанье, пустозвонство, все что угодно, только не настоящее большевистское наступление. Наступать на кулачество — это значит подготовиться к делу и ударить по кулачеству, но ударить по нему так, чтобы оно не могло больше подняться на ноги. Это и называется у нас, большевиков, настоящим наступлением. Могли ли мы предпринять лет пять или года три назад такое наступление с расчетом на успех? Нет, не могли.

В самом деле, кулак производил в 1927 г. более 600 млн. пудов хлеба, а вывозил из этой суммы в порядке внедеревенского обмена около 130 млн. пудов. Это довольно серьезная сила, с которой нельзя не считаться. А сколько производили тогда наши колхозы и совхозы? Около 80 млн. пудов, из коих вывезли на рынок (товарный хлеб) около 35 млн. пудов. Судите сами, могли ли мы тогда *заменить* кулацкое производство и кулацкий товарный хлеб производством и товарным хлебом наших колхозов и совхозов? Ясно, что не могли. Что значит при таких условиях предпринять решительное наступление на кулачество? Это значит наверняка сорваться, усилить позиции кулачества и остаться без хлеба. Вот почему мы не могли и не должны были предпринимать тогда наступления на кулачество вопреки авантюристским декламациям зиновьевско-троцкистской оппозиции.

Ну, а теперь? Как теперь обстоит дело? Теперь у нас имеется достаточная материальная база для того, чтобы ударить по кулачеству, сломить его сопротивление, ликвидировать его как класс и *заменить* его производство производством колхозов и совхозов. Известно, что в 1929 г. производство хлеба в колхозах и совхозах составляло не менее 400 млн. пудов (на 200 млн. пудов меньше, чем валовая продукция кулацкого хозяйства в 1927 г.). Известно, далее, что в 1929 г. колхозы и совхозы дали товарного хлеба более 130 млн. пудов (т. е. больше, чем кулак в 1927 г.).

Известно, наконец, что в 1930 г. валовая хлебная продукция колхозов и совхозов будет составлять не менее 900 млн. пудов (т. е. более, чем валовая продукция кулака в 1927 г.), а товарного хлеба дадут они не менее 400 млн. пудов (т. е. несравненно больше, чем кулак в 1927 г.).

Вот как у нас обстоит теперь дело, товарищи.

Вот какая передвижка произошла у нас в экономике страны.

Вот какая передвижка классовых сил произошла у нас за последнее время.

Теперь у нас имеется, как видите, материальная база для того, чтобы *заменить* кулацкое производство производством колхозов и совхозов. Вот почему наше наступление на кулачество имеет теперь несомненный успех. Вот как надо наступать на кулачество, если говорить о действительном наступлении, а не ограничиваться пустопорожней декламацией против кулачества.

Вот почему мы перешли в последнее время от политики *ограничения* эксплоататорских тенденций кулачества к политике *ликвидации кулачества как класса.*

Ну, а как быть с политикой раскулачивания, можно ли допустить раскулачивание в районах сплошной коллективизации? — спрашивают с разных сторон. Смешной вопрос! Раскулачивания нельзя было допускать, пока мы стояли на точке зрения ограничения эксплоататорских тенденций кулачества, пока мы не имели возможности перейти в решительное наступление против кулачества, пока у нас не было возможности заменить кулацкое производство производством колхозов и совхозов. Тогда политика недопустимости раскулачивания была необходима и правильна. А теперь? Теперь — другое дело. Теперь мы имеем возможность повести решительное наступление на кулачество, сломить его сопротивление, ликвидировать его как класс и заменить его производство производством колхозов и совхозов. Теперь раскулачивание производится самими бедняцко-середняцкими массами, осуществляющими сплошную коллективизацию. Теперь раскулачивание в районах сплошной коллективизации не есть уже простая административная мера. Теперь раскулачивание представляет там составную часть образования и развития колхозов. Вот почему смешно и несерьезно распространяться теперь о раскулачивании. Снявши голову, по волосам не плачут.

Не менее смешным кажется другой вопрос: можно ли пустить кулака в колхоз. Конечно, нельзя его пускать в колхоз. Нельзя, так как он является заклятым врагом колхозного движения. Кажется, ясно.

VII

ВЫВОДЫ

Вот, товарищи, шесть узловых вопросов, мимо которых не может пройти теоретическая работа наших аграрников-марксистов.

Значение этих вопросов состоит прежде всего в том, что марксистская их разработка дает возможность выкорчевать с корнями все и всякие буржуазные теории, распространяемые иногда — к стыду нашему — нашими товарищами-коммунистами и засоряющие головы нашим практикам. А выкорчевать эти теории и отбросить их прочь давно бы следовало. Ибо только в беспощадной борьбе с этими теориями может вырасти и окрепнуть теоретическая мысль аграрников-марксистов.

Значение этих вопросов состоит, наконец, в том, что они придают новый облик старым проблемам экономики переходного периода.

По-новому ставится теперь вопрос о нэпе, о классах, о колхозах, об экономике переходного периода. Надо вскрыть ошибку тех, которые нэп понимают, как отступление, и только как отступление. На самом деле Ленин еще при введении нэпа говорил, что нэп не исчерпывается отступлением, что он означает вместе с тем подготовку для нового решительного наступления на капиталистические элементы города и деревни. Надо вскрыть ошибку тех, которые думают, что нэп нужен лишь для связи между городом и деревней. Нам нужна не всякая связь между городом и деревней. Нам нужна такая связь, которая обеспечивает победу социализма. И если мы придерживаемся нэпа, то потому, что он служит делу социализма. А когда он перестанет служить делу социализма, мы его отбросим к чорту. Ленин говорил, что нэп введен всерьез и надолго. Но он никогда не говорил, что нэп введен навсегда.

Надо также поставить вопрос о популяризации марксистской теории воспроизводства. Надо разработать вопрос о схеме построения баланса нашего народного хозяйства. То, что опубликовало ЦСУ в 1926 г. в виде баланса народного хозяйства, есть не баланс, а игра в цифири. Не подходит также к делу трактовка Базарова и Громана проблемы баланса народного хозяйства. Схему баланса народного хозяйства СССР должны выработать революционные марксисты, если они вообще хотят заниматься разработкой вопросов экономики переходного периода.

Было бы хорошо, если бы наши марксисты-экономисты выделили специальную группу работников для разработки проблем экономики переходного периода в новой их постановке.

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИКЕ ЛИКВИДАЦИИ КУЛАЧЕСТВА КАК КЛАССА

В № 16 „Красной Звезды“, в статье „Ликвидация кулачества как класса“, в общем бесспорно правильной, имеются две неточности в формулировках. Мне кажется, что необходимо исправить эти неточности.

1. В статье сказано:

„В восстановительный период мы проводили политику ограничения капиталистических элементов города и деревни. С началом реконструктивного периода мы перешли от политики ограничения к политике их вытеснения“.

Это положение неверно. Политика ограничения капиталистических элементов и политика вытеснения их не есть две различных политики. Это одна и та же политика. Вытеснение капиталистических элементов деревни есть неизбежный результат и *составная* часть политики ограничения капиталистических элементов, политики ограничения эксплоататорских тенденций кулачества. Вытеснение капиталистических *элементов* деревни не есть еще вытеснение кулачества как *класса*. Вытеснение капиталистических элементов деревни есть вытеснение и преодоление *отдельных отрядов* кулачества, не выдержавших налогового нажима, не выдержавших системы ограничительных мер Советской власти. Понятно, что политика ограничения эксплоататорских тенденций кулачества, политика ограничения капиталистических элементов деревни не может не вести к вытеснению отдельных отрядов кулачества. Поэтому вытеснение отдельных отрядов кулачества не может быть рассматриваемо иначе, как неизбежный результат и составная часть политики ограничения капиталистических элементов деревни.

Эта политика велась у нас не только в период восстановления, но и в период реконструкции, но и в период после XV съезда (декабрь 1927 г.), но и в период XVI конференции нашей партии (апрель 1929 г.), как и после этой конференции вплоть до лета

1929 г., когда наступила у нас полоса сплошной коллективизации, когда наступил *перелом* в сторону политики *ликвидации* кулачества как *класса*.

Если рассмотреть важнейшие документы партии, начиная хотя бы с XIV съезда в декабре 1925 г. (см. резолюцию по отчету ЦК) и кончая XVI конференцией в апреле 1929 г. (см. резолюцию „О путях подъема сельского хозяйства“), то нельзя не заметить, что тезис об „ограничении эксплоататорских тенденций кулачества“ или „ограничении роста капитализма в деревне“ идет всегда *рядом* с тезисом „о вытеснении капиталистических элементов деревни“, о „преодолении капиталистических элементов деревни“.

Что это значит?

Это значит, что партия *не отделяет* вытеснения капиталистических элементов деревни от политики ограничения эксплоататорских тенденций кулачества, от политики ограничения капиталистических элементов деревни.

XV съезд партии, как и XVI конференция, стоит целиком на базе политики „ограничения эксплоататорских стремлений сельскохозяйственной буржуазии“ (резолюция XV съезда „О работе в деревне“), на базе политики „принятия новых мер, ограничивающих развитие капитализма в деревне“ (см. там же), на базе политики „решительного ограничения эксплоататорских тенденций кулака“ (см. резолюцию XV съезда о пятилетке), на базе политики „наступления на кулака“ в смысле „перехода к дальнейшему, более систематическому и настойчивому ограничению кулака и частника“ (см. там же), на базе политики „еще более решительного хозяйственного вытеснения“ „элементов частно-капиталистического хозяйства“ в городе и деревне (см. резолюцию XV съезда по отчету ЦК).

Стало быть, а) неправ автор упомянутой статьи, изображая политику ограничения капиталистических элементов и политику их вытеснения, как две различные политики. Факты говорят, что мы имеем здесь дело с одной общей политикой ограничения капитализма, составной частью и результатом которой является вытеснение отдельных отрядов кулачества.

Стало быть, б) неправ автор упомянутой статьи, утверждая, что вытеснение капиталистических элементов деревни началось лишь в период реконструкции, в период XV съезда. На самом деле вытеснение имело место и до XV съезда, в период восстановления, и после XV съезда, в период реконструкции. В период XV съезда была лишь усилена политика ограничения эксплоататорских тенденций кулачества новыми добавочными мерами, в связи с чем должно было усилиться и вытеснение отдельных отрядов кулачества.

2. В статье сказано:

„Политика ликвидации кулачества как класса целиком вытекает из политики вытеснения капиталистических элементов, являясь продолжением этой политики на новом этапе“.

Это положение неточно и потому — неверно. Понятно, что политика ликвидации кулачества как класса не могла упасть с неба. Она была подготовлена всем предыдущим периодом ограничения, а значит и вытеснения капиталистических элементов деревни. Но это еще не значит, что она не отличается *коренным образом* от политики ограничения (и вытеснения) капиталистических элементов деревни, что она является будто бы *продолжением* политики ограничения. Говорить так, как говорит наш автор, — значит отрицать наличие *перелома* в развитии деревни с лета 1929 г. Говорить так — значит отрицать тот факт, что мы проделали за этот период *поворот* в политике нашей партии в деревне. Говорить так — значит создать некоторое идеологическое укрытие для правых элементов нашей партии, цепляющихся теперь за решения XV съезда против *новой* политики партии так же, как цеплялся в свое время т. Фрумкин за решения XIV съезда против политики насаждения колхозов и совхозов.

Из чего исходил XV съезд, провозглашая усиление политики ограничения (и вытеснения) капиталистических элементов деревни? Из того, что, несмотря на это ограничение кулачества, кулачество как *класс* все же *должно остаться* до поры до времени. *На этом основании* XV съезд оставил в силе закон об аренде земли, прекрасно зная, что арендатором в своей массе являются кулаки. *На этом основании* XV съезд оставил в силе закон о найме труда в деревне, потребовав его точного проведения в жизнь. *На этом основании* была еще раз провозглашена недопустимость раскулачивания. Противоречат ли эти законы и эти постановления политике *ограничения* (и вытеснения) капиталистических элементов деревни? Безусловно, *нет.* Противоречат ли эти законы и эти постановления политике *ликвидации* кулачества как класса? Безусловно, *да!* Стало быть, эти законы и эти постановления придется теперь отложить в сторону в районах сплошной коллективизации, сфера распространения которой растет не по дням, а по часам. Впрочем, они уже отложены в сторону самим ходом колхозного движения в районах сплошной коллективизации.

Можно ли после этого утверждать, что политика ликвидации кулачества как класса есть *продолжение* политики ограничения (и вытеснения) капиталистических элементов деревни? Ясно, что нельзя.

Автор упомянутой статьи забывает, что нельзя вытеснить класс кулачества, как класс, мерами налогового и всякого иного ограниче-

ния, *оставляя* в руках этого класса орудия производства с правом свободного пользования землей и *сохраняя* в нашей практике закон о найме труда в деревне, закон об аренде, запрещение раскулачивания. Автор забывает, что при политике ограничения эксплоататорских тенденций кулачества можно рассчитывать на вытеснение лишь отдельных отрядов кулачества, что не противоречит, а, наоборот, предполагает *сохранение* до поры до времени кулачества как класса. Чтобы вытеснить кулачество как класс, для этого недостаточно политики ограничения и вытеснения отдельных его отрядов. Чтобы вытеснить кулачество как класс, надо *сломить* в открытом бою сопротивление этого класса и *лишить* его производственных источников его существования и развития (свободное пользование землей, орудия производства, аренда, право найма труда и т. д.). Это и есть *поворот* к политике ликвидации кулачества как класса. Без этого разговоры о вытеснении кулачества как класса есть пустая болтовня, угодная и выгодная лишь правым уклонистам. Без этого немыслима никакая серьезная, а тем более сплошная коллективизация деревни. Это хорошо поняли бедняки и середняки нашей деревни, громящие кулачество и осуществляющие сплошную коллективизацию. Этого не понимают еще повидимому некоторые наши товарищи.

Стало быть, нынешняя политика партии в деревне есть не *продолжение* старой политики, а *поворот* от старой политики *ограничения* (и вытеснения) капиталистических элементов деревни к новой политике *ликвидации* кулачества как класса.

„Красная Звезда“ № 18,
21 января 1930 г.

ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ ОТ УСПЕХОВ

К вопросам колхозного движения

Об успехах Советской власти в области колхозного движения говорят теперь все. Даже враги вынуждены признать наличие серьезных успехов. А успехи эти, действительно, велики.

Это факт, что на 20 февраля с. г. уже коллективизировано 50% крестьянских хозяйств по СССР. Это значит, что мы *перевыполнили* пятилетний план к 20 февраля 1930 г. более чем вдвое.

Это факт, что на 28 февраля этого года колхозы успели *уже* ссыпать семян для яровых посевов более 36 млн. центнеров, т. е. более 90% плана, т. е. около 220 млн. пуд. Нельзя не признать, что сбор 220 млн. пуд. семян по одной лишь колхозной линии — после успешного выполнения хлебозаготовительного плана — представляет огромнейшее достижение.

О чем все это говорит?

О том, что *коренной поворот деревни к социализму можно считать уже обеспеченным.*

Нет нужды доказывать, что успехи эти имеют величайшее значение для судеб нашей страны, для всего рабочего класса, как руководящей силы нашей страны, наконец, для самой партии. Не говоря уже о прямых практических результатах, они, эти успехи, имеют громадное значение для внутренней жизни самой партии, для воспитания нашей партии. Они вселяют в нашу партию дух бодрости и веры в свои силы. Они вооружают рабочий класс верой в победу нашего дела. Они подводят к нашей партии новые миллионные резервы.

Отсюда задача партии: *закрепить* достигнутые успехи и планомерно *использовать* их для дальнейшего продвижения вперед.

Но успехи имеют и свою теневую сторону, особенно когда они достаются сравнительно „легко“, в порядке, так сказать, „неожиданности“. Такие успехи иногда прививают дух самомнения и зазнайства: „Мы все можем!“, „Нам все нипочем!“.

Они, эти успехи, нередко пьянят людей, при чем у людей начинает кружиться голова от успехов, теряется чувство меры, теряется способность понимания действительности, появляется стремление переоценить свои силы и недооценить силы противника, появляются авантюристские попытки „в два счета“ разрешить все вопросы социалистического строительства. Здесь уже нет места для заботы о том, чтобы *закрепить* достигнутые успехи и планомерно *использовать* их для дальнейшего продвижения вперед. Зачем нам закреплять достигнутые успехи, — мы и так сумеем добежать „в два счета“ до полной победы социализма: „Мы все можем!“, „Нам все нипочем!“.

Отсюда задача партии: повести решительную борьбу с этими опасными и вредными для дела настроениями и изгнать их вон из партии.

Нельзя сказать, чтобы эти опасные и вредные для дела настроения имели сколько-нибудь широкое распространение в рядах нашей партии. Но они, эти настроения, все же имеются в нашей партии, при чем нет оснований утверждать, что они не будут усиливаться. И если они, эти настроения, получат у нас права гражданства, то можно не сомневаться, что дело колхозного движения будет значительно ослаблено и опасность срыва этого движения может стать реальностью.

Отсюда задача нашей прессы: систематически разоблачать эти и подобные им антиленинские настроения.

Несколько фактов.

1. Успехи нашей колхозной политики объясняются между прочим тем, что она, эта политика, опирается на *добровольность* колхозного движения и *учет разнообразия условий* в различных районах СССР. Нельзя насаждать колхозы силой. Это было бы глупо и реакционно. Колхозное движение должно опираться на активную поддержку со стороны основных масс крестьянства. Нельзя механически пересаживать образцы колхозного строительства в развитых районах в районы неразвитые. Это было бы глупо и реакционно. Такая „политика“ одним ударом развенчала бы идею коллективизации. Надо тщательно учитывать разнообразие условий в различных районах СССР при определении темпа и методов колхозного строительства.

В колхозном движении впереди всех районов стоят у нас зерновые районы. Почему? Потому, во-первых, что в этих районах имеется у нас наибольшее количество окрепших уже совхозов и колхозов, благодаря которым крестьяне имели возможность убедиться в силе и значении новой техники, в силе и значении новой, коллективной организации хозяйства. Потому, во-вторых, что эти районы имеют за собой двухлетнюю школу борьбы с кулачеством

во время хлебозаготовительных кампаний, что не могло не облегчить дело колхозного движения. Потому, наконец, что эти районы усиленнейшим образом снабжались за последние годы лучшими кадрами из промышленных центров.

Можно ли сказать, что эти особо благоприятные условия имеются также и в других районах, например, в потребительских районах, вроде наших северных областей, или в районах все еще отсталых национальностей, вроде, скажем, Туркестана?

Нет, нельзя этого сказать.

Ясно, что принцип учета разнообразия условий в различных районах СССР наряду с принципом добровольности является одной из серьезнейших предпосылок здорового колхозного движения.

А что иногда происходит у нас на деле? Можно ли сказать, что принцип добровольности и учета местных особенностей не нарушается в ряде районов? Нет, нельзя этого сказать, к сожалению. Известно, например, что в ряде северных районов потребительской полосы, где благоприятных условий для немедленной организации колхозов сравнительно меньше, чем в зерновых районах, стараются нередко *подменить* подготовительную работу по организации колхозов чиновничьим декретированием колхозного движения, бумажными резолюциями о росте колхозов, организацией бумажных колхозов, которых еще нет в действительности, но о „существовании" которых имеется куча хвастливых резолюций. Или возьмем некоторые районы Туркестана, где благоприятных условий для немедленной организации колхозов еще меньше, чем в северных областях потребительской полосы. Известно, что в ряде районов Туркестана были уже попытки „догнать и перегнать" передовые районы СССР путем угрозы военной силой, путем угрозы лишить поливной воды и промтоваров тех крестьян, которые не хотят пока что итти в колхозы.

Что может быть общего между этой „политикой" унтера Пришибеева и политикой партии, опирающейся на добровольность и учет местных особенностей в деле колхозного строительства? Ясно, что между ними нет и не может быть ничего общего.

Кому нужны эти искривления, это чиновничье декретирование колхозного движения, эти недостойные угрозы по отношению к крестьянам? Никому, кроме наших врагов!

К чему они могут привести, эти искривления? К усилению наших врагов и к развенчанию идей колхозного движения.

Не ясно ли, что авторы этих искривлений, мнящие себя „левыми", на самом деле льют воду на мельницу правого оппортунизма?

2. Одно из величайших достоинств политической стратегии нашей партии состоит в том, что она умеет выбирать в каждый данный момент *основное звено* движения, уцепившись за которое она

тянет потом всю цепь к одной общей цели для того, чтобы добиться разрешения задачи. Можно ли сказать, что партия уже выбрала основное звено колхозного движения в системе колхозного строительства? Да, можно и нужно.

В чем состоит оно, это основное звено?

Может быть в *товариществе по совместной обработке* земли? Нет, не в этом. Товарищества по совместной обработке земли, где средства производства еще не обобществлены, представляют уже пройденную ступень колхозного движения.

Может быть в *сельско-хозяйственной коммуне?* Нет, не в коммуне. Коммуны представляют пока еще единичное явление в колхозном движении. Для сельско-хозяйственных коммун, как *преобладающей* формы, где обобществлено не только все производство, но и распределение, условия еще не назрели.

Основное звено колхозного движения, его *преобладающую* форму в данный момент, за которую надо теперь ухватиться, представляет *сельско-хозяйственная артель.*

В *сельско-хозяйственной артели* обобществлены основные средства производства, главным образом по зерновому хозяйству: труд, землепользование, машины и прочий инвентарь, рабочий скот, хозяйственные постройки. В ней *не обобществляются:* приусадебные земли (мелкие огороды, садики), жилые постройки, известная часть молочного скота, мелкий скот, домашняя птица и т. д. Артель является *основным звеном колхозного движения* потому, что она есть наиболее целесообразная форма разрешения зерновой проблемы. Зерновая же проблема является *основным звеном в системе всего сельского хозяйства* потому, что без ее разрешения невозможно разрешить ни проблему животноводства (мелкого и крупного), ни проблему технических и специальных культур, дающих основное сырье для промышленности. Вот почему сельско-хозяйственная артель является в данный момент основным звеном в системе колхозного движения.

Из этого исходит „Примерный устав“ колхозов, окончательный текст которого публикуется сегодня[1].

Из этого же должны исходить наши партийные и советские работники, одна из обязанностей которых состоит в том, чтобы изучить этот устав по существу и проводить его в жизнь до конца.

Такова установка партии в данный момент.

Можно ли сказать, что эта установка партии проводится в жизнь без нарушений и искажений? Нет, нельзя этого сказать, к сожалению. Известно, что в ряде районов СССР, где борьба за суще-

---

[1] „Правда“, 2 марта 1930 г.

ствование колхозов далеко еще не закончена и где артели еще не закреплены, имеются попытки выскочить за рамки артели и перепрыгнуть сразу к сельско-хозяйственной коммуне. Артель еще не закреплена, а они уже „обобществляют“ жилые постройки, мелкий скот, домашнюю птицу, при чем „обобществление“ это вырождается в бумажно-бюрократическое декретирование, ибо нет еще налицо условий, делающих необходимым такое обобществление. Можно подумать, что зерновая проблема уже разрешена в колхозах, что она представляет уже превзойденную ступень, что основной задачей в данный момент является не разрешение зерновой проблемы, а разрешение проблемы животноводства и птицеводства. Спрашивается, кому нужна эта головотяпская „работа“ по сваливанию в одну кучу различных форм колхозного движения? Кому нужно это глупое и вредное для дела забегание вперед? Дразнить крестьянина-колхозника „обобществлением“ жилых построек, всего молочного скота, всего мелкого скота, домашней птицы, когда зерновая проблема еще *не разрешена,* когда артельная форма колхозов еще *не закреплена,* — разве не ясно, что такая „политика“ может быть угодной и выгодной лишь нашим заклятым врагам? Один из таких ретивых „обобществителей“ доходит даже до того, что дает приказ по артели, где он предписывает „учесть в трехдневный срок все поголовье домашней птицы каждого хозяйства“, установить должность специальных „командиров“ по учету и наблюдению, „занять в артели командные высоты“, „командовать социалистическим боем, не покидая постов“, и — ясное дело — зажать всю артель в кулак. Что это — политика руководства колхозом или политика его *разложения* и *дискредитации?* Я уже не говорю о тех, с позволения сказать, „революционерах“, которые дело организации артели *начинают* со снятия с церквей колоколов. Снять колокола, — подумаешь какая рреволюционность!

Как могли возникнуть в нашей среде эти головотяпские упражнения по части „обобществления“, эти смехотворные попытки перепрыгнуть через себя самих, попытки, имеющие своей целью обойти классы и классовую борьбу, а на деле льющие воду на мельницу наших классовых врагов? Они могли возникнуть лишь в атмосфере наших „легких“ и „неожиданных“ успехов на фронте колхозного строительства. Они могли возникнуть лишь в результате головотяпских настроений в рядах одной части партии: „Мы все можем!“, „Нам все нипочем!“. Они могли возникнуть лишь в результате того, что у некоторых наших товарищей закружилась голова от успехов, и они лишились на минутку ясности ума и трезвости взгляда.

Чтобы выправить линию нашей работы в области колхозного строительства, *надо положить конец этим настроениям.*

В этом теперь одна из очередных задач партии.

Искусство руководства есть серьезное дело. Нельзя отставать от движения, ибо отстать — значит оторваться от масс. Но нельзя и забегать вперед, ибо забежать вперед — значит потерять связь с массами. Кто хочет руководить движением и сохранить вместе с тем связи с миллионными массами, тот должен вести борьбу на два фронта — и против отстающих и против забегающих вперед.

Партия наша сильна и непобедима потому, что, руководя движением, она умеет сохранять и умножать свои связи с миллионными массами рабочих и крестьян.

„Правда“ № 60,
2 марта 1930 г.

ОТВЕТ ТОВАРИЩАМ КОЛХОЗНИКАМ

Из газет известно, что статья Сталина „Головокружение от успехов“ и известное постановление ЦК „О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении“ вызвали многочисленные отклики в рядах практиков колхозного движения. В связи с этим я получил за последнее время ряд писем от товарищей колхозников с требованием ответить на поставленные там вопросы. Моя обязанность была ответить на письма в порядке частной переписки. Но это оказалось невозможным, так как больше половины писем было получено без указания адреса их авторов (забыли прислать адреса). Между тем, вопросы, затронутые в письмах, представляют громадный политический интерес для всех наших товарищей. Кроме того, понятно, что я не мог оставить без ответа и тех товарищей, которые забыли прислать свои адреса. Ввиду этого я оказался перед необходимостью ответить на письма товарищей колхозников открыто, т. е. в печати, взяв из них все нужные для дела вопросы. Я тем охотнее пошел на это дело, что имел на этот счет прямое решение ЦК.

Первый вопрос. В чем состоит *корень* ошибок в крестьянском вопросе?

Ответ. В неправильном подходе к середняку. В допущении насилия в области хозяйственных отношений с середняком. В забвении того, что хозяйственная смычка с середняцкими массами должна строиться не на основе насильственных мер, а на основе соглашения с середняком, на основе союза с середняком. В забвении того, что основой колхозного движения в данный момент является союз рабочего класса и бедноты с середняком против капитализма вообще, против кулачества в особенности.

Пока наступление велось против кулачества в едином фронте с середняком, все шло хорошо. Но когда некоторые наши това-

рищи, опьяненные успехами, стали незаметно сползать с пути наступления на кулака на путь борьбы с середняком, когда они, в погоне за высоким процентом коллективизации, стали применять к середняку насилие, лишая его избирательного права, „раскулачивая" и экспроприируя его, — наступление стало искривляться, единый фронт с середняком стал подрываться, и, ясное дело, кулак получил возможность попытаться вновь стать на ноги.

Забыли, что насилие, необходимое и полезное в деле борьбы с нашими классовыми врагами, недопустимо и пагубно в отношении середняка, являющегося нашим союзником.

Забыли, что кавалерийские наскоки, необходимые и полезные для решения задач военного характера, непригодны и пагубны при решении задач колхозного строительства, организуемого к тому же в союзе с середняком.

В этом корень ошибок в крестьянском вопросе.

Вот что говорит Ленин насчет хозяйственных отношений с середняком:

„Больше всего мы должны основываться на той истине, что здесь методами насилия по самой сути дела ничего нельзя достигнуть. Здесь экономическая задача стоит совсем иначе. Здесь нет той верхушки, которую можно срезать, оставив весь фундамент, все здание. Той верхушки, которою в городе были капиталисты, здесь нет. *Действовать здесь насилием, значит погубить все дело... Нет ничего глупее, как самая мысль о насилии в области хозяйственных отношений среднего крестьянина*" (т. XXIV, стр. 168).

Далее:

„*Насилие по отношению к среднему крестьянству представляет из себя величайший вред.* Это — слой многочисленный, многомиллионный. Даже в Европе, где нигде он не достигает такой силы, где гигантски развита техника и культура, городская жизнь, железные дороги, где всего легче было бы думать об этом, — никто, ни один из самых революционных социалистов не предлагал насильственных мер по отношению к среднему крестьянству" (т. XXIV, стр. 167).

Кажется, ясно.

Второй вопрос. Каковы главные ошибки в колхозном движении?

Ответ. Их, этих ошибок, по крайней мере, три.

1) Нарушили ленинский принцип добровольности при построении колхозов. Нарушили основные указания партии и примерный устав сельско-хозяйственной артели о добровольности колхозного строительства.

Ленинизм учит, что крестьян надо переводить на рельсы коллективного хозяйства в порядке добровольности, путем убеждения в преимуществах общественного, коллективного хозяйства перед хозяйством единоличным. Ленинизм учит, что убедить крестьян

в преимуществах коллективного хозяйства можно лишь в том случае, если будет *показано* им и *доказано* на деле, на опыте, что колхоз лучше единоличного хозяйства, что он выгоднее единоличного хозяйства, что колхоз дает выход крестьянину, бедняку и середняку, из нужды и нищеты. Ленинизм учит, что вне этих условий колхозы не могут быть прочными. Ленинизм учит, что всякая попытка навязать силой колхозное хозяйство, всякая попытка насадить колхозы в порядке принуждения может дать лишь отрицательные результаты, может лишь оттолкнуть крестьян от колхозного движения.

И действительно, пока это основное правило соблюдалось, колхозное движение давало успех за успехом. Но некоторые наши товарищи, опьяненные успехами, стали пренебрегать этим правилом, стали проявлять чрезмерную торопливость и, в погоне за высоким процентом коллективизации, стали насаждать колхозы в принудительном порядке. Неудивительно, что отрицательные результаты такой „политики" не заставили себя долго ждать. Наскоро возникшие колхозы стали так же быстро таять, как быстро они возникли, а часть крестьянства, вчера еще относившаяся к колхозам с громадным доверием, стала отворачиваться от них.

В этом первая и главная ошибка в колхозном движении.

Вот что говорит Ленин насчет добровольности колхозного строительства:

„Сейчас наша задача — переход к *общественной* обработке земли, переход к *крупному* общему хозяйству. Но никаких принуждений со стороны Советской власти быть не может; никакой закон к этому не принуждает. Сельско-хозяйственная *коммуна* основывается *добровольно,* переход к *общественной обработке* земли может быть только *добровольным,* ни малейшего принуждения в этом отношении со стороны рабоче-крестьянского правительства не может быть и законом не допускается. Если бы кто-либо из вас такие принуждения наблюдал, то вы должны знать, что это — злоупотребление, что это — нарушение закона, которое мы всеми силами стараемся исправить и будем исправлять"[1] (т. XXIV, стр. 43).

Далее:

„Лишь в том случае, если удастся на деле *показать* крестьянам преимущества общественной, коллективной, товарищеской, артельной обработки земли, лишь, если удастся помочь крестьянину, при помощи товарищеского, артельного хозяйства, тогда только рабочий класс, держащий в своих руках государственную власть, действительно докажет крестьянину свою правоту, действительно привлечет на свою сторону прочно и настоящим образом многомиллионную крестьянскую массу. Поэтому значение всякого рода предприятий по содействию товарищескому, артельному земледелию нельзя преувеличивать. Мы имеем миллионы разбросанных, распыленных в глуши деревень, отдельных хозяйств... Лишь когда *практи-*

[1] Курсив мой. *И. Ст.*

чески, на опыте, близком для крестьян, будет *доказано,* что переход к товарищескому, артельному земледелию необходим и возможен, лишь тогда мы в праве будем сказать, что в такой громадной крестьянской стране, как Россия, по пути социалистического земледелия сделан серьезный шаг“ [1] (т. XXIV, стр. 579—580).

Наконец, еще одно место из трудов Ленина:

„Поощряя товарищества всякого рода, а равно сельско-хозяйственные коммуны средних крестьян, представители Советской власти не должны допускать *ни малейшего принуждения* при создании таковых. Лишь те объединения ценны, которые проведены самими крестьянами по их свободному почину и выгоды коих проверены ими на практике. *Чрезмерная торопливость в этом деле вредна,* ибо способна лишь усиливать предубеждения среднего крестьянства против новшеств. Те представители Советской власти, которые позволяют себе употреблять не только прямое, но хотя бы и косвенное принуждение, в целях присоединения крестьян к коммунам, должны подвергаться строжайшей ответственности и отстранению от работы в деревне“ [1] (т. XXIV, стр. 174).

Кажется, ясно.

Едва ли нужно доказывать, что партия будет проводить эти указания Ленина со всей строгостью.

2) Нарушили ленинский принцип учета разнообразия условий в различных районах СССР применительно к колхозному строительству. Забыли, что в СССР имеются самые разнообразные области с различным экономическим укладом и уровнем культуры. Забыли, что среди этих областей имеются передовые, средние и отсталые области. Забыли, что темпы колхозного движения и методы колхозного строительства *не могут быть одинаковыми* для этих, далеко неодинаковых областей.

„Было бы ошибкой, — говорит Ленин, — если бы мы просто по шаблону списывали декреты для всех мест России, если бы большевики-коммунисты, советские работники на Украине и на Дону, стали без разбора, огулом распространять их на другие области“... ибо „мы ни в коем случае не связываем себя единообразным шаблоном, не решаем раз-на-всегда, что наш опыт, опыт Центральной России, можно целиком перенести на все окраины“ (т. XXIV, стр. 125—126).

Ленин говорит далее, что:

„Центральную Россию, Украину, Сибирь шаблонизировать, подчинять известному шаблону будет величайшей глупостью“ (т. XXVI, стр. 243).

Наконец, Ленин обязывает коммунистов Кавказа, чтобы они

„поняли *своеобразие их положения, положения их республик, в отличие от положения и условий РСФСР, поняли необходимость не копировать нашу тактику, а обдуманно видоизменять ее применительно к различию конкретных условий*“ (т. XXVI, стр. 191).

---

[1] Курсив мой. *И. Ст.*

Кажется, ясно.

На основании этих указаний Ленина ЦК нашей партии в своем постановлении „О темпе коллективизации“ (см. „Правду“ от 6 января 1930 г.) разбил области СССР, с точки зрения темпов коллективизации, на три группы, из коих Северный Кавказ, Средняя Волга и Нижняя Волга могут в основном закончить коллективизацию весной 1931 г., другие зерновые области (Украина, ЦЧО, Сибирь, Урал, Казакстан и т. д.) могут ее закончить в основном весной 1932 г., а остальные области могут растянуть коллективизацию до конца пятилетки, т. е. до 1933 г.

Кажется, понятно.

А что получилось на деле? Оказалось, что некоторые наши товарищи, упоенные первыми успехами колхозного движения, благополучно забыли и об указаниях Ленина, и о постановлении ЦК. Московская область, в лихорадочной погоне за вздутыми цифрами коллективизации, стала ориентировать своих работников на окончание коллективизации весной 1930 г., хотя она имела в своем распоряжении не менее трех лет (конец 1932 г.). ЦЧО, не желая „отстать от других“, стала ориентировать своих работников на окончание коллективизации к первой половине 1930 г., хотя она имела в своем распоряжении не менее двух лет (конец 1931 г.). А закавказцы и туркестанцы, в своем рвении „догнать и перегнать“ передовые районы, стали ориентироваться на окончание коллективизации в „кратчайший срок“, хотя они имели в своем распоряжении целых четыре года (конец 1933 г.). Понятно, что при таком скоропалительном „темпе“ коллективизации районы, менее подготовленные к колхозному движению, в своем рвении „перегнать“ районы более подготовленные оказались вынужденными пустить в ход усиленный административный нажим, пытаясь возместить недостающие факторы быстрого темпа колхозного движения своим собственным административным пылом. Результаты известны. Всем известна та неразбериха, которая получилась в этих областях и которую пришлось потом распутывать в порядке вмешательства ЦК.

В этом вторая ошибка в колхозном движении.

3) Нарушили ленинский принцип недопустимости перескакивания через незавершенную форму движения применительно к колхозному строительству. Нарушили ленинский принцип — не обгонять развитие масс, не декретировать движение масс, не отрываться от масс, а двигаться вместе с массами и двигать их вперед, подводя их к нашим лозунгам и облегчая им убеждаться на своем собственном опыте в правильности наших лозунгов.

„Когда петроградский пролетариат и солдаты петроградского гарнизона брали власть, — говорит Ленин, — они прекрасно знали, что для стро-

ительства в деревне встретятся большие затруднения, что здесь надо итти более постепенно, что здесь *пытаться вводить декретами,* узаконениями *общественную обработку земли* было бы *величайшей нелепостью,* что на это могло пойти ничтожное число сознательных, а громадное большинство крестьян этой задачи не ставило. И поэтому мы ограничивались тем, что́ абсолютно необходимо в интересах развития революции: ни в коем случае *не обгонять развития масс,* а дожидаться, пока из собственного опыта этих масс, из их собственной борьбы вырастет движение вперед“ [1] (т. XXIII, стр. 252).

Исходя из этих указаний Ленина, ЦК в известном своем постановлении „О темпе коллективизации“ (см. „Правду“ от 6 января 1930 г.) признал, что а) главной формой колхозного движения в данный момент является сельско-хозяйственная артель, что б) необходимо ввиду этого выработать примерный устав сельскохозяйственной артели, как главной формы колхозного движения, что в) нельзя допускать в нашей практической работе „декретирование“ сверху колхозного движения и „игру в коллективизацию“.

Это значит, что сейчас мы должны держать курс не на коммуну, а на сельско-хозяйственную артель, как главную форму колхозного строительства, что нельзя допускать перескакивания через сельскохозяйственную артель к коммуне, что нельзя подменять массовое движение крестьян к колхозам „декретированием“ колхозов, „игрой в колхозы“.

Кажется, ясно.

А что получилось на деле? Оказалось, что некоторые наши товарищи, опьяненные первыми успехами колхозного движения, благополучно забыли и об указаниях Ленина, и о постановлении ЦК. Вместо организации массового движения за сельско-хозяйственную артель эти товарищи стали „переводить“ крестьян-единоличников прямо на устав коммуны. Вместо закрепления артельной формы движения стали „обобществлять“ в принудительном порядке мелкий скот, птицу, нетоварный молочный скот, жилые постройки. Результаты этой непозволительной для ленинца торопливости известны теперь всем. Устойчивых коммун, как правило, конечно, не создали. Но зато выпустили из рук ряд сельско-хозяйственных артелей. Правда, остались „хорошие“ резолюции. Но какой в них толк?

В этом третья ошибка в колхозном движении.

Третий вопрос. Как могли возникнуть эти ошибки и как их должна исправлять партия?

Ответ. Они возникли на основе наших быстрых успехов в области колхозного движения. Успехи иногда кружат голову. Они порождают нередко чрезмерное самомнение и зазнайство. Это осо-

[1] Курсив мой. *И. Ст.*

бенно легко может случиться с представителями партии, стоящей у власти. Особенно такой партии, как наша партия, сила и авторитет которой почти что неизмеримы. Здесь вполне возможны факты комчванства, против которого с остервенением боролся Ленин. Здесь вполне возможна вера во всемогущество декрета, резолюции, распоряжения. Здесь вполне реальна опасность превращения революционных мероприятий партии в пустое, чиновничье декретирование отдельных представителей партии в тех или иных уголках нашей необъятной страны. Я имею в виду не только местных работников, но и отдельных областников, но и отдельных членов ЦК. „Коммунистическое чванство, — говорит Ленин, — значит то, что человек, состоя в коммунистической партии и не будучи еще оттуда вычищен, воображает, что все задачи свои он может решить коммунистическим декретированием" (т. XXVII, стр. 50—51).

Вот на какой почве возникли ошибки в колхозном движении, искривления партийной линии в деле колхозного строительства.

В чем состоит опасность этих ошибок и искривлений, если они будут продолжаться и впредь, если они не будут ликвидированы быстро и без остатка?

Опасность состоит здесь в том, что они, эти ошибки, ведут нас прямым сообщением к развенчанию колхозного движения, к разладу с середняком, к дезорганизации бедноты, к замешательству наших рядов, к ослаблению всего нашего социалистического строительства, к восстановлению кулачества. Говоря коротко, эти ошибки имеют тенденцию толкнуть нас с пути упрочения союза с основными массами крестьянства, с пути упрочения пролетарской диктатуры на путь разрыва с этими массами, на путь подрыва пролетарской диктатуры.

Опасность эта обозначилась уже во второй половине февраля, в тот самый момент, когда одна часть наших товарищей, ослепленная предыдущими успехами, галопом неслась в сторону от ленинского пути. ЦК партии учел эту опасность и не замедлил вмешаться в дело, поручив Сталину дать зарвавшимся товарищам предупреждение в специальной статье о колхозном движении. Иные думают, что статья „Головокружение от успехов" представляет результат личного почина Сталина. Это, конечно, пустяки. Не для того у нас существует ЦК, чтобы допускать в таком деле личный почин кого бы то ни было. Это была глубокая разведка ЦК. И когда выяснились глубина и размеры ошибок, ЦК не замедлил ударить по ошибкам всей силой своего авторитета, опубликовав свое знаменитое постановление от 15 марта 1930 г.

Трудно остановить во время бешеного бега и повернуть на правильный путь людей, несущихся стремглав к пропасти. Но наш ЦК потому и называется Центральным Комитетом ленинской партии, что он умеет преодолевать и не такие трудности. И он преодолел уже эти трудности в основном.

Трудно остановить в таких случаях свой бег целым отрядам партии, во-время повернуть на правильный путь и перестроить свои ряды на ходу. Но наша партия потому и называется партией Ленина, что она обладает достаточной гибкостью для преодоления таких трудностей. И она уже преодолела в основном эти трудности.

Главное дело состоит здесь в том, чтобы проявить мужество признать свои ошибки и найти в себе силы ликвидировать их в кратчайший срок. Боязнь признать свои ошибки после упоения недавними успехами, боязнь самокритики, нежелание исправить ошибки быстро и решительно — в этом главная трудность. Стоит преодолеть эту трудность, стоит отбросить прочь раздутые цифровые задания и канцелярско-бюрократический максимализм, стоит переключить свое внимание на задачи организационно-хозяйственного строительства колхозов, чтобы от ошибок не осталось и следа. Нет никаких оснований сомневаться в том, что партия уже преодолела в основном эту опасную трудность.

„Все революционные партии, — говорит Ленин, — которые до сих пор гибли, — гибли от того, что *зазнавались* и не умели видеть, в чем их сила, *и боялись говорить о своих слабостях*. А мы не погибнем, потому что не боимся говорить о своих слабостях, и научимся преодолевать слабость“[1] (т. XXVII, стр. 260—261).

Этих слов Ленина забывать нельзя.

Четвертый вопрос. Не есть ли борьба с искривлениями партлинии ход назад, отступление?

Ответ. Конечно, нет! Об отступлении могут здесь говорить лишь люди, считающие продолжение ошибок и искривлений наступлением, а борьбу с ошибками — отступлением. Наступление в порядке нагромождения ошибок и искривлений, — нечего говорить, хорошее „наступление“.

Мы выдвинули сельско-хозяйственную артель как основную форму колхозного движения в данный момент, дав соответствующий примерный устав как руководство к работе по колхозному строительству. Отступаем ли мы от этого дела? Конечно, нет!

Мы выдвинули упрочение производственной смычки рабочего класса и бедноты с середняком как основу колхозного движения в данный момент. Отступаем ли мы от этого дела? Конечно, нет!

---

[1] Курсив мой. *И. Ст.*

Мы выдвинули лозунг ликвидации кулачества как класса, как главный лозунг нашей практической работы в деревне в данный момент. Отступаем ли мы от этого дела? Конечно, нет!

Мы взяли еще в январе 1930 г. известный темп коллективизации сельского хозяйства СССР, разбив области СССР на известные группы и определив для каждой группы свой особый темп. Отступаем ли мы от этого дела? Конечно, нет!

Где же тут „отступление" партии?

Мы хотим, чтобы люди, допустившие ошибки и искривления, отступили от своих ошибок. Мы хотим, чтобы головотяпы отступили от своего головотяпства на позиции ленинизма. Мы хотим этого, так как только при этом условии можно будет продолжать *действительное* наступление на наших классовых врагов. Значит ли это, что мы делаем этим ход назад? Конечно, нет! Это значит лишь то, что мы хотим вести *правильное* наступление, а не головотяпскую игру в наступление.

Разве не ясно, что только чудаки и „левые" загибщики могут расценивать такую установку партии, как отступление?

Люди, болтающие об отступлении, не понимают по крайней мере двух вещей.

1) Они не знают законов наступления. Они не понимают, что наступление *без закрепления* завоеванных позиций есть наступление, обреченное на провал. Когда может быть наступление успешным, скажем, в области военного дела? Когда люди не ограничиваются огульным продвижением вперед, а стараются вместе с тем *закрепить* захваченные позиции, *перегруппировать* свои силы сообразно с изменившейся обстановкой, *подтянуть* тылы, *подвести* резервы. Для чего все это нужно? Для того, чтобы гарантировать себя от неожиданностей, ликвидировать отдельные прорывы, от которых не гарантировано ни одно наступление, и подготовить, таким образом, полную ликвидацию врага. Ошибка польских войск в 1920 г., если взять только военную сторону дела, состоит в том, что они пренебрегли этим правилом. Этим, между прочим, и объясняется, что, докатившись огулом до Киева, они вынуждены были потом так же огулом откатиться до Варшавы. Ошибка советских войск в 1920 г., если взять опять-таки только военную сторону дела, состоит в том, что они повторили ошибку поляков при своем наступлении на Варшаву.

То же самое надо сказать о законах наступления на фронте классовой борьбы. Нельзя вести успешное наступление на предмет ликвидации классовых врагов, *не закрепляя* завоеванных позиций, *не перегруппировывая* свои силы, не обеспечивая фронт *резервами*, не подтягивая *тылы* и т. д.

Все дело в том, что головотяпы не понимают законов наступления.

Все дело в том, что партия их понимает и проводит в жизнь.

2) Они не понимают классовой природы наступления. Кричат о наступлении. Но наступление на *какой* класс, в союзе с *каким* классом? Мы ведем наступление на капиталистические элементы деревни в союзе с середняком, ибо только такое наступление может дать нам победу. Но как быть, если в пылу увлечения отдельных отрядов партии наступление начинает соскальзывать с правильного пути и поворачивается своим острием против нашего союзника, против середняка? Разве нам нужно *всякое* наступление, а не наступление на определенный класс в союзе с определенным классом? Дон-Кихот тоже ведь воображал, что он наступает на врагов, идя в атаку на мельницу. Однако, известно, что он расшиб себе лоб на этом, с позволения сказать, наступлении.

Видимо, лавры Дон-Кихота не дают спать нашим „левым" загибщикам.

Пятый вопрос. Какая у нас главная опасность, правая или „левая"?

Ответ. Главная опасность у нас правая. Правая опасность была у нас и остается главной опасностью.

Не противоречит ли это положение известному тезису в постановлении ЦК от 15 марта 1930 г. о том, что ошибки и искривления „левых" загибщиков являются теперь главным тормозом колхозного движения? Нет, не противоречит. Дело в том, что ошибки „левых" загибщиков в области колхозного движения являются такими ошибками, которые создают благоприятную обстановку для усиления и укрепления правого уклона в партии. Почему? Потому, что эти ошибки изображают линию партии в превратном свете, — стало быть, они облегчают дело дискредитации партии, — следовательно, они облегчают борьбу правых элементов против руководства партии. Дискредитация партийного руководства есть та самая элементарная почва, на базе которой только и может разыграться борьба правых уклонистов против партии. Эту почву дают правым уклонистам „левые" загибщики, их ошибки и искривления. Поэтому, чтобы бороться с успехом с правым оппортунизмом, надо преодолеть ошибки „левых" оппортунистов. „Левые" загибщики являются объективно союзниками правых уклонистов.

Такова своеобразная связь между „левым" оппортунизмом и правым уклонизмом.

Этой связью и нужно объяснить тот факт, что некоторые „левые" частенько поговаривают о блоке с правыми. Этим же нужно объяснить то своеобразное явление, что одна часть „леваков", вчера еще „проводившая" ура-наступление и пытавшаяся коллекти-

визировать СССР в каких-нибудь две-три недели, сегодня впадает в пассивность, опускает руки и благополучно уступает поле борьбы правым уклонистам, ведя, таким образом, линию на действительное отступление (без кавычек!) перед кулачеством.

Особенность переживаемого момента состоит в том, что борьба с ошибками „левых“ загибщиков является у нас условием и своеобразной формой успешной борьбы с правым оппортунизмом.

Шестой вопрос. Как расценить отлив одной части крестьян из колхозов?

Ответ. Отлив одной части крестьян означает, что за последнее время народилось у нас некоторое количество непрочных колхозов, которые очищаются теперь от неустойчивых элементов. Это значит, что дутые колхозы исчезнут, прочные останутся и будут крепнуть. Я думаю, что это вполне нормальное явление. Некоторые товарищи приходят от этого в отчаяние, впадают в панику и судорожно хватаются за раздутые проценты. Другие злорадствуют и пророчат „провал“ колхозного движения. И те и другие жестоко ошибаются. И те и другие далеки от марксистского понимания существа колхозного движения.

Уходят из колхозов, прежде всего, так называемые мертвые души. Это даже не уход, а обнаружение пустоты. Нужны ли нам мертвые души? Конечно, не нужны. Я думаю, что северо-кавказцы и украинцы поступают совершенно правильно, когда они распускают колхозы с мертвыми душами и организуют действительно живые и действительно устойчивые колхозы. От этого только выигрывает колхозное движение.

Уходят, во-вторых, элементы чуждые, прямо враждебные нашему делу. Ясно, что чем скорее будут вышиблены такие элементы, тем лучше для колхозного движения.

Уходят, наконец, элементы колеблющиеся, которых нельзя назвать ни чуждыми, ни мертвыми душами. Это те самые крестьяне, которых мы еще не сумели убедить *сегодня* в правоте нашего дела, но которых мы наверняка убедим *завтра.* Уход таких крестьян представляет серьезный, хотя и временный, урон для колхозного движения. Поэтому борьба за колеблющиеся элементы колхозов является теперь одной из самых насущнейших задач колхозного движения.

Выходит, что отлив одной части крестьян из колхозов представляет не только отрицательное явление. Выходит, что, поскольку этот отлив освобождает колхозы от мертвых душ и прямо чуждых элементов, он означает благодетельный процесс оздоровления и укрепления колхозов.

Месяц назад считали, что мы имеем свыше 60% коллективизации по зерновым областям. Теперь ясно, что, если иметь в виду

действительные и сколько-нибудь устойчивые колхозы, эта цифра была явно преувеличена. Если колхозное движение закрепится после отлива одной части крестьян на цифре в 40% коллективизации по зерновым областям, — а это осуществимо наверняка, — то это будет величайшим достижением колхозного движения в данный момент. Я беру среднюю цифру для зерновых областей, хорошо зная, что у нас имеются при этом отдельные районы сплошной коллективизации с цифрой в 80—90%. 40% коллективизации по зерновым областям — это значит, что первоначальный пятилетний план коллективизации мы сумели выполнить к весне 1930 г. *вдвое*.

Кто решится отрицать *решающий* характер этого *исторического* достижения в деле социалистического развития СССР?

Седьмой вопрос. Хорошо ли поступают колеблющиеся крестьяне, уходя из колхозов?

Ответ. Нет, они поступают нехорошо. Уходя из колхозов, они идут против своих же собственных интересов, ибо только колхозы дают крестьянам выход из нужды и темноты. Уходя из колхозов, они ставят себя в худшее положение, ибо лишают себя тех льгот и выгод, которые предоставляет колхозам Советская власть. Ошибки и искривления в колхозах не довод для выхода. Ошибки надо исправлять общими силами, оставаясь в колхозе. Их тем легче исправить, что Советская власть будет всеми силами бороться с ними.

Ленин говорит, что:

„Система мелкого хозяйства при товарном производстве *не в состоянии* избавить человечество от нищеты масс и угнетения их“ (т. XX, стр. 122).

Ленин говорит, что:

„Мелким хозяйством из нужды не выйти“ (т. XXIV, стр. 540).

Ленин говорит, что:

„Если мы будем сидеть по-старому в мелких хозяйствах, хотя и вольными гражданами на вольной земле, нам все равно грозит неминуемая гибель“ (т. XX, стр. 417).

Ленин говорит, что:

„Только при помощи общего, артельного, товарищеского труда можно выйти из того тупика, в который загнала нас империалистская война“ (т. XXIV, стр. 537).

Ленин говорит, что:

„Необходимо перейти к общей обработке в крупных образцовых хозяйствах“, ибо „без этого выйти из той разрухи, из того прямо-таки отчаянного положения, в котором находится Россия, нельзя“ (т. XX, стр. 418).

Что все это означает?

Это означает, что колхозы являются *единственным* средством, дающим крестьянам выход из нужды и темноты.

Ясно, что крестьяне поступают неправильно, выходя из колхозов.

Ленин говорит, что:

„Вы, конечно, все знаете из всей деятельности Советской власти, какое *громадное значение* придаем мы коммунам, артелям и всяким вообще организациям, направленным к превращению, постепенному содействию этому превращению мелкого, единоличного крестьянского хозяйства в общественное, товарищеское или артельное" (т. XXIV, стр. 579).

Ленин говорит, что:

„Советская власть дала прямое *преимущество* коммунам и товариществам, поставив их *на первое место*"[1] (т. XXIII, стр. 399).

Что это значит?

Это значит, что Советская власть будет оказывать колхозам льготы и преимущества перед единоличными хозяйствами. Это значит, что она будет оказывать колхозам льготы и в смысле предоставления земли, и в смысле снабжения машинами, тракторами, семенным зерном и т. д., и в смысле облегчения налогового обложения, и в смысле предоставления кредитов.

Почему Советская власть оказывает льготы и преимущества колхозам?

Потому, что колхозы являются единственным средством избавления крестьян от нищеты.

Потому, что преимущественная помощь колхозам является наиболее действительной формой помощи бедноте и середнякам.

На-днях Советская власть решила *освободить* от налогового обложения *на два года* весь обобществленный рабочий скот в колхозах (лошадей, волов и т. д.), всех коров, свиней, овец и птицу, находящихся как в коллективном владении колхозов, так и в индивидуальном владении колхозников.

Советская власть решила, кроме того, *отсрочить* к концу года покрытие задолженности колхозников по кредитам и *снять* все штрафы и судебные взыскания, наложенные до 1 апреля на крестьян, вошедших в колхозы.

Она решила, наконец, обязательно осуществить кредитование колхозников в настоящем году в размере 500 млн. руб.

Эти льготы пойдут на помощь крестьянам-колхозникам. Эти льготы пойдут на помощь тем крестьянам-колхозникам, которые сумели устоять перед отливом, которые закалились в борьбе с

[1] Курсив мой. *И. Ст.*

врагами колхозов, которые отстояли колхозы и удержали в своих руках великое знамя колхозного движения. Эти льготы пойдут на помощь тем беднякам и середнякам колхозникам, которые составляют теперь основное ядро наших колхозов, которые закрепят и оформят наши колхозы и которые завоюют на сторону социализма миллионы и миллионы крестьянства. Эти льготы пойдут на помощь тем крестьянам-колхозникам, которые составляют теперь основные кадры колхозов и которые вполне заслуживают того, чтобы назвать их героями колхозного движения.

Этих льгот *не получат* крестьяне, ушедшие из колхозов.

Разве не ясно, что крестьяне допускают ошибку, уходя из колхозов?

Разве не ясно, что только возвращением в колхозы могут они обеспечить себе получение этих льгот?

Восьмой вопрос. Как быть с коммунами, не следует ли их распустить?

Ответ. Нет, не следует и незачем их распускать. Я говорю о действительных, а не бумажных коммунах. В зерновых областях СССР существует ряд великолепных коммун, которые заслуживают того, чтобы поощрять и поддерживать их. Я имею в виду старые коммуны, которые выдержали годы испытаний и закалились в борьбе, полностью оправдав свое существование. Что касается новых коммун, недавно только образовавшихся, то они смогут отстоять свое существование лишь в том случае, если они организовались *добровольно*, при активной поддержке крестьян, без *принудительного* обобществления быта.

Образование и ведение коммун — дело сложное и трудное. Крупные и устойчивые коммуны могут существовать и развиваться лишь при наличии опытных кадров и испытанных руководителей. Скоропалительный перевод с устава артели на устав коммун может лишь оттолкнуть крестьян от колхозного движения. Поэтому к этому делу надо относиться с особой серьезностью и без какой бы то ни было торопливости. Артель — более легкое дело и более доступна сознанию широких крестьянских масс. Поэтому артель является в данный момент наиболее распространенной формой колхозного движения. Лишь по мере укрепления и упрочения сельско-хозяйственных артелей может создаться почва для массового движения крестьян в сторону коммуны. Поэтому коммуна, представляющая высшую форму, может стать главным звеном колхозного движения лишь в будущем.

Девятый вопрос. Как быть с кулачеством?

Ответ. До сих пор речь шла у нас о середняке. Середняк есть союзник рабочего класса, и политика у нас должна быть с ним дружественной. Другое дело кулак. Кулак — есть враг Советской

власти. С ним у нас нет и не может быть мира. Наша политика в отношении кулачества есть политика его ликвидации как класса. Это, конечно, не значит, что мы можем его ликвидировать в один присест. Но это значит, что мы будем вести дело на то, чтобы окружить его и ликвидировать.

Вот что говорит Ленин о кулаке:

„Кулаки — самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплоататоры, не раз восстанавливавшие в истории других стран власть помещиков, царей, попов, капиталистов. Кулаков больше, чем помещиков и капиталистов. Но все же кулаки — меньшинство в народе... Эти кровопийцы нажились на народной нужде во время войны, они скопили тысячи и сотни тысяч денег, повышая цены на хлеб и другие продукты. Эти пауки жирели на счет разоренных войною крестьян, на счет голодных рабочих. Эти пиявки пили кровь трудящихся, богатея тем больше, чем больше голодал рабочий в городах и на фабриках. Эти вампиры подбирали и подбирают себе в руки помещичьи земли, они снова и снова кабалят бедных крестьян“ (т. XXIII, стр. 206—207).

Мы терпели этих кровопийц, пауков и вампиров, проводя политику ограничения их эксплоататорских тенденций. Терпели, так как нечем было заменить кулацкое хозяйство, кулацкое производство. Теперь мы имеем возможность заменить с лихвой их хозяйство хозяйством наших колхозов и совхозов. Терпеть дальше этих пауков и кровопийц незачем. Терпеть дальше этих пауков и кровопийц, поджигающих колхозы, убивающих колхозных деятелей и пытающихся сорвать сев, — значит итти против интересов рабочих и крестьян.

Поэтому политика ликвидации кулачества как класса должна проводиться со всей той настойчивостью и последовательностью, на которую только способны большевики.

Десятый вопрос. В чем состоит ближайшая практическая задача колхозов?

Ответ. Ближайшая практическая задача колхозов состоит в борьбе за сев, в борьбе за наибольшее расширение посевных площадей, в борьбе за правильную организацию сева.

К задаче сева должны быть приспособлены сейчас все другие задачи колхозов.

Работе по организации сева должны быть подчинены сейчас все другие работы в колхозах.

Это значит, что устойчивость колхозов и их беспартийного актива, способность руководителей колхозов и их большевистского ядра будут проверяться не на трескучих резолюциях и широковещательных приветствиях, а на живом деле правильной организации сева.

Но чтобы осуществить с честью эту практическую задачу, надо повернуть внимание колхозных работников в сторону *хозяйствен-*

ных вопросов колхозного строительства, в сторону вопросов *внутриколхозного* строительства.

До последнего времени в центре внимания колхозных работников стояла погоня за высокими цифрами коллективизации, при чем люди не хотели видеть разницы между действительной коллективизацией и коллективизацией бумажной. Теперь это увлечение цифрами должно быть отброшено прочь. Теперь внимание работников должно быть сосредоточено на *закреплении* колхозов, на организационном *оформлении* колхозов, на *организации* деловой работы в колхозах.

До последнего времени внимание колхозных работников было сосредоточено на организации крупных колхозных единиц, на организации так называемых „гигантов", при чем „гиганты" нередко вырождались в громоздкие бумажные комендатуры, лишенные хозяйственных корней в деревнях и селах. Показная работа поглощала, стало быть, работу деловую. Теперь это увлечение показной стороной должно быть отброшено прочь. Теперь внимание работников должно быть заострено на организационно-хозяйственной работе колхозов в деревнях и селах. Когда эта работа покажет надлежащие успехи, „гиганты" появятся сами собой.

До последнего времени на привлечение середняков к руководящей работе в колхозах обращалось мало внимания. Между тем, среди середняков имеются замечательные хозяева, которые могли бы стать великолепными хозяйственными работниками колхозного строительства. Теперь этот недочет в нашей работе должен быть ликвидирован. Теперь задача состоит в том, чтобы привлечь к руководящей работе в колхозах лучших людей из середняков и дать им развернуть на этом деле свои способности.

До последнего времени не обращали достаточного внимания на работу среди крестьянок. Истекший период показал, что работа среди крестьянок является у нас наиболее слабым местом нашей работы. Теперь этот недочет должен быть ликвидирован решительно и бесповоротно.

До последнего времени коммунисты ряда районов исходили из того, что они могут разрешить своими собственными силами все задачи колхозного строительства. Исходя из этого, они не обращали достаточного внимания на привлечение беспартийных к ответственной работе в колхозах, на выдвижение беспартийных на руководящую работу в колхозах, на организацию в колхозах широкого беспартийного актива. История нашей партии доказала, а истекший период колхозного строительства лишний раз показал, что такая установка является в корне неправильной. Если бы коммунисты замыкались в свою скорлупу, отгораживаясь стеной от беспартийных, они загубили бы все дело. Если коммунистам уда-

валось покрыть себя славой в боях за социализм, а враги коммунизма оказывались разбитыми, то это, между прочим, потому, что коммунисты умели привлекать к делу лучших людей из беспартийных, они умели черпать силы среди широких слоев беспартийных, они умели окружать свою партию широким беспартийным активом. Теперь этот недочет нашей работы с беспартийными должен быть ликвидирован решительно и бесповоротно.

Исправить эти недочеты нашей работы, ликвидировать их в корне — это именно и значит поставить на рельсы *хозяйственную* работу колхозов.

Итак:

1) Правильная организация сева — такова задача.

2) Сосредоточение внимания на хозяйственных вопросах колхозного движения — таково средство, необходимое для разрешения этой задачи.

„Правда“ № 92,
3 апреля 1930 г.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА XVI СЪЕЗДУ ВКП(б)

Доклад и заключительное слово 27 июня — 2 июля 1930 г.

I

РАСТУЩИЙ КРИЗИС МИРОВОГО КАПИТАЛИЗМА И ВНЕШНЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ СССР

Товарищи! Со времени XV съезда прошло $2\frac{1}{2}$ года. Период времени, кажется, не очень большой. А между тем за это время произошли серьезнейшие изменения в жизни народов и государств. Если охарактеризовать в двух словах истекший период, его можно было бы назвать периодом *переломным.* Он был переломным не только для нас, для СССР, но и для капиталистических стран всего мира. Но между этими двумя переломами существует коренная разница. В то время, как перелом этот означал для СССР поворот в сторону нового, более серьезного экономического *подъема,* для капиталистических стран перелом означал поворот к экономическому *упадку.* У нас, в СССР, *растущий подъем* социалистического строительства и в промышленности, и в сельском хозяйстве. У них, у капиталистов, *растущий кризис* экономики и в промышленности, и в сельском хозяйстве.

Такова картина нынешнего положения в двух словах.

Вспомните положение дел в капиталистических странах $2\frac{1}{2}$ года тому назад. Рост промышленного производства и торговли почти во всех странах капитализма. Рост производства сырья и продовольствия почти во всех аграрных странах. Ореол вокруг САСШ, как страны самого полнокровного капитализма. Победные песни о „процветании“. Низкопоклонство перед долларом. Славословия в честь новой техники, в честь капиталистической рационализации. Объявление эры „оздоровления“ капитализма и несокрушимой прочности капиталистической стабилизации. „Всеобщий“ шум и гам насчет „неминуемой гибели“ Страны советов, насчет „неминуемого краха“ СССР.

Так обстояло дело вчера.

А какова картина теперь?

Теперь — экономический кризис почти во всех промышленных странах капитализма. Теперь — сельско-хозяйственный кризис во всех аграрных странах. Вместо „процветания“ — нищета масс и колоссальный рост безработицы. Вместо подъема сельского хозяйства — разорение миллионных масс крестьянства. Рушатся иллюзии насчет всемогущества капитализма вообще, всемогущества северо-американского капитализма в особенности. Все слабее становятся победные песни в честь доллара и капиталистической рационализации. Все сильнее становятся пессимистические завывания насчет „ошибок“ капитализма. А „всеобщий“ шум о „неминуемой гибели“ СССР сменяется „всеобщим“ злобным шипением насчет необходимости наказать „эту страну“, которая смеет развивать свою экономику, когда кругом царит кризис.

Такова картина теперь.

Вышло именно так, как говорили большевики года два-три тому назад.

Большевики говорили, что рост техники в капиталистических странах, рост производительных сил и капиталистической рационализации, при ограниченных пределах жизненного уровня миллионных масс рабочих и крестьян, должны неминуемо привести к жестокому экономическому кризису. Буржуазная пресса посмеивалась над „оригинальным пророчеством“ большевиков. Правые уклонисты отмежевывались от большевистского прогноза, подменяя марксистский анализ либеральной болтовней об „организованном капитализме“. А что вышло на деле? Вышло так, как говорили большевики.

Таковы факты.

Перейдем к рассмотрению данных об экономическом кризисе в капиталистических странах.

1. МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС

а) При изучении кризиса бросаются в глаза прежде всего следующие факты:

1. Нынешний экономический кризис есть кризис *перепроизводства.* Это значит, что произведено товаров больше, чем может поглотить рынок. Это значит, что произведено мануфактуры, топлива, фабрично-заводских изделий, предметов питания больше, чем могут купить на наличные деньги основные потребители, т. е. народные массы, доходы которых остаются на низком уровне. А так как покупательная способность народных масс в условиях капитализма остается на минимально низком уровне, то „излишек“ товаров, мануфактуры, хлеба и т. д. капиталисты оставляют на

складах или даже уничтожают, чтобы удержать высокие цены, производство сокращают, рабочих рассчитывают, и народные массы вынуждены бедствовать из-за того, что произведено слишком много товаров.

2. Нынешний кризис является первым после войны *мировым* экономическим кризисом. Он является мировым кризисом не только в том смысле, что охватывает все или почти все *промышленные* страны мира, при чем даже Франция, систематически впрыскивающая в свой организм миллиарды марок репарационных платежей Германии, не смогла избегнуть известной депрессии, которая должна, по всем данным, перейти в кризис. Он является мировым кризисом еще в том смысле, что кризис *промышленный* совпал по времени с кризисом *сельско-хозяйственным*, охватывающим производство всех видов сырья и продовольствия в основных *аграрных* странах мира.

3. Нынешний мировой кризис развертывается *неравномерно*, несмотря на его *всеобщий* характер, поражая те или иные страны в разное время и с различной силой. Промышленный кризис начался раньше всего в Польше, Румынии, на Балканах. Он развертывался там в продолжение всего прошлого года. Явные признаки начавшегося сельско-хозяйственного кризиса имелись уже в конце 1928 г. в Канаде, в САСШ, в Аргентине, в Бразилии, в Австралии. За весь этот период промышленность САСШ идет в гору. К середине 1929 г. промышленное производство в САСШ достигает почти рекордной высоты. Только со второй половины 1929 г. начинается перелом, и потом уже развертывается стремительный кризис промышленного производства, отбросивший САСШ к уровню 1927 г. Вслед за этим идет промышленный кризис в Канаде, в Японии. Затем идут банкротства и кризис в Китае и колониальных странах, где кризис усугубляется падением цен на серебро и где кризис перепроизводства сочетается с разрушением крестьянского хозяйства, доведенного эксплоатацией феодалов и непосильными налогами до полного истощения. Что касается Западной Европы, то там кризис начинает входить в силу лишь в начале этого года, при чем не везде с одинаковой силой, а Франция даже в этот период все еще продолжает проявлять рост промышленного производства.

Я думаю, что нет необходимости особенно останавливаться на цифровых данных, демонстрирующих наличие кризиса. О том, что кризис существует, теперь уже не спорят. Я ограничусь поэтому приведением одной небольшой, но характерной таблицы, опубликованной недавно германским „Институтом конъюнктурных исследований“. Таблица эта изображает развитие горной промышленности и основных отраслей крупной обрабатывающей индустрии в

САСШ, Англии, Германии, Франции, Польше, СССР, начиная с 1927 г., при чем уровень производства в 1928 г. принимается за 100.

Вот эта таблица:

Годы	СССР	САСШ	Англия	Германия	Франция	Польша
1927	82,4	95,5	105,5	100,1	86,6	88,5
1928	100	100	100	100	100	100
1929	123,5	106,3	107,9	101,8	109,4	99,8
1930 (первый квартал)	155,5	95,5	107,4	93,4	113,1	84,6

О чем говорит эта таблица?

Она говорит, прежде всего, о том, что САСШ, Германия и Польша переживают *резко выраженный кризис* крупного промышленного производства, при чем за первый квартал 1930 г. в САСШ после *подъема* в первой половине 1929 г. уровень производства упал в сравнении с 1929 г. на 10,8%, снизившись до уровня 1927 г.; в *Германии* после трехлетнего *застоя* уровень производства снизился в сравнении с прошлым годом на 8,4%, упав ниже уровня 1927 г. на 6,7%, а в *Польше* после прошлогоднего *кризиса* уровень производства снизился в сравнении с прошлым годом на 15,2%, упав ниже уровня 1927 г. на 3,9%.

Она говорит, во-вторых, о том, что *Англия* уже три года топчется на одном месте, вокруг уровня 1927 г., и переживает тяжелый экономический *застой,* при чем в первом квартале 1930 г. она успела уже снизить уровень производства в сравнении с прошлым годом на 0,5%, вступив, таким образом, в начальную фазу *кризиса.*

Она говорит, в-третьих, о том, что из крупных капиталистических стран только во Франции имеет место некоторый *рост* крупной промышленности, при чем, если процент прироста в 1928 г. составлял 13,4, а в 1929 г. 9,4, то в первом квартале 1930 г. прирост в сравнении с 1929 г. составляет всего лишь 3,7%, давая, таким образом, картину из года в год *снижающейся* кривой роста.

Она говорит, наконец, о том, что из всех стран в мире только в СССР имеет место *бурный подъем* крупной промышленности, при чем уровень производства в первом квартале 1930 г. превышает уровень 1927 г. более чем *вдвое,* а процент прироста подымается с 17,6 в 1928 г. до 23,5 в 1929 г. и до 32 в первом квартале 1930 г., давая, таким образом, картину из года в год *подымающейся* кривой роста.

Могут сказать, что если так обстояло дело до конца первого квартала этого года, то не исключено, что во втором квартале этого года оно могло измениться к лучшему. Но данные второго

квартала решительно опровергают подобное предположение. Наоборот, они говорят о том, что во втором квартале положение еще больше ухудшилось. Эти данные говорят о новом *падении акций* на нью-йоркской бирже и новой *волне банкротств* в САСШ; о новом *сокращении* производства, *снижении заработной платы* рабочих и *росте безработицы* в САСШ, Германии, Англии, Италии, Японии, Южной Америке, Польше, Чехо-Словакии и т. д.; о вступлении ряда отраслей промышленности Франции в полосу *застоя,* являющегося при нынешней международной экономической обстановке признаком начинающегося кризиса. Безработных в САСШ имеется теперь более 6 млн., в Германии — около 5 млн., в Англии — более 2 млн., в Италии, Южной Америке, Японии — по миллиону, в Польше, Чехо-Словакии, Австрии — по 500 тысяч. Я уже не говорю о дальнейшем обострении сельско-хозяйственного кризиса, разоряющего миллионы фермеров и трудовых крестьян. Кризис перепроизводства в сельском хозяйстве дошел до того, что ради сохранения высоких цен и прибылей буржуазии в Бразилии выброшено в море 2 млн. мешков кофе, в Америке стали топить вместо угля кукурузой, в Германии миллионы пудов ржи превращены в корм для свиней, а по части хлопка и пшеницы принимаются все меры к тому, чтобы сократить посевные площади процентов на 10—15.

Такова общая картина развертывающегося мирового экономического кризиса.

б) Теперь, когда мировой экономический кризис развертывает свое разрушительное действие, спуская ко дну целые слои средних и мелких капиталистов, разоряя целые группы рабочей аристократии и фермеров и обрекая на голод миллионные массы рабочих, — все спрашивают: где причина кризиса, в чем его основа, как с ним бороться, как его уничтожить? Измышляются самые разнообразные „теории“ кризиса. Предлагают целые проекты „смягчения“, „предупреждения“, „ликвидации“ кризиса. Буржуазные оппозиции кивают на буржуазные правительства, которые, оказывается, „не приняли всех мер“ для предупреждения кризиса. „Демократы“ обвиняют „республиканцев“, „республиканцы“ — „демократов“, а все вместе — группу Гувера с ее „Федеральной резервной системой“, которая не сумела „обуздать“ кризис. Существуют даже такие мудрецы, которые причину мирового экономического кризиса видят в „кознях большевиков“. Я имею в виду известного „промышленника“ Рехберга, который, собственно, мало похож на промышленника и скорее всего напоминает „промышленника“ среди литераторов и „литератора“ среди промышленников. *(Смех.)*

Понятно, что все эти теории и проекты не имеют ничего общего

с наукой. Нужно признать, что буржуазные экономисты оказались полными банкротами перед лицом кризиса. Более того, они оказались лишенными даже того минимума чутья жизни, в котором не всегда можно отказать их предшественникам. Эти господа забывают, что кризисы нельзя рассматривать, как случайное явление в системе капиталистического хозяйства. Эти господа забывают, что экономические кризисы являются неизбежным результатом капитализма. Эти господа забывают, что кризисы родились вместе с рождением господства капитализма. На протяжении более чем сотни лет происходят периодические экономические кризисы, повторяясь через каждые 12—10—8 и меньше лет. За этот период буржуазные правительства всех рангов и цветов, буржуазные деятели всех степеней и способностей, — все без исключения пытались пробовать свои силы на предмет „предупреждения" и „уничтожения" кризисов. Но все они терпели поражение. Терпели поражение, так как нельзя предупреждать или уничтожить экономические кризисы, оставаясь в рамках капитализма. Что же тут удивительного, если нынешние буржуазные деятели также терпят поражение? Что же тут удивительного, если мероприятия буржуазных правительств ведут на деле не к смягчению кризиса, не к облегчению положения миллионных масс трудящихся, а к новым взрывам банкротств, к новой волне безработицы, к поглощению менее сильных капиталистических объединений более сильными капиталистическими объединениями?

Основа экономических кризисов перепроизводства, их причина лежит в самой системе капиталистического хозяйства. Основа кризиса лежит в противоречии между общественным характером производства и капиталистической формой присвоения результатов производства. Выражением этого основного противоречия капитализма является противоречие между колоссальным *ростом* производственных возможностей капитализма, рассчитанным на получение *максимума* капиталистической прибыли, и относительным *сокращением* платежеспособного спроса со стороны миллионных масс трудящихся, жизненный уровень которых капиталисты все время стараются держать в пределах крайнего *минимума*. Чтобы выиграть в конкуренции и выжать побольше прибыли, капиталисты вынуждены развивать технику, проводить рационализацию, усилить эксплоатацию рабочих и поднять производственные возможности своих предприятий до крайних пределов. Чтобы не отстать друг от друга, все капиталисты вынуждены так или иначе стать на этот путь бешеного развития производственных возможностей. Но рынок внутренний и рынок внешний, покупательная способность миллионных масс рабочих и крестьян, являющихся в последнем счете основными покупателями, остаются на низком

уровне. Отсюда кризисы перепроизводства. Отсюда известные результаты, повторяющиеся более или менее периодически, в силу которых товары остаются непроданными, производство сокращается, растет безработица, снижается заработная плата и, тем самым, еще больше обостряется противоречие между уровнем производства и уровнем платежеспособного спроса. Кризис перепроизводства есть проявление этого противоречия в бурных и разрушительных формах. Если бы капитализм мог приспособить производство не к получению максимума прибыли, а к систематическому улучшению материального положения народных масс, если бы он мог обращать прибыль не на удовлетворение прихотей паразитических классов, не на усовершенствование методов эксплоатации, не на вывоз капитала, а на систематический подъем материального положения рабочих и крестьян, то тогда не было бы кризисов. Но тогда и капитализм не был бы капитализмом. Чтобы уничтожить кризисы, надо уничтожить капитализм.

Такова основа экономических кризисов перепроизводства вообще.

Но дело этим не может ограничиваться при характеристике *нынешнего* кризиса. Нынешний кризис не есть простое повторение старых кризисов. Он происходит и развертывается в некоторых новых условиях, которые необходимо выявить, чтобы получить полную картину кризиса. Он осложняется и углубляется целым рядом особых обстоятельств, без уяснения которых невозможно составить себе ясное представление о нынешнем экономическом кризисе. Что это за особые обстоятельства?

Они, эти особые обстоятельства, сводятся к следующим характерным фактам:

1. Кризис сильнее всего поразил *главную страну* капитализма, его цитадель, САСШ, сосредоточивающие в своих руках не менее половины всего производства и потребления всех стран мира. Понятно, что это обстоятельство не может не вести к колоссальному расширению сферы влияния кризиса, к обострению кризиса и накоплению сверхсметных трудностей для мирового капитализма.

2. В ходе развертывания экономического кризиса промышленный кризис главных капиталистических стран не просто совпал, а *переплелся* с сельско-хозяйственным кризисом в аграрных странах, усугубив трудности и предопределив неизбежность общего упадка хозяйственной активности. Нечего и говорить, что промышленный кризис будет усиливать сельско-хозяйственный, а сельско-хозяйственный — затягивать промышленный, что не может не привести к углублению экономического кризиса в целом.

3. Нынешний капитализм, в отличие от старого капитализма,

является капитализмом *монополистическим,* а это предопределяет неизбежность борьбы капиталистических объединений за сохранение высоких, монопольных цен на товары, несмотря на перепроизводство. Понятно, что это обстоятельство, делая кризис особенно мучительным и разорительным для народных масс, являющихся основными потребителями товаров, не может не повести к затягиванию кризиса, не может не затормозить его рассасывание.

4. Нынешний экономический кризис развертывается на базе *общего кризиса* капитализма, возникшего еще в период империалистской войны, подтачивающего устои капитализма и облегчившего наступление экономического кризиса.

Что это означает?

Это означает, прежде всего, что империалистская война и ее последствия усилили загнивание капитализма и подорвали его равновесие, что мы живем теперь в эпоху войн и революций, что капитализм уже не представляет *единственной* и *всеохватывающей* системы мирового хозяйства, что наряду с *капиталистической* системой хозяйства существует *социалистическая* система, которая растет, которая преуспевает, которая противостоит капиталистической системе и которая самым фактом своего существования демонстрирует гнилость капитализма, расшатывает его основы.

Это означает, далее, что империалистская война и победа революции в СССР расшатали устои империализма *в колониальных и зависимых* странах, что авторитет империализма в этих странах уже подорван, что он не в силах больше по-старому хозяйничать в этих странах.

Это означает, дальше, что за время войны и после нее в колониальных и зависимых странах появился и вырос свой собственный молодой капитализм, который с успехом конкурирует на рынках со старыми капиталистическими странами, обостряя и осложняя борьбу за рынки сбыта.

Это означает, наконец, что война оставила большинству капиталистических стран тяжелое наследство в виде *хронической недогрузки предприятий* и наличия *миллионных армий безработных,* превратившихся из резервных в *постоянные армии безработных,* что создавало для капитализма массу трудностей еще до нынешнего экономического кризиса и что должно еще больше осложнить дело во время кризиса.

Таковы обстоятельства, усугубляющие и обостряющие мировой экономический кризис.

Нужно признать, что нынешний экономический кризис является самым серьезным и самым глубоким кризисом из всех существовавших до сих пор мировых экономических кризисов.

2. ОБОСТРЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ КАПИТАЛИЗМА

Важнейшим результатом мирового экономического кризиса является обнажение и обострение противоречий, присущих мировому капитализму.

а) Обнажаются и обостряются *противоречия между важнейшими империалистическими странами,* борьба за рынки сбыта, борьба за сырье, борьба за вывоз капитала. Теперь никого из капиталистических государств уже не удовлетворяет старое распределение сфер влияния и колоний. Они видят, что изменилось соотношение сил и нужно соответственно с этим переделить рынки сбыта, источники сырья, сферы влияния и т. д. Главное из этих противоречий — противоречие между САСШ и Англией. И в области вывоза готовых товаров, и в области вывоза капитала борьба идет главным образом между САСШ и Англией. Стоит взять любую экономическую газету, любой документ о вывозе товаров и капитала, чтобы убедиться в этом. Главная арена борьбы — Южная Америка, Китай, колонии и доминионы старых империалистических государств. Перевес сил в этой борьбе, — при чем перевес определенный, — на стороне САСШ. За главным противоречием идут противоречия не главные, но довольно существенные: между Америкой и Японией, между Германией и Францией, между Францией и Италией, между Англией и Францией и т. д.

Не может быть никакого сомнения, что в связи с развивающимся кризисом борьба за рынки сбыта, за сырье, за вывоз капитала будет усиливаться с каждым месяцем, с каждым днем.

Средства борьбы: таможенная политика, дешевый товар, дешевый кредит, перегруппировка сил и новые военно-политические союзы, рост вооружений и подготовка к новым империалистским войнам, наконец — война. Я говорил о кризисе, охватившем все отрасли производства. Но есть одна отрасль, которая не захвачена кризисом. Эта отрасль — военная промышленность. Она все время растет, несмотря на кризис. Буржуазные государства бешено вооружаются и перевооружаются. Для чего? Конечно, не для беседы, а для войны. А война нужна империалистам, так как она есть единственное средство для передела мира, для передела рынков сбыта, источников сырья, сфер приложения капитала.

Вполне понятно, что в этой обстановке так называемый пацифизм доживает последние дни, Лига наций гниет заживо, „проекты разоружения" проваливаются в пропасть, а конференции по сокращению морских вооружений превращаются в конференции по обновлению и расширению морского флота.

Это значит, что опасность войны будет нарастать ускоренным темпом.

Пусть болтают социал-демократы о пацифизме, о мире, о мирном развитии капитализма и пр. Опыт пребывания социал-демократии у власти в Германии и Англии показывает, что пацифизм является у них лишь маской, необходимой для прикрытия подготовки новых войн.

б) Обнажаются и будут обостряться *противоречия между странами-победительницами и странами-побежденными*. Из числа последних я имею в виду главным образом Германию. Несомненно, что в связи с кризисом и обострением проблемы рынков усилится нажим на Германию, являющуюся не только должником, но и крупнейшим экспортером. Оригинальные отношения, сложившиеся между странами-победительницами и Германией, можно было бы изобразить в виде пирамиды, на верху которой по-господски сидят Америка, Франция, Англия и т. д. с планом Юнга в руках, с надписью: „Плати!", а внизу распластана Германия, выбивающаяся из сил и вынужденная вытягивать из себя все силы для того, чтобы выполнить приказ о платеже миллиардных контрибуций. Вы хотите знать, что это такое? Это есть „дух Локарно". Думать, что такое положение может пройти даром для мирового капитализма, — значит ничего не понимать в жизни. Думать, что германская буржуазия сумеет заплатить в ближайшие 10 лет 20 миллиардов марок, а германский пролетариат, живущий под двойным ярмом „своей" и „чужой" буржуазии, даст германской буржуазии выжать из его жил эти 20 миллиардов без серьезных боев и потрясений, — значит сойти с ума. Пусть германские и французские политики делают вид, что они верят в это чудо. Мы, большевики, в чудеса не верим.

в) Обнажаются и обостряются *противоречия между империалистическими государствами и колониальными и зависимыми странами*. Растущий экономический кризис не может не усилить нажима империалистов на колонии и зависимые страны, представляющие основные рынки сбыта и сырья. И действительно, нажим усиливается до последней степени. Это факт, что европейская буржуазия находится теперь в состоянии войны со „своими" колониями в Индии, в Индо-Китае, в Индонезии, в Северной Африке. Это факт, что „независимый" Китай уже поделен фактически на сферы влияния, а генеральские клики контр-революционных гоминдановцев, воюя между собой и разоряя китайский народ, выполняют волю своих хозяев из империалистического лагеря.

Нужно считать окончательно проваленной лживую версию о том, что работники русских посольств в Китае являются виновниками нарушения „мира и спокойствия" в Китае. Русских посольств давно уже нет ни в южном, ни в среднем Китае. Но зато име-

ются английские, японские, германские, американские и всякие иные посольства. Русских посольств давно уже нет ни в южном, ни в среднем Китае. Но зато имеются немецкие, английские и японские военные советники при воюющих китайских генералах. Русских посольств давно уже нет там. Но зато имеются английские, американские, немецкие, чехо-словацкие и всякие иные орудия, винтовки, аэропланы, танки, отравляющие газы. И что же? Вместо „мира и спокойствия" мы имеем теперь в южном и среднем Китае самую разнузданную и самую разорительную генеральскую войну, финансируемую и инструктируемую „цивилизованными" государствами Европы и Америки. Получается довольно пикантная картина „цивилизаторской" работы капиталистических государств. Неизвестно только, при чем тут русские большевики?

Было бы смешно думать, что эти бесчинства империалистов пройдут им даром. Китайские рабочие и крестьяне уже ответили на них созданием советов и красной армии. Говорят, что там уже образовалось советское правительство. Я думаю, что если это верно, то в этом нет ничего удивительного. Не может быть сомнения, что только советы могут спасти Китай от окончательного развала и обнищания.

Что касается Индии, Индо-Китая, Индонезии, Африки и т. д., то нарастание революционного движения в этих странах, принимающее порой формы национальной войны за освобождение, не подлежит никакому сомнению. Господа буржуа рассчитывают залить эти страны кровью и опереться на полицейские штыки, призвав на помощь людей вроде Ганди. Не может быть сомнения, что полицейские штыки — плохая опора. Царизм тоже старался в свое время опереться на полицейские штыки, но какая из этого вышла опора — всем известно. Что касается помощников типа Ганди, то царизм имел их целое стадо в лице либеральных соглашателей всякого рода, из чего, однако, ничего, кроме конфуза, не получилось.

г) Обнажились и обострились *противоречия между буржуазией и пролетариатом* в капиталистических странах. Кризис уже успел усилить нажим капиталистов на рабочий класс. Кризис уже успел вызвать новую волну капиталистической рационализации, новое ухудшение положения рабочего класса, рост безработицы, расширение постоянной армии безработных, снижение заработной платы. Не удивительно, что эти обстоятельства революционизируют обстановку, обостряют борьбу классов и толкают рабочих на новые классовые бои.

В связи с этим разрушаются и падают социал-демократические иллюзии среди рабочих масс. После опыта пребывания у власти

социал-демократов, срывающих забастовки, организующих локауты и расстреливающих рабочих, злой насмешкой звучат в ушах рабочих лживые обещания насчет „производственной демократии“, „промышленного мира“, „мирных методов“ борьбы. Много ли найдется теперь рабочих, способных поверить лживой проповеди социал-фашистов? Известные рабочие демонстрации 1 августа 1929 г. (против военной опасности) и 6 марта 1930 г. (против безработицы) показывают, что лучшие люди из рабочего класса уже отвернулись от социал-фашистов. Экономический кризис нанесет новый удар социал-демократическим иллюзиям среди рабочих. Немного найдется теперь рабочих, которые после банкротств и разорений в связи с кризисом согласятся поверить в возможность обогащения „каждого рабочего“ путем участия в „демократизированных“ акционерных компаниях. Нечего и говорить, что кризис нанесет сокрушительный удар всем таким и подобным им иллюзиям.

Но отход рабочих масс от социал-демократии означает поворот их в сторону коммунизма. Оно так и происходит на самом деле. Рост профсоюзного движения, примыкающего к компартии; избирательные успехи компартий; волна забастовок, происходящих при руководящем участии коммунистов; перерастание экономических забастовок в политические протесты, организуемые коммунистами; массовые демонстрации сочувствующих коммунизму рабочих, встречающие живейший отклик в рабочем классе, — все это говорит о том, что рабочие массы видят в компартии единственную партию, способную бороться с капитализмом, единственную партию, достойную доверия рабочих, единственную партию, за которой можно и стоит итти в борьбе за освобождение от капитализма. Это есть поворот масс в сторону коммунизма. Это есть залог превращения наших братских компартий в большие массовые партии рабочего класса. Необходимо только, чтобы коммунисты сумели оценить обстановку и использовали ее должным образом. Развертывая непримиримую борьбу с социал-демократией, представляющей агентуру капитала в рабочем классе, и разбивая в прах все и всякие уклоны от ленинизма, льющие воду на мельницу социал-демократии, компартии показали, что они стоят на правильном пути. Необходимо, чтобы они окончательно закрепились на этом пути. Ибо только при этом условии могут они рассчитывать на завоевание большинства рабочего класса и успешную подготовку пролетариата к грядущим классовым битвам. Ибо только при этом условии можно рассчитывать на дальнейший рост влияния и авторитета Коммунистического Интернационала.

Таково состояние основных противоречий мирового капитализма, до крайности обострившихся в связи с мировым экономическим кризисом.

О чем говорят все эти факты?

О том, что стабилизации капитализма приходит конец.

О том, что подъем революционного движения масс будет нарастать с новой силой.

О том, что мировой экономический кризис будет перерастать в ряде стран в кризис политический.

Это значит, во-первых, что буржуазия будет искать выхода из положения в дальнейшей фашизации в области внутренней политики, используя для этого все реакционные силы, в том числе и социал-демократию.

Это значит, во-вторых, что буржуазия будет искать выхода в новой империалистской войне и интервенции в области внешней политики.

Это значит, наконец, что пролетариат, борясь с капиталистической эксплоатацией и военной опасностью, будет искать выхода в революции.

3. ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СССР И КАПИТАЛИСТИЧЕСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ

а) Я говорил выше о противоречиях мирового капитализма. Но кроме этих противоречий существует еще одно противоречие. Я говорю о противоречии между капиталистическим миром и СССР. Правда, это противоречие не есть противоречие *внутрикапиталистического* порядка. Оно есть противоречие между капитализмом в целом и между страной строящегося социализма. Но это не мешает ему разлагать и расшатывать самые основы капитализма. Более того, оно вскрывает до корней все противоречия капитализма и собирает их в один узел, превращая их в вопрос жизни и смерти самих капиталистических порядков. Поэтому каждый раз, когда капиталистические противоречия начинают обостряться, буржуазия обращает свои взоры в сторону СССР: нельзя ли разрешить то или иное противоречие капитализма, или все противоречия, вместе взятые, за счет СССР, этой Страны советов, цитадели революции, революционизирующей одним своим существованием рабочий класс и колонии, мешающей наладить новую войну, мешающей переделить мир по-новому, мешающей хозяйничать на своем обширном внутреннем рынке, так необходимом капиталистам, особенно теперь, в связи с экономическим кризисом.

Отсюда тенденция к авантюристским наскокам на СССР и к интервенции, которая (тенденция) должна усилиться в связи с развертывающимся экономическим кризисом.

Наиболее яркой выразительницей этой тенденции в данный момент является нынешняя буржуазная Франция, родина любве-

обильной „Пан-Европы“, „колыбель“ пакта Келлога, самая агрессивная и милитаристская страна из всех агрессивных и милитаристских стран мира.

Но интервенция есть палка о двух концах. Это в точности известно буржуазии. Хорошо, думает она, если интервенция пройдет гладко и кончится поражением СССР. Ну, а как быть, если она кончится поражением капиталистов? Была ведь уже одна интервенция, которая кончилась крахом. Если первая интервенция, когда большевики были слабы, кончилась крахом, какая гарантия, что вторая не кончится также крахом? Все видят, что теперь большевики куда сильнее и экономически, и политически, и в смысле подготовки обороноспособности страны. А как быть с рабочими капиталистических стран, которые не дадут интервенировать СССР, которые будут бороться против интервенции и которые в случае чего могут ударить в тыл капиталистам? Не лучше ли пойти по линии усиления торговых связей с СССР, против чего и большевики не возражают?

Отсюда тенденция к продолжению мирных отношений с СССР.

Таким образом, мы имеем два ряда факторов и две различных тенденции, действующих в противоположных направлениях:

1. Политика подрыва экономических связей СССР с капиталистическими странами, провокационные наскоки на СССР, явная и скрытая работа по подготовке интервенции против СССР. Это — факторы, угрожающие международному положению СССР. Действиями этих факторов объясняются такие факты, как разрыв английского консервативного кабинета с СССР, захват КВжд китайскими милитаристами, финансовая блокада СССР, „поход“ клерикалов во главе с папой против СССР, организация вредительства наших спецов агентами иностранных государств, организация взрывов и поджогов, вроде тех, которые были проделаны некоторыми служащими „Лена-Гольдфильдс“, покушения на представителей СССР (Польша), придирки к нашему экспорту (САСШ, Польша) и т. п.

2. Сочувствие и поддержка СССР со стороны рабочих капиталистических стран, рост экономического и политического могущества СССР, рост обороноспособности СССР, политика мира, неизменно проводимая Советской властью. Это — факторы, укрепляющие международное положение СССР. Действиями этих факторов объясняются такие факты, как успешная ликвидация конфликта на КВжд, восстановление сношений с Великобританией, рост экономических связей с капиталистическими странами и т. д.

Борьбой этих двух факторов определяется внешнее положение СССР.

б) Говорят, что камнем преткновения в деле улучшения экономических связей с буржуазными государствами является вопрос о долгах. Я думаю, что это не довод за платеж долгов, а предлог в руках агрессивных элементов для интервенционистской пропаганды. Наша политика в этой области ясна и вполне обоснована. При условии предоставления нам кредитов мы согласны платить небольшую долю довоенных долгов, рассматривая их, как добавочный процент на кредиты. Без этого условия мы не можем и не должны платить. От нас требуют большего? На каком основании? Разве неизвестно, что эти долги были получены царским правительством, которое было свергнуто революцией и за обязательства которого советское правительство не может брать на себя ответственности? Говорят о международном праве, о международных обязательствах. Но на основании какого международного права отсекли господа „союзники“ от СССР Бессарабию и отдали ее в рабство румынским боярам? По каким международным обязательствам капиталисты и правительства Франции, Англии, Америки, Японии напали на СССР, интервенировали его, грабили его целых три года и разоряли его население? Если это называется международным правом и международным обязательством, то что же называется тогда грабежом? *(Смех. Аплодисменты.)* Не ясно ли, что, допустив эти грабительские акты, господа „союзники“ лишили себя права ссылаться на международное право, на международные обязательства?

Говорят, далее, что делу налажения „нормальных“ отношений мешает пропаганда русских большевиков. С целью предотвращения вредного действия пропаганды господа буржуа то и дело отгораживаются „кордонами“, „проволочными заграждениями“, милостиво предоставляя честь охраны „заграждений“ Польше, Румынии, Финляндии и т. д. Говорят, что Германию берут завидки из-за того, что ей не хотят будто бы поручить охрану „кордонов“ и „проволочных заграждений“. Надо ли доказывать, что болтовня о пропаганде — не довод за установление „нормальных отношений“, а предлог для интервенционистской пропаганды. Как могут люди, не желающие быть смешными, „отгораживаться“ от идей большевизма, если в самой стране имеется почва, благоприятная для этих идей? Царизм тоже „отгораживался“ в свое время от большевизма, но не „отгородился“, как известно. Не отгородился, так как большевизм растет везде и всюду, не извне, а изнутри. Нет, кажется, стран, более „отгороженных“ от русских большевиков, чем Китай, Индия, Индо-Китай. И что же? Большевизм растет там и будет расти, несмотря на всякие „кордоны“, так как есть там, очевидно, условия, благоприятствующие боль-

шевизму. При чем же тут пропаганда русских большевиков? Вот если бы господа капиталисты могли как-нибудь „отгородиться“ от экономического кризиса, от нищеты масс, от безработицы, от низкой заработной платы, от эксплоатации трудящихся, — тогда другое дело, тогда не было бы у них и большевистского движения. Но в том-то и дело, что всякий прохвост норовит оправдать свою слабость или свою неспособность ссылкой на пропаганду русских большевиков.

Говорят, далее, что камнем преткновения является наш, советский строй, коллективизация, борьба с кулачеством, антирелигиозная пропаганда, борьба с вредителями и контр-революционерами из „людей науки“, изгнание Беседовских, Соломонов, Дмитриевских и т. п. Но это уж становится совсем забавным. Им, оказывается, не нравится советский строй. Но нам также не нравится капиталистический строй. *(Смех. Аплодисменты.)* Не нравится, что десятки миллионов безработных вынуждены у них голодать и нищенствовать, тогда как маленькая кучка капиталистов владеет миллиардными богатствами. Но раз мы уже согласились не вмешиваться во внутренние дела других стран, не ясно ли, что не стоит возвращаться к этому вопросу? Коллективизация, борьба с кулачеством, борьба с вредителями, антирелигиозная пропаганда и т. п. представляют неотъемлемое право рабочих и крестьян СССР, закрепленное нашей конституцией. Конституцию СССР мы должны и будем выполнять со всей последовательностью. Понятно, следовательно, что кто не хочет считаться с нашей конституцией — может проходить дальше, на все четыре стороны. Что касается Беседовских, Соломонов, Дмитриевских и т. п., то мы и впредь будем выкидывать вон таких людей, как бракованный товар, ненужный и вредный для революции. Пусть подымают их на щит те, которые питают особые симпатии к отбросам. *(Смех.)* Жернова нашей революции работают хорошо. Они берут все годное и отдают советам, а отбросы выкидывают вон. Говорят, что во Франции, среди парижского буржуа, имеется большой спрос на этот бракованный товар. Что же, пусть импортируют его на здоровье. Правда, это несколько обременит импортные статьи торгового баланса Франции, против чего всегда протестуют господа буржуа. Но это уж их дело. Давайте, не будем вмешиваться во внутренние дела Франции. *(Смех. Аплодисменты.)*

Так обстоит дело с „препонами“, мешающими налажению „нормальных“ отношений с другими странами.

Выходит, что „препоны“ эти являются мнимыми „препонами“, пущенными в ход для того, чтобы получить предлог для антисоветской пропаганды.

Наша политика есть политика мира и усиления торговых связей со всеми странами. Результатом этой политики является улучшение отношений с рядом стран и заключение ряда договоров по торговле, технической помощи и т. д. Ее же результатом является присоединение СССР к пакту Келлога, подписание известного протокола по линии пакта Келлога с Польшей, Румынией, Литвой и т. д., подписание протокола о продлении действия договора с Турцией о дружбе и нейтралитете. Наконец, результатом этой политики является тот факт, что нам удалось отстоять мир, не дав врагам вовлечь себя в конфликты, несмотря на ряд провокационных актов и авантюристские наскоки поджигателей войны. Эту политику мира будем вести и впредь всеми силами, всеми средствами. Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому. *(Аплодисменты.)*

Такова наша внешняя политика.

Задача состоит в том, чтобы проводить и впредь эту политику со всей настойчивостью, свойственной большевикам.

II

РАСТУЩИЙ ПОДЪЕМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ СССР

Перейдем к внутреннему положению СССР.

В противоположность капиталистическим странам, где царят теперь экономический *кризис и растущая безработица,* внутреннее положение нашей страны представляет картину *растущего подъема* народного хозяйства и *прогрессивного сокращения* безработицы. Выросла и ускорила темпы своего развития крупная промышленность. Окрепла тяжелая промышленность. Социалистический сектор промышленности продвинулся далеко вперед. Выросла новая сила в сельском хозяйстве — совхозы и колхозы. Если года два назад мы имели кризис зернового производства и опирались в своей хлебозаготовительной работе главным образом на индивидуальное хозяйство, то теперь центр тяжести переместился на колхозы и совхозы, а зерновой кризис можно считать в основном разрешенным. Основные массы крестьянства окончательно повернули в сторону колхозов. Сопротивление кулачества отбито. Внутреннее положение СССР еще более упрочилось.

Такова общая картина внутреннего положения СССР в данный момент.

Рассмотрим конкретные данные.

1. РОСТ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА В ЦЕЛОМ

а) Если в 1926/27 г., т. е. к XV съезду партии, по *всему сельскому хозяйству,* включая лесное хозяйство, рыболовство и т. д., мы имели валовой продукции в довоенных рублях на сумму в 12 370 млн. руб., т. е. 106,6% от довоенного уровня, то в следующем году, т. е. в 1927/28 г., мы имели 107,2%, в 1928/29 г. — 109,1%, а в текущем 1929/30 г., судя по ходу развития сельского хозяйства, мы будем иметь не менее 113—114% от довоенного уровня.

Налицо неуклонный, хотя и сравнительно медленный, рост продукции сельского хозяйства в целом.

Если в 1926/27 г., т. е. к XV съезду партии, мы имели по *всей промышленности,* как мелкой, так и крупной, считая и мукомольную промышленность, валовой продукции в довоенных рублях на сумму в 8 641 млн. руб., т. е. 102,5% от довоенного уровня, то в следующем году, т. е. в 1927/28 г., мы имели 122%, в 1928/29 г. — 142,5%, а в текущем 1929/30 г., судя по ходу развития промышленности, будем иметь не менее 180% от довоенного уровня.

Налицо небывало быстрый рост продукции промышленности в целом.

б) Если в 1926/27 г., т. е. к XV съезду партии, мы имели *грузооборот* по всей нашей ж.-д. *сети* 81,7 миллиардов тонно-километров, т. е. 127% от довоенного уровня, то в следующем году, т. е. в 1927/28 г., мы имели 134,2%, в 1928/29 г. — 162,4%, а в текущем 1929/30 г., по всем данным, мы будем иметь не менее 193% от довоенного уровня. Что касается нового ж.-д. строительства, то за отчетный период, т. е. считая с 1927/28 г., ж.-д. сеть увеличивается с 76 тыс. *км* до 80 тыс. *км,* что составит 136,7% от довоенного уровня.

в) Если состояние *торгово-посреднического оборота* в стране в 1926/27 г. принять за 100 (31 млрд. руб.), то выходит, что за 1927/28 г. размеры оборотов выросли до 124,6%, в 1928/29 г. — до 160,4%, а в текущем 1929/30 г., судя по всем данным, размеры оборотов составят 202%, т. е. будут удвоены в сравнении с 1926/27 г.

г) Если *сводные балансы* всех наших *кредитных учреждений* на 1 октября 1927 г. принять за 100 (9 173 млн. руб.), то выходит, что на 1 октября 1928 г. мы имели рост до 141%, а на 1 октября 1929 г. — до 201,1%, т. е. удвоение в сравнении с 1927 г.

д) Если *сводный государственный бюджет* на 1926/27 г. принять за 100 (6 371 млн. руб.), то выходит, что в 1927/28 г. мы имели рост государственного бюджета до 125,5%, в 1928/29 г. —

до 146,7%, а в 1929/30 г.— до 204,4%, т. е. удвоение в сравнении с бюджетом 1926/27 г. (12 605 млн. руб.).

е) Если наш *внешнеторговый оборот* (экспорт-импорт) составлял в 1926/27 г. 47,9% от довоенного уровня, то в 1927/28 г. мы имели рост внешнеторгового оборота до 56,8%, в 1928/29 г. — до 67,9%, а в 1929/30 г., по всем данным, будем иметь не менее 80% от довоенного уровня.

ж) В итоге мы имеем следующую картину роста всего *народного дохода* за отчетный период (в неизменных ценах 1926/27 г.): в 1926/27 г. народный доход составлял, по данным Госплана, 23 127 млн. руб.; в 1927/28 г. — 25 396 млн. руб., — прирост на 9,8%; в 1928/29 г. — 28 596 млн. руб., — прирост на 12,6%; в 1929/30 г., судя по всем данным, народный доход должен составить не менее 34 млрд. руб., с приростом, стало быть, за год на 20%. Средний годовой прирост за отчетные 3 года составляет, следовательно, более 15%.

Если принять во внимание, что средний годовой прирост народного дохода в таких странах, как САСШ, Англия, Германия, составляет не более 3—8%, то надо признать, что темп роста народного дохода в СССР является поистине *рекордным*.

2. УСПЕХИ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Рост народного хозяйства идет у нас не стихийно, а в определенном направлении, а именно — в направлении индустриализации, под знаком индустриализации, под знаком роста удельного веса индустрии в общей системе народного хозяйства, под знаком превращения нашей страны из аграрной в индустриальную.

а) Динамика соотношения между промышленностью в целом и сельским хозяйством в целом с точки зрения удельного веса промышленности в *валовой* продукции всего народного хозяйства рисуется за отчетный период в следующем виде: в довоенное время доля промышленности в валовой продукции народного хозяйства составляла 42,1%, доля сельского хозяйства — 57,9%; в 1927/28 г. доля промышленности — 45,2%, сельского хозяйства — 54,8%; в 1928/29 г. доля промышленности — 48,7%, сельского хозяйства — 51,3%; в 1929/30 г. доля промышленности, по всем данным, должна составить не менее 53%, а доля сельского хозяйства — не более 47%.

Это значит, что удельный вес промышленности начинает уже возобладать над удельным весом сельского хозяйства, и мы находимся накануне превращения из страны *аграрной* в страну *индустриальную*. *(Аплодисменты.)*

б) Еще более резкий перевес получается в пользу промышленности с точки зрения ее удельного веса в *товарной* продукции на-

родного хозяйства. Если в 1926/27 г. доля товарной продукции промышленности в общем балансе товарного производства народного хозяйства составляла 68,8%, а доля товарной продукции сельского хозяйства — 31,2%, то в 1927/28 г. мы имели для промышленности 71,2%, для сельского хозяйства — 28,8%; в 1928/29 г. для промышленности — 72,4%, для сельского хозяйства — 27,6%; а для 1929/30 г., по всем данным, мы будем иметь для промышленности 76%, для сельского же хозяйства — 24%.

В этом особо неблагоприятном положении сельского хозяйства сказывается между прочим мелкокрестьянский и малотоварный характер сельского хозяйства. При этом понятно, что это положение должно будет в известной степени измениться по мере укрупнения сельского хозяйства по линии совхозов и колхозов, по мере увеличения его товарности.

в) Но развитие промышленности вообще не дает еще полной картины темпа индустриализации. Для получения полной картины необходимо еще установить динамику соотношения между тяжелой и легкой промышленностью. Поэтому самым ярким показателем роста индустриализации нужно считать поступательный рост удельного веса производства *орудий и средств производства* (тяжелая промышленность) в общей продукции промышленности. Если в 1927/28 г. доля производства орудий и средств производства в общей продукции *всей* промышленности составляла 27,2%, а доля производства предметов широкого потребления — 72,8%, то в 1928/29 г. доля производства орудий и средств производства дает 28,7% против 71,3%, а в 1929/30 г. доля производства орудий и средств производства, по всем данным, составит уже 32,7% против 67,3%.

Если же взять не всю промышленность, а *только* планируемую ВСНХ, охватывающую все основные отрасли индустрии, то здесь соотношение между производством орудий и средств производства и производством предметов широкого потребления рисуется в еще более благоприятном виде, а именно: в 1927/28 г. доля производства орудий и средств производства составляла 42,7% против 57,3%; в 1928/29 г. — 44,6% против 55,4%; а в 1929/30 г., по всем данным, будет составлять не менее 48% против 52% производства предметов широкого потребления.

Развитие нашего народного хозяйства идет под знаком индустриализации, под знаком укрепления и развития своей собственной тяжелой промышленности.

Это значит, что мы уже подняли и развертываем дальше основу нашей экономической независимости, нашу тяжелую индустрию.

3. КОМАНДУЮЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТЕМП ЕЕ РОСТА

Развитие нашего народного хозяйства идет под знаком индустриализации. Но нам нужна не всякая индустриализация. Нам нужна такая индустриализация, которая обеспечивает растущий перевес *социалистических форм промышленности* над формами *мелко*-товарными и тем более *капиталистическими*. Характерная черта нашей индустриализации состоит в том, что она есть индустриализация *социалистическая*, индустриализация, обеспечивающая победу *обобществленного* сектора промышленности над сектором *частно-хозяйственным*, над сектором мелко-товарным и капиталистическим.

Вот некоторые данные о росте капитальных вложений и валовой продукции по секторам.

а) Если взять рост *капитальных вложений* в промышленность по секторам, то мы получим следующую картину. *Обобществленный сектор:* в 1926/27 г. — 1 270 млн. руб.; в 1927/28 г. — 1 614 млн. руб.; в 1928/29 г. — 2 046 млн. руб.; в 1929/30 г. — 4 275 млн. руб. *Частно-хозяйственный и капиталистический сектор:* в 1926/27 г. — 63 млн. руб.; в 1927/28 г. — 64 млн. руб.; в 1928/29 г. — 56 млн. руб.; в 1929/30 г. — 51 млн. руб.

Это значит, во-первых, что капитальные вложения по обобществленному сектору промышленности *выросли* за это время более чем *втрое* (335%).

Это значит, во-вторых, что капитальные вложения частно-хозяйственного и капиталистического сектора *снизились* за это время на *одну пятую часть* (81%).

Частно-хозяйственный и капиталистический сектор живет за счет старого капитала и идет к своей гибели.

б) Если взять рост *валовой продукции* промышленности по секторам, то мы получим следующую картину. *Обобществленный сектор:* в 1926/27 г. — 11 999 млн. руб.; в 1927/28 г. — 15 389 млн. руб.; в 1928/29 г. — 18 903 млн. руб.; в 1929/30 г. — 24 740 млн. руб. *Частно-хозяйственный и капиталистический сектор:* в 1926/27 г. — 4 043 млн. руб.; в 1927/28 г. — 3 704 млн. руб.; в 1928/29 г. — 3 389 млн. руб.; в 1929/30 г. — 3 310 млн. руб.

Это значит, во-первых, что валовая продукция по обобществленному сектору промышленности *выросла* за три года более чем *вдвое* (206,2%).

Это значит, во-вторых, что валовая продукция промышленности по частно-хозяйственному и капиталистическому сектору *снизилась* за тот же период почти на *одну пятую часть* (81,9%).

Если же взять продукцию не всей промышленности, а только

крупной (цензовой) промышленности и рассмотреть ее по секторам, то получим следующую картину соотношений обобществленного и частно-хозяйственного секторов. Удельный вес обобществленного сектора в продукции крупной промышленности страны: 1926/27 г. — 97,7%; 1927/28 г. — 98,6%; 1928/29 г. — 99,1%; 1929/30 г. — 99,3%. Удельный вес частно-хозяйственного сектора в продукции крупной промышленности страны: 1926/27 г. — 2,3%; 1927/28 г. — 1,4%; 1928/29 г. — 0,9%; 1929/30 г. — 0,7%.

Как видите, капиталистические элементы в крупной промышленности уже пошли ко дну.

Ясно, что вопрос „кто кого", вопрос о том, социализм ли победит капиталистические элементы в промышленности или они победят социализм, — уже решен в основном в пользу социалистических форм промышленности. Решен окончательно и бесповоротно. *(Аплодисменты.)*

в) Особенно интересны данные о *темпе развития* планируемой ВСНХ *государственной* промышленности за отчетный период. Если валовую продукцию планируемой ВСНХ социалистической промышленности за 1926/27 г. принять за 100, то выходит, что в 1927/28 г. валовая продукция этой промышленности выросла до 127,4%, в 1928/29 г. — до 158,6%, а в 1929/30 г. она вырастает до 209,8%.

Это значит, что планируемая ВСНХ социалистическая промышленность, охватывающая все основные отрасли промышленности и всю тяжелую промышленность, добилась за три года *более чем удвоения*.

Нельзя не признать, что ни одна страна в мире не знает таких бешеных темпов развития своей крупной промышленности.

Это обстоятельство и дает нам основание говорить о пятилетке в четыре года.

г) Некоторые товарищи скептически смотрят на лозунг *„пятилетка в четыре года"*. Еще совсем недавно одна часть товарищей расценивала нашу пятилетку, утвержденную V. съездом советов, как фантастику. Я уже не говорю о буржуазных писателях, у которых глаза на лоб лезут из-за одного лишь слова „пятилетка". А что мы имеем на деле, если рассматривать пятилетку с точки зрения ее осуществления за первые два года? О чем говорит нам проверка исполнения пятилетки в ее оптимальном варианте? Она говорит не только о том, что мы можем выполнить пятилетку в четыре года. Она говорит еще о том, что мы можем ее выполнить по целому ряду отраслей промышленности в три и даже в два с половиной года. Это может показаться скептикам из оппортунистического лагеря невероятным. Но это факт, оспаривать который было бы глупо и смешно.

Судите сами.

По пятилетке *нефтяная промышленность* должна была дать в 1932/33 г. продуктов на 977 млн. руб. А на деле она дает продукции уже в 1929/30 г. на 809 млн. руб., т. е. 83% намеченной в пятилетке продукции для 1932/33 г. Стало быть, мы выполняем пятилетний план по нефтяной промышленности в каких-нибудь 2½ года.

По *торфяной промышленности* мы должны были получить по пятилетке в 1932/33 г. продуктов на 122 млн. руб. А на деле она дает уже в 1929/30 г. продуктов на 115 млн. руб. с лишним, т. е. 96% намеченной пятилеткой продукции для 1932/33 г. Стало быть, мы выполняем пятилетний план по торфяной промышленности в 2½ года, если не раньше.

По пятилетке *общее машиностроение* должно дать в 1932/33 г. продуктов на 2 058 млн. руб. А на деле оно дает уже в 1929/30 г. продуктов на 1 458 млн. руб., т. е. 70% намеченной пятилеткой продукции для 1932/33 г. Стало быть, мы выполняем пятилетний план по общему машиностроению в 2½—3 года.

По пятилетке *с.-х. машиностроение* должно дать продуктов в 1932/33 г. на 610 млн. руб. А на деле оно дает уже в 1929/30 г. продуктов на 400 млн. руб., т. е. 60% с лишним намеченной пятилеткой продукции для 1932/33 г. Стало быть, мы выполняем пятилетний план по с.-х. машиностроению в 3 года, если не раньше.

По пятилетке *электротехническая промышленность* должна дать продукции в 1932/33 г. на 896 млн. руб. А на деле она дает уже в 1929/30 г. продукции на 503 млн. руб., т. е. 56% с лишним намеченной пятилеткой продукции для 1932/33 г. Стало быть, мы выполняем пятилетний план электротехнической промышленности в 3 года.

Таковы небывалые темпы развития нашей социалистической промышленности.

Мы идем вперед ускоренным темпом, догоняя в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны.

д) Это не значит, конечно, что мы уже догнали их в смысле размеров производства, что наша промышленность уже достигла *уровня* развития промышленности передовых капиталистических стран. Нет, далеко еще не значит. *Темп* развития промышленности и *уровень* развития промышленности нельзя смешивать друг с другом. У нас многие смешивают их, полагая, что ежели мы добились небывалых темпов развития промышленности, то мы тем самым уже достигли уровня развития промышленности передовых капиталистических стран. Но это в корне неверно.

Взять, например, производство электроэнергии, где мы имеем

очень высокие темпы. По производству электрической энергии мы добились увеличения с 1924 г. по 1929 г. почти до 600%, тогда как САСШ увеличили продукцию электроэнергии за тот же период лишь до 181%, Канада — до 218%, Германия — до 241%, Италия — до 222%. Как видите, мы имеем здесь темп прямо небывалый, превосходящий темпы всех других государств. Но если взять уровень развития производства электроэнергии в этих странах, например в 1929 г., и сравнить его с уровнем развития в СССР, то картина получится для СССР далеко неутешительная. Несмотря на небывалый темп развития производства электроэнергии, продукция электроэнергии в СССР в 1929 г. составляла лишь 6 465 млн. к/ч., тогда как САСШ имели 126 000 млн. к/ч., Канада имела 17 628 млн. к/ч., Германия — 33 000 млн. к/ч., Италия — 10 850 млн. к/ч.

Разница, как видите, колоссальная.

Выходит, что по уровню развития мы стоим позади всех этих государств.

Или взять, например, производство чугуна у нас. Если принять производство чугуна за 1926/27 г. за 100 (2,9 млн. тонн), то за три года, т. е. с 1927/28 г. по 1929/30 г., производство чугуна увеличивается у нас почти *вдвое,* доходя до 190% (5,5 млн. тонн). Темп развития, как видите, довольно высокий. Но если посмотреть на дело с точки зрения уровня развития чугунного производства у нас и сравнить размеры производства чугуна в СССР с размерами производства передовых капиталистических стран, то картина получится довольно неутешительная. Начать с того, что довоенного уровня производства чугуна мы достигаем и превзойдем его лишь в текущем 1929/30 г. Уже это одно заставляет нас притти к тому неумолимому выводу, что без дальнейшего ускорения темпа развития металлургии мы рискуем поставить под угрозу судьбу всего нашего промышленного производства. Что касается уровня развития чугунной промышленности у нас и на Западе, то мы имеем следующую картину: производство чугуна в САСШ в 1929 г. выражалось в цифре 42,3 млн. тонн; в Германии — 13,4 млн. тонн; во Франции — 10,45 млн. тонн; в Англии — 7,7 млн. тонн; а в СССР производство чугуна составит в конце 1929/30 г. всего лишь 5,5 млн. тонн.

Разница, как видите, немалая.

Выходит, таким образом, что по уровню развития чугунного производства мы стоим позади всех этих стран.

О чем все это говорит?

О том, что:

1) *нельзя смешивать* темп развития промышленности с уровнем ее развития;

2) мы дьявольски *отстали* в смысле уровня развития нашей промышленности от передовых капиталистических стран;

3) только *дальнейшее ускорение* темпа развития нашей промышленности даст нам возможность догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны;

4) люди, болтающие о необходимости *снижения* темпа развития нашей промышленности, являются врагами социализма, агентами наших классовых врагов. *(Аплодисменты.)*

4. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ЗЕРНОВАЯ ПРОБЛЕМА

Выше я говорил о состоянии сельского хозяйства в целом со включением лесного хозяйства, рыбной ловли и т. д. без подразделения сельского хозяйства на основные его отрасли. Если выделить из сельского хозяйства в целом основные его отрасли, как, например, зерновое хозяйство, животноводство и технические культуры, то положение дел рисуется, по данным Госплана и НКЗема СССР, в следующем виде:

а) Если принять *посевные* площади *зерновых* культур 1913 г. за 100, то получим следующую картину движения посевных площадей зерновых по годам: 1926/27 г. — 96,9%; 1927/28 г. — 94,7%; 1928/29 г.—98,2%; а в текущем 1929/30 г., по всем данным, составят 105,1% от довоенного уровня.

Обращает на себя внимание факт падения посевных площадей зерновых культур за 1927/28 г. Объясняется это падение не деградацией зернового хозяйства, как болтали об этом невежды из лагеря правых оппортунистов, а гибелью озимых посевов в размере 7 700 тыс. *га* (20% озимых посевов по СССР).

Если взять, далее, *валовую* продукцию зерновых 1913 г. за 100, то получим следующую картину: в 1927 г. — 91,9%; в 1928 г. — 90,8%; в 1929 г. — 94,4%; а в 1930 г., по всем данным, получаем до 110% от довоенной нормы.

Здесь также обращает на себя внимание падение валовой продукции зерновых за 1928 г., объясняемое гибелью озимых на Украине и Северном Кавказе.

Что касается *товарной* части валовой продукции зерновых (внедеревенский оборот), то мы имеем еще более поучительную картину. Если принять товарную часть зерновой продукции 1913 г. за 100, то выходит, что в 1927 г. мы имели 37% товарной продукции; в 1928 г.—36,8%; в 1929 г.—58%; а в текущем 1930 г. будем иметь, по всем данным, не менее 73% от довоенного уровня.

Выходит, таким образом, что по части посевных площадей и валовой продукции зерновых мы достигаем довоенной нормы и немного превышаем ее лишь в текущем 1930 г.

Выходит, далее, что по части *товарной* продукции зерновых мы далеко еще не достигли довоенной нормы и будем отставать от нее еще в этом году процентов на 25.

В этом основа наших хлебных затруднений, особенно обострившихся в 1928 г.

В этом же основа зерновой проблемы.

б) Такая же приблизительно картина открывается, но с более тревожными показателями, в области *животноводства*.

Если принять поголовье всех видов скота в 1916 г. за 100, то получается следующая картина по годам. В 1927 г. лошадей имелось 88,9%, крупного рогатого скота — 114,3%, овец и коз — 119,3%, свиней — 111,3%; в 1928 г. лошадей — 94,6%, крупного рогатого скота — 118,5%, овец и коз — 126%, свиней — 126,1%; в 1929 г. лошадей — 96,9%, крупного рогатого скота — 115,6%, овец и коз — 127,8%, свиней — 103%; в 1930 г. лошадей — 88,6%, крупного рогатого скота — 89,1%, овец и коз — 87,1%, свиней — 60,1% от нормы 1916 г.

Как видите, если принять во внимание данные последнего года, то мы имеем явные признаки начавшегося сокращения животноводческого хозяйства.

Еще более неутешительная картина получается с точки зрения *товарного выхода* животноводства, особенно по части мяса и сала. Если принять валовую продукцию мяса и сала по каждому году за 100, то товарный выход мяса и сала соответственно составляет: в 1926 г. — 33,4%, в 1927 г. — 32,9%, в 1928 г. — 30,4%, в 1929 г. — 29,2%.

Мы имеем, таким образом, явные признаки неустойчивости и экономической ненадежности мелкого и малотоварного хозяйства по животноводству.

Выходит, что вместо превышения по животноводству нормы 1916 г. мы имеем за последний год явные признаки отхода вниз от этой нормы.

Таким образом, вслед за зерновой проблемой, которую мы уже разрешаем в основном с успехом, встает перед нами проблема мясная, острота которой сказывается уже теперь и которая ждет своего разрешения.

в) Иную картину открывает нам развитие *технических* культур, дающих сырье нашей промышленности. Если принять *площадь посева* технических культур 1913 г. за 100, то мы имеем: по *хлопку* в 1927 г. — 107,1%, в 1928 г. — 131,4%, в 1929 г. — 151,4%, в 1930 г. — 217% от довоенного уровня; по *льну* в 1927 г. — 86,6%, в 1928 г. — 95,7%, в 1929 г. — 112,9%, в 1930 г. — 125% от довоенного уровня; по *сахарной свекле* в 1927 г. — 106,6%, в 1928 г. — 124,2%, в 1929 г. — 125,8%,

в 1930 г. — 169% от довоенного уровня; по *масличным* в 1927 г. — 179,4%, в 1928 г. — 230,9%, в 1929 г. — 219,7%, в 1930 г. — не менее 260% от довоенного уровня.

Такую же в основном благоприятную картину дает *валовая продукция* технических культур. Если принять валовую продукцию 1913 г. за 100, то мы имеем: по *хлопку* в 1928 г. — 110,5%, в 1929 г. — 119%, в 1930 г., по всем данным, будем иметь 182,8% от довоенного уровня; по *льну* в 1928 г. — 71,6%, в 1929 г. — 81,5%, в 1930 г., по всем данным, будем иметь 101,3% от довоенного уровня; по *сахарной свекле* в 1928 г. — 93%, в 1929 г. — 58%, в 1930 г., по всем данным, будем иметь 139,4% от довоенного уровня; по *масличным* в 1928 г. — 161,9%, в 1929 г. — 149,8%, в 1930 г., по всем данным, будем иметь 220% от довоенного уровня.

По техническим культурам мы имеем, таким образом, более благоприятную картину, если не считать 1929 г. для свеклы, урожай которой был поврежден мотыльком.

Впрочем, и здесь, в области технических культур, возможны и вероятны в будущем серьезные колебания и проявления неустойчивости ввиду преобладания мелкого хозяйства, по образцу тех колебаний и проявлений неустойчивости, которые демонстрируются в этих цифрах в отношении льна и масличных культур, менее всего задетых влиянием колхозов и совхозов.

Перед нами стоят, таким образом, следующие проблемы сельского хозяйства:

1) проблема упрочения положения технических культур путем обеспечения соответствующим районам достаточного количества дешевых хлебных продуктов;

2) проблема поднятия животноводства и разрешения мясного вопроса путем обеспечения соответствующим районам достаточного количества дешевых зерновых продуктов и кормов;

3) проблема окончательного разрешения вопроса о зерновом хозяйстве, как главного вопроса сельского хозяйства в данный момент.

Выходит, что зерновая проблема является основным звеном в системе сельского хозяйства и ключом к разрешению всех других проблем последнего.

Выходит, что разрешение зерновой проблемы является первой по очереди задачей в ряду других проблем сельского хозяйства.

Но разрешить зерновую проблему и вывести тем самым сельское хозяйство на путь серьезного подъема, — это значит ликвидировать в корне отсталость сельского хозяйства, вооружить его тракторами и сельхозмашинами, снабдить его новыми кадрами научных работников, поднять производительность труда, увеличить

товарность. Без этих условий нечего и мечтать о разрешении зерновой проблемы.

Возможно ли осуществить все эти условия на базе мелкого индивидуального крестьянского хозяйства? Нет, невозможно. Невозможно, так как мелкое крестьянское хозяйство не в силах принять и освоить новую технику, не в силах поднять в достаточной степени производительность труда, не в силах увеличить в достаточной мере товарность сельского хозяйства. Остается один путь, путь *укрупнения* сельского хозяйства, путь насаждения крупных хозяйств, вооруженных современной техникой. Но советская страна не может стать на путь организации крупных *капиталистических* хозяйств. Она может и должна пойти лишь на организацию крупных хозяйств *социалистического* типа, вооруженных новой техникой. Такими хозяйствами и являются у нас *совхозы* и *колхозы*.

Отсюда задача насаждения совхозов и объединения мелких крестьянских хозяйств в крупные коллективные хозяйства, как *единственный* путь разрешения проблемы сельского хозяйства вообще, зерновой проблемы в особенности.

На этот путь и стала партия в своей повседневной практической работе после XV съезда, особенно после обнаружившихся серьезных хлебных затруднений в начале 1928 г.

Следует отметить, что эту коренную проблему, как практическую задачу, поставила на очередь дня наша партия еще на XV съезде, когда не было еще у нас серьезных хлебных затруднений. В известной резолюции XV съезда „О работе в деревне“ прямо говорится, что:

„В настоящий период задача объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы должна быть поставлена в качестве *основной задачи* партии в деревне“.

Может быть нелишне будет также привести соответствующее место из отчетного доклада ЦК на XV съезде, где так же резко и определенно ставится проблема ликвидации отсталости сельского хозяйства на началах коллективизации. Вот что сказано там:

„Где же выход? Выход в переходе мелких и распыленных крестьянских хозяйств в крупные и объединенные хозяйства на основе общественной обработки земли, в переходе на коллективную обработку земли на базе новой, высшей техники. Выход в том, чтобы мелкие и мельчайшие крестьянские хозяйства постепенно, но неуклонно, *не в порядке нажима, а в порядке показа и убеждения*, объединять в крупные хозяйства на основе общественной, товарищеской, коллективной обработки земли, с применением с.-х. машин и тракторов, с применением научных приемов интенсификации земледелия. *Других выходов нет*“.

5. ПОВОРОТ КРЕСТЬЯНСТВА В СТОРОНУ СОЦИАЛИЗМА И ТЕМП РАЗВИТИЯ СОВХОЗНО-КОЛХОЗНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Поворот крестьянства в сторону коллективизации начался не сразу. Он, этот поворот, и не мог начаться сразу. Правда, лозунг коллективизации был провозглашен партией еще на XV съезде. Но для массового поворота крестьянства в сторону социализма недостаточно еще провозглашения лозунга. Для поворота требуется, по крайней мере, еще одно обстоятельство, а именно, чтобы сами крестьянские массы убедились в правильности провозглашенного лозунга и приняли его как свой собственный лозунг. Поэтому поворот этот подготовлялся исподволь. Подготовлялся он всем ходом нашего развития, всем ходом развития нашей индустрии, и прежде всего развитием индустрии, поставляющей машины и тракторы для сельского хозяйства. Подготовлялся он политикой решительной борьбы с кулачеством и ходом наших хлебозаготовок в их новых формах за 1928 и 1929 гг., ставящих кулацкое хозяйство под контроль бедняцко-середняцких масс. Подготовлялся он развитием с.-х. кооперации, приучающей индивидуального крестьянина к коллективному ведению дела. Подготовлялся он сетью колхозов, где крестьянин проверял преимущество коллективных форм хозяйства перед индивидуальным хозяйством. Подготовлялся он, наконец, сетью разбросанных по всему СССР и вооруженных новой техникой совхозов, где крестьянин получал возможность убедиться в силе и преимуществах новой техники. Было бы ошибочно видеть в наших совхозах только лишь источник хлебных ресурсов. На самом деле совхозы с их новой техникой, с их помощью окружающим крестьянам, с их невиданным хозяйственным размахом явились той ведущей силой, которая облегчила поворот крестьянских масс и двинула их на путь коллективизации.

Вот на какой основе возникло то массовое колхозное движение миллионов бедняков и середняков, которое началось во второй половине 1929 г. и которое открыло собой период великого перелома в жизни нашей страны.

Какие мероприятия принял ЦК для того, чтобы встретить во всеоружии и возглавить это движение?

Мероприятия ЦК проходят по трем линиям: по линии организации и финансирования совхозов, по линии организации и финансирования колхозов, наконец, по линии организации строительства тракторов и с.-х. машин и снабжения ими деревни через машинно-тракторные станции, через тракторные колонны и т. д.

а) Еще в апреле 1928 г. Политбюро ЦК приняло решение об организации в 3—4 года *новых совхозов* с расчетом, чтобы

они, эти совхозы, могли дать к концу этого срока не менее 100 млн. пудов товарного хлеба. В дальнейшем это решение было подтверждено пленумом ЦК. Был организован Зернотрест, которому было поручено исполнение этого решения. Наряду с этим было принято решение об укреплении *старых совхозов* и расширении их посевных полей. Был организован Совхозцентр, которому было поручено проведение в жизнь этого решения.

Нельзя не отметить, что эти решения были приняты в штыки со стороны оппортунистической части нашей партии. Были разговоры о том, что деньги, помещенные в совхозы, являются „выброшенными" деньгами. Была также критика со стороны людей „науки", поддержанная оппортунистическими элементами партии, насчет невозможности и бессмысленности организации крупных совхозов. Однако, ЦК вел свою линию и довел ее до конца, несмотря ни на что.

В 1927/28 г. было отпущено на финансирование совхозов (не считая оборотного краткосрочного кредита) 65,7 млн. рублей. В 1928/29 г. было отпущено 185,8 млн. рублей. Наконец в текущем году отпущено 856,2 млн. руб. Отдано в распоряжение совхозов за отчетный период 18 тысяч тракторов в 350 тыс. лош. сил.

Каковы результаты этих мероприятий?

Посевная площадь *Зернотреста* составляла в 1928/29 г. 150 тыс. *га,* в 1929/30 г. — 1 060 тыс. *га,* в 1930/31 г. составит 4 500 тыс. *га,* в 1931/32 г. составит 9 000 тыс. *га,* а в 1932/33 г., т. е. к концу пятилетки, составит 14 000 тыс. *га.* Посевная площадь *Совхозцентра* составляла в 1928/29 г. 430 тыс. *га,* в 1929/30 г. — 860 тыс. *га,* в 1930/31 г. составит 1 800 тыс. *га,* в 1931/32 г. составит 2 000 тыс. *га,* а в 1932/33 г. составит 2 500 тыс. *га.* Посевная площадь *Укрсовхозобъединения* составляла в 1928/29 г. 170 тыс. *га,* в 1929/30 г. — 280 тыс. *га,* в 1930/31 г. составит 500 тыс. *га,* а в 1932/33 г. составит 720 тыс. *га.* Посевная площадь *Союзсахара* (по зерну) составляла в 1928/29 г. 780 тыс. *га,* в 1929/30 г. — 820 тыс. *га,* в 1930/31 г. составит 860 тыс. *га,* в 1931/32 г. составит 980 тыс. *га,* а в 1932/33 г. составит 990 тыс. *га.*

Это значит, во-первых, что один лишь Зернотрест будет иметь к концу пятилетки *столько же* посевной площади зерновых, сколько имеет теперь вся Аргентина. *(Аплодисменты.)*

Это значит, во-вторых, что все совхозы, вместе взятые, будут иметь к концу пятилетки на 1 млн. *га больше* посевной площади зерновых, чем имеет теперь вся Канада. *(Аплодисменты.)*

Что касается *валовой* и *товарной* зерновой продукции совхозов, то мы имеем следующую картину движения по годам: в 1927/28 г. мы имели от всех совхозов валовой продукции 9,5 млн. *ц,* из них

товарных 6,1 млн. *ц;* в 1928/29 г. — 12,8 млн. *ц,* из них товарных 7,9 млн. *ц;* в 1929/30 г. будем иметь, по всем данным, 28,2 млн. *ц,* из них товарных 18 млн. *ц* (108 млн. пуд.); в 1930/31 г. будем иметь 71,7 млн. *ц,* из них товарных 61 млн. *ц* (370 млн. пудов) и т. д. и т. п.

Таковы наличные и ожидаемые результаты совхозной политики нашей партии.

По решению Политбюро ЦК в апреле 1928 г. об организации новых совхозов выходило, что мы должны получить от новых совхозов не менее 100 млн. пудов товарного хлеба в 1931/32 г. На деле же получается, что мы будем иметь уже в 1931/32 г. от одних только новых совхозов более 200 млн. пудов. Получается перевыполнение программы в 2 раза.

Выходит, что люди, смеявшиеся над решением Политбюро ЦК, жестоко посмеялись над самими собой.

По пятилетнему плану, утвержденному съездом советов, мы должны были иметь к концу пятилетки посевных площадей по совхозам всех систем 5 млн. *га.* А на деле мы имеем посевных площадей совхозов уже в этом году 3,8 млн. *га,* а в будущем году, т. е. на третьем году пятилетки, будем иметь 8 млн. *га* посевных площадей.

Это значит, что мы выполняем и перевыполняем пятилетнюю программу совхозного строительства в 3 года.

По пятилетнему плану мы должны были иметь валовой продукции зерновых по совхозам к концу пятилетки 54,3 млн. *ц.* А на деле мы имеем валовой продукции зерновых от совхозов уже в этом году 28,2 млн. *ц,* а в будущем году будем иметь 71,7 млн. *ц.*

Это значит, что по валовой продукции зерновых мы выполняем и перевыполняем пятилетку в 3 года.

Пятилетка в 3 года.

Пусть болтают теперь буржуазные писаки и их оппортунистические подголоски, что нельзя выполнить и перевыполнить пятилетку совхозного строительства в 3 года.

б) Что касается *колхозного* строительства, то мы имеем еще более благоприятную картину.

Еще в июле 1928 г. пленумом ЦК было принято следующее решение о колхозном строительстве:

„Неуклонно проводить в жизнь поставленную XV съездом задачу „объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы“, как *добровольные объединения,* построенные на базе новой техники и представляющие высшую форму зернового хозяйства как в смысле социалистического преобразования сельского хозяйства, так и в смысле обеспечения радикального повышения его производительности и товарности“ (см. резолюцию июльского пленума ЦК „О политике хлебозаготовок в связи с общим хозяйственным положением“ 1928 г.).

В дальнейшем это решение получило свое подтверждение в резолюциях XVI конференции партии и в специальной резолюции ноябрьского пленума ЦК 1929 г. о колхозном движении. Во второй половине 1929 г., когда обозначился коренной поворот крестьянства в сторону колхозов и когда середняк в своей массе пошел в колхозы, Политбюро ЦК приняло специальное решение от 5 января 1930 г. „О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству".

В этой резолюции ЦК:

1) установил наличие *массового поворота крестьян* в сторону колхозов и возможность перевыполнения пятилетнего плана колхозного строительства весной 1930 г.;

2) установил наличие материальных и иных условий, необходимых *для замены кулацкого производства производством колхозов,* в связи с чем провозгласил необходимость перехода от политики ограничения к политике ликвидации кулачества как класса;

3) дал перспективу о том, что уже весной 1930 г. посевная площадь, обработанная на обобществленных началах, *значительно превысит 30 млн. га;*

4) разбил СССР на 3 группы районов, установив *для каждой из них ориентировочные сроки* завершения в основном коллективизации;

5) *пересмотрел метод землеустройства* в пользу колхозов и формы финансирования сельского хозяйства, определив для колхозов на 1929/30 г. не менее 500 млн. руб. кредита;

6) определил *артельную форму* колхозного движения, как *основное звено колхозной системы* в данный момент;

7) дал отповедь оппортунистическим элементам партии, пытающимся тормозить колхозное движение из-за недостатка машин и тракторов;

8) наконец, дал предупреждение партийным работникам от возможных перегибов в колхозном движении и опасности декретирования колхозного строительства сверху, опасности, создающей угрозу подмены действительного и массового колхозного движения игрой в коллективизацию.

Следует отметить, что это решение ЦК было встречено более чем недружелюбно со стороны оппортунистических элементов нашей партии. Были разговоры и шушуканья насчет того, что ЦК ударился в фантастику, что он „транжирит" народные деньги на „несуществующие" колхозы. Правые элементы потирали руки, предвкушая „обеспеченный" провал. Однако, ЦК вел свою линию со всей настойчивостью и довел ее до конца, несмотря ни на что, несмотря на обывательское хихиканье правых, несмотря на перегибы и головокружение „левых".

В 1927/28 г. было отпущено на финансирование колхозов 76 млн. руб., в 1928/29 г. — 170 млн. руб., наконец, в текущем году отпущено 473 млн. руб. Отпущено, кроме того, 65 млн. руб. в фонд коллективизации. Определены льготы колхозам, повысившие финансовые ресурсы колхозов на 200 млн. рублей. Обеспечено колхозам хозяйственное имущество раскулаченных кулаков, стоимостью более 400 млн. руб. Обеспечено на использование для колхозных полей не менее 30 тыс. тракторов мощностью более чем 400 тыс. лош. сил, не считая 7 тыс. тракторов Трактороцентра, обслуживающих колхозы, и помощи тракторами, оказываемой колхозам системой совхозов. Дано колхозам в этом году семенной ссуды и семенной помощи 10 млн. *ц* зерна (61 млн. пудов). Наконец, оказана непосредственная организационная помощь колхозам в деле создания машинно-конных баз, число которых превышает 7 тыс., с использованием в них не менее 1 300 тыс. лошадей.

Каковы результаты этих мероприятий?

Посевная площадь колхозов составляла в 1927 г. 0,8 млн. *га*, в 1928 г. — 1,4 млн. *га*, в 1929 г. — 4,3 млн. *га*, в 1930 г. — не менее 36 млн. *га*, считая яровой и озимый клин.

Это значит, во-первых, что за 3 года колхозная посевная площадь выросла более чем в 40 раз. *(Аплодисменты.)*

Это значит, во-вторых, что у наших колхозов имеется теперь *столько же* посевной площади, сколько у Франции и Италии, вместе взятых. *(Аплодисменты.)*

Что касается *валовой* продукции зерновых и *товарной* их части, то мы имеем следующую картину. В 1927 г. мы имели от колхозов 4,9 млн. *ц*, из них товарных 2 млн. *ц*; в 1928 г. — 8,4 млн. *ц*, из них товарных 3,6 млн. *ц*; в 1929 г. — 29,1 млн. *ц*, из них товарных 12,7 млн. *ц*; в 1930 г. мы будем иметь, по всем данным, 256 млн. *ц* (1 550 млн. пудов), из них товарных не менее 82 млн. *ц* (более 500 млн. пудов).

Нужно признать, что ни одна отрасль нашей промышленности, развивающейся в общем довольно ускоренным темпом, не дала еще таких небывалых темпов подъема, как колхозное строительство.

О чем говорят все эти цифры?

Они говорят, прежде всего, о том, что валовая продукция зерновых в колхозах выросла за 3 года более чем в 50 раз, а товарная более чем в 40 раз.

Они говорят, во-вторых, о том, что мы имеем возможность получить в этом году от колхозов *более половины* всей товарной продукции зерна в стране.

Они говорят, в-третьих, о том, что судьбу сельского хозяй-

ства и его основных проблем будут отныне определять не индивидуальные крестьянские хозяйства, а колхозы и совхозы.

Они говорят, в-четвертых, о том, что процесс ликвидации кулачества как класса идет у нас вперед на всех парах.

Они говорят, наконец, о том, что в стране уже произошли такие экономические сдвиги, которые дают полное основание утверждать, что нам удалось повернуть деревню на новый путь, на путь коллективизации, обеспечив тем самым успешное строительство социализма не только в городе, но и в деревне.

В своем постановлении от 5 января 1930 г. Политбюро ЦК определило к весне 1930 г. программу колхозных посевных площадей, обработанных на обобществленных началах, в 30 млн. *га*. На деле же мы имеем 36 млн. *га*. Получается перевыполнение программы ЦК.

Выходит, что люди, смеявшиеся над решением ЦК, жестоко посмеялись над самими собой. Не помогли оппортунистическим болтунам нашей партии ни мелко-буржуазная стихия, ни перегибы в колхозном движении.

По пятилетнему плану мы должны были иметь к концу пятилетки посевных площадей по колхозам 20,6 млн. *га*. А на деле мы имеем посевных площадей колхозов уже в этом году 36 млн. *га*.

Это значит, что мы уже перевыполнили пятилетнюю программу колхозного строительства в 2 года более чем в $1\frac{1}{2}$ раза. *(Аплодисменты.)*

По пятилетнему плану мы должны были иметь к концу пятилетки валовой продукции зерновых по колхозам 190,5 млн. *ц*. А на деле мы будем иметь валовой продукции зерновых по колхозам уже в этом году 256 млн. *ц*.

Это значит, что мы уже перевыполняем пятилетнюю программу колхозной продукции зерна в 2 года более чем на 30%.

Пятилетка в 2 года. (Аплодисменты.)

Пусть болтают теперь оппортунистические кумушки, что нельзя выполнить и перевыполнить пятилетку колхозного строительства в 2 года.

6. УЛУЧШЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНОГО И КУЛЬТУРНОГО ПОЛОЖЕНИЯ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН

Выходит, таким образом, что поступательный рост обобществленного сектора как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства является фактом, не подлежащим никакому сомнению.

Что это может означать с точки зрения материального положения трудящихся?

Это означает, что тем самым заложены уже основы для коренного улучшения материального и культурного положения рабочих и крестьян.

Почему, каким образом?

Потому, во-первых, что рост обобществленного сектора означает прежде всего сокращение эксплоататорских элементов города и деревни, падение их удельного веса в народном хозяйстве. А это значит, что доля рабочих и крестьян в народном доходе страны неминуемо должна возрастать за счет сокращения доли эксплоататорских классов.

Потому, во-вторых, что при росте обобществленного сектора часть народного дохода, шедшая до сих пор для кормления эксплоататорских классов и их челяди, должна остаться отныне в самом производстве, на расширение производства, на постройку новых фабрик и заводов, на улучшение быта трудящихся. А это значит, что численность и сила рабочего класса должны возрастать, а безработица сокращаться и рассасываться.

Потому, наконец, что рост обобществленного сектора, поскольку он ведет к улучшению материального положения рабочего класса, означает поступательный рост емкости внутреннего рынка, увеличение спроса на продукты промышленности со стороны рабочих и крестьян. А это значит, что рост внутреннего рынка будет обгонять рост промышленности и толкать ее вперед, к непрерывному расширению.

Все эти и подобные обстоятельства ведут к неуклонному улучшению материального и культурного положения рабочих и крестьян.

а) Начнем с вопроса о *численном росте* рабочего класса и *сокращении безработицы.*

Если количество лиц наемного труда (без безработных) составляло в 1926/27 г. 10 990 тыс., то в 1927/28 г. мы имели 11 456 тыс., в 1928/29 г. — 11 997 тыс., а в 1929/30 г., по всем данным, будем иметь не менее 13 129 тыс. Из них лиц физического труда (включая с.-х. рабочих и сезонных рабочих) в 1926/27 г. — 7 069 тыс., в 1927/28 г. — 7 404 тыс., в 1928/29 г. — 7 758 тыс., в 1929/30 г. — 8 533 тыс. Из них рабочих крупной промышленности (без служащих) в 1926/27 г. — 2 439 тыс., в 1927/28 г. — 2 632 тыс., в 1928/29 г. — 2 858 тыс., в 1929/30 г. — 3 029 тыс.

Это значит, что мы имеем картину последовательного роста численности рабочего класса, при чем, если процент роста лиц наемного труда составляет за 3 года 19,5, а лиц физического труда — 20,7, то процент роста индустриальных рабочих составляет 24,2.

Перейдем к вопросу о *безработице*. Нужно сказать, что в этой области существует большая неразбериха как у НКТруда, так и у ВЦСПС. С одной стороны, по данным этих учреждений, выходит, что мы имеем безработных около миллиона человек, из коих минимально квалифицированные составляют всего 14,3%, а около 73% составляют лица так называемого интеллигентного труда и неквалифицированные, при чем громадное большинство из числа последних составляют женщины и подростки, не имевшие отношения к промышленному производству. С другой стороны, по тем же данным, мы переживаем ужасающий голод в квалифицированной рабочей силе, биржи труда не удовлетворяют спроса наших предприятий на рабочую силу процентов на 80, и мы вынуждены, таким образом, наскоро, буквально на-ходу переучивать совершенно неквалифицированных людей и подготовлять из них квалифицированных на удовлетворение хотя бы минимальных потребностей наших предприятий. Попробуйте-ка разобраться в этой неразберихе. Ясно, во всяком случае, что эти безработные не составляют ни *резервной*, ни, тем более, *постоянной* армии безработных нашей промышленности. И что же? Даже по данным НКТруда выходит, что за последнее время количество безработных *сократилось* в сравнении с прошлым годом более чем на 700 тыс. чел. Это означает сокращение числа безработных на 1 мая этого года более чем на 42%.

Вот вам еще один результат роста социалистического сектора в нашем народном хозяйстве.

б) Еще более разительный результат получается, если рассмотреть дело с точки зрения распределения народного дохода по классам. Вопрос о распределении народного дохода по классам является коренным вопросом с точки зрения материального и культурного положения рабочих и крестьян. Недаром буржуазные экономисты Германии, Англии, САСШ стараются запутать этот вопрос в пользу буржуазии, то и дело публикуя свои „совершенно объективные" исследования на этот счет.

По данным Всегерманского статистического управления, доля зарплаты в народном доходе Германии составляла в 1929 г. 70%, а доля буржуазии — 30%. По данным Федеральной торговой комиссии и Национального бюро экономических исследований, доля рабочих в народном доходе САСШ за 1923 г. составляла более 54%, а доля капиталистов — 45% с лишним. Наконец, по данным экономистов Болей и Стэмпа, доля рабочего класса в народном доходе Англии на 1924 г. составляла немного меньше 50%, а доля капиталистов немного больше 50% народного дохода Англии.

Понятно, что нельзя принять результаты этих исследований на

веру. Нельзя, так как кроме погрешностей чисто экономического порядка в этих исследованиях имеются еще другого рода погрешности, имеющие своей целью отчасти скрыть доходы капиталистов и преуменьшить их, отчасти раздуть и увеличить доходы рабочего класса, причисляя к рабочим чиновников, получающих огромные оклады. Я уже не говорю о том, что в этих исследованиях часто не учитываются доходы фермеров и вообще сельских капиталистов.

Тов. Варга подверг критическому анализу эти данные. И вот что у него получилось. Оказывается, что доля рабочих и прочих трудящихся города и деревни, не эксплоатирующих чужого труда, составляла в Германии 55% народного дохода, в САСШ — 54%, в Англии — 45%, доля же капиталистов в Германии — 45%, в САСШ — 46%, в Англии — 55%.

Так обстоит дело в крупнейших капиталистических странах.

А как обстоит дело в СССР?

Вот вам данные Госплана. Оказывается, что:

а) Доля *рабочих и трудящихся крестьян, не эксплоатирующих чужого труда,* составляла у нас в 1927/28 г. 75,2% всего народного дохода (в том числе доля городских и сельских рабочих — 33,3%), в 1928/29 г. — 76,5% (в том числе доля городских и сельских рабочих — 33,2%), в 1929/30 г. — 77,1% (в том числе доля городских и сельских рабочих — 33,5%).

б) Доля *кулаков и городских капиталистов* составляла в 1927/28 г. 8,1%, в 1928/29 г. — 6,5%, в 1929/30 г. — 1,8%.

в) Доля *кустарей,* большинство которых представляет трудящийся элемент, составляла в 1927/28 г. 6,5%, в 1928/29 г. — 5,4%, в 1929/30 г. — 4,4%.

г) Доля *государственного сектора,* доходы которого являются доходами рабочего класса и вообще трудящихся масс, составляла в 1927/28 г. 8,4%, в 1928/29 г. — 10%, в 1929/30 г. — 15,2%.

д) Наконец, доля так называемых *прочих* (имеются в виду пенсии) составляла в 1927/28 г. 1,8%, в 1928/29 г. — 1,6%, в 1929/30 г. — 1,5%.

Выходит, таким образом, что в то время как в передовых капиталистических странах доля эксплоататорских классов в народном доходе составляет около 50%, а то и больше того, у нас, в СССР, доля эксплоататорских классов составляет не более 2% народного дохода.

Этим, собственно, и объясняется тот поразительный факт, что в САСШ в 1922 г., по словам американского буржуазного писателя *Денни,* „1% собственников сосредоточивал в своих руках 59% всего национального богатства“, а в Англии в 1920/21 г., по словам того же *Денни,* „менее 2% всего числа собственников

владело 64% всего национального богатства“ (см. книжку *Денни* „Америка завоевывает Британию“).

Могут ли иметь место подобные факты у нас, в СССР, в стране советов? Ясно, что не могут. В СССР давно уже нет и не может быть таких „собственников“.

Но если в СССР в 1929/30 г. всего лишь около 2% народного дохода перепадает на долю эксплоататорских классов, то куда девается остальная масса народного дохода?

Ясно, что она остается в руках рабочих и трудящихся крестьян.

Вот где источник силы и авторитета Советской власти среди миллионов рабочего класса и крестьянства.

Вот где основа систематического роста материального благосостояния рабочих и крестьян СССР.

е) В свете этих решающих фактов становятся вполне понятными систематическое увеличение реальной зарплаты рабочих, рост бюджета социального страхования рабочих, усиление помощи бедняцким и середняцким хозяйствам крестьянства, увеличение ассигнований на рабочее жилищное строительство, на улучшение быта рабочих, на материнство и младенчество и в связи с этим поступательный рост народонаселения СССР при сокращении смертности, особенно смертности детей.

Известно, например, что *реальная зарплата* рабочих, считая соцстрах и отчисления от прибылей в фонд улучшения быта рабочих, выросла в отношении довоенного уровня до 167%. Один лишь бюджет социального страхования рабочих вырос за последние 3 года с 980 млн. руб. в 1927/28 г. до 1 400 млн. руб. в 1929/30 г. На охрану материнства и младенчества ушло за последние 3 года (1927/28—1929/30 гг.) 494 млн. руб. На дошкольное воспитание (детские сады, площадки и т. д.) ушло за тот же период 204 млн. руб. На рабочее жилищное строительство — 1 880 млн. руб.

Это не значит, конечно, что уже сделано все необходимое для серьезного увеличения реальной зарплаты, что нельзя было поднять реальную зарплату на более высокую ступень. И если это не сделано, то в этом виноват бюрократизм нашего снабженческого аппарата вообще, бюрократизм потребительской кооперации прежде всего и в особенности. По данным Госплана, обобществленный сектор по внутренней торговле охватывает в 1929/30 г. по опту более 99% и по рознице более 89%. Это значит, что кооперация систематически побивает частный сектор и становится монополистом в области торговли. Это, конечно, хорошо. Но плохо то, что эта монополия в ряде случаев идет во вред потребителям. Оказывается, что, несмотря на свое почти монопольное положение в торговле, кооперация предпочитает снабжать рабочих более

„доходными“ товарами, дающими большие прибыли (галантерея и т. д.), и избегает снабжать их товарами менее „доходными“, хотя и более необходимыми для рабочих (с.-х. продукты). В связи с этим рабочие вынуждены около 25% своих потребностей в с.-х. продуктах удовлетворять на частном рынке, переплачивая на ценах. Я уже не говорю о том, что аппарат кооперации более всего заботится о балансе, ввиду чего слишком туго идет на снижение розничных цен, несмотря на категорические директивы со стороны руководящих центров. Выходит, что кооперация действует в данном случае не как социалистический сектор, а как своеобразный сектор, зараженный неким нэпманским духом. Спрашивается, кому нужна такая кооперация и какая польза для рабочих от ее монополии, если она не выполняет задачи серьезного улучшения реальной зарплаты рабочих?

И если, несмотря на это, реальная зарплата у нас все же неуклонно повышается из года в год, то это значит, что наш строй, система распределения народного дохода и вся установка по линии зарплаты таковы, что они имеют возможность парализовать и перекрыть все и всякие минусы, идущие от кооперации.

Если прибавить к этому обстоятельству ряд других факторов вроде увеличения роли общественного питания, удешевления жилищ для рабочих, громадного количества стипендий для рабочих и детей рабочих, культурного обслуживания и т. д., то можно смело сказать, что увеличение зарплаты рабочих составит гораздо больший процент, чем это указывается в статистике некоторых наших учреждений.

Все это, вместе взятое, плюс перевод на 7-часовой рабочий день более 830 тыс. индустриальных рабочих (33,5%), плюс перевод на пятидневную неделю более 1½ млн. индустриальных рабочих (63,4%), плюс наличие широкой сети домов отдыха, санаторий и курортов для рабочих, через которые пропущено за последние 3 года более 1700 тыс. рабочих, — все это создает такую обстановку работы и быта рабочего класса, которая дает нам возможность вырастить новое поколение рабочих, здоровых и жизнерадостных, способных поднять могущество Советской страны на должную высоту и защитить ее грудью от покушений со стороны врагов. *(Аплодисменты.)*

Что касается помощи крестьянам, как индивидуальным, так и коллективизированным, имея в виду и помощь бедноте, то она выразилась за последние 3 года (1927/28—1929/30 гг.) в сумме не менее 4 млрд. руб., отпущенных по линии кредита и государственного бюджета. Известно, что одной лишь семенной помощи было выдано крестьянам за эти 3 года не менее 154 млн. пудов зерна.

Не удивительно, что рабочие и крестьяне живут у нас в общем не плохо, смертность населения уменьшилась по сравнению с довоенным временем на 36% по общей и на 42,5% по детской линии, а *ежегодный прирост* населения составляет у нас более 3 млн. душ. *(Аплодисменты.)*

Что касается культурного положения рабочих и крестьян, то и в этой области имеем некоторые достижения, которые, однако, ни в коем случае не могут нас удовлетворить ввиду их незначительности. Если не считать рабочих клубов всякого рода, изб-читален, библиотек и ликбеза, который охватывает в этом году 10½ млн. чел., то положение культурно-образовательного дела представляется в следующем виде. Школы начального образования охватывают в текущем году 11 638 тыс. учащихся; школы II ступени — 1 945 тыс.; индустриально-технические, транспортные, с.-х. школы и производственные курсы массовой квалификации — 333,1 тыс.; техникумы и равные им профшколы — 238,7 тыс.; вузы и втузы — 190,4 тыс. Все это дало возможность довести процент грамотности по СССР до 62,6% против 33% в довоенное время.

Главное теперь — перейти на обязательное первоначальное обучение. Я говорю „главное", так как такой переход означал бы решающий шаг в деле культурной революции. А перейти к этому делу давно пора, ибо мы имеем теперь все необходимое для организации всеобщего первоначального образования в подавляющем большинстве районов СССР. До сего времени мы вынуждены были „экономить на всем, даже на школах" для того, чтобы „спасти, восстановить тяжелую промышленность" (Ленин). За последнее время, однако, мы уже восстановили тяжелую промышленность и двигаем ее дальше. Следовательно, настало время, когда мы должны взяться за организацию всеобщего обязательного первоначального образования.

Я думаю, что съезд поступит правильно, если он примет на этот счет определенное и совершенно категорическое решение. *(Аплодисменты.)*

7. ТРУДНОСТИ РОСТА, БОРЬБА КЛАССОВ И НАСТУПЛЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА ПО ВСЕМУ ФРОНТУ

Я говорил о наших достижениях в деле развития народного хозяйства. Я говорил о достижениях в области промышленности, в области сельского хозяйства, в области реконструкции всего народного хозяйства на началах социализма. Я говорил, наконец, о достижениях по линии улучшения материального положения рабочих и крестьян.

Но было бы ошибочно думать, что мы добились этих достижений „легко и спокойно“, в порядке, так сказать, самотека, без особых усилий и напряжений воли, без борьбы и встряски. Такие достижения не даются в порядке самотека. На самом деле мы добились этих достижений в решительной борьбе с трудностями, в серьезной и длительной борьбе за преодоление трудностей.

О трудностях говорят у нас все. Но не все отдают себе отчет в характере этих трудностей. А между тем проблема трудностей имеет для нас серьезнейшее значение.

Отсюда вопрос: в чем состоят характерные черты наших трудностей, какие враждебные силы скрываются за ними и как мы их преодолеваем?

а) При характеристике наших трудностей надо иметь в виду, по крайней мере, следующие обстоятельства.

Прежде всего необходимо учесть то обстоятельство, что нынешние наши трудности являются трудностями *реконструктивного* периода. Что это значит? Это значит, что они коренным образом отличаются от трудностей *восстановительного* периода нашего хозяйства. Если при восстановительном периоде речь шла о загрузке старых заводов и помощи сельскому хозяйству на его старой базе, то теперь дело идет о том, чтобы коренным образом перестроить, реконструировать и промышленность и сельское хозяйство, изменив их техническую базу, вооружив их современной техникой. Это значит, что перед нами стоит задача перестройки всей технической базы народного хозяйства. А это требует новых, более солидных вложений в народное хозяйство, новых, более опытных кадров, способных овладеть новой техникой и двинуть ее вперед.

Надо иметь в виду, во-вторых, то обстоятельство, что реконструкция народного хозяйства не ограничивается у нас перестройкой его технической базы, а, наоборот, требует вместе с тем перестройки социально-экономических отношений. Я имею здесь в виду, главным образом, сельское хозяйство. В промышленности, которая уже объединена и социализирована, техническая реконструкция имеет уже в основном готовую социально-экономическую базу. Задача реконструкции состоит здесь в том, чтобы усилить процесс вытеснения капиталистических элементов в промышленности. Не так просто обстоит дело в сельском хозяйстве. Реконструкция технической базы сельского хозяйства преследует, конечно, те же цели. Но особенность сельского хозяйства состоит у нас в том, что в нем все еще преобладает мелкое крестьянское хозяйство, что мелкое хозяйство лишено возможности освоить новую технику, что, ввиду этого, перестройка технической базы

сельского хозяйства *невозможна* без одновременной перестройки старого социально-экономического уклада, без объединения мелких хозяйств в крупные коллективные хозяйства, без выкорчевывания корней капитализма в сельском хозяйстве.

Понятно, что эти обстоятельства не могут не осложнять наших трудностей, не могут не осложнять нашей работы по преодолению этих трудностей.

Надо иметь в виду, в-третьих, то обстоятельство, что наша работа по социалистической реконструкции народного хозяйства, рвущая экономические связи капитализма и опрокидывающая вверх дном все силы старого мира, не может не вызывать отчаянного сопротивления со стороны этих сил. Оно так и есть, как известно. Злостное вредительство верхушки *буржуазной интеллигенции* во всех отраслях нашей промышленности, зверская борьба *кулачества* против коллективных форм хозяйства в деревне, саботаж мероприятий Советской власти со стороны *бюрократических элементов* аппарата, являющихся агентурой классового врага, — таковы пока что главные формы сопротивления отживающих классов нашей страны. Ясно, что эти обстоятельства не могут послужить к облегчению нашей работы по реконструкции народного хозяйства.

Надо иметь в виду, в-четвертых, то обстоятельство, что сопротивление отживающих классов нашей страны происходит не изолированно от внешнего мира, а встречает поддержку со стороны капиталистического окружения. Капиталистическое окружение не есть простое географическое понятие. Капиталистическое окружение — это значит, что вокруг СССР имеются враждебные классовые силы, готовые поддержать наших классовых врагов внутри СССР и морально, и материально, и путем финансовой блокады, и, при случае, путем военной интервенции. Доказано, что вредительство наших спецов, антисоветские выступления кулачества, поджоги и взрывы наших предприятий и сооружений субсидируются и вдохновляются извне. Империалистический мир не заинтересован в том, чтобы СССР стал на ноги и получил возможность догнать и перегнать передовые капиталистические страны. Отсюда его помощь силам старого мира в СССР. Понятно, что это обстоятельство также не может служить к облегчению нашей реконструктивной работы.

Но характеристика наших трудностей будет неполной, если не принять во внимание еще одно обстоятельство. Речь идет об особом характере наших трудностей. Речь идет о том, что наши трудности являются не трудностями *упадка* или трудностями *застоя,* а трудностями *роста,* трудностями *подъема,* трудностями *продвижения вперед.* Это значит, что наши трудности коренным

образом отличаются от трудностей капиталистических стран. Когда в САСШ говорят о трудностях, имеют в виду трудности *упадка,* ибо Америка переживает ныне кризис, т. е. упадок хозяйства. Когда в Англии говорят о трудностях, имеют в виду трудности *застоя,* ибо Англия переживает вот уже несколько лет застой, т. е. приостановку движения вперед. Когда же мы говорим о наших трудностях, имеем в виду не упадок и не застой в развитии, а *рост* наших сил, *подъем* наших сил, *продвижение* нашей экономики *вперед.* На сколько пунктов *продвинуться вперед* к такому-то сроку, на сколько процентов выработать *больше* продуктов, на сколько миллионов гектаров засеять *больше,* на сколько месяцев *раньше* построить завод, фабрику, железную дорогу, — вот какие вопросы имеют у нас в виду, когда говорят о трудностях. Следовательно, наши трудности, в отличие от трудностей, скажем, Америки или Англии, есть трудности *роста,* трудности *продвижения вперед.*

А что это значит? Это значит, что наши трудности являются такими трудностями, которые *сами содержат в себе возможность их преодоления.* Это значит, что отличительная черта наших трудностей состоит в том, что они *сами дают нам базу для их преодоления.*

Что же из всего этого вытекает?

Из этого вытекает, прежде всего, что наши трудности являются не трудностями мелких и случайных „неполадок“, а трудностями классовой борьбы.

Из этого вытекает, во-вторых, что за нашими трудностями скрываются наши классовые враги, что трудности эти осложняются отчаянным сопротивлением отживающих классов нашей страны, поддержкой этих классов извне, наличием бюрократических элементов в наших собственных учреждениях, наличием неуверенности и косности в некоторых прослойках нашей партии.

Из этого вытекает, в-третьих, что для преодоления трудностей необходимо, прежде всего, отбить атаки капиталистических элементов, подавить их сопротивление и расчистить, таким образом, дорогу для быстрого продвижения вперед.

Из этого вытекает, наконец, что самый характер наших трудностей, являющихся трудностями *роста,* дает нам *возможности,* необходимые для подавления классовых врагов.

Но чтобы использовать эти *возможности* и превратить их в *действительность,* чтобы подавить сопротивление классовых врагов и добиться преодоления трудностей, для этого существует лишь одно средство: организовать *наступление* на капиталистические элементы *по всему фронту* и изолировать оппортунистические элементы в наших собственных рядах, мешающие насту-

плению, мечущиеся в панике из стороны в сторону и вносящие в партию неуверенность в победе. *(Аплодисменты.)*

Других средств нет.

Только люди, потерявшие голову, могут искать выхода в ребяческой формуле т. Бухарина о мирном врастании капиталистических элементов в социализм. Развитие шло у нас и продолжает итти не по формуле т. Бухарина. Развитие шло и продолжает итти по формуле Ленина — „кто кого". Мы ли их, эксплоататоров, сомнем и подавим, или они нас, рабочих и крестьян СССР, сомнут и подавят, — так стоит вопрос, товарищи.

Итак, *организация наступления социализма по всему фронту,* — вот какая задача встала перед нами при развертывании работы по реконструкции *всего* народного хозяйства.

Партия так именно поняла свою миссию, организовав наступление против капиталистических элементов нашей страны.

б) Но допустимо ли вообще наступление и притом наступление по всему фронту в условиях существования нэпа?

Иные думают, что наступление несовместимо с нэпом, что нэп есть, по сути дела, отступление, что коль скоро отступление кончено, нэп должен быть отменен. Это, конечно, глупость. Глупость, исходящая либо от троцкистов, которые ничего в ленинизме не поняли и думают „отменить" нэп „в два счета", либо от правых оппортунистов, которые также ничего в ленинизме не поняли и болтовней об „угрозе отмены нэпа" думают выторговать себе отказ от наступления. Если бы нэп исчерпывался отступлением, Ленин не сказал бы на XI съезде партии, когда нэп проводился у нас со всей последовательностью, что „отступление кончено". Разве Ленин, говоря об окончании отступления, не заявлял, вместе с тем, что мы думаем проводить нэп „всерьез и надолго"? Стоит только поставить этот вопрос, чтобы понять всю несообразность болтовни о несовместимости нэпа с наступлением. На самом деле нэп предполагает не только *отступление* и допущение оживления частной торговли, допущение оживления капитализма при обеспечении регулирующей роли государства (начальная стадия нэпа). На самом деле нэп предполагает вместе с тем на известной стадии развития *наступление* социализма на капиталистические элементы, *сужение* поля деятельности частной торговли, относительное и абсолютное *сокращение* капитализма, растущий *перевес* обобществленного сектора над сектором необобществленным, победу социализма над капитализмом (нынешняя стадия нэпа). Нэп введен для победы социализма над капиталистическими элементами. Переходя в наступление по всему фронту, мы еще не отменяем нэпа, ибо частная торговля и капиталистические элементы еще остаются, товарооборот и денежное хозяйство еще ос-

таются, — но мы наверняка отменяем начальную стадию нэпа, развертывая последующую его стадию, нынешнюю стадию нэпа, которая есть последняя стадия нэпа.

Вот что говорил Ленин в 1922 г., спустя год после введения нэпа:

„Мы сейчас отступаем, как бы отступаем назад, но мы это делаем, чтобы сначала отступить, а потом разбежаться и сильнее прыгнуть вперед. Только под одним этим условием мы отступили назад в проведении нашей новой экономической политики. Где и как мы должны теперь перестроиться, приспособиться, переорганизоваться, чтобы после отступления начать упорнейшее наступление вперед, мы еще не знаем. Чтобы провести все эти действия в нормальном порядке, нужно, как говорит пословица, не десять, а сто раз примерить, прежде чем решить“ (т. XXVII, стр. 361—362).

Кажется, ясно.

Но вот вопрос: наступило ли уже время для того, чтобы перейти в наступление, назрел ли уже момент для наступления?

Ленин говорил в другом месте, в том же 1922 г., о необходимости:

„Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами“... что „тогда и ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем“ (т. XXVII, стр. 231—232).

И вот все тот же вопрос: наступило ли уже время для такого ускорения движения, для ускорения темпа нашего развития, правильно ли выбрали мы момент, перейдя в решительное наступление по всему фронту во второй половине 1929 г.?

На этот вопрос партия уже дала ясный и определенный ответ.

Да, такой момент уже наступил.

Да, партия правильно выбрала момент, перейдя в наступление по всему фронту.

Об этом говорят растущая активность рабочего класса и небывалый рост авторитета партии среди миллионных масс трудящихся.

Об этом говорят растущая активность бедняцко-середняцких масс и коренной поворот этих масс в сторону колхозного строительства.

Об этом говорят наши достижения как в области развития индустрии, так и в области строительства совхозов и колхозов.

Об этом говорит тот факт, что мы имеем теперь возможность не только заменить кулацкое производство производством колхозов и совхозов, но и перекрыть его в несколько раз.

Об этом говорит тот факт, что мы сумели уже разрешить в основном зерновую проблему и накопить известные хлебные резервы,

переместив центр тяжести товарной продукции зерна из области индивидуального производства в область колхозно-совхозного производства.

Вот где доказательство того, что партия правильно выбрала момент, перейдя в наступление по всему фронту и провозгласив лозунг ликвидации кулачества как класса.

Что было бы, если бы мы послушались правых оппортунистов из группы т. Бухарина, если бы отказались от наступления, свернули бы темп развития индустрии, задержали бы развитие колхозов и совхозов и базировались бы на индивидуальном крестьянском хозяйстве?

Мы наверняка сорвали бы нашу индустрию, загубили бы дело социалистической реконструкции сельского хозяйства, остались бы без хлеба и расчистили бы дорогу для засилия кулачества. Мы сидели бы у разбитого корыта.

Что было бы, если бы мы послушались „левых" оппортунистов из группы Троцкого — Зиновьева и открыли бы наступление в 1926/27 г., когда мы не имели никакой возможности заменить кулацкое производство производством колхозов и совхозов?

Мы наверняка сорвались бы на этом деле, продемонстрировали бы свою слабость, усилили бы позиции кулачества и вообще капиталистических элементов, толкнули бы середняка в объятия кулачества, сорвали бы наше социалистическое строительство и остались бы без хлеба. Мы сидели бы у разбитого корыта.

Результаты — те же самые.

Недаром говорят у нас рабочие: „пойдешь „налево" — придешь направо". *(Аплодисменты.)*

Некоторые товарищи думают, что главное в наступлении социализма составляют репрессии, а если репрессии не нарастают, то нет и наступления.

Верно ли это? Это, конечно, неверно.

Репрессии являются необходимым элементом наступления, но элементом вспомогательным, а не главным. Главное в наступлении социализма, при наших современных условиях, состоит в усилении темпа развития нашей промышленности, в усилении темпа развития совхозов и колхозов, в усилении темпа экономического вытеснения капиталистических элементов города и деревни, в мобилизации масс вокруг социалистического строительства, в мобилизации масс против капитализма. Вы можете арестовать и выслать десятки и сотни тысяч кулаков, но если вы одновременно с этим не сделаете всего необходимого для того, чтобы ускорить строительство новых форм хозяйства, заменить новыми формами хозяйства старые, капиталистические формы, подорвать и ликвидировать производственные источники экономического существования и раз-

вития капиталистических элементов деревни, — кулачество все равно возродится и будет расти.

Другие думают, что наступление социализма является огульным продвижением вперед, без соответствующей подготовки, без перегруппировки сил в ходе наступления, без закрепления завоеванных позиций, без использования резервов для развития успехов, а если появились признаки, скажем, отлива одной части крестьян из колхозов, то это значит, что мы имеем уже „отлив революции“, упадок движения, приостановку наступления.

Верно ли это? Это, конечно, неверно.

Во-первых, ни одно наступление, будь оно самое успешное, не обходится без некоторых прорывов и заскоков на отдельных участках фронта. Говорить на этом основании о приостановке или провале наступления — значит не понимать существа наступления.

Во-вторых, не бывало и не может быть *успешного* наступления без перегруппировки сил в ходе самого наступления, без закрепления захваченных позиций, без использования резервов для развития успеха и доведения до конца наступления. При огульном продвижении, т. е. без соблюдения этих условий, наступление должно неминуемо выдохнуться и провалиться. Огульное продвижение вперед есть смерть для наступления. Об этом говорит богатый опыт нашей гражданской войны.

В-третьих, как можно проводить аналогию между „отливом революции“, который возникает обычно на базе *упадка* движения, и отливом одной части крестьян из колхозов, который возник на базе продолжающегося *подъема* движения, на базе продолжающегося *подъема* всего нашего социалистического строительства, и промышленного и колхозного, на базе продолжающегося *подъема* нашей революции? Что может быть общего между этими двумя совершенно разнородными явлениями?

в) В чем состоит существо большевистского наступления в наших, современных условиях?

Существо большевистского наступления состоит, прежде всего, в том, чтобы мобилизовать классовую бдительность и революционную активность масс против капиталистических элементов нашей страны; мобилизовать творческую инициативу и самодеятельность масс против бюрократизма наших учреждений и организаций, держащего под спудом колоссальные резервы, таящиеся в недрах нашего строя, и не дающего их использовать; организовать соревнование и трудовой подъем масс за поднятие производительности труда, за развертывание социалистического строительства.

Существо большевистского наступления состоит, во-вторых, в том, чтобы организовать перестройку всей практической работы профсоюзных, кооперативных, советских и всяких иных массовых

организаций применительно к потребностям реконструктивного периода; создать в них ядро из наиболее активных и революционных работников, оттеснив и изолировав оппортунистические, тред-юнионистские, бюрократические элементы; изгнать вон из них чуждые и переродившиеся элементы и выдвинуть новых работников снизу.

Существо большевистского наступления состоит, далее, в том, чтобы мобилизовать максимум средств на дело финансирования нашей индустрии, на дело финансирования наших совхозов и колхозов и направить на развертывание всего этого дела лучших людей нашей партии.

Существо большевистского наступления состоит, наконец, в том, чтобы мобилизовать самую партию для организации всего дела наступления; укрепить и отточить партийные организации, изгнав оттуда элементы бюрократизма и перерождения; изолировать и оттеснить выразителей правого и „левого“ уклонов от ленинской линии, выдвинув на первый план настоящих, стойких ленинцев.

Таковы основы большевистского наступления в данный момент.

Как осуществляла партия этот план наступления?

Вы знаете, что партия осуществляла этот план со всей последовательностью.

Началось дело с того, что партия развернула широкую *самокритику,* сосредоточив внимание масс на недостатках нашего строительства, на недостатках наших организаций и учреждений. Еще на XV съезде была провозглашена необходимость усиления самокритики. Шахтинское дело и вредительство в различных отраслях промышленности, вскрывшие отсутствие революционного чутья в отдельных звеньях партии, с одной стороны, борьба с кулачеством и вскрывшиеся недостатки наших деревенских организаций, с другой стороны, дали дальнейший толчок самокритике. В своем обращении 2 июня 1928 г. ЦК дал окончательное оформление кампании за самокритику, призвав все силы партии и рабочего класса развернуть самокритику „сверху донизу и снизу доверху“, „не взирая на лица“. Отмежевавшись от троцкистской „критики“, идущей с той стороны баррикады и имеющей своей целью дискредитацию и ослабление Советской власти, партия объявила задачей самокритики беспощадное вскрытие недостатков нашей работы для *улучшения* нашего строительства, для *укрепления* Советской власти. Известно, что призыв партии вызвал живейший отклик в массах рабочего класса и крестьянства.

Партия организовала, далее, широкую кампанию за борьбу против *бюрократизма,* дав лозунг проведения *чистки* партийных, профсоюзных, кооперативных и советских организаций от чуждых и обюрократившихся элементов. Продолжением этой кампании

является известное постановление ЦК и ЦКК от 16 марта 1930 г. о выдвижении рабочих в госаппарат и массовом рабочем контроле над советским аппаратом (шефство заводов). Известно, что эта кампания вызвала величайший подъем и активность рабочих масс. Результатом этой кампании является громадный подъем авторитета партии среди трудящихся масс, рост доверия к ней со стороны рабочего класса, вступление в партию новых сотен тысяч рабочих, резолюции рабочих о желании вступить в партию целыми цехами и заводами. Наконец, результатом этой кампании является освобождение наших организаций от ряда косных и бюрократических элементов, освобождение ВЦСПС от старого оппортунистического руководства.

Партия организовала, далее, широкое социалистическое *соревнование* и массовый *трудовой подъем* на фабриках и заводах. Воззвание XVI конференции партии о соревновании поставило дело на рельсы. Ударные бригады двигают его дальше. Ленинский комсомол и руководимая им рабочая молодежь увенчивают дело соревнования и ударничества решающими успехами. Нужно признать, что наша революционная молодежь сыграла в этом деле исключительную роль. Теперь уже не может быть сомнения, что одним из самых важных фактов, если не самым важным фактом, нашего строительства является в данный момент социалистическое соревнование фабрик и заводов, перекличка сотен тысяч рабочих о достигнутых результатах по соревнованию, широкое развитие *ударничества*. Только слепые не видят, что в психологии масс и в их отношении к труду произошел громадный перелом, в корне изменивший облик наших заводов и фабрик. Не так давно еще раздавались у нас голоса о „надуманности“ и „несостоятельности“ соревнования и ударничества. Теперь эти „мудрые“ люди не удостаиваются даже насмешки, — их считают просто отжившими свой век „мудрецами“. Теперь дело соревнования и ударничества является делом завоеванным и закрепленным. Это факт, что социалистическим соревнованием охвачено у нас не менее двух миллионов рабочих, а в ударные бригады вовлечено более миллиона рабочих.

Самое замечательное в соревновании состоит в том, что оно производит коренной переворот во взглядах людей на труд, ибо оно превращает труд из зазорного и тяжелого бремени, каким он считался раньше, в дело *чести*, в дело *славы*, в дело *доблести* и *геройства*. Ничего подобного нет и не может быть в капиталистических странах. Там, у них, у капиталистов, самое желанное дело, заслуживающее общественного одобрения, — иметь ренту, жить на проценты, быть свободным от труда, считающегося презренным занятием. У нас, в СССР, наоборот, самым желанным

делом, заслуживающим общественного одобрения, становится возможность быть героем труда, возможность быть героем ударничества, окруженным ореолом почета среди миллионов трудящихся.

Не менее замечательным в соревновании нужно считать тот факт, что оно начинает распространяться и в деревне, захватив уже наши совхозы и колхозы. Всем известны многочисленные факты настоящего трудового энтузиазма в миллионных массах совхозников и колхозников.

Кто мог мечтать года два назад о таких успехах соревнования и ударничества?

Партия мобилизовала, далее, финансовые ресурсы страны для развертывания дела совхозов и колхозов, снабдила совхозы лучшими организаторами, дала на помощь колхозам 25 тыс. передовых рабочих, выдвинула лучших людей из колхозных крестьян на дело руководства колхозами, организовала сеть курсов колхозников, заложив, таким образом, основы для выработки стойких и испытанных кадров колхозного движения.

Наконец, партия перестроила свои собственные ряды на боевой лад, перевооружила печать, организовала борьбу на два фронта, разгромила остатки троцкизма, разбила наголову правых уклонистов, изолировала примиренцев, обеспечила, таким образом, единство своих рядов на базе ленинской линии, необходимое для успешного наступления, и провела правильное руководство наступлением, одернув и поставив на место как постепеновцев из лагеря правых, так и „левых“ загибщиков в области колхозного движения.

Таковы основные мероприятия партии, проведенные ею во исполнение наступления по всему фронту.

Всем известно, что наступление это увенчалось успехом во всех областях нашей работы.

Вот где причина того, что нам удалось преодолеть целый ряд трудностей периода реконструкции нашего народного хозяйства.

Вот где причина того, что нам удается с успехом преодолевать самую большую трудность нашего строительства, трудность поворота основных масс крестьянства в сторону социализма.

Иностранцы спрашивают иногда о внутреннем положении СССР. Но разве может быть сомнение в том, что внутреннее положение СССР является прочным и непоколебимым? Посмотрите на капиталистические страны, на рост кризиса и безработицы в этих странах, на забастовки и локауты, на антиправительственные демонстрации, — какое может быть сравнение между внутренним положением в этих странах и внутренним положением в СССР?

Нужно признать, что Советская власть является теперь самой прочной властью из всех существующих властей в мире. *(Аплодисменты.)*

8. КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ИЛИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ХОЗЯЙСТВА

Мы имеем, таким образом, картину внутреннего положения СССР.

Мы имеем, вместе с тем, картину внутреннего положения главнейших капиталистических стран.

Невольно возникает вопрос: а каковы итоги, если сопоставить друг с другом и сравнить эти две картины?

Этот вопрос тем более интересен, что буржуазные деятели всех стран, буржуазная печать всех степеней и рангов, от ярко капиталистических до меньшевистско-троцкистских, в один голос кричат о „процветании“ капиталистических стран, о „гибели“ СССР, о „финансовом и хозяйственном крахе“ СССР и т. п.

Итак, каковы итоги анализа положения у нас, в СССР, и у них, в капиталистических странах?

Отметим главные, общеизвестные факты.

У них, у капиталистов, экономический *кризис* и *упадок* производства как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства.

У нас, в СССР, экономический *подъем* и *рост* производства во всех отраслях народного хозяйства.

У них, у капиталистов, *ухудшение* материального положения трудящихся, *снижение* заработной платы рабочих и *рост* безработицы.

У нас, в СССР, *подъем* материального положения трудящихся, *повышение* заработной платы рабочих и *сокращение* безработицы.

У них, у капиталистов, *рост* забастовок и демонстраций, ведущий к *потере* миллионов рабочих дней.

У нас, в СССР, отсутствие забастовок и *рост* трудового подъема рабочих и крестьян, *дающий* нашему строю миллионы добавочных рабочих дней.

У них, у капиталистов, *обострение* внутреннего положения и *нарастание* революционного движения рабочего класса против капиталистического режима.

У нас, в СССР, *укрепление* внутреннего положения и *сплочение* миллионных масс рабочего класса вокруг Советской власти.

У них, у капиталистов, *обострение* национального вопроса и *рост* национально-освободительного движения в Индии, в Индо-Китае, в Индонезии, на Филиппинских островах и т. д., переходящий в *национальную войну*.

У нас, в СССР, *укрепление* основ национального братства, обеспеченный национальный *мир* и *сплочение* миллионных масс народов СССР вокруг Советской власти.

У них, у капиталистов, *растерянность* и перспектива дальнейшего *ухудшения* положения.

У нас, в СССР, *вера в свои силы* и перспектива дальнейшего *улучшения* положения.

Болтают о „гибели" СССР, „процветании" капиталистических стран и т. п. Не вернее ли будет говорить о неминуемой гибели тех, которые попали столь „неожиданно" в водоворот экономического кризиса и все еще не могут выбраться из трясины упадка?

Где причины столь серьезного *провала* у них, у капиталистов, и серьезных *успехов* у нас, в СССР?

Говорят, что состояние народного хозяйства зависит во многом от обилия или недостатка капиталов. Это, конечно, верно. Не объясняется ли кризис в капиталистических странах и подъем в СССР обилием капиталов у нас и недостатком капиталов у них? Нет, конечно, нет. Всякому известно, что капиталов в СССР гораздо меньше, чем в капиталистических странах. Если бы дело *решалось* в данном случае состоянием накопления, мы имели бы кризис, а капиталистические страны — подъем.

Говорят, что состояние хозяйства зависит во многом от технической и организационной подкованности хозяйственных кадров. Это, конечно, верно. Не объясняется ли кризис в капиталистических странах и подъем в СССР недостатком технических кадров у них и обилием их у нас? Нет, конечно, нет. Всякому известно, что технически испытанных кадров в капиталистических странах гораздо больше, чем у нас, в СССР. Мы никогда не скрывали и не намерены скрывать, что в области техники мы являемся учениками немцев, англичан, французов, итальянцев и, прежде всего и главным образом, американцев. Нет, дело тут не решается обилием или недостатком технических кадров, хотя проблема кадров имеет серьезное значение для развития народного хозяйства.

Может быть разгадка вопроса состоит в том, что уровень культурного состояния у нас выше, чем в капиталистических странах? Опять-таки нет. Всякому известно, что общекультурный уровень масс у нас ниже, чем в САСШ, в Англии, в Германии и т. д. Нет, дело не в культурности масс, хотя она и имеет громадное значение для развития народного хозяйства.

Может быть причина состоит здесь в личных качествах руководителей капиталистических стран? Опять-таки нет. Кризисы родились вместе с наступлением господства капитализма. Вот уже больше столетия происходят периодические экономические кризисы капитализма, повторяясь через каждые 12—10—8 и меньше лет. Все партии капитализма, все сколько-нибудь видные деятели капитализма, от самых „гениальных" до самых посредственных, пробовали свои силы в деле „предупреждения" или „уничтожения" кризиса. Но все они терпели поражение. Что же тут удивительного в том, что Гувер с его группой также потерпел поражение? Нет,

дело тут не в руководителях или партиях капитализма, хотя и руководители и партии капитализма имеют здесь немалое значение.

В чем же тогда дело?

В чем причина того, что СССР, несмотря на его культурную отсталость, несмотря на недостаток капиталов, несмотря на недостаток технически выкованных хозяйственных кадров, находится в состоянии растущего экономического *подъема* и имеет на фронте экономического строительства решающие *успехи*, а передовые капиталистические страны, несмотря на обилие капиталов, обилие технических кадров и более высокий уровень культурности, находятся в состоянии растущего экономического *кризиса* и терпят в области хозяйственного развития *поражение за поражением?*

Причина — в *различии* экономических *систем* хозяйства у нас и у капиталистов.

Причина — в *несостоятельности* капиталистической системы хозяйства.

Причина — в *преимуществах* советской системы хозяйства перед системой капиталистической.

Что такое советская система хозяйства?

Советская система хозяйства означает, что:

1) власть класса капиталистов свергнута и заменена властью рабочего класса;

2) орудия и средства производства, земля, фабрики, заводы и т. д. отобраны у капиталистов и переданы в собственность рабочего класса и трудящихся масс крестьянства;

3) развитие производства подчинено не принципу конкуренции и обеспечения капиталистической прибыли, а принципу планового руководства и систематического подъема материального и культурного уровня трудящихся;

4) распределение народного дохода происходит не в интересах обогащения эксплоататорских классов и их многочисленной паразитической челяди, а в интересах систематического повышения материального положения рабочих и крестьян и расширения социалистического производства в городе и деревне;

5) систематическое улучшение материального положения трудящихся и непрерывный рост их потребностей (покупательной способности), будучи постоянно растущим источником расширения производства, гарантирует рабочий класс от кризисов перепроизводства, роста безработицы и т. д.;

6) рабочий класс является хозяином страны, работающим не на капиталистов, а на свой собственный класс.

Что такое капиталистическая система хозяйства?

Капиталистическая система хозяйства означает, что:

1) власть в стране принадлежит капиталистам;

2) орудия и средства производства сосредоточены в руках эксплоататоров;

3) производство подчинено не принципу улучшения материального положения трудящихся масс, а принципу обеспечения высокой капиталистической прибыли;

4) распределение народного дохода происходит не в интересах улучшения материального положения трудящихся, а в интересах обеспечения максимума прибылей эксплоататоров;

5) капиталистическая рационализация и быстрый *рост* производства, имеющие своей целью обеспечение высоких прибылей капиталистов, наталкиваются, как на преграду, на нищенское положение и *снижение* материальной обеспеченности миллионных масс трудящихся, не всегда имеющих возможность удовлетворить свои потребности даже в пределах крайнего минимума, что неизбежно создает почву для неминуемых кризисов перепроизводства, роста безработицы и т. д.;

6) рабочий класс является классом эксплоатируемым, работающим не на себя, а на чужой класс, на класс эксплоататоров.

Таковы преимущества *советской* системы хозяйства перед системой *капиталистической.*

Таковы преимущества *социалистической* организации хозяйства перед организацией *капиталистической.*

Вот где причина того, что у нас, в СССР, имеется растущий экономический подъем, а у них, у капиталистов, растущий экономический кризис.

Вот где причина того, что у нас, в СССР, рост потребления (покупательной способности) масс все время обгоняет рост производства, толкая его вперед, а у них, у капиталистов, наоборот, рост потребления масс (покупательной способности) никогда не поспевает за ростом производства и все время отстает от него, то и дело обрекая производство на кризисы.

Вот где причина того, что у них, у капиталистов, считается вполне нормальным уничтожать во время кризисов „избыток" товаров и сжигать „излишек" с.-х. продуктов, чтобы поддержать высокие цены и обеспечить высокие прибыли, тогда как у нас, в СССР, виновников таких преступлений отправили бы в дом умалишенных. *(Аплодисменты.)*

Вот где причина того, что там, у капиталистов, рабочие бастуют и демонстрируют, организуя революционную борьбу против существующей капиталистической власти, тогда как у нас, в СССР, мы имеем картину великого трудового соревнования миллионов рабочих и крестьян, готовых грудью отстоять Советскую власть.

Вот где причина устойчивости и прочности внутреннего положе-

ния СССР, неустойчивости и шаткости внутреннего положения капиталистических стран.

Нужно признать, что система хозяйства, не знающая, куда девать „излишки" своего производства, и вынужденная их сжигать в момент, когда в массах царят нужда и безработица, голод и разорение, — такая система хозяйства сама произносит над собой смертный приговор.

Последние годы были периодом испытания на практике, периодом экзамена двух противоположных систем хозяйства, советской и капиталистической. За эти годы пророчеств о „гибели" и „крахе" советской системы было более чем достаточно. Разговоров и песнопений о „процветании" капитализма — еще больше. И что же? Эти годы лишний раз показали, что капиталистическая система хозяйства является системой *несостоятельной,* что советская система хозяйства обладает такими *преимуществами,* о которых не смеет мечтать ни одно буржуазное государство, будь оно самое „демократическое", „общенародное" и т. п.

В своей речи на конференции ВКП(б) в мае 1921 г. Ленин говорил:

„Сейчас главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой. Все на Советскую Российскую республику смотрят, все трудящиеся во всех странах мира, без всякого исключения и без всякого преувеличения. Это достигнуто. Замолчать, скрыть капиталисты ничего не могут, они больше всего ловят поэтому наши хозяйственные ошибки и нашу слабость. На этом поприще борьба перенесена во всемирном масштабе. Решим мы эту задачу — и тогда мы выиграли в международном масштабе наверняка и окончательно" (т. XXVI, стр. 410—411).

Надо признать, что задачу, поставленную Лениным, наша партия выполняет с успехом.

9. ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ

а) ОБЩИЕ

1) Прежде всего проблема *правильного размещения промышленности по СССР*. Как бы мы ни развивали народное хозяйство, нельзя обойтись без вопроса о том, как правильно разместить промышленность как ведущую отрасль народного хозяйства. Сейчас дело обстоит так, что наша промышленность, как и наше народное хозяйство, опирается в основном на угольно-металлургическую базу на Украине. Понятно, что без такой базы немыслима индустриализация страны. И вот такой базой является у нас украинская топливно-металлургическая база. Но может ли в дальнейшем одна лишь эта база удовлетворять и юг, и центральную часть СССР, и север, и северо-восток, и Дальний Восток, и

Туркестан? Все данные говорят нам о том, что не может. Новое в развитии нашего народного хозяйства состоит, между прочим, в том, что эта база уже стала для нас недостаточной. Новое состоит в том, чтобы, всемерно развивая эту базу и в дальнейшем, начать вместе с тем немедленно создавать вторую угольно-металлургическую базу. Этой базой должен быть Урало-Кузнецкий комбинат, соединение кузнецкого коксующегося угля с уральской рудой. *(Аплодисменты.)* Постройка автозавода в Нижнем, тракторного завода в Челябинске, машиностроительного завода в Свердловске, комбайных заводов в Саратове и Новосибирске; наличие растущей цветной металлургии в Сибири и Казакстане, требующей создания сети ремонтных мастерских и ряда основных металлургических заводов на востоке; наконец, решение о постройке текстильных фабрик в Новосибирске и в Туркестане, — все это повелительно требует немедленного приступа к делу образования второй угольно-металлургической базы на Урале.

Вы знаете, что ЦК нашей партии высказался в этом именно духе в своей резолюции об Уралмете.

2) Далее, проблема *правильного размещения основных отраслей сельского хозяйства по СССР,* проблема *специализации наших областей по сельско-хозяйственным культурам и отраслям.* Понятно, что при мелкокрестьянском хозяйстве серьезное проведение специализации невозможно. Невозможно, так как мелкое хозяйство, как хозяйство неустойчивое, лишенное необходимых резервов, вынуждено разводить у себя все и всякие культуры, чтобы в случае провала на одних культурах можно было обернуться на других. Понятно также, что без обеспечения в руках государства известных резервов зерна невозможно поставить дело специализации. Теперь, когда мы перешли к крупному хозяйству и обеспечили в руках государства резервы зерна, мы можем и должны поставить себе задачу правильной организации специализации по культурам и отраслям. При этом исходным пунктом этого дела является окончательное разрешение зерновой проблемы. Я говорю „исходным пунктом", так как без разрешения зерновой проблемы, без организации богатой сети складов зерна в животноводческих, хлопковых, свекловичных, льняных, табачных районах невозможно двинуть вперед животноводство и технические культуры, невозможно обеспечить организацию специализации наших областей по культурам и отраслям.

Задача состоит в том, чтобы использовать открывшиеся возможности и двинуть это дело вперед.

3) Далее идет проблема *кадров* как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства. Всем известна слабая техническая подкованность наших хозяйственных кадров, наших

специалистов, техников и хозяйственных работников. Дело осложняется тем, что одна часть специалистов, связанная с бывшими хозяевами и стимулируемая из-за границы, оказалась во главе вредительского дела. Дело еще больше осложняется тем обстоятельством, что целый ряд наших хозяйственников-коммунистов не проявил при этом революционной бдительности и часто оказывался в духовном плену у вредительских элементов. Между тем перед нами стоят колоссальные задачи реконструкции всего народного хозяйства, требующие большого количества новых кадров, способных овладеть новой техникой. В связи с этим проблема кадров превратилась у нас в проблему поистине животрепещущую.

Разрешение этой проблемы идет у нас по линии следующих мероприятий: 1) решительная борьба с вредителями; 2) максимум заботы и чуткости в отношении громадного большинства специалистов и техников, отмежевавшихся от вредителей (я имею в виду не краснобаев и кривляк типа Устрялова, а действительно научных работников, работающих заодно с рабочим классом, не мудрствуя лукаво); 3) организация технической помощи из-за границы; 4) посылка наших хозяйственников за границу для учебы и вообще приобретения опыта по технике; 5) передача технических учебных заведений соответствующим хозяйственным организациям на предмет быстрейшей выработки достаточного количества техников и специалистов из людей рабочего класса.

Задача состоит в том, чтобы развернуть работу по осуществлению этих мероприятий.

4) Проблема *борьбы с бюрократизмом.* Опасность бюрократизма состоит, прежде всего, в том, что он держит под спудом колоссальные резервы, таящиеся в недрах нашего строя, не давая их использовать, старается свести на-нет творческую инициативу масс, сковывая ее канцелярщиной, и ведет дело к тому, чтобы каждое новое начинание партии превратить в мелкое и никчемное крохоборчество. Опасность бюрократизма состоит, во-вторых, в том, что он не терпит *проверки исполнения* и пытается превратить основные указания руководящих организаций в пустую бумажку, оторванную от живой жизни. Опасность представляют не только и не столько старые бюрократы, застрявшие в наших учреждениях, но и — особенно — новые бюрократы, бюрократы советские, среди которых „коммунисты“-бюрократы играют далеко не последнюю роль. Я имею в виду тех „коммунистов“, которые канцелярскими распоряжениями и „декретами“, в силу которых они верят, как в фетиш, стараются подменить творческую инициативу и самодеятельность миллионных масс рабочего класса и крестьянства.

Задача состоит в том, чтобы разбить бюрократизм в наших учреждениях и организациях, ликвидировать бюрократические „нравы“ и „обычаи“ и расчистить дорогу для использования резервов нашего строя, для развертывания творческой инициативы и самодеятельности масс.

Задача эта нелегкая. Ее не разрешишь „в два счета“. Но ее нужно разрешить во что бы то ни стало, если мы хотим действительно преобразовать нашу страну на началах социализма.

В борьбе с бюрократизмом работа партии идет по четырем линиям: по линии развертывания *самокритики,* по линии организации дела *проверки исполнения,* по линии *чистки* аппарата и, наконец, по линии *выдвижения* снизу в аппарат преданных работников из людей рабочего класса.

Задача состоит в том, чтобы приложить все силы к выполнению всех этих мероприятий.

5) Проблема роста *производительности труда.* Без систематического роста производительности труда как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства мы не можем разрешить задач реконструкции, не можем не только догнать и перегнать передовые капиталистические страны, но даже отстоять свое самостоятельное существование. Поэтому проблема роста производительности труда имеет для нас первостепенное значение.

Мероприятия партии по части разрешения этой проблемы идут по трем линиям: по линии систематического *улучшения материального положения* трудящихся, по линии насаждения *товарищеской трудовой дисциплины* в предприятиях промышленности и сельского хозяйства, наконец, по линии организации *социалистического соревнования* и *ударничества.* Все это — на базе улучшенной техники и рациональной организации труда.

Задача состоит в том, чтобы развернуть дальше массовую кампанию по осуществлению этих мероприятий.

6) Проблема *снабжения.* Сюда относится вопрос о *достаточном снабжении* трудящихся города и деревни необходимыми продуктами, вопрос о приспособлении *кооперативного аппарата* к нуждам рабочих и крестьян, вопрос о систематическом увеличении *реальной зарплаты* рабочих, вопрос о *снижении цен* на промтовары и сельско-хозяйственные продукты. О недостатках потребительской кооперации я уже говорил. Необходимо ликвидировать эти недостатки и добиться проведения *политики снижения цен.* Что касается недостатка товаров (товарный голод), то мы имеем теперь возможность развернуть сырьевую базу легкой промышленности и двинуть вперед производство городских товаров массового потребления. Снабжение хлебом можно считать

уже обеспеченным. Труднее обстоит дело со снабжением мясом, молочными продуктами и овощами. Эта трудность, к сожалению, не может быть ликвидирована в продолжение нескольких месяцев. Для преодоления этой трудности необходим, по крайней мере, год. Через год мы будем иметь возможность, благодаря прежде всего организованным для этого дела совхозам и колхозам, обеспечить полностью снабжение мясом, молочными продуктами и овощами. А что значит овладеть снабжением этими продуктами, когда мы уже имеем в своих руках хлебные резервы, мануфактуру, усиленное жилищное строительство для рабочих и дешевые коммунальные услуги? Это значит овладеть всеми теми основными факторами, которые определяют бюджет рабочего и его реальную заработную плату. Это значит обеспечить дело быстрого роста реальной зарплаты рабочих наверняка и окончательно.

Задача состоит в том, чтобы развернуть работу всех наших организаций в этом направлении.

7) Проблема *кредита и денежного обращения.* Рациональная организация кредитного дела и правильное маневрирование денежными резервами имеют серьезное значение для развития народного хозяйства. Мероприятия партии по разрешению этой проблемы идут по двум линиям: по линии сосредоточения всего дела краткосрочного кредита в Госбанке и по линии организации безналичного расчета в обобществленном секторе. Тем самым, во-первых, Госбанк превращается в общегосударственный аппарат учета производства и распределения продуктов, во-вторых, из обращения освобождаются целые массы денег. Не может быть никакого сомнения, что эти мероприятия приведут (они уже приводят) к упорядочению всего кредитного дела и укреплению нашего червонца.

8) Проблема *резервов.* Уже говорилось несколько раз и повторять не приходится, что государство вообще, наше государство в особенности, не может обойтись без резервов. У нас есть кое-какие резервы по хлебу, по товарам, по валюте. Наши товарищи имели возможность ощутить за это время благодетельное действие этих резервов. Но „кое-каких“ резервов нам недостаточно. Нам нужны более солидные резервы по всем линиям.

Отсюда задача — накоплять резервы.

б) ПО ПРОМЫШЛЕННОСТИ

1) Главная проблема — форсированное развитие *черной металлургии.* Имейте в виду, что мы достигли довоенной нормы производства чугуна и перевыполняем ее только в текущем 1929/30 г. Это большая угроза для всего нашего народного хозяйства.

Чтобы ликвидировать эту угрозу, надо наладить форсированное развитие черной металлургии. Нам нужно к концу пятилетки не 10 млн. тонн чугуна, как требует этого пятилетка, а 17 млн. тонн. Эту задачу мы должны выполнить во что бы то ни стало, если мы хотим по-настоящему развернуть дело индустриализации нашей страны.

Большевики должны показать, что они сумеют справиться с этой задачей.

Это не значит, конечно, что мы должны забросить *легкую* индустрию. Нет, не значит. До сих пор мы экономили на всем, в том числе и на легкой индустрии, для того, чтобы восстановить тяжелую индустрию. Но тяжелую индустрию мы уже восстановили. Ее нужно только развернуть дальше. Теперь мы можем повернуться к легкой индустрии и двинуть ее вперед ускоренным темпом. Новое в развитии нашей промышленности состоит, между прочим, в том, что мы имеем теперь возможность развивать ускоренным темпом и тяжелую, и легкую индустрию. Перевыполнение планов хлопковых, льняных и свекловичных посевов в этом году, успешное разрешение проблемы кендыря и искусственного шелка, — все это говорит о том, что мы имеем возможность действительно двинуть вперед легкую промышленность.

2) Проблема *рационализации, снижения себестоимости и улучшения качества* продукции. Нельзя дальше терпеть прорехи в области рационализации, невыполнение плана по снижению себестоимости и безобразное качество продукции ряда наших предприятий. Эти прорехи и недостатки давят на все наше народное хозяйство и не дают ему двигаться вперед. Пора, давно пора покончить с этим позорным пятном.

Большевики должны показать, что они сумеют справиться с этой задачей.

3) Проблема *единоначалия.* Нестерпимыми становятся также нарушения в области проведения единоначалия на предприятиях. Рабочие то и дело жалуются: „нет хозяина на заводе“, „нет порядка в работе“. Нельзя дальше терпеть, чтобы наши предприятия превращались из производственных организмов в парламенты. Нужно, наконец, понять нашим партийным и профсоюзным организациям, что без обеспечения единоначалия и установления строгой ответственности за ход работы мы не можем разрешить задач реконструкции промышленности.

в) ПО СЕЛЬСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ

1) Проблема *животноводства* и *технических культур.* Теперь, когда уже разрешили в основном зерновую проблему, мы можем приступить к одновременному разрешению и проблемы животно-

водства, представляющей в данный момент животрепещущую проблему, и проблемы технических культур. При разрешении этих проблем нам нужно двигаться тем же путем, которым шли в области разрешения зерновой проблемы. То есть, через организацию совхозов и колхозов, являющихся опорными пунктами нашей политики, постепенно преобразовывать техническую и экономическую основу нынешнего мелкокрестьянского животноводства и технических культур. „Скотовод", „Овцевод", „Свиновод", „Масляно-молочный трест" плюс колхозы в области животноводства; существующие совхозы и колхозы в области технических культур, — таковы отправные пункты разрешения стоящих перед нами проблем.

2) Проблема *дальнейшего развертывания совхозного и колхозного строительства.* Едва ли необходимо распространяться о том, что эта проблема является для нас *первоочередной* проблемой всего нашего строительства в деревне. Теперь даже слепые видят, что сделан огромный, коренной поворот крестьянства от старого к новому, от кулацкой кабалы к свободной колхозной жизни. Нет больше возврата к старому. Кулачество обречено и будет ликвидировано. Остается лишь один путь, путь колхозов. А путь колхозов не есть уже путь неизвестный и неизведанный. Он изведан и проверен на тысячи ладов самими крестьянскими массами. Изведан и оценен, как новое, дающее крестьянам освобождение от кулацкой кабалы, от нужды, от темноты. В этом основа наших достижений.

Как будет развертываться дальше новое движение в деревне? Впереди пойдут совхозы, как становой хребет перестройки старого уклада деревни. За ними потянутся многочисленные колхозы, как опорные пункты нового движения в деревне. Соединенная работа этих двух систем создает условия для полной коллективизации всех областей СССР.

Одно из самых замечательных завоеваний колхозного движения состоит в том, что оно уже успело выдвинуть тысячи *организаторов* и десятки тысяч *агитаторов* колхозного дела из *самих крестьян.* Теперь уже не мы одни, квалифицированные большевики, а сами крестьяне из колхозов, десятки тысяч крестьян-организаторов и агитаторов колхозного дела будут нести вперед знамя коллективизации. А крестьяне-агитаторы являются замечательными агитаторами колхозного движения, ибо они найдут такие аргументы в пользу колхозов, понятные и приемлемые для остальной массы крестьян, о которых мы, квалифицированные большевики, не можем даже мечтать.

Раздаются кое-где голоса о необходимости отказа от политики сплошной коллективизации. Есть сведения, что даже в

нашей партии имеются сторонники этой „идеи“. Но так могут говорить только люди, сомкнувшиеся, вольно или невольно, с врагами коммунизма. Метод сплошной коллективизации является тем необходимым методом, без которого невозможно выполнение пятилетнего плана коллективизации всех областей СССР. Как можно от него отказываться, не предавая коммунизм, не предавая интересы рабочего класса и крестьянства?

Это не значит, конечно, что в области колхозного движения все пройдет у нас „гладко“ и „нормально“. Колебания внутри колхозов будут еще. Приливы и отливы будут еще. Но это не может и не должно смущать строителей колхозного движения. Это тем более не может служить серьезным препятствием для мощного развития колхозного движения. Такое здоровое движение, каким, несомненно, является колхозное движение, все равно добьется своего, несмотря ни на что, несмотря на отдельные препятствия и трудности.

Задача состоит в том, чтобы подготовить силы и наладить дело для дальнейшего развертывания колхозного движения.

3) Проблема наибольшего *приближения аппарата к районам и селам.* Не может быть сомнения, что мы не смогли бы поднять громадную работу по перестройке сельского хозяйства и развитию колхозного движения, если бы не провели *районирования.* Укрупнение волостей и преобразование их в районы, уничтожение губерний и преобразование их в менее крупные единицы (округа), наконец, создание областей, как прямых опорных пунктов ЦК, — таков общий вид районирования. Цель районирования — приблизить партийно-советский и хозяйственно-кооперативный аппарат к району и селу, для того чтобы получить возможность своевременно разрешать наболевшие вопросы сельского хозяйства, его подъема, его реконструкции. В этом смысле, повторяю, районирование дало громадный плюс всему нашему строительству.

Но все ли сделано для того, чтобы действительно приблизить, и по-настоящему приблизить, аппарат к районам и селам? Нет, не все сделано. Сейчас центр тяжести колхозного строительства перемещен в районные организации. Сюда стекаются нити колхозного строительства и всякой другой хозяйственной работы в деревне, и по линии кооперации, и по линии советов, и по линии кредита, и по линии заготовок. Достаточно ли снабжены нужными и необходимыми работниками районные организации для того, чтобы поднять всю эту разнообразную работу? Не может быть сомнений, что они снабжены работниками крайне недостаточно. Где же выход? Что нужно сделать для того, чтобы поправить этот недочет и обеспечить районные организации по

всем отраслям нашей работы достаточным количеством нужных работников? Для этого нужно сделать, по крайней мере, две вещи: 1) упразднить округа *(аплодисменты)*, которые превращаются в ненужное средостение между областью и районами, и за счет освободившихся окружных работников усилить районные организации; 2) связать районные организации непосредственно с областью (крайкомом, нац. ЦК). Это и будет доведением до конца дела районирования, доведением до конца дела приближения аппарата к районам и селам.

Здесь аплодировали по случаю перспективы упразднения округов. Конечно, округа надо ликвидировать. Но было бы ошибочно думать, что это обстоятельство дает нам право охаивать округа, как это допускают некоторые товарищи на страницах „Правды“. Не следует забывать, что округа вынесли на своих плечах громадную работу и сыграли в свое время большую историческую роль. *(Аплодисменты.)* Я думаю также, что было бы ошибочно проявлять чрезмерную торопливость в деле упразднения округов. ЦК принял решение об упразднении округов. Но он вовсе не думает, что это дело надо провести немедленно. Очевидно, что придется проделать необходимую подготовительную работу, раньше чем упразднить округа.

г) ПО ТРАНСПОРТУ

Наконец проблема *транспорта.* Нет необходимости распространяться о громадном значении транспорта для всего народного хозяйства. И не только для народного хозяйства. Как известно, транспорт имеет серьезнейшее значение и для обороны страны. И вот, несмотря на громадное значение транспорта, хозяйство транспорта, реконструкция этого хозяйства все еще отстает от общего темпа развития. Надо ли еще доказывать, что при таком положении мы рискуем превратить транспорт в „узкое место“ народного хозяйства, могущее затормозить наше продвижение вперед? Не пора ли положить конец такому положению?

Особенно плохо обстоит дело с речным транспортом. Это факт, что Волжское пароходство едва добилось 60%, а Днепровское — 40% довоенного времени. 60 и 40% довоенного времени — это все, что может занести речной транспорт в список своих „достижений“. Нечего говорить, большое „достижение“! Не пора ли покончить с этим позором? *(Голоса:* „Пора“.)

Задача состоит в том, чтобы взяться, наконец, по-большевистски за дело транспорта и двинуть его вперед.

* *
*

Таковы очередные задачи партии.

Что требуется для того, чтобы осуществить эти задачи?

Для этого требуется прежде всего и главным образом *продолжение* развернутого наступления на капиталистические элементы по всему фронту и *доведение его до конца.*

В этом центр и основа нашей политики в данный момент. *(Аплодисменты.)*

III

ПАРТИЯ

Перехожу к вопросу о партии.

Я говорил выше о преимуществах советской системы хозяйства перед системой капиталистической. Говорил о тех колоссальных возможностях, которые предоставляет нам наш строй в деле борьбы за полную победу социализма. Говорил о том, что без этих возможностей, без использования этих возможностей мы не могли бы добиться тех успехов, которые завоеваны нами за истекший период.

Но вот вопрос: сумела ли партия правильно использовать возможности, предоставляемые нам советским строем; не продержала ли она эти возможности под спудом, помешав, таким образом, рабочему классу развернуть до конца всю свою революционную мощь; сумела ли она выжать из этих возможностей все то, что можно было выжать, для того, чтобы развернуть по всему фронту социалистическое строительство?

Советский строй дает колоссальные *возможности* для полной победы социализма. Но *возможность* не есть еще *действительность.* Чтобы превратить возможность в действительность, необходим целый ряд условий, в числе которых линия партии и правильное проведение этой линии играют далеко не последнюю роль.

Несколько примеров.

Правые оппортунисты утверждают, что нэп обеспечивает нам победу социализма, — следовательно, можно не беспокоиться насчет темпа индустриализации, развития совхозов и колхозов и т. п., так как наступление победы все равно обеспечено, в порядке, так сказать, самотека. Это, конечно, неверно и глупо. Говорить так — значит отрицать роль партии в строительстве социализма, отрицать ответственность партии за это строительство. Ленин вовсе не говорил, что нэп обеспечивает нам победу социализма. Ленин говорил лишь о том, что „экономически и политически нэп вполне обеспечивает нам *возможность* постройки фундамента социалистической экономики“. Но возможность не

есть еще *действительность*. Чтобы возможность превратить в действительность, надо прежде всего отбросить теорию самотека, надо перестроить (реконструировать) народное хозяйство и повести решительное наступление на капиталистические элементы города и деревни.

Правые оппортунисты утверждают, далее, что в нашем строе не заложены основания для раскола между рабочим классом и крестьянством, — следовательно, можно не беспокоиться насчет установления правильной политики в отношении социальных групп деревни, так как кулак все равно врастет в социализм, а союз рабочих и крестьян будет обеспечен в порядке, так сказать, самотека. Это также неверно и глупо. Так могут говорить только люди, не понимающие того, что политика партии, да еще такой партии, которая стоит у власти, является здесь основным моментом, определяющим судьбу дела союза рабочих и крестьян. Ленин вовсе не считал исключенной опасность раскола между рабочим классом и крестьянством. Ленин говорил о том, что „в нашем социальном строе *не заложены с необходимостью* основания для такого раскола", но *„если возникнут* серьезные классовые разногласия между этими классами, тогда раскол *будет неизбежен"*. В связи с этим Ленин считал, что:

„Главная задача нашего ЦК и ЦКК, как и нашей партии в целом, состоит в том, чтобы внимательно следить за обстоятельствами, из которых может вытечь раскол, и *предупреждать* их, ибо в последнем счете судьба нашей республики будет зависеть от того — пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст „нэпманам", т. е. новой буржуазии, разъединить себя с рабочими, расколоть себя с ними".

Следовательно, раскол между рабочим классом и крестьянством не исключен, но он вовсе не обязателен, так как в нашем строе заложена *возможность* предотвратить этот раскол и упрочить союз рабочего класса и крестьянства. А что требуется для того, чтобы эту возможность превратить в действительность? Чтобы возможность *предотвращения* раскола превратить в действительность, нужно прежде всего похоронить теорию самотека, нужно выкорчевать корни капитализма, организуя колхозы и совхозы, и перейти от политики ограничения эксплоататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса.

Выходит, таким образом, что нужно строго различать между *возможностями*, имеющимися в нашем строе, и *использованием* этих возможностей, превращением этих возможностей в *действительность*.

Выходит, что вполне допустимы случаи, когда возможности для победы имеются, а партия не видит этих возможностей или

не умеет их правильно использовать, ввиду чего вместо победы может получиться поражение.

И вот все тот же вопрос: сумела ли партия правильно использовать *возможности* и *преимущества*, предоставляемые нам советским строем; все ли она делала для того, чтобы *превратить эти возможности в действительность* и обеспечить, таким образом, нашему строительству максимум успехов?

Иначе говоря: правильно ли руководили партия и ее ЦК строительством социализма за истекший период?

Что требуется для правильного руководства партии в наших, современных условиях?

Для правильного руководства партии необходимо, помимо всего прочего, чтобы линия партии была правильна, чтобы массы понимали правильность партийной линии и поддерживали ее активно, чтобы партия не ограничивалась выработкой генеральной линии, а руководила изо дня в день проведением ее в жизнь, чтобы партия вела решительную борьбу с уклонами от генеральной линии и примиренчеством с ними, чтобы в борьбе с уклонами партия ковала единство своих рядов и железную дисциплину.

Что сделано партией и ее ЦК для осуществления этих условий?

1. ВОПРОСЫ РУКОВОДСТВА СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМ СТРОИТЕЛЬСТВОМ

а) Основная установка партии в данный момент состоит в *переходе* от наступления социализма на *отдельных участках* хозяйственного фронта к наступлению *по всему фронту* и в области промышленности, и в области сельского хозяйства. XIV съезд был, по преимуществу, съездом *индустриализации*. XV съезд был, по преимуществу, съездом *коллективизации*. Это была подготовка к *общему* наступлению. В отличие от пройденных этапов период перед XVI съездом является периодом *общего* наступления социализма *по всему фронту*, периодом усиленного строительства социализма и в области промышленности, и в области сельского хозяйства. XVI съезд есть съезд *развернутого наступления* социализма *по всему фронту*, ликвидации кулачества как класса и проведения в жизнь сплошной коллективизации.

Вот вам в двух словах существо генеральной линии нашей партии.

Правильна ли эта линия?

Да, правильна. Факты говорят, что генеральная линия нашей партии является единственно правильной линией. *(Аплодисменты.)*

Об этом свидетельствуют те успехи и достижения, которые имеем мы на фронте социалистического строительства. Не бывало и не может быть, чтобы решительная победа, одержанная партией за истекший период на фронте социалистического строительства в городе и деревне, была результатом неправильной политики. Только правильная генеральная линия могла дать нам такую победу.

Об этом свидетельствует тот неистовый вой против политики нашей партии, который подняли за последнее время наши классовые враги, капиталисты и их печать, папа и епископы всякого рода, социал-демократы и „русские“ меньшевики типа Абрамовича и Дана. Капиталисты и их лакеи поносят нашу партию, — значит генеральная линия нашей партии правильна. *(Аплодисменты.)*

Об этом свидетельствует всем известная теперь судьба троцкизма. Господа из лагеря троцкистов болтали о „перерождении“ Советской власти, о „термидоре“, о „неминуемой победе“ троцкизма и т. д. А что на деле получилось? Получился распад, конец троцкизма. Одна часть троцкистов, как известно, порвала с троцкизмом и в многочисленных заявлениях своих представителей признала правоту партии, расписавшись в контр-революционности троцкизма. Другая часть троцкистов, действительно, переродилась в типичных мелко-буржуазных контр-революционеров, превратившись на деле в осведомительное бюро капиталистической печати по делам ВКП. А Советская власть, которая должна была „переродиться“ (или „уже переродилась“), продолжает здравствовать и строить социализм, с успехом ломая хребет капиталистическим элементам нашей страны и их мелкобуржуазным подпевалам.

Об этом свидетельствует всем известная теперь судьба правых уклонистов. Они болтали и кричали о „гибельности“ партийной линии, о „вероятной катастрофе“ в СССР, о необходимости „спасти“ страну от партии и ее руководства и т. д. А что на деле получилось? На деле получилось то, что партия одержала крупнейшие успехи на всех фронтах строительства социализма, а группа правых уклонистов, желавшая „спасти“ страну, но потом признавшая ошибочность своих взглядов, сидит теперь на мели.

Об этом свидетельствуют растущая революционная активность рабочего класса и крестьянства, активная поддержка политики партии со стороны миллионных масс трудящихся и, наконец, тот небывалый трудовой энтузиазм рабочих и крестьян-колхозников, который поражает своей грандиозностью и врагов и друзей нашей страны. Я уже не говорю о таких признаках роста доверия к партии, как заявления рабочих о вступлении в партию целыми цехами и заводами, рост числа членов партии в про-

межутке от XV съезда до XVI съезда более чем на 600 тыс. чел., вступление в партию за первый лишь квартал этого года 200 тыс. новых членов. О чем говорит все это, как не о том, что миллионные массы трудящихся сознают правильность политики нашей партии и готовы ее поддержать?

Нужно признать, что этих фактов не было бы, если бы генеральная линия нашей партии не была единственно правильной линией.

б) Но партия не может ограничиваться выработкой генеральной линии. Она должна еще проверять изо дня в день проведение генеральной линии на практике. Она должна руководить проведением генеральной линии, улучшая и совершенствуя в ходе работы принятые планы хозяйственного строительства, исправляя и предупреждая ошибки.

Как выполнял эту работу ЦК нашей партии?

Работа ЦК в этой области шла, главным образом, по линии исправления и уточнения пятилетнего плана в смысле увеличения темпов и сокращения сроков, по линии проверки исполнения установленных заданий хозяйственными организациями.

Вот несколько основных постановлений ЦК, исправляющих пятилетний план в духе повышения темпов строительства и сокращения сроков исполнения.

По черной металлургии: пятилетний план предусматривает доведение производства чугуна в последний год пятилетки до 10 млн. *т*; решение же ЦК находит эту норму недостаточной и считает, что производство чугуна в последний год пятилетки должно быть поднято до 17 млн. *т*.

По тракторостроению: пятилетний план предусматривает доведение производства тракторов в последний год пятилетки до 55 тыс. штук; решение же ЦК находит это задание недостаточным и считает, что производство тракторов в последний год пятилетки должно быть поднято до 170 тыс. штук.

То же самое нужно сказать об *автостроении*, где вместо производства 100 тыс. штук автомобилей (грузовых и легковых) в последний год пятилетки, предусмотренных пятилетним планом, решено поднять производство автомобилей до 200 тыс. штук.

То же самое имеет место в отношении *цветной металлургии*, где наметки пятилетнего плана увеличены более чем на 100%, и *сельхозмашиностроения*, где наметки пятилетнего плана также увеличены более чем на 100%.

Я уже не говорю о строительстве *комбайнов*, которое не было вовсе учтено в пятилетнем плане и производство которых должно быть доведено в последний год пятилетки минимум до 40 тыс. штук.

По совхозному строительству: пятилетний план предусматривает расширение посевных площадей к концу пятилетки до 5 млн. *га*; решение же ЦК находит эту норму недостаточной и считает, что посевные площади совхозов к концу пятилетки должны быть доведены до 18 млн. *га*.

По колхозному строительству: пятилетний план предусматривает расширение посевных площадей к концу пятилетки до 20 млн. *га*; решение же ЦК находит эту норму явно недостаточной (она уже перевыполнена в этом году) и считает, что к концу пятилетки коллективизация СССР должна быть в основном закончена и посевные площади колхозов к этому сроку должны покрыть девять десятых всей посевной территории СССР, обрабатываемой ныне индивидуальными хозяевами. (*Аплодисменты.*)

И так далее и тому подобное.

Такова в общем картина руководства ЦК делом проведения генеральной линии партии, делом планирования социалистического строительства.

Могут сказать, что, меняя так основательно наметки пятилетнего плана, ЦК нарушает принцип планирования и роняет авторитет планирующих органов. Но так могут говорить только безнадежные бюрократы. Для нас, для большевиков, пятилетний план не есть нечто законченное и раз навсегда данное. Для нас пятилетний план, как и всякий план, есть лишь план, принятый в порядке первого приближения, который надо уточнять, изменять и совершенствовать на основании опыта мест, на основании опыта исполнения плана. Никакой пятилетний план не может учесть всех тех возможностей, которые таятся в недрах нашего строя и которые открываются лишь в ходе работы, в ходе осуществления плана на фабрике, на заводе, в колхозе, в совхозе, в районе и т. д. Только бюрократы могут думать, что плановая работа *заканчивается* составлением плана. Составление плана есть лишь *начало планирования.* Настоящее плановое руководство развертывается лишь после составления плана, после проверки на местах, в ходе осуществления, исправления и уточнения плана.

Вот почему ЦК и ЦКК совместно с плановыми органами республики сочли необходимым исправить и улучшить пятилетний план на основании данных опыта в духе повышения темпов строительства и сокращения сроков исполнения.

Вот что говорил Ленин насчет принципа планирования и планового руководства на VIII съезде советов при обсуждении десятилетнего плана ГОЭЛРО:

„Наша программа партии не может оставаться только программой партии. Она должна превратиться в программу нашего хозяйственного строительства, иначе она негодна и как программа партии. Она должна дополниться второй программой партии, планом работ по воссозданию всего народного хозяйства и доведению его до современной техники... Мы должны притти к тому, чтобы принять известный план. Конечно, это будет план, принятый только в порядке первого приближения. Эта программа партии не будет так неизменна, как наша настоящая программа, подлежащая изменению только на съездах партии. Нет, эта программа каждый день, в каждой мастерской, в каждой волости будет улучшаться, разрабатываться, совершенствоваться и видоизменяться... Следя за опытом науки и практики на местах, нужно стремиться неуклонно к тому, чтобы план выполнялся скорее, чем он назначен, для того, чтобы массы видели, что тот долгий период, который нас отделяет от полного восстановления промышленности, опыт может сократить. Это зависит от нас. Давайте в каждой мастерской, в каждом депо, в каждой области улучшать хозяйство, и тогда мы срок сократим. И мы его сокращаем“ (т. XXVI, стр. 45, 46, 43).

Вы видите, что ЦК шел по пути, указанному Лениным, изменяя и улучшая пятилетний план, сокращая сроки и повышая темпы строительства.

На какие возможности опирался ЦК, повышая темпы строительства и сокращая сроки исполнения пятилетнего плана? На резервы, скрытые в недрах нашего строя и открывающиеся лишь в ходе работы, на возможности, предоставляемые нам реконструктивным периодом. ЦК считает, что перестройка технической базы промышленности и сельского хозяйства *при социалистической организации производства* открывает такие возможности ускорения темпов, о которых не может мечтать ни одна капиталистическая страна.

Только этими обстоятельствами можно объяснить тот факт, что наша социалистическая промышленность за последние три года увеличила свою продукцию более чем вдвое, а прирост продукции этой промышленности на 1930/31 г. должен вырасти в сравнении с текущим годом на 47%, при чем *один лишь этот прирост* по своему объему будет равняться объему продукции *всей* крупной промышленности довоенного времени.

Только этими обстоятельствами можно объяснить тот факт, что совхозное строительство перевыполняет пятилетний план в три года, а колхозное строительство уже перевыполнило пятилетку в два года.

Существует теория, по которой высокие темпы развития допустимы только в восстановительный период, с переходом же в реконструктивный период темпы строительства должны резко снижаться из года в год. Эта теория называется теорией „потухающей кривой“. Эта теория есть теория оправдания нашей отсталости. Она не имеет ничего общего с марксизмом, с ленинизмом. Она есть буржуазная теория, рассчитанная на то, чтобы закрепить

отсталость нашей страны. Из людей, имевших или имеющих отношение к нашей партии, эту теорию отстаивают и проповедуют лишь троцкисты и, пожалуй, правые уклонисты.

О троцкистах существует мнение, как о сверхиндустриалистах. Но это мнение правильно лишь отчасти. Оно правильно лишь постольку, поскольку речь идет о конце *восстановительного* периода, когда троцкисты действительно развили сверхиндустриалистские фантазии. Что касается *реконструктивного* периода, то *троцкисты, с точки зрения темпов, являются самыми крайними минималистами и самыми поганенькими капитулянтами. (Смех. Аплодисменты.)* В своих платформах и декларациях троцкисты не дали цифровых данных насчет темпов, ограничиваясь лишь общей болтовней о темпах. Но есть один документ, где троцкисты изобразили в цифрах свое понимание темпов развития государственной промышленности. Я имею в виду докладную записку „Особого совещания по восстановлению основного капитала“ государственной промышленности (ОСВОК), построенную на принципах троцкизма. Интересно разобрать в двух словах этот документ, относящийся к 1925/26 г. Интересно, так как он целиком отражает троцкистскую схему потухающей кривой.

По этому документу предлагалось *вложить* в государственную промышленность в 1926/27 г. 1 543 млн. руб.; в 1927/28 г. — 1 490 млн. руб.; в 1928/29 г. — 1 320 млн. руб.; в 1929/30 г. — 1 060 млн. руб. (по ценам 1926/27 г.).

Такова картина *потухающей* троцкистской кривой.

А сколько мы вложили на деле? На деле мы вложили в государственную промышленность в 1926/27 г. 1 065 млн. руб.; в 1927/28 г. — 1 304 млн. руб.; в 1928/29 г. — 1 819 млн. руб.; в 1929/30 г. — 4 775 млн. руб. (по ценам 1926/27 г.).

Такова картина *подымающейся* большевистской кривой.

По этому документу *продукция* государственной промышленности должна была вырасти в 1926/27 г. на 31,6%; в 1927/28 г. — на 22,9%; в 1928/29 г. — на 15,5%; в 1929/30 г. — на 15%.

Такова картина *потухающей* троцкистской кривой.

А что вышло у нас на деле? На деле прирост продукции госпромышленности составлял в 1926/27 г. — 19,7%; в 1927/28 г. — 26,3%; в 1928/29 г. — 24,3%; в 1929/30 г. — 32%; а в 1930/31 г. составит 47% прироста.

Такова картина *подымающейся* большевистской кривой.

Известно, что Троцкий специально защищает эту капитулянтскую теорию потухающей кривой в своей книжке „К социализму или капитализму“. Он прямо говорит там, что так как „до войны расширение промышленности в основе своей состояло в постройке новых заводов“, а „в наше время расширение в гораздо большей

степени состоит в использовании старых заводов и загрузке старого оборудования", то „естественно, следовательно, если *с завершением восстановительного процесса* коэфициент роста должен будет *значительно снизиться*", при чем он предлагает „в ближайшие годы поднять коэфициент промышленного роста не только в 2, но и в 3 раза выше довоенных 6%, а может быть и более того".

Итак, трижды шесть процентов годового прироста промышленности. Сколько же это составит? Всего 18% прироста за год. Стало быть, 18% годового прироста продукции госпромышленности составляет, по мнению троцкистов, тот наивысший предел планирования ускоренного темпа развития в *период реконструкции,* к которому нужно стремиться как к идеалу. Сравните теперь эту крохоборческую мудрость троцкистов с тем действительным приростом продукции, который имеем мы за последние три года (в 1927/28 г. — 26,3%, в 1928/29 г. — 24,3%, в 1929/30 г. — 32%), сравните эту капитулянтскую философию троцкистов с наметкой контрольных цифр Госплана на 1930/31 г. в 47% прироста, который превышает *наивысшие* темпы прироста продукции в *восстановительный* период, — и вы поймете всю реакционность троцкистской теории „потухающей кривой", всю глубину неверия троцкистов в возможности *реконструктивного* периода.

Вот где причина того, что троцкисты поют теперь о „чрезмерности" большевистских темпов развития промышленности и колхозного строительства.

Вот где причина того, что *троцкистов не отличишь теперь от наших правых уклонистов.*

Понятно, что, не разгромив троцкистско-правоуклонистской теории „потухающей кривой", мы не могли бы развернуть ни действительного планирования, ни повышения темпов и сокращения сроков строительства. Чтобы руководить проведением в жизнь генеральной линии партии, чтобы исправлять и улучшать пятилетний план строительства, чтобы повышать темпы и предупреждать ошибки строительства, надо было прежде всего разбить и ликвидировать реакционную теорию „потухающей кривой".

ЦК так и поступил, как я уже говорил выше.

2. ВОПРОСЫ РУКОВОДСТВА ВНУТРИПАРТИЙНЫМИ ДЕЛАМИ

Можно подумать, что работа по руководству социалистическим строительством, работа по проведению в жизнь генеральной линии партии проходила у нас в партии спокойно и плавно, без борьбы и напряжения воли. Но это неверно, товарищи. На самом деле эта работа шла в борьбе с внутрипартийными трудностями, в борьбе со всякого рода уклонами от ленинизма как в области

общей политики, так и в области национального вопроса. Наша партия живет и подвизается не в безвоздушном пространстве. Она живет и подвизается в самой гуще жизни, подвергаясь влиянию окружающей среды. А среда у нас состоит, как известно, из различных классов и социальных групп. Мы предприняли развернутое наступление на капиталистические элементы, мы продвинули далеко вперед нашу социалистическую промышленность, мы развернули строительство совхозов и колхозов. Но такие явления не могут пройти даром для эксплоататорских классов. Эти явления обычно сопровождаются разорением отживающих классов, разорением кулачества в деревне, сужением поля деятельности мелко-буржуазных слоев города. Понятно, что все это не может не обострить борьбу классов, сопротивление отживающих классов политике Советской власти. Было бы смешно думать, что сопротивление этих классов не найдет того или иного отражения в рядах нашей партии. И оно, действительно, находит в партии свое отражение. Отражением сопротивления отживающих классов и являются все и всякие уклоны от ленинской линии, имеющиеся в рядах нашей партии.

Можно ли вести успешную борьбу с классовыми врагами, не борясь одновременно с уклонами в нашей партии, не преодолевая этих уклонов? Нет, нельзя. Нельзя, так как невозможно развернуть настоящую борьбу с классовыми врагами, имея в тылу их отражение в партии, оставляя в тылу людей, не верящих в наше дело и всячески старающихся затормозить наше движение вперед.

Отсюда непримиримая борьба с уклонами от ленинской линии, как очередная задача партии.

Почему правый уклон является теперь главной опасностью в партии? Потому, что он отражает кулацкую опасность, а кулацкая опасность в данный момент, в момент развернутого наступления и корчевки корней капитализма, является основной опасностью в стране.

Что нужно было сделать ЦК для того, чтобы преодолеть правый уклон, доконать „левый“ уклон и расчистить дорогу для максимального сплочения партии вокруг ленинской линии?

а) Нужно было, прежде всего, покончить с остатками троцкизма в партии, с пережитками троцкистской теории. Троцкистскую группу, как оппозицию, мы давно уже разгромили и выкинули вон. Теперь троцкистская группа представляет антипролетарскую и антисоветскую контр-революционную группу, старательно осведомляющую буржуазию о делах нашей партии. Но остатки троцкистской теории, пережитки троцкизма не вполне еще выветрены из партии. Так вот, надо было прежде всего покончить с этими пережитками.

В чем состоит существо троцкизма?

Существо троцкизма состоит, прежде всего, в отрицании возможности построения социализма в СССР силами рабочего класса и крестьянства нашей страны. Что это значит? Это значит, что если в ближайшее время не подоспеет помощь победоносной мировой революции, мы должны будем капитулировать перед буржуазией и расчистить дорогу для буржуазно-демократической республики. Стало быть, мы имеем здесь буржуазное отрицание возможности построения социализма в нашей стране, прикрываемое „революционной“ фразой о победе мировой революции. Можно ли при таких взглядах поднять миллионные массы рабочего класса на трудовой энтузиазм, на социалистическое соревнование, на массовое ударничество, на развернутое наступление против капиталистических элементов? Ясно, что нельзя. Было бы глупо думать, что наш рабочий класс, проделавший три революции, пойдет на трудовой энтузиазм и массовое ударничество ради того, чтобы унавозить почву для капитализма. Наш рабочий класс идет на трудовой подъем не ради капитализма, а ради того, чтобы окончательно похоронить капитализм и построить в СССР социализм. Отнимите у него уверенность в возможности построения социализма — и вы уничтожите всякую почву для соревнования, для трудового подъема, для ударничества.

Отсюда вывод: чтобы поднять рабочий класс на трудовой подъем и соревнование и организовать развернутое наступление, надо было прежде всего похоронить буржуазную теорию троцкизма о невозможности построения социализма в нашей стране.

Существо троцкизма состоит, во-вторых, в отрицании возможности вовлечения основных масс крестьянства в дело социалистического строительства в деревне. Что это значит? Это значит, что рабочий класс не в силах повести за собой крестьянство в деле перевода индивидуальных крестьянских хозяйств на коллективные рельсы, что если в ближайшее время не подоспеет на помощь рабочему классу победа мировой революции, крестьянство восстановит старые буржуазные порядки. Стало быть, мы имеем здесь буржуазное отрицание сил и возможностей пролетарской диктатуры повести крестьянство к социализму, прикрываемое маской „революционных“ фраз о победе мировой революции. Можно ли при таких взглядах поднять крестьянские массы на колхозное движение, организовать массовое колхозное движение, организовать ликвидацию кулачества как класса? Ясно, что нельзя.

Отсюда вывод: чтобы организовать массовое колхозное движение крестьянства и ликвидировать кулачество, надо было прежде всего похоронить буржуазную теорию троцкизма о невозможности приобщения трудящихся масс крестьянства к социализму.

Существо троцкизма состоит, наконец, в отрицании необходимости железной дисциплины в партии, в признании свободы фракционных группировок в партии, в признании необходимости образования троцкистской партии. Для троцкизма ВКП(б) должна быть не единой и сплоченной боевой партией, а собранием групп и фракций со своими центрами, со своей печатью и т. д. А что это значит? Это значит провозглашение свободы политических фракций в партии. Это значит, что вслед за свободой политических группировок в партии должна притти свобода политических партий в стране, т. е. буржуазная демократия. Стало быть, мы имеем здесь признание свободы фракционных группировок в партии вплоть до допущения политических партий в стране диктатуры пролетариата, прикрываемое фразой о „внутрипартийной демократии“, об „улучшении режима“ в партии. То, что свобода фракционной склоки интеллигентских групп не есть еще внутрипартийная демократия, что проводимая партией развернутая самокритика и колоссальная активность партийных масс являются проявлением действительной и подлинной внутрипартийной демократии, — этого троцкизму не дано понять. Можно ли при таких взглядах на партию обеспечить железную дисциплину в партии, обеспечить железное единство партии, необходимое для успешной борьбы с классовыми врагами? Ясно, что нельзя.

Отсюда вывод: чтобы обеспечить железное единство партии и пролетарскую дисциплину в ней, надо было прежде всего похоронить организационную теорию троцкизма.

Капитулянтство на деле, как *содержание*, „левые“ фразы и „революционно“-авантюристские замашки, как *форма*, прикрывающая и рекламирующая капитулянтское содержание, — таково существо троцкизма.

Эта двойственность троцкизма отражает двойственное положение разоряющейся городской мелкой буржуазии, не терпящей „режима“ диктатуры пролетариата и старающейся либо перескочить „сразу“ в социализм, чтобы избавиться от разорения (отсюда *авантюризм* и *истерика* в политике), либо, если это невозможно, пойти на любые уступки капитализму (отсюда *капитулянтство* в политике).

Этой двойственностью троцкизма объясняется тот факт, что свои „бешеные“, будто бы, атаки против правых уклонистов троцкизм обычно увенчивает *блоком* с ними, как с капитулянтами без маски.

А что из себя представляют „левые“ загибы, имевшие место в партии в области колхозного движения? Они представляют некоторую, правда бессознательную, попытку возродить у нас традиции троцкизма на практике, возродить троцкистское отношение к среднему крестьянству. Они являются результатом той

ошибки в политике, которую Ленин называет „переадминистрированием“. Это значит, что некоторые наши товарищи, увлеченные успехами колхозного движения, стали подходить к проблеме колхозного строительства не как строители, а как администраторы по преимуществу, допустив ввиду этого ряд грубейших ошибок.

У нас существуют в партии люди, которые думают, что не надо было одергивать „левых“ загибщиков. Они считают, что не надо было обижать наших работников и противодействовать их увлечению, если даже это увлечение привело к ошибкам. Это чепуха, товарищи. Так могут говорить лишь такие люди, которые хотят обязательно плыть по течению. Это те самые люди, которые никогда не смогут усвоить ленинской линии — итти против течения, когда этого требует обстановка, когда этого требуют интересы партии. Это хвостисты, а не ленинцы. Партии потому и удалось повернуть целые отряды наших товарищей на правильную дорогу, партии потому и удалось выправить ошибки и добиться успехов, что она решительно пошла против течения во имя проведения в жизнь генеральной линии. Это и есть ленинизм на практике, ленинизм в руководстве.

Вот почему я думаю, что, не преодолев „левых“ загибов, мы не смогли бы добиться тех успехов в колхозном движении, которые имеем теперь.

Так обстоит дело с борьбой с остатками троцкизма и их отрыжками на практике.

Несколько иначе обстоит дело с вопросом о правом оппортунизме, во главе которого стояли или стоят тт. Бухарин, Рыков и Томский.

О правых уклонистах нельзя сказать, что они не признают возможности построения социализма в СССР. Нет, они ее признают, и в этом их отличие от троцкистов. Но беда правых уклонистов состоит в том, что, признавая формально возможность построения социализма в одной стране, они не хотят признавать тех путей и средств борьбы, без которых невозможно построить социализм. Они не хотят признавать, что всемерное развитие индустрии является ключом преобразования всего народного хозяйства на началах социализма. Они не хотят признавать непримиримой классовой борьбы с капиталистическими элементами и развернутого наступления социализма на капитализм. Они не понимают, что все эти пути и средства являются той системой мероприятий, без которых невозможно удержание диктатуры пролетариата и построение социализма в нашей стране. Они думают, что социализм можно построить втихомолку, самотеком, без классовой борьбы, без наступления на капиталистические элементы. Они думают, что капиталистические элементы либо сами отомрут незаметно, либо

будут врастать в социализм. А так как таких чудес в истории не бывает, то выходит, что *правые уклонисты скатываются на деле на точку зрения отрицания возможности построения социализма в нашей стране.*

О правых уклонистах нельзя также говорить, что они отрицают возможность вовлечения основных масс крестьянства в дело построения социализма в деревне. Нет, они ее признают, и в этом их отличие от троцкистов. Но, признавая ее формально, они вместе с тем отрицают те пути и средства, без которых невозможно вовлечение крестьянства в дело построения социализма. Они не хотят признавать, что совхозы и колхозы являются основным средством и „столбовой дорогой“ вовлечения основных масс крестьянства в дело построения социализма. Они не хотят признавать, что без проведения в жизнь политики ликвидации кулачества как класса невозможно добиться преобразования деревни на началах социализма. Они думают, что деревню можно перевести на рельсы социализма втихомолку, самотеком, без классовой борьбы, путем одной лишь снабженческо-сбытовой кооперации, ибо они уверены, что кулак сам врастет в социализм. Они думают, что главное теперь не в высоких темпах развития индустрии и не в колхозах и совхозах, а в том, чтобы „развязать“ рыночную стихию, „раскрепостить“ рынок и „снять путы“ с индивидуальных хозяйств вплоть до капиталистических элементов деревни. Но так как кулак не может врасти в социализм, а „раскрепощение“ рынка означает вооружение кулачества и разоружение рабочего класса, то выходит, что *правые уклонисты на деле скатываются на точку зрения отрицания возможности вовлечения основных масс крестьянства в дело построения социализма.*

Этим, собственно, и объясняется тот факт, что свои петушиные бои с троцкистами правые уклонисты обычно увенчивают закулисными переговорами с троцкистами насчет *блока* с ними.

Основное зло правого оппортунизма состоит в том, что он *разрывает* с ленинским пониманием классовой борьбы и скатывается на точку зрения *мелко-буржуазного либерализма.*

Не может быть сомнений, что победа правого уклона в нашей партии означала бы полное разоружение рабочего класса, вооружение капиталистических элементов в деревне и нарастание шансов на реставрацию капитализма в СССР.

Правые уклонисты не стоят на точке зрения образования другой партии, и в этом их еще одно отличие от троцкистов. Лидеры правых уклонистов открыто признали свои ошибки и капитулировали перед партией. Но было бы глупо думать на этом основании, что правый уклонизм уже похоронен. Сила правого оппортунизма измеряется не этим обстоятельством. Сила правого

оппортунизма состоит в силе мелко-буржуазной стихии, в силе напора на партию со стороны капиталистических элементов вообще, со стороны кулачества — в особенности. И именно потому, что правый уклон отражает сопротивление основных элементов отживающих классов, именно поэтому правый уклон есть основная опасность нашего времени в партии.

Вот почему партия сочла необходимым повести решительную и непримиримую борьбу с правым уклоном.

Не может быть сомнения, что без решительной борьбы с правым уклоном, без изоляции его руководящих элементов мы не могли бы добиться мобилизации сил партии и рабочего класса, мобилизации сил бедноты и середняцких масс крестьянства на дело развернутого наступления социализма, на дело организации совхозов и колхозов, на дело восстановления нашей тяжелой индустрии, на дело ликвидации кулачества как класса.

Так обстоит дело с „левым“ и правым уклонами в партии.

Задача состоит в том, чтобы продолжать и впредь непримиримую борьбу *на два фронта* как с „левыми“, представляющими *мелко-буржуазный радикализм,* так и с правыми, представляющими *мелко-буржуазный либерализм.*

Задача состоит в том, чтобы продолжать и впредь *непримиримую* борьбу с теми *примиренческими* элементами в партии, которые не понимают или делают вид, что не понимают необходимости решительной борьбы на два фронта.

б) Картина борьбы с уклонами в партии будет неполной, если мы не коснемся имеющихся в партии уклонов в области *национального вопроса.* Я имею в виду, во-первых, уклон к великорусскому шовинизму и, во-вторых, уклон к местному национализму. Эти уклоны не столь заметны и напористы, как „левый“ или правый уклон. Их можно было бы назвать ползучими уклонами. Но это еще не значит, что они не существуют. Нет, они существуют и, главное, — растут. В этом не может быть никакого сомнения. Не может быть сомнения, так как общая атмосфера обострения классовой борьбы не может не вести к известному обострению национальных трений, имеющих свое отражение в партии. Поэтому следовало бы раскрыть и выставить на свет божий физиономию этих уклонов.

В чем состоит существо уклона к великорусскому шовинизму в наших современных условиях?

Существо уклона к великорусскому шовинизму состоит в стремлении обойти национальные различия языка, культуры, быта; в стремлении подготовить ликвидацию национальных республик и областей; в стремлении подорвать принцип национального равноправия и развенчать политику партии по национализации аппара-

та, национализации прессы, школы и других государственных и общественных организаций.

Уклонисты этого типа исходят при этом из того, что так как при победе социализма нации должны слиться воедино, а их национальные языки должны превратиться в единый общий язык, то пришла пора для того, чтобы ликвидировать национальные различия и отказаться от политики поддержки развития национальной культуры ранее угнетенных народов. Они ссылаются при этом на Ленина, неправильно цитируя его, а иногда прямо искажая и клевеща на Ленина. Ленин сказал, что в социализме сольются интересы национальностей в одно целое, — не следует ли из этого, что пора покончить с национальными республиками и областями в интересах... интернационализма? Ленин сказал в 1913 г. в полемике с бундовцами, что лозунг национальной культуры есть буржуазный лозунг, — не следует ли из этого, что пора покончить с национальной культурой народов СССР в интересах... интернационализма? Ленин сказал, что национальный гнет и национальные перегородки уничтожаются при социализме, — не следует ли из этого, что пора покончить с политикой учета национальных особенностей народов СССР и перейти на политику ассимиляции в интересах... интернационализма? И так далее и тому подобное.

Не может быть сомнения, что этот уклон в национальном вопросе, прикрываемый к тому же маской интернационализма и именем Ленина, является самым утонченным и потому самым опасным видом великорусского национализма.

Во-первых, Ленин никогда не говорил, что национальные различия должны исчезнуть, а национальные языки должны слиться в один общий язык в пределах *одного* государства, *до победы* социализма *во всемирном масштабе.* Ленин, наоборот, говорил нечто прямо противоположное, а именно, что „национальные и государственные *различия* между народами и странами... будут держаться еще *очень и очень долго* даже *после* осуществления диктатуры пролетариата во *всемирном* масштабе“ [1] (т. XXV, стр. 229). Как можно ссылаться на Ленина, забывая об этом основном его указании?

Правда, один из бывших марксистов, а ныне ренегат и реформист, г. Каутский утверждает нечто прямо противоположное тому, чему учит нас Ленин. Он утверждает, вопреки Ленину, что победа пролетарской революции в австро-германском объединенном государстве в середине прошлого столетия привела бы к образованию *одного общего* немецкого языка и к *онемечению* чехов, так как

[1] Курсив мой. *И. Ст.*

„одна лишь сила освободившегося от пут обмена, одна лишь сила современной культуры, которую несли с собой немцы, без всякой насильственной германизации *превратила бы в немцев отсталых чешских мелких буржуа, крестьян и пролетариев, которым ничего не могла дать их захудалая национальность*“ (см. предисловие к немецкому изданию „Революция и контр-революция“). Понятно, что такая „концепция“ вполне гармонирует с социал-шовинизмом Каутского. С этими взглядами Каутского и боролся я в 1925 г. в своем выступлении в Университете народов Востока. Но неужели для нас, для марксистов, желающих остаться до конца интернационалистами, может иметь какое-либо положительное значение эта антимарксистская болтовня зарвавшегося немецкого социал-шовиниста? Кто прав, Каутский или Ленин? Если прав Каутский, чем объяснить тогда тот факт, что такие сравнительно отсталые национальности, как белоруссы и украинцы, более близкие к великоруссам, чем чехи к немцам, не обрусели в результате победы пролетарской революции в СССР, а, наоборот, возродились и развились, как самостоятельные нации? Чем объяснить, что такие нации, как туркмены, киргизы, узбеки, таджики (не говоря уже о грузинах, армянах, азербайджанцах и т. д.), несмотря на свою отсталость, не только не обрусели в связи с победой социализма в СССР, а, наоборот, возродились и развились в самостоятельные нации? Не ясно ли, что наши уважаемые уклонисты в погоне за показным интернационализмом попали в лапы каутскианского социал-шовинизма? Не ясно ли, что, ратуя за один общий язык в пределах *одного* государства, в пределах СССР, они добиваются по сути дела восстановления *привилегий* господствовавшего ранее языка, а именно — *великорусского* языка? Где же тут интернационализм?

Во-вторых, Ленин никогда не говорил, что уничтожение национального гнета и слияние интересов национальностей в одно целое равносильно уничтожению национальных различий. Мы уничтожили национальный гнет, мы уничтожили национальные привилегии и установили национальное равноправие. Мы уничтожили государственные границы в старом смысле слова, пограничные столбы и таможенные преграды между национальностями СССР. Мы установили единство экономических и политических интересов народов СССР. Но значит ли это, что мы уничтожили тем самым национальные различия, национальные языки, культуру, быт и т. д.? Ясно, что не значит. Но если национальные различия, язык, культура, быт и т. д. остаются, не ясно ли, что требование уничтожения национальных республик и областей в данный исторический период является требованием реакционным, направленным против интересов диктатуры пролетариата? Понимают ли

наши уклонисты, что уничтожить теперь нацреспублики и области — это значит лишить миллионные массы народов СССР возможности получить образование на *родном* языке, лишить их возможности иметь школу, суд, администрацию, общественные и иные организации и учреждения на *родном* языке, лишить их возможности приобщиться к социалистическому строительству? Не ясно ли, что в погоне за показным интернационализмом наши уклонисты попали в лапы реакционных великорусских шовинистов и забыли, совершенно забыли о лозунге культурной революции в период диктатуры пролетариата, имеющем одинаковую силу для *всех* народов СССР, и для великоруссов, и для невеликоруссов?

В-третьих, Ленин никогда не говорил, что лозунг развития национальной культуры в *условиях диктатуры пролетариата* является реакционным лозунгом. Наоборот, Ленин всегда стоял за то, чтобы *помочь* народам СССР развить свою национальную культуру. Под руководством Ленина, а не кого-либо другого, была составлена и принята на X съезде партии резолюция по национальному вопросу, где прямо говорится о том, что:

„Задача партии состоит в том, чтобы *помочь* трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, *помочь* им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке“.

Не ясно ли, что Ленин стоял целиком и полностью за лозунг развития национальной культуры *в условиях диктатуры пролетариата?*

Разве не ясно, что отрицание лозунга национальной культуры в условиях диктатуры пролетариата означает отрицание необходимости культурного подъема невеликорусских народов СССР, отрицание необходимости общеобязательного образования для этих народов, отдачу этих народов на духовную кабалу реакционным националистам?

Ленин, действительно, квалифицировал лозунг национальной культуры *при господстве буржуазии* как лозунг реакционный. Но разве могло быть иначе? Что такое национальная культура при господстве национальной буржуазии? *Буржуазная* по своему содержанию и национальная по своей форме культура, имеющая своей целью отравить массы ядом национализма и укрепить господство буржуазии. Что такое национальная культура при диктатуре про-

летариата? *Социалистическая* по своему содержанию и национальная по форме культура, имеющая своей целью воспитать массы в духе интернационализма и укрепить диктатуру пролетариата. Как можно смешивать эти два принципиально различных явления, не разрывая с марксизмом? Разве не ясно, что, борясь с лозунгом национальной культуры при буржуазных порядках, Ленин ударял по буржуазному *содержанию* национальной культуры, а не по ее национальной форме? Было бы глупо предположить, что Ленин рассматривал социалистическую культуру, как культуру *безнациональную,* не имеющую той или иной национальной формы. Бундовцы, действительно, приписывали Ленину одно время эту бессмыслицу. Но из сочинений Ленина известно, что он резко протестовал против такой клеветы, решительно отмежевавшись от такой бессмыслицы. Неужели наши уважаемые уклонисты так-таки поплелись по стопам бундовцев?

Что же осталось после всего сказанного от аргументов наших уклонистов?

Ничего, кроме жонглирования флагом интернационализма и клеветы на Ленина.

Уклоняющиеся в сторону великорусского шовинизма глубоко ошибаются, полагая, что период строительства социализма в СССР есть период развала и ликвидации национальных культур. Дело обстоит как раз наоборот. На самом деле период диктатуры пролетариата и строительства социализма в СССР есть период *расцвета* национальных культур, социалистических по содержанию и национальных по форме. Они, очевидно, не понимают, что развитие национальных культур должно развернуться *с новой силой* с введением и укоренением общеобязательного первоначального образования на родном языке. Они не понимают, что только при условии развития национальных культур можно будет приобщить по-настоящему отсталые национальности к делу социалистического строительства. Они не понимают, что в этом именно и состоит основа ленинской политики *помощи* и *поддержки* развития национальных культур народов СССР.

Может показаться странным, что мы, сторонники *слияния* в будущем национальных культур в одну общую (и по форме и по содержанию) культуру, с одним общим языком, являемся вместе с тем сторонниками *расцвета* национальных культур в данный момент, в период диктатуры пролетариата. Но в этом нет ничего странного. Надо дать национальным культурам развиться и развернуться, выявив все свои потенции, чтобы создать условия для слияния их в одну общую культуру с одним общим языком. Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране *для*

слияния их в одну общую социалистическую (и по форме и по содержанию) культуру с одним общим языком, когда пролетариат победит во всем мире и социализм войдет в быт, — в этом именно и состоит диалектичность ленинской постановки вопроса о национальной культуре.

Могут сказать, что такая постановка вопроса „противоречива“. Но разве не такая же „противоречивость“ имеется у нас с вопросом о государстве? Мы за отмирание государства. И мы вместе с тем стоим за усиление диктатуры пролетариата, представляющей самую мощную и самую могучую власть из всех существующих до сих пор государственных властей. Высшее развитие государственной власти в целях подготовки условий *для* отмирания государственной власти — вот марксистская формула. Это „противоречиво“? Да, „противоречиво“. Но противоречие это жизненное, и оно целиком отражает марксову диалектику.

Или, например, ленинская постановка вопроса о праве наций на самоопределение, вплоть до отделения. Ленин иногда изображал тезис о национальном самоопределении в виде простой формулы: „разъединение для объединения“. Вы только подумайте — разъединение для объединения. Это отдает даже парадоксом. А между тем эта „противоречивая“ формула отражает ту жизненную правду марксовой диалектики, которая дает большевикам возможность брать самые неприступные крепости в области национального вопроса.

То же самое нужно сказать о формуле насчет национальной культуры: расцвет национальных культур (и языков) в период диктатуры пролетариата в одной стране в целях подготовки условий для отмирания и слияния их в одну общую социалистическую культуру (и в один общий язык) в период победы социализма во всем мире.

Кто не понял этого своеобразия и „противоречивости“ нашего переходного времени, кто не понял этой диалектики исторических процессов, тот погиб для марксизма.

Беда наших уклонистов состоит в том, что они не понимают и не хотят понять марксовой диалектики.

Так обстоит дело с уклоном к великорусскому шовинизму.

Нетрудно понять, что этот уклон отражает стремление отживающих классов господствовавшей ранее великорусской нации вернуть себе утраченные привилегии.

Отсюда опасность великорусского шовинизма, как главная опасность в партии в области национального вопроса.

В чем состоит существо уклона к местному национализму?

Существо уклона к местному национализму состоит в стремлении обособиться и замкнуться в рамках своей национальной скорлупы, в стремлении затушевать классовые противоречия

внутри своей нации, в стремлении защититься от великорусского шовинизма путем отхода от общего потока социалистического строительства, в стремлении не видеть того, что сближает и соединяет трудящиеся массы национальностей СССР, и видеть лишь то, что может их отдалить друг от друга.

Уклон к местному национализму отражает недовольство отживающих классов ранее угнетенных наций режимом диктатуры пролетариата, их стремление обособиться в свое национальное государство и установить там свое классовое господство.

Опасность этого уклона состоит в том, что он культивирует буржуазный национализм, ослабляет единство трудящихся народов СССР и играет наруку интервенционистам.

Таково существо уклона к местному национализму.

Задача партии состоит в том, чтобы вести решительную борьбу с этим уклоном и обеспечить условия, необходимые для интернационального воспитания трудящихся масс народов СССР.

Так обстоит дело с уклонами в нашей партии, с „левым" и правым уклоном в области общей политики, с уклонами в области национального вопроса.

Таково наше внутрипартийное положение.

Теперь, когда партия вышла победителем из борьбы за генеральную линию, когда ленинская линия нашей партии торжествует по всему фронту, многие склонны забыть о тех трудностях, которые создавали нам в нашей работе все и всякие уклонисты. Более того, некоторые обывательски настроенные товарищи до сих пор еще думают, что можно было обойтись без борьбы с уклонистами. Нечего и говорить, что эти товарищи находятся в глубоком заблуждении. Стоит только оглянуться назад и вспомнить о художествах троцкистов и правых уклонистов, стоит только вспомнить историю борьбы с уклонами за истекший период, чтобы понять всю пустоту и никчемность этой партийной обывательщины. Не может быть сомнения, что, не обуздав уклонистов и не разбив их в открытом бою, мы не могли бы добиться тех успехов, которыми по праву гордится теперь наша партия.

В борьбе с уклонами от ленинской линии выросла и окрепла наша партия. В борьбе с уклонами выковала она себе *ленинское единство* своих рядов. Никто уже не отрицает теперь того неоспоримого факта, что никогда еще не была так сплочена партия вокруг своего ЦК, как теперь. Все вынуждены теперь признать, что партия теперь более, чем когда-либо, *едина* и *сплочена,* что XVI съезд является одним из немногих съездов нашей партии, где нет больше оформленной и сплоченной оппозиции, способной противопоставить свою особую линию генеральной линии партии.

Чему обязана партия этим своим решающим достижением?

Она обязана этим достижением тому обстоятельству, что в своей борьбе с уклонами она всегда вела *принципиальную* политику, никогда не опускаясь до закулисных комбинаций и дипломатического гешефтмахерства.

Ленин говорил, что принципиальная политика есть *единственно* правильная политика. Мы вышли победителями из борьбы с уклонами потому, что честно и последовательно выполняли этот завет Ленина. *(Аплодисменты.)*

* * *

Я кончаю, товарищи.

Каков общий вывод?

Мы имели за истекший период ряд решающих успехов на всех фронтах социалистического строительства. Мы имели эти успехи потому, что сумели держать высоко великое знамя Ленина. Если хотим победить, мы должны и впредь держать знамя Ленина высоко, охраняя его чистоту и незапятнанность. *(Аплодисменты.)*

Таков общий вывод.

Со знаменем Ленина победили мы в боях за Октябрьскую революцию.

Со знаменем Ленина добились мы решающих успехов в борьбе за победу социалистического строительства.

С этим же знаменем победим в пролетарской революции во всем мире.

Да здравствует ленинизм! *(Громкие, долго не смолкающие аплодисменты. Овации всего зала.)*

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Товарищи! После прений по отчету ЦК, после всего того, что произошло у нас на съезде в связи с выступлением бывших лидеров правой оппозиции, мне остается мало что сказать в своем заключительном слове.

Я говорил в своем докладе, что XVI съезд партии является одним из тех немногих съездов в истории нашей партии, на котором нет сколько-нибудь оформленной оппозиции, могущей выставить свою собственную линию и противопоставить ее линии партии. Оно, как видите, так именно и вышло на самом деле. На нашем съезде, на XVI съезде партии, не оказалось не только оформленной оппозиции, но не нашлось даже маленькой группы или даже отдельных товарищей, которые считали бы правомерным выйти здесь на трибуну и заявить о неправильности линии партии. Ясно, что линия нашей партии есть единственно правильная линия, при чем правильность ее, оказывается, до того оче-

видна и неоспорима, что даже бывшие лидеры правой оппозиции сочли нужным без колебаний подчеркнуть в своих выступлениях правильность всей политики партии.

Понятно, что после всего этого нет нужды распространяться о правильности тех положений, которые были развиты в отчетном докладе. Нет в этом нужды, так как линия партии, ввиду ее очевидной правильности, не нуждается, стало быть, на этом съезде в дальнейшей ее защите. И если, несмотря на это, я не отказался от заключительного слова, то это потому, что все же не лишне, помоему, ответить коротко на некоторые записки, которые были поданы товарищами в президиум съезда, и потом сказать несколько слов в связи с выступлением бывших лидеров правой оппозиции.

Большая часть записок касается некоторых второстепенных вопросов: почему в отчетных докладах не упомянуто о коневодстве, — нельзя ли упомянуть об этом в заключительном слове *(смех);* почему в отчетных докладах не упомянуто о жилищном строительстве, — нельзя ли сказать об этом что-либо в заключительном слове; почему в отчетных докладах не сказали ничего об электрификации сельского хозяйства, — нельзя ли сказать что-либо об этом в заключительном слове. И так дальше в этом духе.

Я должен ответить всем этим товарищам, что я не мог коснуться в своем докладе всех вопросов народного хозяйства. И не только не мог, но не имел права на это, ибо я не имею права вторгаться в область докладов тт. Куйбышева и Яковлева, которые должны доложить вам о конкретных проблемах промышленности и сельского хозяйства. В самом деле, если в отчете ЦК коснуться всех вопросов, то о чем же должны тогда говорить докладчики в своих докладах о промышленности, о сельском хозяйстве и т. д. *(Голоса:* „Правильно!“)

В частности, насчет записки об электрификации сельского хозяйства должен заметить, что автор этой записки допускает некоторые неправильности. Он уверяет, что мы уже „вплотную подошли“ к электрификации сельского хозяйства, что НКЗем не дает развиваться этому делу, что Ленин думал об этом иначе и т. д. Все это неверно, товарищи. Нельзя говорить, что мы „вплотную подошли“ к делу электрификации сельского хозяйства. Если бы мы, действительно, вплотную подошли к электрификации сельского хозяйства, то мы имели бы уже теперь районов 10—15 с электрифицированным с.-х. производством. Но вы знаете хорошо, что ничего подобного нет у нас пока. Все, что можно теперь сказать об электрификации сельского хозяйства, это то, что электрификация находится у нас в стадии опытной разработки. Ленин так и смотрел на это дело, поощряя опыты по электрификации сельского хозяйства. Некоторые товарищи думают, что тракторы уже отжили свой век,

что пришла пора перейти от тракторов к электрификации сельского хозяйства. Это, конечно, чепуха и фантастика. Таких товарищей надо осаживать. НКЗем так именно и поступает с этими товарищами. Стало быть, недовольство автора записки НКЗемом нельзя считать обоснованным.

Вторая группа записок касается национального вопроса. Одна из этих записок, которую я считаю наиболее интересной, сопоставляет трактовку проблемы национальных языков в моем докладе на XVI съезде с той трактовкой, которая дана в моем выступлении в Университете народов Востока в 1925 г., и находит, что тут есть некоторая неясность, которая должна быть разъяснена. „Вы, — говорит записка, — возражали тогда против теории *(Каутского)* отмирания национальных языков и создания одного общего языка в период социализма *(в одной стране)*, а теперь, в своем докладе на XVI съезде, заявляете, что коммунисты являются сторонниками слияния национальных культур и национальных языков в одну общую культуру с одним общим языком *(в период победы социализма в мировом масштабе)*, — нет ли тут неясности?“

Я думаю, что тут нет ни неясности, ни какого бы то ни было противоречия. В своем выступлении в 1925 г. я возражал против национал-шовинистской теории Каутского, в силу которой победа пролетарской революции в середине прошлого столетия в объединенном австро-германском государстве должна была привести к слиянию наций в одну общую *немецкую* нацию с одним общим *немецким* языком и к *онемечению* чехов. Я возражал против этой теории, как против антимарксистской, антиленинской, ссылаясь на факты из жизни нашей страны после победы социализма в СССР, опровергающие эту теорию. Я и теперь возражаю против этой теории, как это видно из моего отчетного доклада на этом XVI съезде. Возражаю, так как теория слияния всех наций, скажем, СССР, в одну общую *великорусскую* нацию, с одним общим *великорусским* языком есть теория национал-шовинистская, теория антиленинская, противоречащая основному положению ленинизма, состоящему в том, что национальные различия не могут исчезнуть в ближайший период, что они должны остаться еще надолго даже после победы пролетарской революции в *мировом масштабе*. Что касается более далекой перспективы национальных культур и национальных языков, то я всегда держался и продолжаю держаться того ленинского взгляда, что в период победы социализма в *мировом масштабе*, когда социализм окрепнет и войдет в быт, национальные языки неминуемо должны слиться в один общий язык, который, конечно, не будет ни великорусским, ни немецким, а чем-то новым. Об этом я также определенно заявил в своем докладе на XVI съезде.

Где же тут неясность и что, собственно, требуется здесь разъяснить?

Видимо, авторы записки не вполне уяснили себе по крайней мере две вещи.

Они не уяснили себе *прежде всего* тот факт, что мы уже вступили в СССР в период социализма, при чем, несмотря на то, что мы вступили в этот период, нации не только не отмирают, а, наоборот, развиваются и расцветают. В самом деле, вступили ли мы уже в период социализма? Наш период обычно называется периодом переходным от капитализма к социализму. Он назывался периодом переходным в 1918 г., когда Ленин в своей знаменитой статье „О „левом“ ребячестве“ впервые охарактеризовал этот период с его пятью укладами хозяйственной жизни. Он называется переходным в настоящее время, в 1930 г., когда некоторые из этих укладов, как устарелые, уже идут ко дну, а один из этих укладов, а именно — новый уклад в области промышленности и сельского хозяйства растет и развивается с невиданной быстротой. Можно ли сказать, что эти два переходных периода являются тождественными, что они не отличаются друг от друга коренным образом? Ясно, что нельзя. Что имели мы в 1918 г. в области народного хозяйства? Разрушенную промышленность и зажигалки, отсутствие колхозов и совхозов как массового явления, рост „новой“ буржуазии в городе и кулачества в деревне. Что имеем мы теперь? Восстановленную и реконструируемую социалистическую промышленность, развитую систему совхозов и колхозов, имеющих более 40% всех посевов по СССР по одному лишь яровому клину, умирающую „новую“ буржуазию в городе, умирающее кулачество в деревне. И там переходный период. И здесь переходный период. И все же они в корне отличаются друг от друга, как небо от земли. И все же никто не может отрицать, что мы стоим на пороге ликвидации последнего серьезного капиталистического класса, класса кулаков. Ясно, что мы уже вышли из переходного периода в старом его смысле, вступив в период прямого и развернутого социалистического строительства по всему фронту. Ясно, что мы уже вступили в период социализма, ибо социалистический сектор держит теперь в руках все хозяйственные рычаги всего народного хозяйства, хотя до построения социалистического общества и уничтожения классовых различий еще далеко. И все же, несмотря на это, национальные языки не только не отмирают и не сливаются в один общий язык, а, наоборот, национальные культуры и национальные языки развиваются и расцветают. Не ясно ли, что теория отмирания национальных языков и слияния их в один общий язык в рамках *одного* государства в период развернутого социалистического строительства, в период социа-

лизма в *одной* стране, есть теория неправильная, антимарксистская, антиленинская.

Авторы записки не уяснили, *во-вторых,* того, что вопрос об отмирании национальных языков и слиянии их в один общий язык есть не вопрос *внутригосударственный,* не вопрос победы социализма в *одной* стране, а вопрос *международный,* вопрос победы социализма в *международном* масштабе. Авторы записки не поняли, что нельзя смешивать победу социализма в *одной стране* с победой социализма в *международном* масштабе. Ленин недаром говорил, что национальные различия останутся еще надолго даже после победы диктатуры пролетариата в международном масштабе. Кроме того, надо принять во внимание еще одно обстоятельство, имеющее отношение к ряду национальностей СССР. Есть Украина в составе СССР. Но есть и другая Украина в составе других государств. Есть Белоруссия в составе СССР. Но есть и другая Белоруссия в составе других государств. Думаете ли вы, что вопрос об украинском и белорусском языке может быть разрешен вне учета этих своеобразных условий? Возьмите, далее, национальности СССР, расположенные по южной его границе, от Азербайджана до Казакстана и Бурято-Монголии. Все они находятся в том же положении, что и Украина и Белоруссия. Понятно, что и тут придется принять во внимание своеобразие условий развития этих национальностей. Не ясно ли, что все эти и подобные им вопросы, связанные с проблемой национальных культур и национальных языков, не могут быть разрешены в рамках одного государства, в рамках СССР?

Вот как обстоит дело, товарищи, с национальным вопросом вообще, с упомянутой выше запиской по национальному вопросу, в частности.

Позвольте теперь перейти к выступлению бывших лидеров правой оппозиции.

Чего требует съезд от бывших лидеров правой оппозиции? Может быть, раскаяния, самобичевания? Конечно, нет! Никогда наша партия, съезд нашей партии не пойдет на то, чтобы требовать от членов партии чего-либо такого, что может их унизить. Съезд требует от бывших лидеров правой оппозиции трех вещей: во-первых, чтобы они отдали себе отчет в том, что между линией партии и той линией, которую они защищали, лежит пропасть, что линия, которую они отстаивали, ведет объективно не к победе социализма, а к победе капитализма (*голоса:* „Правильно!“); во-вторых, чтобы они заклеймили эту линию, как антиленинскую, и отмежевались от нее открыто и честно (*голоса:* „Правильно!“); в-третьих, чтобы они стали нога в ногу с нами и повели вместе с нами решитель-

ную борьбу против всех и всяких правых уклонистов. *(Голоса: „Правильно!" Бурные аплодисменты.)*

Вот чего требует съезд от бывших лидеров правой оппозиции.

Есть ли в этих требованиях что-либо унизительное для них, как для людей, желающих остаться большевиками?

Ясно, что тут нет и не может быть ничего унизительного. Всякий большевик, всякий революционер, всякий уважающий себя партиец поймет, что он может только подняться и выиграть в глазах партии, если он признает открыто и честно ясные и неоспоримые факты.

Вот почему я думаю, что разговоры т. Томского насчет того, что его хотят послать в пустыню Гоби и заставить есть дикий мед и акриды, есть пустые прибаутки провинциально-водевильного характера, не имеющие ничего общего с вопросом о достоинстве революционера. *(Смех. Аплодисменты.)*

Могут спросить, почему же съезд вновь предъявляет бывшим лидерам правой оппозиции эти требования? Разве это не факт, что они, эти требования, были уже раз предъявлены им в ноябре 1929 года, на пленуме ЦК? Разве это не факт, что они, бывшие лидеры правой оппозиции, пошли тогда на эти требования, отказались от своей линии, признав ее ошибочность, признали правильность линии партии и обещали бороться с правым уклоном вместе с партией? Да, все это было. В чем же тогда дело? Дело в том, что они не выполнили своего обещания, не выполнили и не выполняют тех обязательств, которые дали семь месяцев тому назад. *(Голоса:* „Правильно!") Тов. Угланов был совершенно прав, когда он заявил в своей речи, что они не выполнили своих обязательств, данных ноябрьскому пленуму ЦК.

Вот где источник того недоверия, которое встречают они теперь на этом съезде.

Вот почему съезд вновь предъявляет им свои требования.

Тт. Рыков, Томский и Угланов жаловались здесь, что съезд относится к ним с недоверием. А кто в этом виноват? Виноваты они сами. Кто не выполняет своих обязательств, тот не может рассчитывать на доверие.

Были ли у них, у бывших лидеров правой оппозиции, возможности, случаи выполнить свое обещание и поставить крест на прошлом? Конечно, были. А что они сделали в продолжение семи месяцев, чтобы использовать эти возможности и случаи? Ничего.

Недавно т. Рыков был на уральской конференции. Был у него, стало быть, самый благоприятный случай исправить свои ошибки. И что же? Вместо того, чтобы открыто и решительно порвать со своими колебаниями, он стал там финтить и маневрировать. Понятно, что уральская конференция не могла не дать ему отпора.

Сравните теперь речь т. Рыкова на уральской конференции с его речью на XVI съезде. Между ними пропасть. Там он финтит и маневрирует, воюя с уральской конференцией. Здесь он пытается открыто и громогласно признать свои ошибки, пытается порвать с правой оппозицией и обещает поддерживать партию в борьбе с уклонами. Откуда такая перемена, чем ее объяснить? Она объясняется, очевидно, той угрожающей обстановкой, которая создалась в партии для бывших лидеров правой оппозиции. Неудивительно поэтому, что у съезда создалось определенное впечатление: пока не нажмешь на этих людей, ничего от них не добьешься. *(Общий смех. Продолжительные аплодисменты.)*

Была ли у т. Угланова возможность выполнить свое обещание, данное ноябрьскому пленуму ЦК? Да, была. Я имею в виду беспартийное собрание на заводе „Мосэлектрик", где он недавно выступал. И что же? Вместо того, чтобы выступить, как подобает большевику, он стал там охаивать линию партии. Понятно, что за это он получил должный отпор со стороны ячейки завода. Сравните теперь это его выступление с его заявлением, напечатанным сегодня в „Правде". Между ними пропасть. Чем объясняется эта перемена? Той же угрожающей обстановкой, создавшейся вокруг бывших лидеров правой оппозиции. Что же тут удивительного, если съезд сделал из этого определенный урок: не нажавши на этих людей, ничего от них не добьешься. *(Общий смех. Аплодисменты.)*

Или, например, т. Томский. Недавно он был в Тифлисе на закавказской конференции. Имел, стало быть, случай загладить свои грехи. И что же? Он коснулся там в своей речи совхозов, колхозов, кооперации, культурной революции и всякой такой штуки, но о главном, т. е. о своей оппортунистической работе в ВЦСПС, он не сказал ни слова. Это называется выполнением обязательств, данных партии! Захотел перехитрить партию, не понимая, что миллионы глаз смотрят на каждого из нас и тут никого не перехитришь. Сравните теперь его выступление в Тифлисе с его выступлением на этом съезде, где он прямо и открыто признал свои оппортунистические ошибки по руководству ВЦСПС. Между ними пропасть. Чем объяснить эту разницу? Той же угрожающей обстановкой, создавшейся вокруг бывших лидеров правой оппозиции. Что же удивительного, если съезд попытался надавить как следует на этих товарищей, чтобы добиться от них выполнения их обязательств. *(Аплодисменты. Общий смех всего зала.)*

Вот где источник недоверия, которое все еще питает съезд к этим товарищам.

Чем объяснить такое, более чем странное, поведение бывших лидеров правой оппозиции?

Чем объяснить тот факт, что они ни разу не попытались за истекший период выполнить свои обязательства добровольно, без давления извне?

Это объясняется по крайней мере двумя обстоятельствами.

Во-первых, тем, что они, будучи не вполне еще уверены в правильности линии партии, продолжали втихомолку некую фракционную работу, отсиживались до поры до времени и выжидали удобного случая для того, чтобы вновь выступить открыто против партии. Собираясь на свои фракционные собрания и обсуждая партийные вопросы, они обычно прикидывали: подождем до весны, авось партия провалится с посевами, — тогда и ударим как следует. Весна, однако, не давала им никаких плюсов, так как посевы проходили благоприятно. Тогда они вновь прикидывали: подождем до осени, авось партия провалится с хлебозаготовками, — тогда и ударим по ЦК. Однако, осень также подводила их, оставляя их на бобах. И так как весна и осень повторяются каждый год, то бывшие лидеры правой оппозиции продолжали отсиживаться, вновь возлагая свои надежды то на весну, то на осень. *(Общий хохот всего зала.)*

Понятно, что, отсиживаясь от сезона к сезону и выжидая благоприятного момента для удара на партию, они не могли выполнить своих обязательств.

Наконец, вторая причина. Состоит она, эта вторая причина, в том, что бывшие лидеры правой оппозиции не понимают наших большевистских темпов, не верят в эти темпы и вообще не приемлют ничего такого, что выходит из рамок постепенного развития, из рамок самотека. Более того, наши большевистские темпы, наши новые пути развития, связанные с периодом реконструкции, обострение классовой борьбы и последствия этого обострения вселяют в них тревогу, растерянность, боязнь, страх. Понятно поэтому, что они отпихиваются от всего того, что связано с наиболее острыми лозунгами нашей партии. Они болеют той же болезнью, которой болел известный чеховский герой Беликов, учитель греческого языка, человек в футляре. Помните чеховский рассказ „Человек в футляре“? Этот герой, как известно, ходил всегда в калошах, в пальто на вате, с зонтиком и в жаркую и в холодную погоду. „Позвольте, для чего вам калоши и пальто на вате в июле месяце, в такую жаркую погоду?“, — спрашивали Беликова. „На всякий случай, — отвечал Беликов, — как бы чего не вышло: а вдруг ударит мороз, как же тогда?“ *(Общий смех. Аплодисменты.)* Он боялся, как чумы, всего нового, всего того, что выходит из обычного круга серой обывательской жизни. Открыли новую столовую, — у Беликова уже тревога: „оно, конечно, может быть, и хорошо иметь сто-

ловую, но смотрите, как бы чего не вышло". Организовали драматический кружок, открыли читальню, — Беликов опять в тревоге: „драматический кружок, новая читальня, — для чего бы это? Смотрите, как бы чего не вышло". *(Общий смех.)*

То же самое надо сказать о бывших лидерах правой оппозиции. Помните историю с передачей втузов хозяйственным наркоматам? Мы хотели передать всего два втуза ВСНХ. Дело, казалось бы, маленькое. А между тем мы встретили отчаянное сопротивление со стороны правых уклонистов. „Передать два втуза ВСНХ? Зачем это? Не лучше ли подождать? Смотрите, как бы чего не вышло из этой затеи". А теперь все втузы у нас переданы хозяйственным наркоматам. И ничего — живем.

Или, например, вопрос о чрезвычайных мерах против кулаков. Помните, какую истерику закатывали нам по этому случаю лидеры правой оппозиции? „Чрезвычайные меры против кулаков? Зачем это? Не лучше ли проводить либеральную политику в отношении кулаков? Смотрите, как бы чего не вышло из этой затеи". А теперь мы проводим политику ликвидации кулачества как класса, политику, в сравнении с которой чрезвычайные меры против кулачества представляют пустышку. И ничего — живем. Или, например, вопрос о колхозах и совхозах. „Совхозы и колхозы? Зачем они? Куда нам торопиться? Смотрите, как бы чего не вышло из этих совхозов и колхозов". И так далее и тому подобное.

Вот эта боязнь нового, неумение подойти по-новому к новым вопросам, эта тревога — „как бы чего не вышло" — эти черты человека в футляре и мешают бывшим лидерам правой оппозиции по-настоящему слиться с партией.

Особенно смешные формы принимают у них эти черты человека в футляре при появлении трудностей, при появлении малейшей тучки на горизонте. Появилась у нас где-либо трудность, загвоздка, — они уже в тревоге: как бы чего не вышло. Зашуршал где-либо таракан, не успев еще вылезть как следует из норы, — а они уже шарахаются назад, приходят в ужас и начинают вопить о катастрофе, о гибели Советской власти. *(Общий хохот.)* Мы успокаиваем их и стараемся убедить, что тут нет еще ничего опасного, что это всего-навсего таракан, которого не следует бояться. Куда там! Они продолжают вопить свое: „Как так таракан? Это не таракан, а тысяча разъяренных зверей! Это не таракан, а пропасть, гибель Советской власти". И пошла писать губерния... Бухарин пишет по этому поводу тезисы и посылает их в ЦК, утверждая, что политика ЦК довела страну до гибели, что Советская власть наверняка погибнет, если не сейчас, то по крайней мере через месяц. Рыков присоединяется к тезисам Бухарина, оговариваясь, однако, что у него имеется серьезней-

шее разногласие с Бухариным, состоящее в том, что Советская власть погибнет, по его мнению, не через месяц, а через месяц и два дня. *(Общий смех.)* Томский присоединяется к Бухарину и Рыкову, но протестует против того, что не сумели обойтись без тезисов, не сумели обойтись без документа, за который придется потом отвечать: „Сколько раз я вам говорил, — делайте, что хотите, но не оставляйте документов! не оставляйте следов“. *(Гомерический хохот всего зала. Продолжительные аплодисменты.)* Правда, потом, через год, когда всякому дураку становится ясно, что тараканья опасность не стоит и выеденного яйца, правые уклонисты начинают приходить в себя и, расхрабрившись, непрочь пуститься даже в хвастовство, заявляя, что они не боятся никаких тараканов, что таракан этот к тому же такой тщедушный и дохлый. *(Смех. Аплодисменты.)* Но это через год, а пока изволь-ка маяться с этими канительщиками...

Вот, товарищи, обстоятельства, которые мешают бывшим лидерам правой оппозиции подойти ближе к ядру партийного руководства и слиться с ним до конца.

Чем можно тут помочь делу?

Для этого есть лишь одно средство: порвать окончательно со своим прошлым, перевооружиться по-новому и слиться воедино с ЦК нашей партии в его борьбе за большевистские темпы развития, в его борьбе с правым уклоном.

Других средств нет.

Сумеют сделать это бывшие лидеры правой оппозиции, — хорошо. Не сумеют, — пусть пеняют на себя. *(Продолжительные аплодисменты всего зала. Овация. Все встают и поют „Интернационал“.)*

О ЗАДАЧАХ ХОЗЯЙСТВЕННИКОВ

Речь на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г.

Товарищи! Работы вашей конференции подходят к концу. Сейчас вы будете принимать резолюции. Не сомневаюсь, что они будут приняты единогласно. В этих резолюциях, — я их знаю немного, — вы одобряете контрольные цифры промышленности на 1931 год и даете обязательство выполнить их.

Слово большевика — серьезное слово. Большевики привыкли выполнять обещания, которые они дают. Но что значит обязательство выполнить контрольные цифры на 1931 год? Это значит — обеспечить общий прирост промышленной продукции на 45%. А это очень большая задача. Мало того. Такое обязательство означает, что вы не только даете обещание нашу пятилетку выполнить в 4 года, — это дело уже решенное, и никаких резолюций тут больше не нужно, — *это значит, что вы обещаетесь выполнить ее в 3 года по основным, решающим отраслям промышленности.*

Это хорошо, что конференция дает обещание выполнить план на 1931 год, выполнить пятилетку в три года. Но мы научены „горьким опытом". Мы знаем, что не всегда обещания выполняются. В начале 1930 года тоже было дано такое обещание выполнить годовой план. Тогда надо было увеличить продукцию нашей промышленности на 31—32%. Однако, обещание не было выполнено полностью. Прирост промышленной продукции на деле составил за 1930 год 25%. Мы должны задать вопрос: а не повторится ли то же самое и в этом году? Руководители, работники нашей промышленности дают сейчас обещание увеличить продукцию промышленности в 1931 году на 45%. Но какая гарантия, что обещание будет выполнено?

Что требуется для того, чтобы выполнить контрольные цифры, чтобы дать прирост продукции в 45%, чтобы добиться выполнения пятилетки не в 4, а по основным и решающим отраслям в 3 года?

Для этого требуются два основных условия.

Во-первых, чтобы были реальные или, как у нас выражаются, „объективные“ возможности для этого.

Во-вторых, чтобы было желание и уменье руководить нашими предприятиями таким образом, чтобы эти возможности были претворены в жизнь.

Были ли у нас в прошлом году „объективные“ возможности для полного выполнения плана? Да, были. Неоспоримые факты свидетельствуют об этом. Эти факты состоят в том, что в марте и апреле прошлого года промышленность дала прирост продукции на 31% в сравнении с предыдущим годом. Почему же, спрашивается, мы не выполнили плана за весь год? Что помешало? Чего нехватило? *Нехватило уменья использовать имеющиеся возможности. Нехватило уменья правильно руководить заводами, фабриками, шахтами.*

Мы имели первое условие: „объективные“ возможности для выполнения плана. Но мы не имели в достаточной степени второго условия: уменья руководить производством. И именно потому, что уменья руководить предприятиями нехватило, — именно потому план оказался невыполненным. Вместо 31—32% прироста мы дали только 25%.

Конечно, 25% *прироста* — большое дело. Ни одна капиталистическая страна не имела в 1930 году и не имеет сейчас *прироста* продукции. Во всех без исключения капиталистических странах имеет место резкое *падение* производства. В таких условиях 25% *прироста* — большой шаг вперед. Но мы могли дать больше. Мы имели для этого все необходимые „объективные“ условия.

Итак, какая гарантия, что в этом году не повторится казус прошлого года, что план будет выполнен полностью, что имеющиеся возможности нами будут использованы так, как надо их использовать, что ваше обещание не останется в известной части на бумаге?

В истории государств, в истории стран, в истории армий бывали случаи, когда имелись все возможности для успеха, для победы, но они, эти возможности, оставались втуне, так как руководители не замечали этих возможностей, не умели воспользоваться ими, и армии терпели поражение.

Есть ли у нас все возможности, необходимые для выполнения контрольных цифр на 1931 год?

Да, такие возможности у нас имеются.

В чем состоят эти возможности, что требуется для того, чтобы эти возможности существовали в реальности?

Прежде всего требуются достаточные *природные богатства* в стране: железная руда, уголь, нефть, хлеб, хлопок. Есть ли они

у нас? Есть. Есть больше, чем в любой другой стране. Взять хотя бы Урал, который представляет такую комбинацию богатств, какой нельзя найти ни в одной стране. Руда, уголь, нефть, хлеб — чего только нет на Урале! У нас имеется в стране все, кроме разве каучука. Но через год-два и каучук мы будем иметь в своем распоряжении. С этой стороны, со стороны природных богатств, мы обеспечены полностью. Их у нас даже больше, чем нужно.

Что еще требуется?

Требуется *наличие такой власти,* которая имела бы желание и силу двинуть использование этих огромных природных богатств на пользу народа. Есть ли у нас такая власть? Есть. Правда, наша работа по использованию природных богатств не всегда обходится без трений между нашими же работниками. Например, в прошлом году Советской власти пришлось вести некоторую борьбу по вопросу об образовании второй угольно-металлургической базы, без которой мы не можем больше развиваться. Но мы уже преодолели эти препятствия. И у нас будет в скором времени эта база.

Что еще требуется?

Еще требуется, чтобы эта власть пользовалась *поддержкой* миллионных масс рабочих и крестьян. Пользуется ли наша власть такой поддержкой? Да, пользуется. Во всем мире не найдете вы другой такой власти, которая бы пользовалась такой поддержкой рабочих и крестьян, какой пользуется Советская власть. Не буду ссылаться на факты роста социалистического соревнования, на факты роста ударничества, на кампанию борьбы за встречный промфинплан. Все эти факты, в которых наглядно видна поддержка Советской власти со стороны миллионных масс, общеизвестны.

Что еще надо, чтобы выполнить и перевыполнить контрольные цифры на 1931 год?

Нужно еще наличие *такого строя,* который бы был свободен от неизлечимых болезней капитализма и который бы давал серьезные преимущества перед капитализмом. Кризис, безработица, расточительство, нищета широких масс — вот неизлечимые болезни капитализма. Наш строй не страдает этими болезнями, потому что власть в наших руках, в руках рабочего класса, потому что мы ведем плановое хозяйство, планомерно накопляем ресурсы и правильно распределяем их по отраслям народного хозяйства. Мы свободны от неизлечимых болезней капитализма. В этом наше отличие, в этом наше решающее преимущество перед капитализмом. Посмотрите, как капиталисты хотят выйти из кризиса. Они снижают максимально заработную плату рабочих. Они снижают максимально цены на сырье и продовольственные продукты.

Но они не хотят снижать сколько-нибудь серьезно цены на промышленные изделия. Это значит, что они хотят выйти из кризиса за счет основных потребителей товаров, за счет рабочих, за счет крестьян, за счет трудящихся тех стран, которые производят сырье и продовольствие. Капиталисты подрубают тот сук, на котором они сидят. И вместо выхода из кризиса получается его усугубление, получается накопление новых предпосылок, ведущих к новому, еще более жестокому кризису. Наше преимущество состоит в том, что мы не знаем кризисов перепроизводства, мы не имеем и не будем иметь миллионов безработных, мы не имеем анархии в производстве, ибо мы ведем плановое хозяйство. Но это не все. Мы — страна самой концентрированной промышленности. Это значит, что мы можем строить нашу промышленность на основе самой лучшей техники и обеспечивать благодаря этому невиданную производительность труда, невиданный темп накопления. Наша слабость в прошлом была в том, что эта промышленность базировалась на распыленном и мелком крестьянском хозяйстве. Но это *было*. Теперь этого уже нет. Завтра, может быть, через год, мы станем страной самого крупного в мире сельского хозяйства. Совхозы и колхозы, — а они являются формами крупного хозяйства, — уже в этом году дали половину всего нашего товарного зерна. А это значит, что наш строй, советский строй, дает нам такие возможности быстрого продвижения вперед, о которых не может мечтать ни одна буржуазная страна.

Что еще требуется для того, чтобы двигаться вперед семимильными шагами?

Требуется наличие *партии,* достаточно сплоченной и единой для того, чтобы направить усилия всех лучших людей рабочего класса в *одну точку,* и достаточно опытной для того, чтобы не сдрейфить перед трудностями и систематически проводить в жизнь правильную, революционную, большевистскую политику. Есть ли у нас такая партия? Да, есть. Правильна ли ее политика? Да, правильна, ибо она дает серьезные успехи. Это признают теперь не только друзья, но и враги рабочего класса. Посмотрите, как воют и беснуются против нашей партии всем известные „уважаемые“ джентльмены — Фиш в Америке, Черчилль в Англии, Пуанкаре во Франции. Почему они воют и беснуются? Потому, что политика нашей партии правильна, потому, что она дает успех за успехом.

Вот, товарищи, все те возможности, которые облегчают нам осуществление контрольных цифр 1931 года, которые дают возможность выполнить пятилетку в 4, а в решающих отраслях — даже в 3 года.

Таким образом первое условие для выполнения плана — „объективные“ возможности — у нас есть налицо.

Есть ли у нас второе условие — уменье использовать эти возможности?

Иначе говоря, есть ли у нас правильное руководство фабриками, заводами, шахтами? Все ли тут обстоит благополучно?

К сожалению, не все тут обстоит благополучно. И мы как большевики должны это сказать прямо и открыто.

Что значит руководить производством? У нас не всегда смотрят по-большевистски на вопрос о руководстве предприятиями. У нас нередко думают, что руководить — это значит подписывать бумаги. Это печально, но это факт. Иногда невольно вспоминаешь помпадуров Щедрина. Помните, как помпадурша поучала молодого помпадура: не ломай голову над наукой, не вникай в дело, пусть другие занимаются этим, не твое это дело, — твое дело руководить, подписывать бумаги. Надо признать, к стыду нашему, что и среди нас, большевиков, есть не мало таких, которые руководят путем подписывания бумаг. А вот, чтобы вникать в дело, овладеть техникой, стать хозяином дела, — на этот счет — ни-ни.

Как могло случиться, что мы, большевики, проделавшие три революции, вышедшие с победой из жестокой гражданской войны, разрешившие крупнейшую задачу создания промышленности, повернувшие крестьянство на путь социализма, — как могло случиться, что в деле руководства производством мы пасуем перед бумажкой?

Причина тут заключается в том, что подписывать бумагу легче, чем руководить производством. И вот многие хозяйственники пошли по этой линии наименьшего сопротивления. Есть тут и наша вина, вина центра. Лет десять назад был дан лозунг: „Так как коммунисты технику производства еще как следует не понимают, так как им нужно еще учиться управлять хозяйством, то пусть старые техники и инженеры, специалисты, ведут производство, а вы, коммунисты, не вмешивайтесь в технику дела, но, не вмешиваясь, изучайте технику, изучайте науку управления производством не покладая рук, чтобы потом стать вместе с преданными нам специалистами настоящими руководителями производства, настоящими хозяевами дела“. Таков был лозунг. А что вышло на деле? Вторую часть этой формулы отбросили, ибо учиться труднее, чем подписывать бумаги, а первую часть формулы опошлили, истолковав невмешательство как отказ от изучения техники производства. Получилась чепуха, вредная и опасная чепуха, от которой чем скорее освободимся, тем лучше.

Сама жизнь не раз сигнализировала нам о неблагополучии в этом деле. Шахтинское дело было первым сигналом. Шахтинское

дело показало, что у парторганизаций и профсоюзов нехватило революционной бдительности. Оно показало, что наши хозяйственники безобразно отстали в техническом отношении, что некоторые старые инженеры и техники, работая бесконтрольно, легче скатываются на путь вредительства, тем более, что их непрерывно донимают „предложениями“ враги из-за границы. Второй сигнал — процесс „Промпартии“.

Конечно, в основе вредительства лежит классовая борьба. Конечно, классовый враг бешено сопротивляется социалистическому наступлению. Но одного этого для объяснения такого пышного расцвета вредительства — мало.

Как могло случиться, что вредительство приняло такие широкие размеры? Кто виноват в этом? Мы в этом виноваты. Если бы мы дело руководства хозяйством поставили иначе, если бы мы гораздо раньше перешли к изучению техники дела, к овладению техникой, если бы мы почаще и толково вмешивались в руководство хозяйством, — вредителям не удалось бы так много навредить.

Надо самим стать специалистами, хозяевами дела, надо повернуться лицом к техническим знаниям, — вот куда толкала нас жизнь. Но ни первый сигнал, ни даже второй сигнал не обеспечили еще необходимого поворота. Пора, давно пора повернуться лицом к технике. Пора отбросить старый лозунг, отживший лозунг о невмешательстве в технику, и стать самим специалистами, знатоками дела, стать самим полными хозяевами дела.

Спрашивают часто, почему у нас нет единоначалия? Его нет и не будет, пока мы не овладеем техникой. Пока среди нас, среди большевиков, не будет достаточного количества людей, хорошо знакомых с вопросами техники, экономики и финансов, у нас не будет действительного единоначалия. Пишите сколько угодно резолюций, клянитесь какими угодно словами, но если не овладеете техникой, экономикой, финансами завода, фабрики, шахты — толку не будет, единоначалия не будет.

Задача, стало быть, состоит в том, чтобы нам самим овладеть техникой, самим стать хозяевами дела. Только в этом гарантия того, что наши планы будут полностью выполнены, а единоначалие будет проведено.

Дело это, конечно, не легкое, но вполне преодолимое. Наука, технический опыт, знания — все это дело наживное. Сегодня нет их, а завтра будут. Главное тут состоит в том, чтобы иметь страстное большевистское желание овладеть техникой, овладеть наукой производства. При страстном желании можно добиться всего, можно преодолеть все.

Иногда спрашивают, нельзя ли несколько замедлить темпы, придержать движение. Нет, нельзя, товарищи! Нельзя снижать темпы!

Наоборот, по мере сил и возможностей их надо увеличивать. Этого требуют от нас наши обязательства перед рабочими и крестьянами СССР. Этого требуют от нас наши обязательства перед рабочим классом всего мира.

Задержать темпы — это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим! История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все — за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную. Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно. Помните слова дореволюционного поэта: „Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка Русь“. Эти слова старого поэта хорошо заучили эти господа. Они били и приговаривали: „ты обильная“ — стало быть, можно на твой счет поживиться. Они били и приговаривали: „ты убогая, бессильная“ — стало быть, можно бить и грабить тебя безнаказанно. Таков уже закон эксплоататоров — бить отсталых и слабых. Волчий закон капитализма. Ты отстал, ты слаб — значит ты неправ, стало быть, тебя можно бить и порабощать. Ты могуч — значит ты прав, стало быть, тебя надо остерегаться.

Вот почему нельзя нам больше отставать.

В прошлом у нас не было и не могло быть отечества. Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас рабочая, — у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость. Хотите ли, чтобы наше социалистическое отечество было убито и чтобы оно утеряло свою независимость? Но если этого не хотите, вы должны в кратчайший срок ликвидировать его отсталость и развить настоящие большевистские темпы в деле строительства его социалистического хозяйства. Других путей нет. Вот почему Ленин говорил во время Октября: „Либо смерть, либо догнать и перегнать передовые капиталистические страны“.

Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут.

Вот что диктуют нам наши обязательства перед рабочими и крестьянами СССР.

Но у нас есть еще другие, более серьезные и более важные обязательства. Это — обязательства перед мировым пролетариатом. Они совпадают с обязательствами первого рода. Но мы их ставим выше. Рабочий класс СССР есть часть мирового рабочего класса. Мы победили не только усилиями рабочего класса СССР, но и

благодаря поддержке мирового рабочего класса. Без такой поддержки нас давно расклевали бы. Говорят, что наша страна является ударной бригадой пролетариата всех стран. Это хорошо сказано. Но это накладывает на нас серьезнейшие обязательства. Ради чего поддерживает нас международный пролетариат, чем мы заслужили такую поддержку? Тем, что мы первые кинулись в бой с капитализмом, мы первые установили рабочую власть, мы первые стали строить социализм. Тем, что мы делаем дело, которое в случае успеха перевернет весь мир и освободит весь рабочий класс. А что требуется для успеха? Ликвидация нашей отсталости, развитие высоких большевистских темпов строительства. Мы должны двигаться вперед так, чтобы рабочий класс всего мира, глядя на нас, мог сказать: вот он, мой передовой отряд, вот она, моя ударная бригада, вот она, моя рабочая власть, вот оно, мое отечество, — они делают свое дело, наше дело — хорошо, — поддержим их против капиталистов и раздуем дело мировой революции. Должны ли мы оправдать надежды мирового рабочего класса, выполнить наши обязательства перед ним? Да, должны, если мы не хотим опозориться вконец.

Таковы наши обязательства, внутренние и международные.

Вы видите, что они диктуют нам большевистские темпы развития.

Не скажу, что в отношении руководства хозяйством у нас за эти годы ничего не сделано. Сделано, и даже очень много. Мы вдвое увеличили продукцию промышленности по сравнению с довоенной. Мы создали самое крупное в мире сельско-хозяйственное производство. Но мы могли бы сделать еще больше, если бы постарались за это время по-настоящему овладеть производством, его техникой, его финансово-экономической стороной.

Максимум в десять лет мы должны пробежать то расстояние, на которое мы отстали от передовых стран капитализма. Для этого есть у нас все „объективные“ возможности. Нехватает только уменья использовать по-настоящему эти возможности. А это зависит от нас. *Только* от нас! Пора нам научиться использовать эти возможности. Пора покончить с гнилой установкой невмешательства в производство. Пора усвоить другую, новую, соответствующую нынешнему периоду установку: вмешиваться во все. Если ты директор завода — вмешивайся во все дела, вникай во все, не упускай ничего, учись и еще раз учись. Большевики должны овладеть техникой. Пора большевикам самим стать специалистами. Техника в период реконструкции решает все. И хозяйственник, не желающий изучать технику, не желающий овладеть техникой, — это анекдот, а не хозяйственник.

Говорят, что трудно овладеть техникой. Неверно! Нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять. Мы решили ряд труднейших задач. Мы свергли капитализм. Мы взяли власть. Мы построили крупнейшую социалистическую индустрию. Мы повернули середняка на путь социализма. Самое важное с точки зрения строительства мы уже сделали. Нам осталось немного: изучить технику, овладеть наукой. И когда мы сделаем это, у нас пойдут такие темпы, о которых сейчас мы не смеем и мечтать. И мы это сделаем, если захотим этого по-настоящему!

НОВАЯ ОБСТАНОВКА — НОВЫЕ ЗАДАЧИ ХОЗЯЙСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Речь на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г.

Товарищи! Из материалов совещания видно, что с точки зрения выполнения плана наша промышленность представляет довольно пеструю картину. Есть отрасли промышленности, которые дали прирост продукции за истекшие пять месяцев в сравнении с прошлым годом в 40—50%. Есть отрасли, которые дали не более 20—30% прироста. Есть, наконец, отдельные отрасли промышленности, которые дали минимальный прирост — каких-нибудь 6—10%, а то и меньше того. К числу последних следует отнести угольную промышленность и черную металлургию. Картина, как видите, пестрая.

Чем объяснить эту пестроту? Где причина отставания некоторых отраслей промышленности? Где причина того, что некоторые отрасли промышленности дают всего лишь 20—25% прироста, а угольная промышленность и черная металлургия дают еще меньше прироста, плетутся в хвосте за другими отраслями?

Причина состоит в том, что за последнее время условия развития промышленности изменились в корне, создалась новая обстановка, требующая новых приемов руководства, а некоторые наши хозяйственники вместо того, чтобы изменить приемы работы, все еще продолжают работать по-старому. Дело, стало быть, в том, что новые условия развития промышленности требуют работы по-новому, а некоторые наши хозяйственники не понимают этого и не видят того, что нужно руководить теперь по-новому.

В этом причина отставания некоторых отраслей нашей промышленности.

Что это за новые условия развития нашей промышленности? Откуда они взялись?

Их, этих новых условий, по крайней мере, шесть.

Рассмотрим эти условия.

I

РАБОЧАЯ СИЛА

Речь идет прежде всего об обеспечении предприятий *рабочей силой.* Раньше обычно рабочие сами шли на заводы, на фабрики, — был, стало быть, некий самотек в этом деле. А самотек этот вытекал из того, что была безработица, было расслоение в деревне, была нищета, был страх голода, который гнал людей из деревни в город. Помните формулу: „Бегство мужика из деревни в город“? Что заставляло крестьянина бегать из деревни в город? Страх голода, безработица, то обстоятельство, что деревня была для него мачехой, и он готов был бежать из нее хоть к чорту на рога, лишь бы получить какую-либо работу.

Так или почти так обстояло у нас дело в недавнем прошлом. Можно ли сказать, что мы имеем теперь такую же точно картину? Нет, нельзя этого сказать. Наоборот, обстановка теперь изменилась в корне. И именно потому, что обстановка изменилась, у нас нет больше самотека рабочей силы. Что же, собственно, изменилось за это время? Во-первых, мы ликвидировали безработицу, — стало быть, мы уничтожили ту силу, которая давила на „рынок труда“. Во-вторых, мы подорвали в корне расслоение в деревне, — стало быть, преодолели ту самую массовую нищету, которая гнала крестьянина из деревни в город. Наконец, мы снабдили деревню десятками тысяч тракторов и сельхозмашин, разбили кулака, организовали колхозы и дали крестьянам возможность жить и работать по-человечески. Теперь деревню уже нельзя назвать мачехой для крестьянина. И именно потому, что ее нельзя назвать больше мачехой, крестьянин стал оседать в деревне, и у нас не стало больше ни „бегства мужика из деревни в город“, ни самотека рабочей силы.

Вы видите, что мы имеем теперь совершенно новую обстановку и новые условия обеспечения предприятий рабочей силой.

Что же из этого вытекает?

Из этого вытекает, во-первых, то, что нельзя больше рассчитывать на самотек рабочей силы. Значит, от „политики“ самотека надо перейти к политике *организованного* набора рабочих для промышленности. Но для этого существует лишь один путь — путь договоров хозяйственных организаций с колхозами и колхозниками. Вы знаете, что на этот путь стали уже некоторые хозяйственные организации и колхозы, причем опыт показал, что практика договоров дает серьезные успехи как для колхозов, так и для промышленных предприятий.

Из этого вытекает, во-вторых, то, что нужно немедленно перейти на *механизацию* наиболее тяжелых процессов труда,

развертывая это дело во-всю (лесная промышленность, строительное дело, угольная промышленность, погрузка — выгрузка, транспорт, черная металлургия и т. п.). Это не значит, конечно, что нужно якобы забросить ручной труд. Наоборот, ручной труд долго еще будет играть в производстве серьезнейшую роль. Но это значит, что механизация процессов труда является той *новой* для нас и *решающей* силой, без которой невозможно выдержать ни наших темпов, ни новых масштабов производства.

У нас есть еще немало хозяйственников, которые „не верят" ни в механизацию, ни в договоры с колхозами. Это те самые хозяйственники, которые не понимают новой обстановки, не хотят работать по-новому и вздыхают по „старым добрым временам", когда рабочая сила „сама шла" на предприятия. Нечего и говорить, что такие хозяйственники, как небо от земли, далеки от тех новых задач хозяйственного строительства, которые ставит нам новая обстановка. Они, очевидно, думают, что затруднения с рабочей силой представляют случайное явление, что недостаток рабочей силы исчезнет сам, в порядке, так сказать, самотека. Это заблуждение, товарищи. Затруднения с рабочей силой не могут исчезнуть сами. Они могут исчезнуть лишь в результате наших собственных усилий.

Итак, *организованно набирать рабочую силу в порядке договоров с колхозами, механизировать труд* — такова задача.

Так обстоит дело с вопросом о первом новом условии развития нашей промышленности.

Перейдем к вопросу о втором условии.

II
ЗАРПЛАТА РАБОЧИХ

Я говорил только что об организованном наборе рабочих для наших предприятий. Но набрать рабочих еще не значит сделать все дело. Для того, чтобы обеспечить наши предприятия рабочей силой, необходимо добиться того, чтобы закрепить рабочих за производством и сделать состав рабочих на предприятии более или менее постоянным. Едва ли нужно доказывать, что без постоянного состава рабочих, более или менее усвоивших технику производства и привыкших к новым механизмам, — невозможно двигаться вперед, невозможно выполнить производственные планы. В противном случае пришлось бы каждый раз заново обучать рабочих и тратить половину времени на их обучение, вместо того, чтобы использовать его для производства. А что у нас происходит теперь на деле? Можно ли сказать, что состав рабочих на предприятиях является у нас более или менее постоян-

ным? Нет, нельзя этого сказать, к сожалению. Наоборот, у нас все еще имеется на предприятиях так называемая *текучесть* рабочей силы. Более того, на ряде предприятий текучесть рабочей силы не только не исчезает, а, наоборот, растет и усиливается. Во всяком случае, мало вы найдете предприятий, где бы не менялся состав рабочих в продолжение полугодия или даже квартала, по крайней мере, на 30—40%.

Раньше, в период восстановления промышленности, когда техническое оборудование было у нас несложное, а масштабы производства невелики, — можно было кое-как „терпеть" так называемую текучесть рабочей силы. Теперь — другое дело. Теперь обстановка изменилась в корне. Теперь, в период развернутой реконструкции, когда масштабы производства стали гигантскими, а техническое оборудование до крайности сложным, — текучесть рабочей силы превратилась в бич производства, дезорганизующий наши предприятия. „Терпеть" теперь текучесть рабочей силы — значит разложить нашу промышленность, уничтожить возможность выполнения производственных планов, подорвать возможность улучшения качества продукции.

Где причина текучести рабочей силы?

В неправильной организации зарплаты, в неправильной тарифной системе, в „левацкой" уравниловке в области зарплаты. В ряде предприятий тарифные ставки установлены у нас таким образом, что почти исчезает разница между трудом квалифицированным и трудом неквалифицированным, между трудом тяжелым и трудом легким. Уравниловка ведет к тому, что неквалифицированный рабочий не заинтересован переходить в квалифицированные и лишен, таким образом, перспективы продвижения вперед, ввиду чего он чувствует себя „дачником" на производстве, работающим лишь временно для того, чтобы „подработать" немного и потом уйти куда-либо в другое место „искать счастья". Уравниловка ведет к тому, что квалифицированный рабочий вынужден переходить из предприятия в предприятие для того, чтобы найти, наконец, такое предприятие, где могут оценить квалифицированный труд должным образом.

Отсюда „всеобщее" движение из предприятия в предприятие, текучесть рабочей силы.

Чтобы уничтожить это зло, надо отменить уравниловку и разбить старую тарифную систему. Чтобы уничтожить это зло, надо организовать такую систему тарифов, которая бы учитывала разницу между трудом квалифицированным и трудом неквалифицированным, между трудом тяжелым и трудом легким. Нельзя терпеть, чтобы каталь в черной металлургии получал столько же, сколько подметальщик. Нельзя терпеть, чтобы машинист на

железнодорожном транспорте получал столько же, сколько переписчик. Маркс и Ленин говорят, что разница между трудом квалифицированным и трудом неквалифицированным будет существовать даже при социализме, даже после уничтожения классов, что лишь при коммунизме должна исчезнуть эта разница, что, ввиду этого, „зарплата“ даже при социализме должна выдаваться по труду, а не по потребности. Но наши уравниловцы из хозяйственников и профсоюзников не согласны с этим и полагают, что эта разница уже исчезла при нашем советском строе. Кто прав — Маркс и Ленин или уравниловцы? Надо полагать, что правы тут Маркс и Ленин. Но из этого следует, что кто строит теперь тарифную систему на „принципах“ уравниловки, без учета разницы между трудом квалифицированным и трудом неквалифицированным, тот рвет с марксизмом, рвет с ленинизмом.

В каждой отрасли промышленности, на каждом предприятии, в каждом цехе имеются ведущие группы более или менее квалифицированных рабочих, которых надо закрепить за производством прежде всего и главным образом, если мы действительно хотим обеспечить постоянный состав рабочих на предприятии. Они, эти ведущие группы рабочих, составляют основное звено производства. Закрепить их за предприятием, за цехом — значит закрепить весь состав рабочих, подорвать в корне текучесть рабочей силы. А как их закрепить за предприятием? Их можно закрепить лишь путем выдвижения их вверх, путем поднятия уровня их зарплаты, путем такой организации зарплаты, которая воздает должное квалификации работника. А что значит выдвинуть их вверх и поднять уровень их зарплаты? Это значит, кроме всего прочего, открыть перспективу для неквалифицированных рабочих и дать им стимул для продвижения вверх, для продвижения в разряд квалифицированных. Вы сами знаете, что нам нужны теперь сотни тысяч и миллионы квалифицированных рабочих. Но чтобы создать квалифицированных, надо дать стимул и перспективу необученным рабочим к движению вперед, к выдвижению вверх. И чем смелее мы станем на этот путь, тем лучше, ибо в этом основное средство ликвидации текучести рабочей силы. Экономить же в этом деле — значит совершить преступление, итти против интересов нашей социалистической индустрии.

Но это не все.

Для закрепления рабочих за предприятием необходимо еще дальнейшее улучшение снабжения и жилищных условий рабочих. Нельзя отрицать, что в области жилищного строительства и снабжения рабочих сделано за последние годы не мало. Но того, что сделано, совершенно недостаточно для того, чтобы покрыть быстро растущие потребности рабочих. Нельзя ссылать-

ся на то, что раньше жилищ было меньше, чем теперь, и что, ввиду этого, можно успокоиться на достигнутых результатах. Нельзя также ссылаться на то, что раньше снабжение рабочих было куда хуже, чем теперь, и что можно, ввиду этого, довольствоваться существующим положением. Только гнилые и насквозь протухшие люди могут утешаться ссылками на прошлое. Надо исходить не из прошлого, а из растущих потребностей рабочих в настоящем. Нужно понять, что условия существования рабочих изменились у нас в корне. Рабочий ныне — не то, что раньше. Нынешний рабочий, наш советский рабочий, хочет жить с покрытием всех своих материальных и культурных потребностей и в смысле продовольственного снабжения, и в смысле жилищ, и в смысле обеспечения культурных и всяких иных потребностей. Он имеет на это право, и мы обязаны обеспечить ему эти условия. Правда, он не страдает у нас от безработицы, он свободен от ярма капитализма, он больше не раб, а хозяин своего дела. Но этого мало. Он требует обеспечения всех своих материальных и культурных потребностей, и мы обязаны исполнить это его требование. Не забывайте, что мы сами выступаем теперь с известными требованиями к рабочему, — требуем от него трудовой дисциплины, напряженной работы, соревнования, ударничества. Не забывайте, что громадное большинство рабочих приняло эти требования Советской власти с большим подъемом и выполняет их геройски. Не удивляйтесь поэтому, что, осуществляя требования Советской власти, рабочие будут в свою очередь требовать от нее выполнения ее обязательств по дальнейшему улучшению материального и культурного положения рабочих.

Итак, *ликвидировать текучесть рабочей силы, уничтожить уравниловку, правильно организовать зарплату, улучшить бытовые условия рабочих* — такова задача.

Так обстоит дело с вопросом о втором новом условии развития нашей промышленности.

Перейдем к вопросу о третьем условии.

III

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА

Я говорил выше о необходимости ликвидации текучести рабочей силы, о закреплении рабочих на предприятиях. Но закреплением рабочих не исчерпывается все дело. Мало добиться уничтожения текучести. Нужно еще поставить рабочих в такие условия труда, которые бы давали им возможность работать с толком, поднимать производительность, улучшать качество продукции.

Нужно, стало быть, организовать труд на предприятиях таким образом, чтобы производительность подымалась из месяца в месяц, из квартала в квартал.

Можно ли сказать, что нынешняя фактическая организация труда на наших предприятиях отвечает современным требованиям производства? К сожалению, нельзя этого сказать. Во всяком случае, у нас все еще имеется ряд предприятий, где организация труда поставлена из рук вон плохо, где вместо порядка и согласованности в работе имеют место беспорядок и неразбериха, где вместо ответственности за работу царит полная безответственность и *обезличка.*

Что такое обезличка? Обезличка есть отсутствие всякой ответственности за порученную работу, отсутствие ответственности за механизмы, за станки, за инструменты. Понятно, что при обезличке не может быть и речи о сколько-нибудь серьезном подъеме производительности труда, об улучшении качества продукции, о бережном отношении к механизмам, станкам, инструментам. Вы знаете, к чему привела обезличка на железнодорожном транспорте. К таким же результатам приводит она и в промышленности. Мы уничтожили обезличку на железнодорожном транспорте и подняли работу последнего. Мы должны сделать в промышленности то же самое для того, чтобы поднять ее работу на высшую ступень.

Раньше можно было еще кое-как „обходиться" той неправильной организацией труда, которая с удобством уживается с обезличкой и отсутствием ответственности каждого за данную конкретную работу. Теперь — другое дело. Теперь обстановка совершенно другая. При нынешних грандиозных масштабах производства и наличии гигантов-предприятий обезличка является таким бичом промышленности, который создает угрозу для всех наших производственных и организационных достижений на предприятиях.

Как могла укорениться у нас обезличка на ряде предприятий? Она пришла в предприятия как незаконная спутница непрерывки. Было бы неправильно сказать, что непрерывка обязательно влечет за собой обезличку в производстве. При правильной организации труда, при организации ответственности каждого за определенную работу, при наличии прикрепления определенных групп рабочих к механизмам, станкам, при правильной организации смен, не уступающих друг другу по качеству и квалификации, — при этих условиях непрерывка ведет к громадному росту производительности труда, улучшению качества работы, к искоренению обезлички. Так обстоит дело, например, на железнодорожном транспорте, где существует теперь непрерывка, но где

нет больше обезлички. Можно ли сказать, что на предприятиях промышленности мы имеем такую же благоприятную картину с непрерывкой? К сожалению, нельзя этого сказать. Дело в том, что на ряде предприятий перешли у нас на непрерывку слишком поспешно, без подготовки соответствующих условий, без должной организации смен, более или менее равноценных по качеству и квалификации, без организации ответственности каждого за данную конкретную работу. А это привело к тому, что непрерывка, предоставленная воле стихии, превратилась в обезличку. В результате мы имеем на ряде предприятий бумажную, словесную непрерывку и не бумажную, реальную обезличку. В результате — отсутствие чувства ответственности за работу, небрежное отношение к механизмам, массовая поломка станков и отсутствие стимула к поднятию производительности труда. Недаром говорят рабочие: „мы бы подняли производительность труда и улучшили бы дело, но кто нас оценит, когда никто ни за что не отвечает?“

Из этого следует, что кое-кто из наших товарищей поторопились кое-где с введением непрерывки и, поторопившись, извратили непрерывку, превратив ее в обезличку. Для ликвидации этого положения и уничтожения обезлички существуют два выхода. Либо изменить условия проведения непрерывки так, чтобы непрерывка не превращалась в обезличку, по образцу того, как это проделали в отношении железнодорожного транспорта. Либо там, где нет сейчас благоприятных условий для такого опыта, — отбросить прочь бумажную непрерывку, перейти временно на 6-дневную прерывку, как это проделали недавно на Сталинградском тракторном, и подготовить условия к тому, чтобы вернуться потом к действительной, не бумажной непрерывке, вернуться к непрерывке без обезлички.

Других выходов нет.

Не может быть сомнения, что наши хозяйственники достаточно хорошо понимают все это. Но они молчат. Почему? Потому, очевидно, что боятся правды. Но с каких пор большевики стали бояться правды? Разве это не верно, что в ряде предприятий непрерывка превратилась в обезличку, что непрерывка извращена таким образом до последней степени? Спрашивается, кому нужна такая непрерывка? Кто решится сказать, что интересы сохранения этой бумажной и извращенной непрерывки выше интересов правильной организации труда, выше интересов развития производительности труда, выше интересов действительной непрерывки, выше интересов нашей социалистической промышленности? Не ясно ли, что чем скорее похороним бумажную непрерывку, тем скорее добьемся организации действительной, не бумажной непрерывки?

Некоторые товарищи думают, что обезличку можно уничтожить заклинаниями, широковещательными речами. Я знаю, во всяком случае, ряд хозяйственников, которые в своей борьбе с обезличкой ограничиваются тем, что то и дело выступают на собраниях с проклятиями по адресу обезлички, полагая, видимо, что после таких речей обезличка сама должна исчезнуть, так сказать, в порядке самотека. Они глубоко заблуждаются, если они думают, что обезличку можно выжить из практики речами и заклинаниями. Нет, товарищи, обезличка сама никогда не исчезнет. Ее можем и должны уничтожить только мы сами, ибо мы с вами стоим у власти и мы вместе с вами отвечаем за все, в том числе и за обезличку. Я думаю, что было бы гораздо лучше, если бы наши хозяйственные руководители, вместо того, чтобы заниматься речами и заклинаниями, засели на месяц — другой, скажем, на шахте или на заводе, изучили бы все детали и „мелочи" организации труда, уничтожили бы там на деле обезличку и потом распространяли бы опыт данного предприятия на другие предприятия. Это было бы куда лучше. Это было бы действительной борьбой против обезлички, борьбой за правильную, большевистскую организацию труда, борьбой за правильную расстановку сил на предприятии.

Итак, *ликвидировать обезличку, улучшить организацию труда, правильно расставить силы на предприятии* — такова задача.

Так обстоит дело с вопросом о третьем новом условии развития нашей промышленности.

Перейдем к вопросу о четвертом условии.

IV

ВОПРОС О ПРОИЗВОДСТВЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ РАБОЧЕГО КЛАССА

Изменилась обстановка также в отношении командного состава промышленности вообще, в отношении инженерно-технического персонала в частности.

Раньше дело обстояло у нас так, что основным источником всей нашей промышленности служила украинская угольно-металлургическая база. Украина снабжала металлом все наши промышленные районы, как Юг, так и Москву и Ленинград. Она же снабжала углем наши основные предприятия в СССР. Я исключаю здесь Урал, так как удельный вес Урала в сравнении с Донбассом представлял незначительную величину. Сообразно с этим мы имели три основных очага выработки командного состава промышленности: Юг, Московский район, Ленинградский район. Понятно, что при таком положении вещей мы могли так или иначе

обходиться тем минимумом инженерно-технических сил, которым только и могла тогда располагать наша страна.

Так было в недавнем прошлом.

Но теперь мы имеем совершенно другую обстановку. Теперь ясно, я думаю, что, сохраняя нынешние темпы развития и гигантские масштабы производства, мы уже не в состоянии оборачиваться на одной лишь украинской угольно-металлургической базе. Вы знаете, что нам уже нехватает украинского угля и металла, несмотря на рост их производства. Вы знаете, что мы вынуждены, ввиду этого, создать новую угольно-металлургическую базу на Востоке — Урал-Кузбасс. Вы знаете, что мы эту базу создаем не без успеха. Но этого мало. Нам нужно создать, далее, металлургию в самой Сибири для удовлетворения ее растущих потребностей. И мы ее уже создаем. Нам нужно создать, кроме того, новую базу цветной металлургии в Казакстане, в Туркестане. Нам нужно развить, наконец, широчайшее железнодорожное строительство. Это диктуется интересами СССР в целом — интересами окраинных республик так же, как и интересами центра.

Но из этого следует, что мы не можем уже обходиться тем минимумом инженерно-технических и командных сил промышленности, которым мы обходились раньше. Из этого следует, что старых очагов формирования инженерно-технических сил уже недостаточно, что необходимо создать целую сеть новых очагов — на Урале, в Сибири, в Средней Азии. Нам нужно теперь обеспечить себя втрое, впятеро больше инженерно-техническими и командными силами промышленности, если мы действительно думаем осуществить программу социалистической индустриализации СССР.

Но нам нужны не *всякие* командные и инженерно-технические силы. Нам нужны *такие* командные и инженерно-технические силы, которые способны понять политику рабочего класса нашей страны, способны усвоить эту политику и готовы осуществить ее на совесть. А что это значит? Это значит, что наша страна вступила в такую фазу развития, когда *рабочий класс должен создать себе свою собственную производственно-техническую интеллигенцию,* способную отстаивать его интересы в производстве, как интересы господствующего класса.

Ни один господствующий класс не обходился без своей собственной интеллигенции. Нет никаких оснований сомневаться в том, что рабочий класс СССР также не может обойтись без своей собственной производственно-технической интеллигенции.

Советская власть учла это обстоятельство и открыла двери высших учебных заведений по всем отраслям народного хозяйства для людей рабочего класса. Вы знаете, что десятки тысяч рабоче-крестьянской молодежи учатся теперь в высших учебных

заведениях. Если раньше, при капитализме, высшие учебные заведения являлись монополией барчуков, то теперь, при советском строе, рабоче-крестьянская молодежь составляет там господствующую силу. Нет сомнения, что мы получим скоро из наших учебных заведений тысячи новых техников и инженеров, новых командиров нашей промышленности.

Но это только одна сторона дела. Другая сторона дела состоит в том, что производственно-техническая интеллигенция рабочего класса будет формироваться не только из людей, прошедших высшую школу, — она будет рекрутироваться также из практических работников наших предприятий, из квалифицированных рабочих, из культурных сил рабочего класса на заводе, на фабрике, в шахте. Инициаторы соревнования, вожаки ударных бригад, практические вдохновители трудового подъема, организаторы работ на тех или иных участках строительства — вот новая прослойка рабочего класса, которая и должна составить вместе с прошедшими высшую школу товарищами ядро интеллигенции рабочего класса, ядро командного состава нашей промышленности. Задача состоит в том, чтобы не оттирать этих инициативных товарищей, смелее выдвигать их на командные должности, дать им возможность проявить свои организаторские способности, дать им возможность пополнить свои знания и создать им соответствующую обстановку, не жалея на это денег.

Среди этих товарищей имеется не мало беспартийных. Но это не может служить препятствием к тому, чтобы смелее выдвигать их на руководящие должности. Наоборот, именно их, этих беспартийных товарищей, следует окружать особым вниманием, следует выдвигать на командные должности, чтобы они убедились на деле, что партия умеет ценить способных и талантливых работников. Некоторые товарищи думают, что на руководящие должности на фабриках, на заводах можно выдвигать лишь партийных товарищей. На этом основании они нередко оттирают способных и инициативных беспартийных товарищей, выдвигая на первое место партийцев, хотя и менее способных и неинициативных. Нечего и говорить, что нет ничего глупее и реакционнее такой, с позволения сказать, „политики". Едва ли нужно доказывать, что такой „политикой" можно лишь дискредитировать партию и оттолкнуть от партии беспартийных рабочих. Наша политика состоит вовсе не в том, чтобы превратить партию в замкнутую касту. Наша политика состоит в том, чтобы между партийными и беспартийными рабочими существовала атмосфера „взаимного доверия", атмосфера „взаимной проверки" (Ленин). Партия наша сильна в рабочем классе, между прочим, потому, что она проводит такую именно политику.

Итак, *добиться того, чтобы у рабочего класса СССР была своя собственная производственно-техническая интеллигенция* — такова задача.

Так обстоит дело с вопросом о четвертом новом условии развития нашей промышленности.

Перейдем к вопросу о пятом условии.

V

ПРИЗНАКИ ПОВОРОТА СРЕДИ СТАРОЙ ПРОИЗВОДСТВЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

По-иному ставится также вопрос об отношении к старой, буржуазной производственно-технической интеллигенции.

Года два назад дело обстояло у нас таким образом, что наиболее квалифицированная часть старой технической интеллигенции была заражена болезнью вредительства. Более того, вредительство составляло тогда своего рода моду. Одни вредили, другие покрывали вредителей, третьи умывали руки и соблюдали нейтралитет, четвертые колебались между Советской властью и вредителями. Конечно, большинство старой технической интеллигенции продолжало работать более или менее лойяльно. Но речь идет здесь не о большинстве, а о наиболее квалифицированной части технической интеллигенции.

Чем создавалось вредительское движение, чем оно культивировалось? Обострением классовой борьбы внутри СССР, наступательной политикой Советской власти в отношении капиталистических элементов города и деревни, сопротивлением этих последних политике Советской власти, сложностью международного положения, трудностями колхозного и совхозного строительства. Если активность боевой части вредителей подкреплялась интервенционистскими затеями империалистов капиталистических стран и хлебными затруднениями внутри страны, то колебания другой части старой технической интеллигенции в сторону активных вредителей усиливались модными разговорами троцкистско-меньшевистских болтунов насчет того, что „из колхозов и совхозов все равно ничего не выйдет“, „Советская власть все равно перерождается и должна в скором времени пасть“, „большевики своей политикой сами способствуют интервенции“ и т. д. и т. п. Кроме того, если даже некоторые старые большевики из числа правых уклонистов не устояли против „поветрия“ и качнулись в этот период в сторону от партии, то нет оснований удивляться тому, что известная часть старой технической интеллигенции, никогда не нюхавшей большевизма, тоже, с божьей помощью, колебнулась.

Понятно, что при таком положении вещей Советская власть могла практиковать лишь одну единственную политику в отношении старой технической интеллигенции — политику *разгрома* активных вредителей, *расслоения* нейтральных и *привлечения* лойяльных.

Так было год — два назад.

Можно ли сказать, что мы имеем теперь такую же точно обстановку? Нет, нельзя этого сказать. Наоборот, у нас сложилась теперь совершенно другая обстановка. Начать с того, что мы разбили и с успехом преодолеваем капиталистические элементы города и деревни. Конечно, это не может радовать старую интеллигенцию. Очень вероятно, что они все еще выражают соболезнование своим разбитым друзьям. Но не бывает того, чтобы сочувствующие и, тем более, нейтральные и колеблющиеся добровольно согласились разделить судьбу своих активных друзей, после того, как эти последние потерпели жестокое и непоправимое поражение. Далее, мы преодолели хлебные затруднения, и не только преодолели, но вывозим за границу такое количество хлеба, какого не вывозили еще за время существования Советской власти. Стало быть, отпадает и этот „аргумент" колеблющихся. Далее, теперь даже слепые видят, что на фронте колхозного и совхозного строительства мы определенно победили, добившись величайших успехов. Стало быть, самое главное в „арсенале" старой интеллигенции ушло в пропасть. Что касается интервенционистских упований буржуазной интеллигенции, то надо признать, что они оказались, — пока, по крайней мере, — домиком, построенным на песке. В самом деле, шесть лет сулили интервенцию и ни разу не попытались интервенировать. Пора признать, что нашу прозорливую буржуазную интеллигенцию просто водили за нос. Я уже не говорю о том, что само поведение активных вредителей на известном судебном процессе в Москве должно было развенчать и действительно развенчало идею вредительства.

Понятно, что эти новые обстоятельства не могли остаться без влияния на нашу старую техническую интеллигенцию. Новая обстановка должна была создать и действительно создала новые настроения среди старой технической интеллигенции. Этим, собственно, и объясняется тот факт, что мы имеем определенные признаки поворота известной части этой интеллигенции, ранее сочувствовавшей вредителям, в сторону Советской власти. Тот факт, что не только этот слой старой интеллигенции, но даже определенные вчерашние вредители, значительная часть вчерашних вредителей начинает работать на ряде заводов и фабрик заодно с рабочим классом, — этот факт с несомненностью говорит

о том, что поворот среди старой технической интеллигенции уже начался. Это не значит, конечно, что у нас нет больше вредителей. Нет, не значит. Вредители есть и будут, пока есть у нас классы, пока имеется капиталистическое окружение. Но это значит, что коль скоро значительная часть старой технической интеллигенции, так или иначе сочувствовавшая ранее вредителям, повернула теперь в сторону Советской власти, — активных вредителей осталось небольшое количество, они изолированы и они должны будут уйти до поры до времени в глубокое подполье.

Но из этого следует, что сообразно с этим должна измениться и наша политика в отношении старой технической интеллигенции. Если в период разгара вредительства наше отношение к старой технической интеллигенции выражалось главным образом в политике разгрома, то теперь, в период поворота этой интеллигенции в сторону Советской власти, наше отношение к ней должно выражаться, главным образом, в политике привлечения и заботы о ней. Было бы неправильно и недиалектично продолжать старую политику при новых, изменившихся условиях. Было бы глупо и неразумно рассматривать теперь чуть ли не каждого специалиста и инженера старой школы, как не пойманного преступника и вредителя. „Спецеедство" всегда считалось и остается у нас вредным и позорным явлением.

Итак, *изменить отношение к инженерно-техническим силам старой школы, проявлять к ним побольше внимания и заботы, смелее привлекать их к работе* — такова задача.

Так обстоит дело с вопросом о пятом новом условии развития нашей промышленности.

Перейдем к вопросу о последнем условии.

VI

О ХОЗРАСЧЕТЕ

Картина была бы неполной, если бы я не коснулся еще одного нового условия. Речь идет об источниках накопления для промышленности, для народного хозяйства, об усилении темпов этого накопления.

В чем состоит новое и особенное в развитии нашей промышленности с точки зрения накопления? В том, что старых источников накопления начинает уже нехватать для дальнейшего разворачивания промышленности. В том, что необходимо, стало быть, нащупать новые источники накопления и усилить старые, если мы действительно хотим сохранить и развить большевистские темпы индустриализации.

Из истории капиталистических стран известно, что ни одно молодое государство, желавшее поднять на высшую ступень свою индустрию, не обходилось без помощи извне в виде долгосрочных кредитов или займов. Исходя из этого, капиталисты западных стран начисто отказали нашей стране в кредитах и займах, полагая, что отсутствие кредитов и займов наверняка подрежет индустриализацию нашей страны. Но капиталисты ошиблись. Они не учли того, что наша страна, в отличие от стран капиталистических, располагает некоторыми особыми источниками накопления, достаточными для того, чтобы восстановить и развить дальше индустрию. И действительно, мы не только восстановили промышленность, не только восстановили сельское хозяйство и транспорт, но мы успели уже поставить на рельсы грандиозное дело реконструкции тяжелой промышленности, сельского хозяйства, транспорта. Понятно, что на это дело ушли у нас десятки миллиардов рублей. Откуда черпались эти миллиарды? Из легкой промышленности, из сельского хозяйства, из бюджетных накоплений. Так шло у нас дело до последнего времени.

Совершенно по-иному обстоит дело теперь. Если раньше хватало старых источников накопления для реконструкции промышленности и транспорта, то теперь их начинает уже явным образом нехватать. Дело идет теперь не о том, чтобы реконструировать старую промышленность. Дело идет о создании новой, технически вооруженной, промышленности на Урале, в Сибири, Казакстане. Дело идет о создании нового крупного сельско-хозяйственного производства в зерновых, животноводческих и сырьевых районах СССР. Дело идет о создании новой железнодорожной сети между Востоком и Западом СССР. Понятно, что старых источников накопления не может хватить на это грандиозное дело.

Но это не все. К этому надо добавить то обстоятельство, что благодаря бесхозяйственному ведению дела принципы хозрасчета оказались совершенно подорванными в целом ряде наших предприятий и хозяйственных организаций. Это факт, что в ряде предприятий и хозяйственных организаций давно уже перестали считать, калькулировать, составлять обоснованные балансы доходов и расходов. Это факт, что в ряде предприятий и хозяйственных организаций понятия: „режим экономии“, „сокращение непроизводительных расходов“, „рационализация производства“ — давно уже вышли из моды. Очевидно, они рассчитывают на то, что Госбанк „все равно нам выдаст необходимые суммы“. Это факт, что за последнее время себестоимость на целом ряде предприятий стала повышаться. Им дано задание снизить себестоимость на 10 и больше процентов, а они ее повышают. А что такое снижение себестоимости? Вы знаете, что каждый процент сни-

жения себестоимости означает накопление внутри промышленности в 150—200 млн. руб. Ясно, что повышать себестоимость при этих условиях — значит терять для промышленности и всего народного хозяйства сотни миллионов рублей.

Из всего этого следует, что нельзя уже больше оборачиваться на одной лишь легкой промышленности, на одних лишь бюджетных накоплениях, на одних лишь доходах от сельского хозяйства. Легкая промышленность представляет богатейший источник накопления, и она имеет теперь все шансы развиваться дальше, но источник этот не беспределен. Сельское хозяйство представляет не менее богатый источник накопления, но оно само нуждается теперь, в период его реконструкции, в финансовой помощи от государства. Что касается бюджетных накоплений, то сами знаете, что они не могут и не должны быть беспредельными. Что же остается? Остается тяжелая промышленность. Стало быть, надо добиться того, чтобы тяжелая промышленность — и прежде всего ее машиностроительная часть — также давала накопления. Стало быть, усиливая и разворачивая старые источники накопления, нужно добиться того, чтобы тяжелая промышленность — и прежде всего машиностроение — также давала накопление.

В этом выход.

А что для этого требуется? Уничтожение бесхозяйственности, мобилизация внутренних ресурсов промышленности, внедрение и укрепление хозрасчета во всех наших предприятиях, систематическое снижение себестоимости, усиление внутрипромышленного накопления во всех без исключения отраслях промышленности.

Таков путь к выходу.

Итак, *внедрить и укрепить хозрасчет, поднять внутрипромышленное накопление* — такова задача.

VII

ПО-НОВОМУ РАБОТАТЬ, ПО-НОВОМУ РУКОВОДИТЬ

Таковы, товарищи, новые условия развития нашей промышленности.

Значение этих новых условий состоит в том, что они создают для промышленности новую обстановку, требующую новых приемов работы, новых приемов руководства.

Итак:

а) Выходит, таким образом, что нельзя уже рассчитывать больше по-старому на самотек рабочей силы. Чтобы обеспечить промышленность рабочей силой, надо ее набирать организованным порядком, надо механизировать труд. Думать, что можно

обойтись без механизации при наших темпах работы и масштабах производства, — значит надеяться на то, что можно вычерпать море ложкой.

б) Выходит, далее, что нельзя дальше терпеть текучесть рабочей силы в промышленности. Чтобы избавиться от этого зла, надо организовать зарплату по-новому и сделать состав рабочих на предприятиях более или менее постоянным.

в) Выходит, дальше, что нельзя больше терпеть обезличку в производстве. Чтобы избавиться от этого зла, надо по-новому организовать труд, надо расставить силы таким образом, чтобы каждая группа рабочих отвечала за работу, за механизмы, за станки, за качество работы.

г) Выходит, далее, что невозможно больше по-старому обходиться тем минимумом старых инженерно-технических сил, который мы унаследовали от буржуазной России. Чтобы поднять нынешние темпы и масштабы производства, нужно добиться того, чтобы у рабочего класса была своя собственная производственно-техническая интеллигенция.

д) Выходит, дальше, что нельзя по-старому валить в одну кучу всех специалистов и инженерно-технические силы старой школы. Чтобы учесть изменившуюся обстановку, надо изменить нашу политику и проявить максимум заботы в отношении тех специалистов и инженерно-технических сил, которые определенно поворачивают в сторону рабочего класса.

е) Выходит, наконец, что нельзя по-старому оборачиваться на старых источниках накопления. Чтобы обеспечить дальнейшее развертывание промышленности и сельского хозяйства, нужно добиться того, чтобы пустить в дело новые источники накопления, ликвидировать бесхозяйственность, внедрить хозрасчет, снизить себестоимость и поднять внутрипромышленное накопление.

Таковы новые условия развития промышленности, требующие новых приемов работы, новых приемов руководства хозяйственным строительством.

Что требуется для того, чтобы наладить руководство по-новому?

Для этого требуется прежде всего, чтобы наши хозяйственные руководители поняли новую обстановку, изучили конкретно новые условия развития промышленности и перестроили свою работу сообразно с требованиями новой обстановки.

Для этого требуется, далее, чтобы наши хозяйственные руководители руководили предприятиями не „вообще“, не „с воздуха“, а конкретно, предметно, чтобы они подходили к каждому вопросу не с точки зрения общей болтовни, а строго деловым образом, чтобы они не ограничивались бумажной отпиской или общими фразами и лозунгами, а входили в технику дела, вникали

в детали дела, вникали в „мелочи“, ибо из „мелочей“ строятся теперь великие дела.

Для этого требуется, далее, чтобы наши нынешние громоздкие объединения, имеющие иногда в своем составе 100—200 предприятий, — разукрупнить немедля и разбить на несколько объединений. Понятно, что председатель объединения, имеющий дело с сотней и больше заводов, не может по-настоящему знать этих заводов, их возможностей, их работы. Понятно, что, не зная заводов, он не в состоянии руководить ими. Стало быть, чтобы дать возможность председателям объединений по-настоящему изучить заводы и руководить ими, надо их разгрузить от излишка заводов, надо разбить объединения на несколько объединений и приблизить объединения к заводам.

Для этого требуется, далее, чтобы наши объединения перешли от коллегиального управления к управлению единоличному. Сейчас дело обстоит так, что в коллегиях объединений сидят по 10—15 человек и пишут бумаги, ведут дискуссию. Управлять так дальше нельзя, товарищи. Надо прекратить бумажное „руководство“ и переключиться на действительную, деловую, большевистскую работу. Пусть остается во главе объединения председатель объединения и несколько заместителей. Этого будет вполне достаточно для управления объединением. Остальных членов коллегии лучше было бы спустить вниз — на заводы и фабрики. Это было бы куда полезнее и для них и для дела.

Для этого требуется, далее, чтобы председатели объединений и их заместители почаще объезжали заводы, подольше оставались там для работы, получше знакомились с заводскими работниками и не только учили местных людей, но и учились у них. Думать, что можно руководить теперь из канцелярии, сидя в конторе, вдали от заводов, — значит заблуждаться. Чтобы руководить заводами, надо почаще общаться с работниками предприятий, надо поддерживать с ними живую связь.

Наконец, два слова о нашем производственном плане на 1931 г. Существуют некоторые околопартийные обыватели, которые уверяют, что наша производственная программа нереальна, невыполнима. Это нечто вроде „премудрых пескарей“ Щедрина, которые всегда готовы распространять вокруг себя „пустоту недомыслия“. Реальна ли наша производственная программа? Безусловно, да! Она реальна хотя бы потому, что у нас есть налицо все необходимые условия для ее осуществления. Она реальна хотя бы потому, что ее выполнение зависит теперь исключительно от нас самих, от нашего умения и нашего желания использовать имеющиеся у нас богатейшие возможности. Чем же иначе объяснить тот факт, что целый ряд предприятий и отраслей промыш-

ленности уже *перевыполнил* план? Было бы глупо думать, что производственный план сводится к перечню цифр и заданий. На самом деле производственный план есть живая и практическая деятельность миллионов людей. Реальность нашего производственного плана — это миллионы трудящихся, творящие новую жизнь. Реальность нашей программы — это живые люди, это мы с вами, наша воля к труду, наша готовность работать по-новому, наша решимость выполнить план. Есть ли у нас она, эта самая решимость? Да, есть. Стало быть, наша производственная программа может и должна быть осуществлена. *(Продолжительные аплодисменты.)*

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИИ БОЛЬШЕВИЗМА

Письмо в редакцию журнала „Пролетарская Революция"

Уважаемые товарищи!

Решительно протестую против помещения в журнале „Пролетарская Революция" (№ 6, 1930 г.) антипартийной и полутроцкистской статьи Слуцкого „Большевики о германской социал-демократии в период ее предвоенного кризиса" как статьи дискуссионной.

Слуцкий утверждает, что Ленин (большевики) недооценивал опасности *центризма* в германской и вообще предвоенной социал-демократии, то-есть недооценивал опасности прикрытого оппортунизма, опасности примиренчества с оппортунизмом. Иначе говоря, по Слуцкому выходит, что Ленин (большевики) не вел непримиримой борьбы с оппортунизмом, ибо недооценка центризма есть по сути дела отказ от развернутой борьбы с оппортунизмом. Выходит, таким образом, что Ленин в период перед войной не был еще настоящим большевиком, что лишь в период империалистической войны, или даже в исходе этой войны, Ленин стал настоящим большевиком. Так повествует в своей статье Слуцкий. А вы, вместо того, чтобы заклеймить этого новоявленного „историка", как клеветника и фальсификатора, ввязываетесь с ним в дискуссию, даете ему трибуну. Не могу не протестовать против помещения в вашем журнале статьи Слуцкого как статьи дискуссионной, так как нельзя превращать в предмет дискуссии вопрос *о большевизме* Ленина, вопрос о том, *вел* Ленин принципиальную непримиримую борьбу с центризмом, как известным видом оппортунизма, или *не вел* ее, *был* Ленин настоящим большевиком или *не был* таковым.

В своем заявлении „От редакции", присланном в ЦК 20 октября, вы признаете, что редакция допустила ошибку, поместив статью Слуцкого в качестве дискуссионной статьи. Это, конечно, хорошо,

несмотря на то, что заявление редакции появляется с большим запозданием. Но вы допускаете в своем заявлении новую ошибку, декларируя, что „редакция считает политически крайне актуальным и необходимым дальнейшую разработку на страницах „Пролетарской Революции“ всего круга проблем, связанных с взаимоотношением большевиков с довоенным II Интернационалом“. Это значит, что вы намерены вновь втянуть людей в дискуссию по вопросам, являющимся аксиомами большевизма. Это значит, что вопрос о большевизме Ленина вы вновь думаете превратить из аксиомы в проблему, нуждающуюся в „дальнейшей разработке“. Почему, на каком основании? Всем известно, что ленинизм родился, вырос и окреп в беспощадной борьбе с оппортунизмом всех мастей, в том числе с центризмом на Западе (Каутский), с центризмом у нас (Троцкий и др.). Этого не могут отрицать даже прямые враги большевизма. Это аксиома. А вы тянете нас назад, пытаясь превратить аксиому в проблему, подлежащую „дальнейшей разработке“. Почему? На каком основании? Может быть по незнакомству с историей большевизма? Может быть ради гнилого либерализма, чтобы Слуцкие и прочие ученики Троцкого не могли сказать, что им зажимают рот? Довольно странный либерализм, проводимый за счет кровных интересов большевизма...

Что собственно считает редакция достойным дискуссионного рассмотрения в статье Слуцкого?

1) Слуцкий утверждает, что Ленин (большевики) не вел линию на разрыв, на раскол с оппортунистами германской социал-демократии, с оппортунистами II Интернационала довоенного периода. Вы хотите дискуссировать против этого троцкистского тезиса Слуцкого. Но что тут дискуссионного? Разве не ясно, что Слуцкий просто клевещет на Ленина, на большевиков? Клевету нужно заклеймить, а не превращать в предмет дискуссии.

Всякий большевик знает, если он действительно большевик, что Ленин еще задолго до войны, примерно с 1903—1904 гг., когда оформилась в России группа большевиков и когда впервые дали о себе знать левые в германской социал-демократии, — вел линию на разрыв, на раскол с оппортунистами и у нас, в российской социал-демократической партии, и там, во II Интернационале, в частности в германской социал-демократии. Всякий большевик знает, что именно поэтому большевики уже тогда (1903—1905) снискали себе в рядах оппортунистов II Интернационала почетную славу „раскольников“ и „дезорганизаторов“. Но что мог сделать Ленин, что могли сделать большевики, если левые с.-д. во II Интернационале и, прежде всего, в германской социал-демократии представляли слабую и немощную группу, организационно не оформленную, идеологически не подкованную группу, боящуюся

даже выговорить слово „разрыв“, „раскол“? Нельзя же требовать, чтобы Ленин, чтобы большевики устроили из России за левых раскол в западных партиях. Я уже не говорю о том, что организационная и идеологическая слабость была характерной чертой левых с.-д. не только в период довоенный. Она, эта отрицательная черта, как известно, сохранилась за левыми и в период после войны. Всем известна оценка германских левых с.-д. в известной статье Ленина „О брошюре Юниуса“ [1], писанной в октябре 1916 года, то-есть спустя более двух лет после начала войны, где Ленин, критикуя целый ряд серьезнейших политических ошибок левых с.-д. в Германии, говорит о *„слабости всех немецких левых, опутанных со всех сторон гнусной сетью каутскианского лицемерия, педантства, „дружелюбия“ к оппортунистам“*, где он говорит о том, что *„Юниус не освободился вполне от „среды“ немецких, даже левых социал-демократов, боящихся раскола, боящихся договаривать до конца революционные лозунги“*.

Из всех группировок II Интернационала русские большевики были тогда единственной группировкой, способной по своему организационному опыту и идеологической подкованности предпринять что-либо серьезное в смысле прямого разрыва, раскола со своими оппортунистами в своей российской социал-демократии. Вот если бы Слуцкие попытались даже не доказать, а просто предположить, что Ленин и русские большевики не использовали всей своей мощи для того, чтобы организовать раскол с оппортунистами (Плеханов, Мартов, Дан) и изгнать центристов (Троцкий и прочие сторонники Августовского блока), — то тогда можно было бы спорить о большевизме Ленина, о большевизме большевиков. Но в том-то и дело, что Слуцкие не смеют даже заикнуться в пользу такого дикого предположения. Не смеют, так как знают, что всем известные факты решительной политики разрыва с оппортунистами всех мастей, проводившейся русскими большевиками (1904—1912 гг.), вопиют против такого предположения. Не смеют, так как знают, что на другой же день будут они пригвождены к позорному столбу.

Но вот вопрос: могли ли русские большевики осуществить раскол со своими оппортунистами и центристами-примиренцами задолго до империалистической войны (1904—1912 гг.), не ведя вместе с тем линию на разрыв, линию на раскол с оппортунистами и центристами II Интернационала? Кто может сомневаться в том, что русские большевики считали свою политику в отношении оппортунистов и центристов образцом политики для левых на

---

[1] Юниус — Роза Люксембург, лидер левых с.-д. в германской социал-демократии.

Западе? Кто может сомневаться в том, что русские большевики всячески толкали левых с.-д. на Западе, в частности левых в германской социал-демократии, на разрыв, на раскол со своими оппортунистами и центристами? Не вина Ленина и русских большевиков, если левые с.-д. на Западе оказались не созревшими к тому, чтобы итти по стопам русских большевиков.

2) Слуцкий упрекает Ленина и большевиков, что они не поддерживали левых в германской с.-д. решительно и бесповоротно, что они поддерживали их лишь с серьезными оговорками, что фракционные соображения мешали им поддерживать левых до конца. Вы хотите дискуссировать против этого шарлатанского и насквозь фальшивого упрека. Но что тут собственно дискуссионного? Разве не ясно, что Слуцкий здесь маневрирует и старается прикрыть фальшивым упреком против Ленина и большевиков действительные прорехи в позиции левых в Германии? Разве не ясно, что большевики не могли поддерживать левых в Германии, то и дело колебавшихся между большевизмом и меньшевизмом, *без* серьезных оговорок, *без* серьезной критики их ошибок, *не изменяя* рабочему классу и его революции? Мошеннические маневры нужно заклеймить, а не превращать в предмет дискуссии.

Да, большевики поддерживали левых с.-д. в Германии лишь с известными серьезными оговорками, критикуя их полуменьшевистские ошибки. Но за это надо их приветствовать, а не упрекать.

Есть люди, которые сомневаются в этом?

Обратимся к наиболее известным фактам из истории.

а) В 1903 году выявились серьезные разногласия между большевиками и меньшевиками в России по вопросу о членстве в партии. Своей формулировкой о членстве в партии большевики хотели создать организационную узду против наплыва непролетарских элементов в партию. Опасность такого наплыва была тогда более чем реальна, ввиду буржуазно-демократического характера русской революции. Русские меньшевики отстаивали противоположную позицию, открывающую широко двери партии непролетарским элементам. Ввиду важности вопросов русской революции для мирового революционного движения западно-европейские социал-демократы решили вмешаться в дело. Вмешались и левые с.-д. в Германии, Парвус и Роза Люксембург, тогдашние лидеры левых. И что же? Оба они высказались против большевиков. При этом было брошено обвинение по адресу большевиков в ультрацентрализме и бланкистских тенденциях. Впоследствии эти пошлые и мещанские эпитеты были подхвачены меньшевиками и разнесены по всему миру.

б) В 1905 году развернулись разногласия между большевиками и меньшевиками в России о характере русской революции. Большевики отстаивали идею союза рабочего класса с крестьянством

при гегемонии пролетариата. Большевики утверждали, что дело надо вести к революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства с тем, чтобы от революции буржуазно-демократической перейти немедленно к революции социалистической при обеспечении поддержки со стороны деревенской бедноты. Меньшевики в России отвергали идею гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, политике союза рабочего класса с крестьянством они предпочли политику соглашения с либеральной буржуазией, а революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства объявили реакционной бланкистской схемой, противоречащей развитию буржуазной революции. Как отнеслись к этим спорам левые в германской социал-демократии, Парвус и Роза Люксембург? Они сочинили утопическую и полуменьшевистскую схему перманентной революции (уродливое изображение марксовой схемы революции), проникнутую насквозь меньшевистским отрицанием политики союза рабочего класса и крестьянства, и противопоставили ее большевистской схеме революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. В дальнейшем эта полуменьшевистская схема перманентной революции была подхвачена Троцким (отчасти Мартовым) и превращена в орудие борьбы против ленинизма.

в) В период перед войной в партиях II Интернационала выступил на сцену, как один из актуальнейших вопросов, вопрос национально-колониальный, вопрос об угнетенных нациях и колониях, вопрос об освобождении угнетенных наций и колоний, вопрос о путях борьбы с империализмом, вопрос о путях свержения империализма. В интересах развертывания пролетарской революции и окружения империализма большевики предложили политику поддержки освободительного движения угнетенных наций и колоний на базе самоопределения наций и развили схему единого фронта между пролетарской революцией передовых стран и революционно-освободительным движением народов колоний и угнетенных стран. Оппортунисты всех стран, социал-шовинисты и социал-империалисты всех стран не замедлили ополчиться в связи с этим против большевиков. Большевиков травили, как бешеных собак. Какую позицию заняли тогда левые с.-д. на Западе? Они развили полуменьшевистскую теорию империализма, отвергли принцип самоопределения наций в его марксистском понимании (вплоть до отделения и образования самостоятельных государств), отвели тезис о серьезном революционном значении освободительного движения колоний и угнетенных стран, отвели тезис о возможности единого фронта между пролетарской революцией и национально-освободительным движением и противопоставили всю эту полуменьшевистскую кашу, являющуюся сплошной недооценкой национально-коло-

ниального вопроса, — марксистской схеме большевиков. Известно, что эту полуменьшевистскую кашу подхватил потом Троцкий и использовал ее как орудие борьбы против ленинизма.

Таковы всем известные ошибки левых с.-д. в Германии.

Я уже не говорю о других ошибках германских левых, раскритикованных в соответствующих статьях Ленина.

Не говорю также об ошибках, допущенных ими при оценке политики большевиков в период Октябрьского переворота.

О чем говорят эти ошибки германских левых, взятые из истории довоенного периода, как не о том, что левые с.-д., несмотря на свою левизну, не освободились еще от меньшевистского багажа?

Конечно, у левых в Германии были не только серьезные ошибки. Они имеют за собой также большие и серьезные революционные дела. Я имею в виду целый ряд их заслуг и революционных выступлений по вопросам внутренней политики и, в частности, избирательной борьбы, по вопросам парламентской и внепарламентской борьбы, об общей забастовке, о войне, о революции 1905 г. в России и т. д. Именно поэтому и считались с ними большевики, как с левыми, и поддерживали их, толкали их вперед. Но это не уничтожает и не может уничтожить того факта, что левые с.-д. в Германии вместе с тем имели за собой целый ряд серьезнейших политических и теоретических ошибок, что они не освободились еще от меньшевистского груза и нуждались ввиду этого в серьезнейшей критике со стороны большевиков.

Судите теперь сами, могли ли Ленин и большевики поддерживать левых с.-д. на Западе *без серьезных оговорок, без серьезной критики* их ошибок, не изменяя интересам рабочего класса, не изменяя интересам революции, не изменяя коммунизму?

Не ясно ли, что Слуцкий, упрекая Ленина и большевиков в том, по поводу чего он должен был бы их приветствовать, если бы он был большевиком, — разоблачает себя до конца как полуменьшевика, как замаскированного троцкиста?

Слуцкий делает предположение, что Ленин и большевики в своей оценке левых на Западе исходили из своих фракционных соображений, что, стало быть, русские большевики приносили в жертву интересам своей фракции великое дело международной революции. Едва ли нужно доказывать, что не может быть ничего пошлее и гнуснее такого предположения. Не может быть ничего пошлее, так как даже оголтелые пошляки из меньшевиков начинают понимать, что русская революция не есть частное дело русских, что она, наоборот, является делом рабочего класса всего мира, делом мировой пролетарской революции. Не может быть ничего гнуснее, так как даже профессиональные клеветники из II Интернационала начинают понимать, что последовательный и до конца революционный

интернационализм большевиков является образцом пролетарского интернационализма для рабочих всех стран.

Да, русские большевики выдвигали на первый план коренные вопросы русской революции, вроде вопросов о партии, об отношении марксистов к буржуазно-демократической революции, о союзе рабочего класса и крестьянства, о гегемонии пролетариата, о парламентской и внепарламентской борьбе, об общей забастовке, о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, о диктатуре пролетариата, об империализме, о самоопределении наций, об освободительном движении угнетенных наций и колоний, о политике поддержки этого движения и т. п. Они выдвигали эти вопросы как пробный камень, на котором они проверяли революционную выдержанность левых с.-д. на Западе. Имели ли они на это право? Да, имели. Не только имели, но обязаны были поступать таким образом. Они обязаны были поступать таким образом, так как все эти вопросы были вместе с тем коренными вопросами мировой революции, задачам которой подчиняли большевики свою политику, свою тактику. Они обязаны были поступать таким образом, так как только на таких вопросах можно было проверять по-настоящему революционность тех или иных группировок II Интернационала. Спрашивается, в чем же тут „фракционность“ русских большевиков и при чем здесь „фракционные“ соображения?

Ленин еще в 1902 году писал в своей брошюре „Что делать?“, что *„история теперь поставила перед нами ближайшую задачу, которая является н а и б о л е е р е в о л ю ц и о н н о й из всех б л и ж а й ш и х задач пролетариата какой бы то ни было другой страны“*, что *„осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата“*. Со времени выхода в свет брошюры „Что делать?“ прошло 30 лет. Никто не смеет отрицать, что события за этот период блестяще подтвердили слова Ленина. Но не следует ли из этого, что русская революция была (и остается) узловым пунктом мировой революции, что коренные вопросы русской революции являлись вместе с тем (и являются теперь) коренными вопросами мировой революции?

Не ясно ли, что только на таких коренных вопросах можно было проверить по-настоящему революционность левых с.-д. на Западе?

Не ясно ли, что люди, рассматривающие эти вопросы, как вопросы „фракционные“, — разоблачают себя до конца как пошляков и перерожденцев?

3) Слуцкий утверждает, что не найдено еще достаточного количества официальных документов, свидетельствующих о решитель-

ной и непримиримой борьбе Ленина (большевиков) против центризма. Этим бюрократическим тезисом оперирует он, как неотразимым аргументом в пользу того положения, что Ленин (большевики), стало быть, недооценивал опасности центризма во II Интернационале. Вы беретесь дискуссировать против этой галиматьи, против этого жульнического крючкотворства. Но что тут собственно дискуссионного? Разве не ясно и так, что разговорами о документах Слуцкий старается прикрыть убожество и фальшь своей так называемой установки?

Слуцкий считает существующие партийные документы недостаточными. Почему, на каком основании? Разве всем известных документов по линии II Интернационала, так же как и по линии внутрипартийной борьбы в российской социал-демократии, недостаточно для того, чтобы со всей ясностью демонстрировать революционную непримиримость Ленина и большевиков в их борьбе против оппортунистов и центристов? Знаком ли вообще Слуцкий с этими документами? Какие ему нужны еще документы?

Допустим, что кроме уже известных документов будет найдена куча других документов в виде, скажем, резолюций большевиков, лишний раз трактующих о необходимости изничтожения центризма. Значит ли это, что наличия только лишь бумажных документов достаточно для того, чтобы демонстрировать действительную революционность и действительную непримиримость большевиков по отношению к центризму? Кто же, кроме безнадежных бюрократов, может полагаться на одни лишь бумажные документы? Кто же, кроме архивных крыс, не понимает, что партии и лидеров надо проверять по их *делам,* прежде всего, а не только по их декларациям? История знает немало социалистов, которые с готовностью подписывали любые революционные резолюции, чтобы отписаться от назойливых критиков. Но это еще не значит, что они *проводили в жизнь* эти резолюции. История знает, далее, немало социалистов, которые с пеной у рта требовали от рабочих партий *других* стран самых что ни на есть революционных действий. Но это еще не значит, что они *не пасовали* в своей собственной партии или в своей собственной стране перед *своими* оппортунистами, перед *своей* буржуазией. Не потому ли учил нас Ленин проверять революционные партии, течения, лидеров не по их декларациям и резолюциям, а по их *делам?*

Не ясно ли, что если Слуцкий в самом деле хотел проверить непримиримость Ленина и большевиков в их отношении к центризму, он должен был сделать *основой* своей статьи не отдельные документы и два-три личных письма, а проверку большевиков по их *делам,* по их *истории,* по их *действиям?* Разве у нас, в российской социал-демократии, не было оппортунистов, центристов? Раз-

ве большевики не вели решительную и непримиримую борьбу со всеми этими течениями? Разве эти течения не были связаны и идейно и организационно с оппортунистами и центристами на Западе? Разве большевики не разгромили оппортунистов и центристов так, как не громила их ни одна левая группа в мире? Как можно говорить после всего этого, что Ленин и большевики недооценивали опасности центризма? Почему Слуцкий пренебрег этими фактами, имеющими решающее значение для характеристики большевиков? Почему он не использовал наиболее надежный метод проверки Ленина и большевиков по их делам, по их действиям? Почему он предпочел менее надежный метод копания в случайно подобранных бумагах?

Потому, что обращение к более надежному методу проверки большевиков по их делам мигом опрокинуло бы вверх дном всю установку Слуцкого.

Потому, что проверка большевиков по их делам показала бы, что большевики являются *единственной* в мире революционной организацией, которая разгромила до конца оппортунистов и центристов и изгнала их вон из партии.

Потому, что обращение к действительным делам и действительной истории большевиков показало бы, что учителя Слуцкого — троцкисты были *главной* и *основной* группой, насаждавшей в России центризм и создавшей для этого специальную организацию, как очаг центризма, в виде Августовского блока.

Потому, что проверка большевиков по их делам окончательно разоблачила бы Слуцкого, как фальсификатора истории нашей партии, пытающегося прикрыть центризм троцкизма довоенного периода клеветническими обвинениями Ленина и большевиков в недооценке опасности центризма.

Вот как обстоит дело, товарищи редакторы, со Слуцким и его статьей.

Вы видите, что редакция совершила ошибку, допустив дискуссию с фальсификатором истории нашей партии.

Что могло толкнуть редакцию на этот неправильный путь? Я думаю, что на этот путь толкнул ее гнилой либерализм, имеющий теперь среди одной части большевиков некоторое распространение. Некоторые большевики думают, что троцкизм есть фракция коммунизма, правда, ошибающаяся, делающая немало глупостей, иногда даже антисоветская, но все же фракция коммунизма. Отсюда некоторый либерализм в отношении троцкистов и троцкистски-мыслящих людей. Едва ли нужно доказывать, что такой взгляд на троцкизм является глубоко ошибочным и вредным. На самом деле троцкизм давно уже перестал быть фракцией коммунизма. На самом деле троцкизм есть передовой отряд контр-революцион-

ной буржуазии, ведущей борьбу против коммунизма, против Советской власти, против строительства социализма в СССР.

Кто дал контр-революционной буржуазии духовное оружие против большевизма в виде тезиса о невозможности построения социализма в нашей стране, в виде тезиса о неизбежности перерождения большевиков и т. п.? Это оружие дал ей троцкизм. Нельзя считать случайностью тот факт, что все антисоветские группировки в СССР в своих попытках обосновать неизбежность борьбы с Советской властью ссылались на известный тезис троцкизма о невозможности построения социализма в нашей стране, о неизбежности перерождения Советской власти, о вероятности возврата к капитализму.

Кто дал контр-революционной буржуазии в СССР тактическое оружие в виде попыток открытых выступлений против Советской власти? Это оружие дали ей троцкисты, пытавшиеся устроить антисоветские демонстрации в Москве и Ленинграде 7 ноября 1927 года. Это факт, что антисоветские выступления троцкистов подняли дух у буржуазии и развязали вредительскую работу буржуазных специалистов.

Кто дал контр-революционной буржуазии организационное оружие в виде попыток устройства подпольных антисоветских организаций? Это оружие дали ей троцкисты, организовавшие свою собственную антибольшевистскую нелегальную группу. Это факт, что подпольная антисоветская работа троцкистов облегчила организационное оформление антисоветских группировок в СССР.

Троцкизм есть передовой отряд контр-революционной буржуазии.

Вот почему либерализм в отношении троцкизма, хотя бы и разбитого и замаскированного, есть головотяпство, граничащее с преступлением, изменой рабочему классу.

Вот почему попытки некоторых „литераторов“ и „историков“ протащить контрабандой в нашу литературу замаскированный троцкистский хлам должны встречать со стороны большевиков решительный отпор.

Вот почему нельзя допускать литературную дискуссию с троцкистскими контрабандистами.

Мне кажется, что „историки“ и „литераторы“ из разряда троцкистских контрабандистов стараются проводить свою контрабандную работу пока что по двум линиям.

Во-первых, они стараются доказать, что Ленин в период перед войной недооценивал опасности центризма, при этом предоставляется неискушенному читателю догадываться, что Ленин, стало быть, не был еще тогда настоящим революционером, что он стал таковым лишь после войны, после того, как „перевооружился“ при помощи Троцкого. Типичным представителем такого рода контра-

бандистов можно считать Слуцкого. Мы видели выше, что Слуцкий и компания не стоят того, чтобы долго возиться с ними.

Во-вторых, они стараются доказать, что Ленин в период перед войной не понимал необходимости перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, при этом предоставляется неопытному читателю догадываться, что Ленин, стало быть, не был еще тогда настоящим большевиком, что он понял необходимость такого перерастания лишь после войны, после того, как он „перевооружился" при помощи Троцкого. Типичным представителем такого рода контрабандистов можно считать Волосевича, автора „Курса истории ВКП(б)". Правда, Ленин еще в 1905 году писал, что *„от революции демократической мы сейчас же начнем переходить, и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции"*, что *„мы стоим за непрерывную революцию"*, что *„мы не остановимся на полпути"*. Правда, фактов и документов аналогичного порядка можно было бы найти в сочинениях Ленина многое множество. Но какое дело Волосевичам до фактов из жизни и деятельности Ленина? Волосевичи пишут для того, чтобы, подкрасившись под большевистский цвет, протащить свою антиленинскую контрабанду, налгать на большевиков и сфальсифицировать историю большевистской партии.

Вы видите, что Волосевичи стоят Слуцких.

Таковы „пути и перепутья" троцкистских контрабандистов.

Сами понимаете, что не дело редакции облегчать контрабандистскую деятельность подобных „историков" предоставлением им дискуссионной трибуны.

Задача редакции состоит, по-моему, в том, чтобы поднять вопросы истории большевизма на должную высоту, поставить дело изучения истории нашей партии на научные, большевистские рельсы и заострить внимание против троцкистских и всяких иных фальсификаторов истории нашей партии, систематически срывая с них маски.

Это тем более необходимо, что даже некоторые наши историки, — я говорю об историках без кавычек, о *большевистских* историках нашей партии, — не свободны от ошибок, льющих воду на мельницу Слуцких и Волосевичей. Исключения не составляет здесь, к сожалению, и т. Ярославский, книжки которого по истории ВКП(б), несмотря на их достоинства, содержат ряд ошибок принципиального и исторического характера.

С ком. приветом ***И. Сталин***

„Пролетарская Революция"
№ 6 (113), 1931 г.

ИТОГИ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Доклад на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7 января 1933 г.

I

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПЯТИЛЕТКИ

Товарищи! При появлении в свет пятилетнего плана едва ли предполагали люди, что пятилетка может иметь громадное международное значение. Наоборот, многие думали, что пятилетка есть частное дело Советского Союза, дело важное и серьезное, но все-таки частное, национальное дело Советского Союза.

История, однако, показала, что международное значение пятилетки неизмеримо. История показала, что пятилетка является не частным делом Советского Союза, а делом всего международного пролетариата.

Еще задолго до появления пятилетнего плана, в период, когда мы кончали борьбу с интервентами и переходили на рельсы хозяйственного строительства, — еще в этот период Ленин говорил, что наше хозяйственное строительство имеет глубокое международное значение, что каждый шаг вперед Советской власти по пути хозяйственного строительства встречает глубокий отклик в самых разнообразных слоях капиталистических стран и раскалывает людей на два лагеря — лагерь сторонников пролетарской революции и лагерь ее противников.

Ленин говорил тогда:

„Сейчас главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой. Все на Советскую Российскую республику смотрят, все трудящиеся во всех странах мира, без всякого исключения и без всякого преувеличения. Это достигнуто... На этом поприще борьба перенесена во всемирном масштабе. Решим мы эту задачу — и тогда мы выиграли в международном масштабе наверняка и окончательно. Поэтому вопросы хозяйственного строительства приобретают для нас значение совершенно исключительное. На этом фронте мы должны одержать победу медленным, постепенным, — быстрым нельзя, — но неуклонным повышением и движением вперед“ (см. т. XXVI, стр. 410—411).

Это было сказано в тот период, когда мы заканчивали войну с интервентами, когда от военной борьбы с капитализмом мы переходили к борьбе на хозяйственном фронте, к периоду хозяйственного строительства.

С тех пор прошло много лет, и каждый шаг Советской власти в области хозяйственного строительства, каждый год, каждый квартал блестяще подтверждали правильность этих слов тов. Ленина.

Но самое блестящее подтверждение правильности слов Ленина дал пятилетний план нашего строительства, возникновение этого плана, его развитие, его осуществление. В самом деле, кажется, ни один шаг по пути хозяйственного строительства в нашей стране не встречал такого отклика в самых разнообразных слоях капиталистических стран Европы, Америки, Азии, как вопрос о пятилетнем плане, об его развитии, об его осуществлении.

Первое время пятилетний план был встречен со стороны буржуазии и ее печати насмешкой. „Фантазия", „бред", „утопия", — так они окрестили тогда наш пятилетний план. Потом, когда начало выясняться, что осуществление пятилетнего плана дает реальные результаты, — они стали бить в набат, утверждая, что пятилетний план угрожает существованию капиталистических стран, что его осуществление приведет к заполнению европейских рынков товарами, к усилению демпинга и углублению безработицы. Затем, когда и этот трюк, использованный против Советской власти, не дал ожидаемых результатов, — открылась серия путешествий в СССР различных представителей всякого рода фирм, органов печати, обществ разного рода и т. д. с целью разглядеть своими собственными глазами, — что же, собственно говоря, творится в СССР. Я не говорю здесь о рабочих делегациях, которые с самого начала появления пятилетнего плана выражали свое восхищение начинаниям и успехам Советской власти и проявляли свою готовность поддержать рабочий класс СССР.

С этого времени и начался раскол так называемого общественного мнения, буржуазной печати, буржуазных обществ всякого рода и т. д. Одни утверждали, что пятилетний план потерпел полный крах и большевики стоят на краю гибели. Другие, наоборот, уверяли, что хотя большевики скверные люди, — с пятилетним планом у них все же выходит дело и они, должно быть, добьются своей цели.

Может быть не лишне будет, если я приведу отзывы разного рода органов буржуазной печати.

Возьмем, например, американскую газету „Нью-Йорк Таймс". В конце ноября 1932 года эта газета пишет:

„Пятилетний промышленный план, поставивший своей целью сделать вызов чувству пропорции, стремящийся к своей цели „независимо от издержек“, как часто с гордостью похвалялась Москва, не является в действительности планом. Это — спекуляция“.

Выходит, что пятилетка даже не план, а пустая спекуляция. А вот отзыв английской буржуазной газеты „Дейли Телеграф“, данный в конце ноября 1932 года:

„Если рассматривать план, как пробный камень для „планируемой экономики“, то мы должны сказать, что он потерпел полный крах“.

Отзыв „Нью-Йорк Таймс“ в ноябре 1932 года:

„Коллективизация позорно провалилась. Она привела Россию на грань голода“.

Отзыв буржуазной газеты в Польше „Газета Польска“, данный летом 1932 года:

„Положение показывает, как будто, что правительство советов зашло со своей политикой коллективизации деревни в тупик“.

Отзыв английской буржуазной газеты „Финаншиэл Таймс“, данный в ноябре 1932 года:

„Сталин и его партия в результате своей политики оказываются перед лицом краха системы пятилетнего плана и провала всех задач, которые он должен был осуществить“.

Отзыв итальянского журнала „Политика“:

„Было бы абсурдом думать, что четыре года работы народа, состоящего из 160 млн. человек, четыре года сверхчеловеческого экономического и политического напряжения со стороны режима такой силы, какую представляет собой большевистский режим, ничего не создали. Напротив, они создали много... И тем не менее катастрофа налицо, она является фактом, очевидным для всех. В этом убедились друзья и враги, большевики и антибольшевики, оппозиционеры справа и слева“.

Наконец, отзыв американского буржуазного журнала „Коррент Истори“:

„Обозрение нынешнего положения дел в России, таким образом, ведет к заключению, что пятилетняя программа провалилась как в отношении объявленных целей, так и еще более основательно в отношении ее основных социальных принципов“.

Таковы отзывы одной части буржуазной печати.

Едва ли стоит критиковать авторов этих отзывов. Я думаю, что не стоит. Не стоит, так как эти „твердолобые“ люди принадлежат к той породе ископаемых средне-векового периода, для которых факты не имеют значения и которые, как бы ни осуществлялся у нас пятилетний план, — все равно будут твердить свое.

Перейдем к отзывам других органов печати, идущим из того же буржуазного лагеря.

Вот отзыв известной буржуазной газеты во Франции „Тан“, данный в январе 1932 года:

„СССР выиграл первый тур, индустриализуясь без помощи иностранного капитала“.

Отзыв той же „Тан“, данный летом 1932 года:

„Коммунизм гигантскими темпами завершает реконструкцию, в то время, как капиталистический строй позволяет двигаться только медленными шагами... Во Франции, где земельная собственность разделена до бесконечности между отдельными собственниками, невозможно механизировать сельское хозяйство; советы же, индустриализуя сельское хозяйство, сумели разрешить проблему... В состязании с нами большевики оказались победителями“.

Отзыв английского буржуазного журнала „Раунд Тэйбл“:

„Достижения пятилетнего плана представляют собой изумительное явление. Тракторные заводы Харькова и Сталинграда, автомобильный завод АМО в Москве, автомобильный завод в Н.-Новгороде, Днепровская гидроэлектрическая станция, грандиозные сталелитейные заводы в Магнитогорске и Кузнецке, целая сеть машиностроительных и химических заводов на Урале, который превращается в советский Рур, — все эти и другие промышленные достижения во всей стране свидетельствуют, что каковы бы ни были трудности, советская промышленность, как хорошо орошаемое растение, растет и крепнет... Пятилетний план заложил основы будущего развития и чрезвычайно усилил мощь СССР“.

Отзыв английской буржуазной газеты „Финаншиэл Таймс“:

„Успехи, достигнутые в машиностроительной промышленности, не подлежат никаким сомнениям. Восхваления этих успехов в печати и в речах отнюдь не являются необоснованными. Не надо забывать, что прежде Россия производила только самые простые машины и орудия. Правда, и теперь абсолютные цифры ввоза машин и инструментов увеличиваются; но пропорциональная доля импортированных машин по сравнению с теми, которые были произведены в самом СССР, непрерывно уменьшается. СССР в настоящее время производит все оборудование, необходимое для своей металлургической и электрической промышленности. Он сумел создать свою собственную автомобильную промышленность. Он создал производство орудий и инструментов, которое охватывает всю гамму от самых маленьких инструментов большой точности и вплоть до наиболее тяжелых прессов. Что же касается сельскохозяйственных машин, то СССР уже не зависит от ввоза из-за границы. Вместе с тем советское правительство принимает меры к тому, чтобы запаздывание в продукции угля и железа не препятствовало осуществлению пятилетки в четыре года. Не подлежит сомнению, что построенные вновь огромные заводы гарантируют значительный рост продукции тяжелой промышленности“.

Отзыв австрийской буржуазной газеты „Нейе Фрейе Прессе“, данный в начале 1932 года:

„Большевизм можно проклинать, но его нужно знать. *Пятилетка — это новый колосс,* который необходимо принимать во внимание и, во всяком случае, в хозяйственный расчет“.

Отзыв английского капиталиста Гиббсона Джарви, председателя банка „Юнайтед доминион“, данный в октябре 1932 года:

„Я хочу разъяснить, что я не коммунист и не большевик, я — определенный капиталист и индивидуалист... Россия движется вперед, в то время, как слишком много наших заводов бездействует и примерно 3 млн. нашего народа ищут в отчаяньи работы. Пятилетку высмеивали и предсказывали ее провал. Но вы можете считать несомненным, что в условиях пятилетнего плана сделано больше, чем намечалось... Во всех промышленных городах, которые я посетил, возникают новые районы, построенные по определенному плану, с широкими улицами, украшенными деревьями и скверами, с домами наиболее современного типа, школами, больницами, рабочими клубами и неизбежными детскими яслями и детскими домами, где заботятся о детях работающих матерей... Не пытайтесь недооценивать русских планов и не делайте ошибки, надеясь, что советское правительство может провалиться... Сегодняшняя Россия — страна с душой и идеалом. Россия — страна изумительной активности. Я верю, что стремления России являются здоровыми... Быть может самое важное — в том, что вся молодежь и рабочие в России имеют одну вещь, которой, к сожалению, недостает сегодня в капиталистических странах, а именно — надежду“.

Отзыв американского буржуазного журнала „Нейшен“, данный в ноябре 1932 года:

„Четыре года пятилетнего плана принесли с собой поистине *замечательные достижения*. Советский Союз работал с интенсивностью военного времени над созидательной задачей построения основ новой жизни. *Лицо страны меняется буквально до неузнаваемости*... Это верно относительно Москвы с ее сотнями заново асфальтированных улиц и скверов, новых зданий, с новыми пригородами и кордоном новых фабрик на ее окраинах. Это верно и относительно менее значительных городов. Новые города возникли в степях и пустынях, не какие-нибудь несколько городов, а по меньшей мере 50 городов с населением от 50 до 250 тыс. человек. Все они возникли в последние четыре года, каждый из них является центром нового предприятия или ряда предприятий, построенных для разработки естественных ресурсов. Сотни новых районных электростанций и целый ряд гигантов, подобно Днепрострою, постепенно воплощают в жизнь формулу Ленина: „Социализм есть Советская власть плюс электрификация“... Советский Союз организовал массовое производство бесконечного множества предметов, которых Россия никогда раньше не производила: тракторов, комбайнов, высококачественных сталей, синтетического каучука, шарикоподшипников, мощных дизелей, турбин с 50 тыс. квт., телефонного оборудования, электрических машин для горной промышленности, аэропланов, автомобилей, велосипедов и нескольких сот типов новых машин... Впервые в истории Россия добывает алюминий, магнезит, апатиты, иод, поташ и многие другие ценные продукты. *Путеводными точками советских равнин не являются больше кресты и купола церквей, а зерновые элеваторы и силосные башни*. Колхозы строят дома, хлева, свинарники. Электричество проникает в деревню, радио и газеты завоевали ее. Рабочие учатся работать на новейших машинах. Крестьянские парни производят и обслуживают сельскохозяйственные машины, которые больше и сложнее, чем то, что видела когда-либо Америка. *Россия начинает „мыслить машинами“*. Россия быстро переходит от века дерева к веку железа, стали, бетона и моторов“.

Отзыв „лево“-реформистского журнала в Англии „Форвард“, данный в сентябре 1932 года:

„Бросается в глаза огромная работа, которая происходит в СССР. Новые заводы, новые школы, новые кино, новые клубы, новые громадные дома — всюду новые постройки. Многие из них уже кончены, другие еще окружены лесами. Трудно рассказать английскому читателю, что сделано за последние два года и что делается дальше. Надо все это видеть для того, чтобы этому поверить. Наши собственные достижения, осуществленные нами во время войны, — лишь пустяк по сравнению с тем, что делается в СССР. Американцы признают, что даже в период самой стремительной созидательной горячки в западных штатах там не было ничего похожего на теперешнюю лихорадочную творческую деятельность в СССР. За последние два года в СССР произошло так много изменений, что отказываешься далее представлять себе, что же будет в этой стране еще через 10 лет... Выбросьте из головы фантастические страшные истории, рассказываемые английскими газетами, которые так упорно и так нелепо лгут о СССР. Выбросьте также из головы всю ту половинчатую правду и впечатления, основанные на непонимании, которые пущены в ход дилетантствующими интеллигентами, покровительственно глядящими на СССР сквозь очки среднего класса, но не имеющими ни малейшего представления о том, что происходит там... СССР строит новое общество на здоровых основах. Чтобы осуществить эту цель, надо подвергаться риску, надо работать с энтузиазмом, с такой энергией, какой мир до сих пор не знал, надо бороться с огромнейшими трудностями, неизбежными при стремлении построить социализм в обширной стране, изолированной от остального мира. Но, посетив эту страну вторично за два года, я получил впечатление, что она идет по пути прочного прогресса, планирует, творит и строит, и все это в таком масштабе, который является ярким вызовом по адресу враждебного капиталистического мира“.

Таковы разноголосица и раскол в лагере буржуазных кругов, из которых одни стоят за изничтожение СССР с его якобы провалившимся пятилетним планом, а другие, видимо, за торговое сотрудничество с СССР, рассчитывая, очевидно, на то, что из успехов пятилетнего плана можно будет извлечь для себя некоторую выгоду.

Особо стоит вопрос об отношении рабочего класса капиталистических стран к вопросу о пятилетке, к вопросу об успехах социалистического строительства в СССР. Можно было бы здесь ограничиться приведением отзыва одной из многочисленных рабочих делегаций, ежегодно приезжающих в СССР, хотя бы, например, бельгийской рабочей делегации. Отзыв этот типичен для всех без исключения рабочих делегаций, все равно, идет ли речь об английских или французских делегациях, о германских или американских или о делегациях других стран. Вот он:

„Мы восхищены тем громадным строительством, которое мы наблюдали во время нашего путешествия. В Москве, как и в Макеевке, Горловке, Харькове и Ленинграде, мы могли констатировать, с каким энтузиазмом там работают. Все машины — новейшей конструкции. На заводах — чи-

стота, много воздуха и света. Мы видели, как в СССР рабочим оказывается медицинская и санитарная помощь. Рабочие жилища построены вблизи от заводов. В рабочих городках организованы школы и ясли; дети окружены самыми тщательными заботами. Мы могли видеть разницу между старыми и вновь построенными заводами, между старыми и новыми жилищами. Все, что мы видели, дало нам ясное представление о громадной силе трудящихся, строящих новое общество под руководством коммунистической партии. Мы наблюдали в СССР большой культурный подъем в то время, как в других странах царит упадок во всех областях, царит безработица. Мы могли видеть, какие страшные трудности советские трудящиеся встречают на своем пути. Мы тем в большей степени понимаем гордость, с которой они показывают нам свои победы. Мы убеждены, что они преодолеют все препятствия".

Вот вам международное значение пятилетки. Стоило нам проделать строительную работу в продолжение каких-нибудь 2—3 лет, стоило показать первые успехи пятилетки, чтобы весь мир раскололся на два лагеря, на лагерь людей, которые лают на нас без устали, и лагерь людей, которые поражены успехами пятилетки, не говоря уже о том, что имеется и усиливается наш собственный лагерь во всем мире, — лагерь рабочего класса капиталистических стран, который радуется успехам рабочего класса СССР и готов оказать ему поддержку на страх буржуазии всего мира.

Что это значит?

Это значит, что международное значение пятилетки, международное значение ее успехов и завоеваний — не подлежит сомнению.

Это значит, что капиталистические страны чреваты пролетарской революцией, и именно потому, что они чреваты пролетарской революцией, буржуазия хотела бы почерпнуть в неудачах пятилетки новый аргумент против революции, тогда как пролетариат, наоборот, старается почерпнуть и действительно черпает в успехах пятилетки новый аргумент за революцию, против буржуазии всего мира.

Успехи пятилетки мобилизуют революционные силы рабочего класса всех стран против капитализма, — таков неоспоримый факт.

Не может быть сомнения, что международное революционное значение пятилетки действительно неизмеримо.

Тем с большим вниманием должны мы отнестись к вопросу о пятилетке, о содержании пятилетки, об основных задачах пятилетки.

Тем с большей тщательностью мы должны проанализировать итоги пятилетки, итоги исполнения и проведения в жизнь пятилетнего плана.

II

ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА ПЯТИЛЕТНЕГО ПЛАНА И ПУТЬ ЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

Перейдем к вопросу о пятилетнем плане по существу.

Что такое пятилетний план?

В чем состояла основная задача пятилетнего плана?

Основная задача пятилетки состояла в том, чтобы перевести нашу страну с ее отсталой, подчас средневековой техникой — на рельсы новой, современной техники.

Основная задача пятилетки состояла в том, чтобы превратить СССР из страны аграрной и немощной, зависимой от капризов капиталистических стран, — в страну индустриальную и могучую, вполне самостоятельную и независимую от капризов мирового капитализма.

Основная задача пятилетки состояла в том, чтобы, превращая СССР в страну индустриальную, — вытеснить до конца капиталистические элементы, расширить фронт социалистических форм хозяйства и создать экономическую базу для уничтожения классов в СССР, для построения социалистического общества.

Основная задача пятилетки состояла в том, чтобы создать в нашей стране такую индустрию, которая была бы способна перевооружить и реорганизовать не только промышленность в целом, но и транспорт, но и сельское хозяйство — на базе социализма.

Основная задача пятилетки состояла в том, чтобы перевести мелкое и раздробленное сельское хозяйство на рельсы крупного коллективного хозяйства, обеспечить тем самым экономическую базу социализма в деревне и ликвидировать таким образом возможность восстановления капитализма в СССР.

Наконец, задача пятилетнего плана состояла в том, чтобы создать в стране все необходимые технические и экономические предпосылки для максимального поднятия обороноспособности страны, дающей возможность организовать решительный отпор всем и всяким попыткам военной интервенции извне, всем и всяким попыткам военного нападения извне.

Чем диктовалась эта основная задача пятилетки, чем она обосновывалась?

Необходимостью ликвидации технико-экономической отсталости Советского Союза, обрекающей его на незавидное существование, необходимостью создать в стране такие предпосылки, которые дали бы ей возможность не только догнать, но со временем и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны.

Соображением о том, что Советская власть не может долго держаться на базе отсталой промышленности, что только современная крупная промышленность, не только не уступающая, но могущая со временем превзойти промышленность капиталистических стран, — может служить действительным и надежным фундаментом для Советской власти.

Соображением о том, что Советская власть не может долго базироваться на двух противоположных основах, на крупной социалистической промышленности, которая *уничтожает* капиталистические элементы, и на мелком единоличном крестьянском хозяйстве, которое *порождает* капиталистические элементы.

Соображением о том, что пока не подведена под сельское хозяйство база крупного производства, пока не объединены мелкие крестьянские хозяйства в крупные коллективные хозяйства, — опасность восстановления капитализма в СССР является самой реальной опасностью из всех возможных опасностей.

Ленин говорил:

„Революция сделала то, что в несколько месяцев Россия по своему *политическому* строю догнала передовые страны.

Но этого мало. Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также и *экономически*... Погибнуть, или на всех парах устремиться вперед. Так поставлен вопрос историей“ (см. т. XXI, стр. 191).

Ленин говорил:

„Пока мы живем в мелкокрестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма. Это необходимо запомнить. Каждый, внимательно наблюдавший за жизнью деревни, в сравнении с жизнью города, знает, что мы корней капитализма не вырвали и фундамент, основу у внутреннего врага, не подорвали. Последний держится на мелком хозяйстве, и чтобы подорвать его, есть одно средство — перевести хозяйство страны, в том числе и земледелие, на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства... Только тогда, когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, только тогда мы победим окончательно“ (см. т. XXVI, стр. 46—47).

Эти положения и легли в основу тех соображений партии, которые привели к выработке пятилетнего плана, которые привели к определению основной задачи пятилетнего плана.

Так обстоит дело с основной задачей пятилетки.

Но осуществление такого грандиозного плана нельзя начинать вразброс, с чего попало. Чтобы осуществить такой план, нужно прежде всего найти основное звено плана, ибо только найдя основное звено и ухватившись за него, — можно было вытянуть все остальные звенья плана.

В чем состояло основное звено пятилетнего плана?

Основное звено пятилетнего плана состояло в тяжелой промышленности с ее сердцевиной — машиностроением. Ибо только тяжелая промышленность способна реконструировать и поставить на ноги и промышленность в целом, и транспорт, и сельское хозяйство. С нее и надо было начать осуществление пятилетки. Стало быть, восстановление тяжелой промышленности нужно было положить в основу осуществления пятилетнего плана.

Мы имеем указания Ленина и на этот предмет:

„Спасением для России является не только хороший урожай в крестьянском хозяйстве, — этого еще мало, — и не только хорошее состояние легкой промышленности, поставляющей крестьянству предметы потребления, — этого тоже еще мало, — нам необходима также *тяжелая* индустрия... Без спасения тяжелой промышленности, без ее восстановления мы не сможем построить никакой промышленности, а без нее мы вообще погибнем как самостоятельная страна... Тяжелая индустрия нуждается в государственных субсидиях. Если мы их не найдем, то мы, как цивилизованное государство — я уже не говорю, как социалистическое, — погибли“ (см. т. XXVII, стр. 349).

Но восстановление и развитие тяжелой индустрии, особенно в такой отсталой и небогатой стране, какой была наша страна в начале пятилетки, является самым трудным делом, ибо тяжелая индустрия требует, как известно, громадных финансовых затрат и наличия известного минимума опытных технических сил, без чего, вообще говоря, невозможно восстановление тяжелой индустрии. Знала ли об этом партия и отдавала ли себе в этом отчет? Да, знала. И не только знала, но заявляла об этом во всеуслышание. Партия знала, каким путем была построена тяжелая индустрия в Англии, Германии, Америке. Она знала, что тяжелая индустрия была построена в этих странах либо при помощи крупных займов, либо путем ограбления других стран, либо же и тем и другим путем одновременно. Партия знала, что эти пути закрыты для нашей страны. На что же она рассчитывала? Она рассчитывала на собственные силы нашей страны. Она рассчитывала на то, что, имея Советскую власть и опираясь на национализацию земли, промышленности, транспорта, банков, торговли, мы можем проводить строжайший режим экономии для того, чтобы накоплять достаточные средства, необходимые для восстановления и развития тяжелой индустрии. Партия прямо говорила, что это дело потребует серьезных жертв и что мы должны пойти на эти жертвы открыто и сознательно, если хотим добиться цели. Партия рассчитывала поднять это дело внутренними силами нашей страны без кабальных кредитов и займов извне.

Вот что говорил Ленин на этот счет:

„Мы должны постараться построить государство, в котором рабочие сохранили бы свое руководство над крестьянами, доверие крестьян по отношению к себе и с величайшей экономией изгнали бы из своих общественных отношений всякие следы каких бы то ни было излишеств.

Мы должны свести наш госаппарат до максимальной экономии. Мы должны изгнать из него все следы излишеств, которых в нем осталось так много от царской России, от ее бюрократическо-капиталистического аппарата.

Не будет ли это царством крестьянской ограниченности?

Нет. Если мы сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством, то мы получим возможность ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации, гидроторфа, для достройки Волховстроя и прочее.

В этом и только в этом будет наша надежда. Только тогда мы в состоянии будем пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую, именно, с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой, с лошади экономий, рассчитанных на разоренную крестьянскую страну, — на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. д.“ (см. т. XXVII, стр. 417).

Пересесть с обнищалой мужицкой лошади на лошадь крупной машинной индустрии, — вот какую цель преследовала партия, вырабатывая пятилетний план и добиваясь его осуществления.

Установить строжайший режим экономии и накоплять средства, необходимые для финансирования индустриализации нашей страны, — вот на какой путь надо было стать, чтобы добиться восстановления тяжелой индустрии и осуществления пятилетнего плана.

Смелая задача? Трудный путь? Но наша партия потому и называется ленинской партией, что она не имеет права бояться трудностей.

Более того. Уверенность партии в осуществимости пятилетки и вера в силы рабочего класса были до того сильны, что партия нашла возможным поставить себе задачу осуществить это трудное дело не в пять лет, как этого требовал пятилетний план, а в четыре года, собственно — четыре года и три месяца, если прибавить особый квартал.

На этой основе и родился знаменитый лозунг: „Пятилетка в четыре года“.

И что же?

Факты показали впоследствии, что партия была права.

Факты показали, что без этой смелости и веры в силы рабочего класса партия не могла бы добиться той победы, которой гордимся мы теперь по праву.

III

ИТОГИ ПЯТИЛЕТКИ В ЧЕТЫРЕ ГОДА В ОБЛАСТИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Перейдем теперь к вопросу об итогах осуществления пятилетнего плана.

Каковы итоги пятилетки в четыре года в области *промышленности?*

Добились ли мы победы в этой области?

Да, добились. И не только добились, а сделали больше, чем мы сами ожидали, чем могли ожидать самые горячие головы в нашей партии. Этого не отрицают теперь даже враги. Тем более не могут этого отрицать наши друзья.

У нас не было черной металлургии, основы индустриализации страны. У нас она есть теперь.

У нас не было тракторной промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было автомобильной промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было станкостроения. У нас оно есть теперь.

У нас не было серьезной и современной химической промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было действительной и серьезной промышленности по производству современных сельскохозяйственных машин. У нас она есть теперь.

У нас не было авиационной промышленности. У нас она есть теперь.

В смысле производства электрической энергии мы стояли на самом последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест.

В смысле производства нефтяных продуктов и угля мы стояли на последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест.

У нас была лишь одна единственная угольно-металлургическая база — на Украине, с которой мы с трудом справлялись. Мы добились того, что не только подняли эту базу, но создали еще новую угольно-металлургическую базу — на Востоке, составляющую гордость нашей страны.

Мы имели лишь одну единственную базу текстильной промышленности — на Севере нашей страны. Мы добились того, что будем иметь в ближайшее время две новых базы текстильной промышленности — в Средней Азии и Западной Сибири.

И мы не только создали эти новые громадные отрасли промышленности, но мы их создали в таком масштабе и в таких

размерах, перед которыми бледнеют масштабы и размеры европейской индустрии.

А все это привело к тому, что капиталистические элементы вытеснены из промышленности окончательно и бесповоротно, а социалистическая промышленность стала единственной формой индустрии в СССР.

А все это привело к тому, что страна наша из аграрной стала индустриальной, ибо удельный вес промышленной продукции в отношении сельскохозяйственной поднялся с 48% в начале пятилетки (1928 г.) до 70% к концу четвертого года пятилетки (1932 г.).

А все это привело к тому, что к концу четвертого года пятилетки нам удалось выполнить программу общего промышленного производства, рассчитанную на пять лет, — на 93,7%, подняв объем промышленной продукции более чем *втрое* в сравнении с довоенным уровнем и более чем *вдвое* в сравнении с уровнем 1928 г. Что же касается программы производства по тяжелой промышленности, то мы выполнили пятилетний план на 108%. Правда, мы здесь недовыполнили общую программу пятилетки на 6%. Но это объясняется тем, что, ввиду отказа соседних стран подписать с нами пакты о ненападении и осложнений на Дальнем Востоке, нам пришлось наскоро переключить ряд заводов в целях усиления обороны на производство современных орудий обороны. Ну, а переключение это, ввиду необходимости пройти некий подготовительный период, привело к тому, что заводы эти прекратили производство продукции в продолжение четырех месяцев, что не могло не отразиться на выполнении общей программы производства по пятилетнему плану в течение 1932 года. Операция эта привела к тому, что мы восполнили целиком и полностью пробелы в деле обороноспособности страны. Но она не могла не отразиться отрицательно на выполнении программы производства по пятилетнему плану. Не может быть никакого сомнения, что без этого привходящего обстоятельства мы не только выполнили бы, но наверняка перевыполнили бы цифровую часть пятилетнего плана.

Наконец, все это привело к тому, что из страны слабой и неподготовленной к обороне Советский Союз превратился в страну могучую в смысле обороноспособности, в страну, готовую ко всяким случайностям, в страну, способную производить в массовом масштабе все современные орудия обороны и снабдить ими свою армию в случае нападения извне.

Таковы в общем итоги пятилетки в четыре года в области промышленности.

Теперь судите сами, чего стоит после всего этого болтовня буржуазной печати о „провале“ пятилетки в области промышленности.

А как обстоит дело с *капиталистическими* странами, переживающими ныне жестокий кризис, в смысле роста их промышленной продукции?

Вот всем известные официальные данные.

В то время как объем промышленной продукции СССР к концу 1932 года *вырос* в сравнении с довоенным уровнем до 334%, объем промышленной продукции САСШ *снизился* за тот же период до 84% довоенного уровня, Англии — до 75, Германии — до 62%.

В то время как объем промышленной продукции СССР *вырос* к концу 1932 года в сравнении с уровнем 1928 года до 219%, объем промышленной продукции САСШ *снизился* за тот же период до 56%, Англии — до 80%, Германии — до 55%, Польши — до 54%.

О чем говорят эти данные, как не о том, что капиталистическая система промышленности не выдержала экзамена в тяжбе с советской системой, что советская система промышленности имеет все преимущества перед системой капиталистической.

Нам говорят, что все это хорошо, построено много новых заводов, заложены основы индустриализации. Но было бы гораздо лучше отказаться от политики индустриализации, от политики расширения производства средств производства, или по крайней мере отложить это дело на задний план с тем, чтобы производить больше ситца, обуви, одежды и прочих предметов широкого потребления. Предметов широкого потребления произведено меньше, чем нужно, а это создает известные затруднения.

Но тогда надо знать и надо отдать себе отчет, к чему привела бы нас подобная политика отодвигания на задний план задач индустриализации. Конечно, мы могли бы из полутора миллиардов рублей валюты, истраченных за этот период на оборудование нашей тяжелой промышленности, отложить половину на импорт хлопка, кожи, шерсти, каучука и т. д. У нас было бы тогда больше ситца, обуви, одежды. Но у нас не было бы тогда ни тракторной, ни автомобильной промышленности, не было бы сколько-нибудь серьезной черной металлургии, не было бы металла для производства машин, — и мы были бы безоружны перед лицом вооруженного новой техникой капиталистического окружения. Мы лишили бы себя тогда возможности снабжать сельское хозяйство тракторами и сельхозмашинами, — стало быть мы сидели бы без хлеба. Мы лишили бы себя возможности одержать победу над капиталистическими элементами в стране, — стало быть мы неимоверно повысили бы шансы на реставрацию капитализма. Мы не имели бы тогда всех тех современных средств обороны, без которых невозможна государственная независимость страны, без которых страна превращается в объект военных операций внешних врагов. Наше

положение было бы тогда более или менее аналогично положению нынешнего Китая, который не имеет своей тяжелой промышленности, не имеет своей военной промышленности, и который клюют теперь все, кому только не лень.

Одним словом мы имели бы в таком случае военную интервенцию, не пакты о ненападении, а войну, войну опасную и смертельную, войну кровавую и неравную, ибо в этой войне мы были бы почти что безоружны перед врагами, имеющими в своем распоряжении все современные средства нападения.

Вот как оборачивается дело, товарищи.

Ясно, что уважающая себя государственная власть, уважающая себя партия не могла стать на такую гибельную точку зрения.

И именно потому, что партия отвергла такую антиреволюционную установку, — именно поэтому она добилась решающей победы в деле выполнения пятилетнего плана в области промышленности.

Осуществляя пятилетку и организуя победу в области промышленного строительства, партия проводила политику наиболее ускоренных темпов развития промышленности. Партия как бы подхлестывала страну, ускоряя ее бег вперед.

Правильно ли поступала партия, проводя политику наиболее ускоренных темпов?

Да, безусловно правильно.

Нельзя не подгонять страну, которая отстала на сто лет и которой угрожает из-за ее отсталости смертельная опасность. Только таким образом можно было дать стране возможность наскоро перевооружиться на базе новой техники и выйти, наконец, на широкую дорогу.

Далее, мы не могли знать, в какой день нападут на СССР империалисты и прервут наше строительство, а что они могли напасть в любой момент, пользуясь технико-экономической слабостью нашей страны, — в этом не могло быть сомнения. Поэтому партия была вынуждена подхлестывать страну, чтобы не упустить времени, использовать до дна передышку и успеть создать в СССР основы индустриализации, представляющие базу его могущества. Партия не имела возможности ждать и маневрировать, и она должна была проводить политику наиболее ускоренных темпов.

Наконец, партия должна была покончить в возможно короткий срок со слабостью страны в области обороны. Условия момента, рост вооружений в капиталистических странах, провал идеи разоружения, ненависть международной буржуазии к СССР, — все это толкало партию на то, чтобы форсировать дело усиления обороноспособности страны, основы ее независимости.

Но имела ли партия реальную возможность осуществлять политику наиболее ускоренных темпов? Да, имела. Она имела эту

возможность не только потому, что она успела во-время раскачать страну в духе быстрого продвижения вперед, но прежде всего потому, что она могла опереться в деле широкого нового строительства на старые или обновленные заводы и фабрики, которые были уже освоены рабочими и инженерно-техническим персоналом и которые давали ввиду этого возможность осуществлять наиболее ускоренные темпы развития.

Вот на какой основе выросли у нас в период первой пятилетки быстрый подъем нового строительства, пафос развернутого строительства, герои и ударники новостроек, практика бурных темпов развития.

Можно ли сказать, что во второй пятилетке придется проводить такую же точно политику наиболее ускоренных темпов?

Нет, нельзя этого сказать.

Во-первых, в результате успешного проведения пятилетки мы *уже выполнили* в основном ее главную задачу — подведение базы новой современной техники под промышленность, транспорт, сельское хозяйство. Стоит ли после этого подхлестывать и подгонять страну? Ясно, что нет в этом теперь необходимости.

Во-вторых, в результате успешного выполнения пятилетки нам *удалось уже* поднять обороноспособность страны на должную высоту. Стоит ли после этого подхлестывать и подгонять страну? Ясно, что теперь нет в этом необходимости.

Наконец, в результате успешного выполнения пятилетки нам удалось построить десятки и сотни новых больших заводов и комбинатов, имеющих новую сложную технику. Это значит, что в объеме промышленной продукции во второй пятилетке основную роль будут играть уже не старые заводы, техника которых уже освоена, как это имело место в период первой пятилетки, а новые заводы, техника которых еще не освоена и которую надо освоить. Но освоение новых предприятий и новой техники представляет гораздо больше трудностей, чем использование старых или обновленных заводов и фабрик, техника которых уже освоена. Оно требует больше времени для того, чтобы поднять квалификацию рабочих и инженерно-технического персонала и приобрести новые навыки для полного использования новой техники. Не ясно ли после всего этого, что если бы даже хотели, мы не могли бы осуществить в период второй пятилетки, особенно в первые два-три года второй пятилетки, политику наиболее ускоренных темпов развития.

Вот почему я думаю, что для второй пятилетки нам придется взять менее ускоренные темпы роста промышленной продукции. В период первой пятилетки ежегодный прирост промышленной продукции составлял в среднем 22%. Я думаю, что для второй пятилетки придется взять 13—14% ежегодного прироста промышленной

продукции в среднем. Для капиталистических стран такой темп прироста промышленной продукции составляет недосягаемый идеал. И не только такой темп прироста промышленной продукции,—даже 5% ежегодного среднего прироста составляет для них теперь недосягаемый идеал. Но на то они и капиталистические страны. Другое дело—советская страна с советской системой хозяйства. При нашей системе хозяйства мы имеем полную возможность и мы должны осуществить 13—14% ежегодного прироста продукции, как *минимум*.

В период первой пятилетки мы сумели организовать энтузиазм, пафос *нового строительства* и добились решающих успехов. Это очень хорошо. Но теперь этого недостаточно. Теперь это дело должны мы дополнить энтузиазмом, пафосом *освоения* новых заводов и новой техники, серьезным поднятием производительности труда, серьезным сокращением себестоимости.

В этом теперь главное.

Ибо только на этой базе мы можем добиться того, чтобы, скажем, ко второй половине второй пятилетки взять новый мощный разбег как в области строительства, так и в области прироста промышленной продукции.

Наконец, несколько слов о самих темпах и процентах ежегодного прироста продукции. Наши промышленники мало занимаются этим вопросом. А между тем это очень интересный вопрос. Что такое проценты прироста продукции и что собственно кроется за каждым процентом прироста? Возьмем, например, 1925 год, период восстановительный. Годовой прирост продукции был тогда 66%. Валовая продукция промышленности составляла 7 700 млн. рублей. 66% прироста составляло тогда в абсолютных цифрах 3 миллиарда с лишним. Стало быть, каждый процент прироста равнялся тогда 45 миллионам рублей. Возьмем теперь 1928 год. Он дал 26% прироста, т. е. почти втрое меньше в процентном отношении, чем 1925 год. Валовая продукция промышленности составляла тогда 15 500 млн. рублей. Весь прирост на год составил в абсолютных цифрах 3 280 млн. рублей. Стало быть, каждый процент прироста равнялся тогда 126 млн. рублей, т. е. составлял почти втрое большую сумму, чем в 1925 году, когда мы имели 66% прироста. Возьмем, наконец, 1931 год. Он дал 22% прироста, т. е. втрое меньше, чем в 1925 году. Валовая продукция промышленности составляла тогда 30 800 млн. рублей. Весь прирост дал в абсолютных цифрах 5 600 млн. с лишним. Стало быть, каждый процент прироста составил свыше 250 млн. рублей, т. е. в шесть раз больше, чем в 1925 году, когда мы имели 66% прироста, и вдвое больше, чем в 1928 году, когда мы имели 26 с лишним процентов прироста.

О чем все это говорит? О том, что при изучении темпов прироста продукции нельзя ограничиваться рассмотрением одной лишь

общей суммы процентов прироста,—надо еще знать, что скрывается за каждым процентом прироста и какова общая сумма годового прироста продукции. Мы берем, например, для 1933 г. 16% прироста, т. е. в четыре раза меньше, чем в 1925 году. Но это еще не значит, что прирост продукции за этот год будет также в четыре раза меньше. Прирост продукции в 1925 году в абсолютных цифрах составил 3 миллиарда с лишним, а каждый процент равнялся 45 миллионам рублей. Нет оснований сомневаться в том, что прирост продукции в 1933 году в абсолютных цифрах при норме 16% прироста составит не менее 5 миллиардов рублей, т. е. почти вдвое больше, чем в 1925 г., а каждый процент прироста будет равняться по крайней мере 320—340 миллионам рублей, т. е. будет составлять по крайней мере в семь раз большую сумму, чем каждый процент прироста в 1925 году.

Вот как оборачивается дело, товарищи, если рассматривать вопрос о темпах и процентах прироста конкретно.

Так обстоит дело с итогами пятилетки в четыре года в области промышленности.

IV

ИТОГИ ПЯТИЛЕТКИ В ЧЕТЫРЕ ГОДА В ОБЛАСТИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Перейдем к вопросу об итогах пятилетки в четыре года в области сельского хозяйства.

Пятилетка в области сельского хозяйства есть пятилетка коллективизации. Из чего исходила партия, проводя коллективизацию?

Партия исходила из того, что для упрочения диктатуры пролетариата и построения социалистического общества, кроме индустриализации, необходим еще переход от мелкого индивидуального крестьянского хозяйства к крупному коллективному сельскому хозяйству, снабженному тракторами и современными сельхозмашинами, как единственно прочной основе Советской власти в деревне.

Партия исходила из того, что без коллективизации невозможно вывести нашу страну на широкую дорогу построения экономического фундамента социализма, невозможно избавить многомиллионное трудящееся крестьянство от нищеты и невежества.

Ленин говорил, что

„Мелким хозяйством из нужды не выйти“ (см. т. XXIV, стр. 540).

Ленин говорил, что

„Если мы будем сидеть по-старому в мелких хозяйствах, хотя и вольными гражданами на вольной земле, нам все равно грозит неминуемая гибель“ (см. т. XX, стр. 417).

Ленин говорил, что

„Только при помощи общего, артельного, товарищеского труда можно выйти из того тупика, в который загнала нас империалистская война“ (см. т. XXIV, стр. 537).

Ленин говорил, что

„Необходимо перейти к общей обработке в крупных образцовых хозяйствах; без этого выйти из той разрухи, из того прямо-таки отчаянного положения, в котором находится Россия, нельзя“ (см. т. XX, стр. 418).

Исходя из этого, Ленин пришел к следующему основному выводу:

„Лишь в том случае, если удастся на деле показать крестьянам преимущества общественной, коллективной, товарищеской, артельной обработки земли, лишь, если удастся помочь крестьянину, при помощи товарищеского, артельного хозяйства, тогда только рабочий класс, держащий в своих руках государственную власть, действительно докажет крестьянину свою правоту, действительно привлечет на свою сторону прочно и настоящим образом многомиллионную крестьянскую массу“ (см. т. XXIV, стр. 579—580).

Из этих положений Ленина исходила партия, проводя программу коллективизации сельского хозяйства, программу пятилетки в области сельского хозяйства.

В связи с этим задача пятилетки по сельскому хозяйству состояла в том, чтобы объединить разрозненные и мелкие индивидуальные крестьянские хозяйства, лишенные возможности использовать тракторы и современные сельскохозяйственные машины, — в крупные коллективные хозяйства, вооруженные всеми современными орудиями высоко развитого сельского хозяйства, а свободные земли покрыть образцовыми государственными хозяйствами, совхозами.

Задача пятилетки по сельскому хозяйству состояла в том, чтобы превратить СССР из страны мелко-крестьянской и отсталой в страну крупного сельского хозяйства, организованного на базе коллективного труда и дающего наибольшую товарность.

Чего добилась партия, проводя программу пятилетки в четыре года в области сельского хозяйства? Выполнила она эту программу или потерпела крах?

Партия добилась того, что в продолжение каких-нибудь трех лет она сумела организовать более 200 тысяч коллективных хозяйств и около 5 тысяч совхозов зернового и животноводческого направления, добившись одновременно расширения посевных площадей за 4 года на 21 миллион гектар.

Партия добилась того, что колхозы объединяют теперь свыше 60% крестьянских хозяйств с охватом свыше 70% всех крестьян-

ских площадей, что означает *перевыполнение* пятилетки *в три раза*.

Партия добилась того, что вместо 500—600 миллионов пудов товарного хлеба, заготовлявшегося в период преобладания индивидуального крестьянского хозяйства, она имеет теперь возможность заготовлять 1 200—1 400 миллионов пудов зерна ежегодно.

Партия добилась того, что кулачество как класс разгромлено, хотя и недобито еще, трудовое крестьянство освобождено от кулацкой кабалы и эксплоатации и под Советскую власть подведена прочная экономическая база в деревне, база коллективного хозяйства.

Партия добилась того, что СССР уже преобразован из страны мелко-крестьянского хозяйства в страну самого крупного сельского хозяйства в мире.

Таковы в общем итоги пятилетки в четыре года в области сельского хозяйства.

Судите теперь сами: чего стоит после всего этого болтовня буржуазной печати о „крахе“ коллективизации, о „провале“ пятилетки в области сельского хозяйства.

А как обстоит дело с сельским хозяйством в *капиталистических* странах, переживающих ныне жестокий сельскохозяйственный кризис?

Вот всем известные официальные данные.

Сокращены посевные площади в основных хлебопроизводящих странах на 8—10%. Сокращены посевные площади по хлопку в САСШ на 15%, по сахарной свекле в Германии и Чехо-Словакии — на 22—30%, по льну в Литве и Латвии — на 25—30%.

По данным американского сельскохозяйственного департамента стоимость валовой продукции сельского хозяйства в САСШ *снизилась* с 11 миллиардов долларов в 1929 г. до 5 млрд. в 1932 году, т. е. более чем на 50%. По зерну там же стоимость валовой продукции *снизилась* с 1 288 миллионов долларов в 1929 г. до 391 миллиона долларов в 1932 г., т. е. более чем на 68%. По хлопку там же — *снижение* с 1 389 миллионов долларов в 1929 г. до 397 миллионов долларов в 1932 году, т. е. снижение более чем на 70%.

Не говорят ли все эти факты о преимуществах советской системы сельского хозяйства перед системой капиталистической? Не говорят ли эти факты о том, что колхозы являются более жизнеспособной формой хозяйства, чем единоличные и капиталистические хозяйства?

Говорят, что колхозы и совхозы не вполне рентабельны, что они поглощают уйму средств, что держать такие предприятия нет никакого резона, что целесообразнее было бы распустить их,

оставив лишь рентабельные из них. Но так могут говорить лишь люди, которые ничего не смыслят в вопросах народного хозяйства, в вопросах экономики. Более половины текстильных предприятий несколько лет тому назад были нерентабельны. Одна часть наших товарищей предлагала нам тогда закрыть эти предприятия. Что было бы с нами, если бы мы послушались их? Мы совершили бы величайшее преступление перед страной, перед рабочим классом, ибо мы разорили бы этим нашу подымавшуюся промышленность. Как же мы поступили тогда? Мы выждали год с лишним и добились того, что вся текстильная промышленность стала рентабельной. А наш автозавод в городе Горьком? Тоже ведь нерентабелен пока что. Не прикажете ли закрыть его? Или наша черная металлургия, которая тоже пока что нерентабельна? Не закрыть ли ее, товарищи? Если так смотреть на рентабельность, то мы должны были бы развивать во-всю лишь некоторые отрасли промышленности, дающие наибольшую ренту, например, — кондитерскую промышленность, мукомольную промышленность, парфюмерную, трикотажную, промышленность детских игрушек и т. д. Я, конечно, не против развития этих отраслей промышленности. Наоборот, они должны быть развиты, так как они также нужны для населения. Но, во-первых, они не могут быть развиты без оборудования и топлива, которые дает им тяжелая индустрия. Во-вторых, на них невозможно базировать индустриализацию. Вот в чем дело, товарищи.

На рентабельность нельзя смотреть торгашески, с точки зрения данной минуты. Рентабельность надо брать с точки зрения общенародного хозяйства в разрезе нескольких лет. Только такая точка зрения может быть названа действительно ленинской, действительно марксистской. И эта точка зрения обязательна не только в отношении промышленности, но в еще большей степени — в отношении колхозов и совхозов. Вы только подумайте: в каких-нибудь три года мы создали более 200 тысяч колхозов и около 5 тысяч совхозов, т. е. мы создали совершенно новые крупные предприятия, имеющие такое же значение для сельского хозяйства, как заводы и фабрики для промышленности. Назовите страну, которая сумела создать в продолжение трех лет не 205 тысяч новых крупных предприятий, а хотя бы 25 тысяч таких предприятий. Вы не назовете, ибо нет и не бывало такой страны. А мы создали 205 тысяч новых предприятий в сельском хозяйстве. И вот есть, оказывается, на свете люди, которые требуют, чтобы эти предприятия стали сразу рентабельными, а если они не станут сразу рентабельными, то разрушить и распустить их. Не ясно ли, что лавры Герострата не дают спать этим более чем странным людям?

Говоря о нерентабельности колхозов и совхозов, я вовсе не хочу сказать, что они все нерентабельны. Ничего подобного! Всем известно, что уже теперь имеется целый ряд высоко рентабельных колхозов и совхозов. У нас имеются тысячи колхозов и десятки совхозов, вполне рентабельных уже теперь. Эти колхозы и совхозы составляют гордость нашей партии, гордость Советской власти. Колхозы и совхозы, конечно, не везде одинаковы. Среди колхозов и совхозов имеются старые, новые и совсем молодые. Это еще слабые, не вполне отлившиеся хозяйственные организмы. Они переживают в своем организационном строительстве, приблизительно, тот же период, какой переживали наши заводы и фабрики в 1920—21 гг. Понятно, что они не могут быть еще рентабельными в своем большинстве. Но что они станут рентабельными в продолжение 2—3 лет, так же, как стали рентабельными наши фабрики и заводы после 1921 года, — в этом не может быть никакого сомнения. Отказать им в помощи и поддержке на том основании, что не все они рентабельны в данную минуту, — значит совершить величайшее преступление перед рабочим классом и крестьянством. Только враги народа и контрреволюционеры могут ставить вопрос о ненужности колхозов и совхозов.

Осуществляя пятилетку по сельскому хозяйству, партия проводила коллективизацию ускоренными темпами. Правильно ли поступала партия, проводя политику ускоренных темпов коллективизации? Да, безусловно правильно, хотя и не обошлось здесь дело без некоторых увлечений. Проводя политику ликвидации кулачества как класса и выкорчевывая кулацкие гнезда, партия не могла остановиться на полдороге, — она должна была довести до конца это дело.

Это, во-первых.

Во-вторых, располагая тракторами и сельхозмашинами, с одной стороны, и пользуясь отсутствием частной собственности на землю (национализация земли!), с другой стороны, партия имела все возможности форсировать коллективизацию сельского хозяйства. И она действительно добилась в этой области величайшего успеха, ибо перевыполнила программу пятилетки по коллективизации втрое.

Значит ли это, что мы должны проводить политику форсированных темпов коллективизации и в период второй пятилетки? Нет, не значит. Дело в том, что мы *уже закончили* в основном коллективизацию основных районов СССР. Стало быть, сделали больше в этой области, чем можно было ожидать. И не только закончили в основном коллективизацию. Мы добились того, что в сознании громадного большинства крестьянства колхозы

32*

стали наиболее приемлемой формой хозяйства. Это — громадное завоевание, товарищи. Стоит ли после этого пороть горячку насчет быстрых темпов коллективизации? Ясно, что не стоит.

Теперь вопрос стоит уже не об ускоренных темпах коллективизации, и тем более не о том — быть или не быть колхозам, — этот вопрос уже решен положительно. Колхозы закреплены, и путь к старому, единоличному хозяйству закрыт окончательно. Теперь задача состоит в том, чтобы укрепить колхозы *организационно,* вышибить оттуда вредительские элементы, подобрать настоящие, проверенные большевистские кадры для колхозов и сделать колхозы действительно большевистскими.

В этом теперь главное.

Так обстоит дело с пятилеткой в четыре года в области сельского хозяйства.

V

ИТОГИ ПЯТИЛЕТКИ В ЧЕТЫРЕ ГОДА В ОБЛАСТИ УЛУЧШЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН

Я говорил выше об успехах в области промышленности и сельского хозяйства, о подъеме промышленности и сельского хозяйства в СССР. Какие результаты получились от этих успехов с точки зрения улучшения материального положения рабочих и крестьян? В чем состоят основные результаты наших успехов в области промышленности и сельского хозяйства с точки зрения коренного улучшения материального положения трудящихся?

Они состоят, во-первых, в *уничтожении безработицы* и ликвидации неуверенности в завтрашнем дне среди рабочих.

Они состоят, во-вторых, в охвате колхозным строительством почти всей крестьянской бедноты, в подрыве на этой основе расслоения крестьянства на кулаков и бедняков и в *уничтожении в связи с этим обнищания и пауперизма в деревне.*

Это — громадное завоевание, товарищи, о котором не может мечтать ни одно буржуазное государство, будь оно самым что ни на есть „демократическим“ государством.

У нас, в СССР, рабочие давно уже забыли о безработице. Года три тому назад мы имели около полутора миллионов безработных. Вот уже два года, как уничтожили мы безработицу. И рабочие успели уже забыть за это время о безработице, об ее гнете, об ее ужасах. Посмотрите-ка на капиталистические страны, какие ужасы творятся там на почве безработицы. В этих странах имеется теперь не менее 30—40 миллионов безработных. Что это за люди? О них обычно говорят, что это „конченные люди“.

Они каждый день добиваются работы, ищут работы, готовы принять почти любые условия работы, но их не принимают на работу, потому что они „лишние“ люди. И это в то время, когда огромные массы товаров и продуктов расточаются ради капризов баловней судьбы, сынков капиталистов и помещиков. Безработным отказывают в пище, потому что им нечем платить за пищу, им отказывают в крове, потому что им нечем платить за квартиру. Чем и где они живут? Они живут скудными подачками с барского стола, раскапыванием мусорных ящиков, где они находят гнилые остатки пищи, живут в трущобах больших городов, а больше всего в лачужках за городом, наскоро выстроенных безработными из досок от ящиков и древесной коры. Но это не все. От безработицы страдают не только безработные. От нее страдают также имеющие работу рабочие. Страдают, так как наличие большого количества безработных создает для них неустойчивое положение на производстве, неуверенность в завтрашнем дне. Сегодня они работают на предприятии, но они не уверены, что, проснувшись завтра, не узнают, что они уже рассчитаны.

Одно из основных завоеваний пятилетки в 4 года состоит в том, что мы уничтожили безработицу и избавили рабочих СССР от ее ужасов.

То же самое надо сказать о крестьянах. Они также забыли о расслоении крестьян на кулаков и бедняков, об эксплоатации бедноты со стороны кулаков, о разорении, которое каждый год пускало по миру сотни тысяч и миллионы бедноты. Года 3—4 тому назад у нас имелось бедняков среди крестьян не менее 30% всего крестьянского населения. Это составляло более десятка миллионов людей. А еще раньше, до Октябрьской революции, бедняки составляли не менее 60% крестьянского населения. Что такое бедняки? Это такие люди, у которых обычно не хватало для хозяйства либо семян, либо лошади, либо орудий, либо не хватало всех этих вещей вместе взятых. Бедняки это такие люди, которые жили впроголодь и как правило находились в кабале у кулаков, а в старое время — и у кулаков и у помещиков. Еще совсем недавно около полутора миллионов, а то и целых два миллиона бедняков направлялось ежегодно на заработки на юг — на Северный Кавказ и Украину, в наймиты к кулакам, а еще раньше — к кулакам и помещикам. Еще больше приходило их ежегодно к заводским воротам, заполняя ряды безработных. И не только бедняки находились в таком незавидном положении. Добрая половина середняков находилась в такой же нужде и лишениях, как бедняки. Обо всем этом успели уже забыть крестьяне.

Что дала пятилетка в четыре года беднякам и низшим слоям середняков? Она подорвала и разбила кулачество как класс, освободив бедняков и добрую половину середняков от кулацкой кабалы. Она вовлекла их в колхозы и создала для них прочное положение. Она уничтожила тем самым возможность расслоения крестьянства на эксплоататоров — кулаков и эксплоатируемых — бедняков. Она подняла бедноту и низшие слои середняков в колхозах на положение людей обеспеченных, уничтожив тем самым процесс разорения и обнищания крестьянства. Теперь уже нет у нас таких случаев, чтобы миллионы крестьян срывались ежегодно со своих мест и уходили на заработки в далекие края. Для того, чтобы вытянуть крестьянина на работу куда-нибудь вне его собственного колхоза, теперь надо подписывать договор с колхозом, да еще обеспечить колхознику даровой проезд по железной дороге. Теперь уже нет у нас таких случаев, чтобы сотни тысяч и миллионы крестьян разорялись и обивали пороги фабрик и заводов. Это дело было, но оно давно уж сплыло. Теперь крестьянин — обеспеченный хозяин, член колхоза, имеющего в своем распоряжении тракторы, сельхозмашины, семфонды, запфонды и т. д. и т. п.

Вот, что дала пятилетка бедноте и низшим слоям середняков.

Вот в чем суть основных завоеваний пятилетки в области улучшения материального положения рабочих и крестьян.

В результате этих основных завоеваний в области улучшения материального положения рабочих и крестьян, мы имеем за первую пятилетку:

а) рост численности рабочих и служащих крупной промышленности *вдвое* в сравнении с 1928 годом, что дает перевыполнение пятилетнего плана на 57%;

б) рост народного дохода, — стало быть, рост доходов рабочих и крестьян, — достигшего в 1932 году 45,1 миллиардов рублей, что дает увеличение на 85% по сравнению с 1928 годом;

в) рост средне-годовой заработной платы рабочих и служащих крупной промышленности на 67% в сравнении с 1928 годом, что дает перевыполнение пятилетки на 18%;

г) рост фонда социального страхования на 292% в сравнении с 1928 годом (4 120 млн. рублей в 1932 г. против 1 050 млн. рублей в 1928 г.), что дает перевыполнение пятилетнего плана на 111%;

д) рост общественного питания с охватом свыше 70% рабочих решающих отраслей промышленности, что дает перевыполнение пятилетки в шесть раз.

Конечно, мы еще не добились того, чтобы полностью обеспечить материальные запросы рабочих и крестьян. И едва ли мы добьемся этого в ближайшие годы. Но мы несомненно добились того, что

материальное положение рабочих и крестьян улучшается у нас из года в год. В этом могут сомневаться разве только заклятые враги Советской власти или, может быть, некоторые представители буржуазной печати, в том числе и одна часть корреспондентов этой печати в Москве, которые понимают в экономике народов и в положении трудящихся едва ли больше, чем, скажем, абиссинский король в высшей математике.

А как обстоит дело с положением рабочих и крестьян в капиталистических странах?

Вот официальные данные.

Катастрофически возросло количество безработных в капиталистических странах. В САСШ по официальным данным по одной только обрабатывающей промышленности число занятых рабочих уменьшилось с 8,5 миллионов человек в 1928 г. до 5,5 миллионов в 1932 г., по данным же Американской федерации труда число безработных в САСШ во всей промышленности доходит к концу 1932 года до 11 миллионов человек. В Англии количество безработных по данным официальной статистики возросло с 1 290 тысяч в 1928 г. до 2,8 миллионов человек в 1932 г. В Германии по официальным данным количество безработных возросло с 1 376 тысяч в 1928 г. до 5,5 миллионов в 1932 г. Такая же картина наблюдается во всех капиталистических странах, причем официальная статистика, как правило, преуменьшает данные о безработных, количество которых колеблется в капиталистических странах от 35 до 40 миллионов человек.

Систематически проводится снижение заработной платы рабочих. По официальным данным снижение среднемесячной зарплаты в САСШ достигло 35% по сравнению с уровнем 1928 г., в Англии за тот же срок — 15%, а в Германии даже — 50%. По подсчетам Американской федерации труда потери американских рабочих в результате снижения зарплаты в 1930/31 г. составили более 35 миллиардов долларов.

Значительно сокращены и без того незначительные фонды страхования рабочих в Англии и Германии. В САСШ и во Франции совершенно отсутствуют или почти отсутствуют какие бы то ни было формы страхования безработных, ввиду чего колоссально растет число бездомных рабочих и беспризорных детей, особенно в САСШ.

Не лучше обстоит дело с положением крестьянских масс в капиталистических странах, где сельскохозяйственный кризис в корне подрывает крестьянское хозяйство и пускает миллионы разоренных крестьян и фермеров по миру.

Таковы итоги пятилетки в четыре года в области улучшения материального положения трудящихся СССР.

VI
ИТОГИ ПЯТИЛЕТКИ В ЧЕТЫРЕ ГОДА В ОБЛАСТИ ТОВАРООБОРОТА МЕЖДУ ГОРОДОМ И ДЕРЕВНЕЙ

Перейдем теперь к вопросу об итогах пятилетки в четыре года в области роста товарооборота между городом и деревней.

Громадный рост продукции промышленности и сельского хозяйства, рост товарных излишков как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, наконец, рост потребностей рабочих и крестьян, — все это не могло не привести и действительно привело к оживлению и расширению товарооборота между городом и деревней.

Производственная смычка между городом и деревней есть основная форма смычки. Но одной лишь производственной смычки недостаточно. Ее надо дополнить смычкой товарной для того, чтобы связь между городом и деревней стала прочной и неразрывной. Этого можно добиться лишь через развертывание советской торговли. Было бы неправильно думать, что советскую торговлю можно развернуть через какой-либо один канал, например, через кооперацию. Для развертывания советской торговли необходимо использовать все каналы: и кооперативную сеть, и государственно-торговую сеть, и колхозную торговлю.

Некоторые товарищи думают, что развертывание советской торговли, особенно же развертывание колхозной торговли, есть возврат к первой стадии нэпа. Это совершенно неверно.

Между советской торговлей, в том числе колхозной торговлей, и торговлей первой стадии нэпа существует коренная разница.

На первой стадии нэпа мы допускали оживление капитализма, допускали частный товарооборот, допускали „деятельность" частных торговцев, капиталистов, спекулянтов.

Это была более или менее свободная торговля, ограниченная лишь регулирующей ролью государства. Тогда частно-капиталистический сектор в товарообороте страны занимал довольно большое место. Я уже не говорю о том, что тогда не было у нас ни такой развитой промышленности, как теперь, не было ни колхозов, ни совхозов, работающих по плану и дающих в распоряжение государства громадные резервы сельскохозяйственных продуктов и городских изделий.

Можно ли сказать, что мы имеем теперь такое же положение? Конечно, нельзя этого сказать.

Во-первых, советскую торговлю нельзя ставить на одну доску с торговлей на первой стадии нэпа, хотя бы и регулируемой государством. Если торговля на первой стадии нэпа допускала оживление капитализма и функционирование частно-капиталистического сектора в товарообороте, то советская торговля исходит из отрицания как того, так и другого. Что такое советская торговля? Советская торговля есть торговля без капиталистов — малых и больших, торговля без спекулянтов — малых и больших. Это особого рода торговля, которой не знала до сих пор история и которую практикуем только мы, большевики, в условиях советского развития.

Во-вторых, мы имеем теперь довольно развитую государственную промышленность и целую систему колхозов и совхозов, обеспечивающих государству громадные резервы сельскохозяйственных и промышленных товаров для разворота советской торговли. Этого не было и не могло быть в условиях первой стадии нэпа.

В-третьих, мы добились того, что за последний период вышибли совершенно из товарооборота частных торговцев, купцов, посредников всякого рода. Конечно, это не исключает того, что могут вновь появиться в товарообороте по закону атавизма частные торговцы и спекулянты, используя для этого наиболее удобное для них поле, а именно — колхозную торговлю. Более того, сами колхозники иногда не прочь пуститься в спекуляцию, что не делает им, конечно, чести. Но против этих нездоровых явлений у нас имеется недавно изданный закон Советской власти о мерах пресечения спекуляции и наказания спекулянтов. Вы знаете, конечно, что закон этот не страдает особой мягкостью. Вы поймете, конечно, что такого закона не было и не могло быть в условиях первой стадии нэпа.

Вы видите, что говорить после всего этого о возврате к торговле первой стадии нэпа, — значит ничего, ровным счетом ничего не понимать в нашей советской экономике.

Нам говорят, что невозможно развернуть торговлю, если даже она является советской торговлей, без здорового денежного хозяйства и здоровой валюты, что надо прежде всего лечить денежное хозяйство и нашу советскую валюту, которая якобы не представляет никакой ценности. Так говорят нам экономисты капиталистических стран. Я думаю, что эти уважаемые экономисты понимают в политической экономии не больше, чем, скажем, архиепископ Кентерберийский в антирелигиозной пропаганде. Как можно утверждать, что наша советская валюта не представляет никакой ценности? Разве это не факт, что на эту валюту строили мы Магнитострой, Днепрострой, Кузнецкстрой, Сталин-

градский и Харьковский тракторные заводы, Горьковский и Московский автомобильные заводы, сотни тысяч колхозов и тысячи совхозов? Не думают ли эти господа, что все эти предприятия построены из соломы или из глины, а не из действительных материалов, имеющих определенную ценность? Чем обеспечивается устойчивость советской валюты, если иметь в виду, конечно, организованный рынок, имеющий решающее значение в товарообороте страны, а не рынок неорганизованный, имеющий лишь подчиненное значение? Конечно, не только золотым запасом. Устойчивость советской валюты обеспечивается прежде всего громадным количеством товарных масс в руках государства, пускаемых в товарооборот по устойчивым ценам. Кто из экономистов может отрицать, что такое обеспечение, имеющее место только в СССР, является более реальным обеспечением устойчивости валюты, чем любой золотой запас? Поймут ли когда-нибудь экономисты капиталистических стран, что они окончательно запутались с теорией золотого запаса, как единственного обеспечения устойчивости валюты?

Так обстоит дело с вопросами, связанными с разворачиванием советской торговли.

Чего добились мы в результате проведения пятилетки в области развертывания советской торговли?

В итоге пятилетки мы имеем:

а) увеличение продукции легкой промышленности, поднявшейся до 187% по сравнению с 1928 годом;

б) рост розничного кооперативно-государственного товарооборота, составляющего сейчас в ценах 1932 года 39,6 миллиардов рублей, т. е. увеличение товарной массы в розничной торговле до 175% от 1928 года;

в) рост государственно-кооперативной торговой сети на 158 тысяч лавок и магазинов по отношению к 1929 году;

г) все увеличивающееся развертывание колхозной торговли и сельскохозяйственных заготовок отдельных государственных и кооперативных организаций.

Таковы факты.

Совершенно другую картину представляет положение товарооборота внутри *капиталистических* стран, где кризис привел к катастрофическому сокращению торговли, массовому закрытию предприятий и разорению мелких и средних торговцев, банкротству крупных торговых фирм и затовариванию торговых предприятий при продолжающемся падении покупательной способности трудящихся масс.

Таковы итоги пятилетки в четыре года в области развития товарооборота.

VII
ИТОГИ ПЯТИЛЕТКИ В ЧЕТЫРЕ ГОДА В ОБЛАСТИ БОРЬБЫ С ОСТАТКАМИ ВРАЖДЕБНЫХ КЛАССОВ

В итоге осуществления пятилетки в области промышленности, сельского хозяйства и торговли мы утвердили во всех сферах народного хозяйства принцип социализма, изгнав оттуда капиталистические элементы.

К чему это должно было привести в отношении капиталистических элементов и к чему оно на самом деле привело?

Это привело к тому, что оказались вышибленными из колеи последние остатки умирающих классов: промышленники и их челядь, торговцы и их приспешники, бывшие дворяне и попы, кулаки и подкулачники, бывшие белые офицеры и урядники, бывшие полицейские и жандармы, всякого рода буржуазные интеллигенты шовинистического толка и все прочие антисоветские элементы.

Будучи вышибленными из колеи и разбросавшись по лицу всего СССР, эти бывшие люди расползлись по нашим заводам и фабрикам, по нашим учреждениям и торговым организациям, по предприятиям железнодорожного и водного транспорта и главным образом — по колхозам и совхозам. Расползлись и укрылись они там, накинув маску „рабочих“ и „крестьян“, причем кое-кто из них пролез даже в партию.

С чем они пришли туда? Конечно, с чувством ненависти к Советской власти, с чувством лютой вражды к новым формам хозяйства, быта, культуры.

Пойти в прямую атаку против Советской власти эти господа уже не в силах. Они и их классы несколько раз вели уже такие атаки, но были разбиты и рассеяны. Поэтому единственное, что остается им делать, — это пакостить и вредить рабочим, колхозникам, Советской власти, партии. И они пакостят как только могут, действуя тихой сапой. Поджигают склады и ломают машины. Организуют саботаж. Организуют вредительство в колхозах, в совхозах, причем некоторые из них, в числе которых имеются и кое-какие профессора, в своем вредительском порыве доходят до того, что прививают скотине в колхозах и совхозах чуму, сибирскую язву, способствуют распространению менингита среди лошадей и т. д.

Но главное не в этом. Главное в „деятельности“ этих бывших людей состоит в том, что они организуют массовое воровство и хищение государственного имущества, кооперативного имущества, колхозной собственности. Воровство и хищение на фабриках и заводах, воровство и хищение железнодорожных грузов, во-

ровство и хищение в складах и торговых предприятиях, — особенно воровство и хищение в совхозах и колхозах, — такова основная форма „деятельности“ этих бывших людей. Они чуют как бы классовым инстинктом, что основой советского хозяйства является общественная собственность, что именно эту основу надо расшатать, чтобы напакостить Советской власти, — и они действительно стараются расшатать общественную собственность путем организации массового воровства и хищения.

Для организации хищений они используют частно-собственнические навыки и пережитки колхозников, вчерашних единоличников, а ныне членов колхозов. Вы, как марксисты, должны знать, что сознание людей отстает в своем развитии от фактического их положения. Колхозники по положению уже не единоличники, а коллективисты, но сознание у них пока еще старое, частно-собственническое. И вот бывшие люди из рядов эксплоататорских классов используют частно-собственнические привычки колхозников, чтобы организовать расхищение общественного имущества и тем поколебать основу советского строя — общественную собственность.

Многие наши товарищи благодушно смотрят на подобное явление, не понимая смысла и значения фактов массового воровства и хищения. Они, как слепые, проходят мимо этих фактов, полагая, что „тут нет ничего особенного“. Но они, эти товарищи, глубоко заблуждаются. Основой нашего строя является общественная собственность так же, как основой капитализма — собственность частная. Если капиталисты провозгласили частную собственность священной и неприкосновенной, добившись в свое время укрепления капиталистического строя, то мы, коммунисты, тем более должны провозгласить общественную собственность священной и неприкосновенной, чтобы закрепить тем самым новые социалистические формы хозяйства во всех областях производства и торговли. Допускать воровство и хищение общественной собственности, — все равно, идет ли дело о собственности государственной или о собственности кооперативной и колхозной, — и проходить мимо подобных контр-революционных безобразий, — значит содействовать подрыву советского строя, опирающегося на общественную собственность, как на свою базу. Из этого исходило наше советское правительство, когда оно издало недавно закон об охране общественной собственности. Этот закон есть основа революционной законности в настоящий момент. А обязанность строжайшего его проведения в жизнь является первейшим долгом каждого коммуниста, каждого рабочего и колхозника.

Говорят, что революционная законность нашего времени ничем не отличается от революционной законности первого периода

нэпа, что революционная законность нашего времени есть возврат к революционной законности первого периода нэпа. Это совершенно неверно. Революционная законность первого периода нэпа обращалась своим острием главным образом против крайностей военного коммунизма, против „незаконных“ конфискаций и поборов. Она гарантировала частному хозяину, единоличнику, капиталисту сохранность их имущества при условии строжайшего соблюдения ими советских законов. Совершенно по-иному обстоит дело с революционной законностью в наше время. Революционная законность нашего времени направлена своим острием не против крайностей военного коммунизма, которых давно уже нет в природе, а против воров и вредителей в общественном хозяйстве, против хулиганов и расхитителей общественной собственности. Основная забота революционной законности в наше время состоит следовательно в охране общественной собственности, а не в чем-либо другом.

Вот почему борьба за охрану общественной собственности, борьба всеми мерами и всеми средствами, предоставляемыми в наше распоряжение законами Советской власти, — является одной из основных задач партии.

Сильная и мощная диктатура пролетариата, — вот что нам нужно теперь для того, чтобы развеять впрах последние остатки умирающих классов и разбить их воровские махинации.

Некоторые товарищи поняли тезис об уничтожении классов, создании бесклассового общества и отмирании государства, как оправдание лени и благодушия, оправдание контр-революционной теории потухания классовой борьбы и ослабления государственной власти. Нечего и говорить, что такие люди не могут иметь ничего общего с нашей партией. Это — перерожденцы, либо двурушники, которых надо гнать вон из партии. Уничтожение классов достигается не путем потухания классовой борьбы, а путем ее усиления. Отмирание государства придет не через ослабление государственной власти, а через ее максимальное усиление, необходимое для того, чтобы добить остатки умирающих классов и организовать оборону против капиталистического окружения, которое далеко еще не уничтожено и не скоро еще будет уничтожено.

В результате осуществления пятилетки мы добились того, что вышибли вконец последние остатки враждебных классов из их производственных позиций, разгромили кулачество и подготовили почву для его уничтожения. Таков итог пятилетки в области борьбы с последними отрядами буржуазии. Но этого мало. Задача состоит в том, чтобы вышибить этих бывших людей из

наших же собственных предприятий и учреждений и окончательно их обезвредить.

Нельзя сказать, чтобы эти бывшие люди могли что-либо изменить своими вредительскими и воровскими махинациями в нынешнем положении в СССР. Они слишком слабы и немощны для того, чтобы противостоять мероприятиям Советской власти. Но если наши товарищи не вооружатся революционной бдительностью и не изгонят из практики обывательски-благодушное отношение к фактам воровства и расхищения общественной собственности, то бывшие люди могут наделать не мало пакостей.

Надо иметь в виду, что рост мощи советского государства будет усиливать сопротивление последних остатков умирающих классов. Именно потому, что они умирают и доживают последние дни, они будут переходить от одних форм наскоков к другим, более резким формам наскоков, апеллируя к отсталым слоям населения и мобилизуя их против Советской власти. Нет такой пакости и клеветы, которую бы эти бывшие люди не возвели на Советскую власть и вокруг которых не попытались бы мобилизовать отсталые элементы. На этой почве могут ожить и зашевелиться разбитые группы старых контр-революционных партий эс-эров, меньшевиков, буржуазных националистов центра и окраин, могут ожить и зашевелиться осколки контр-революционных оппозиционных элементов из троцкистов и правых уклонистов. Это, конечно, не страшно. Но все это надо иметь в виду, если мы хотим покончить с этими элементами быстро и без особых жертв.

Вот почему революционная бдительность является тем самым качеством, которое особенно необходимо теперь большевикам.

VIII
ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Таковы основные итоги проведения в жизнь пятилетнего плана в области промышленности и сельского хозяйства, в области улучшения быта трудящихся и развития товарооборота, в области укрепления Советской власти и разворачивания классовой борьбы против остатков и пережитков отживающих классов.

Таковы успехи и завоевания Советской власти за последние четыре года.

Было бы ошибочно думать на основании этих успехов, что все обстоит у нас благополучно. Конечно, у нас не все еще обстоит благополучно. Недостатков и ошибок в нашей работе имеется достаточно. Бесхозяйственность и бестолковщина все еще имеют место в нашей практике. Я, к сожалению, не могу сейчас остановиться на недостатках и ошибках, так как рамки порученного мне

итогового доклада не дают для этого простора. Но дело теперь не в этом. Дело в том, что, несмотря на недостатки и ошибки, наличия которых никто из нас не отрицает, мы добились таких серьезных успехов, которые вызывают восхищение в рабочем классе всего мира, мы добились такой победы, которая имеет поистине всемирно-историческое значение.

Что могло сыграть и что действительно сыграло главную роль в том, что, несмотря на ошибки и недостатки, партия добилась все же решающих успехов в деле проведения пятилетки в четыре года?

Где те основные силы, которые обеспечили нам эту историческую победу, несмотря ни на что?

Это, прежде всего, активность и самоотверженность, энтузиазм и инициатива миллионных масс рабочих и колхозников, развивших вместе с инженерно-техническими силами колоссальную энергию по разворачиванию социалистического соревнования и ударничества. Не может быть сомнения, что без этого обстоятельства мы не могли бы добиться цели, не могли бы двинуться вперед ни на шаг.

Это, во-вторых, твердое руководство партии и правительства, звавших массы вперед и преодолевавших все и всякие трудности на пути к цели.

Это, наконец, особые достоинства и преимущества советской системы хозяйства, таящей в себе колоссальные возможности, необходимые для преодоления всех и всяких трудностей.

Таковы три основные силы, определившие историческую победу СССР.

Общие выводы:

1. Итоги пятилетки опрокинули утверждение буржуазных и социал-демократических деятелей о том, что пятилетний план есть фантазия, бред, неосуществимая мечта. Итоги пятилетки показали, что пятилетний план уже осуществлен.

2. Итоги пятилетки разбили известный буржуазный „символ веры“ о том, что рабочий класс не способен строить новое, что он способен лишь разрушить старое. Итоги пятилетки показали, что рабочий класс способен так же хорошо строить новое, как и разрушать старое.

3. Итоги пятилетки разбили тезис социал-демократов о том, что невозможно построить социализм в одной, отдельно взятой стране. Итоги пятилетки показали, что вполне возможно построить в одной стране социалистическое общество, ибо экономический фундамент такого общества уже построен в СССР.

4. Итоги пятилетки опрокинули утверждение буржуазных экономистов о том, что капиталистическая система хозяйства является

наилучшей системой, что всякая другая система хозяйства непрочна и неспособна выдержать экзамен перед лицом трудностей экономического развития. Итоги пятилетки показали, что капиталистическая система хозяйства несостоятельна и непрочна, что она уже отживает свой век и должна уступить свое место другой, высшей, советской, социалистической системе хозяйства, что единственная система хозяйства, которая не боится кризисов и способна преодолеть трудности, неразрешимые для капитализма, — это советская система хозяйства.

5. Наконец, итоги пятилетки показали, что партия непобедима, *если* она знает, куда вести дело, и не боится трудностей.

(Бурные, долго не смолкающие аплодисменты, переходящие в овацию, зал стоя приветствует тов. Сталина.)

О РАБОТЕ В ДЕРЕВНЕ

Речь на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б)
11 января 1933 г.

Товарищи! Я думаю, что ораторы правильно обрисовали состояние партийной работы в деревне, ее недостатки, ее достоинства, — особенно ее недостатки. И все же, мне кажется, что они не сказали самого главного насчет недостатков нашей работы в деревне, не вскрыли корней этих недостатков. А между тем эта сторона представляет для нас наибольший интерес. Позвольте поэтому высказать свое мнение о недостатках нашей работы в деревне, высказать со всей той прямотой, которая свойственна большевикам.

В чем состоит главный недостаток нашей работы в деревне за последний год, за 1932 год?

Главный недостаток состоит в том, что хлебозаготовки в этом году прошли у нас с бо́льшими трудностями, чем в предыдущем году, чем в 1931 году.

Объяснить это плохим состоянием урожая никак нельзя, потому что урожай у нас был в этом году не хуже, а лучше, чем в предыдущем году. Никто не может отрицать, что валовой сбор хлебов в 1932 г. был больше, чем в 1931 году, когда засуха в 5-ти основных районах Северо-Востока СССР значительно сократила хлебный баланс страны. Конечно, мы и в 1932 г. имели некоторые потери урожая вследствие неблагоприятных климатических условий на Кубани и Тереке, а также в некоторых районах Украины. Но не может быть сомнения в том, что эти потери не составляют и половинной доли тех потерь, которые имели место в 1931 году в силу засухи в северо-восточных районах СССР. Стало быть, в 1932 г. хлеба у нас было в стране больше, чем в 1931 году. И все же, несмотря на это обстоятельство, хлебозаготовки прошли у нас в 1932 г. с бо́льшими затруднениями, чем в предыдущем году.

В чем тут дело? Где причины этого недостатка нашей работы? Чем объяснить это несоответствие?

1) Объясняется это прежде всего тем, что наши товарищи на местах, наши деревенские работники не сумели учесть новой обстановки в деревне, созданной объявлением колхозной торговли хлебом. И именно потому, что они не учли новой обстановки, именно поэтому они не сумели перестроиться на новый лад применительно к новой обстановке. Пока не было колхозной торговли хлебом, пока не было двух цен на хлеб, государственной и рыночной, — обстановка в деревне была одна. С объявлением колхозной торговли хлебом обстановка должна была измениться круто, ибо объявление колхозной торговли означает легализацию рыночной цены на хлеб, более высокой, чем установленная государственная цена. Нечего и доказывать, что это обстоятельство должно было создать у крестьян известную сдержанность в деле сдачи хлеба государству. Крестьянин прикидывал так: „объявлена колхозная торговля хлебом, легализована рыночная цена, на рынке я могу за то же количество хлеба получить больше, чем при сдаче хлеба государству, — стало быть, ежели я не дурак, я должен хлеб попридержать, сдавать его государству меньше, оставить его для колхозной торговли больше и таким образом добиться того, чтобы выручить больше за то же количество проданного хлеба“.

Самая простая и естественная логика!

Но беда тут состоит в том, что наши деревенские работники, во всяком случае многие из них, не поняли этой простой и естественной вещи. Чтобы не сорвать заданий Советской власти, коммунисты должны были при этой новой обстановке с первых же дней уборки, еще в июле месяце 1932 г., — они должны были всемерно усилить и подгонять хлебозаготовки. Этого требовала обстановка. А как они поступили на деле? Вместо того, чтобы подгонять хлебозаготовки, они стали подгонять образование всякого рода фондов, усиливая тем самым сдержанность сдатчиков хлеба в деле выполнения их обязанностей перед государством. Не поняв новой обстановки, они стали бояться не того, что сдержанность крестьян в деле хлебосдачи может затормозить хлебозаготовки, а стали бояться того, что крестьяне не догадаются попридержать хлеб для вывоза его потом на рынок по линии колхозной торговли и, чего доброго, возьмут да сдадут весь свой хлеб на элеваторы.

Иначе говоря, наши деревенские коммунисты, по крайней мере большинство из них, раскусили колхозную торговлю лишь с ее *положительной* стороны, поняли и усвоили ее *положительную* сторону, но совершенно не поняли и не усвоили *отрицательных* сторон колхозной торговли, — не поняли того, что отрицательные

стороны колхозной торговли могут причинить большой вред государству, если они, т. е. коммунисты, не начнут с первых же дней уборки хлеба подгонять во-всю хлебозаготовительную кампанию.

И эта ошибка была допущена не только работниками в колхозах. Она была допущена также директорами совхозов, которые, преступно придерживая хлеб, подлежащий сдаче государству, стали продавать его на сторону по более высокой цене.

Учитывали ли Совнарком и ЦК эту новую обстановку, сложившуюся в связи с колхозной торговлей хлебом, в известном своем постановлении о развертывании колхозной торговли? Да, учитывали. В этом постановлении прямо говорится, что колхозную торговлю хлебом можно открыть лишь после того, как будет выполнен целиком и полностью план хлебозаготовок и будут собраны семена. Там прямо сказано, что только после окончания хлебозаготовок и засыпки семян, примерно к 15-му января 1933 года, — только после выполнения этих условий можно будет открыть колхозную торговлю хлебом. Этим своим постановлением Совнарком и ЦК как бы говорили нашим деревенским работникам: не заслоняйте своего внимания заботой о фондах и запасах всякого рода, не отвлекайтесь от главной задачи, разверните хлебозаготовки с первых же дней уборки и форсируйте их, ибо первая заповедь — выполнение плана хлебозаготовок, вторая заповедь — засыпка семян, и только после выполнения этих условий можете начать и развертывать колхозную торговлю хлебом.

Ошибка Политбюро ЦК и Совнаркома состояла, может быть, в том, что они недостаточно настойчиво подчеркнули эту сторону дела и недостаточно громко предупредили наших деревенских работников об опасностях, таящихся в колхозной торговле. Но, что они об этих опасностях предупредили, и предупредили достаточно ясно, — в этом не может быть никакого сомнения. Надо признать, что ЦК и Совнарком несколько переоценили ленинскую закалку и прозорливость наших работников на местах, не только районных, но и ряда областных.

Может быть не надо было объявлять колхозную торговлю хлебом? Может быть это была ошибка, особенно, если иметь в виду то обстоятельство, что колхозной торговле присущи не только положительные, но и некоторые отрицательные стороны?

Нет, это не было ошибкой. Ни одно революционное мероприятие не гарантировано от некоторых отрицательных сторон, если оно проводится неправильно. То же самое надо сказать о колхозной торговле хлебом. Колхозная торговля нужна и выгодна как деревне, так и городу, как рабочему классу, так и кре-

стьянству. И именно потому, что она выгодна, ее надо было ввести.

Чем руководствовались Совнарком и ЦК, вводя колхозную торговлю хлебом?

Прежде всего тем, чтобы расширить базу товарооборота между городом и деревней и улучшить снабжение рабочих сельско-хозяйственными продуктами, а крестьян — городскими изделиями. Не может быть сомнений, что одной лишь государственной и кооперативной торговли для этого недостаточно. Эти каналы товарооборота нужно было дополнить новым каналом — колхозной торговлей. И мы их дополнили, введя колхозную торговлю.

Они руководствовались, далее, тем, чтобы при помощи колхозной торговли хлебом дать колхознику добавочный источник дохода и укрепить его экономическое положение.

Они руководствовались, наконец, тем, чтобы введением колхозной торговли дать крестьянину новый толчок для улучшения работы колхозов как по линии сева, так и по линии уборки.

Вы знаете, что все эти соображения Совнаркома и ЦК целиком и полностью подтвердились фактами из жизни колхозов за последнее время. Усиление процесса укрепления колхозов, прекращение выходов из колхозов, нарастающая тяга единоличников в колхозы, стремление колхозников принимать новых членов с большим разбором, — все это и многое подобное с несомненностью говорят о том, что колхозная торговля не только не ослабила, а наоборот, усилила и упрочила положение колхозов.

Стало быть, недочеты нашей работы в деревне объясняются не колхозной торговлей, а не всегда правильным ее проведением, неумением учесть новую обстановку, неумением перестроить свои ряды применительно к новой обстановке, созданной объявлением колхозной торговли хлебом.

2) Вторая причина недостатков нашей работы в деревне состоит в том, что наши товарищи на местах, — и не только эти товарищи, — не поняли изменения условий нашей работы в деревне, происшедшего в связи с утверждением господствующего положения колхозов в основных хлебных районах. Мы все радуемся тому, что колхозная форма хозяйства стала господствующей формой в наших хлебных районах. Но не все понимают то, что это обстоятельство не уменьшает, а увеличивает наши заботы и нашу ответственность в деле развития сельского хозяйства. Многие думают, что коль скоро достигнуто, скажем, 70 или 80% коллективизации в том или ином районе, в той или иной области, то этим уже все дано, и мы можем предоставить дело естественному ходу вещей, предоставить дело самотеку, полагая, что коллективизация сама сделает свое дело, сама подымет сельское хозяйство.

Но это глубокое заблуждение, товарищи. На самом деле, переход к коллективному хозяйству, как преобладающей форме хозяйства, не уменьшает, а увеличивает наши заботы о сельском хозяйстве, не уменьшает, а увеличивает руководящую роль коммунистов в деле подъема сельского хозяйства. Самотек теперь больше чем когда-либо опасен для дела развития сельского хозяйства. Самотек теперь может погубить все дело.

Пока в деревне преобладал единоличный хозяин, партия могла ограничивать свое вмешательство в дело развития сельского хозяйства отдельными актами помощи, совета или предупреждения. Тогда единоличник сам должен был заботиться о своем хозяйстве, ибо ему не на кого было взвалить ответственность за это хозяйство, которое было лишь его личным хозяйством, и не на кого было рассчитывать, кроме себя самого. Тогда единоличник должен был сам заботиться о севе, об уборке, и вообще обо всех процессах сельско-хозяйственного труда, если он не хотел остаться без хлеба и стать жертвой голода. С переходом на коллективное хозяйство дело существенно изменилось. Колхоз не есть единоличное хозяйство. Колхозники так и говорят теперь: „колхоз мой и не мой, он мой, но вместе с тем он принадлежит Ивану, Филиппу, Михаилу и другим членам колхоза, колхоз общий“. Теперь он, колхозник, вчерашний единоличник и сегодняшний коллективист,— теперь он может взвалить ответственность и может рассчитывать на других членов колхоза, зная, что колхоз не оставит его без хлеба. Поэтому забот у него, у колхозника, стало меньше, чем при индивидуальном хозяйстве, ибо заботы и ответственность за хозяйство распределены ныне между всеми колхозниками.

Что же из этого следует? А из этого следует то, что центр тяжести ответственности за ведение хозяйства переместился теперь от отдельных крестьян на руководство колхоза, на руководящее ядро колхоза. Теперь крестьяне требуют заботы о хозяйстве и разумного ведения дела не от самих себя, а от руководства колхоза, или, вернее, не столько от самих себя, сколько от руководства колхоза. А что это значит? Это значит, что партия уже не может теперь ограничиваться отдельными актами вмешательства в процесс сельско-хозяйственного развития. Она должна теперь взять в свои руки руководство колхозами, принять на себя ответственность за работу и помочь колхозникам вести свое хозяйство вперед на основе данных науки и техники.

Но это не все. Колхоз есть крупное хозяйство. Но крупное хозяйство нельзя вести без плана. Крупное хозяйство в земледелии, охватывающее сотни, а иногда и тысячи дворов, может вестись лишь в порядке планового руководства. Без этого оно должно

погибнуть и развалиться. Вот вам еще одно новое условие при колхозном строе, в корне отличающееся от условий ведения единоличного мелкого хозяйства. Можно ли предоставить ведение такого хозяйства, так называемому, естественному ходу вещей, самотеку? Ясно, что нельзя. Чтобы вести такое хозяйство, надо обеспечить колхоз известным минимумом элементарно грамотных людей, способных планировать хозяйство и вести его организованно. Понятно, что без систематического вмешательства со стороны Советской власти в дело колхозного строительства, без ее систематической помощи наладить такое хозяйство невозможно.

А что из этого следует? А из этого следует то, что колхозный строй не уменьшает, а увеличивает заботы и ответственность партии и правительства в отношении развития сельского хозяйства. Из этого следует, что партия, если она хочет руководить колхозным движением, должна входить во все детали колхозной жизни и колхозного руководства. Из этого следует, что партия должна не уменьшать, а умножать свои связи с колхозами, что она должна знать все происходящее в колхозах, чтобы во-время притти на помощь и предупредить грозящие колхозам опасности.

А что мы видим на деле? На деле мы видим оторванность целого ряда районных и областных организаций от жизни колхозов, от их запросов. Сидят люди в канцеляриях и самодовольно скрипят перьями, не замечая, что развитие колхозов идет мимо бюрократических канцелярий. В отдельных случаях оторванность от колхозов доходила до того, что некоторые члены краевых организаций узнавали о делах в колхозах у себя в крае не от соответствующих районных организаций, а от членов ЦК в Москве. Это печально, но это факт, товарищи. Переход от индивидуального хозяйства к колхозам должен был привести к усилению руководства коммунистов в деревне. А на деле в ряде случаев этот переход привел к тому, что коммунисты почили на лаврах, козыряя высоким процентом коллективизации, и предоставили дело самотеку, предоставили дело естественному ходу вещей. Проблема планового руководства колхозным хозяйством должна была привести к усилению руководства коммунистов в колхозах. А на деле в ряде случаев получилось то, что коммунисты оказались в нетях, а в колхозах заправляли бывшие белые офицеры, бывшие петлюровцы и вообще враги рабочих и крестьян.

Так обстоит дело со второй причиной недостатков нашей работы в деревне.

3) Третья причина недостатков нашей работы в деревне состоит в том, что многие наши товарищи переоценили колхозы, как новую форму хозяйства, переоценили и превратили их в икону.

Они решили, что коль скоро даны колхозы, как социалистическая форма хозяйства, — то этим уже дано все, этим уже обеспечены правильное ведение дела колхозов, правильное планирование колхозного хозяйства, превращение колхозов в образцовые социалистические хозяйства. Они не поняли, что колхозы в смысле своего организационного устройства все еще слабы и нуждаются в серьезной помощи со стороны партии, как в смысле снабжения их проверенными большевистскими кадрами, так и в смысле текущего руководства колхозными делами. Но это не все, и даже не главное. Главный недостаток состоит тут в том, что многие наши товарищи переоценили силы и возможности самих колхозов, как новой формы организации сельского хозяйства. Они не поняли того, что колхоз сам по себе, несмотря на то, что он является социалистической формой хозяйства, — далеко еще не гарантирован от всякого рода опасностей и проникновения в руководство колхозом всякого рода контр-революционных элементов, не гарантирован от того, что при известных условиях колхозы могут быть использованы антисоветскими элементами в своих целях.

Колхоз есть социалистическая форма *хозяйственной* организации так же, как советы являются социалистической формой *политической* организации. Как колхозы, так и советы являются величайшим завоеванием нашей революции, величайшим завоеванием рабочего класса. Но колхозы и советы представляют лишь *форму* организации, правда, социалистическую, но все же *форму* организации. Все зависит от того, какое *содержание* будет влито в эту форму. Мы знаем случаи, когда советы рабочих и солдатских депутатов поддерживали на известный период контр-революцию против революции. Так было дело у нас, в СССР, например, в июле 1917 г., когда советами руководили меньшевики и эс-эры и советы прикрывали контр-революцию против революции. Так было дело в Германии в конце 1918 года, когда советами руководили социал-демократы и когда они прикрывали контр-революцию против революции. Стало быть, дело не только в советах, как в форме организации, хотя сама эта форма представляет величайшее революционное завоевание. Дело, прежде всего, в содержании работы советов, дело в характере работы советов, дело в том, *кто* именно руководит советами, — революционеры или контр-революционеры. Этим, собственно, и объясняется тот факт, что контр-революционеры не всегда высказываются против советов. Известно, например, что глава русской контр-революции Милюков во время Кронштадтского восстания высказывался за советы, но без коммунистов. „Советы без коммунистов“ — вот каков был тогда лозунг главы русской контр-революции Милюкова. Контр-револю-

ционеры поняли, что дело не только в самих советах, но прежде всего в том, кто будет ими руководить.

То же самое надо сказать о колхозах. Колхозы, как социалистическая форма организации хозяйства, могут показать чудеса хозяйственного строительства, если во главе их стоят действительные революционеры, большевики, коммунисты. И наоборот — колхозы могут превратиться на известный период в прикрытие всякого рода контр-революционных деяний, если в колхозах будут заправлять эс-эры и меньшевики, петлюровские офицеры и прочие белогвардейцы, бывшие деникинцы и колчаковцы. При этом следует иметь в виду, что колхозы как форма организации не только не гарантированы от проникновения антисоветских элементов, но представляют даже на первое время некоторые удобства для временного использования их контр-революционерами. Пока крестьяне вели индивидуальное хозяйство, — они были разрознены и отделены друг от друга, ввиду чего контр-революционные поползновения антисоветских элементов в крестьянской среде не могли дать большого эффекта. Совершенно другая картина получается при переходе крестьян к колхозному хозяйству. Здесь крестьяне имеют уже в лице колхозов готовую форму массовой организации. Ввиду этого проникновение антисоветских элементов в колхозы и их антисоветская деятельность могут дать гораздо больший эффект. Надо полагать, что все это учитывают антисоветские элементы. Известно, что одна часть контр-революционеров, например, на Северном Кавказе, сама старается создавать нечто вроде колхозов, используя их как легальное прикрытие для своих подпольных организаций. Известно также, что антисоветские элементы в ряде районов, где они еще не разоблачены и не разгромлены, — охотно идут в колхозы, даже восхваляют колхозы для того, чтобы создать внутри колхозов гнезда контр-революционной работы. Известно также, что одна часть антисоветских элементов сама высказывается теперь за колхозы, но с тем, чтобы в колхозах не было коммунистов. „Колхозы без коммунистов“ — вот какой лозунг вынашивается теперь в среде антисоветских элементов. Стало быть, дело не только в самих колхозах, как социалистической форме организации, но прежде всего в том, какое содержание вливается в эту форму, — дело прежде всего в том, *кто* стоит во главе колхозов и *кто* руководит ими.

С точки зрения ленинизма колхозы, как и советы, взятые как форма организации, есть оружие, и только оружие. Это оружие можно при известных условиях направить против революции. Его можно направить против контр-революции. Оно может служить рабочему классу и крестьянству. Оно может служить при известных условиях врагам рабочего класса и крестьянства. Все

дело в том, в чьих руках находится это оружие и против кого оно будет направлено.

Это начинают понимать враги рабочих и крестьян, руководимые классовым инстинктом.

Этого еще не понимают, к сожалению, некоторые наши коммунисты.

И именно потому, что некоторые наши коммунисты не поняли этой простой вещи, — именно поэтому мы имеем теперь такую картину, что в ряде колхозов заправляют делами хорошо замаскированные антисоветские элементы, организуя там вредительство и саботаж.

4) Четвертая причина недостатков нашей работы в деревне состоит в неуменьи целого ряда наших товарищей на местах перестроить фронт борьбы с кулачеством, в непонимании того, что лицо классового врага изменилось за последнее время, изменилась тактика классового врага в деревне и что сообразно с этим надо изменить свою тактику, чтобы добиться успеха. Враг понял изменившуюся обстановку, понял силу и могущество нового строя в деревне и, поняв это, перестроился, изменил свою тактику, — перешел от прямой атаки против колхозов к работе тихой сапой. А мы этого не поняли, новой обстановки не разглядели и продолжаем искать классового врага там, где его нет уже, продолжаем вести старую тактику упрощенной борьбы с кулачеством, тогда как она, эта самая тактика, давно уже устарела.

Ищут классового врага вне колхозов, ищут его в виде людей с зверской физиономией, с громадными зубами, с толстой шеей, с обрезом в руках. Ищут кулака, каким мы его знаем из плакатов. Но таких кулаков давно уже нет на поверхности. Нынешние кулаки и подкулачники, нынешние антисоветские элементы в деревне — это большей частью люди „тихие“, „сладенькие“, почти „святые“. Их не нужно искать далеко от колхоза, они сидят в самом колхозе и занимают там должности кладовщиков, завхозов, счетоводов, секретарей и т. д. Они никогда не скажут — „долой колхозы“. Они „за“ колхозы. Но они ведут в колхозах такую саботажническую и вредительскую работу, что колхозам от них не поздоровится. Они никогда не скажут — „долой хлебозаготовки“. Они „за“ хлебозаготовки. Они „только“ пускаются в демагогию и требуют, чтобы колхоз образовал фонд для животноводства, втрое больший по размерам, чем это требуется для дела, чтобы колхоз образовал страховой фонд, втрое больший по размерам, чем это требуется для дела, чтобы колхоз выдавал на общественное питание от 6 до 10 фунтов хлеба в день на работника и т. д. Понятно, что после таких „фондов“ и выдач на общественное питание, после такой жульнической демагогии хозяйственная мощь колхоза должна быть подорвана, и для хлебозаготовок не остается места.

Чтобы разглядеть такого ловкого врага и не поддаться демагогии, нужно обладать революционной бдительностью, нужно обладать способностью сорвать маску с врага и показать колхозникам его действительное, контр-революционное лицо. Но много ли имеется у нас в деревне коммунистов, обладающих этими качествами? Коммунисты нередко не только не разоблачают таких классовых врагов, а наоборот, сами поддаются их жульнической демагогии и плетутся за ними в хвосте.

Не замечая классового врага в его новой маске и не умея разоблачить его мошеннические махинации, некоторые наши товарищи нередко успокаивают себя тем, что кулаков уже нет, якобы, на свете, что антисоветские элементы в деревне уже уничтожены в результате политики ликвидации кулачества как класса и что можно помириться ввиду этого с существованием „нейтральных“ колхозов, не являющихся ни большевистскими, ни антисоветскими, но которые сами, так сказать стихийным порядком, должны будут перейти на сторону Советской власти. Но это глубокое заблуждение, товарищи. Кулаки разбиты, но они далеко еще не добиты. Более того, — они не скоро еще будут добиты, если коммунисты будут зевать и благодушествовать, полагая, что кулаки сами сойдут в могилу в порядке так сказать стихийного своего развития. Что касается „нейтральных“ колхозов, то их нет вообще и не может быть в природе. „Нейтральные“ колхозы — это фантазия людей, которым даны глаза для того, чтобы ничего не видеть. При такой острой классовой борьбе, какая имеется у нас теперь в Советской стране, для „нейтральных“ колхозов не остается места, при такой обстановке колхозы могут быть *либо* большевистскими, *либо* антисоветскими. И если мы не руководим в тех или иных колхозах, то это значит, что ими руководят антисоветские элементы. В этом не может быть никакого сомнения.

5) Наконец, еще одна причина недостатков нашей работы в деревне. Состоит она, эта причина, в недооценке роли и ответственности коммунистов в деле колхозного строительства, в недооценке роли и ответственности коммунистов в деле хлебозаготовок. Говоря о трудностях хлебозаготовок, коммунисты обычно взваливают ответственность на крестьян, утверждая, что во всем виноваты крестьяне. Но это совершенно неверно и безусловно несправедливо. Крестьяне тут не при чем. Если речь идет об ответственности и виновности, то ответственность падает целиком и полностью на коммунистов, а виноваты здесь во всем — только мы, коммунисты.

В мире нет и не бывало такой могучей и авторитетной власти, как наша, Советская власть. В мире нет и не бывало такой могучей и авторитетной партии, как наша, коммунистическая партия. Никто

не мешает и не может помешать нам вести дело колхозов так, как требуют этого интересы колхозов, интересы государства. И если нам не всегда удается вести дело колхозов так, как требует этого ленинизм, если мы допускаем нередко ряд грубых, непростительных ошибок, скажем, по линии хлебозаготовок, то виноваты в этом мы, и только мы.

Мы виноваты в том, что не разглядели отрицательных сторон колхозной торговли хлебом и допустили ряд грубейших ошибок. *Мы* виноваты в том, что целый ряд наших организаций оторвался от колхозов, почил на лаврах и отдался стихии самотека. *Мы* виноваты в том, что целый ряд наших товарищей все еще переоценивает колхозы, как форму массовой организации, не понимая, что дело не столько в самой форме, сколько в том, чтобы самим взять на себя руководство колхозами и вышибить из руководства колхозами антисоветские элементы. *Мы* виноваты в том, что не разглядели новой обстановки и не уяснили себе новую тактику классового врага, действующего тихой сапой.

Спрашивается, при чем тут крестьяне?

Я знаю целые группы колхозов, которые развиваются и процветают, аккуратно выполняют задания государства и крепнут в хозяйственном отношении изо дня в день. С другой стороны, я знаю и такие колхозы, расположенные по соседству с предыдущими колхозами, которые, несмотря на одинаковый с ними урожай и одинаковые с ними объективные условия, — чахнут и разлагаются. В чем причина? Причина в том, что первой группой колхозов руководят настоящие коммунисты, а второй группой руководят шляпы, правда, с партийным билетом в кармане, но все же шляпы.

Спрашивается, при чем тут крестьяне?

Результатом недооценки роли и ответственности коммунистов является то, что нередко причину недостатков нашей работы в деревне ищут не там, где ее надлежит искать, и недостатки остаются ввиду этого неустраненными.

Не в крестьянах надо искать причину затруднений в хлебозаготовках, а в нас самих, в наших собственных рядах. Ибо *мы* стоим у власти, *мы* располагаем средствами государства, *мы* призваны руководить колхозами и *мы* должны нести всю полноту ответственности за работу в деревне.

Таковы главные причины, определившие недостатки нашей работы в деревне.

Можно подумать, что я нарисовал слишком мрачную картину, что у нас вся работа в деревне состоит из одних лишь недостатков. Но это, конечно, неверно. На самом деле наша работа в деревне имеет наряду с этими недостатками целый ряд серьезнейших и решающих достижений. Но я уже сказал в начале

своей речи, что в мои задачи не входит характеристика наших достижений, что я взялся говорить только о недостатках нашей работы в деревне.

Можно ли исправить эти недостатки? Да, безусловно можно. Исправим ли мы их в ближайшее время? Да, безусловно исправим. В этом не может быть никакого сомнения.

Я думаю, что политотделы МТС и совхозов являются одним из тех решающих средств, при помощи которых можно будет устранить эти недостатки в самый короткий срок. *(Бурные, долго не смолкающие аплодисменты.)*

РЕЧЬ НА ПЕРВОМ ВСЕСОЮЗНОМ СЪЕЗДЕ КОЛХОЗНИКОВ-УДАРНИКОВ

19 февраля 1933 г.

Товарищи колхозники и колхозницы! Я не думал выступать на вашем съезде. Не думал, так как в речах ораторов, выступавших до меня, сказано уже все, что нужно было сказать, — сказано хорошо и метко. Стоит ли после этого еще выступать? Но так как вы настаиваете, а сила в ваших руках *(продолжительные аплодисменты),* — я обязан подчиниться.

Скажу несколько слов по отдельным вопросам.

1

ПУТЬ КОЛХОЗОВ — ЕДИНСТВЕННО ПРАВИЛЬНЫЙ ПУТЬ

Первый вопрос — правилен ли тот путь, на который вступило колхозное крестьянство, правилен ли колхозный путь?

Вопрос этот не праздный. Вы, ударники колхозов, должно быть не сомневаетесь в том, что колхозы стоят на правильном пути. Возможно поэтому, что этот вопрос покажется вам излишним. Но не все крестьяне думают так, как вы. Среди крестьян имеется еще немало таких людей, в том числе среди колхозников, которые сомневаются в правильности колхозного пути. И в этом нет ничего удивительного. В самом деле, сотни лет жили люди по-старинке, шли по старому пути, гнули спину перед кулаком и помещиком, перед ростовщиком и спекулянтом. Нельзя сказать, что этот старый, капиталистический путь встречал одобрение со стороны крестьян. Но он, этот старый путь, был путь проторенный, привычный, и никто еще не доказал на деле, что можно жить как-нибудь по-иному, по-лучшему. Тем более, что во всех буржуазных странах все еще живут люди по-старинке... И вдруг, врываются в эту старую болотную жизнь большевики, врываются как буря и говорят: пора бросить старый путь, пора начать жить по-новому, по-колхозному, пора начать жить не так, как

живут все в буржуазных странах, а по-новому, по-артельному. А что это за новая жизнь, — кто ее знает. Как бы она не вышла хуже старой жизни. Во всяком случае новый путь — не привычный путь, не проторенный и не совсем еще изведанный. Не лучше ли остаться при старом пути? Не лучше ли подождать с переходом на новый, колхозный путь? Стоит ли рисковать?

Вот какие сомнения разбирают нынче одну часть трудового крестьянства.

Должны ли мы рассеять эти сомнения? Должны ли мы выставить их, эти самые сомнения, на свет божий и показать — чего они стоят? Ясно, что должны.

Стало быть, вопрос, поставленный выше, нельзя назвать праздным вопросом.

Итак, правилен ли тот путь, на который стало колхозное крестьянство?

Некоторые товарищи думают, что переход на новый путь, на путь колхозов начался у нас три года тому назад. Это верно лишь отчасти. Конечно, массовое строительство колхозов началось у нас три года тому назад. Переход этот ознаменовался, как известно, разгромом кулачества и движением миллионных масс бедноты и середняков в сторону колхозов. Все это верно. Но для того, чтобы начать этот массовый переход к колхозам, надо было иметь в руках некоторые предварительные условия, без чего, вообще говоря, немыслимо массовое колхозное движение. Надо было прежде всего иметь Советскую власть, которая помогала и продолжает помогать крестьянам стать на путь колхозов. Надо было, во-вторых, выгнать помещиков и капиталистов, отобрать у них заводы и земли и объявить их собственностью народа. Надо было, в-третьих, обуздать кулачество и отобрать у него машины и тракторы. Надо было, в-четвертых, объявить, что машинами и тракторами могут пользоваться лишь объединенные в колхозы бедняки и середняки. Надо было, наконец, индустриализовать страну, поставить новую тракторную промышленность, построить новые заводы сельскохозяйственного машиностроения для того, чтобы снабжать в изобилии тракторами и машинами колхозное крестьянство. Без этих предварительных условий нечего было думать о массовом переходе на путь колхозов, начатом три года тому назад.

Стало быть, для того, чтобы перейти на путь колхозов, надо было прежде всего проделать Октябрьскую революцию, свергнуть капиталистов и помещиков, отобрать у них землю и заводы и поставить новую промышленность.

С Октябрьской революции и начался переход на новый путь, на путь колхозов. Он развернулся с новой силой лишь года три

тому назад потому, что только к этому времени сказались во всей широте хозяйственные результаты Октябрьской революции, только к этому времени удалось двинуть вперед индустриализацию страны.

История народов знает немало революций. Они отличаются от Октябрьской революции тем, что все они были однобокими революциями. Сменялась одна форма эксплоатации трудящихся другой формой эксплоатации, но сама эксплоатация оставалась. Сменялись одни эксплоататоры и угнетатели другими эксплоататорами и угнетателями, но сами эксплоататоры и угнетатели оставались. Только Октябрьская революция поставила себе целью — уничтожить *всякую* эксплоатацию и ликвидировать *всех* и *всяких* эксплоататоров и угнетателей.

Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплоатации трудящихся. Но вместо них она поставила крепостников и крепостническую форму эксплоатации трудящихся. Одни эксплоататоры сменились другими эксплоататорами. При рабстве „закон“ разрешал рабовладельцам убивать рабов. При крепостных порядках „закон“ разрешал крепостникам „только“ продавать крепостных.

Революция крепостных крестьян ликвидировала крепостников и отменила крепостническую форму эксплоатации. Но она поставила вместо них капиталистов и помещиков, капиталистическую и помещичью форму эксплоатации трудящихся. Одни эксплоататоры сменились другими эксплоататорами. При крепостных порядках „закон“ разрешал продавать крепостных. При капиталистических порядках „закон“ разрешает „только“ обрекать трудящихся на безработицу и обнищание, на разорение и голодную смерть.

Только наша советская революция, только наша Октябрьская революция поставила вопрос так, чтобы не менять одних эксплоататоров на других, не менять одну форму эксплоатации на другую, — а искоренить всякую эксплоатацию, искоренить всех и всяких эксплоататоров, всех и всяких богатеев и угнетателей, и старых и новых. (*Продолжительные аплодисменты.*)

Вот почему Октябрьская революция является предварительным условием и необходимой предпосылкой для перехода крестьян на новый, колхозный путь.

Правильно ли поступили крестьяне, поддержав Октябрьскую революцию? Да, они поступили правильно. Они поступили правильно, так как Октябрьская революция помогла им смахнуть с плеч помещиков и капиталистов, ростовщиков и кулаков, купцов и спекулянтов.

Но это только одна сторона вопроса. Прогнать угнетателей, прогнать помещиков и капиталистов, обуздать кулаков и спе-

кулянтов, — это очень хорошо. Но этого мало. Для того, чтобы окончательно освободиться от старых пут, для этого недостаточно одного лишь разгрома эксплоататоров. Для этого нужно еще построить новую жизнь, построить такую жизнь, которая бы давала возможность трудящемуся крестьянину улучшать свое материальное и культурное положение и подниматься вверх изо дня в день, из года в год. Для этого надо поставить новый строй в деревне, колхозный строй. В этом другая сторона вопроса.

Чем отличается старый строй от нового, колхозного строя?

При старом строе крестьяне работали в одиночку, работали старыми дедовскими способами, старыми орудиями труда, работали на помещиков и капиталистов, на кулаков и спекулянтов, работали, живя впроголодь и обогащая других. При новом, колхозном строе крестьяне работают сообща, артельно, работают при помощи новых орудий — тракторов и сельхозмашин, работают на себя и на свои колхозы, живут без капиталистов и помещиков, без кулаков и спекулянтов, работают для того, чтобы изо дня в день улучшать свое материальное и культурное положение. Там, при старом строе, — правительство буржуазное и поддерживает оно богатеев против трудящихся крестьян. Здесь, при новом, колхозном строе, — правительство рабоче-крестьянское и поддерживает оно рабочих и крестьян против всех и всяких богатеев. Старый строй ведет к капитализму. Новый строй — к социализму.

Вот вам два пути, путь капиталистический и путь социалистический, путь вперед — к социализму и путь назад — к капитализму.

Есть люди, которые думают, что можно стать на какой-то третий путь. Особенно охотно хватаются за этот никому неведомый третий путь некоторые колеблющиеся товарищи, не вполне еще уверенные в правильности колхозного пути. Они хотят, чтобы мы вернулись к старому строю, вернулись к единоличному хозяйству, но без капиталистов и помещиков. Они хотят при этом, чтобы мы допустили „только" кулаков и прочих мелких капиталистов, как законное явление нашего хозяйственного строя. На самом деле это не третий путь, а второй, — путь к капитализму. Ибо, что значит вернуться к единоличному хозяйству и восстановить кулачество? Это значит восстановить кулацкую кабалу, восстановить эксплоатацию крестьянства кулачеством и дать кулаку власть. Но можно ли восстановить кулачество и сохранить вместе с тем Советскую власть? Нет, нельзя. Восстановление кулачества должно повести к созданию кулацкой власти и к ликвидации Советской власти, — стало быть, оно должно повести к образованию буржуазного правительства. А образование буржуазного правительства должно в свою очередь повести к восстановлению помещиков и капиталистов, к восстановлению капитализма. Так называемый

третий путь есть на самом деле путь второй, путь возврата к капитализму. Спросите-ка крестьян, — хотят ли они восстановить кулацкую кабалу, вернуться к капитализму, ликвидировать Советскую власть и восстановить власть помещиков и капиталистов? Спросите-ка их, и вы узнаете, какой путь считает большинство трудящихся крестьян единственно правильным путем.

Стало быть, есть только два пути: *либо* вперед, на гору — к новому, колхозному строю, *либо* назад, под гору — к старому, кулацко-капиталистическому строю.

Третьего пути нет.

Трудовое крестьянство поступило правильно, отвергнув путь капиталистический и став на путь колхозного строительства.

Говорят, что путь колхозов есть правильный путь, но он трудный. Это верно лишь отчасти. Конечно, трудности на этом пути имеются. Хорошая жизнь даром не дается. Но дело в том, что главные трудности уже пройдены, а те трудности, которые стоят перед вами, не стоят даже того, чтобы серьезно разговаривать о них. Во всяком случае в сравнении с теми трудностями, которые пережили рабочие лет 10—15 тому назад, ваши нынешние трудности, товарищи колхозники, кажутся детской игрушкой. Ваши ораторы выступали тут и хвалили рабочих Ленинграда, Москвы, Харькова, Донбасса. Они говорили, что у них, у рабочих, есть достижения, а у вас, у колхозников, гораздо меньше достижений. Мне кажется, что в речах ваших ораторов сквозила даже некоторая товарищеская зависть: дескать, как бы это было хорошо, если бы у нас, у крестьян-колхозников, были такие же достижения, как у вас, у рабочих Ленинграда, Москвы, Донбасса, Харькова... Все это хорошо. А вы знаете, чего стоили эти достижения рабочим Ленинграда и Москвы, какие лишения пережили они для того, чтобы добиться, наконец, этих достижений? Я мог бы вам рассказать некоторые факты из жизни рабочих в 1918 году, когда целыми неделями не выдавали рабочим ни куска хлеба, не говоря уже о мясе и прочих продуктах питания. Лучшими временами считались тогда те дни, когда удавалось выдавать рабочим Ленинграда и Москвы по восьмушке фунта черного хлеба и то наполовину со жмыхами. И это продолжалось не месяц и не полгода, а целых два года. Но рабочие терпели и не унывали, ибо они знали, что придут лучшие времена и они добьются решающих успехов. И что же, — вы видите, что рабочие не ошиблись. Сравните-ка ваши трудности и лишения с трудностями и лишениями, пережитыми рабочими, и вы увидите, что о них не стоит даже серьезно разговаривать.

Что требуется для того, чтобы двинуть дальше колхозное движение и развернуть во всю колхозное строительство?

Для этого требуется прежде всего, чтобы у колхозов имелась вполне обеспеченная и пригодная для обработки земля. Есть ли она у вас? Да, есть. Известно, что все лучшие земли переданы колхозам и закреплены за ними прочно. Стало быть, колхозники могут обрабатывать и улучшать эту землю вволю, не боясь, что она уйдет от них в чужие руки.

Для этого требуется, во-вторых, чтобы колхозники могли пользоваться тракторами и машинами. Есть ли они у вас? Да, есть. Всем известно, что наши тракторные заводы и заводы сельхозмашиностроения работают прежде всего и главным образом на колхозы, снабжая их всеми современными орудиями.

Для этого требуется, наконец, чтобы правительство поддерживало во всю колхозных крестьян и людьми и финансами и не давало последышам враждебных классов разлагать колхозы. Есть ли у вас такое правительство? Да, есть. Оно называется рабоче-крестьянским советским правительством. Назовите мне страну, где бы правительство поддерживало не капиталистов и помещиков, не кулаков и прочих богатеев, а трудящихся крестьян. На свете нет и не бывало такой страны. Только у нас, в советской стране, существует правительство, которое стоит горой за рабочих и крестьян-колхозников, за всех трудящихся города и деревни против всех богатеев и эксплоататоров. *(Продолжительные аплодисменты.)*

Стало быть, у вас есть все для того, чтобы развернуть колхозное строительство и добиться полного освобождения от старых пут.

От вас требуется только одно — трудиться честно, делить колхозные доходы по труду, беречь колхозное добро, беречь тракторы и машины, установить хороший уход за конем, выполнять задания вашего рабоче-крестьянского государства, укреплять колхозы и вышибать вон из колхозов пробравшихся туда кулаков и подкулачников.

Вы должно быть согласитесь со мной, что преодолеть эти трудности, т. е. работать честно и беречь колхозное добро, — не так уж трудно. Тем более, что работа идет теперь у вас не на богатеев и не на эксплоататоров, а на себя, на свои собственные колхозы.

Вы видите, что колхозный путь, путь социализма является единственно правильным путем для трудящихся крестьян.

2

НАША БЛИЖАЙШАЯ ЗАДАЧА — СДЕЛАТЬ ВСЕХ КОЛХОЗНИКОВ ЗАЖИТОЧНЫМИ

Второй вопрос — чего мы добились на новом пути, на нашем колхозном пути и чего мы думаем добиться в ближайшие 2—3 года.

Социализм — дело хорошее. Счастливая социалистическая жизнь — дело бесспорно хорошее. Но все это — дело будущего. Главный вопрос теперь не в том, чего мы добьемся в будущем. Главный вопрос в том, чего мы уже добились в настоящем. Крестьянство стало на колхозный путь. Это очень хорошо. Но чего оно добилось на этом пути? Чего мы добились осязательно, идя по колхозному пути?

Мы добились того, что помогли миллионным массам бедняков войти в колхозы. Мы добились того, что, войдя в колхозы и пользуясь там лучшей землей и лучшими орудиями производства, миллионные массы бедняков поднялись до уровня середняков. Мы добились того, что миллионные массы бедняков, жившие раньше впроголодь, стали теперь в колхозах середняками, стали людьми обеспеченными. Мы добились того, что подорвали расслоение крестьян на бедняков и кулаков, разбили кулаков и помогли беднякам стать хозяевами своего труда внутри колхозов, стать середняками.

Как обстояло дело до развертывания колхозного строительства, года 4 тому назад? Богатели и шли в гору кулаки. Нищали и разорялись бедняки, попадая в кабалу к кулакам. Карабкались вверх к кулакам середняки и каждый раз срывались вниз, пополняя ряды бедняков на потеху кулаков. Не трудно догадаться, что от всей этой кутерьмы выигрывали лишь кулаки, да может быть кое-кто из зажиточных. На каждые 100 дворов в деревне можно было насчитать 4—5 кулацких дворов, 8 или 10 дворов зажиточных, дворов 45—50 середняцких да дворов 35 бедняцких. Стало быть, самое меньшее — 35% всех крестьянских дворов составляли бедняки, вынужденные нести ярмо кулацкой кабалы. Я уже не говорю о маломощных слоях середняков, составлявших более половины середняцкого крестьянства, которые мало чем отличались по своему положению от бедняков и находились в прямой зависимости от кулаков.

Развернув колхозное строительство, мы добились того, что уничтожили эту кутерьму и несправедливость, разбили кулацкую кабалу, всю эту массу бедняков вовлекли в колхозы, дали им там обеспеченное существование и подняли их до уровня середняков, могущих пользоваться колхозной землей, льготами в пользу колхозов, тракторами, сельскохозяйственными машинами.

А что это значит? Это значит, что не менее 20 миллионов крестьянского населения, не менее 20 миллионов бедняков — спасли от нищеты и разорения, спасли от кулацкой кабалы и превратили благодаря колхозам в обеспеченных людей.

Это большое достижение, товарищи. Это такое достижение, какого не знал еще мир и какого не достигало еще ни одно государство в мире.

Вот вам практические, осязательные результаты колхозного строительства, результаты того, что крестьянство стало на путь колхозов.

Но это только *первый* наш шаг, *первое* наше достижение на пути колхозного строительства.

Было бы неправильно думать, что мы должны остановиться на этом первом шаге, на этом первом достижении. Нет, товарищи, мы не можем остановиться на этом достижении. Чтобы двинуться дальше и окончательно укрепить колхозы, мы должны сделать *второй* шаг, мы должны добиться *нового* достижения. В чем состоит этот второй шаг? Он состоит в том, чтобы поднять колхозников, — и бывших бедняков, и бывших середняков, — еще выше. Он состоит в том, чтобы *сделать всех колхозников зажиточными*. Да, товарищи, зажиточными. *(Продолжительные аплодисменты.)*

Мы добились того, что подняли благодаря колхозам бедняков до уровня середняков. Это очень хорошо. Но этого мало. Мы должны теперь добиться того, чтобы сделать еще один шаг вперед и помочь всем колхозникам, и бывшим беднякам, и бывшим середнякам, — подняться до уровня зажиточных. Этого можно добиться и этого мы должны добиться во что бы то ни стало. *(Продолжительные аплодисменты.)* У нас имеется теперь все для того, чтобы добиться этой нашей цели. Наши машины и тракторы используются теперь плохо. Земля наша обрабатывается неважно. Стоит только улучшить использование машин и тракторов, стоит только улучшить обработку земли — и мы добьемся того, что увеличим количество наших продуктов вдвое, втрое. А этого вполне достаточно для того, чтобы сделать всех колхозников зажиточными тружениками колхозных полей.

Раньше как обстояло дело насчет зажиточных? Для того, чтобы стать зажиточным, надо было обижать своих соседей, надо было поэксплоатировать их, продавать им дороже, покупать у них дешевле, нанять кое-кого из батраков, поэксплоатировать их порядочно, накопить капиталец и, укрепившись, — пролезть потом в кулаки. Этим, собственно, и объясняется, что зажиточные вызывали раньше при единоличном хозяйстве недоверие и ненависть бедняков и середняков. Теперь дело обстоит иначе. Теперь и условия другие. Для того, чтобы стать колхозникам зажиточными, теперь вовсе не требуется обижать или эксплоатировать своих соседей. Да и не легко теперь эксплоатировать кого-либо, так как частной собственности на землю или аренды нет у нас больше, машины и тракторы принадлежат государству, а люди, владеющие капиталом, не в моде теперь в колхозах. Была такая мода да сплыла она навеки. Чтобы стать колхозникам

зажиточными, для этого требуется теперь только одно — работать в колхозе честно, правильно использовать тракторы и машины, правильно использовать рабочий скот, правильно обрабатывать землю, беречь колхозную собственность.

Иногда говорят: ежели социализм, — зачем еще трудиться? Трудились раньше, трудимся теперь, — не пора ли перестать трудиться? Такие речи в корне неправильны, товарищи. Это философия лодырей, а не честных тружеников. Социализм вовсе не отрицает труд. Наоборот, социализм строится на труде. Социализм и труд неотделимы друг от друга. Ленин, наш великий учитель, говорил: „Кто не трудится, тот не ест". Что это значит, против кого направлены слова Ленина? Против эксплоататоров, против тех, которые сами не трудятся, а заставляют трудиться других и обогащаются за счет других. А еще против кого? Против тех, которые сами лодырничают и хотят за счет других поживиться. Социализм требует не лодырничанья, а того, чтобы все люди трудились честно, трудились не на других, не на богатеев и эксплоататоров, а на себя, на общество. И если мы будем трудиться честно, трудиться на себя, на свои колхозы, — то мы добьемся того, что в какие-нибудь 2—3 года поднимем всех колхозников, и бывших бедняков, и бывших середняков, до уровня зажиточных, до уровня людей, пользующихся обилием продуктов и ведущих вполне культурную жизнь.

В этом теперь наша ближайшая задача. Этого мы можем добиться и этого мы должны добиться во что бы то ни стало. *(Продолжительные аплодисменты.)*

3

ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

А теперь позвольте перейти к некоторым отдельным замечаниям.

Прежде всего о наших *партийцах* в деревне. Среди вас имеются партийные, но еще больше беспартийных. Это очень хорошо, что беспартийных собралось на съезд больше, чем партийных, потому что именно беспартийных нужно прежде всего привлекать к нашему делу. Есть коммунисты, которые подходят к беспартийным колхозникам по-большевистски. Но есть и такие, которые кичатся своей партийностью и не подпускают близко беспартийных. Это нехорошо и вредно. Сила большевиков, сила коммунистов состоит в том, что они умеют окружать нашу партию миллионами беспартийного актива. Мы, большевики, не имели бы тех успехов, которые имеем теперь, если бы не умели завоевать

на сторону партии доверие миллионов беспартийных рабочих и крестьян. А что для этого требуется? Для этого требуется, чтобы партийные не отгораживались от беспартийных, чтобы партийные не замыкались в свою партийную скорлупу, чтобы они не кичились своей партийностью, а прислушивались к голосу беспартийных, чтобы они не только учили беспартийных, но и учились у них.

Не следует забывать, что партийные не падают с неба. Следует помнить, что все партийные сами были когда-то беспартийными. Сегодня он беспартийный, а завтра станет партийным. Чем же, собственно, тут кичиться? Среди нас, старых большевиков, найдется немало людей, которые работают в партии лет 20—30. А ведь мы сами были когда-то тоже беспартийными. Что было бы с нами, если бы лет 20—30 тому назад стали помыкать нами тогдашние партийцы и не стали бы подпускать к партии? Возможно, что мы были бы тогда отдалены от партии на ряд лет. А ведь мы, старые большевики, — не последние люди, товарищи. *(Веселое оживление, продолжительные аплодисменты.)*

Вот почему наши партийцы, нынешние молодые партийцы, которые иногда задирают нос перед беспартийными, должны помнить все это, должны помнить, что не кичливость, а скромность украшает большевика.

Теперь несколько слов *о женщинах, о колхозницах.* Женский вопрос в колхозах — большой вопрос, товарищи. Я знаю, что многие из вас недооценивают женщин и даже посмеиваются над ними. Но это ошибка, товарищи, серьезная ошибка. Дело тут не только в том, что женщины составляют половину населения. Дело прежде всего в том, что колхозное движение выдвинуло на руководящие должности целый ряд замечательных и способных женщин. Посмотрите на съезд, на его состав, — и вы увидите, что женщины давно уже продвинулись из отсталых в передовые. Женщины в колхозах — большая сила. Держать эту силу под спудом, значит допустить преступление. Наша обязанность состоит в том, чтобы выдвигать вперед женщин в колхозах и пустить эту силу в дело.

Конечно, у Советской власти было в недавнем прошлом маленькое недоразумение с колхозницами. Дело шло о корове. Но теперь дело с коровой устроено, и недоразумение отпало. *(Продолжительные аплодисменты.)* Мы добились того, что у большинства колхозников уже имеется по корове на двор. Пройдет еще год — два, — и вы не найдете ни одного колхозника, у которого не было бы своей коровы. Уж мы, большевики, постараемся, чтобы все колхозники имели у нас по корове. *(Продолжительные аплодисменты.)*

Что касается самих колхозниц, то они должны помнить о силе и значении колхозов для женщин, должны помнить, что только в колхозе имеют они возможность стать на равную ногу с мужчиной. Без колхозов — неравенство, в колхозах — равенство прав. Пусть помнят об этом товарищи колхозницы и пусть они берегут колхозный строй, как зеницу ока. *(Продолжительные аплодисменты.)*

Два слова о *комсомольцах и комсомолках* в колхозах. Молодежь — наша будущность, наша надежда, товарищи. Молодежь должна сменить нас, стариков. Она должна донести наше знамя до победного конца. Среди крестьян имеется немало стариков, отягощенных старым грузом, отягощенных привычками и воспоминаниями о старой жизни. Понятно, что им не всегда удается поспевать за партией, за Советской властью. Не то наша молодежь. Она свободна от старого груза и она легче всего усваивает ленинские заветы. И именно потому, что молодежь легче всего усваивает ленинские заветы, именно поэтому она призвана вести вперед отстающих и колеблющихся. Правда, у нее нехватает знаний. Но знания — дело наживное. Сегодня их нет, завтра они будут. Поэтому задача состоит в том, чтобы учиться и еще раз учиться ленинизму. Товарищи комсомольцы и комсомолки! Учитесь большевизму и ведите вперед колеблющихся! Болтайте поменьше, работайте побольше — и дело у вас выйдет наверняка. *(Аплодисменты.)*

Несколько слов об *единоличниках.* Об единоличниках здесь мало говорили. Но это еще не значит, что их нет больше на свете. Нет, не значит. Единоличники есть и их нельзя сбрасывать со счета, потому что они являются нашими завтрашними колхозниками. Я знаю, что одна часть единоличников развратилась окончательно и ушла в спекуляцию. Этим, должно быть, объясняется, что наши колхозники принимают единоличников в состав колхозов с большим разбором, а иногда и вовсе не принимают их. Это, конечно, правильно и возражений тут не может быть. Но есть другая, бо̀льшая часть единоличников, которая в спекуляцию не ушла, а добывает свой хлеб честным трудом. Эти единоличники может быть не прочь были бы войти в колхоз. Но им мешают, с одной стороны, их колебания насчет правильности колхозного пути, а с другой — то ожесточение, которое имеется теперь среди колхозников против единоличников.

Конечно, надо понять колхозников и войти в их положение. За эти годы они натерпелись немало обид и насмешек со стороны единоличников. Но обиды и насмешки не должны иметь тут решающего значения. Плох тот руководитель, который не умеет забывать обид и который свои чувства ставит выше интересов

колхозного дела. Если вы хотите быть руководителями, вы должны уметь забывать об обидах, нанесенных вам отдельными единоличниками. Два года тому назад я получил письмо с Волги от одной крестьянки-вдовы. Она жаловалась, что ее не хотят принять в колхоз, и требовала от меня поддержки. Я запросил колхоз. Из колхоза мне ответили, что они не могут ее принять в колхоз, так как она оскорбила колхозное собрание. В чем же дело? Да в том, что на собрании крестьян, где колхозники призывали единоличников вступить в колхоз, эта самая вдова в ответ на призыв подняла, оказывается, подол и сказала — нате, получайте колхоз. *(Веселое оживление, смех.)* Несомненно, что она поступила неправильно и оскорбила собрание. Но можно ли отказывать ей в приеме в колхоз, если она через год искренно раскаялась и признала свою ошибку? Я думаю, что нельзя ей отказывать. Я так и написал колхозу. Вдову приняли в колхоз. И что же? Оказалось, что она работает теперь в колхозе не в последних, а в первых рядах. *(Аплодисменты.)*

Вот вам еще один пример, говорящий о том, что руководители, если они хотят остаться действительными руководителями, должны уметь забывать об обидах, если этого требуют интересы дела.

То же самое надо сказать об единоличниках вообще. Я не против того, чтобы принимали в колхозы с разбором. Но я против того, чтобы закрывали путь в колхозы всем единоличникам, без разбора. Это не наша, не большевистская политика. Колхозники не должны забывать, что они сами были недавно единоличниками.

Наконец, несколько слов *о письме безенчукских колхозников.* Письмо это было напечатано, и вы его должно быть читали. Письмо бесспорно хорошее. Оно свидетельствует о том, что среди наших колхозников имеется немало опытных и сознательных организаторов и агитаторов колхозного дела, представляющих гордость нашей страны. Но в письме имеется одно неправильное место, с которым никак нельзя согласиться. Дело в том, что безенчукские товарищи изображают свой труд в колхозе трудом скромным и почти что незначительным, а труд ораторов и вождей, говорящих иногда трехаршинные речи, — трудом великим и творческим. Можно ли с этим согласиться? Нет, товарищи, никак нельзя с этим согласиться. Безенчукские товарищи допустили тут ошибку. Возможно, что они допустили эту ошибку из скромности. Но от этого ошибка не перестает быть ошибкой. Прошли те времена, когда вожди считались единственными творцами истории, а рабочие и крестьяне не принимались в расчет. Судьбы народов и государств решаются теперь не только вождями, но прежде всего и главным образом миллионными массами

трудящихся. Рабочие и крестьяне, без шума и треска строящие заводы и фабрики, шахты и железные дороги, колхозы и совхозы, создающие все блага жизни, кормящие и одевающие весь мир, — вот кто настоящие герои и творцы новой жизни. Об этом, видимо, забыли наши безенчукские товарищи. Нехорошо, когда люди переоценивают свои силы и начинают кичиться своими заслугами. Это ведет к хвастовству, а хвастовство дело нехорошее. Но еще хуже, когда люди начинают недооценивать свои силы и не видят, что их „скромный“ и „незаметный“ труд является на самом деле трудом великим и творческим, решающим судьбы истории.

Я хотел бы, чтобы безенчукские товарищи одобрили эту мою маленькую поправку к их письму.

Давайте кончим на этом, товарищи.

(Долго не смолкающие аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают и приветствуют тов. Сталина. Крики „ура“. Из зала несутся возгласы: „Да здравствует тов. Сталин, ура! Да здравствует передовой колхозник! Да здравствует наш вождь тов. Сталин!“)

ОТЧЕТНЫЙ ДОКЛАД XVII СЪЕЗДУ ПАРТИИ О РАБОТЕ ЦК ВКП(б)

26 января 1934 г.

I

ПРОДОЛЖАЮЩИЙСЯ КРИЗИС МИРОВОГО КАПИТАЛИЗМА И ВНЕШНЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Товарищи! Со времени XVI съезда прошло более трех лет. Период не очень большой. Но он более, чем какой-либо другой период, насыщен содержанием. Я думаю, что ни один из периодов последнего десятилетия не был так богат событиями, как этот период.

В области *экономической* эти годы были годами продолжающегося мирового экономического кризиса. Кризис охватил не только промышленность, но и сельское хозяйство в целом. Кризис бушевал не только в сфере производства и торговли. Он перенесся также в сферу кредита и денежного обращения, перевернув вверх дном установившиеся между странами кредитные и валютные отношения. Если раньше еще спорили кое-где — есть мировой экономический кризис, или нет его, то теперь уже не спорят об этом, ибо слишком ясны наличие кризиса и его опустошительные действия. Теперь спорят уже о другом — можно ли выйти из кризиса или нет выхода, а если есть выход, — то каким образом осуществить его.

В области *политической* эти годы были годами дальнейшего обострения отношений как между капиталистическими странами, так и внутри этих стран. Война Японии с Китаем и оккупация Манчжурии, обострившие отношения на Дальнем Востоке; победа фашизма в Германии и торжество идеи реванша, обострившие отношения в Европе; выход Японии и Германии из Лиги наций, давший новый толчок росту вооружений и подготовке к империалистской войне; поражение фашизма в Испании, лишний раз указывающее на то, что революционный кризис назревает и фа-

шизм далеко не долговечен, — таковы важнейшие факты отчетного периода. Не удивительно, что буржуазный пацифизм дышит на ладан, а разоружительные тенденции открыто и прямо сменяются тенденциями вооружения и довооружения.

Среди этих бушующих волн экономических потрясений и военно-политических катастроф СССР стоит отдельно, как утес, продолжая свое дело социалистического строительства и борьбы за сохранение мира. Если там, в капиталистических странах, все еще бушует экономический кризис, то в СССР продолжается подъем как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства. Если там, в капиталистических странах, идет лихорадочная подготовка к новой войне для нового передела мира и сфер влияния, то СССР продолжает систематическую упорную борьбу против угрозы войны и за мир, причем нельзя сказать, чтобы усилия СССР в этой области не имели никакого успеха.

Такова общая картина международного положения в данный момент.

Перейдем к рассмотрению основных данных об экономическом и политическом положении капиталистических стран.

1. ДВИЖЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА В КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

Нынешний экономический кризис в капиталистических странах отличается от всех аналогичных кризисов между прочим тем, что он является наиболее продолжительным и затяжным. Если раньше кризисы исчерпывались в 1—2 года, то нынешний кризис продолжается вот уже пятый год, опустошая год за годом хозяйство капиталистических стран и высасывая из него жир, накопленный в предыдущие годы. Не удивительно, что этот кризис является наиболее тяжелым из всех кризисов.

Чем объяснить этот небывало затяжной характер современного промышленного кризиса?

Объясняется это прежде всего тем, что промышленный кризис захватил все без исключения капиталистические страны, затруднив маневрирование одних стран за счет других.

Объясняется это, во-вторых, тем, что кризис промышленный переплелся с кризисом аграрным, охватившим все без исключения аграрные и полуаграрные страны, что не могло не осложнить и углубить кризис промышленный.

Объясняется это, в-третьих, тем, что аграрный кризис усилился за это время и охватил все отрасли сельского хозяйства, в том числе животноводство, доведя его до деградации, до перехода от машин к ручному труду, до замены трактора лошадью, до резкого сокращения, а иногда и полного отказа от применения

искусственных удобрений, что еще больше затянуло промышленный кризис.

Объясняется это, в-четвертых, тем, что господствующие в промышленности монопольные картели стараются сохранить высокие цены на товары, — обстоятельство, делающее кризис особенно болезненным и мешающее рассасыванию товарных запасов.

Объясняется это, наконец, — и это главное — тем, что промышленный кризис разыгрался в условиях *общего* кризиса капитализма, когда капитализм не имеет уже и не может иметь ни в основных государствах, ни в колониях и зависимых странах той силы и прочности, какие он имел до войны и Октябрьской революции, когда промышленность капиталистических стран получила в наследство от империалистской войны хроническую недогрузку предприятий и миллионные армии безработных, от которых она не в силах больше освободиться.

Таковы обстоятельства, определившие глубоко затяжной характер нынешнего промышленного кризиса.

Этими же обстоятельствами объясняется и тот факт, что кризис не ограничился сферой производства и торговли и захватил также кредитную систему, валюту, сферу долговых обязательств и т. д., разбив традиционно установившиеся отношения как между отдельными странами, так и между социальными группами в отдельных странах.

Большую роль сыграло здесь падение цен на товары. Несмотря на сопротивление монопольных картелей, падение цен росло со стихийной силой, причем падали цены прежде всего и больше всего на товары неорганизованных товаровладельцев, — крестьян, ремесленников, мелких капиталистов, и лишь постепенно и в меньшей степени товаровладельцев организованных, — объединенных в картели капиталистов. Падение цен сделало положение должников (промышленники, ремесленники, крестьяне и т. п.) невыносимым и, наоборот, положение кредиторов — неслыханно привилегированным. Такое положение должно было привести и действительно привело к колоссальному банкротству фирм и отдельных предпринимателей. В продолжение последних 3 лет на этой почве погибли десятки тысяч акционерных обществ в САСШ, в Германии, в Англии, во Франции. За банкротствами акционерных обществ пошло обесценение валют, несколько облегчившее положение должников. За обесценением валют — легализованная государством неуплата долгов как внешних, так и внутренних. Крах таких банков, как Дармштадтский и Дрезденский банки в Германии, Кредит-Анштальт в Австрии, и таких концернов, как концерн Крейгера в Швеции, Инсул-Концерн в САСШ и т. д. — всем известен.

Понятно, что за этими явлениями, расшатавшими основы кредитной системы, должны были последовать и действительно последовали прекращение платежей по кредитам и иностранным займам, прекращение платежей по межсоюзническим долгам, прекращение экспорта капитала, новое сокращение внешней торговли, новое сокращение экспорта товаров, усиление борьбы за внешние рынки, торговая война между странами и — демпинг. Да, товарищи, демпинг. Я говорю не о советском мнимом демпинге, о котором еще совсем недавно до хрипоты кричали некоторые благородные депутаты благородных парламентов Европы и Америки. Я говорю о действительном демпинге, практикуемом теперь почти всеми „цивилизованными" государствами, о чем благоразумно хранят молчание эти храбрые и благородные депутаты.

Понятно также, что эти сопутствующие промышленному кризису разрушительные явления, разыгравшиеся вне сферы производства, не могли в свою очередь не повлиять на ход промышленного кризиса в смысле его усугубления и усложнения.

Такова общая картина движения промышленного кризиса.

Вот некоторые цифры из официальных материалов, иллюстрирующие движение промышленного кризиса за отчетный период.

Объем промышленной продукции в процентах к 1929 году:

	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
СССР	100,0	129,7	161,9	184,7	201,6
САСШ	100,0	80,7	68,1	53,8	64,9
Англия	100,0	92,4	83,8	83,8	86,1
Германия	100,0	88,3	71,7	59,8	66,8
Франция	100,0	100,7	89,2	69,1	77,4

Эта таблица, как видите, сама говорит за себя.

В то время как промышленность основных капиталистических стран падала из года в год в сравнении с уровнем 1929 года и лишь в 1933 году стала немного оправляться, далеко еще не достигнув, однако, уровня 1929 года, промышленность СССР росла из года в год, переживая процесс непрерывного подъема.

В то время как промышленность основных капиталистических стран показывает в среднем *сокращение* объема своей продукции к концу 1933 года в сравнении с уровнем 1929 года на 25% и больше, промышленность СССР *выросла* за это время больше чем вдвое, т. е. больше чем на 100%. *(Аплодисменты.)*

Может показаться, судя по этой таблице, что из 4 капиталистических стран Англия находится в наиболее благоприятном поло-

жении. Но это не совсем верно. Если взять промышленность этих стран и сравнить ее с довоенным уровнем, то картина получается несколько иная.

Вот соответствующая таблица.

Объем промышленной продукции в процентах к довоенному уровню:

	1913 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
СССР	100	194,3	252,1	314,7	359,0	391,9
САСШ	100	170,2	137,3	115,9	91,4	110,2
Англия	100	99,1	91,5	83,0	82,5	85,2
Германия	100	113,0	99,8	81,0	67,6	75,4
Франция	100	139,0	140,0	124,0	96,1	107,6

Как видите, промышленность Англии и Германии все еще не достигла довоенного уровня, тогда как САСШ и Франция превысили его на несколько процентов, а СССР поднял — увеличил свою промышленную продукцию за этот период в сравнении с довоенным уровнем более чем на 290%. *(Аплодисменты.)*

Но из этих таблиц следует еще один вывод.

В то время как промышленность основных капиталистических стран все время падала, начиная с 1930 года и особенно с 1931 года, дойдя в 1932 году до точки наибольшего упадка, — в 1933 году она стала несколько оправляться и подыматься. Если взять месячные данные по 1932 и 1933 годам, то они еще больше подтверждают этот вывод, ибо они говорят о том, что промышленность этих стран, несмотря на колебания ее продукции в продолжение 1933 года, не обнаружила тенденции довести колебания вниз до уровня наибольшего упадка, имевшего место летом 1932 года.

Что это значит?

Это значит, что промышленность основных капиталистических стран, повидимому, уже прошла точку наибольшего упадка, к которой она больше не возвращалась в течение 1933 года.

Некоторые склонны приписать это явление влиянию исключительно искусственных факторов вроде военно-инфляционной конъюнктуры. Не может быть сомнения, что военно-инфляционная конъюнктура играет здесь не малую роль. Это особенно верно в отношении Японии, где этот искусственный фактор является главной и решающей силой некоторого оживления некоторых, главным образом, военных отраслей промышленности. Но было бы грубой ошибкой объяснять все военно-инфляционной конъ-

юнктурой. Такое объяснение неправильно хотя бы потому, что охарактеризованные мною некоторые сдвиги в промышленности наблюдаются не в отдельных и случайных районах, а во всех или почти во всех промышленных странах, в том числе в странах с твердой валютой. Очевидно, что наряду с военно-инфляционной конъюнктурой здесь имеет место также действие внутренних экономических сил капитализма.

Капитализму удалось несколько облегчить положение промышленности *за счет рабочих* — путем углубления их эксплоатации через усиление интенсивности их труда, *за счет фермеров* — путем проведения политики наиболее низких цен на продукты их труда, на продовольствие и отчасти на сырье, *за счет крестьян колоний и экономически слабых стран* — путем еще большего снижения цен на продукты их труда, главным образом, на сырье и затем на продовольствие.

Значит ли это, что мы имеем дело с переходом от кризиса к обычной депрессии, влекущей за собой новый подъем и расцвет промышленности? Нет, не значит. Во всяком случае в настоящее время не существует таких данных, прямых или косвенных, которые бы говорили о наступающем подъеме промышленности в капиталистических странах. Более того, — судя по всему, таких данных и не может быть, по крайней мере в ближайшее время. Не может быть, так как продолжают действовать все те неблагоприятные условия, которые не дают промышленности капиталистических стран подняться сколько-нибудь серьезно вверх. Речь идет о продолжающемся *общем* кризисе капитализма, в обстановке которого протекает *экономический* кризис, о хронической недогрузке предприятий, о хронической массовой безработице, о переплетении промышленного кризиса с сельскохозяйственным кризисом, об отсутствии тенденции к сколько-нибудь серьезному обновлению основного капитала, предвещающему обычно наступление подъема, и т. д. и т. п.

Очевидно, что мы имеем дело с переходом от точки наибольшего упадка промышленности, от точки наибольшей глубины промышленного кризиса — к депрессии, но к депрессии не обычной, а к депрессии особого рода, которая не ведет к новому подъему и расцвету промышленности, но и не возвращает ее к точке наибольшего упадка.

2. ОБОСТРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

Результатом затяжного экономического кризиса явилось небывалое доселе обострение политического положения капиталистических стран как внутри этих стран, так и между ними.

Усиление борьбы за внешние рынки, уничтожение последних остатков свободной торговли, запретительные таможенные пошлины, торговая война, война валют, демпинг и многие другие аналогичные мероприятия, демонстрирующие крайний *национализм* в экономической политике, обострили до крайности отношения между странами, создали почву для военных столкновений и поставили на очередь войну, как средство нового передела мира и сфер влияния в пользу более сильных государств.

Война Японии с Китаем, оккупация Манчжурии, выход Японии из Лиги наций и продвижение в Северный Китай — еще больше обострили положение. Усиление борьбы за Великий океан и рост военно-морских вооружений в Японии, САСШ, Англии, Франции представляют результат этого обострения.

Выход Германии из Лиги наций и призрак реванша дали новый толчок к обострению положения и росту вооружений в Европе.

Не удивительно, что буржуазный пацифизм влачит теперь жалкое существование, а болтовня о разоружении сменяется „деловыми" разговорами о вооружении и довооружении.

Опять, как и в 1914 году, на первый план выдвигаются партии воинствующего империализма, партии войны и реванша.

Дело явным образом идет к новой войне.

Еще больше обостряется, ввиду действия тех же факторов, внутреннее положение капиталистических стран. Четыре года промышленного кризиса истощили и довели до отчаяния рабочий класс. Четыре года сельскохозяйственного кризиса разорили вконец неимущие слои крестьянства не только в основных капиталистических странах, но и — особенно — в зависимых и колониальных странах. Это факт, что, несмотря на всякие статистические ухищрения, имеющие своей целью преуменьшение числа безработных, количество безработных по официальным данным буржуазных учреждений доходит в Англии до 3 млн., в Германии до 5 млн., в САСШ до 10 млн., не говоря уже о других странах Европы. Добавьте к этому частично безработных, количество которых превышает десяток миллионов, добавьте миллионные массы разорившихся крестьян, — и вы получите приблизительную картину нужды и отчаяния трудящихся масс. Народные массы не дошли еще до того, чтобы пойти на штурм капитализма, но что идея штурма зреет в сознании масс, — в этом едва ли может быть сомнение. Об этом красноречиво говорят хотя бы такие факты, как испанская революция, свергнувшая режим фашизма, и рост советских районов в Китае, который не в силах приостановить соединенная контр-революция китайской и иностранной буржуазии.

Этим, собственно, и объясняется тот факт, что господствующие классы капиталистических стран старательно уничтожают или сво-

дят на-нет последние остатки парламентаризма и буржуазной демократии, которые могут быть использованы рабочим классом в его борьбе против угнетателей, загоняют в подполье коммунистические партии и переходят к открыто террористическим методам сохранения своей диктатуры.

Шовинизм и подготовка войны, как основные элементы внешней политики, обуздание рабочего класса и террор в области внутренней политики, как необходимое средство для укрепления тыла будущих военных фронтов, — вот что особенно занимает теперь современных империалистских политиков.

Не удивительно, что фашизм стал теперь наиболее модным товаром среди воинствующих буржуазных политиков. Я говорю не только о фашизме вообще, но прежде всего о фашизме германского типа, который неправильно называется национал-социализмом, ибо при самом тщательном рассмотрении невозможно обнаружить в нем даже атома социализма.

В этой связи победу фашизма в Германии нужно рассматривать не только как признак слабости рабочего класса и результат измен социал-демократии рабочему классу, расчистившей дорогу фашизму. Ее надо рассматривать также, как признак слабости буржуазии, как признак того, что буржуазия уже не в силах властвовать старыми методами парламентаризма и буржуазной демократии, ввиду чего она вынуждена прибегнуть во внутренней политике к террористическим методам управления, — как признак того, что она не в силах больше найти выход из нынешнего положения на базе мирной внешней политики, ввиду чего она вынуждена прибегнуть к политике войны.

Таково положение.

Как видите, дело идет к новой империалистской войне, как к выходу из нынешнего положения.

Конечно, нет оснований предполагать, что война может дать действительный выход. Наоборот, она должна еще больше запутать положение. Более того, она наверняка развяжет революцию и поставит под вопрос само существование капитализма в ряде стран, как это имело место в ходе первой империалистской войны. И если, несмотря на опыт первой империалистской войны, буржуазные политики все же хватаются за войну, как утопающий за соломинку, то это значит, что они окончательно запутались, попали в тупик и готовы лететь стремглав в пропасть.

Не мешает поэтому рассмотреть коротко те планы организации войны, которые вынашиваются теперь в кругах буржуазных политиков.

Одни думают, что войну надо организовать против одной из великих держав. Они думают нанести ей уничтожающее пора-

жение и поправить свои дела за ее счет. Допустим, что они организовали такую войну. Что из этого может получиться? Как известно, во время первой империалистской войны тоже хотели уничтожить одну из великих держав — Германию и поживиться за ее счет. А что из этого вышло? Германию они не уничтожили, но посеяли в Германии такую ненависть к победителям и создали такую богатую почву для реванша, что до сих пор еще не могут, да, пожалуй, не скоро еще смогут расхлебать ту отвратительную кашу, которую сами же заварили. Но зато они получили разгром капитализма в России, победу пролетарской революции в России и — ясное дело — Советский Союз. Где гарантия, что вторая империалистская война даст им „лучшие" результаты, чем первая? Не вернее ли будет предположить обратное?

Другие думают, что войну надо организовать против одной из слабых в военном отношении, но обширных в смысле рынка стран, например — против Китая, который, оказывается, нельзя назвать к тому же государством в собственном смысле слова, а представляет лишь „неорганизованную территорию", нуждающуюся в том, чтобы ее захватили сильные государства. Они хотят, очевидно, окончательно его поделить и поправить свои дела за его счет. Допустим, что они организовали такую войну. Что из этого может получиться? Известно, что в начале XIX века точно так же смотрели на Италию и Германию, как смотрят теперь на Китай, т. е. считали их „неорганизованными территориями", а не государствами, и порабощали их. А что из этого получилось? Из этого получились, как известно, война Германии и Италии за независимость и объединение этих стран в самостоятельные государства. Из этого получилось усиление ненависти к поработителям в сердцах народов этих стран, результаты которой до сих пор еще не ликвидированы и, пожалуй, не скоро еще будут ликвидированы. Спрашивается: где гарантия, что то же самое не получится в результате войны империалистов против Китая?

Третьи думают, что войну должна организовать „высшая раса", скажем, германская „раса", против „низшей расы", прежде всего — против славян, что только такая война может дать выход из положения, так как „высшая раса" призвана оплодотворять „низшую" и властвовать над ней. Допустим, что эту странную теорию, которая так же далека от науки, как небо от земли, — допустим, что эту странную теорию перевели на практику. Что из этого может получиться? Известно, что старый Рим точно так же смотрел на предков нынешних германцев и французов, как смотрят теперь представители „высшей расы" на славянские племена. Известно, что старый Рим третировал их „низшей расой",

„варварами“, призванными быть в вечном подчинении „высшей расе“, „великому Риму“, причем, — между нами будь сказано, — старый Рим имел для этого некоторое основание, чего нельзя сказать о представителях нынешней „высшей расы“. *(Гром аплодисментов.)* А что из этого вышло? Вышло то, что не-римляне, т. е. все „варвары“, объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим. Спрашивается: где гарантия, что претензии представителей нынешней „высшей расы“ не приведут к тем же плачевным результатам? Где гарантия, что фашистско-литературным политикам в Берлине посчастливится больше, чем старым и испытанным завоевателям в Риме? Не вернее ли будет предположить обратное?

Наконец, четвертые думают, что войну надо организовать против СССР. Они думают разбить СССР, поделить его территорию и поживиться за его счет. Ошибочно было бы полагать, что так думают только некоторые военные круги в Японии. Нам известно, что такие же планы вынашиваются в кругах политических руководителей некоторых государств Европы. Допустим, что эти господа перешли от слов к делу. Что из этого может получиться? Едва ли можно сомневаться, что эта война будет самой опасной для буржуазии войной. Она будет самой опасной не только потому, что народы СССР будут драться на смерть за завоевания революции. Она будет самой опасной для буржуазии еще потому, что война будет происходить не только на фронтах, но и в тылу у противника. Буржуазия может не сомневаться, что многочисленные друзья рабочего класса СССР в Европе и Азии постараются ударить в тыл своим угнетателям, которые затеяли преступную войну против отечества рабочего класса всех стран. И пусть не пеняют на нас господа буржуа, если они на другой день после такой войны не досчитаются некоторых близких им правительств, ныне благополучно царствующих „милостью божией“. *(Гром аплодисментов.)* Одна такая война против СССР уже была, если вспомните, 15 лет тому назад. Как известно, всеми уважаемый Черчилль облек тогда эту войну в поэтическую формулу — „нашествие 14 государств“. Вы помните, конечно, что эта война сплотила всех трудящихся нашей страны в единый лагерь самоотверженных бойцов, грудью защищавших свою рабоче-крестьянскую родину от внешних врагов. Вы знаете, чем она кончилась. Она кончилась изгнанием интервентов из нашей страны и созданием революционных „Комитетов действия“ в Европе. Едва ли можно сомневаться, что вторая война против СССР приведет к полному поражению нападающих, к революции в ряде стран Европы и Азии и разгрому буржуазно-помещичьих правительств этих стран.

Таковы военные планы запутавшихся буржуазных политиков.

Как видите, они не блещут ни умом, ни доблестью. *(Аплодисменты.)*

Но если буржуазия избирает путь войны, то рабочий класс капиталистических стран, доведенный до отчаяния 4-летним кризисом и безработицей, становится на путь революции. Это значит, что зреет и будет назревать революционный кризис. И революционный кризис будет нарастать тем скорее, чем больше будет запутываться буржуазия в своих военных комбинациях, чем чаще будет она прибегать к террористическим методам борьбы против рабочего класса и трудящихся крестьян.

Некоторые товарищи думают, что коль скоро имеется революционный кризис, буржуазия должна попасть в безвыходное положение, что ее конец, стало быть, уже предопределен, что победа революции тем самым уже обеспечена и что им остается только ждать падения буржуазии и писать победные резолюции. Это глубокая ошибка. Победа революции никогда не приходит сама. Ее надо подготовить и завоевать. А подготовить и завоевать ее может только сильная пролетарская революционная партия. Бывают моменты, когда положение — революционное, власть буржуазии шатается до самого основания, а победа революции все же не приходит, так как нет налицо революционной партии пролетариата, достаточно сильной и авторитетной для того, чтобы повести за собой массы и взять власть в свои руки. Было бы неразумно думать, что подобные „случаи“ не могут иметь места.

Не мешало бы в связи с этим вспомнить вещие слова Ленина о революционном кризисе, сказанные им на II конгрессе Коминтерна:

„Мы подошли теперь к вопросу о революционном кризисе, как основе нашего революционного действия. И тут надо, прежде всего, отметить две распространенные ошибки. С одной стороны, буржуазные экономисты изображают этот кризис как простое „беспокойство“, по изящному выражению англичан. С другой стороны, иногда революционеры стараются доказать, что кризис абсолютно безвыходный. Это ошибка. Абсолютно безвыходных положений не бывает. Буржуазия ведет себя, как обнаглевший и потерявший голову хищник, она делает глупость за глупостью, обостряя положение, ускоряя свою гибель. Все это так. Но нельзя „доказать“, что нет абсолютно никакой возможности, чтобы она не усыпила такое-то меньшинство эксплоатируемых такими-то уступочками, чтобы она не подавила такое-то движение или восстание такой-то части угнетенных и эксплоатируемых. Пытаться „доказывать“ наперед „абсолютную“ безвыходность было бы пустым педантством или игрой в понятия и в словечки. Настоящим „доказательством“ в этом и подобных вопросах может быть только практика. Буржуазный строй во всем мире переживает величайший революционный кризис. Надо „доказать“ теперь практикой революционных партий, что у них достаточно сознательности, организованности, связи с эксплоатируемыми массами, решительности, уменья, чтобы использовать этот кризис для успешной, для победоносной революции“ (Ленин, 1920 г., т. XXV, стр. 340—341).

3. ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СССР И КАПИТАЛИСТИЧЕСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ

Легко понять, до чего трудно было СССР проводить свою мирную политику в этой, отравленной миазмами военных комбинаций, атмосфере.

В обстановке этой предвоенной свистопляски, охватившей целый ряд стран, СССР продолжал стоять за эти годы твердо и непоколебимо на своих мирных позициях, борясь с угрозой войны, борясь за сохранение мира, идя навстречу тем странам, которые стоят так или иначе за сохранение мира, разоблачая и срывая маску с тех, кто подготовляет, провоцирует войну.

На что рассчитывал СССР в этой трудной и сложной борьбе за мир?

а) На свою растущую хозяйственную и политическую мощь.

б) На моральную поддержку миллионных масс рабочего класса всех стран, кровно заинтересованного в сохранении мира.

в) На благоразумие тех стран, которые не заинтересованы по тем или иным мотивам в нарушении мира и которые хотят развить торговые отношения с таким исправным контрагентом, как СССР.

г) Наконец — на нашу славную армию, готовую оборонять страну от наскоков извне.

На этой базе возникла наша кампания за заключение пакта о ненападении и пакта об определении нападающей стороны с соседними государствами. Вы знаете, что эта кампания имела успех. Как известно, пакт о ненападении заключен не только с большинством наших соседних государств на Западе и Юге, в том числе с Финляндией и Польшей, но и с такими странами, как Франция, Италия, а пакт об определении нападающей стороны — с теми же соседними государствами, включая сюда и Малую Антанту.

На этой же базе укрепилась дружба между СССР и Турцией, улучшились отношения и стали бесспорно удовлетворительными между СССР и Италией, улучшились отношения с Францией, Польшей и другими Балтийскими государствами, восстановлены отношения с САСШ, с Китаем и т. д.

Из ряда фактов, отражающих успехи мирной политики СССР, следует отметить и выделить два факта, имеющие бесспорно серьезное значение.

1) Я имею в виду, во-первых, тот перелом к лучшему в отношениях между СССР и Польшей, между СССР и Францией, который произошел в последнее время. В прошлом, как известно,

с Польшей были у нас неважные отношения. В Польше убивали представителей нашего государства. Польша считала себя барьером западных государств против СССР. На Польшу рассчитывали все и всякие империалисты, как на передовой отряд, в случае военного нападения на СССР. Не лучше обстояло дело с отношениями между СССР и Францией. Достаточно вспомнить факты из истории суда над вредительской группой Рамзина в Москве, чтобы восстановить в памяти картину взаимоотношений между СССР и Францией. И вот эти нежелательные отношения начинают постепенно исчезать. Они заменяются другими отношениями, которые нельзя назвать иначе, как отношениями сближения. Дело не только в том, что мы подписали пакт о ненападении с этими странами, хотя сам по себе пакт имеет серьезнейшее значение. Дело прежде всего в том, что атмосфера, зараженная взаимным недоверием, начинает рассеиваться. Это не значит, конечно, что наметившийся процесс сближения можно рассматривать, как достаточно прочный, обеспечивающий конечный успех дела. Неожиданности и зигзаги политики, например, в Польше, где антисоветские настроения еще сильны, далеко еще нельзя считать исключенными. Но перелом к лучшему в наших отношениях, независимо от его результатов в будущем, — есть факт, заслуживающий того, чтобы отметить и выдвинуть его вперед, как фактор улучшения дела мира.

Где причина этого перелома, чем он стимулируется?

Прежде всего ростом силы и могущества СССР.

В наше время со слабыми не принято считаться, — считаются только с сильными. А затем — некоторыми изменениями в политике Германии, отражающими рост реваншистских и империалистских настроений в Германии.

Некоторые германские политики говорят по этому поводу, что СССР ориентируется теперь на Францию и Польшу, что из противника Версальского договора он стал его сторонником, что эта перемена объясняется установлением фашистского режима в Германии. Это не верно. Конечно, мы далеки от того, чтобы восторгаться фашистским режимом в Германии. Но дело здесь не в фашизме, хотя бы потому, что фашизм, например, в Италии не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной. Дело также не в мнимых изменениях в нашем отношении к Версальскому договору. Не нам, испытавшим позор Брестского мира, воспевать Версальский договор. Мы не согласны только с тем, чтобы из-за этого договора мир был ввергнут в пучину новой войны. То же самое надо сказать о мнимой переориентации СССР. У нас не было ориентации на Германию, так же как у нас нет ориентации на Польшу и Францию. Мы ориентировались в про-

шлом и ориентируемся в настоящем на СССР и только на СССР. *(Бурные аплодисменты.)* И если интересы СССР требуют сближения с теми или иными странами, незаинтересованными в нарушении мира, мы идем на это дело без колебаний.

Нет, не в этом дело. Дело в изменении политики Германии. Дело в том, что еще перед приходом к власти нынешних германских политиков, особенно же после их прихода — в Германии началась борьба между двумя политическими линиями, между политикой старой, получившей отражение в известных договорах СССР с Германией, и политикой „новой", напоминающей в основном политику бывшего германского кайзера, который оккупировал одно время Украину и предпринял поход против Ленинграда, превратив прибалтийские страны в плацдарм для такого похода, причем „новая" политика явным образом берет верх над старой. Нельзя считать случайностью, что люди „новой" политики берут во всем перевес, а сторонники старой политики оказались в опале. Не случайно также известное выступление Гугенберга в Лондоне, так же как не случайны не менее известные декларации Розенберга, руководителя внешней политики правящей партии Германии. Вот в чем дело, товарищи.

2) Я имею в виду, во-вторых, восстановление нормальных отношений между СССР и Соединенными штатами Северной Америки. Не может быть сомнения, что этот акт имеет серьезнейшее значение во всей системе международных отношений. Дело не только в том, что он поднимает шансы дела сохранения мира, улучшает отношения между обеими странами, укрепляет торговые связи между ними и создает базу для взаимного сотрудничества. Дело в том, что он кладет веху между старым, когда САСШ считались в различных странах оплотом для всяких антисоветских тенденций, и новым, когда этот оплот добровольно снят с дороги ко взаимной выгоде обеих стран.

Таковы два основных факта, отражающие успехи советской политики мира.

Было бы, однако, неправильно думать, что за отчетный период все шло у нас гладко. Нет, далеко не все шло у нас гладко.

Вспомните хотя бы нажим со стороны Англии, эмбарго, наложенное на наш экспорт, попытку вмешаться в наши внутренние дела и прощупать нас на этом, — испытать силу нашего сопротивления. Правда, из этой попытки ничего не вышло, и эмбарго было снято потом, но неприятный осадок от этих наскоков все еще дает знать о себе во всем, что касается отношений между Англией и СССР, в том числе в переговорах о торговом договоре. А наскоки эти на СССР нельзя считать случайностью.

Известно, что одна часть английских консерваторов не может жить без таких наскоков. И именно потому, что они не случайны, мы должны учитывать, что будут и впредь наскакивать на СССР, создавать угрозы всякого рода, наносить ему вред и т. п.

Нельзя не иметь также в виду отношений между СССР и Японией, которые нуждаются в серьезном улучшении. Отказ Японии от подписания пакта о ненападении, в котором Япония нуждается не меньше, чем СССР, лишний раз подчеркивает, что в области наших отношений не все обстоит благополучно. То же самое надо сказать насчет перерыва переговоров о КВЖД, происшедшего не по вине СССР, а также насчет того, что японские агенты творят недопустимые вещи на КВЖД, незаконно арестовывают советских служащих на КВЖД и т. п. Я уже не говорю о том, что одна часть военных людей в Японии открыто проповедует в печати необходимость войны с СССР и захвата Приморья при явном одобрении другой части военных, а правительство Японии вместо того, чтобы призвать к порядку поджигателей войны, делает вид, что это его не касается. Не трудно понять, что подобные обстоятельства не могут не создавать атмосферу беспокойства и неуверенности. Конечно, мы будем и впредь настойчиво проводить политику мира и добиваться улучшения отношений с Японией, ибо мы хотим улучшения этих отношений. Но не все здесь зависит от нас. Поэтому мы должны вместе с тем принять все меры к тому, чтобы оградить нашу страну от неожиданностей и быть готовыми к ее защите от нападения. *(Бурные аплодисменты.)*

Как видите, наряду с успехами нашей мирной политики мы имеем и ряд отрицательных явлений.

Таково внешнее положение СССР.

Наша внешняя политика ясна. Она есть политика сохранения мира и усиления торговых отношений со всеми странами. СССР не думает угрожать кому бы то ни было и — тем более — напасть на кого бы то ни было. Мы стоим за мир и отстаиваем дело мира. Но мы не боимся угроз и готовы ответить ударом на удар поджигателей войны. *(Бурные аплодисменты.)* Кто хочет мира и добивается деловых связей с нами, тот всегда найдет у нас поддержку. А те, которые попытаются напасть на нашу страну, — получат сокрушительный отпор, чтобы впредь не повадно было им совать свое свиное рыло в наш советский огород. *(Гром аплодисментов.)*

Такова наша внешняя политика. *(Гром аплодисментов.)*

Задача состоит в том, чтобы проводить в жизнь и впредь эту политику со всей настойчивостью и последовательностью.

II

ПРОДОЛЖАЮЩИЙСЯ ПОДЪЕМ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ СССР

Перехожу к вопросу о внутреннем положении СССР.

С точки зрения внутреннего положения СССР отчетный период представляет картину все более развертывающегося подъема как в области народного хозяйства, так и в области культуры.

Подъем этот был не только простым количественным накоплением сил. Подъем этот замечателен тем, что он внес принципиальные изменения в структуру СССР и коренным образом изменил лицо страны.

СССР за этот период преобразился в корне, сбросив с себя обличие отсталости и средневековья. Из страны аграрной он стал страной индустриальной. Из страны мелкого единоличного сельского хозяйства он стал страной коллективного крупного механизированного сельского хозяйства. Из страны темной, неграмотной и некультурной он стал — вернее, становится — страной грамотной и культурной, покрытой громадной сетью высших, средних и низших школ, действующих на языках национальностей СССР.

Созданы новые отрасли производства: станкостроение, автомобильная промышленность, тракторная промышленность, химическая промышленность, моторостроение, самолетостроение, комбайностроение, производство мощных турбин и генераторов, качественных сталей, ферросплавов, синтетического каучука, азота, искусственного волокна и т. д. и т. п. *(Продолжительные аплодисменты.)*

Построены и пущены в ход за этот период тысячи новых вполне современных промышленных предприятий. Построены гиганты вроде Днепростроя, Магнитостроя, Кузнецкстроя, Челябстроя, Бобриков, Уралмашстроя, Краммашстроя. Реконструированы на базе новой техники тысячи старых предприятий. Построены новые предприятия и созданы очаги промышленности в национальных республиках и на окраинах СССР: в Белоруссии, на Украине, на Северном Кавказе, в Закавказье, в Средней Азии, в Казахстане, в Бурято-Монголии, в Татарии, Башкирии, на Урале, в Восточной и Западной Сибири, на Дальнем Востоке и т. д.

Создано свыше 200 тыс. колхозов и 5 тыс. совхозов с новыми районными центрами и промышленными пунктами для них.

Выросли почти на пустом месте новые большие города с большим количеством населения. Колоссально разрослись старые города и промышленные пункты.

Заложены основы Урало-кузнецкого комбината—соединения кузнецкого коксующегося угля с уральской железной рудой. Новую

металлургическую базу на Востоке можно считать таким образом превращенной из мечты в действительность.

Заложены основы новой мощной нефтяной базы в районах западного и южного склонов Уральского хребта — по Уральской области, Башкирии, Казакстану.

Очевидно, что громадные капитальные вложения государства во все отрасли народного хозяйства, составившие за отчетный период более 60 миллиардов рублей, — не прошли даром и начинают уже давать свои результаты.

В результате этих достижений народный доход СССР вырос с 29 миллиардов рублей в 1929 году до 50 миллиардов в 1933 году при громадном падении народного дохода за тот же период во всех без исключения капиталистических странах.

Понятно, что все эти достижения и весь этот подъем должны были привести — и действительно привели — к дальнейшему укреплению внутреннего положения СССР.

Как могли произойти эти колоссальные изменения в какие-либо 3—4 года на территории громадного государства с его отсталой техникой, с его отсталой культурой? Не чудо ли это? Это было бы чудом, если бы развитие шло на базе капитализма и единоличного мелкого хозяйства. Но это не может быть названо чудом, если иметь в виду, что развитие шло у нас на основе развертывания социалистического строительства.

Понятно, что этот гигантский подъем мог развернуться лишь на базе успешного строительства социализма, на базе общественного труда десятков миллионов людей, на базе преимуществ социалистической системы хозяйства перед системой капиталистической и единолично-крестьянской.

Не удивительно поэтому, что колоссальный подъем экономики и культуры СССР за отчетный период означал вместе с тем ликвидацию капиталистических элементов и оттеснение на задний план единоличного крестьянского хозяйства. Это факт, что удельный вес социалистической системы хозяйства в области промышленности составляет в настоящее время 99%, а в сельском хозяйстве, если иметь в виду посевные площади зерновых культур, — 84,5%, тогда как на долю единоличного крестьянского хозяйства приходится всего 15,5%.

Выходит, что капиталистическое хозяйство в СССР уже ликвидировано, а единолично-крестьянский сектор в деревне оттеснен на второстепенные позиции.

Ленин говорил при введении нэпа, что в нашей стране имеются элементы пяти общественно-экономических укладов: 1) патриархальное хозяйство (в значительной степени натуральное хозяйство), 2) мелко-товарное производство (большинство крестьян

из тех, кто продает хлеб), 3) частнохозяйственный капитализм, 4) государственный капитализм, 5) социализм. Ленин считал, что из всех этих укладов должен в конце концов возобладать социалистический уклад. Мы можем теперь сказать, что первый, третий и четвертый общественно-экономические уклады уже не существуют, второй общественно-экономический уклад оттеснен на второстепенные позиции, а пятый общественно-экономический уклад — социалистический уклад является безраздельно господствующей и единственно командующей силой во всем народном хозяйстве. *(Бурные, продолжительные аплодисменты.)*

Таков итог.

В этом итоге — основа прочности внутреннего положения СССР, основа стойкости его передовых и тыловых позиций в обстановке капиталистического окружения.

Перейдем к рассмотрению конкретных материалов по отдельным вопросам экономического и политического положения Советского Союза.

1. ПОДЪЕМ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Из всех отраслей народного хозяйства наиболее быстро росла у нас промышленность. За отчетный период, т. е. начиная с 1930 года, промышленность выросла у нас более, чем вдвое, а именно на 101,6%, а в сравнении с довоенным уровнем она выросла почти вчетверо, а именно на 291,9%.

Это значит, что индустриализация шла у нас на всех парах.

Быстрый рост индустриализации привел к тому, что в валовой продукции всего народного хозяйства продукция промышленности заняла главенствующее место.

Вот соответствующая таблица.

Удельный вес промышленности в валовой продукции народного хозяйства в процентах (в ценах 1926/27 г.):

	1913 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
1. Промышленность (без мелкой)	42,1	54,5	61,6	66,7	70,7	70,4
2. Сельское хозяйство	57,9	45,5	38,4	33,3	29,3	29,6
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Это значит, что страна наша стала прочно и окончательно — индустриальной страной.

Решающее значение в деле индустриализации имеет рост производства орудий и средств производства в общем объеме развития промышленности. Данные за отчетный период показывают, что удельный вес этой статьи в общем объеме промышленности занял преобладающее место.

Вот соответствующая таблица.

Удельный вес продукции двух основных групп отраслей крупной промышленности (в ценах 1926/27 г.):

	Валовая продукция (в млрд. руб.)				
	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Вся крупная промышленность	21,0	27,5	33,9	38,5	41,9
В том числе:					
Гр. „А“. Орудия и средства производства	10,2	14,5	18,8	22,0	24,3
Гр. „Б“. Предметы потребления	10,8	13,0	15,1	16,5	17,6
Удельный вес	(в процентах)				
Гр. „А“. Орудия и средства производства	48,5	52,6	55,4	57,0	58,0
Гр. „Б“. Предметы потребления	51,5	47,4	44,6	43,0	42,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица, как видите, не нуждается в разъяснениях.

В нашей все еще молодой в техническом отношении стране промышленность имеет особую задачу. Она должна реконструировать на новой технической базе не только себя самое, не только все отрасли промышленности, в том числе легкую, пищевую, лесную промышленность. Она должна еще реконструировать все виды транспорта и все отрасли сельского хозяйства. Но она может выполнять эту задачу лишь в том случае, если машиностроение — основной рычаг реконструкции народного хозяйства — займет в ней преобладающее место. Данные отчетного периода показывают, что машиностроение завоевало у нас в общем объеме промышленности ведущую роль.

Вот соответствующая таблица.

Удельный вес отдельных отраслей промышленности в процентах к итогу по валовой продукции:

	СССР			
	1913 г.	1929 г.	1932 г.	1933 г.
Каменноугольная	2,9	2,1	1,7	2,0
Коксовая	0,8	0,4	0,5	0,6
Нефтедобывающая	1,9	1,8	1,5	1,4
Нефтеобрабатывающая	2,3	2,5	2,9	2,6
Черная металлургия	нет св.	4,5	3,7	4,0
Цветная металлургия	„ „	1,5	1,3	1,2
Машиностроение	11,0	14,8	25,0	26,1
Основная химия	0,8	0,6	0,8	0,9
Хлопчатобумажная	18,3	15,2	7,6	7,3
Шерстяная	3,1	3,1	1,9	1,8

Это значит, что промышленность наша развивается на здоровой основе, а ключ реконструкции — машиностроение — целиком в наших руках. Необходимо только, чтобы он был использован умело, рационально.

Интересную картину открывает развитие промышленности за отчетный период по социальным секторам.

Вот соответствующая таблица.

Валовая продукция крупной промышленности по социальным секторам (в ценах 1926/27 г.):

	Валовая продукция (в млн. руб.)				
	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Вся продукция	21 025	27 477	33 903	38 464	41 968
В том числе:					
I. Обобществленная промышленность	20 891	27 402	св. нет	38 436	41 940
В том числе:					
а) государственная промышленность	19 143	24 989	„ „	35 587	38 932
б) кооперативная промышленность	1 748	2 413	„ „	2 849	3 008
II. Частная промышленность	134	75	„ „	28	28
	(в процентах)				
Вся продукция	100	100	100	100	100
В том числе:					
I. Обобществленная промышленность	99,4	99,7	св. нет	99,93	99,93
В том числе:					
а) государственная промышленность	91,1	90,9	„ „	92,52	92,76
б) кооперативная промышленность	8,3	8,8	„ „	7,41	7,17
II. Частная промышленность	0,6	0,3	„ „	0,07	0,07

Из этой таблицы видно, что с капиталистическими элементами в промышленности уже покончено, а социалистическая система хозяйства является теперь единственной и монопольной системой в нашей промышленности. *(Аплодисменты.)*

Но из всех достижений промышленности, завоеванных ею за отчетный период, самым важным достижением нужно считать тот факт, что она сумела за это время воспитать и выковать тысячи новых людей и новых руководителей промышленности, целые слои новых инженеров и техников, сотни тысяч молодых квалифицированных рабочих, освоивших новую технику и двинувших вперед нашу социалистическую промышленность. Не может быть сомнения, что без этих людей промышленность не могла бы иметь тех успехов, которые имеет теперь и которыми она в праве гордиться. Данные говорят, что за отчетный период промышленность выпустила в производство из школ фабрично-заводского ученичества около 800 тыс. более или менее квалифицированных рабочих, а из втузов, вузов и техникумов — более 180 тыс. инженеров и техников. Если верно, что проблема кадров является серьезнейшей проблемой нашего развития, то надо признать, что наша промышленность начинает серьезно овладевать этой проблемой.

Таковы основные достижения нашей промышленности.

Было бы, однако, неправильно думать, что промышленность имела лишь одни успехи. Нет, у нее есть и свои недостатки. Главные из них:

а) Продолжающееся отставание *черной металлургии;*

б) Неупорядоченность дела *цветной металлургии;*

в) Недооценка серьезнейшего значения развития добычи *местных углей* в общем топливном балансе страны (Подмосковный район, Кавказ, Урал, Караганда, Средняя Азия, Сибирь, Дальний Восток, Северный край и т. д.);

г) Отсутствие должного внимания к вопросу организации новой *нефтяной базы* в районах Урала, Башкирии, Эмбы;

д) Отсутствие серьезной заботы о развертывании производства товаров *широкого потребления* как по легкой и пищевой промышленности, так и по лесной промышленности;

е) Отсутствие должного внимания к вопросу развертывания *местной промышленности;*

ж) Совершенно недопустимое отношение к вопросу об улучшении *качества продукции;*

з) Продолжающееся отставание в деле подъема *производительности труда,* снижения *себестоимости,* внедрения *хозрасчета;*

и) Все еще неликвидированная плохая организация труда и зарплаты, обезличка в работе, уравниловка в системе зарплаты;

к) Далеко еще не ликвидированный *канцелярско-бюрократический* метод руководства в хозяйственных наркоматах и их органах, в том числе в наркоматах легкой и пищевой промышленности.

Едва ли нужно еще разъяснять абсолютную необходимость срочной ликвидации этих недостатков. Черная и цветная металлургии, как известно, не выполнили своего плана на протяжении первой пятилетки. Они не выполнили его также за первый год второй пятилетки. Если они будут и впредь отставать, они могут превратиться в тормоз для промышленности и в причину ее прорывов. Что касается создания новых баз угольной и нефтяной промышленности, то не трудно понять, что без выполнения этой неотложной задачи мы можем посадить на мель и промышленность и транспорт. Вопрос о ширпотребе и развитии местной промышленности, так же как и вопросы об улучшении качества продукции, подъеме производительности труда, снижении себестоимости и внедрении хозрасчета — также не нуждаются в разъяснении. Что касается плохой организации труда и зарплаты и канцелярско-бюрократического метода руководства, то, как показала история с Донбассом, равно как с предприятиями легкой и пищевой промышленности, эта опасная болезнь гнездится во всех отраслях промышленности, тормозя их развитие. Если она не будет ликвидирована, промышленность будет хромать на обе ноги.

Очередные задачи:

1) Сохранить за машиностроением его нынешнюю ведущую роль в системе промышленности.

2) Ликвидировать отставание черной металлургии.

3) Упорядочить дело цветной металлургии.

4) Развернуть во-всю добычу местных углей во всех известных уже районах, организовать новые районы угледобычи (например, в Бурейском районе Дальнего Востока), превратить Кузбасс во второй Донбасс. *(Продолжительные аплодисменты.)*

5) Взяться серьезно за организацию нефтяной базы в районах западных и южных склонов Уральского хребта.

6) Развернуть производство товаров широкого потребления по всем хозяйственным наркоматам.

7) Развязать местную советскую промышленность, дать ей возможность проявить инициативу в деле производства товаров ширпотреба и оказать ей возможную помощь сырьем и средствами.

8) Улучшить качество выпускаемых товаров, прекратить выпуск некомплектной продукции и карать всех тех товарищей, невзирая на лица, которые нарушают или обходят законы Советской власти о качестве и комплектности продукции.

9) Добиться систематического роста производительности труда, снижения себестоимости и внедрения хозрасчета.

10) Добить обезличку в работе и уравниловку в системе зарплаты.

11) Ликвидировать канцелярско-бюрократический метод руководства во всех звеньях хозяйственных наркоматов, систематически проверяя исполнение решений и указаний руководящих центров нижестоящими органами.

2. ПОДЪЕМ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Несколько по-иному пошло развитие в области сельского хозяйства. Во много раз медленнее, чем в промышленности, но все же быстрее, чем в период преобладания единоличного хозяйства, нарастал за отчетный период подъем основных отраслей сельского хозяйства. А по животноводческой отрасли мы имели даже обратный процесс — падение поголовья скота, и только в 1933 году и то в одной лишь свиноводческой отрасли наметились признаки подъема.

Очевидно, что громадные трудности объединения разрозненных мелких крестьянских хозяйств в колхозы, трудное дело создания почти на пустом месте большого количества крупных зерновых и животноводческих хозяйств, и, вообще, *реорганизационный* период перестройки и перевода единоличного сельского хозяйства на новые колхозные рельсы, требующий много времени и больших издержек, — все эти факторы неизбежно предрешили как медленные темпы подъема сельского хозяйства, так и сравнительно долгий период упадка в развитии поголовья скота.

По сути дела отчетный период был для сельского хозяйства не столько периодом быстрого подъема и мощного разбега, сколько периодом создания предпосылок для такого подъема и такого разбега в ближайшем будущем.

Если взять данные о росте посевных площадей всех культур, а затем особо — технических культур, то развитие сельского хозяйства за отчетный период рисуется в следующем виде.

Посевные площади всех культур по СССР:

	В миллионах гектар					
	1913 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Вся посевная площадь	105,0	118,0	127,2	136,3	134,4	129,7
В том числе:						
а) Зерновые	94,4	96,0	101,8	104,4	99,7	101,5
б) Технические	4,5	8,8	10,5	14,0	14,9	12,0
в) Огородно-бахчевые	3,8	7,6	8,0	9,1	9,2	8,6
г) Кормовые	2,1	5,0	6,5	8,8	10,6	7,3

Посевные площади технических культур по СССР:

	В миллионах гектар					
	1913 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Хлопок	0,69	1,06	1,58	2,14	2,17	2,05
Лен (долгунец)	1,02	1,63	1,75	2,39	2,51	2,40
Сахарная свекла	0,65	0,77	1,04	1,39	1,54	1,21
Масличные	2,00	5,20	5,22	7,55	7,98	5,79

Эти таблицы отражают две основные линии в сельском хозяйстве:

1) Линию на всемерное расширение посевных площадей в период разгара реорганизации сельского хозяйства, когда колхозы создавались десятками тысяч, когда они сгоняли кулаков с земли, захватывали освободившиеся земли и прибирали их к рукам.

2) Линию на отказ от огульного расширения посевных площадей, линию на переход от огульного расширения площадей к улучшению обработки земли, к внедрению правильного севооборота и пара, к поднятию урожайности и, если этого потребует практика, — к временному сокращению существующих посевных площадей.

Как известно, вторая линия, — единственно правильная линия в сельском хозяйстве, — была провозглашена в 1932 году, когда реорганизационный период в сельском хозяйстве подходил к концу и вопрос о поднятии урожайности стал одним из основных вопросов подъема сельского хозяйства.

Но данные о росте посевных площадей нельзя считать вполне достаточными показателями развития сельского хозяйства. Бывает, что площади растут, а продукция не растет, или даже — падает, ввиду того, что обработка земли ухудшилась и урожайность на единицу площади — пала. Ввиду этого данные о площадях необходимо дополнить данными о валовой продукции.

Вот соответствующая таблица.

Валовая продукция зерновых и технических культур по СССР:

	В миллионах центнеров					
	1913 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Зерновые	801,0	717,4	835,4	694,8	698,7	898,0
Хлопок (сырец)	7,4	8,6	11,1	12,9	12,7	13,2
Лен (волокно)	3,3	3,6	4,4	5,5	5,0	5,6
Сахарная свекла	109,0	62,5	140,2	120,5	65,6	90,0
Масличные	21,5	35,8	36,2	51,0	45,5	46,0

Из этой таблицы видно, что годы наибольшего разгара реорганизации сельского хозяйства — 1931 и 1932 годы — были годами наибольшего уменьшения продукции зерновых культур.

Из этой таблицы следует, далее, что лен и хлопок, в районах которых реорганизация сельского хозяйства шла менее быстрыми темпами, почти не пострадали вовсе и шли на подъем более или менее ровно и неуклонно, сохраняя высокий уровень своего развития.

Из этой таблицы следует, в-третьих, что в то время как масличные культуры испытали лишь некоторое колебание, сохраняя высокий уровень своего развития в сравнении с довоенным уровнем, сахарная свекла, в районах которой наблюдались наиболее высокие темпы реорганизации сельского хозяйства и которая последней вступила в реорганизационный период, — испытала наибольший упадок в последний год реорганизации, в 1932 году, снизив продукцию ниже довоенного уровня.

Из этой таблицы следует, наконец, что 1933 год — первый год после окончания реорганизационного периода — является переломным годом в развитии зерновых и технических культур.

Это значит, что зерновые культуры прежде всего, а за ними — технические культуры отныне будут итти к мощному подъему твердо и уверенно.

Наиболее болезненно перенесла реорганизационный период животноводческая отрасль сельского хозяйства.

Вот соответствующая таблица.

Поголовье скота по СССР:

	В миллионах голов					
	1916 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
а) Лошади	35,1	34,0	30,2	26,2	19,6	16,6
б) Крупный рогатый скот	58,9	68,1	52,5	47,9	40,7	38,6
в) Овцы и козы	115,2	147,2	108,8	77,7	52,1	50,6
г) Свиньи	20,3	20,9	13,6	14,4	11,6	12,2

Из этой таблицы видно, что по поголовью скота мы имеем за отчетный период не подъем, а все еще продолжающийся упадок в сравнении с довоенным уровнем. Очевидно, что наибольшая насыщенность животноводческих отраслей сельского хозяйства крупнокулацкими элементами, с одной стороны, и усиленная кулацкая агитация за убой скота, имевшая благоприятную почву в годы реорганизации, с другой стороны, — нашли свое отражение в этой таблице.

Из этой таблицы следует, далее, что упадок поголовья начался с первого же года реорганизации (1930 год) и продолжается вплоть до 1933 года, при чем упадок достиг наибольших размеров в первые три года, а в 1933 году, в первый год после окончания реорганизационного периода, когда зерновые культуры пошли в подъем, размеры упадка поголовья дошли до минимума.

Из этой таблицы следует, наконец, что по свиноводству уже начался обратный процесс, и в 1933 году уже наметились признаки прямого подъема.

Это значит, что 1934 год должен и может стать годом перелома к подъему во всем животноводческом хозяйстве.

Как развивалась у нас коллективизация крестьянских хозяйств за отчетный период?

Вот соответствующая таблица.

Коллективизация:

	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Число колхозов (в тысячах)	57,0	85,9	211,1	211,05	224,5
Число хозяйств в колхозах (в миллионах)	1,0	6,0	13,0	14,9	15,2
Процент коллективизации крестьянских хозяйств	3,9	23,6	52,7	61,5	65,0

А как шло движение зерновых посевных площадей по секторам?

Вот соответствующая таблица.

Посевные площади зерновых по секторам:

Секторы	Посевы зерновых в миллионах гектар					В процентах к площади 1933 г.
	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	
1. Совхозы	1,5	2,9	8,1	9,3	10,8	10,6
2. Колхозы	3,4	29,7	61,0	69,1	75,0	73,9
3. Единоличники	91,1	69,2	35,3	21,3	15,7	15,5
Весь посев зерновых по СССР	96,0	101,8	104,4	99,7	101,5	100,0

О чем говорят эти таблицы?

Они говорят о том, что реорганизационный период сельского хозяйства, когда количество колхозов и число их членов росли бурными темпами, уже закончен, закончен еще в 1932 году.

Следовательно, дальнейший процесс коллективизации представляет процесс постепенного всасывания и перевоспитания остатков индивидуальных крестьянских хозяйств колхозами.

Это значит, что колхозы победили окончательно и бесповоротно. *(Бурные, продолжительные аплодисменты.)*

Они говорят, далее, о том, что совхозы и колхозы вместе владеют 84,5% всех зерновых площадей по СССР.

Это значит, что колхозы и совхозы вместе стали такой силой, которая решает судьбу всего сельского хозяйства и всех его отраслей.

Они говорят, далее, о том, что 65% объединенных в колхозы крестьянских хозяйств владеют 73,9% всех зерновых посевных площадей, тогда как вся масса остающихся индивидуальных крестьянских хозяйств, составляющих 35% всего крестьянского населения, владеет всего лишь 15,5% всех зерновых посевных площадей.

Если добавить к этому тот факт, что колхозы сдали в 1933 году государству по всем видам поступлений более миллиарда пудов зерна, а единоличные крестьяне, выполнившие план на все 100%, — сдали всего около 130 миллионов пудов, тогда как в 1929/30 году единоличные крестьяне сдали государству около 780 миллионов пудов, а колхозы не более 120 миллионов пудов, — то станет ясней ясного, что колхозы и единоличные крестьяне за отчетный период полностью поменялись ролями, причем колхозы стали за это время господствующей силой сельского хозяйства, а единоличные крестьяне — второстепенной силой, вынужденной подчиняться и приспосабливаться к колхозному строю.

Надо признать, что трудовое крестьянство, наше советское крестьянство окончательно и бесповоротно стало под красное знамя социализма. *(Продолжительные аплодисменты.)*

Пусть болтают эсеро-меньшевистские и буржуазно-троцкистские кумушки, что крестьянство по природе контр-революционно, что оно призвано восстановить в СССР капитализм, что оно не может быть союзником рабочего класса в деле построения социализма, что в СССР невозможно построить социализм. Факты говорят, что эти господа клевещут и на СССР и на советское крестьянство. Факты говорят, что наше советское крестьянство окончательно отчалило от берегов капитализма и пошло вперед в союзе с рабочим классом — к социализму. Факты говорят, что мы уже построили фундамент социалистического общества в СССР и нам остается лишь увенчать его надстройками, — дело, несомненно, более легкое, чем построение фундамента социалистического общества.

Сила колхозов и совхозов не исчерпывается, однако, ростом их посевных площадей и продукции. Она отражается также и в росте их тракторного парка, в росте их механизации. Несомненно, что в этом отношении наши колхозы и совхозы шагнули далеко вперед.

Вот соответствующая таблица.

Тракторный парк в сельском хозяйстве СССР (с учетом амортизации):

	В тысячах штук					Мощность в тысячах лошадиных сил				
	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Всего тракторов	34,9	72,1	125,3	148,5	204,1	391,4	1 003,5	1 850,0	2 225,0	3 100,0
В том числе:										
а) тракторов в МТС	2,4	31,1	63,3	74,8	122,3	23,9	372,5	848,0	1 077,0	1 782,0
б) тракторов в совхозах всех систем	9,7	27,7	51,5	64,0	81,8	123,4	483,1	892,0	1 043,0	1 318,0

Стало быть, 204 тысячи тракторов и 3 миллиона 100 тысяч лошадиных сил для колхозов и совхозов. Сила, как видите, не малая, способная выкорчевать все и всякие корни капитализма в деревне. Сила, вдвое превышающая то количество тракторов, о котором говорил в свое время Ленин как о далекой перспективе.

Что касается парка сельхозмашин в машинно-тракторных станциях и в совхозах Наркомсовхозов, то об этом имеются данные в следующих таблицах.

По МТС:

	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Комбайнов (тысяч штук)	7 шт.	0,1	2,2	11,5
Двигателей и локомобилей (тысяч штук)	0,1	4,9	6,2	17,6
Сложных и полусложных молотилок (тысяч штук)	2,9	27,8	37,0	50,0
Электроустановок для молотьбы	168	268	551	1 283
Число ремонтных мастерских в МТС	104	770	1 220	1 933
Грузовых автомобилей (тысяч штук)	0,2	1,0	6,0	13,5
Легковых автомобилей (штук)	17	191	245	2 800

По совхозам Наркомсовхозов:

	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Комбайнов (тысяч штук)	1,7	6,3	11,9	13,5
Двигателей и локомобилей (тысяч штук)	0,3	0,7	1,2	2,5
Сложных и полусложных молотилок (тысяч штук)	1,4	4,2	7,1	8,0
Электроустановок	42	112	164	222
Ремонтных мастерских:				
а) капитального ремонта	72	133	208	302
б) среднего ремонта	75	160	215	476
в) текущего ремонта	205	310	578	1 166
Грузовых автомобилей (тысяч штук)	2,1	3,7	6,2	10,9
Легковых автомобилей (штук)	118	385	625	1 890

Я думаю, что эти данные не нуждаются в разъяснениях.

Не малое значение имело для подъема сельского хозяйства также образование политотделов МТС и совхозов и снабжение сельского хозяйства квалифицированными работниками. Теперь все признают, что работники политотделов сыграли громадную роль в деле улучшения работы колхозов и совхозов. Известно, что за отчетный период Центральным комитетом партии направлено в деревню для укрепления кадров сельского хозяйства более 23 тысяч коммунистов, из коих земельных работников более 3 тысяч, совхозных работников более 2 тысяч, работников политотделов МТС более 13 тысяч и работников политотделов совхозов свыше 5 тысяч.

То же самое надо сказать о снабжении колхозов и совхозов новыми инженерно-техническими и агрономическими силами. Известно, что за отчетный период работников этой группы направлено в сельское хозяйство более 111 тысяч человек.

Трактористов, комбайнеров, штурвальных, шоферов подготовлено за отчетный период и направлено по одной лишь наркомземовской системе свыше 1 миллиона 900 тысяч человек.

Подготовлено и переподготовлено за тот же период председателей и членов правлений колхозов, бригадиров по полеводству, бригадиров по животноводству, счетоводов — свыше 1 миллиона 600 тысяч человек.

Этого, конечно, мало для нашего сельского хозяйства. Но это все же кое-что.

Как видите, государство сделало все возможное для того, чтобы

облегчить работу органов Наркомзема и Наркомсовхозов по руководству колхозным и совхозным строительством.

Можно ли сказать, что должным образом использованы эти возможности?

К сожалению, нельзя этого сказать.

Начать с того, что наркоматы эти заражены в большей степени, чем другие наркоматы, болезнью бюрократически-канцелярского отношения к делу. Решают вопросы, но не думают о том, чтобы проверить исполнение, призвать к порядку нарушителей указаний и распоряжений руководящих органов, выдвинуть вперед честных и добросовестных исполнителей.

Наличие громадного парка тракторов и машин обязывает, казалось бы, земельные органы держать эти ценные машины в порядке, во-время их ремонтировать, использовать их на работе более или менее сносно. Что делается ими в этой области? К сожалению, очень мало. Хранение тракторов и машин неудовлетворительно. Ремонт также неудовлетворителен, ибо до сих пор еще не хотят понять, что основу ремонта составляет текущий и средний ремонт, а не капитальный. Что касается использования тракторов и машин, то неудовлетворительное состояние этого дела до того ясно и общеизвестно, что не нуждается в доказательствах.

Одной из очередных задач сельского хозяйства является введение правильных севооборотов, расширение чистых паров, улучшение семенного дела по всем отраслям земледелия. Что делается в этой области? К сожалению, пока что — очень мало. Семенное дело по зерну и хлопку так запутано, что придется еще долго распутывать его.

Одним из действительных средств поднятия урожайности технических культур является снабжение их удобрениями. Что делается в этой области? Пока что — очень мало. Удобрения есть, но органы Наркомзема не умеют их принимать, а приняв, не проявляют заботы о том, чтобы во-время доставить их на место и рационально их использовать.

Насчет совхозов следует сказать, что они все еще остаются не на высоте своих задач. Я далек от того, чтобы недооценить большое революционизирующее значение наших совхозов. Но если сопоставить громадные вложения государства в дело совхозов с нынешними фактическими результатами работы совхозов, то получается громадное несоответствие к невыгоде совхозов. Главной причиной этого несоответствия является то обстоятельство, что наши зерновые совхозы слишком громоздки, директора не справляются с громадными совхозами, сами совхозы слишком специализированы, не имеют севооборота и парового клина, не имеют в своем составе животноводческих элементов. Необходимо, оче-

видно, разукрупнить совхозы и ликвидировать их чрезмерную специализированность. Можно подумать, что Наркомсовхозов своевременно поставил этот вопрос и добился его разрешения. Но это не верно. Вопрос был поставлен и разрешен по инициативе людей, не имеющих никакого отношения к Наркомату совхозов.

Наконец, вопрос о животноводстве. Я уже докладывал о тяжелом положении животноводства. Можно подумать, что наши земельные органы проявляют лихорадочную деятельность по ликвидации кризиса животноводства, что они подымают тревогу, мобилизуют работников и берут на приступ проблему животноводства. К сожалению, ничего подобного не произошло и не происходит. Они не только не подымают тревогу по поводу тяжелого положения животноводства, а — наоборот — стараются замазать вопрос, а иногда в своих докладах пытаются даже скрыть от общественного мнения страны действительное положение животноводства, что совершенно недопустимо для большевиков. Надеяться после этого, что земельные органы сумеют вывести на дорогу и поднять на должную высоту животноводство, — значит строить на песке. Дело животноводства должны взять в свои руки вся партия, все наши работники, партийные и беспартийные, имея в виду, что проблема животноводства является теперь такой же первоочередной проблемой, какой была вчера уже разрешенная с успехом проблема зерновая. Нечего и доказывать, что советские люди, бравшие не одно серьезное препятствие на пути к цели, сумеют взять и это препятствие. *(Гром аплодисментов.)*

Таков краткий и далеко не полный перечень недостатков, которые надо ликвидировать, и перечень задач, которые надо разрешить в ближайшее время.

Но дело не исчерпывается этими задачами. Имеются еще другие задачи по линии сельского хозяйства, о которых следовало бы сказать несколько слов.

Следует, прежде всего, иметь в виду, что старое деление наших областей на промышленные и аграрные уже изжило себя. Нет у нас больше областей исключительно аграрных, которые бы снабжали хлебом, мясом, овощами промышленные области, равно как нет у нас больше исключительно промышленных областей, которые могли бы рассчитывать на то, что получат все необходимые продукты извне, из других областей. Развитие ведет к тому, что все области становятся у нас более или менее промышленными, и чем дальше, тем больше они будут становиться промышленными. Это значит, что Украина, Северный Кавказ, ЦЧО и другие бывшие аграрные районы не могут уже больше отпускать на сторону, в промышленные центры столько продуктов,

сколько отпускали они раньше, так как вынуждены кормить свои собственные города и своих собственных рабочих, количество которых будет расти. Но из этого следует, что каждая область должна завести у себя свою сельско-хозяйственную базу, чтобы иметь свои овощи, свою картошку, свое масло, свое молоко и в той или иной степени — свой хлеб, свое мясо, — если она не хочет попасть в затруднительное положение. Вы знаете, что это дело вполне осуществимо и оно уже делается теперь.

Задача состоит в том, чтобы довести это дело до конца во что бы то ни стало.

Следует, далее, обратить внимание на то, что известное деление наших областей на потребительские и производящие тоже начинает терять свой исключительный характер. Такие „потребительские" области, как Московская и Горьковская, дали в этом году государству около 80 миллионов пудов хлеба. Это, конечно, не мелочь. В так называемой потребительской полосе имеется около 5 миллионов гектар целинных земель, покрытых кустарником. Известно, что климат в этой полосе не плохой, осадков не мало, засухи не бывает. Если очистить эти земли от кустарника и произвести ряд мероприятий организационного характера, можно будет получить громадный район зерновых культур, могущий дать товарного зерна при обычно большой урожайности в этих местах — не меньше, чем дает теперь Нижняя или Средняя Волга. Это было бы большим подспорьем для северных промышленных центров.

Очевидно, задача состоит в том, чтобы образовать в районах потребительской полосы большой массив зерновых культур.

Наконец, вопрос о борьбе с засухой в Заволжье. Насаждение лесов и лесозащитных полос в восточных районах Заволжья имеет громадное значение. Эта работа, как известно, уже производится, хотя нельзя сказать, чтобы она проводилась с достаточной интенсивностью. Что касается орошения Заволжья, — а это главное с точки зрения борьбы с засухой, — то нельзя допустить, чтобы это дело было отложено в долгий ящик. Правда, оно было несколько заторможено некоторыми внешними обстоятельствами, отвлекшими массу сил и средств. Но теперь нет больше оснований откладывать его дальше. Мы не можем обойтись без серьезной и совершенно стабильной, свободной от случайностей погоды, базы хлебного производства на Волге, дающей ежегодно миллионов 200 пудов товарного зерна. Это совершенно необходимо, если учесть рост городов на Волге, с одной стороны, и всякие возможные осложнения в области международных отношений, с другой.

Задача состоит в том, чтобы приступить к серьезной работе по организации дела орошения Заволжья. (*Аплодисменты.*)

3. ПОДЪЕМ МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ И КУЛЬТУРЫ ТРУДЯЩИХСЯ

Мы обрисовали таким образом положение нашей промышленности и сельского хозяйства, их развитие за отчетный период, их состояние в данный момент.

В итоге мы имеем:

а) Мощный подъем производства как в области промышленности, так и в области основных отраслей сельского хозяйства.

б) Окончательную победу на основе этого подъема социалистической системы хозяйства над системой капиталистической как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, превращение социалистической системы в единственную систему всего народного хозяйства, вытеснение капиталистических элементов из всех сфер народного хозяйства.

в) Окончательный отход громадного большинства единоличных крестьян от мелко-товарного единоличного хозяйства, объединение их в коллективные хозяйства на базе коллективного труда и коллективной собственности на средства производства, полную победу коллективного хозяйства над мелко-товарным индивидуальным хозяйством.

г) Растущий процесс дальнейшего расширения колхозов за счет единоличных крестьянских хозяйств, количество которых падает, таким образом, из месяца в месяц и которые превращаются по сути дела в подсобную силу для колхозов и совхозов.

Понятно, что эта историческая победа над эксплоататорами не могла не привести к коренным улучшениям в материальном положении и во всем быту трудящихся.

Ликвидация паразитических классов привела к исчезновению эксплоатации человека человеком. Труд рабочего и крестьянина освобожден от эксплоатации. Доходы, выжимавшиеся эксплоататорами из народного труда, остаются ныне в руках трудящихся и используются частью для расширения производства и привлечения в производство новых отрядов трудящихся, частью — для прямого повышения доходов рабочих и крестьян.

Исчезла безработица — бич рабочего класса. Если в буржуазных странах миллионы безработных терпят нужду и страдания из-за отсутствия работы, то у нас нет больше рабочих, которые бы не имели работы и заработка.

С исчезновением кулацкой кабалы исчезла нищета в деревне. Любой крестьянин, колхозник или единоличник, имеет теперь возможность жить по-человечески, если он только хочет работать честно, а не лодырничать, не бродяжничать и не расхищать колхозное добро.

Уничтожение эксплоатации, уничтожение безработицы в городе, уничтожение нищеты в деревне — это такие исторические достижения в материальном положении трудящихся, о которых не могут даже мечтать рабочие и крестьяне самых что ни на есть „демократических“ буржуазных стран.

Изменился облик наших крупных городов и промышленных центров. Неизбежным признаком крупных городов буржуазных стран являются трущобы, так называемые рабочие кварталы на окраинах города, представляющие груду темных, сырых, большей частью подвальных, полуразрушенных помещений, где обычно ютится неимущий люд, копошась в грязи и проклиная судьбу. Революция в СССР привела к тому, что эти трущобы исчезли у нас. Они заменены вновь отстроенными хорошими и светлыми рабочими кварталами, при чем во многих случаях рабочие кварталы выглядят у нас лучше, чем центры города.

Еще больше изменился облик деревни. Старая деревня с ее церковью на самом видном месте, с ее лучшими домами урядника, попа, кулака на первом плане, с ее полуразваленными избами крестьян на заднем плане — начинает исчезать. На ее место выступает новая деревня с ее общественно-хозяйственными постройками, с ее клубами, радио, кино, школами, библиотеками и яслями, с ее тракторами, комбайнами, молотилками, автомобилями. Исчезли старые знатные фигуры кулака-эксплоататора, ростовщика-кровососа, купца-спекулянта, батюшки-урядника. Теперь знатными людьми являются деятели колхозов и совхозов, школ и клубов, старшие трактористы да комбайнеры, бригадиры по полеводству и животноводству, лучшие ударники и ударницы колхозных полей.

Исчезает противоположность между городом и деревней. Город перестает быть в глазах крестьян центром их эксплоатации. Все крепче становятся нити хозяйственной и культурной смычки между городом и деревней. От города и его промышленности деревня получает теперь помощь — тракторами, сельхозмашинами, автомобилями, людьми, средствами. Да и сама деревня имеет теперь свою промышленность в виде машинно-тракторных станций, ремонтных мастерских, всякого рода промышленных предприятий колхозов, небольших электростанций и т. п. Культурная пропасть между городом и деревней заполняется.

Таковы основные достижения трудящихся в области улучшения их материального положения, быта, культуры.

На основе этих достижений мы имеем за отчетный период:

а) Рост народного дохода с 35 миллиардов в 1930 году до 50 миллиардов в 1933 году, причем, так как доля капиталистических элементов, в том числе концессионеров, в народном

доходе составляет в настоящее время менее полпроцента, то почти весь народный доход распределяется между рабочими и служащими, трудящимися крестьянами, кооперацией и государством.

б) Рост населения Советского Союза со 160,5 миллионов человек в конце 1930 года до 168 миллионов в конце 1933 года.

в) Рост численности рабочих и служащих с 14 миллионов 530 тысяч в 1930 году до 21 миллиона 883 тысяч в 1933 году, причем количество лиц физического труда поднялось за этот период от 9 миллионов 489 тысяч до 13 миллионов 797 тысяч человек, количество рабочих крупной промышленности, в том числе рабочих транспорта, поднялось от 5 миллионов 79 тысяч до 6 миллионов 882 тысяч человек, количество сельско-хозяйственных рабочих — от 1 миллиона 426 тысяч до 2 миллионов 519 тысяч человек, а количество рабочих и служащих в торговле от 814 тысяч до 1 миллиона 497 тысяч человек.

г) Рост фонда заработной платы рабочих и служащих с 13 миллиардов 597 миллионов руб. в 1930 году до 34 миллиардов 280 миллионов руб. в 1933 году.

д) Рост средне-годовой заработной платы рабочих промышленности с 991 рубля в 1930 году до 1 тысячи 519 рублей в 1933 году.

е) Рост фонда социального страхования рабочих и служащих с 1 миллиарда 810 миллионов руб. в 1930 году до 4 миллиардов 610 миллионов руб. в 1933 году.

ж) Перевод всей надземной промышленности на 7-часовой рабочий день.

з) Помощь государства крестьянам в виде организации для них 2 тысяч 860 машинно-тракторных станций с вложением в это дело 2 миллиардов рублей.

и) Помощь государства крестьянам в виде кредита колхозам в размере 1 миллиарда 600 миллионов рублей.

к) Помощь государства крестьянам в виде семенной и продовольственной ссуды в течение отчетного периода в размере 262 миллионов пудов зерна.

л) Помощь государства маломощным крестьянам в виде льгот по налогу и страхованию в размере 370 миллионов рублей.

Что касается культурного развития страны, мы имеем за отчетный период:

а) Введение по всему СССР всеобщего обязательного начального образования и повышение процента грамотности с 67% в конце 1930 года до 90% в конце 1933 года.

б) Рост числа учащихся в школах всех ступеней с 14 миллионов 358 тысяч в 1929 году до 26 миллионов 419 тысяч чело-

век в 1933 году, в том числе по *начальному* образованию — с 11 миллионов 697 тысяч до 19 миллионов 163 тысяч, по *среднему* образованию — с 2 миллионов 453 тысяч до 6 миллионов 674 тысяч человек, по *высшему* образованию — с 207 тысяч до 491 тысячи человек.

в) Рост числа детей по дошкольному обучению с 838 тысяч в 1929 году до 5 миллионов 917 тысяч в 1933 году.

г) Рост числа высших учебных заведений, общих и специальных, с 91 единицы в 1914 году до 600 единиц в 1933 году.

д) Рост числа научно-исследовательских институтов с 400 единиц в 1929 году до 840 в 1933 году.

е) Рост числа учреждений клубного типа с 32 тысяч в 1929 году до 54 тысяч в 1933 году.

ж) Рост числа кинотеатров, киноустановок в клубах и кинопередвижек с 9 тысяч 800 единиц в 1929 году до 29 тысяч 200 единиц в 1933 году.

з) Рост разового тиража газет с 12 миллионов 500 тысяч в 1929 году до 36 миллионов 500 тысяч в 1933 году.

Не мешает, может быть, отметить, что удельный вес рабочих среди учащихся в высших учебных заведениях составляет у нас 51,4%, а удельный вес трудящихся крестьян — 16,5%, тогда как в Германии, например, удельный вес рабочих среди учащихся в высших учебных заведениях составлял в 1932/33 учебном году всего 3,2%, а удельный вес мелких крестьян — всего 2,4%.

Следует отметить, как отрадный факт и как признак роста культурности в деревне, — рост активности женщин-колхозниц в области общественно-организаторской работы. Известно, например, что женщин-колхозниц состоит в настоящее время председателями колхозов — около 6 тысяч, членами правлений колхозов — свыше 60 тысяч, бригадирами — 28 тысяч, звеновыми организаторами — 100 тысяч, заведующими колхозными товарными фермами — 9 тысяч, трактористами — 7 тысяч. Нечего и говорить, что эти данные не являются полными. Но и то малое, что имеется в этих данных, достаточно ярко говорит о большом росте культурности в деревне. Это обстоятельство имеет, товарищи, громадное значение. Оно имеет громадное значение потому, что женщины составляют половину населения нашей страны, они составляют громадную армию труда, и они призваны воспитывать наших детей, наше будущее поколение, т. е. нашу будущность. Вот почему мы не можем допустить, чтобы эта громадная армия трудящихся прозябала в темноте и невежестве! Вот почему мы должны приветствовать растущую общественную активность трудящихся женщин и их выдвижение на руководящие посты, как

несомненный признак роста нашей культурности. (*Продолжительные аплодисменты.*)

Наконец, следует отметить еще один факт, но уже отрицательного характера. Я имею в виду то недопустимое явление, что педагогические и медицинские „факультеты“ все еще находятся у нас в загоне. Это большой недостаток, граничащий с нарушением интересов государства. С этим недостатком надо обязательно покончить. И чем скорее будет сделано это, тем лучше.

4. ПОДЪЕМ ТОВАРООБОРОТА И ТРАНСПОРТ

Мы имеем таким образом:

а) рост продукции промышленности, в том числе продукции по ширпотребу;

б) рост продукции сельского хозяйства;

в) рост потребностей и спроса на продукты и изделия со стороны трудящихся масс города и деревни.

Что еще требуется для того, чтобы сомкнуть эти условия и обеспечить всей массе потребителей получение необходимых товаров и продуктов?

Некоторые товарищи думают, что достаточно наличия этих условий, чтобы экономическая жизнь страны забила ключом. Это глубокое заблуждение. Можно представить, что имеются все эти условия, но если товар не доходит до потребителя, экономическая жизнь не только не может забить ключом, а наоборот, — будет расстроена и дезорганизована до основания. Надо, наконец, понять, что товары производятся в последнем счете не для производства, а для потребления. У нас бывали случаи, когда товаров и продуктов было не мало, но они не только не доходили до потребителя, а продолжали годами гулять в бюрократических закоулках так называемой товаропроводящей сети — в стороне от потребителя. Понятно, что при этих условиях промышленность и сельское хозяйство теряли всякий стимул к расширению производства, товаропроводящая сеть затоваривалась, а рабочие и крестьяне оставались без товаров и продуктов. В результате — расстройство экономической жизни страны, несмотря на наличие товаров и продуктов. Чтобы экономическая жизнь страны могла забить ключом, а промышленность и сельское хозяйство имели стимул к дальнейшему росту своей продукции, надо иметь еще одно условие, а именно, — развернутый *товарооборот* между городом и деревней, между районами и областями страны, между различными отраслями народного хозяйства. Необходимо, чтобы страна была покрыта богатой сетью торговых баз, магазинов, лавок. Необходимо, чтобы по каналам этих баз,

магазинов, лавок безостановочно циркулировали товары от мест производства к потребителю. Необходимо, чтобы в это дело были вовлечены и государственная торговая сеть, и кооперативная торговая сеть, и местная промышленность, и колхозы, и единоличные крестьяне.

Это и называется у нас развернутой *советской торговлей*, торговлей *без* капиталистов, торговлей *без* спекулянтов.

Как видите, развертывание советской торговли является той актуальнейшей задачей, без разрешения которой невозможно дальше двигаться вперед.

И все же, несмотря на полную очевидность этой истины, партии пришлось преодолевать за отчетный период целый ряд препятствий на пути к развертыванию советской торговли, которые можно было бы формулировать для краткости, как результат вывиха ума у одной части коммунистов по вопросам о необходимости и значении советской торговли.

Начать с того, что в рядах одной части коммунистов все еще царит высокомерное, пренебрежительное отношение к торговле вообще, к советской торговле, в частности. Эти, с позволения сказать, коммунисты рассматривают советскую торговлю, как второстепенное, нестоящее дело, а работников торговли, — как конченных людей. Эти люди, очевидно, не понимают, что своим высокомерным отношением к советской торговле они выражают не большевистские взгляды, а взгляды захудалых дворян, имеющих большую амбицию, но лишенных всякой амуниции. *(Аплодисменты.)* Эти люди не понимают, что советская торговля есть наше, родное, большевистское дело, а работники торговли, в том числе работники прилавка, если они только работают честно, — являются проводниками нашего, революционного, большевистского дела. *(Аплодисменты.)* Понятно, что партии пришлось слегка погромить этих, с позволения сказать, коммунистов, а их дворянские предрассудки — бросить в помойную яму. *(Продолжительные аплодисменты.)*

Пришлось преодолеть, далее, предрассудки другого рода. Речь идет о левацкой болтовне, имеющей хождение среди одной части наших работников, о том, что советская торговля является якобы пройденной стадией, что нам надо наладить прямой продуктообмен, что деньги будут скоро отменены, так как они превратились якобы в простые расчетные знаки, что незачем развивать торговлю, ежели стучится в дверь прямой продуктообмен. Следует отметить, что эта левацко-мелкобуржуазная болтовня, играющая наруку капиталистическим элементам, стремящимся сорвать развертывание советской торговли, имеет хождение не только среди одной части красных профессоров, но и

среди некоторых работников торговли. Конечно, смешно и забавно, что эти люди, неспособные наладить простейшее дело советской торговли, болтают о своей готовности наладить более сложное и трудное дело прямого продуктообмена. Но Дон-Кихоты потому и называются Дон-Кихотами, что они лишены элементарного чутья жизни. Эти люди, которые так же далеки от марксизма, как небо от земли, очевидно, не понимают, что деньги останутся у нас еще долго, вплоть до завершения первой стадии коммунизма, — социалистической стадии развития. Они не понимают, что деньги являются тем инструментом буржуазной экономики, который взяла в свои руки Советская власть и приспособила к интересам социализма для того, чтобы развернуть во-всю советскую торговлю и подготовить тем самым условия для прямого продуктообмена. Они не понимают, что продуктообмен может притти лишь на смену и в результате идеально налаженной советской торговли, чего у нас нет и в помине и что не скоро будет у нас. Понятно, что партия, стремясь организовать развернутую советскую торговлю, сочла необходимым погромить и этих „левых“ уродов, а их мелко-буржуазную болтовню — пустить на ветер.

Пришлось, далее, преодолеть нездоровые привычки торговых работников к механическому распределению товаров, ликвидировать пренебрежение к требованиям ассортимента и к требованиям потребителя, ликвидировать механическую засылку товаров, обезличку в торговле. В этих целях были открыты торговые базы, областные и межрайонные, открыты десятки тысяч новых магазинов и палаток.

Пришлось ликвидировать, далее, монопольное положение кооперации на рынке, в связи с чем обязали все наркоматы открыть торговлю собственными товарами, а Наркомснаб — развернуть широкую коммерческую торговлю сельско-хозяйственными продуктами, что привело, с одной стороны, в порядке соревнования, к улучшению торговли в кооперации, а с другой стороны — к снижению цен на рынке, к оздоровлению рынка.

Развернули широкую сеть столовых с пониженными ценами на отпускаемый товар („общественное питание“), организовали отделы рабочего снабжения („ОРСы“) при заводах и фабриках с откреплением от заводского снабжения элементов, не имеющих отношения к заводу, при чем по одной лишь системе Наркомтяжа пришлось открепить не менее 500 тысяч посторонних элементов.

Наладили единый централизованный банк краткосрочного кредита — Государственный банк с 2 тысячами 200 районных отделений на местах, способных финансировать торговые операции.

В результате этих мероприятий мы имеем за отчетный период:

а) рост сети магазинов и торговых палаток со 184 тысяч 662 единиц в 1930 году до 277 тысяч 974 в 1933 году;

б) вновь созданную сеть областных торговых баз в количестве 1 тысячи 11 единиц и межрайонных торговых баз в количестве 864 единиц;

в) вновь созданную сеть ОРСов в количестве 1 тысячи 600 единиц;

г) рост сети коммерческих магазинов по торговле хлебом, охватывающей в настоящее время 330 городов;

д) рост сети столовых общественного питания, охватывающей в настоящее время 19 миллионов 800 тысяч потребителей;

е) рост товарооборота по государственной и кооперативной линии со включением столовых общественного питания с 18 миллиардов 900 миллионов рублей в 1930 году до 49 миллиардов рублей в 1933 году.

Было бы ошибочно думать, что всего этого разворота советской торговли достаточно, чтобы удовлетворить потребности нашей экономики. Наоборот, теперь больше, чем когда-либо, становится ясным, что нынешнее состояние товарооборота не может удовлетворить наших потребностей. Поэтому задача состоит в том, чтобы развернуть дальше советскую торговлю, втянуть в это дело местную промышленность, усилить колхозно-крестьянскую торговлю и добиться новых решающих успехов в области подъема советской торговли.

Необходимо, однако, отметить, что дело не может ограничиться одним лишь развертыванием советской торговли. Если развитие нашей экономики упирается в развитие товарооборота, в развитие советской торговли, то развитие советской торговли в свою очередь упирается в развитие нашего транспорта как железнодорожного и водного, так и автомобильного. Может случиться, что товары есть, имеется полная возможность развернуть товарооборот, но транспорт не поспевает за развитием товарооборота и отказывается вести грузы. Как известно, оно так и бывает у нас сплошь и рядом. Поэтому, транспорт является тем узким местом, о которое может споткнуться, да, пожалуй, уже начинает спотыкаться вся наша экономика и, прежде всего, наш товарооборот.

Правда, железнодорожный транспорт увеличил свой грузооборот с 133,9 миллиардов тонно-километров в 1930 году до 172 миллиардов тонно-километров в 1933 году. Но этого мало, слишком мало для нас, для нашей экономики.

Водный транспорт увеличил свой грузооборот с 45,6 миллиардов тонно-километров в 1930 году до 59,9 миллиардов тонно-кило-

метров в 1933 году. Но этого мало, слишком мало для нашей экономики.

Я уже не говорю об автомобильном транспорте, парк которого увеличился с 8 тысяч 800 автомобилей (грузовых и легковых) в 1913 году до 117 тысяч 800 автомобилей в конце 1933 года. Этого так мало для нашего народного хозяйства, что стыдно даже говорить об этом.

Не может быть сомнения, что все эти виды транспорта могли бы работать много лучше, если бы органы транспорта не болели известной болезнью, называемой канцелярско-бюрократическим методом руководства. Поэтому, кроме того, что нужно помочь транспорту людьми и средствами, задача состоит в том, чтобы искоренить в органах транспорта бюрократически-канцелярское отношение к делу и сделать их более оперативными.

Товарищи! Мы добились того, что основные вопросы промышленности решены правильно, и промышленность стоит теперь твердо на ногах. Мы добились того, что основные вопросы сельского хозяйства также решены правильно, и сельское хозяйство — мы можем сказать это прямо — также стоит теперь твердо на ногах. Но мы можем лишиться этих достижений, если наш товарооборот начнет хромать, и транспорт окажется у нас гирей на ногах. Поэтому задача развертывания товарооборота и решительного улучшения транспорта является той очередной и актуальнейшей задачей, без разрешения которой мы не можем двигаться вперед.

III
ПАРТИЯ

Перехожу к вопросу о партии.

Настоящий съезд проходит под флагом полной победы ленинизма, под флагом ликвидации остатков антиленинских группировок.

Разбита и рассеяна антиленинская группа троцкистов. Ее организаторы околачиваются теперь за границей на задворках буржуазных партий.

Разбита и рассеяна антиленинская группа правых уклонистов. Ее организаторы давно уже отреклись от своих взглядов и теперь всячески стараются загладить свои грехи перед партией.

Разбиты и рассеяны национал-уклонистские группировки. Их организаторы либо окончательно спаялись с интервенционистской эмиграцией, либо принесли повинную.

Большинство сторонников этих антиреволюционных групп вынуждено было признать правильность линии партии и капитулировало перед партией.

Если на XV съезде приходилось еще доказывать правильность линии партии и вести борьбу с известными антиленинскими группировками, а на XVI съезде — добивать последних приверженцев этих группировок, то на этом съезде — и доказывать нечего, да, пожалуй — и бить некого. Все видят, что линия партии победила. *(Гром аплодисментов.)*

Победила политика индустриализации страны. Ее результаты для всех теперь очевидны. Что можно возразить против этого факта?

Победила политика ликвидации кулачества и сплошной коллективизации. Ее результаты также очевидны для всех. Что можно возразить против этого факта?

Доказано на опыте нашей страны, что победа социализма в одной, отдельно взятой стране — вполне возможна. Что можно возразить против этого факта?

Очевидно, что все эти успехи и, прежде всего, победа пятилетки окончательно деморализовали и разбили вдрах все и всякие антиленинские группировки.

Надо признать, что партия сплочена теперь воедино, как никогда раньше. *(Бурные, долго не смолкающие аплодисменты.)*

1. ВОПРОСЫ ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РУКОВОДСТВА

Значит ли это, однако, что борьба кончена и дальнейшее наступление социализма отпадает, как излишняя вещь?

Нет, не значит.

Значит ли это, что у нас все обстоит в партии благополучно, никаких уклонов не будет в ней больше и — стало быть — можно теперь почить на лаврах?

Нет, не значит.

Врагов партии, оппортунистов всех мастей, национал-уклонистов всякого рода — разбили. Но остатки их идеологии живут еще в головах отдельных членов партии и нередко дают о себе знать. Партию нельзя рассматривать, как нечто оторванное от окружающих людей. Она живет и подвизается внутри окружающей ее среды. Неудивительно, что в партию проникают нередко извне нездоровые настроения. А почва для таких настроений несомненно имеется в нашей стране, хотя бы потому, что у нас все еще существуют некоторые промежуточные слои населения как в городе, так и в деревне, представляющие питательную среду для таких настроений.

XVII конференция нашей партии сказала, что одна из основных политических задач при осуществлении второй пятилетки состоит „в преодолении пережитков капитализма в экономике и сознании людей“. Это совершенно правильная мысль. Но можно ли сказать,

что мы уже преодолели все пережитки капитализма в экономике? Нет, нельзя этого сказать. Тем более нельзя сказать, что мы преодолели пережитки капитализма в сознании людей. Нельзя этого сказать не только потому, что сознание людей в его развитии отстает от их экономического положения, но и потому, что все еще существует капиталистическое окружение, которое старается оживлять и поддерживать пережитки капитализма в экономике и сознании людей в СССР и против которого мы, большевики — должны все время держать порох сухим.

Понятно, что эти пережитки не могут не являться благоприятной почвой для оживления идеологии разбитых антиленинских групп в головах отдельных членов нашей партии. Добавьте к этому не очень высокий теоретический уровень большинства членов нашей партии, слабую идеологическую работу партийных органов, загруженность наших партийных работников чисто практической работой, отнимающую у них возможность пополнить свой теоретический багаж, — и вы поймете, откуда берется та путаница по ряду вопросов ленинизма в головах отдельных членов партии, которая нередко проникает в нашу печать и которая облегчает дело оживления остатков идеологии разбитых антиленинских групп.

Вот почему нельзя говорить, что борьба кончена и нет больше необходимости в политике наступления социализма.

Можно было бы взять ряд вопросов ленинизма и продемонстрировать на них — насколько еще живучи среди некоторых членов партии остатки идеологии разбитых антиленинских групп.

Взять, например, вопрос о построении *бесклассового социалистического общества*. XVII конференция партии сказала, что мы идем к созданию бесклассового, социалистического общества. Понятно, что бесклассовое общество не может притти в порядке, так сказать, самотека. Его надо завоевать и построить усилиями всех трудящихся — путем усиления органов диктатуры пролетариата, путем развертывания классовой борьбы, путем уничтожения классов, путем ликвидации остатков капиталистических классов, в боях с врагами как внутренними, так и внешними.

Дело кажется ясное.

А между тем кому не известно, что провозглашение этого ясного и элементарного тезиса ленинизма породило немалую путаницу в головах и нездоровые настроения среди одной части членов партии? Тезис о нашем продвижении к бесклассовому обществу, данный, как лозунг, они поняли, как стихийный процесс. И они прикидывали: ежели бесклассовое общество, то значит — можно ослабить классовую борьбу, можно ослабить диктатуру пролетариата и вообще покончить с государством,

которое все равно должно отмереть в ближайшее время. И они приходили в телячий восторг в ожидании того, что скоро не будет никаких классов, — значит не будет классовой борьбы, — значит не будет забот и треволнений, — значит можно сложить оружие и пойти на боковую — спать в ожидании пришествия бесклассового общества. *(Общий смех всего зала.)*

Не может быть сомнения, что эта путаница в головах и эти настроения, как две капли воды, похожи на известные взгляды правых уклонистов, в силу которых старое должно самотеком врасти в новое, и в один прекрасный день мы незаметно должны оказаться в социалистическом обществе.

Как видите, остатки идеологии разбитых антиленинских групп вполне способны к оживлению и далеко еще не потеряли своей живучести.

Понятно, что если бы эта путаница во взглядах и эти небольшевистские настроения овладели большинством нашей партии, партия оказалась бы демобилизованной и разоруженной.

Возьмем, далее, вопрос о сельско-хозяйственной *артели* и сельско-хозяйственной *коммуне*. Теперь все признают, что артель является при нынешних условиях единственно правильной формой колхозного движения. И это вполне понятно: а) артель правильно сочетает личные, бытовые интересы колхозников с их общественными интересами, б) артель удачно приспособляет личные, бытовые интересы — к общественным интересам, облегчая тем самым воспитание вчерашних единоличников в духе коллективизма.

В отличие от артели, где обобществлены только средства производства, в коммунах до последнего времени были обобществлены не только средства производства, но и быт каждого члена коммуны, т. е. члены коммуны в отличие от членов артели не имели в личном владении домашнюю птицу, мелкий скот, корову, зерно, приусадебную землю. Это значит, что в коммунах личные, бытовые интересы членов не столько учитывались и сочетались с интересами общественными, сколько заглушались последними в интересах мелко-буржуазной уравниловки. Понятно, что это обстоятельство является самой слабой стороной коммун. Этим собственно и объясняется, что коммуны не имеют большого распространения и попадаются лишь единицами и десятками. По этой же причине коммуны, чтобы отстоять свое существование и не развалиться, оказались вынужденными отказаться от обобществления быта, начинают работать по трудодням, стали выдавать зерно на дом, допускают личное владение домашней птицей, мелким скотом, коровой и т. д., но из этого следует, что коммуны фактически перешли на положение артелей. И в этом нет

ничего плохого, ибо этого требуют интересы здорового развития массового колхозного движения.

Это не значит, конечно, что коммуна вообще не нужна, что она не является больше высшей формой колхозного движения. Нет, коммуна нужна и она, конечно, является высшей формой колхозного движения, но не нынешняя коммуна, которая возникла на базе неразвитой техники и недостатка продуктов и которая сама переходит на положение артели, а — будущая коммуна, которая возникнет на базе более развитой техники и обилия продуктов. Нынешняя сельско-хозяйственная коммуна возникла на основе мало развитой техники и недостатка продуктов. Этим, собственно, и объясняется, что она практиковала уравниловку и мало считалась с личными, бытовыми интересами своих членов, ввиду чего она вынуждена теперь перейти на положение артели, где разумно сочетаются личные и общественные интересы колхозников. Будущая коммуна вырастет из развитой и зажиточной артели. Будущая сельско-хозяйственная коммуна возникнет тогда, когда на полях и в фермах артели будет обилие зерна, скота, птицы, овощей и всяких других продуктов, когда при артелях заведутся механизированные прачечные, современные кухни-столовые, хлебозаводы и т. д., когда колхозник увидит, что ему выгоднее получать мясо и молоко с фермы, чем заводить свою корову и мелкий скот, когда колхозница увидит, что ей выгоднее обедать в столовой, брать хлеб с хлебозавода и получать стиранное белье из общественной прачечной, чем самой заниматься этим делом. Будущая коммуна возникнет на базе более развитой техники и более развитой артели, на базе обилия продуктов. Когда это будет? Конечно, не скоро. Но это будет. Было бы преступлением искусственно ускорять процесс перерастания артели в будущую коммуну. Это спутало бы все карты и облегчило бы дело наших врагов. Процесс перерастания артели в будущую коммуну должен происходить постепенно, по мере того, как *все* колхозники будут убеждаться в необходимости такого перерастания.

Так обстоит дело с вопросом об артели и коммуне.

Дело, казалось бы, ясное и почти что элементарное.

А между тем, среди одной части членов партии имеется изрядная путаница по этому вопросу. Считают, что, объявив артель основной формой колхозного движения, партия отдалилась от социализма, отступила назад от коммуны, от высшей формы колхозного движения — к низшей. Почему, спрашивается? Потому, оказывается, что в артели нет равенства, так как там сохраняется разница в потребностях и в личном быту членов артели, тогда как в коммуне есть равенство, так как там уравнены и потреб-

ности и личное бытовое положение ее членов. Но, во-первых, у нас нет больше таких коммун, где бы существовали поравнение, уравниловка в области потребностей и личного быта. Практика показала, что коммуны наверняка погибли бы, если бы они не отказались от уравниловки и не перешли на деле на положение артели. Стало быть, нечего ссылаться на то, чего нет уже в природе. Во-вторых, всякому ленинцу известно, если он только настоящий ленинец, что уравниловка в области потребностей и личного быта есть реакционная мелко-буржуазная нелепость, достойная какой-нибудь первобытной секты аскетов, но не социалистического общества, организованного по-марксистски, ибо нельзя требовать, чтобы у всех людей были одинаковые потребности и вкусы, чтобы все люди в своем личном быту жили по одному образцу. И наконец: разве среди рабочих не сохраняется разница как в потребностях, так и в их личном быту? Значит ли это, что рабочие стоят дальше от социализма, чем члены сельскохозяйственных коммун?

Эти люди очевидно думают, что социализм требует уравниловки, уравнения, нивелировки потребностей и личного быта членов общества. Нечего и говорить, что такое предположение не имеет ничего общего с марксизмом, ленинизмом. Под равенством марксизм понимает не уравниловку в области личных потребностей и быта, а уничтожение классов, т. е. а) равное освобождение всех трудящихся от эксплоатации после того, как капиталисты свергнуты и экспроприированы, б) равную отмену для всех частной собственности на средства производства после того, как они переданы в собственность всего общества, в) равную обязанность всех трудиться по своим способностям и равное право всех трудящихся получать за это по их труду (*социалистическое* общество), г) равную обязанность всех трудиться по своим способностям и равное право всех трудящихся получать за это по их потребностям (*коммунистическое* общество). При этом марксизм исходит из того, что вкусы и потребности людей не бывают и не могут быть одинаковыми и равными по качеству или по количеству ни в период социализма, ни в период коммунизма.

Вот вам марксистское понимание равенства.

Никакого другого равенства марксизм не признавал и не признает.

Делать отсюда вывод, что социализм требует уравниловки, уравнивания, нивелировки потребностей членов общества, нивелировки их вкусов и личного быта, что по марксизму все должны ходить в одинаковых костюмах и есть одни и те же блюда, в одном и том же количестве, — значит говорить пошлости и клеветать на марксизм.

Пора усвоить, что марксизм является врагом уравниловки. Еще в „Манифесте коммунистической партии“ бичевали Маркс и Энгельс примитивный утопический социализм, называя его реакционным за его проповедь „всеобщего аскетизма и грубой уравнительности“. Энгельс в своем „Анти-Дюринге“ посвятил целую главу бичующей критике „радикального уравнительного социализма“, выдвинутого Дюрингом, как противовес против марксистского социализма.

„Реальное содержание пролетарского требования равенства, — говорил Энгельс, — сводится к требованию уничтожения классов. Всякое требование равенства, идущее дальше этого, неизбежно приводит к нелепости“.

То же самое говорит Ленин:

„Энгельс был тысячу раз прав, когда писал: понятие равенства *помимо* уничтожения классов есть глупейший и вздорный предрассудок. Буржуазные профессора за понятие равенства пытались нас изобличить в том, будто мы хотим одного человека сделать равным другим. В этой бессмыслице, которую они сами придумали, они пытались обвинить социалистов. Но они не знали по своему невежеству, что социалисты — и именно основатели современного научного социализма, Маркс и Энгельс — говорили: равенство есть пустая фраза, если под равенством не понимать уничтожения классов. Классы мы хотим уничтожить, в этом отношении мы стоим за равенство. Но претендовать на то, что мы сделаем всех людей равными друг другу, это пустейшая фраза и глупая выдумка интеллигента“ *(Речь Ленина „Об обмане народа лозунгами свободы и равенства“).*

Кажется, ясно.

Буржуазные писатели охотно изображают марксистский социализм, как старую царскую казарму, где все подчинено „принципу“ уравниловки. Но марксисты не могут быть ответственными за невежество и тупость буржуазных писателей.

Не может быть сомнения, что эта путаница во взглядах у отдельных членов партии насчет марксистского социализма и увлечение уравниловскими тенденциями сельско-хозяйственных коммун похожи, как две капли воды, на мелко-буржуазные взгляды наших левацких головотяпов, у которых идеализация сельско-хозяйственных коммун доходила одно время до того, что они пытались насадить коммуны даже на заводах и фабриках, где квалифицированные и неквалифицированные рабочие, работая каждый по своей профессии, должны были отдавать зарплату в общий котел и делить ее потом поровну. Известно, какой вред причинили нашей промышленности эти уравниловско-мальчишеские упражнения „левых“ головотяпов.

Как видите, остатки идеологии разбитых антипартийных групп имеют довольно большую живучесть.

Понятно, что, если бы эти левацкие взгляды восторжествовали в партии, партия перестала бы быть марксистской, а колхозное движение было бы вконец дезорганизовано.

Или, например, возьмем вопрос о лозунге: *„сделать всех колхозников зажиточными“*. Этот лозунг касается не только колхозников. Он еще больше касается рабочих, так как мы хотим сделать всех рабочих зажиточными, — людьми, ведущими зажиточную и вполне культурную жизнь.

Казалось бы, дело ясное. Незачем было свергать капитализм в октябре 1917 года и строить социализм на протяжении ряда лет, если не добьемся того, чтобы люди жили у нас в довольстве. Социализм означает не нищету и лишения, а уничтожение нищеты и лишений, организацию зажиточной и культурной жизни для всех членов общества.

А между тем, этот ясный и по сути дела элементарный лозунг вызвал целый ряд недоумений, путаницу и неразбериху среди одной части членов партии. Не есть ли, говорят они, этот лозунг возвращение к старому, отвергнутому партией, лозунгу: „обогащайтесь“? Ежели все станут зажиточными, продолжают они, и беднота перестанет существовать, — на кого же нам, большевикам, опираться в своей работе, как же мы будем работать без бедноты?

Может быть это и смешно, но существование таких наивных и антиленинских взглядов среди части членов партии является несомненным фактом, с которым нельзя не считаться.

Эти люди, очевидно, не понимают, что между лозунгом „обогащайтесь“ и лозунгом „сделать всех колхозников зажиточными“ лежит целая пропасть. Во-первых, обогащаться могут только *отдельные* лица или группы, тогда как лозунг о зажиточной жизни касается не отдельных лиц или групп, а *всех* колхозников. Во-вторых, обогащаются *отдельные* лица или группы для того, чтобы подчинить себе остальных людей и *эксплоатировать* их, тогда как лозунг о зажиточной жизни *всех* колхозников при наличии обобществления средств производства в колхозах *исключает* всякую возможность эксплоатации одних другими. В-третьих, лозунг „обогащайтесь“ был дан в период начальной стадии нэпа, когда капитализм частично восстанавливался, когда кулаки были в силе, в стране преобладало единоличное крестьянское хозяйство, а колхозное хозяйство находилось в зачаточном состоянии, тогда как лозунг „сделать всех колхозников зажиточными“ дан в последней стадии нэпа, когда капиталистические элементы в промышленности уничтожены, кулаки в деревне разгромлены, индивидуальное крестьянское хозяйство оттеснено на задний план, а колхозы превращены в господствующую форму сельского хозяй-

ства. Я уже не говорю о том, что лозунг „сделать всех колхозников зажиточными“ дан не изолированно, а в неразрывной связи с лозунгом „сделать колхозы большевистскими“.

Не ясно ли, что лозунг „обогащайтесь“ означал по сути дела призыв — *восстановить* капитализм, тогда как лозунг „сделать всех колхозников зажиточными“ означает призыв — *добить* последние остатки капитализма путем усиления экономической мощи колхозов и превращения всех колхозников в зажиточных тружеников? (*Возгласы:* „Правильно!“)

Не ясно ли, что между этими лозунгами нет и не может быть ничего общего? (*Возгласы:* „Правильно!“)

Что касается того, что без существования бедноты немыслимы будто бы ни большевистская работа, ни социализм, то это такая глупость, о которой неловко даже говорить. Ленинцы опираются на бедноту, когда есть капиталистические элементы и есть беднота, которую эксплоатируют капиталисты. Но когда капиталистические элементы разгромлены, а беднота освобождена от эксплоатации, задача ленинцев состоит не в том, чтобы закрепить и сохранить бедность и бедноту, предпосылки существования которых уже уничтожены, а в том, чтобы уничтожить бедность и поднять бедноту до зажиточной жизни. Было бы глупо думать, что социализм может быть построен на базе нищеты и лишений, на базе сокращения личных потребностей и снижения уровня жизни людей до уровня жизни бедноты, которая к тому же сама не хочет больше оставаться беднотой и прет вверх к зажиточной жизни. Кому нужен такой, с позволения сказать, социализм? Это был бы не социализм, а карикатура на социализм. Социализм может быть построен лишь на базе бурного роста производительных сил общества, на базе обилия продуктов и товаров, на базе зажиточной жизни трудящихся, на базе бурного роста культурности. Ибо социализм, марксистский социализм, означает не сокращение личных потребностей, а всемерное их расширение и расцвет, не ограничение или отказ от удовлетворения этих потребностей, а всестороннее и полное удовлетворение всех потребностей культурно-развитых трудящихся людей.

Не может быть сомнения, что эта путаница во взглядах у отдельных членов партии насчет бедноты и зажиточности есть отражение взглядов наших левацких головотяпов, идеализирующих бедноту, как извечную опору большевизма при всех и всяких условиях, и рассматривающих колхозы, как арену ожесточенной классовой борьбы.

Как видите, и здесь, в этом вопросе, остатки идеологии разбитых антипартийных групп все еще не теряют своей живучести.

Понятно, что если бы подобные головотяпские взгляды одержали победу в нашей партии, колхозы не имели бы тех успехов, которых они добились за последние два года, и они развалились бы в кратчайший срок.

Или взять, например, *национальный вопрос*. И здесь также, в области национального вопроса, как и в области других вопросов, у одной части партии имеется путаница во взглядах, создающая известную опасность. Я говорил о живучести пережитков капитализма. Следует заметить, что пережитки капитализма в сознании людей гораздо более живучи в области национального вопроса, чем в любой другой области. Они более живучи, так как имеют возможность хорошо маскироваться в национальном костюме. Многие думают, что грехопадение Скрыпника есть единичный случай, исключение из правила. Это неверно. Грехопадение Скрыпника и его группы на Украине не есть исключение. Такие же вывихи наблюдаются у отдельных товарищей и в других национальных республиках.

Что значит уклон к национализму, — все равно, идет ли речь об уклоне к великорусскому национализму или об уклоне к местному национализму? Уклон к национализму есть приспособление интернационалистской политики рабочего класса к националистской политике буржуазии. Уклон к национализму отражает попытки „своей“, „национальной“ буржуазии подорвать советский строй и восстановить капитализм. Источник у обоих уклонов, как видите, — общий. Это — *отход* от ленинского интернационализма. Если хотите держать под огнем оба уклона, надо бить, прежде всего, по этому источнику, по тем, которые отходят от интернационализма — все равно — идет ли речь об уклоне к местному национализму, или об уклоне к великорусскому национализму. (*Бурные аплодисменты.*)

Спорят о том, какой уклон представляет главную опасность, уклон к великорусскому национализму или уклон к местному национализму? При современных условиях это — формальный и поэтому пустой спор. Глупо было бы давать пригодный для всех времен и условий готовый рецепт о главной и неглавной опасности. Таких рецептов нет вообще в природе. Главную опасность представляет тот уклон, против которого перестали бороться и которому дали таким образом разрастись до государственной опасности. (*Продолжительные аплодисменты.*)

На Украине еще совсем недавно уклон к украинскому национализму не представлял главной опасности, но когда перестали с ним бороться и дали ему разрастись до того, что он сомкнулся с интервенционистами, этот уклон стал главной опасностью. Вопрос о главной опасности в области национального вопроса

решается не пустопорожними формальными спорами, а марксистским анализом положения дел в данный момент и изучением тех ошибок, которые допущены в этой области.

То же самое надо сказать *о правом и „левом" уклоне* в области общей политики. И здесь, как и в других областях, имеется немалая путаница во взглядах у отдельных членов нашей партии. Иногда, ведя борьбу против правого уклона, отводят руку от „левого" уклона и ослабляют борьбу с ним, полагая, что он не опасен, или мало опасен. Это серьезная и опасная ошибка. Это уступка „левому" уклону, недопустимая для члена партии. Это тем более недопустимо, что в последнее время „левые" окончательно скатились на позицию правых и по сути дела ничем от них уже не отличаются.

Мы всегда заявляли, что „левые" — это те же правые, маскирующие свою правизну левыми фразами. Теперь „левые" сами подтверждают это наше заявление. Возьмите прошлогодние номера троцкистского „Бюллетеня". Чего требуют и о чем пишут там господа троцкисты, в чем выражается их „левая" программа? Они требуют: *роспуска совхозов,* как нерентабельных, *роспуска большей части колхозов,* как дутых, *отказа от политики ликвидации кулачества, возврата к концессионной политике и сдачи в концессию целого ряда наших промышленных предприятий,* как нерентабельных.

Вот вам программа презренных трусов и капитулянтов, контрреволюционная программа восстановления капитализма в СССР!

Чем она отличается от программы крайних правых? Ясно, что ничем. Выходит, что „левые" открыто присоединились к контрреволюционной программе правых для того, чтобы составить с ними блок и повести совместную борьбу против партии.

Как можно после этого говорить, что „левые" не опасны или мало опасны? Не ясно ли, что люди, говорящие такую несуразицу, льют воду на мельницу заклятых врагов ленинизма?

Как видите, и здесь, в области уклонов от линии партии, — все равно, идет ли речь об уклонах по общей политике, или об уклонах в национальном вопросе, — пережитки капитализма в сознании людей, в том числе в сознании отдельных членов нашей партии — имеют достаточную живучесть.

Вот вам несколько серьезных и актуальных вопросов нашей идейно-политической работы, по которым имеются в отдельных прослойках партии неясность взглядов, путаница, а то и прямое отклонение от ленинизма. А ведь это не единственные вопросы, на которых можно было бы демонстрировать путаницу во взглядах среди отдельных членов партии.

Можно ли после этого говорить, что у нас все обстоит в партии благополучно?

Ясно, что нельзя.

Наши задачи в области идейно-политической работы:

1) Поднять теоретический уровень партии на должную высоту;

2) Усилить идеологическую работу во всех звеньях партии;

3) Вести неустанную пропаганду ленинизма в рядах партии;

4) Воспитывать парторганизации и окружающий их беспартийный актив в духе ленинского интернационализма;

5) Не замазывать, а критиковать смело отклонения некоторых товарищей от марксизма-ленинизма;

6) Систематически разоблачать идеологию и остатки идеологии враждебных ленинизму течений.

2. ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИОННОГО РУКОВОДСТВА

Я говорил о наших успехах. Говорил о победе линии партии как в области народного хозяйства и культуры, так и в области преодоления антиленинских группировок в партии. Я говорил о всемирно-историческом значении нашей победы. Это не значит, однако, что победа одержана везде и во всем и уже разрешены все вопросы. Таких успехов и побед вообще не бывает в природе. Неразрешенных вопросов и прорех всякого рода остается у нас еще не мало. Впереди у нас — куча задач, требующих разрешения. Но это несомненно означает, что бо̀льшая часть неотложных очередных задач уже разрешена с успехом, и в этом смысле величайшая победа нашей партии не подлежит сомнению.

Но вот вопрос: как создавалась эта победа, как она добывалась на деле, какой борьбой, какими усилиями?

Некоторые думают, что достаточно выработать правильную линию партии, провозгласить ее во всеуслышание, изложить ее в виде общих тезисов и резолюций и проголосовать ее единогласно, чтобы победа пришла сама собой, так сказать, самотеком. Это, конечно, неверно. Это большое заблуждение. Так могут думать только неисправимые бюрократы и канцеляристы. На самом деле, эти успехи и победы были получены не в порядке самотека, а в порядке ожесточенной борьбы за проведение линии партии. Победа никогда не приходит сама, — ее обычно притаскивают. Хорошие резолюции и декларации за генеральную линию партии — это только начало дела, ибо они означают лишь желание победить, но не самую победу. После того, как дана правильная линия, после того, как дано правильное решение вопроса, успех дела зависит от организационной работы, от организации борьбы за проведение в жизнь линии партии, от правильного подбора

людей, от проверки исполнения решений руководящих органов. Без этого правильная линия партии и правильные решения рискуют потерпеть серьезный ущерб. Более того: после того, как дана правильная политическая линия, организационная работа решает все, в том числе и судьбу самой политической линии, — ее выполнение, или ее провал.

На самом деле победа была добыта и завоевана путем систематической и жестокой борьбы со всякого рода трудностями на пути к проведению линии партии, путем преодоления этих трудностей, путем мобилизации партии и рабочего класса на дело преодоления трудностей, путем организации борьбы за преодоление трудностей, путем смещения негодных работников и подбора лучших, способных повести борьбу с трудностями.

Что это за трудности и где они гнездятся?

Эти трудности являются трудностями нашей организационной работы, трудностями нашего организационного руководства. Они гнездятся в нас самих, в наших руководящих работниках, в наших организациях, в аппаратах наших партийных, советских, хозяйственных, профсоюзных, комсомольских и всяких иных организаций.

Нужно понять, что сила и авторитет наших партийно-советских, хозяйственных и всяких иных организаций и их руководителей выросли до небывалой степени. И именно потому, что их сила и авторитет выросли до небывалой степени, — от их работы зависит теперь все или почти все. Ссылка на так называемые объективные условия не имеет оправдания. После того, как правильность политической линии партии подтверждена опытом ряда лет, а готовность рабочих и крестьян поддержать эту линию не вызывает больше сомнений, — роль так называемых объективных условий свелась к минимуму, тогда как роль наших организаций и их руководителей стала решающей, исключительной. А что это значит? Это значит, что ответственность за наши прорывы и недостатки в работе ложится отныне на девять десятых не на „объективные“ условия, а на нас самих, и только на нас.

Мы имеем в партии более двух миллионов членов и кандидатов. Мы имеем в комсомоле более четырех миллионов членов и кандидатов. Мы имеем свыше трех миллионов рабочих и крестьянских корреспондентов. В Осоавиахиме имеется у нас больше 12 миллионов членов. В профсоюзах — свыше 17 миллионов членов. Этим организациям обязаны мы нашими успехами. И если, несмотря на наличие таких организаций и таких возможностей, облегчающих достижение успехов, мы имеем не мало недостатков в работе и не малое количество прорывов, то виноваты

в этом только мы, наша организационная работа, наше плохое организационное руководство.

Бюрократизм и канцелярщина аппаратов управления; болтовня о „руководстве вообще“ вместо живого и конкретного руководства; функциональное построение организаций и отсутствие личной ответственности; обезличка в работе и уравниловка в системе зарплаты; отсутствие систематической проверки исполнения; боязнь самокритики, — вот где источники наших трудностей, вот где гнездятся теперь наши трудности.

Было бы наивно думать, что можно побороть эти трудности при помощи резолюций и постановлений. Бюрократы и канцеляристы давно уже набили руку на том, чтобы на словах продемонстрировать верность решениям партии и правительства, а на деле — положить их под сукно. Чтобы побороть эти трудности, надо было ликвидировать отставание нашей организационной работы от требований политической линии партии, надо было поднять уровень организационного руководства во всех сферах народного хозяйства до уровня политического руководства, надо было добиться того, чтобы наша организационная работа обеспечивала практическое проведение в жизнь политических лозунгов и решений партии.

Чтобы побороть эти трудности и добиться успехов, надо было *организовать* борьбу за преодоление этих трудностей, надо было вовлечь массы рабочих и крестьян в эту борьбу, надо было мобилизовать самоё партию, надо было очистить партию и хозяйственные организации от ненадежных, неустойчивых, переродившихся элементов.

Что требовалось для этого?

Нам нужно было организовать:

1) Развертывание самокритики и вскрытие недостатков в нашей работе;

2) Мобилизацию партийных, советских, хозяйственных, профсоюзных и комсомольских организаций на борьбу с трудностями;

3) Мобилизацию рабоче-крестьянских масс на борьбу за проведение в жизнь лозунгов и решений партии и правительства;

4) Развертывание соревнования и ударничества среди трудящихся;

5) Широкую сеть политотделов МТС и совхозов и приближение партийно-советского руководства к селу;

6) Разукрупнение наркоматов, главных управлений и трестов и приближение хозяйственного руководства к предприятию;

7) Уничтожение обезлички в работе и ликвидацию уравниловки в системе зарплаты;

8) Уничтожение „функционалки“, усиление личной ответственности и установку на ликвидацию коллегий;

9) Усиление проверки исполнения и установку на реорганизацию ЦКК и РКИ в духе дальнейшего усиления проверки исполнения;

10) Передвижку квалифицированных работников из канцелярии поближе к производству;

11) Разоблачение и изгнание из аппаратов управления неисправимых бюрократов и канцеляристов;

12) Снятие с постов нарушителей решений партии и правительства, очковтирателей и болтунов и выдвижение на их место новых людей — людей дела, способных обеспечить конкретное руководство порученной работой и укрепление партийно-советской дисциплины;

13) Чистку советско-хозяйственных организаций и сокращение их штатов;

14) Наконец, чистку партии от ненадежных и переродившихся людей.

Вот в основном те средства, которые должна была выдвинуть партия для того, чтобы побороть трудности, поднять уровень нашей организационной работы до уровня политического руководства и обеспечить, таким образом, проведение в жизнь линии партии.

Вы знаете, что ЦК нашей партии так именно и вел свою организационную работу за отчетный период.

ЦК руководствовался при этом гениальной мыслью Ленина о том, что главное в организационной работе — *подбор людей и проверка исполнения.*

По части подбора людей и смещения тех, которые не оправдали себя, я хотел бы сказать несколько слов.

Помимо неисправимых бюрократов и канцеляристов, насчет устранения которых у нас нет никаких разногласий, есть у нас еще два типа работников, которые тормозят нашу работу, мешают нашей работе и не дают нам двигаться вперед.

Один тип работников это люди с известными заслугами в прошлом, люди, ставшие вельможами, люди, которые считают, что партийные и советские законы писаны не для них, а для дураков. Это те самые люди, которые не считают своей обязанностью исполнять решения партии и правительства и которые разрушают, таким образом, основы партийной и государственной дисциплины. На что они рассчитывают, нарушая партийные и советские законы? Они надеются на то, что Советская власть не решится тронуть их из-за их старых заслуг. Эти зазнавшиеся вельможи думают, что они незаменимы и что они могут безнаказанно нарушать решения

руководящих органов. Как быть с такими работниками? Их надо без колебаний снимать с руководящих постов, невзирая на их заслуги в прошлом. (*Возгласы:* „Правильно!") Их надо смещать с понижением по должности и опубликовывать об этом в печати. (*Возгласы:* „Правильно!") Это необходимо для того, чтобы сбить спесь с этих зазнавшихся вельмож-бюрократов и поставить их на место. Это необходимо для того, чтобы укрепить партийную и советскую дисциплину во всей нашей работе. (*Возгласы:* „Правильно!" *Аплодисменты.*)

А теперь о втором типе работников. Я имею в виду тип болтунов, я бы сказал, честных болтунов (*смех*), людей честных, преданных Советской власти, но не способных руководить, не способных что-либо организовать. У меня в прошлом году была беседа с одним таким товарищем, очень уважаемым товарищем, но неисправимым болтуном, способным потопить в болтовне любое живое дело. Вот она, эта беседа.

Я: Как у вас обстоит дело с севом?

Он: С севом, товарищ Сталин? Мы мобилизовались. (*Смех.*)

Я: Ну, и что же?

Он: Мы поставили вопрос ребром. (*Смех.*)

Я: Ну, а дальше как?

Он: У нас есть перелом, товарищ Сталин, скоро будет перелом. (*Смех.*)

Я: А все-таки?

Он: У нас намечаются сдвиги. (*Смех.*)

Я: Ну, а все-таки, как у вас с севом?

Он: С севом у нас пока ничего не выходит, товарищ Сталин. (*Общий хохот.*)

Вот вам физиономия болтуна. Они мобилизовались, поставили вопрос ребром, у них и перелом, и сдвиги, а дело не двигается с места.

Точь в точь так, как охарактеризовал недавно один украинский рабочий состояние одной организации, когда его спросили о наличии линии в этой организации: „Что же, линия... линия, конечно, есть, только работы не видно". (*Общий смех.*) Очевидно, что эта организация тоже имеет своих честных болтунов.

И когда снимаешь с постов таких болтунов, отсылая их подальше от оперативной работы, они разводят руками и недоумевают: „За что же нас снимают? Разве мы не сделали всего того, что необходимо для дела, разве мы не собрали слет ударников, разве мы не провозгласили на конференции ударников лозунгов партии и правительства, разве мы не избрали весь состав Политбюро ЦК в почетный президиум (*общий смех*), разве не послали приветствие товарищу Сталину, — чего же еще хотите от нас?" (*Общий хохот.*)

Как быть с этими неисправимыми болтунами? Ведь если их оставить на оперативной работе, они способны потопить любое живое дело в потоке водянистых и нескончаемых речей. Очевидно, что их надо снимать с руководящих постов и ставить на другую, не оперативную работу. Болтунам не место на оперативной работе. *(Возгласы:* „Правильно!“ *Аплодисменты.)*

Как направлял ЦК дело подбора людей в советских и хозяйственных организациях и как он вел дело укрепления проверки исполнения, — я уже доложил коротко. Более подробно доложит вам товарищ Каганович по третьему пункту порядка дня съезда.

Что касается дальнейшей работы по усилению проверки исполнения, то об этом я хотел бы сказать несколько слов.

Правильная организация проверки исполнения имеет решающее значение в деле борьбы с бюрократизмом и канцелярщиной. Проводятся ли решения руководящих организаций или кладутся под сукно бюрократами и канцеляристами? Проводятся ли они правильно или извращаются? Работает ли аппарат честно и по-большевистски или вертится на холостом ходу, — обо всем этом можно узнать во-время лишь в результате хорошо поставленной проверки исполнения. Хорошо поставленная проверка исполнения — это тот прожектор, который помогает освещать состояние работы аппарата в любое время и выводить на свет божий бюрократов и канцеляристов. Можно с уверенностью сказать, что девять десятых наших прорех и прорывов объясняется отсутствием правильно поставленной проверки исполнения. Не может быть сомнения, что при наличии такой проверки исполнения прорехи и прорывы были бы наверняка предупреждены.

Но, чтобы проверка исполнения достигла цели, необходимы по крайней мере два условия: во-первых,—чтобы проверка исполнения была систематическая, а не эпизодическая; во-вторых, — чтобы во главе дела проверки исполнения во всех звеньях партийно-советских и хозяйственных организаций стояли не второстепенные лица, а достаточно авторитетные люди, — сами руководители организации.

Наибольшее значение имеет правильная организация проверки исполнения для центральных руководящих учреждений. РКИ по своей организации не может удовлетворять требованиям хорошо поставленной проверки исполнения. Несколько лет тому назад, когда наша хозяйственная работа была более проста и менее удовлетворительна и когда можно было рассчитывать на возможность *инспектирования* работы всех наркоматов и всех хозорганизаций, РКИ была на месте. Но теперь, когда наша хозяйственная работа разрослась и стала сложнее, и когда нет уже ни необходимости, ни возможности *инспектировать* ее из

одного центра, РКИ должна перестроиться. Нам нужна теперь не инспекция, а проверка исполнения решений центра, — нам нужен теперь *контроль* над исполнением решений центра. Нам нужна теперь такая организация, которая, не задаваясь универсальной целью инспектирования всех и вся, могла бы сосредоточить все свое внимание на работе по контролю, на работе по проверке исполнения решений центральных учреждений Советской власти. Такой организацией может быть только Комиссия советского контроля при СНК Союза ССР, работающая по заданиям СНК и имеющая на местах независимых от местных органов представителей. А чтобы у нее был достаточный авторитет и чтобы она могла в случае необходимости привлечь к ответственности любого ответственного работника, — необходимо, чтобы кандидаты в члены Комиссии советского контроля намечались съездом партии и утверждались СНК и ЦИК'ом Союза ССР. Я думаю, что только такая организация могла бы укрепить советский контроль и советскую дисциплину.

Что касается ЦКК, то, как известно, она была создана прежде всего и главным образом для предупреждения раскола в партии. Вы знаете, что опасность раскола действительно существовала у нас одно время. Вы знаете, что ЦКК и ее организациям удалось предотвратить опасность раскола. Но теперь у нас нет больше опасности раскола. Но зато у нас имеется теперь настоятельная необходимость такой организации, которая могла бы сосредоточить главное свое внимание на работе по проверке исполнения решений партии и ее Центрального комитета. Такой организацией может быть только Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б), работающая по заданиям партии и ее ЦК и имеющая на местах независимых от местных организаций представителей. Понятно, что такая ответственная организация должна иметь большой авторитет. А чтобы она имела достаточный авторитет и чтобы она могла привлекать к ответственности любого провинившегося ответственного работника, в том числе и членов ЦК, — необходимо, чтобы членов этой Комиссии мог выбирать и смещать лишь высший орган партии — съезд партии. Не может быть сомнения, что такая организация будет вполне способна обеспечить контроль над исполнением решений центральных органов партии и укрепить партийную дисциплину.

Так обстоит дело с вопросами организационного руководства.

Наши задачи в области организационной работы:

1) Подгонять и впредь нашу организационную работу к требованиям политической линии партии;

2) Поднять организационное руководство до уровня политического руководства;

3) Добиться того, чтобы организационное руководство полностью обеспечивало проведение в жизнь политических лозунгов и решений партии.

Я кончаю, товарищи, отчетный доклад.

Какие следуют из него выводы?

Теперь уже все признают, что наши успехи велики и необычайны. Страна переведена в сравнительно короткий срок на рельсы индустриализации и коллективизации. С успехом осуществлена первая пятилетка. Это рождает чувство гордости и укрепляет веру в свои силы у наших работников. Это, конечно, хорошо. Но успехи имеют иногда и свою теневую сторону. Они порождают иногда некоторые опасности, которые, если дать им развиться, — могут развинтить все дело. Есть, например, опасность, что у некоторых наших товарищей может закружиться голова от таких успехов. Такие случаи бывали у нас, как известно. Есть опасность, что кое-кто из наших товарищей, опьянев от успехов, зазнается вконец и начнет убаюкивать себя хвастливыми песнями, вроде того, что „нам теперь море по колено", что „можем хоть кого шапками закидать" и т. п. Это вовсе не исключено, товарищи. Нет ничего опаснее, как подобные настроения, ибо они разоружают партию и демобилизуют ее ряды. Если такие настроения возобладают в нашей партии, мы можем оказаться перед угрозой срыва всех наших успехов. Конечно, первую пятилетку выполнили с успехом. Это верно. Но этим дело не кончается и не может кончиться, товарищи. Впереди вторая пятилетка, которую тоже надо выполнить и тоже с успехом. Вы знаете, что планы выполняются в борьбе с трудностями, в ходе преодоления трудностей. Значит, будут трудности, будет и борьба с ними. Тт. Молотов и Куйбышев доложат вам о плане второй пятилетки. Из их докладов вы увидите, какие большие трудности предстоит нам преодолеть для осуществления этого грандиозного плана. Значит не убаюкивать надо партию, — а развивать в ней бдительность, не усыплять ее, — а держать в состоянии боевой готовности, не разоружать, а вооружать, не демобилизовывать, — а держать ее в состоянии мобилизации для осуществления второй пятилетки.

Отсюда первый вывод: *не увлекаться достигнутыми успехами и не зазнаваться.*

Мы добились успехов потому, что имели правильную руководящую линию партии и сумели сорганизовать массы для проведения в жизнь этой линии. Нечего и говорить, что без этих условий мы не имели бы тех успехов, которые имеем теперь и которыми гордимся по праву. Но иметь правильную линию и

суметь провести ее в жизнь — это большая редкость в жизни правящих партий.

Посмотрите на окружающие страны: много ли вы найдете правящих партий, имеющих правильную линию и проводящих ее в жизнь? Собственно, таких партий нет теперь в мире, ибо все они живут без перспектив, путаются в хаосе кризиса и не видят путей для того, чтобы выбраться из трясины. Только наша партия знает, куда вести дело, и ведет его вперед с успехом. Чему обязана наша партия этим своим преимуществом? Тому, что она является партией марксистской, партией ленинской. Она обязана тому, что руководствуется в своей работе учением Маркса, Энгельса, Ленина. Не может быть сомнения, что пока мы остаемся верными этому учению, пока мы владеем этим компасом, — будем иметь успехи в своей работе.

Говорят, что на Западе в некоторых государствах уже уничтожен марксизм. Говорят, что его уничтожило будто бы буржуазно-националистическое течение, называемое фашизмом. Это, конечно, пустяки. Так могут говорить лишь люди, не знающие истории. Марксизм есть научное выражение коренных интересов рабочего класса. Чтобы уничтожить марксизм, надо уничтожить рабочий класс. А уничтожить рабочий класс невозможно. Более 80 лет прошло с тех пор, как марксизм выступил на арену. За это время десятки и сотни буржуазных правительств пытались уничтожить марксизм. И что же? Буржуазные правительства приходили и уходили, а марксизм оставался. *(Бурные аплодисменты.)* Более того, — марксизм добился того, что он одержал полную победу в одной шестой части света, причем добился победы в той самой стране, где марксизм считали окончательно уничтоженным. *(Бурные аплодисменты.)* Нельзя считать случайностью, что страна, где марксизм одержал полную победу, является теперь единственной страной в мире, которая не знает кризисов и безработицы, тогда как во всех остальных странах, в том числе и в странах фашизма, вот уже четыре года царят кризис и безработица. Нет, товарищи, это не случайность. *(Продолжительные аплодисменты.)*

Да, товарищи, мы обязаны своими успехами тому, что работали и боролись под знаменем Маркса, Энгельса, Ленина.

Отсюда второй вывод: *быть верными до конца великому знамени Маркса, Энгельса, Ленина. (Аплодисменты.)*

Рабочий класс СССР силен не только тем, что у него имеется испытанная в боях ленинская партия. Он силен, далее, не только тем, что имеет поддержку миллионных масс трудящихся крестьян. Он силен еще тем, что его подпирает и ему помогает мировой пролетариат. Рабочий класс СССР есть часть мирового пролета-

риата, его передовой отряд, а наша республика — детище мирового пролетариата. Не может быть сомнения, что если бы не было у него поддержки со стороны рабочего класса капиталистических стран, он не удержал бы власти в своих руках, он не обеспечил бы условий для социалистического строительства, — стало быть — у него не было бы тех успехов, которые он имеет теперь. Интернациональные связи рабочего класса СССР с рабочими капиталистических стран, братский союз рабочих СССР с рабочими всех стран, — вот один из краеугольных камней силы и могущества Республики Советов. Рабочие на Западе говорят, что рабочий класс СССР является ударной бригадой мирового пролетариата. Это очень хорошо. Это значит, что мировой пролетариат готов и впредь поддерживать рабочий класс СССР по мере сил и возможностей. Но это накладывает на нас серьезные обязанности. Это значит, что мы должны оправдать своей работой почетное звание ударной бригады пролетариев всех стран. Это обязывает нас к тому, чтобы работать лучше и бороться лучше за окончательную победу социализма в нашей стране, за победу социализма во всех странах.

Отсюда третий вывод: *быть верными до конца делу пролетарского интернационализма, делу братского союза пролетариев всех стран. (Аплодисменты.)*

Таковы выводы.

Да здравствует великое и непобедимое знамя Маркса, Энгельса, Ленина! *(Бурные, продолжительные аплодисменты всего зала. Съезд устраивает овацию товарищу Сталину. Пение „Интернационала“. По исполнении „Интернационала“ овация возобновляется с новой силой. Возгласы: „Ура Сталину“, „Да здравствует Сталин“, „Да здравствует ЦК партии“.)*

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО СЛОВА

Товарищи! Прения на съезде выявили полное единство взглядов наших партийных руководителей, можно сказать, по всем вопросам партийной политики. Возражений против отчетного доклада, как знаете, не было никаких. Выявлена, стало быть, необычайная идейно-политическая и организационная сплоченность рядов нашей партии. *(Аплодисменты.)* Спрашивается, есть ли после этого надобность в заключительном слове? Я думаю, что нет такой надобности. Разрешите мне поэтому отказаться от заключительного слова. *(Бурная овация, весь съезд встает, громовое „ура“; коллективные возгласы: „Да здравствует Сталин!“ Съезд, стоя, поет „Интернационал“. После исполнения „Интернационала“ овация возобновляется. Крики „ура!“ „Да здравствует Сталин!“ „Да здравствует ЦК!“)*

БЕСЕДА С АНГЛИЙСКИМ ПИСАТЕЛЕМ Г. Д. УЭЛЛСОМ

23 июля 1934 г.

Уэллс. Я Вам очень благодарен, м-р Сталин, за то, что Вы согласились меня принять. Я недавно был в Соединенных Штатах, имел продолжительную беседу с президентом Рузвельтом и пытался выяснить, в чем заключаются его руководящие идеи. Теперь я приехал к Вам, чтобы расспросить Вас, что Вы делаете для того, чтобы изменить мир...

Сталин. Не так уж много...

Уэллс. Я иногда брожу по белу свету и, как простой человек, смотрю, что делается вокруг меня.

Сталин. Крупные деятели, вроде Вас, не являются „простыми людьми". Конечно, только история сможет показать, насколько значителен тот или иной крупный деятель, но, во всяком случае, Вы смотрите на мир, не как „простой человек".

Уэллс. Я не собираюсь скромничать. Я имею в виду, что я стремлюсь видеть мир глазами простого человека, а не партийного политика или ответственного государственного деятеля. Моя поездка в Соединенные Штаты произвела на меня потрясающее впечатление. Рушится старый финансовый мир, перестраивается по-новому экономическая жизнь страны. Ленин в свое время сказал, что надо „учиться торговать", учиться этому у капиталистов. Ныне капиталисты должны учиться у вас постигнуть дух социализма. Мне кажется, что в Соединенных Штатах речь идет о глубокой реорганизации, о создании планового, то есть социалистического, хозяйства. Вы и Рузвельт отправляетесь от двух разных исходных точек. Но не имеется ли идейной связи, идейного родства между Вашингтоном и Москвой? Мне, например, бросилось в глаза в Вашингтоне то же, что происходит здесь: расширение управленческого аппарата, создание ряда новых го-

сударственных регулирующих органов, организация всеобъемлющей общественной службы. Так же, как и в вашей стране, им не хватает умения руководить.

Сталин. У США другая цель, чем у нас, в СССР. Та цель, которую преследуют американцы, возникла на почве экономической неурядицы, хозяйственного кризиса. Американцы хотят разделаться с кризисом на основе частно-капиталистической деятельности, не меняя экономической базы. Они стремятся свести к минимуму ту разруху, тот ущерб, которые причиняются существующей экономической системой. У нас же, как Вы знаете, на месте разрушенной старой экономической базы создана совершенно другая, новая экономическая база. Даже если те американцы, о которых Вы говорите, частично добьются своей цели, т. е. сведут к минимуму этот ущерб, то и в этом случае они не уничтожат корней той анархии, которая свойственна существующей капиталистической системе. Они сохраняют тот экономический строй, который обязательно должен приводить, не может не приводить к анархии в производстве. Таким образом, в лучшем случае речь будет идти не о перестройке общества, не об уничтожении старого общественного строя, порождающего анархию и кризисы, а об ограничении отдельных отрицательных его сторон, ограничении отдельных его эксцессов. Субъективно эти американцы может быть и думают, что перестраивают общество, но объективно нынешняя база общества сохраняется у них. Поэтому, объективно, никакой перестройки общества не получится.

Не будет и планового хозяйства. Ведь что такое плановое хозяйство, каковы некоторые его признаки? Плановое хозяйство стремится уничтожить безработицу. Допустим, что удастся, сохраняя капиталистический строй, довести безработицу до некоторого минимума. Но ведь ни один капиталист никогда и ни за что не согласится на полную ликвидацию безработицы, на уничтожение резервной армии безработных, назначение которой — давить на рынок труда, обеспечивать дешевле оплачиваемые рабочие руки. Вот Вам уже одна прореха в „плановом хозяйстве“ буржуазного общества. Плановое хозяйство предполагает, далее, что усиливается производство в тех отраслях промышленности, продукты которых особенно нужны народным массам. А Вы знаете, что расширение производства при капитализме происходит по совершенно иным мотивам, что капитал устремляется в те отрасли хозяйства, где более значительна норма прибыли. Никогда Вы не заставите капиталиста наносить самому себе ущерб и согласиться на меньшую норму прибыли, во имя удовлетворения народных нужд. Не освободившись от капиталистов, не разделав-

шись с принципом частной собственности на средства производства, Вы не создадите планового хозяйства.

Уэллс. Я согласен со многим из того, что Вы сказали. Но я хотел бы подчеркнуть, что если страна в целом приемлет принцип планового хозяйства, если правительство понемногу, шаг за шагом, начинает последовательно проводить этот принцип, то, в конечном счете, будет уничтожена финансовая олигархия и водворится социализм в том смысле, в каком его понимают в англосаксонском мире. Рузвельтовские лозунги „нового порядка“ имеют колоссальный эффект и, по моему, являются социалистическими лозунгами. Мне кажется, что вместо того, чтобы подчеркивать антагонизм между двумя мирами, надо было бы в современной обстановке стремиться установить общность языка между всеми конструктивными силами.

Сталин. Когда я говорю о невозможности осуществления принципов планового хозяйства при сохранении экономической базы капитализма, я этим ни в какой степени не хочу умалить выдающиеся личные качества Рузвельта — его инициативу, мужество, решительность. Несомненно, из всех капитанов современного капиталистического мира Рузвельт самая сильная фигура. Я поэтому хотел бы еще раз подчеркнуть, что мое убеждение в невозможности планового хозяйства в условиях капитализма вовсе не означает сомнения в личных способностях, таланте и мужестве президента Рузвельта. Но самый талантливый полководец, если обстановка ему не благоприятствует, не может добиться той цели, о которой Вы говорите. Теоретически, конечно, не исключено, что можно, в условиях капитализма, понемногу, шаг за шагом, идти к той цели, которую Вы называете социализмом в англо-саксонском толковании этого слова. Но что будет означать этот „социализм“? В лучшем случае — некоторое обуздание наиболее необузданных отдельных представителей капиталистического профита, некоторое усиление регулирующего начала в народном хозяйстве. Все это хорошо. Но как только Рузвельт или какой-либо другой капитан современного буржуазного мира захочет предпринять что-нибудь серьезное против основ капитализма, он неизбежно потерпит полную неудачу. Ведь банки не у Рузвельта, ведь промышленность не у него, ведь крупные предприятия, крупные экономии — не у него. Ведь все это является частной собственностью. И железные дороги, и торговый флот — все это в руках частных хозяев. И, наконец, армия квалифицированного труда, инженеры, техники, они ведь тоже не у Рузвельта, а у частных хозяев, они работают на них. Нельзя забывать о функциях государства в буржуазном мире. Это — институт организации обороны страны, организации охраны „порядка“,

аппарат собирания налогов. Хозяйство же в собственном смысле мало касается капиталистического государства, оно не в его руках. Наоборот, государство находится в руках капиталистического хозяйства. Поэтому, я боюсь, что Рузвельт, несмотря на всю свою энергию и способности, не добьется той цели, о которой Вы говорите, если вообще у него есть эта цель. Может быть, через несколько поколений можно было бы несколько приблизиться к этой цели, но я лично считаю и это маловероятным.

Уэллс. Я, быть может, сильнее, чем Вы, верю в экономическую интерпретацию политики. Благодаря изобретениям и современной науке приведены в действие громадные силы, ведущие к лучшей организации, к лучшему функционированию человеческого коллектива, т. е. к социализму. Организация и регулирование индивидуальных действий стали механической необходимостью, независимо от социальных теорий. Если начать с государственного контроля над банками, затем перейти к контролю над транспортом, над тяжелой промышленностью, над промышленностью вообще, над торговлей и т. д., то такой всеобъемлющий контроль будет равносилен государственной собственности на все отрасли народного хозяйства. Это и будет процессом социализации. Ведь социализм, с одной стороны, и индивидуализм — с другой, не являются такими же антиподами, как черное и белое. Между ними имеется много промежуточных стадий. Имеется индивидуализм, граничащий с бандитизмом, и имеется дисциплинированность и организованность, равносильная социализму. Осуществление планового хозяйства зависит в значительной степени от организаторов хозяйства, от квалифицированной технической интеллигенции, которую можно, шаг за шагом, завоевать на сторону социалистических принципов организации. А это самое главное. Ибо, — сначала организация, затем социализм. Организация является наиболее важным фактором. Без организации, идея социализма — всего лишь идея.

Сталин. Непримиримого контраста между индивидуумом и коллективом, между интересами отдельной личности и интересами коллектива не имеется, не должно быть. Его не должно быть, так как коллективизм, социализм не отрицает, а совмещает индивидуальные интересы с интересами коллектива. Социализм не может отвлекаться от индивидуальных интересов. Дать наиболее полное удовлетворение этим личным интересам может только социалистическое общество. Более того, — социалистическое общество представляет единственно прочную гарантию охраны интересов личности. В этом смысле непримиримого контраста между „индивидуализмом“ и социализмом нет. Но разве можно отрицать контраст между классами, между классом имущих, классом капиталистов, и классом трудящихся, классом пролетариев? С одной

стороны, — класс имущих, в руках которых банки, заводы, рудники, транспорт, плантации в колониях. Эти люди не видят ничего, кроме своего интереса, своего стремления к прибыли. Они не подчиняются воле коллектива, они стремятся подчинить любой коллектив своей воле. С другой стороны, — класс бедных, класс эксплоатируемых, у которых нет ни фабрик, ни заводов, ни банков, которые вынуждены жить продажей своей рабочей силы капиталистам и которые лишены возможности удовлетворить свои самые элементарные потребности. Как можно примирить такие противоположные интересы и устремления? Насколько я знаю, Рузвельту не удалось найти путь к примирению этих интересов. Да это и невозможно, как говорит опыт. Впрочем, Вы знакомы с положением в Соединенных Штатах лучше, чем я, так как я в США не бывал и слежу за американскими делами преимущественно по литературе. Но у меня есть кое-какой опыт по части борьбы за социализм, и этот опыт говорит мне: если Рузвельт попытается действительно удовлетворить интересы класса пролетариев за счет класса капиталистов, последние заменят его другим президентом. Капиталисты скажут: президенты уходят и приходят, а мы, капиталисты, остаемся; если тот или иной президент не отстаивает наших интересов, найдем другого. Что может противопоставить президент воле класса капиталистов?

Уэллс. Я возражаю против этой упрощенной классификации человечества на бедных и богатых. Конечно, есть категория людей, стремящихся исключительно к наживе. Но разве этих людей не считают точно так же, как и здесь, помехой? Разве на Западе мало людей, для которых нажива не цель, которые обладают известными средствами, хотят их инвестировать, получают от этого прибыль, но совсем не в этом видят цель своей деятельности? Эти люди рассматривают инвестирование средств, как неудобную необходимость. Разве мало талантливых и преданных инженеров, организаторов хозяйства, деятельность которых движется стимулами совсем иными, чем нажива? По моему, имеется многочисленный класс попросту способных людей, сознающих неудовлетворительность нынешней системы и призванных сыграть большую роль в будущем, социалистическом обществе. Я много занимался последние годы и много думал о необходимости пропаганды идей социализма и космополитизма в широких кругах инженеров, летчиков, в военно-технических кругах и т. д. Подходить к этим кругам с прямолинейной пропагандой классовой борьбы — бесцельно. Это круги, понимающие, в каком состоянии находится мир, превращающийся в кровавое болото, но эти круги считают ваш примитивный антагонизм классовой борьбы нонсенсом.

Сталин. Вы возражаете против упрощенной классификации людей на богатых и бедных. Конечно, есть средние слои, есть и та техническая интеллигенция, о которой Вы говорите, и в среде которой есть очень хорошие, очень честные люди. Есть в этой среде и нечестные, злые люди. Всякие есть. Но, прежде всего, человеческое общество делится на богатых и бедных, на имущих и эксплоатируемых, и отвлечься от этого основного деления и от противоречия между бедными и богатыми — значит отвлечься от основного факта. Я не отрицаю наличия промежуточных средних слоев, которые либо становятся на сторону одного из этих двух борющихся между собой классов, либо занимают в этой борьбе нейтральную или полу-нейтральную позицию. Но, повторяю, отвлечься от этого основного деления общества и этой основной борьбы между двумя основными классами — значит игнорировать факты. Эта борьба идет и будет идти. Исход этой борьбы решается классом пролетариев, классом работающих.

Уэллс. Но разве мало не-бедных людей, которые работают, и работают продуктивно?

Сталин. Конечно, имеются и мелкие землевладельцы, ремесленники, мелкие торговцы, но не эти люди определяют судьбы стран, а те трудящиеся массы, которые производят все необходимое для общества.

Уэллс. Но ведь имеются очень различные капиталисты. Имеются такие, которые только думают о профите, о наживе, имеются и такие, которые готовы на жертвы. Например — старый Морган: этот думал только о наживе, он был попросту паразитом на теле общества, он лишь аккумулировал в своих руках богатства. Но вот возьмите Рокфеллера: он блестящий организатор, он дал пример организации сбыта нефти, достойный подражания. Или Форд: конечно, Форд себе на уме, он эгоистичен; но не является ли он страстным организатором рационального производства, у которого и вы учитесь? — Я хотел бы подчеркнуть, что за последнее время в англо-саксонских странах произошел по отношению к СССР серьезный перелом в общественном мнении. Причиной этому является, в первую очередь, позиция Японии и события в Германии. Но есть и другие причины, не вытекающие из одной только международной политики. Есть причина более глубокая: осознание широкими кругами того факта, что система, покоящаяся на частной наживе, рушится. И в этих условиях, мне кажется, что надо не выпячивать антагонизм между двумя мирами, а стремиться сочетать все конструктивные движения, все конструктивные силы, в максимально возможной степени. Мне кажется, что я левее Вас, м-р Сталин, что я считаю, что мир уже ближе подошел к изжитию старой системы.

Сталин. Когда я говорю о капиталистах, которые стремятся лишь к профиту, к наживе, я этим вовсе не хочу сказать, что это — последние люди, ни на что иное не способные. У многих из них имеются несомненно крупные организаторские способности, которые я и не думаю отрицать. Мы, советские люди, многому у капиталистов учимся. И Морган, которому Вы даете такую отрицательную характеристику, являлся, безусловно, хорошим, способным организатором. Но если Вы говорите о людях, готовых реконструктировать мир, то их, конечно, нельзя найти в среде тех, которые верой и правдой служат делу наживы. Мы и эти люди находимся на противоположных полюсах. Вы говорите о Форде. Конечно, он способный организатор производства. Но разве Вам неизвестно его отношение к рабочему классу, разве Вы не знаете, сколько рабочих он зря выбрасывает на улицу? Капиталист прикован к профиту, его никакими силами оторвать от него нельзя. И капитализм будет уничтожен не „организаторами" производства, не технической интеллигенцией, а рабочим классом, ибо эта прослойка не играет самостоятельной роли. Ведь инженер, организатор производства работает не так, как он хотел бы, а так, как ему прикажут, как велит интерес хозяина. Есть, конечно, исключения, есть люди из этой прослойки, которые освободились от дурмана капитализма. Техническая интеллигенция может, в определенных условиях, творить „чудеса", приносить человечеству громадную пользу. Но она же может приносить и большой вред. Мы, советские люди, имеем свой не малый опыт с технической интеллигенцией. После Октябрьской революции определенная часть технической интеллигенции не захотела участвовать в строительстве нового общества, противилась этому строительству, саботировала его. Мы всячески стремились включить техническую интеллигенцию в это строительство, подходили к ней и так, и этак. Прошло не мало времени, прежде чем наша техническая интеллигенция стала на путь активной помощи новому строю. Ныне лучшая ее часть — в первых рядах строительства социалистического общества. Мы, имея этот опыт, далеки от недооценки как положительных, так и отрицательных сторон технической интеллигенции, и мы знаем, что она может и повредить, и творить „чудеса". Конечно, дело обстояло бы иначе, если можно было бы единым ударом оторвать духовно техническую интеллигенцию от капиталистического мира. Но это утопия. Разве много найдется людей из технической интеллигенции, которые решатся порвать с буржуазным миром и взяться за реконструкцию общества? Как по Вашему, много ли есть таких людей, скажем, в Англии, во Франции? Нет, мало имеется охотников порвать со своими хозяевами и начать реконструкцию мира!

Кроме того, разве можно упускать из виду, что для того,

чтобы переделать мир, надо иметь *власть?* Мне кажется, г-н Уэллс, что Вы сильно недооцениваете вопрос о власти, что он вообще выпадает из Вашей концепции. Ведь что могут сделать люди даже с наилучшими намерениями, если они неспособны поставить вопрос о взятии власти и не имеют в руках власти? Они могут, в лучшем случае, оказать содействие тому новому классу, который возьмет власть, но сами перевернуть мир они не могут. Для этого требуется большой класс, который заменил бы класс капиталистов и стал бы таким же полновластным хозяином, как он. Таким классом является рабочий класс. Конечно, надо принять помощь технической интеллигенции и надо, в свою очередь, оказать ей помощь. Но не надо думать, что она, техническая интеллигенция, может сыграть самостоятельную историческую роль. Переделка мира есть большой, сложный и мучительный процесс. Для этого большого дела требуется большой класс. Большому кораблю — большое плавание.

Уэллс. Да, но для большого плавания требуются капитан и навигатор.

Сталин. Верно, но для большого плавания требуется прежде всего большой корабль. Что такое навигатор без корабля? Человек без дела.

Уэллс. Большой корабль — это человечество, а не класс.

Сталин. Вы, г-н Уэллс, исходите, как видно, из предпосылки, что все люди добры. А я не забываю, что имеется много злых людей. Я не верю в доброту буржуазии.

Уэллс. Я припоминаю, как обстояло дело с технической интеллигенцией несколько десятилетий тому назад. Тогда технической интеллигенции было мало, зато дела было много и каждый инженер, техник, интеллигент находил применение своим знаниям. Поэтому, это был наименее революционный класс. Ныне же наблюдается избыток технической интеллигенции, и настроение ее круто изменилось. Квалифицированный интеллигент, который ранее никогда не стал бы даже прислушиваться к революционным разговорам, теперь очень ими интересуется. Недавно я был приглашен на обед Королевского Общества, нашего крупнейшего английского научного общества. Речь председателя была речью в пользу социального планирования и научного управления. Лет тридцать тому назад там не стали бы даже слушать того, что я говорю. А теперь во главе этого общества стоит человек с революционными взглядами, настаивающий на научной реорганизации человеческого общества. Ваша пропаганда классовой борьбы не посчиталась с этими фактами. Настроения меняются.

Сталин. Да, я это знаю, и объясняется это тем, что капиталистическое общество находится теперь в тупике. Капиталисты

ищут и не могут найти такого выхода из этого тупика, который был бы совместим с достоинством этого класса, с интересами этого класса. Они могут частично выкарабкаться из кризиса на четвереньках, но такого выхода, через который они могли бы выйти с высоко поднятой головой, который не нарушал бы в корне интересов капитализма, они найти не могут. Это, конечно, чувствуют широкие круги технической интеллигенции. Значительная часть ее начинает осознавать общность интересов с тем классом, который способен указать выход из тупика.

Уэллс. Вы, м-р Сталин, лучше, чем кто-либо иной, знаете, что такое революция, и притом на практике. Восстают ли когда-либо массы сами? Не считаете ли Вы установленной истиной тот факт, что все революции делаются меньшинством?

Сталин. Для революции требуется ведущее революционное меньшинство, но самое талантливое, преданное и энергичное меньшинство будет беспомощно, если не будет опираться на хотя бы пассивную поддержку миллионов людей.

Уэллс. Хотя бы пассивную? Может быть, подсознательную?

Сталин. Частично и на полу-инстинктивную, и на полу-сознательную поддержку, но без поддержки миллионов самое лучшее меньшинство бессильно.

Уэллс. Я слежу за коммунистической пропагандой на Западе и мне кажется, что эта пропаганда в современных условиях звучит весьма старомодно, ибо она является пропагандой насильственных действий. Эта пропаганда насильственного свержения общественного строя была уместной тогда, когда речь шла о безраздельном господстве той или иной тирании. Но в современных условиях, когда господствующая система все равно рушится и без того разлагается, надо было бы делать ударение не на инсуррекции, а на эффективности, на компетентности, на производительности. Инсуррекционная нотка кажется мне устаревшей. С точки зрения конструктивно мыслящих людей, коммунистическая пропаганда на Западе представляется помехой.

Сталин. Конечно, старая система рушится, разлагается. Это верно. Но верно и то, что делаются новые потуги иными методами, всеми мерами защитить, спасти эту гибнущую систему. Из правильной констатации Вы делаете неправильный вывод. Вы правильно констатируете, что старый мир рушится. Но Вы не правы, когда думаете, что он рухнет сам собой. Нет, замена одного общественного порядка другим общественным порядком является сложным и длительным революционным процессом. Это не просто стихийный процесс, а это борьба, это процесс, связанный со столкновением классов. Капитализм сгнил, но нельзя его сравнивать просто с деревом, которое настолько сгнило, что оно само

должно упасть на землю. Нет, революция, смена одного общественного строя другим, всегда была борьбой, борьбой мучительной и жестокой, борьбой на жизнь и смерть. И всякий раз, когда люди нового мира приходили к власти, им надо было защищаться от попыток старого мира вернуть силой старый порядок, им, людям нового мира, всегда надо было быть настороже, быть готовыми дать отпор покушениям старого мира на новый порядок.

Да, Вы правы, когда говорите, что старый общественный строй рушится, но он не рухнет сам собой. Взять, например, фашизм. Фашизм есть реакционная сила, пытающаяся сохранить старый мир путем насилия. Что Вы будете делать с фашистами? Уговаривать их? Убеждать их? Но ведь это на них никак не подействует. Коммунисты вовсе не идеализируют метод насилия. Но они, коммунисты, не хотят оказаться застигнутыми врасплох, они не могут рассчитывать на то, что старый мир сам уйдет со сцены, они видят, что старый порядок защищается силой, и поэтому коммунисты говорят рабочему классу: готовьтесь ответить силой на силу, сделайте все, чтобы вас не раздавил гибнущий старый строй, не позволяйте ему наложить кандалы на ваши руки, которыми вы свергнете этот строй. Как видите, процесс смены одного общественного строя другим является для коммунистов процессом не просто стихийным и мирным, а процессом сложным, длительным и насильственным. Коммунисты не могут не считаться с фактами.

Уэллс. Но присмотритесь к тому, что происходит сейчас в капиталистическом мире. Ведь это не просто крушение строя. Это взрыв реакционного насилия, вырождающегося в прямой гангстеризм. И мне кажется, что, когда речь идет о конфликтах с этими реакционными и неумными насильниками, социалисты должны апеллировать к закону и вместо того, чтобы рассматривать полицию, как врага, поддерживать ее в борьбе с реакционерами. Мне кажется, что нельзя просто действовать методами старого, не гибкого инсуррекционного социализма.

Сталин. Коммунисты исходят из богатого исторического опыта, который учит, что отжившие классы добровольно не уходят с исторической сцены. Вспомните историю Англии XVII века. Разве не говорили многие, что сгнил старый общественный порядок? Но разве, тем не менее, не понадобился Кромвель, чтобы его добить силой?

Уэллс. Кромвель действовал опираясь на конституцию и от имени конституционного порядка.

Сталин. Во имя конституции он прибегал к насилию, казнил короля, разогнал парламент, арестовывал одних, обезглавливал других!

Но возьмем пример из нашей истории. Разве не ясно было в

течение долгого времени, что царский порядок гниет, что он рушится? Сколько крови, однако, понадобилось, чтобы его свалить!

А Октябрьская Революция? Разве мало было людей, которые знали, что только мы, большевики, указываем единственно правильный выход? Разве непонятно было, что сгнил русский капитализм? Но Вы знаете, как велико было сопротивление, сколько крови было пролито, чтобы отстоять Октябрьскую Революцию от всех врагов, внутренних и внешних?

Или возьмем Францию конца XVIII века. Задолго до 1789 года было ясно многим, насколько прогнили королевская власть, крепостные порядки. Но не обошлось, не могло обойтись без народного восстания, без столкновения классов.

В чем же дело? Дело в том, что классы, которые должны сойти с исторической сцены, последними убеждаются в том, что их роль окончена. Убедить их в этом невозможно. Им кажется, что трещины в прогнившем здании старого строя можно заделать, что можно отремонтировать и спасти рушащееся здание старого порядка. Поэтому гибнущие классы берут в руки оружие и всеми средствами начинают отстаивать свое существование, как господствующего класса.

Уэллс. Но во главе Великой Французской Революции стояло не мало адвокатов.

Сталин. Разве Вы отрицаете роль интеллигенции в революционных движениях? Разве Великая Французская Революция была адвокатской революцией, а не революцией народной, которая победила, подняв громадные народные массы против феодализма и отстаивая интересы третьего сословия? И разве адвокаты из числа вождей Великой Французской Революции действовали по законам старого порядка, разве не ввели они новую, буржуазную революционную законность?

Богатый исторический опыт учит, что добровольно до сих пор ни один класс не уступал дорогу другому классу. Нет такого прецедента в мировой истории. И коммунисты усвоили этот исторический опыт. Коммунисты приветствовали бы добровольный уход буржуазии. Но такой оборот дел невероятен, как говорит опыт. Поэтому коммунисты хотят быть готовыми к худшему и призывают рабочий класс к бдительности, к боевой готовности. Кому нужен полководец, усыпляющий бдительность своей армии, полководец, не понимающий, что противник не сдастся, что его надо добить? Быть таким полководцем значит обманывать, предавать рабочий класс. Вот почему я думаю, что то, что кажется Вам старомодным, на самом деле является мерой революционной целесообразности для рабочего класса.

Уэллс. Я вовсе не отрицаю необходимости насилия, но

считаю, что формы борьбы должны быть максимально близки к тем возможностям, которые даются существующими законами, которые надо защищать от реакционных покушений. Старый порядок не надо дезорганизовать уже потому, что он в достаточной степени сам дезорганизуется. Именно поэтому мне кажется, что борьба против порядка, против закона, есть нечто устаревшее, старомодное. Впрочем, я нарочно утрирую, чтобы ярче выявить истину. Я могу сформулировать свою точку зрения следующим образом: во-первых, я за порядок; во-вторых, я нападаю на существующую систему, поскольку она не обеспечивает порядка; в-третьих, я считаю, что пропаганда идей классовой борьбы может изолировать от социализма как раз те образованные круги, которые нужны для социализма.

Сталин. Чтобы совершить большое, серьезное общественное дело, нужно, чтобы была налицо главная сила, опора, революционный класс. Нужно, далее, чтобы была организована помощь этой главной силе со стороны вспомогательной силы, которой является в данном случае партия, куда войдут и лучшие силы интеллигенции. Вы только что говорили об „образованных кругах". Но каких образованных людей Вы имели в виду? Разве мало было образованных людей на стороне старого порядка и в XVII веке в Англии, и в конце XVIII века во Франции, и в эпоху Октябрьской Революции в России? Старый строй имел на своей стороне, на своей службе много высокообразованных людей, которые защищали старый строй, которые шли против нового строя. Ведь образование — это оружие, эффект которого зависит от того, кто его держит в своих руках, кого этим оружием хотят ударить. Конечно, пролетариату, социализму нужны высокообразованные люди. Ведь ясно, что не олухи царя небесного могут помогать пролетариату бороться за социализм, строить новое общество. Роль интеллигенции я не недооцениваю, ее роль я, наоборот, подчеркиваю. Дело только в том, о какой интеллигенции идет речь, ибо интеллигенты бывают разные.

Уэллс. Не может быть революции без коренного изменения в системе народного образования. Достаточно привести два примера: пример германской республики, не тронувшей старой системы образования и поэтому не ставшей никогда республикой, и пример английской лейбористской партии, у которой не хватает решимости настоять на коренном изменении системы народного просвещения.

Сталин. Это правильное замечание.

Позвольте теперь ответить на Ваши три пункта.

Во-первых, главное для революции — это наличие социальной опоры. Этой опорой для революции является рабочий класс.

Во-вторых, необходима вспомогательная сила, то, что называется у коммунистов партией. Сюда войдут и интеллигентные рабочие и те элементы из технической интеллигенции, которые тесно связаны с рабочим классом. Интеллигенция может быть сильна, только если соединится с рабочим классом. Если она идет против рабочего класса, она превращается в ничто.

В-третьих, нужна власть, как рычаг преобразования. Новая власть создает новую законность, новый порядок, который является революционным порядком.

Я стою не за всякий порядок. Я стою за такой порядок, который соответствует интересам рабочего класса. Если же некоторые законы старого строя могут быть использованы в интересах борьбы за новый порядок, то следует использовать и старую законность. Против Вашего положения о том, что надо нападать на существующую систему, поскольку она не обеспечивает необходимого для народа порядка, я ничего возразить не могу.

И, наконец, Вы неправы, если думаете, что коммунисты влюблены в насилие. Они бы с удовольствием отказались от метода насилия, если бы господствующие классы согласились уступить место рабочему классу. Но опыт истории говорит против такого предположения.

Уэллс. В истории Англии, однако, был пример добровольной передачи власти одним классом другому. В период между 1830 и 1870 гг. произошел, без всякой ожесточенной борьбы, процесс добровольного перехода власти от аристократии, влияние которой к концу XVIII века было еще очень велико, к буржуазии, которая являлась сантиментальной опорой монархии. Этот переход власти привел в дальнейшем к установлению господства финансовой олигархии.

Сталин. Но Вы незаметно перешли от вопросов революции к вопросам реформы. Это не одно и то же. Не думаете ли Вы, что большую роль в деле реформ в Англии в XIX веке сыграло чартистское движение?

Уэллс. Чартисты мало что сделали и исчезли бесследно.

Сталин. Я с Вами не согласен. Чартисты и организованное ими забастовочное движение сыграли большую роль, заставили господствующие классы пойти на ряд уступок в области избирательной системы, в области ликвидации, так называемых, „гнилых местечек“, осуществления некоторых пунктов „хартии“. Чартизм сыграл свою не малую историческую роль и побудил одну часть господствующих классов пойти на некоторые уступки, на реформы, во имя избежания больших потрясений. Вообще, надо сказать, что из всех господствующих классов господствующие

классы Англии, и аристократия, и буржуазия, оказались наиболее умными, наиболее гибкими с точки зрения своих классовых интересов, с точки зрения сохранения своей власти. Возьмем пример хотя бы из современной истории: всеобщую забастовку 1926 года в Англии. Любая буржуазия, перед лицом этих событий, когда генеральный совет тред-юнионов призвал к забастовке, прежде всего арестовала бы лидеров тред-юнионов. Английская буржуазия этого не сделала и поступила умно, с точки зрения своих интересов. Ни в США, ни в Германии, ни во Франции я не мыслю себе подобной гибкой классовой стратегии со стороны буржуазии. В интересах утверждения своего господства, господствующие классы Англии никогда не зарекались от мелких уступок, от реформ. Но было бы ошибочно думать, что эти реформы представляют революцию.

Уэллс. Вы более высокого мнения о господствующих классах моей страны, чем я. Но велика ли вообще разница между малой революцией и большой реформой, не являются ли реформы малой революцией?

Сталин. В результате напора снизу, напора масс, буржуазия иногда может итти на те или иные частичные реформы, оставаясь на базе существующего общественно-экономического строя. Поступая так, она считает, что эти уступки необходимы в интересах сохранения своего классового господства. В этом суть реформ. Революция же означает переход власти от одного класса к другому. Поэтому нельзя называть какую бы то ни было реформу революцией. Вот почему не приходится рассчитывать на то, чтобы смена общественных строев могла произойти в порядке незаметного перехода от одного строя к другому путем реформ, путем уступок господствующего класса.

Уэллс. Я Вам очень благодарен за эту беседу, имеющую для меня громадное значение. Давая мне Ваши разъяснения, Вы, наверное, вспомнили о том, как в подпольных дореволюционных кружках Вам приходилось объяснять основы социализма. В настоящее время во всем мире имеются только две личности, к мнению, к каждому слову которых прислушиваются миллионы: Вы и Рузвельт. Другие могут проповедывать сколько угодно, их не станут ни печатать, ни слушать. Я еще не могу оценить то, что сделано в Вашей стране, в которую я прибыл лишь вчера. Но я видел уже счастливые лица здоровых людей, и я знаю, что у Вас делается нечто очень значительное. Контраст по сравнению с 1920 годом поразительный.

Сталин. Можно было бы сделать еще больше, если бы мы, большевики, были поумнее.

Уэллс. Нет, если бы вообще умнее были человеческие суще-

ства. Не мешало бы выдумать пятилетку по реконструкции человеческого мозга, которому явно не хватает многих частиц, необходимых для совершенного социального порядка. *(Смех.)*

Сталин. Не собираетесь ли побывать на съезде Союза советских писателей?

Уэллс. К сожалению, у меня имеются разные обязательства, и я смогу остаться в СССР только неделю. Я приехал, чтобы встретиться с Вами, и я глубоко удовлетворен нашей беседой. Но я собираюсь говорить с теми советскими писателями, с которыми я смогу встретиться, о возможности их вступления в Пен-Клуб. Это международная организация писателей, основанная Голсуорси, после смерти которого я стал председателем. Организация эта еще слабая, но все же имеет секции во многих странах и, что еще важнее, выступления ее членов широко освещаются в печати. Эта организация настаивает на праве свободного выражения всех мнений, включая оппозиционных. Я рассчитываю поговорить на эту тему с Максимом Горьким. Однако, я не знаю, может ли здесь быть предоставлена такая широкая свобода.

Сталин. Это называется у нас, у большевиков, „самокритикой". Она широко применяется в СССР.

Если у вас имеются какие-либо пожелания, я Вам охотно помогу.

Уэллс. Благодарит.

Сталин. Благодарит за беседу.

Записал *К. Уманский.*

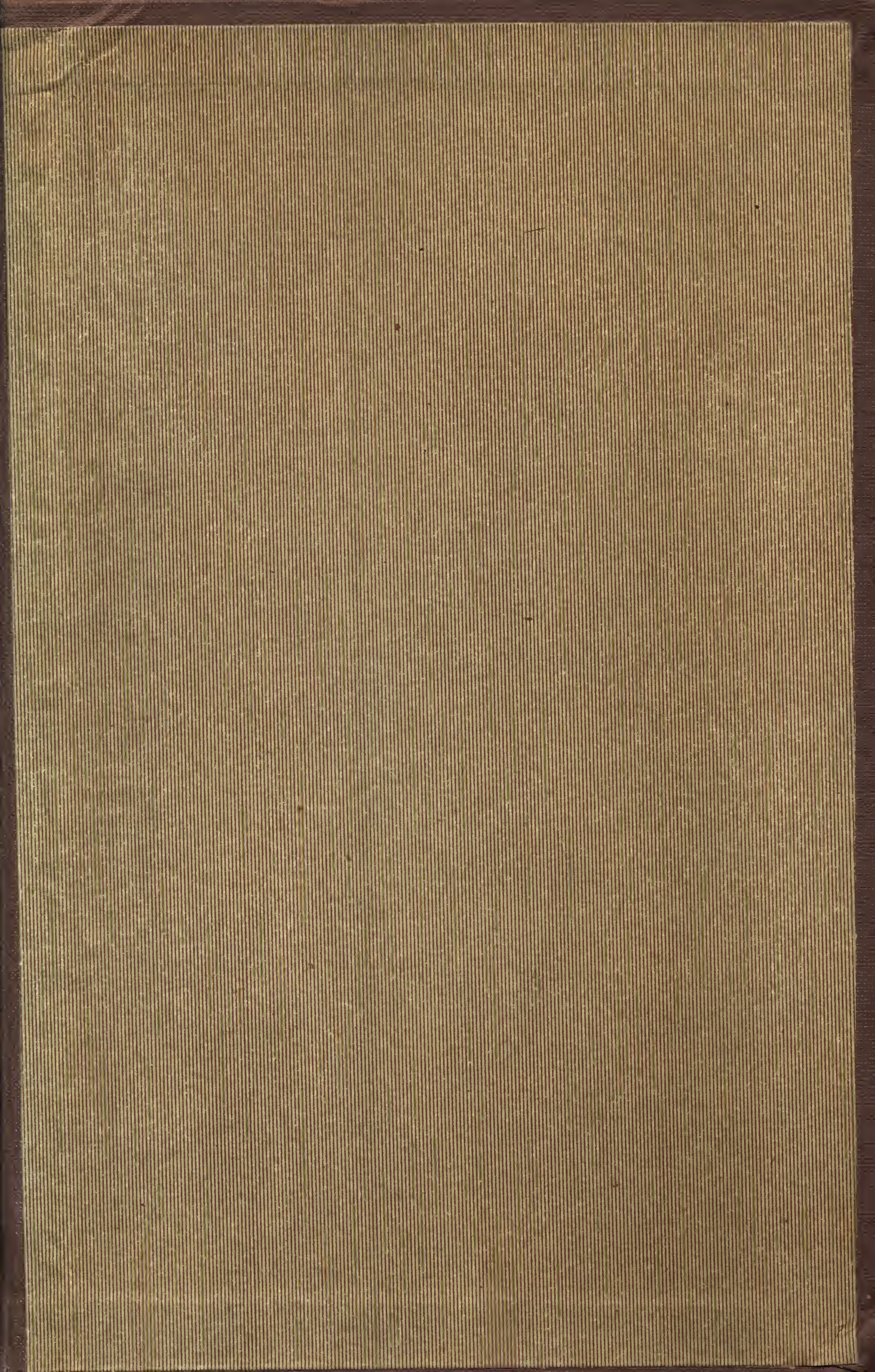
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Корректор *Я. Л. Кононович.*
Художник издания *Н. А. Седельников.*
Технический редактор *М. К. Пиотрович.*
Подписано к печати с матриц 3/VI-1935 г.
Уполномочен. Главлита № Б-7361. Партиздат № 165 Зак. № 1862.
Формат бумаги 62 × 94 1/16 (86 400 п. зн. в 1 бум. листе).
41 3/4 п. л. 20 7/8 бум. листов.
Тираж 2 400 000 экз. (2 301—2 400 тысяча).
Текст отпечатан на бумаге ф-ки им. Менжинского.

1-я Образцовая типография Огиза РСФСР треста „Полиграфкнига".
Москва, Валовая, 28.

30

3 руб.
Пер. 1 руб.

И. СТАЛИН

ВОПРОСЫ

ЛЕНИНИЗМА